

Государственное научное учреждение
«ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
Национальной академии наук Беларуси»

Довгирдовские чтения III:
**ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ**

Материалы
международной научной конференции
г. Минск, 26–27 апреля 2012 г.

Минск
«Право и экономика»
2012

УДК 1 + 316,42: 316.7] (063)

ББК 87.3

Д 58

Научный редакционный совет:

Т. И. Адуло, А. А. Лазаревич, Н. Е. Захарова,
Н. А. Лазаревич, Н. А. Никонович, Т. Е. Новицкая,
Ю. П. Середа

Рецензенты:

член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор философских наук Л. Ф. Евменов,
доктор философских наук А. И. Осипов

Д58

Довгирдовские чтения III: философская антропология и социальная философия. Материалы международной научной конференции, г. Минск, 26–27 апреля 2012 г. – Минск: Право и экономика, 2012. – 628 с.

ISBN 978-985-552-155-7.

Сборник содержит доклады и тезисы докладов, сделанных на международной научной конференции «Довгирдовские чтения III: философская антропология и социальная философия», состоявшейся 26–27 апреля 2012 г. в Институте философии Национальной академии наук Беларуси. Предназначен для ученых социально-гуманитарного профиля, теоретиков в области социальной философии и философской антропологии, педагогов системы высшего и среднего образования, аспирантов, магистрантов и студентов, а также для всех тех, кто интересуется актуальными проблемами и перспективами человека, общества, духовной культуры и социально-гуманитарного познания в условиях инновационного развития современного общества.

УДК 1 + 316,42: 316.7] (063)

ББК 87.3

ISBN 978-985-552-155-7

© ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2012

© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Філасофскія даследаванні – на ўзровень патрабаванняў часу. Выступленне акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных наук і мастацтваў НАН Беларусі А.А. Кавалені перад удзельнікамі Трэціх Доўгірдаўскіх чытанняў.....	14
1. ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	18
Е.М. Бабосов. Проблема человека – сущностное ядро социальной философии	18
Д.И. Широков. Синтез гуманитарного и естественнонаучного знания как условие эффективности социального прогнозирования	30
П.Г. Никитенко. Ноосферная экономика – планетарный проект гармоничного развития человечества	33
В.Ф. Медведев. О влиянии глобализации на интеграцию и реализацию национального суверенитета	60
В.К. Савченко. Человек и его проблемы в эпоху геномики и глобализации.....	67
А.В. Кильчевский, Е.А. Сычёва. Развитие геномных исследований в Беларуси	71
А.В. Кильчевский, С.Е. Дромашко, Е.Н. Макеева. Национальная система контроля генно-инженерной деятельности	81
И.В. Котляров. Моделирование политической реальности (теоретические и методологические аспекты)	92
Л.А. Сосновский, А.А. Лазаревич, Е.С. Таранова. Человек и общество с позиций трибофатической концепции качества жизни	97
А.Г. Тиковенко. К вопросу о ценностном критерии законотворческой деятельности.....	103
В.А. Максимович. Традиция в социокультурной динамике современности	108
А.И. Лойко. Патернализм и разрушение солидарности поколений.....	117
Т.И. Адуло. Проблемы философского постижения человеческой истории.....	120
Ю.Г. Тамбиянц. Некоторые проблемы современной социальной философии: "открытое общество" и "закрытое общество" в исторической перспективе	140
2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ И ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	144
В.К. Лукашевич. Научный поиск как креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания: формы и тенденции	144
Э.М. Сороко. Метаквантовая парадигма познания и проектирования сложноструктурированных систем: закон развития меры как закон степеней	147
К.К. Колин, А.Д. Урсул. Информационный подход в изучении проблем философской антропологии и развития культуры в информационном обществе.....	157
Ф.С. Приходько. О классической научной парадигме и ее влиянии на общественную практику.....	160

И.П. Мамыкин. К вопросу о формировании новых научных направлений: традиции и перспективы	162
О.А. Дольская. Трансдисциплинарность в контексте трансформационных процессов философского воспроизведения	165
Ю.В. Каркин. Исторические аспекты развития философского знания.....	167
Н.Ф. Свобода, О.В. Фадеева. Философия и задачи гуманитаризации	170
О.А. Романов. К вопросу определения границ предметного поля философии истории	173
В.В. Шконда, А.В. Кальянов. Синергетика в современном обществе.....	176
П.Ю. Молчанов. Методологические проблемы моделирования общественных и антропологических процессов XXI века.....	179
Е.А. Рудко. Социальная философия и социология: взаимосвязь и взаимовлияние	182
В.А. Казакова. Критика натурализации социального знания: поиск познающего субъекта.....	185
А.С. Червинский. Социозкологические понятия как объект философско-методологической интерпретации	188
А.А. Тесля. "Неклассический основоположник": социология знания Макса Шелера.....	190
Т.М. Тузова. Философия сознания в контексте анализа специфики теории и методологии гуманитарного познания.....	193
Е.А. Алексеева. Структурный анализ и современная философская антропология.....	202
Д.В. Ермолович. Императивная "чистота" категории "человек".....	205
А.І. Бабко. Чалавек і свет у сучасним натуралізмі: спроба абґрунтування дьялагічної альтэрнативы	209
А.Н. Бардушко. Аксиологический поворот в постпозитивизме	211
А.Б. Демидов. Аксиология бесперспективна.....	214
Н.Г. Севостьянова. Проективная методология в антропологии всеединства	217
Н.А. Никонович. Методология современного религиоведения и проблема синтеза парадигм	221
Е.А. Жмодикова. Маргинальность – проблема определения понятия.....	224
А.А. Спектор . Генетическое знание и его этические аспекты	227
В.А. Еровенко. Философско-математическое знание в формировании креативного потенциала когнитивно-образовательного пространства	230
Т.А. Капитонова. Принципы построения информационных технологий, способствующих развитию креативного потенциала личности.....	233
А.Н. Спасков. Космологическое и антропологическое измерения времени.....	236
В.И. Павлюкевич. Модальная интерпретация семантических типов формул классической логики высказываний.....	242

Л.А. Киселёва. Диссертация – достояние научного сообщества и важнейший фактор инновационной экономики	245
3. ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ И ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	250
Л.Г. Титаренко, Д.А. Широканов. Качество здоровья как ценностная дилемма современного человека	250
О.П. Пунченко. Самоидентификация субъекта в пространстве социализации	255
Т.П. Короткая. Некоторые аспекты понятия духовность	258
А.А. Легчилин, О.В. Новикова. Цивилизационно-культурная идентичность человека как социально-философская проблема	261
Е.А. Шилина. Этические и философские компоненты в социальной динамике самости	264
З.Я. Капустина. Ценностные дилеммы современного человека	268
З.С. Курбыко, А.В. Позняк. Утверждение гуманистических приоритетов в мировоззрении современного человека	271
Н.Н. Мельник. Современная трактовка действия индивида	273
Л.М. Богатова. Антропологическая "многомерность" в ситуации постмодерна.....	276
Н.Е. Шилина. Проблема развития личности в информационном обществе.....	279
Е.Г. Наумова. Проблема личностного выбора в социуме переходного типа	282
Т.М. Тузова . Эмоция в контексте анализа проблемы личностного выбора.....	286
С.А. Азардович. Творчество как условие формирования свободной личности.....	289
О.А. Павловская. Духовно-нравственное развитие личности в контексте обеспечения национальной безопасности	292
Н.К. Эйнгорн. Антроподицея: постановка проблемы, напоминание и призыв к человеческому в человеке	298
Е.В. Беляева. Методики развития культуры морального выбора	301
Е.Ю. Смыкова. Образовательный капитал: особенности измерения и интерпретации.....	304
Е.А. Соловьёв. Образовательный плюрализм в условиях неопределенности	307
Д.П. Рыбка. Самообразование и самовоспитание как идеологическая основа творческого саморазвития личности руководителя	310
О.Л. Сташкевич. Неклассическое образование как синтез традиционных и инновационных моделей образовательной деятельности.....	312
Н.В. Вепринцев, А.А. Метто. Инновационные решения подготовки специалистов высшей школы с использованием новейших технологий	315
Р.Т. Вольвачёв. Интеллектуально-математическая составляющая в образовании студентов, обучающихся по специальности "социальная работа"	318
А.А. Ищенко. О проявлениях нетерпимости в интернациональной образовательной среде.....	321

Е.В. Резанова. Источники социального капитала молодежи в системе общественных отношений	323
А.Г. Волнистый. Ценностные ориентации современного человека.....	326
Л.С. Вечер. Жизненные ценности и смыслы или проблема экзистенциального "я" в развитии молодежи	328
О.Н. Кириллова. Социально-психологическая оценка ценностных ориентаций современных старшеклассников	331
К.В. Дабижа, Н.А. Бочарникова. Ценностные ориентации современной молодежи на примере Забайкальского государственного университета.....	334
Е.С. Бабосова. Социокультурная адаптация белорусской молодежи в условиях глобализации	336
А.И. Лукашов, О.Г. Лукашова. К вопросу о состоянии и динамике молодежной делинквентности в Беларуси.....	338
Д.Г. Доброродный. Проблема психоэмоциональной деформации личности в условиях глобальной экологической нестабильности.....	342
О.Г. Лукашова. Проблемы включения молодых специалистов в рынок труда	345
И.В. Сумченко. Аксиологическое измерение справедливости: проблема интерпретации	348
Е.С. Лученкова, А.П. Мядель. Тип информационного метаболизма психики как фактор электорального поведения	350
А.М. Дубравина. Отчуждение личности в условиях виртуализации современного общества	353
В.В. Бурсевич. Механизмы отчуждения личности в современном обществе.....	357
Л.Я. Кулажанка. Сучасны антрапалагічны крызіс: хрысціянскі погляд.....	359
Н.С. Ильющенко. Самосознание как конструируемая реальность	361
А.Р. Каримов. Проблема "другого сознания" в современной философии и науке.....	364
А.Е. Михайлов. Биомедицинские технологические инновации и прогностика.....	367
Т.В. Кедрик. Модификация телесности в практиках технобиоарта.....	370
Р.Г. Баранцев. Смысл жизни – вклад в культурное наследие	373
И.Н. Дергаус. Значимость феномена смерти в жизнедеятельности человека.....	375
М.А. Балбуцкая. Многодетность в репродуктивном поведении и установках сельских женщин.....	378
Р.Н. Дождикова. Коммуникативная философия и медиа	381
А.В. Цыра . Бриколаж в структуре многомерного мышления	385
К.І. Рэмішэўскі, А.С. Койпіш. "Homo Visualis": ідэал аўтаноміі асобы і сучасныя тэндэнцыі у экраннай камунікацыі	388
А.В. Кононова-Григолец. Свет и цвет в живописи как метафоры добра и зла: история осмысления.....	391
Е.А. Цымбалюк. О роли телесности в формировании музыкальной культуры детей и юношества	395

Л.А. Шкор. Репрезентация социально-антропологических проблем в современном искусстве (на примере постановки В. Деккером "Травиаты" Дж. Верди)	398
Т.В. Габрусь. Зодческий тезаурус современного протестантского храмоздательства Беларуси.....	400
4. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ.....	404
В.Н. Калмыков. Антропологическая составляющая динамики социума	404
О.А. Шершнёва . Социально-философское осмысление трансформационных процессов XXI века.....	407
О.А. Наумович. Социальные последствия структурных трансформаций в экономике	410
И.К. Русанду. Устойчивое развитие как императив динамики социальных трансформаций.....	413
Е.А. Солодкая. Субъект-объектная структура общества и модели реализации концепции устойчивого развития.....	414
В.Т. Новиков, А.М. Бобр. Революция как форма трансформации общества.....	417
Н.Н. Жоголь. Модернизация как проблема постсоветской социальной реальности	420
И.Н. Паршутю. Коллизия модерного и постмодерного в свете теории Ю. Хабермаса	424
А.Б. Богданович, В.Н. Сергеев. К вопросу о формировании философии безопасности.....	426
С.Н. Соколова, А.А. Соколова. Философия безопасности: дефиниции, принципы и многомерная реальность.....	429
С.Е. Аваднёв. Семейные традиции и ценности как фактор формирования культуры безопасности жизнедеятельности	436
М.А. Дедюлина. Технологии и среда обитания	437
А.Л. Пушкин. Технологические риски как социальная проблема	439
В.В. Карпинский. Философско-антропологические аспекты конвергирующих технологий	442
Ю.П. Середя. "Общество индивидов": социально-философский анализ проблемы самоопределения человека в XXI веке	444
С.З. Семерник. Перспективы развития "общества потребления": антропологическое измерение	448
Н.А. Лазаревич. Социально-экологические аспекты качества жизни населения	451
И.Н. Браницкая. Диалектическое единство объективных и субъективных факторов в инновационном процессе	454
Т.В. Зайковская. Эволюция социоприродного взаимодействия как следствие возрастания экологической угрозы	457
Е.М. Николаева, М.С. Николаев. Трансформация социального локуса в обществе потребления	460

И.Ф. Габрусь. На колючих сквозняках цвишенизации.....	463
Т.Е. Новицкая. Социальное пространство Интернет-сообществ.....	465
М.В. Анцыповіч. Штодзённасць у свядомасці соцыума	468
И.Н. Ищенко. К вопросу о человеческом капитале и избыточности образования.....	472
Н.Л. Балич. Социальная идентичность: интегративный подход	474
О.В. Курбачёва. Особенности идентичности восточнославянской общности в условиях глобализации	477
В.И. Миськевич. Белорусская ментальность в контексте проблем социокультурной синергии.....	480
Н.А. Сосновская. Образ страны как консолидирующий фактор белорусского общества	483
С.В. Хамутовская. Современный белорусский гражданин: в поисках смысла жизни (социологический анализ).....	486
Э.С. Дубянецкі. Уплыў глабалізацыі на развіццё беларускай нацыянальнай культуры.....	489
Э.А. Тайсина. Интеллектуальный потенциал: исходные теоретические и методологические подходы	496
Л.Е. Лойко. Проблема сохранения интеллектуального потенциала нации для задач инновационного развития белорусского общества.....	499
Ю.С. Павицкая. Феномен образования в структуре социальной деятельности общества	501
С.О. Мазур. Соотношение глобализации с процессами вестернизации и американизации современного глобального общества	504
С.В. Голубев. Язык и мировоззрение	506
С.В. Рыбчак. Философская рефлексия культурной самобытности как самопонимание культуры	509
М.А. Дьячкова. Правовая социализация как феномен антропологии права	511
О.Н. Томюк. Антропологический тип правопонимания: герменевтический аспект.....	513
Н.Е. Захарова. Понятие оптимума в построении модели публичной политики	517
Т.В. Окунева. Философские основания формирования гражданского общества	521
Д.Н. Гончаров. Вехи эволюции понятия гражданского общества	524
Р.Н. Артебякин. Трансформационная рецессия России: социально- экономическое и культурное измерение	527
Р.М. Вабалайте. Проблемы социальной философии, исследуемые в Литве.....	533
Е.У. Байдаров. Религиозное просвещение в системе современных общественных отношений.....	536
А.С. Мансурова. Современные мировоззренческие проблемы в исламе	540

В.К. Морару. Республика Молдова в контексте современных миграционных процессов	543
С.П. Чумак. Концептуальные проблемы развития человеческого потенциала как условие устойчивого экономического развития	547
M. Bulearca, C. Popescu. Extraction level and its influence on price trend.....	551
C. Neagu, M. Bădileanu. Reorientarea ocupațională a forței de muncă românești în contextul integrării în uniunea europeană.....	559
S. Cristian, G. Luminita. Problemele mediului natural si a resurselor minerale în contemporaneitate.....	563
M. Bădileanu, C. Neagu. Definierea și analiza principalelor segmente ale competitivității sistemelor energetice	572
И.А. Червинская. Методологическое содержание проблемы антидемпингового регулирования белорусского экспорта	577
5. СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ПРОШЕДШИХ ЭПОХ	581
В.П. Оргиш. Сократ против софистов, Ницше против Сократа: концептуальные особенности идейного спора	581
В.В. Старостенко. Вопросы свободы совести в социально-философской мысли Беларуси позднего Возрождения	584
И.Б. Михеева. Просветительская и образовательная деятельность Игнация (Игнатия) Якуба Массальского: опыт историко-философской реконструкции по первоисточникам	587
Б.А. Медведев. XXI век: миссия и принципы Просвещения.....	591
Д.А. Смалякоў. Талерантнасць як аргумент рэлігійнай палеміцы ў духоўным жыцці ВКЛ 17 ст.	594
Н.И. Мушинский. Добро и зло как антропологические феномены: реминисценции Канта и Аристотеля в этике Анёла Довгирда.....	596
Л.И. Новиков. Направления социально-политической мысли в Великом княжестве Литовском	599
О.И. Давыдик. Концепция свободы Андрея Волана	603
Г.І. Клімовіч. Праблема асэнсавання дзяржаўнага будаўніцтва ў творчасці беларускіх каталіцкіх святароў.....	605
П.С. Петровский. Социальные аспекты кантовской концепции способности воображения	608
В.В. Ковальчук. Антропологический аспект свободного выбора в экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра.....	612
М.Б. Завадский. Проблема аутентичности бытия человека в философии Ч. Тейлора.....	614
Сведения об авторах	617

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек и общество – два главных объекта философских исследований. Понятно, что различные исторические эпохи, так же, как и различные философские школы, постоянно накладывали свой отпечаток на социально-философскую и философско-антропологическую проблематику, способ осмысления и конкретное видение человека и общества. И, тем не менее, за всем этим многообразием подходов и оценок, обнаруживалась иногда в явной, а чаще в закамуфлированной форме одна определяющая тенденция – все философы, несмотря на их принципиальные расхождения, жесткие диспуты и т.п. коллизии, стремились решить две главные взаимосвязанные задачи – отгадать тайну природы человека и отыскать способ обустройства общества на гуманной основе, найти некую идеальную социальную модель. Эти задачи, несмотря на многовековые неумные усилия философов, к сожалению, так и не были решены.

Пытаясь постичь тайну человека, современные философы вместе с биологами и генетиками научно осваивают «последние кирпичики» человеческого организма, добиваются до его самых глубинных уровней, в том числе доходят до разгадки жизни. Когда-то, еще в начале XX века эту проблему пытался разрешить В.И. Вернадский. Ему казалось, что, только поняв природу «живого вещества», можно будет реализовать «ноосферный проект». Современная генетика очень близко подошла к получению истинного ответа на этот непростой вопрос. Она не только «разрезала» человеческий организм на мельчайшие частицы, но и показала их подлинные свойства. Раскрыв генетический код человека, она готова уже «исправлять» его пороки и даже создавать нового человека с заранее заданными качествами. Думается, однако, что главный порок человека – его неумение, или, лучше сказать, его нежелание, жить в согласии с другими такими же, как и он сам существами, а также с природой, исключительно благодаря которой он и живет как биологический организм, никакая генетическая наука не способна устранить. Устранить этот главный порок способен только сам человек на основе гуманитарной науки, морали, воли.

Проблема гармоничного существования человека особенно обострилась на рубеже XX – XXI веков. И дело вовсе не в том, что человечество достигло критической грани – семи миллиардов. Дело в ином, хотя проблема народонаселения не снимается с повестки дня. Суть состоит в том, что, не отыскав иного, отличного от нынешнего курса, сценария общественного развития – сценария, основанного на принципах реального, а не декларированного, гуманизма, не сделав решительные шаги по пути его реализации, человечество попросту погибнет. Социальные антагонизмы XXI века захлестнут мировое сообщество, окончательно дестабилизируют и взорвут нашу планету.

Наряду с политологической, экономической, юридической, социологической науками в осмыслении путей гуманного общественного развития призвана внести свой вклад и современная философская наука. Организованная Институтом философии Национальной академии наук Беларуси международная научная конференция «Довгирдовские чтения III: философская антропология и социальная философия», состоявшаяся 26–27 апреля 2012 года, дала возможность высказаться и обменяться мнениями по самым разным аспектам жизни человека и общества представителям различных гуманитарных и естественных наук.

В процессе организации конференции и в процессе подготовки к изданию ее материалов мы не стремились унифицировать, т.е. «впрессовать» в жестко заданные рамки ни ее тематику, ни содержание докладов. Тем не менее, постарались заострить внимание на таких злободневных проблемах, как современные генетические исследования и их социогуманитарные аспекты, экономические проекты XXI века, духовное развитие человека. Естественно, не могли обойти и собственно философскую проблематику, связанную с определением дисциплинарного статуса философской антропологии и социальной философии, так же, как и будущего самой философской науки.

В заключение представляем краткую справку о А. Довгирде – белорусском мыслителе, которому посвящены наши, уже ставшие традиционными, чтения.

Белорусский философ, католический священник Анёл (Аниол) Станиславович Довгирд (02.12.1776 – 26.04.1835) родился в поместье Юрковщина Мстиславского уезда Могилевской губернии (ныне Хиславичский район Смоленской области).

Учился в коллегиях иезуитов в Могилеве и Мстиславле, у пиаров в Любешове, в Виленской иезуитской академии. В 1796 – 1807 гг. преподавал латинский язык, математику, физику, польскую литературу, поэтику и риторику в пиарских школах в Беларуси. С 1807 г. – в Вильно. В 1809 г. занял должность капеллана духовной семинарии при Виленском университете, являлся секретарем местного объединения пиаров. С 1818 по 1832 гг. (с перерывами) читал лекции по логике, психологии и философии в Виленском университете. В 1828 г. защитил докторскую диссертацию по теологии «О чудесах». В 1833 г. стал каноником в Вильно. С 1834 г. – профессор логики и философии Виленской духовной академии.

Оставил значительное философское наследие, в т.ч. неопубликованные рукописи. При жизни изданы 3 крупные работы: «О философии» (1817 г.) – развернутая рецензия на книгу польского кантианца Ф. Яронского; «О логике, метафизике и моральной философии» (1821 г.) – авторский курс лекций; «Трактат о присущих мышлению правилах, или логика теоретическая и практическая» (1828 г.) – первая часть главного 3-томного исследования (2 и 3-й тт. не смог опубликовать, и они оказались утраченными). Посмертно издана работа «Вещественность человеческих знаний» (1839 г.).

Первым научным трудом (неопубликованным) было сочинение «Философия Канта, или беспристрастное исследование его системы» (1814 г.). К Канту Довгирд обращался и позже. Оригинальные идеи немецкого философа привлекали многих. Они служили импульсом для выработки нового типа философского мышления. Но если для Фихте, Шеллинга и Гегеля философия Канта послужила отправной точкой в процессе создания ими системного учения о всеобщих законах развития мышления и бытия, т.е. диалектической логики взамен классической логики с ее «все более и более тощим и скудным» содержанием, представляющей собой «увядшие листья» (Гегель), то Довгирда в большей степени привлекала кантовская теория познания. Интерес Довгирда к Копернику, Ньютону, Локку, а вслед за ними и к Канту отразил общую тенденцию мировоззренческой эволюции белорусских философов от схоластики к стихийному материализму, к которому многие из них, в том числе Довгирд, так и не пришли окончательно. В онтологии Довгирд признавал существование независимых от сознания предметов, а также атомов («механических элементов материи») и в этой связи критиковал Фихте и Шеллинга за то, что те «отменяют всякое внешнее бытие, не допускают никакой разницы между представлениями и их действительностью» (Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Избранные произведения XVI – начала XIX в. Минск, 1962, с. 419). Но в то же время стоял на позиции деизма, а космологию считал частью «рациональной теологии». Вслед за Кантом, полагал, что задачей философии является исследование познавательных способностей человека и способов адекватного воспроизведения внешнего мира, но априоризм и трансцендентализм немецкого философа подверг критике. В теории познания ориентировался на локковско-кондильяковский сенсуализм и философию «здорового смысла», отстаивал принцип монизма истины, а эксперимент представлял в качестве ее критерия. Исследовал проблему формирования интеллекта у ребенка. Метафизику трактовал как науку, ведущую от понимания чувственно воспринимаемых вещей к пониманию таких вещей, сущность которых можно постичь лишь посредством мысли. Составляющими частями метафизики считал психологию, логику и натуральную теологию, включающую космологию, науку о существовании Бога и души, об отношении Бога к миру, о причинно-следственных связях и структуре мира. В этике проводил идею эвдемонизма, интерпретируемого в духе христианской эсхатологии. Опубликованные труды Довгирда: *O logice, metafizyce i filozofii moralney.* – Wilna, 1821; *Wykład przyrodzonych myślenia prawideł, czyli logika teoretyczna i praktyczna. Cz. 1.* – Połock, 1828; *Rezczywistość poznań ludzkich // Wizerunki i Roztrząsania Naukowe.* T. 5. – Wilno, 1839. – S. 5–81.

На двух предыдущих «Довгирдовских чтениях», проведенных на базе Института философии НАН Беларуси в 2010 и 2011 гг., вызвавших повышенный интерес как белорусских, так и литовских, украинских, российских, польских исследователей, рассмотрены проблемы

эпистемологии и философии науки. Важно отметить, что теоретическое наследие Довгирда охватывает более широкий спектр философских проблем, прежде всего в области философской антропологии. Исходя из этого, а также ориентируясь на актуальную проблематику в области современной философии, данная конференция была посвящена рассмотрению проблем философской антропологии и социальной философии.

Научный редакционный совет

ФІЛАСОФСКІЯ ДАСЛЕДАВАННІ – НА ЎЗРОВЕНЬ ПАТРАБАВАННЯЎ ЧАСУ

*Выступленне акадэміка-сакратара Аддзялення гуманітарных навук
і мастацтваў НАН Беларусі А.А. Кавалені перад удзельнікамі Трэціх
Доўгірдаўскіх чытанняў*

Паважаныя ўдзельнікі канферэнцыі!

Дарагія калегі!

Дазвольце ад імя Бюро Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі вітаць вас на міжнароднай навуковай канферэнцыі «Доўгірдаўскія чытанні – III: філасофская антрапалогія і сацыяльная філасофія», якая праводзіцца Інстытутам філасофіі НАН Беларусі.

Сучасная эпоха, як ніякая іншая, вылучаецца дынамізмам і напружанасцю. Яна напоўнена вострымі сацыяльнымі супярэчнасцямі і калізіямі, вялікімі і малымі праблемамі, характэрнымі менавіта для нашага часу. Гэта дыхатамія лакальнага і глабальнага, свабоды і адказнасці, індывідуальнага і калектыўнага, агульных інтарэсаў і асабістай карысці і г.д. Дададзім сюды пытанні мадэрнізацыі эканомікі і культуры, эскалацыю ўзброенага супрацьборства і гвалту ў некаторых рэгіёнах планеты, напружаныя пошукі нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці і прадуктыўнага сінтэзу паміж духоўнымі традыцыямі продкаў і вектарам сацыякультурнага развіцця тэхнагеннага грамадства.

Асэнсаванне гэтых і іншых пытанняў па праве належыць навукоўцам – перш за ўсё, прадстаўнікам гуманітарнай навукі. Менавіта яны здольныя і, да таго ж, абавязаныя даць вывераныя адказы на надзённыя пытанні сучаснасці. І ў гэтым плане філасофская думка, якая ўяўляе сабой ядро інтэлектуальнай культуры, выступае ў ролі найважнейшага інструмента асэнсавання сучасных сацыяльных праблем і супярэчнасцяў.

Пра важнасць філасофскага асэнсавання рэалій шматмернага духоўнага свету сведчыць шэраг круглых сталоў у рэспубліканскіх перыядычных выданнях, якія адбыліся на працягу апошніх месяцаў з удзелам вядучых навукоўцаў НАН Беларусі і закранулі пытанні гуманітарнай бяспекі, ролі чалавечага фактару, інфармацыйнага патэнцыялу грамадства.

Яшчэ адным важным доказам служыць шматгадовая серыя міжнародных канферэнцый, якія праводзяцца ўстановамі Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў, і ў прыватнасці Інстытутам філасофіі. З году ў год яны аб'ядноўваюць, гарманізуюць, скіроўваюць у сацыяльна-практычнае рэчышча намаганні гуманітарыяў з розных краін. Гэта стала добрай традыцыяй гуманітарных ведаў у Беларусі. Нагадаю, што у 2011 годзе нашы навукоўцы прынялі ўдзел у рабоце звыш 70 міжнародных і 40

рэспубліканскіх навуковых канферэнцый.

Асаблівай увагі заслугоўвае вопыт правядзення на базе Інстытута філасофіі міждысцыплінарных метадалагічных семінараў «Чалавек і грамадства ў XXI стагоддзі», «Філасофскія праблемы прыродазнаўства і тэхнікі». Іх традыцыя сягае ў далёкія 1980-я гады, але ў новым, сучасным сваім абліччы яны паўсталі толькі тры гады таму і ўжо прынеслі значны плён, атрымалі высокую рэпутацыю ў навуковым супольніцтве рэспублікі.

Сёння становіцца ўсё больш відавочным нарастаючае значэнне філасофіі як фактара сацыяльнага пазнання і духоўнага развіцця соцыуму. Сацыяльна-філасофскія даследаванні важныя як для саміх навукоўцаў-філосафаў, так і для гісторыкаў, сацыёлагаў, эканамістаў, спецыялістаў іншых гуманітарных і прыродазнаўчых дысцыплін. «Культура-чалавек-гісторыя» – гэта магістральная лінія сучаснага філасофскага дыскурсу, вакол якой цэнтруецца корпус многіх іншых даследаванняў: па пытаннях нацыянальнага самавызначэння, дынамікі культуры і яе ўзаема сувязі з цывілізацыйнымі зрухамі, па высвятленні беларускай культурай свайго месца ў свеце.

У непарыўнай сувязі з гуманітарнымі праблемамі грамадства знаходзяцца пытанні прыроды, духоўнага развіцця, сацыяльнага самаадчування чалавека, грамадзяніна. Адною з ключавых антрапалагічных праблем сучаснасці з'яўляецца пытанне адчужэння, і ў гэтым сэнсе мэтазгодным уяўляецца зварот у рамках тэматыкі канферэнцыі да тэмы пераадолення адчужаных форм жыцця. Іншая, не менш важная праблема – даследаванне сутнасці і спецыфічных асаблівасцяў сучаснай гістарычнай эпохі ў кантэксце сусветнага гістарычнага працэсу.

Наш час характарызуецца не толькі ростам ведаў і тэхналогій, але і элементамі антрапалагічнага і маральнага крызісу. Пошук выхаду з яго, эксплікацыя верагодных антрапалагічных сцэнарыяў, – гэта таксама непасрэдная задача філосафаў, антрапологаў, таксама як і прадстаўнікоў усяго спектру навук аб чалавеку, прыродзе і грамадстве.

Есць неабходнасць выказаць некаторыя меркаванні і аб месцы філасофскай думкі ў развіцці грамадска-палітычнай сістэмы. Уяўляецца, што на гэтым полі філосафы маглі б займаць значна больш актыўную пазіцыю, чым гэта робіцца сёння. Напрыклад, даследаванні нашых спецыялістаў пераканаўча сведчаць, што апазіцыйныя партыі, якія дзейнічаюць на палітычным полі нашага грамадства, не карыстаюцца шырокай сацыяльнай падтрымкай. Але ці гэта азначае, што ўсе астатнія грамадзяне падзяляюць і становяцца ацэньваюць палітычны і сацыяльна-эканамічны курс? У гэтай сувязі, зразумела, паўстае пытанне: хто і якія сілы адлюстроўваюць іншыя грамадскія настроі? Ці патрэбна сёння аддаваць на волю стыхіі іншыя рухі і плыні? Што патрэбна зрабіць, каб пашырыць кола нашых прыхільнікаў? На гэтыя і іншыя пытанні неабходна шукаць адказы, рыхтаваць аргументаваныя практычныя парады для органаў кіравання.

Даследаванні айчынных вучоных пераканаўча паказваюць, што

ніводную з 14-ці існуючых сённа ў краіне партый не стваралі ні рабочыя, ні сяляне. Галоўную ролю ў гэтым працэсе адыгрывае інтэлігенцыя. Мяркую, што філасофскае асэнсаванне ролі і месца беларускай інтэлігенцыі, у тым ліку навукавай, у грамадска-палітычным жыцці Рэспублікі Беларусь адна з актуальных задач філосафаў.

Нельга не заўважаць таго, што ў грамадстве ідзе працэс фарміравання сацыяльных груп, уласцівай рынкавай эканоміцы. Думаю, што філасофская думка павінна асэнсоўваць не толькі праблемы «сярэдняга класа», але і разгортваць даследаванні сацыяльнай філасофіі ва ўсім багаці існуючага спектра грамадскай думкі. Цікава будзе зразумець «філасофію» маламаёмых грамадзян, наёмных работнікаў, дзяржаўных служачых, прадпрыемальнікаў і «алігархаў». Патрэбна сказаць прама: сацыяльная філасофія павінна быць ў цэнтры ўвагі навукоўцаў.

Філасофскай навуцы, на маю думку, пажадана больш актыўна працаваць над праблемай фарміравання актыўнай маладой генерацыі кадраў упраўленняў. Назавіце, калі ласка, хаця б два дзесяткі яркіх лідэраў інтэлектуальнага асяроддзя з ліку 25–35-гадовых, хто ідэйна, асэнсавана і пераканаўча адстойвае нацыянальна-дзяржаўную пазіцыю, публічна падтрымлівае афіцыйную палітыку. Ці ёсць такія, акрамя Вадзіма Гігіна, Марата Жылінскага, Сяргея Кізіма, Вячаслава Даніловіча і яшчэ невялікай колькасці навукоўцаў? А дзе нашы маладыя філосафы? Нажаль сённа мы жывем па выказванню Бернарда Шоў: «Светам кіруюць маладыя – калі састарэюць».

Неабходна сказаць аб нашых недапрацоўках па вызначэнню месца гуманітарнай навуцы і ў адукацыйным працэсе ВНУ. Сённа адбываецца рэформа вышэйшай адукацыі, адметная тым, што ў нас, навукоўцаў, на жаль, ніхто нават не запытаў, якое меркаванне мы маем у адносінах да скарачэння тэміну ўніверсітэцкага навучання. А мы ў цішыні навуковых пакояў не праяўляем неабходнай настойлівасці, каб паказаць памылковасць механічнага скарачэння грамадазнаўчых навук, прадэманстраваць, чым гэта адгукнецца заўтра. На жаль, часам не кваліфікацыя выкладчыка-педагага, не змястоўна-навуковая сутнасць курса, не забеспячэнне яго неабходнымі дыдактычнымі матэрыяламі, а змена яго «знешняга» арганізацыйнага афармлення лічыцца пэўным рухам наперад.

Мы з вамі правялі шэраг вельмі патрэбных навуковых мерапрыемстваў па праблемах сям'і. Але ці дастаткова толькі публічна прадставіць статыстычныя звесткі, што, напрыклад, за апошнія месяцы 2011 года з кожных 1000 заключаных сямейных саюзаў 600 скончыліся разводам? А якія канкрэтныя рэкамендацыі мы выпрацавалі, што патрэбна здзейсніць, каб мінімізіраваць праблему? Час патрабуе не толькі агучваць выяўленыя балючыя праблемы, але і выпрацоўваць навукова абгрунтаваныя рэкамендацыі, каб мінімізіраваць іх негатыўныя сацыяльныя наступствы сённа і ў будучым.

Шаноўныя калегі !

Упэўнены, што багаты інтэлектуальна-навуковы патэнцыял навукоўцаў нашай краіны дасць магчымасць і ў далейшым рабіць важкі ўклад у вывучэнне кардынальных філасофскіх праблем і надзённых пытанняў сучаснасці, сфармуляваць канкрэтныя прапановы па іх вырашэнню.

Паважаныя ўдзельнікі канферэнцыі! Дазвольце пажадаць вам натхнення, цікавай і плённай працы, адкрыцця новых сэнсаў, выяўлення новых даследчых гарызонтаў вырашэння пастаўленых задач.

1. ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА – СУЩНОСТНОЕ ЯДРО СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Е.М. Бабосов

Наука начинается с постановки волнующей людей проблемы. Сталкиваясь с трудными для решения вопросами, человек задумывается, как можно эти вопросы решить. Вот здесь-то перед ним и возникает научная проблема. Именно она сама по себе, а также способы и методы ее решения составляют альфу и омегу научной деятельности, ее сущностное системообразующее ядро. Для социальной философии таким сущностным ядром выступает *проблема человека*.

Важнейшее теоретико-методологическое значение имеет концептуализация понятия «человек». Чаще всего в социальной философии оно концептуализируется следующим образом: «Человек – это существо, наиболее известное самому себе в своей эмпирической фактичности и наиболее трудно уловимое в своей сущности». Если исходить из такого именно понимания, то рассматриваемая проблема человека, так же, как и сам человек, является многогранной, многокомпонентной. Отдельные ее грани высвечиваются посредством совокупности множества определений человека. Выделим наиболее существенные из них.

Человек разумный – это определение исходит из того, что человек выделился из царства животных своей способностью логически мыслить, осознавать себя, свои потребности, стремления и цели, весь окружающий мир. Поэтому Homo sapiens стало стандартным обозначением человека.

Человек созидающий – означает, что в отличие от животных, действующих в соответствии с программой, заданной инстинктом (например, пчела, выкладывающая геометрически красивые соты), человек способен творить нечто совершенно новое, до того не существовавшее по рациональной программе, созданным им самим. Очень хорошо это выразил писатель Александр Фадеев: «Сущность человек лучше всего, благороднее и совершеннее всего выражается через его деяния, через его труд и творчество».

Человек политический – термин политической антропологии и социологии, означающий доминанту человеческой деятельности, связанной с политикой и возникающей надежды на решение наиболее значимых проблем человеческого бытия.

Человек экономический – термин, обозначающий человека, руководимого экономическим интересом и утилитарной рациональностью

и осуществляющего рыночное поведение, ориентированное на получение выгоды.

Человек социальный – термин, обозначающий человека, осуществляющего не только рыночное, но и не рыночное поведение, преследующее не столько выгоду, сколько интересы самоутверждения, саморазвития, взаимопонимания, завоевания признания и авторитета в обществе.

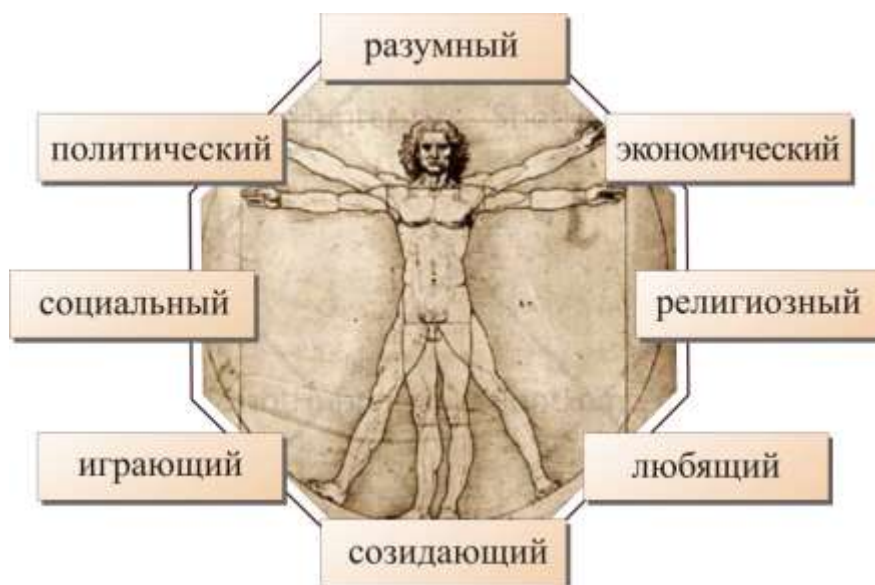
Человек религиозный – понятие, обозначающее человека, способного придавать окружающим явлениям и процессам священный смысл, наделять их особым значением, верить в наличие сверхъестественного в мире.

Человек играющий – термин, обозначающий способность человека формировать и реализовывать фантазии, развивать воображение, создавать художественные ценности, творения, искусства.

Человек любящий – многомерное понятие, выражающее различные модификации и трансформации любви как специфического и важнейшего модуса человеческого бытия.

Система названных определений может быть представлена в виде восьмиугольника, изображенного на рисунке 1.

Рисунок 1. Система дефиниций человека

Поскольку именно человек является творцом и главным действующим лицом и политики, и экономики, и культуры и творческого созидания, короче – всех сфер общественного бытия, поскольку в соответствующих исследованиях этих областей реальности, осуществляемых различными научными дисциплинами социально-гуманитарного знания, постольку именно человеческий, человекомерный аспект всех типов социального творчества становится в каждой из них центром сосредоточения внимания и исследовательской деятельности. Но здесь кроется одна существенная опасность. Она заключается в том, что

дефицит теоретической рефлексии над методологическими и парадигмальными основаниями прикладных психологических, культурологических, литературоведческих и иных исследований может привести к утрате человека как целостного и многомерного социального существа вследствие преобладающего аспектного характера его изучения. Дело в том, что ни одно из приведенных одномерных определений (человек разумный, человек политический, человек экономический и т.д.) действительно не в состоянии полностью выразить его многомерную и многоуровневую сущность. Поэтому различные определения человека и его интерпретации в различных науках социально-гуманитарного цикла, во-первых, не могут претендовать на универсальность предлагаемой модели, а, во-вторых, каждую из них необходимо принимать во внимание только в качестве взаимно дополняющих друг друга фрагментов единого проблемного поля: сложно иерархизированной, голографической, топологической модели многомерного социального существа, каковым является человек. А такую модель способна сконструировать обладающая высшей степенью абстракции, открывающей путь движения теоретической мысли от абстрактных определений к конкретной сущности, – социальная философия. Для решения столь грандиозной по своим масштабам и значимости задачи социальная философия должна руководствоваться несколькими методологическими принципами. Наиболее важные из них таковы:

– принцип *целостности*, позволяющий рассматривать и интерпретировать человека во всем богатстве его взаимосвязанных сущностных определений;

– принцип *открытости*, характеризующий человека как открытую саморазвивающуюся систему, непрестанно взаимодействующую с окружающей природной и социальной средой;

– принцип *концептуализации*, позволяющий рассматривать объект конкретной исследовательской задачи с помощью специально подобранных абстракций;

– принцип *концептуальной развертки*, предполагающий отображение изучаемого объекта в различных мыслительных плоскостях и нахождение для него множества интервалов абстракции;

– принцип *концептуальной сборки*, – обладающий возможностью представить и выразить исследуемый объект – человека – в многомерном когнитивном пространстве путем установления логических связей и взаимопереходов между различными определениями, образующими единую сложно иерархизированную конфигурацию (см. рисунок 2).

Рисунок 2. Методологические принципы социально-философского исследования человека

Диалектически взаимосвязанное применение этих методологических принципов позволяет социальной философии свести противоречивое множество определений в целостное единство, в истинный синтез, представляющий не агрегат разнокачественных аналитических определений, а новое гармоничное образование, позволяющее выразить многомерную сущность человека в его всеобъемлющей социальности. Только такой синтез позволяет понять, почему человеческая созидательная деятельность необходимо по нелинейному, поливероятностному тренду, все возрастающей и усложняющейся социальной общности, где пространство и время налагают пределы на результаты и одновременно открывает новые, все более обширные горизонты созидательного творчества в познавательной и практической деятельности человека и человечества.

Но чтобы индивид оказался вовлеченным в непрерывный процесс творчества, он должен в процессе социализации сформироваться как уникальная личность. Этот сложный процесс становления личности Макс Шелер выразил в кратком и многозначном афоризме: «Человек может лишь активно собрать себя в *личность*». В ходе развертывания данного процесса формируются такие важные воплощение сущности человека, каковыми являются социальные качества личности.

Социальные качества личности – это совокупность социально-психологических свойств и черт личности, определенным образом взаимосвязанных и обусловленных типом социального взаимодействия с другими людьми в конкретных социально-исторических условиях и обстоятельствах.

Первым из таких качеств является *самосознание*. Оно представляет

собой выделение индивидом самого себя из окружающей социальной среды, чувствования себя субъектом своих физических и психических состояний, социальных ожиданий, стремлений и действий. Это означает осознание самого себя как «Я», противостоящего «другим» и вместе с тем неразрывно связанного с ними. Самосознание выражается в том, что личность воспринимает и понимает тождественность самой себе в прошедшем, настоящем и будущем, а чем органичнее связаны между собой эти три модуса бытия личности, тем социально развитее, богаче и интереснее для других становится данная личность. Оно выступает в единстве трех компонентов: познания самого себя, эмоционально-оценочного отношения к себе и саморегулирования. С самосознанием теснейшим образом связано самоуважение, степень схожести между тем «Я», какой Я есть теперь, и тем «Я», каким бы хотел быть.

Второй важнейший компонент социальных качеств личности составляет ее *самооценка*. Это – оценка личностью самой себя, своих возможностей, способностей, места, занимаемого среди других людей. Самая важная и значимая функция самооценки – *регуляция поведения личности*. Весь опыт, все поступки и проступки, все окружавшее человека в течении его жизни суммируется, когда индивид пытается ответить на собственный вопрос: какой же Я? Ответить на этот вопрос не так уж и просто, да и не каждый отважится откровенно признаться в том, какой же он на самом деле, и насколько отличается от того, каким хочет казаться другим. Но только таким путем можно решить жизненно важную проблему: каким нужно быть, а не казаться. А это означает: самооценка может и должна привести к *самокоррекции* своих поступков. Такое действие не проходит без сомнений и конфликтов с самим собой. Но если эти сомнения и конфликты преодолены, человек может с гордостью сказать о результате своего действия: «Это сделал Я». Но он же (в том случае, если не исправился сам собой) способен произнести с укором «Неужели это сделал Я?» или, еще горше – «Что же я наделал?», или: «Ах, зачем я это сделала?» Таким образом, самооценка – это своего рода проекция «Я» реального на «Я» идеальное с помощью образца, эталона, идеала и т.п.

Важным социальным качеством личности является ее *активность*, т.е. способность человека производить социально значимые действия, проявляющиеся в общении с другими, в совместных с ними (или отдельно от них совершаемых) делах, в творчестве. Самое концентрированное воплощение активности получает в так называемой *сверхнормативности*, т.е. в совершении деятельности, которая не рассматривается строго обязательной по существующим в обществе или группе (общности) нормам, но вытекает из понимания личностью своего долга, призвания и т.п. Выдающимся проявлением сверхнормативности является титанический четырехлетний труд выдающегося художника Эпохи Возрождения Леонардо да Винчи над портретом знаменитой Джоконды.

Важной социальной характеристикой личности являются ее

интересы. Они выступают в качестве постоянного побудительного механизма познания и деятельности личности, подталкивающего личность к более глубокому ознакомлению с новыми фактами, событиями, теориями в какой-либо сфере действительности, к преобразованию последней в соответствии со своими потребностями, целями, представлениями.

Одно из существенных социальных качеств личности составляет *направленность*. Она представляет собой совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность личности, независимо от социальных ситуаций, в которых она находится. Поступки человека как субъекта социальной деятельности всегда направлены на достижение вполне определенной цели. Если эта цель имеет принципиально важный для личности характер, она предопределяет ее активность в определенном направлении даже в тех случаях, когда социальная ситуация мешает достижению данной цели, вследствие чего приходится изменять ситуацию и преодолевать препятствия. Именно так происходило, когда И. Ньютон или Д.И. Менделеев совершали свои научные открытия.

Направленность личности теснейшим образом связана с ее убеждениями и установками. *Убеждения* представляют собой личностные социально-психологические потребности, в основе которых лежат определенные представления, идеи, принципы, существенно определяющие отношения человека к действительности и побуждающие его поступать в соответствии со своими идеалами, принципами, взглядами, мировоззрениями. Различаются нравственные, научные, религиозные и иные убеждения. Когда хотят охарактеризовать какого-либо человека, нередко говорят: «он – убежденный холостяк» или «Главное для него – его религиозные убеждения».

Установка – это такая социальная характеристика личности, которая выражает ее готовность к определенной социальной активности и действиям в определенной сфере деятельности, направленным на достижение поставленной цели. Например, установка Александра Македонского и Наполеона состояла в совершении завоевательных походов, на такой ориентации деятельности были сконцентрированы основные устремления и энергетический потенциал их личностей.

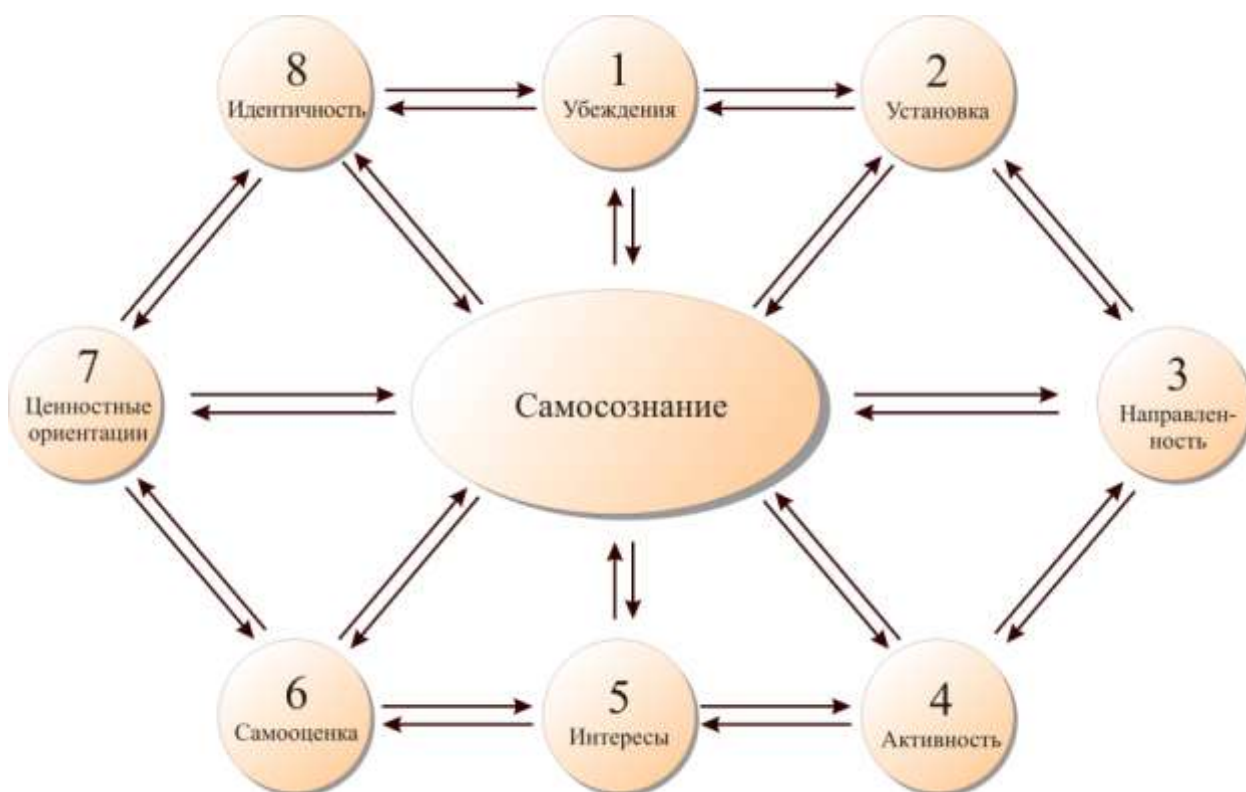
Установка и направленность личности воплощается в ее ценностных ориентациях. *Ценностная ориентация* – это совокупность социальных ценностей, выступающих в качестве целей жизни и основных средств их достижения и поэтому приобретающих функцию регуляторов социального поведения человека. В ценностных ориентациях находит выражение предрасположенность личности к определенному восприятию условий жизни и деятельности, а также к определенному поведению в долгосрочной перспективе. Поэтому они выполняют роль опорных пунктов в принятии личностью важных решений. Различают *целевые* ценностные ориентации, выражающие важнейшие цели, идеалы, смысло-жизненные ориентиры (счастье, здоровье, личная свобода и др.) и *инструментальные*, запечатлевающие одобряемые в обществе или

социальной группе средства достижения целей (профессиональная подготовка, самообразование, удача и т.п.).

Наконец, еще одним чрезвычайно важным социальным качеством личности является ее идентичность. *Идентичность* – это такое социальное качество, которое является результатом сознательного и эмоционального самоотождествления индивида с другими людьми, социальной общностью или идеалом путем избирательного и внутренне согласованного движения потоков информации о нем самом как единстве личностного и одновременно социального взаимодействующего с другими личностями и общностями. Идентичность выступает в качестве проявления и результата идентификации – процесса отождествления личностью самой себя с определенной этнической, политической, территориальной, языковой, религиозной и т.п. группой (Я – белорус, Я – студент, Я – минчанин, Я – православный и др.). Идентичность определяется как внутренними свойствами самой личности, так и ее социальным окружением, т.е. внешними влияниями.

Социальные качества личности представляют в своей совокупности сложную социальную структуру личности, в которой каждый компонент связан со всеми другими компонентами и находится с ними в постоянном взаимодействии. Нельзя себе, например, представить функционирование мировоззрения или ценностных ориентаций личности без ее самосознания. Взаимосвязь социальных качеств личности в ее многогранной социальной структуре выражена на рисунок 3.

Рисунок 3. Структурная схема социальных качеств личности

Все охарактеризованные и иные социальные качества личности реализуются не разрозненно, а во взаимосвязи друг с другом. Поэтому и говорят, что личность есть *система* неразрывно связанных и взаимодействующих друг с другом социально-значимых качеств, характеризующих индивида как субъекта социальных отношений и социальной деятельности.

В зависимости от своеобразия проявления социальных качеств индивида и его личностных особенностей различаются несколько *типов личности*.

Пассионарный тип личности обладает жизненной энергией, гораздо большей, чем требуется для простого поддержания и удовлетворения жизненных потребностей т.н. «нормативной», «спокойной» жизни и свою «сверхнормативную» энергию использует для активной целенаправленной деятельности, ориентированной на достижение высоких, часто идеальных социальных целей.

Базисный тип личности характеризует наиболее часто встречающийся в обществе на определенной стадии его развития социальный портрет индивидов, их личностные характеристики, формируемые господствующими в этом обществе типами культуры, мировоззрения, общественных оценок, социально-экономических условий. Базисный тип личности имеется в виду, когда говорят о типичном белорусе, американце или французе.

Модальный тип личности предполагает получение ответа на вопрос, каким критериям должен отвечать индивид, чтобы его деятельностный личный потенциал с наибольшим эффектом реализовался в социально зрелом и активном субъекте исторического процесса на определенном этапе социально-экономического, политического и социокультурного развития общества. Это своего рода эталон, идеал, к соответствию с которым должен стремиться сознательный и активный гражданин страны, не забывающий и о судьбах человечества. Такой личности свойственны духовная развитость, совесть, богатство интеллектуальной и эмоциональной сферы, чуткость, отзывчивость, высокий профессионализм и т.п. Именно к такому типу личности относились академики А.Д. Сахаров и Д.С. Лихачев, воплощавшие во всей своей жизнедеятельности типичные черты «подлинного интеллектуала».

Маргинальный тип личности (от лат. *marginalis* – находящийся на краю) характеризует людей, поставленных развитием общества на грань двух культур, с первой из которых они уже порвали, а во вторую еще полностью не включились. Он возникает чаще всего при перемещении индивидов из одного социального слоя в другой, более низкий по статусу, из одного этнонационального региона в другой, из села в город и т.д. Основные признаки маргинального тип личности – нестабильность и неопределенность связей со своим ближайшим социальным окружением, постоянная боязнь быть отвергнутым, одиночество и чрезмерная

мнительность, излишнее беспокойство о будущем и боязнь любого рискованного действия. В крайних случаях маргиналы могут прийти до такой степени отчуждения от своего прежнего социального окружения и от самих себя, за которой наступает социальная деградация личности, ее деперсонализация.

Авторитарный тип личности характеризует человека, непреклонно верящего в социальную систему, в которой в качестве управляющих могут выступать только некоторые избранные, а к управляемым относятся все остальные люди, причем первые должны стоять над вторыми, командовать ими, отдавать распоряжения в форме беспрекословных указаний и приказов, единолично решать все принципиальные вопросы жизнедеятельности группы, общности, общества в целом.

Мафиозный тип личности характеризует людей, которые в погоне за высоким доходом и богатством готовы на любые нарушения моральных и правовых норм – казнокрадство, подкупы, взятки, шантаж, убийство и т.п. Чаще всего они действуют не в одиночку, а организуются в сплоченные, тайно, активно и жестоко действующие мафиозные группы.

Демократический тип личности характерен приоритетным значением прав и свобод человека, активностью и глубокой осознанностью социальной позиции, высокими критериями оценки деятельности как своей собственной, так и других людей, их групп, партий, движений и т.п., высокой целеустремленностью, социальной ответственностью в своих ценностных ориентациях и повседневной жизнедеятельности.

К *реактивному* типу личности относятся люди, целиком или в большой степени зависящие от обстоятельств или влияния других людей и действующие чаще всего по схеме «стимул – реакция». Такие люди все свои неудачи и поражения списывают на обстоятельства или на чей-то злой умысел.

В противоположность им люди *проактивного* типа личности целенаправленно пользуются свободой выбора, всегда уверены в себе, готовы приложить максимум усилий, чтобы изменить обстоятельства к лучшему, активно преодолевают любые препятствия на пути к цели, трудности не пугают и не ослабляют их воли, а, напротив, мобилизуют и волю, и разум и имеющиеся средства и ресурсы для успешного решения возникающих проблем и задач. У такой личности между стимулом и реакцией появляются такие звенья, как способность к анализу и самоанализу, воображение, независимая воля, активное целерациональное и ценностно-ориентированное действие, достаточное для того, чтобы действовать целеустремленно и эффективно.

В условиях существования рыночной экономики в обществе получает широкое распространение *рыночный* тип личности. Обладатели такого типа стремятся во всем и всегда получать от любого дела, от любых отношений меркантильную выгоду. Такая личность становится односторонней, во многом ущербной. Жизненный успех, в понимании такого индивида, зависит, главным образом, от того, как человек сумеет продать свою

личность, поэтому он чувствует себя товаром, вернее, одновременно и товаром и продавцом, поскольку намеревается покупать для своих целей других людей. Люди такого типа не имеют даже стабильного Я, ибо их Я постоянно меняется в соответствии с жизненной установкой – «Я такой, какой Я вам нужен». Они избегают всех чувств, как положительных, так и отрицательных, потому что чувства, особенно глубокие, служат помехой для достижения главной цели рыночного характера – продажи и обмена всего, в том числе и самого себя.

Очень близок по своим характерным чертам к только что рассмотренному типу *стяжательский (накопительный)* тип личности. Человек, руководствующийся стяжательской ориентацией, мало верит в то, что он может получить из внешнего мира нечто новое и ценное, его основная жизненная установка – стяжательство и экономия, а любую трату он рассматривает как угрозу своей безопасности. Его скупость, пишет Э. Фромм, распространяется как на деньги и материальные вещи, так и на чувства и мысли. Любовь для них – это, по существу, обладание. «Они не способны отдавать любовь, но стараются получить ее, завладевая "любимым"».

В совокупности типов личности, отличающихся негативным отношением к окружающей среде, специфическое место занимает *деструктивный* тип. Характеризуя этот тип личности, Э. Фромм отмечал, что такой личности свойственна страсть к абсолютному господству над другим существом и желание разрушать ради разрушения и ненавидеть ради ненависти.

В различных типах обществ, в том числе и в современном белорусском, достаточно широкое распространение получил *конформистский* тип личности. Конформизм проявляется как некритическое принятие индивидом и пассивное следование господствующим в группе, толпе, сообществе мнениям и стандартам поведения. Люди, обладающие таким типом характера, живут в плену иллюзий, будто бы они следуют собственным мыслям и склонностям, что они пришли к какому-то мнению или решению в результате собственных размышлений. Но для них совершенно непонятно, как получилось, что их точка зрения совпала с позицией большинства. Характерная особенность этого типа личности состоит в стремлении «быть как все», ничем не выделяться от остальных людей.

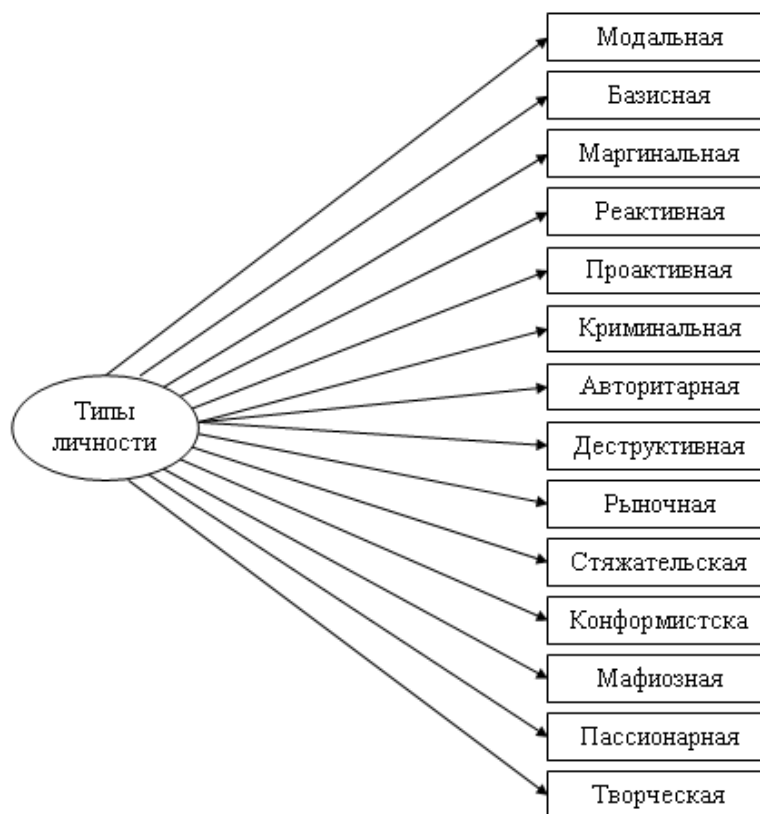
В типологии личности особое место принадлежит *преступному (криминальному)* типу. Под преступным типом личности понимается совокупность социально-психологических особенностей, характерных для лиц, совершающих преступления, т.е. общественно опасные деяния, за которые законом установлена уголовная ответственность. В обобщающей модели противоправного поведения ведущая роль отводится дефектам правосознания, ценностно-нормативных ориентаций, специфической структуре мотивационных конструктов, а также некоторым психологическим качествам – агрессивности, импульсивности, низкому

уровню интеллектуального и нравственного развития, личностной упрощенности, алкоголизации и наркотизации. Определенное сочетание названных особенностей в совокупности с деструктивным влиянием ближайшего социального окружения приводит к совершению определенными лицами насильственных, серийных и иных преступлений.

К самому интересному типу личности относятся люди творческие. Причем они встречаются не только среди ученых, писателей, композиторов, художников, но и среди предпринимателей, политиков, рабочих, хлеборобов. Люди *творческого типа* всегда стремятся найти свое призвание и реализовать это призвание в своей деятельности. Занимаясь своим любимым делом, они преодолевают все трудности на пути к избранной цели. В любых ситуациях они способны принимать правильные решения, осуществлять хорошо продуманные, рационально ориентированные целенаправленные действия, а проявляя независимость по отношению к кумирам, остаются самими собой. Высшим проявлением творческой личности А. Маслоу считал самоактуализацию.

Каждый тип личности формируется на пересечении социальных качеств личности и характерных для нее личностных черт и оказываются органично интегрированными с целостной и динамично развивающейся системой личности. Именно в личностной системе, инвариантной по отношению к каждому индивиду в своих сущностных определениях, но своеобразной для каждого из них в своих конкретных проявлениях, выражается и реализуется социальный тип личности (см. рисунок 4).

Рисунок 4. Социальные типы личности

В процессе философско-логического анализа мы рассмотрели по отдельности различные социально-качественные и социально-типологические компоненты проблемы человека. Но этот основной и основополагающий объект социальной философии нельзя разложить по отдельным полочкам. Можно расчленивать на части человеческое тело, но невозможно разъять его душу, его сознание, его совесть. Очень точно и кратко сущность этого удивительного социального феномена выразил Антуан де Сент-Экзюпери: «Надо много пережить, чтобы стать человеком». А это значит, чтобы определить сущностное ядро проблемы человека, необходимо множество его аналитических определений рассмотреть в их сжатом (в гегелевском понимании данного понятия) виде, в многомерном и многогранном диалектическом синтезе, что и составляет квинтэссенцию социальной философии.

Литература

1. Бабосов, Е.М. Философские проблемы бытия, познания, веры и культуры. Раздел 1. Философское осмысление человеческого бытия // Философские проблемы бытия, познания, веры и культуры. – Минск, 2012. – С. 7–52.
2. Бабосов, Е.М. Социологические очерки устойчивого развития современной Беларуси. Раздел 12. Социальная деятельность и социальная энтропия в параметрах устойчивости и неустойчивости развития страны. – Минск, 2011. – С. 158–170.

СИНТЕЗ ГУМАНИТАРНОГО И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Д.И. Широканов

Переосмысление роли логики и методологии науки в понимании исторического процесса, обосновании нравственного совершенствования человечества, прогресса форм социальной организации и коммуникации было начато диалектической концепцией развития немецкой классической философии, получившей свое дальнейшее развитие в XX веке на основе достижений современной науки и культуры. Существенную роль в расшатывании стереотипов односторонне-рационалистического мышления и расширении его горизонтов сыграло выявление диалектики исторического и логического в современной философии истории.

Прогресс научного познания имеет специфический двуединый характер – с одной стороны, он связан с углублением понимания интеграции в сфере гуманитарных наук, с другой – обусловлен раскрытием новых аспектов их взаимодействия с науками в сфере природы и техники. В свое время К. Маркс писал, что однажды естествознание включит науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука. После этого он многое сделал в этом направлении, чтобы понять общество как историческое системное целое, как общественно-экономическую формацию, развивающуюся по собственным законам на основе развития социально-экономического базиса и возвышающейся над ним системы надстроечных сфер. Однако рассмотренные им зависимости остались в рамках линейных отношений. Материалистическая концепция исторического у К. Маркса основывается на истории развития производства, вернее, способов производства материальных благ, изменения производственных отношений, а вместе с ними базиса и надстройки в социально-экономической формации. В центре всех этих процессов находится человек социальный, т.е. включенный в систему социально-экономических, политических и иных отношений. Вместе с модификацией и развитием системы отношений и охватываемых ею составляющих этой системы изменяется и человек. Взаимодействие – конечная основа и причина всех изменений – включает человека как субъекта деятельности и условия этой деятельности, которая изменяется в результате совокупной деятельности субъектов. Историзм отмеченных изменений находит свое выражение не только в изменениях производственных, социально-экономических, политических отношений, но и в системе духовной жизни и деятельности.

Концентрация внимания на системности, в основе которой находятся

отношения социально-экономического и политического характера, а также развитие орудий труда, научно-технические достижения и т.д. привели к тому, что историзм процесса жизнедеятельности и творчества людей и общества был представлен на макроуровне в базисном логико-экономическом аспекте. Речь идет об определенной подмене взаимодействия односторонним действием. То есть для определения вектора исторического развития (его закономерностей, форм организации, тенденций, сил) в марксистской концепции социально-экономического прогресса выделяются базисные структуры как определяющие силы, стороны системы, а все другие элементы и структуры (правовые, духовно-нравственно-этические, религиозные, экзотерические, культурные) как зависимые от базиса и потому не имеющие такого определяющего значения в анализе исторического, который имеет социально-экономический базис.

Когда формы общественного сознания относятся только к надстроечной сфере, история духовного развития, история культуры, – в том числе история духовного развития нации – так или иначе, но отодвигается на второй план. Уже в советское время она учитывалась постольку, поскольку оказывалась связанной с базисными отношениями и структурами. В частности, проблемы образования и культуры выдвигались на важное место главным образом в связи с необходимостью подготовки кадров в сфере организации и управления народным хозяйством, а также идеологического обеспечения государственных интересов.

Что же касается главного – обеспечения условий для всестороннего развития личности, развития культуры, духовной среды, образа жизни – важнейших составляющих исторического процесса развития общества – эти составляющие цивилизационного процесса недооценивались. С этим связан остаточный принцип их финансирования. Почему сложились такие приоритеты? Не потому ли, что в силу определенной односторонности в трактовке взаимодействия различных социальных сфер бытия, в том числе на уровне индивидуума, личности, сложился, укоренился стереотип «решающего звена», который идентифицировался с экономикой, индустриализацией.

Если охарактеризовать логику обоснования, на которой строился такой подход, мы вынуждены будем констатировать, что они находятся далеко от диалектики, и что в этих рассуждениях сказывается механицизм жестко детерминистского стиля мышления. Необходимые этапы изменений, развития, выраженные в понятии смены социально-экономических формаций как качественно определенных состояний общества, не смогли передать более глубокий и широкий, более философский смысл как основы, так и содержания исторического процесса. На рассматриваемой концепции сказалось то, что картина действительности в целом осталась в системе линейных, причинно-следственных отношений и связей. В соответствии с идеалами и нормами познания классического разума законы представлялись основой для

предсказания поступательного характера изменений, в том числе и в истории общества. А в основе законов, несмотря на все диалектические оговорки, оставалось классическое представление о линейном характере необходимости, обязывающей человека, общество действовать именно таким, а не иным образом.

Независимо от того, чем обусловлен обязывающий характер необходимости: материей или идеей (относительной, абсолютной), божеством или внутренним долгом, принципами морали (последние, по Канту, имеют характер категорического императива), – само понятие закона как выражение общего, необходимого, существенного связывалось с классическим представлением о причинности. На основе материалистической концепции истории, познание законов общественного бытия в марксистской литературе рассматривалось как важнейшая гносеологическая предпосылка для овладения человеческим обществом процессами социального развития и его перехода из царства необходимости в царство свободы. Свобода связывалась с классическим представлением о существовании независимой от субъекта и от его свободы в сфере духовной и физической деятельности реальности, которая существует по своим законам. Человек на основе знаний этих законов и через согласование своих действий и своих целей с этими законами может добиться их реализации. Если же не учитывать реально существующую действительность и управляющие ею законы, последние неизбежно разрушат осуществление таких планов, целей, задач.

История развития XX века – века мировых потрясений и испытаний революциями, мировыми войнами, угрозой ядерной войны и радиационного заражения среды обитания – несомненно отразилась на современной методологии и логике, на стиле мышления. Выявилась односторонность и недостаточность чисто рационалистического дискурса, основанного на классических принципах линейного мышления, веры в разум и ничем не ограниченный прогресс науки и благосостояния человека. Эти идеи прогрессивного толка упираются в самого человека, в его возможности, в его деятельность, в способы организации и самоорганизации. Возникают вопросы теоретического и методологического плана, связанные с пониманием человека, общества, диалектики их становления и развития, выбора оптимального пути развития.

Современный опыт человечества свидетельствует, что диалектическая абстракция удержания и сохранения положительного в процессе развития имеет ограниченный характер, что она связана с определенным этапом исторического развития человечества, с эпохой просвещения, с идеей прямолинейного прогрессистского оптимизма в понимании истории. Однако уже определившиеся тенденции в социальном развитии, связанные с эпохой индустриального, научно-технического развития показывают, что прогресс в этой сфере сопровождается регрессом во многих условиях существования общества, человека, не

только экологических, но и духовных его параметров, в том числе в сфере такой ценности, как ценность самодостаточности, ценность обособленной индивидуальности. Проблема обособленности личности, ее самобытности в условиях цивилизационного процесса и возрастания свободы человека столкнулась с технократическими тенденциями унификации потребностей в сфере массовой культуры. Нельзя не видеть определенной смысловой связи между парадигмой соотношения свободы и необходимости и недостаточно диалектическим подходом к пониманию качественной специфики субъективированного мира человека, для которого феномен свободы оказывается более глубоким и многогранным, чем проблема познанной необходимости и адекватных действий человека. Свобода оказывается связанной со всей жизнью человека, с пониманием им смысла своего бытия. При этом нельзя не увидеть и определенной связи прогрессистского подхода с классическим периодом естественнонаучного познания, с его пониманием детерминации как строгой, линейной, необходимой, где так или иначе недооценивался момент возможного, случайного плюрализма развития, где развитие отождествлялось с однонаправленным движением.

Основная закономерность развития и сетевого взаимодействия наук, различных областей духовного опыта человечества выражается в их дифференциации и интеграции. Будучи диалектической по своему содержанию, она отражает как специфику отдельных наук, которая с углублением знаний возрастает, так и общность, единство наук, предметом которых выступают природа, общество и человек. Знание всеобщего в системе его отношений с конкретными сторонами, сферами, элементами целого углубляется через особенное, через понимание фрагментов опыта в контексте целого, постижение тенденций изменений, выявление перспектив трансформации и развития взаимосвязанных систем различного происхождения.

НООСФЕРНАЯ ЭКОНОМИКА – ПЛАНЕТАРНЫЙ ПРОЕКТ ГАРМОНИЧНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

П.Г. Никитенко

В начале 21 века происходит системный перелом вековых тенденций в циклической динамике мировой экономики и общества. Мировое сообщество, как верно отмечает лидер современной школы циклизма Ю.В. Яковец, вступило в длительный переходный период. Данный период насыщен участвовавшими кризисами, техногенными катастрофами и валютно-финансовыми потрясениями, отражающими переход от двухсотлетней техногенной индустриальной к гуманистически-ноосферной цивилизации, от пятисотлетнего пятого поколения локальных цивилизаций (когда доминировал Запад Европы и США) к более

дифференцированному пятому поколению с предсказанным П. Сорокиным и А. Тойнби сдвигом творческой активности на Восток [1] [2] [3] [4] (см. табл. 1; рис. 1).

Таблица 1. Волны эпохальных инноваций при смене исторических эпох

Эпохи	Технологические инновации	Экологические инновации	Экономические инновации	Социально-политические инновации	Инновации в культуре
Мезолит (10–8-е тыс. до н.э.)	Лук и стрелы, челны и сети, керамическая посуда	Начало выращивания злаков, одомашнивания диких животных	Зачатки воспроизводящей экономики	Сооружение жилищ и поселений, территориальные общины	Расцвет наскальной живописи, анимистического мировоззрения, коллективистской этики
Неолит (7–4-е тыс. до н.э.)	Становление земледелия, скотоводства, ремесла, строительства. Специализированные орудия труда	Производительное использование земли, пастбищ. Подсечное земледелие	Становление воспроизводящей экономики. Прибавочный продукт. Межобщинный обмен, деньги. Неравенство	Моногамия, семья, племенные объединения, родоплеменной строй. Вечевая демократия. Городская революция	Зачатки прикладных наук. Система мифов, жрецы. Обрядовые музыка и танцы. Украшения из керамики. Письменность
Раннеклассовая цивилизация (3-е – начало 1-го тыс. до н.э.)	Плавка металлов (медь, бронза, золото). Орошаемое земледелие. Плуг, металлическое оружие колесная повозка	Ирригационное земледелие. Рудники, добыча минерального сырья. Энергия животных	Рабовладельческий строй. Частная и государственная собственность. Эксплуатация. Многоукладная экономика. Налоги. Товарное производство, рынки. Международная торговля	Возникновение классов, государства, права, армии, войны. Крупные города. Локальные цивилизации	Строительство дворцов, храмов, пирамид. Прикладные науки. Школы писцов. Профессиональные художники, поэты, музыканты, танцоры. Переворот в этике. Религиозные системы
Античная цивилизация (вторая половина 1 тыс. до н.э. – первая половина 1 тыс. н.э.)	Освоение железа. Железные орудия труда и оружие. Сталь. Дифференциация орудий труда	Богарное земледелие. Морское судоходство, паруса, энергия ветра, водяные колеса	Эргастерии и латифундии. Байки. Рыночное хозяйство полисов, империй. Многоотраслевая структура экономики	Полисы. Демократия. Свобода. Колонизация. Мировые империи	Философия. Возникновение абстрактных наук. Школы философов. Академия Платона, лицей Аристотеля. Расцвет искусства (скульптура, драматургия, архитектура). Возникновение мировых религий, этических систем. «Осевое время». Интегральный

					строй
Средневековая цивилизация (VI–XIV вв.)	Трехполье. Ветряки, часы. Огнестрельное оружие. Компас, многопалубные корабли	Сила ветра и падающей воды. Мельницы	Феодальный строй. Цеховая организация ремесла. Вольные города, торговые союзы. Ярмарки. Феодальная рента	Феодальная раздробленность. Личная зависимость крестьян, ведущая роль духовенства. Феодальные и религиозные войны	Господство религии. Идеациональный социокультурный строй. Книгопечатание. Университеты. Господство религиозной морали. Распространение ислама
Раннеиндустриальная цивилизация (XV – середина XVIII в.)	Домны, каменный уголь. Специализация орудий труда в мануфактурах. Артиллерия, ружья, пистолеты	Великие географические открытия	Мануфактурное производство. Наемный труд. Капиталистический уклад, биржи. Бумажные деньги	Наемный труд и капитал. Политические партии. Парламент. Абсолютизм. Буржуазные революции. Вольные города	Великая научная революция. Утверждение чувственного социокультурного строя. Искусство Ренессанса. Светское образование
Индустриальная цивилизация (последняя треть XVIII -конец XX в.)	Машины. Машиностроение. Паровой двигатель. Индустриализация. Железные дороги. Электричество, двигатели внутреннего сгорания. Авиация. Атомная энергия, ядерное оружие. Компьютеры. Интернет	Освоение силы пара, электричества, атомной энергии. Начало освоения космоса. Генная инженерия. Начало экологии	Промышленная революция. Фабрики, заводы. Акционерные общества. Монополии. Капитализм. Социализм. Планирование. Государственный сектор экономики	Буржуазная демократия. Разделение властей. Пролетарские революции. Тоталитарные государства. Мировые войны. Мировая система социализма	Возвышение науки. Секуляризация общества. Всеобщее начальное и высшее образование. Кино. Телевидение. Закат чувственного строя. Массовая антикультура
Постиндустриальная, интегральная цивилизация (XXI–XXII вв.) (прогноз)	Постиндустриальный технологический способ производства. Шестой и седьмой технологические уклады. Гуманизация и экологизация технологий. Сокращение	Становление ноосферы. Реализация концепции устойчивого (ноосферного – П.Н.) развития. Замена природного сырья. возобновляемые источники энергии	Интегральный экономический способ производства. Многоукладная экономика, возрождение малого бизнеса. стимулирование рынка, Глобализация и демилитаризация экономики	Демократизация Государственного строя. Приоритет гражданского общества. Прекращение войн. Надгосударственные объединения. Многополюсный мир.	Интегральный социокультурный строй. Новая научная парадигма. Глобальные информационные потоки. Непрерывное образование. Гуманизация этики. Возрождение

	военных технологий			Диалог и партнерство цивилизаций	религий
--	--------------------	--	--	----------------------------------	---------

Рисунок 1. Волна эпохальных инноваций первой половины XXI века в контексте цивилизационных циклов.

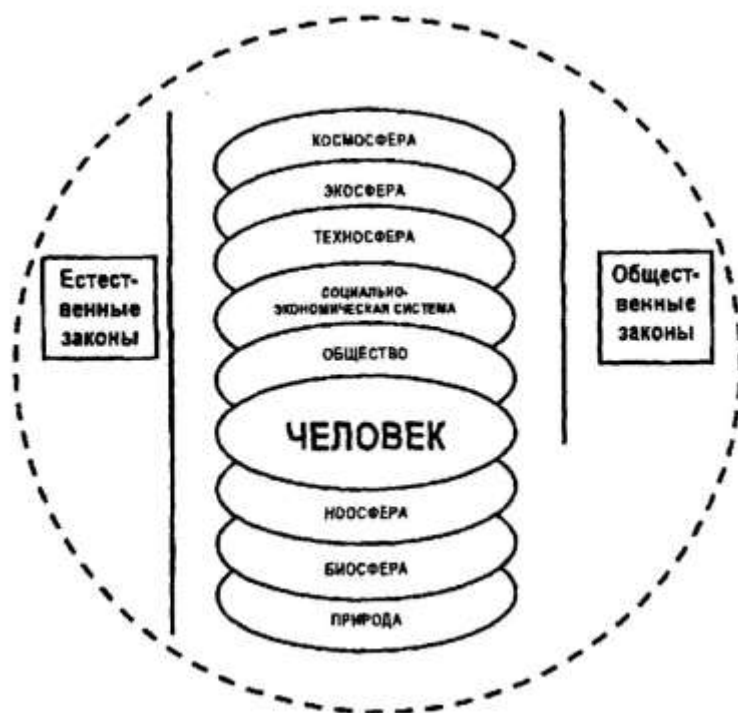
Опираясь на научные разработки выдающихся креативно-мыслящих ученых-гуманитариев и естественников, автор данного материала смог обосновать и разработать основы теории, методологии и экономико-математическую социально-ориентированную модель становления ноосферной экономики и ноосферного общества как новой парадигмы жизнедеятельности человека на планете «Земля» во имя сохранения и духовно-нравственной гармонии развития самого человека, природы и общества в 21 веке [5]. К основным трудам автора по ноосферной экономике и планетарной жизнедеятельности можно отнести [6] [7] [8] [9] [10] [11] [12] и др., всего – более 500 работ (см.: <http://www.cresearchgroup.org/competitors/>).

Сам человек автором рассматривается как разумный космосо-природный, духовно-нравственный, энерго-магнетический,

нанотехнологический биокластер, состоящий из атомов, бактерий, микробов, вирусов, нейросетей, воды, способный к разумной жизнедеятельности, самосовершенствованию, самовоспроизведению и переходу, трансферу (реинкорнации) в другие энерго-магнетические формы и виды существования. Разум, дух, слово, язык, сознание, знание, страх, власть, насилие, зависть, инстинкт самосохранения, интуиция, любовь, вера, надежда и другие понятия отражают названия соответствующей энерго-магнетической материальности атомов, молекул, бактерий, вирусов и других наноэлементов (10^{-9} м) и фемтоэлементов (10^{-15} м).

При этом само понятие «экономика» трактуется в изначальном древнегреческом словосочетании: «ойкос» – хозяйство (дом, жилище) и «номос» – закон. Экономика как естественный хозяйственный закон жизнедеятельности людей действует во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими естественными космосо-природными и общественными законами: сохранения материи, энергии и магнетизма, отрицания отрицания, единства и взаимопроникновения противоположностей, перехода количества в качество, соответствия спроса и предложения, возвышения потребности людей и т. д. (см. Рисунок 2).

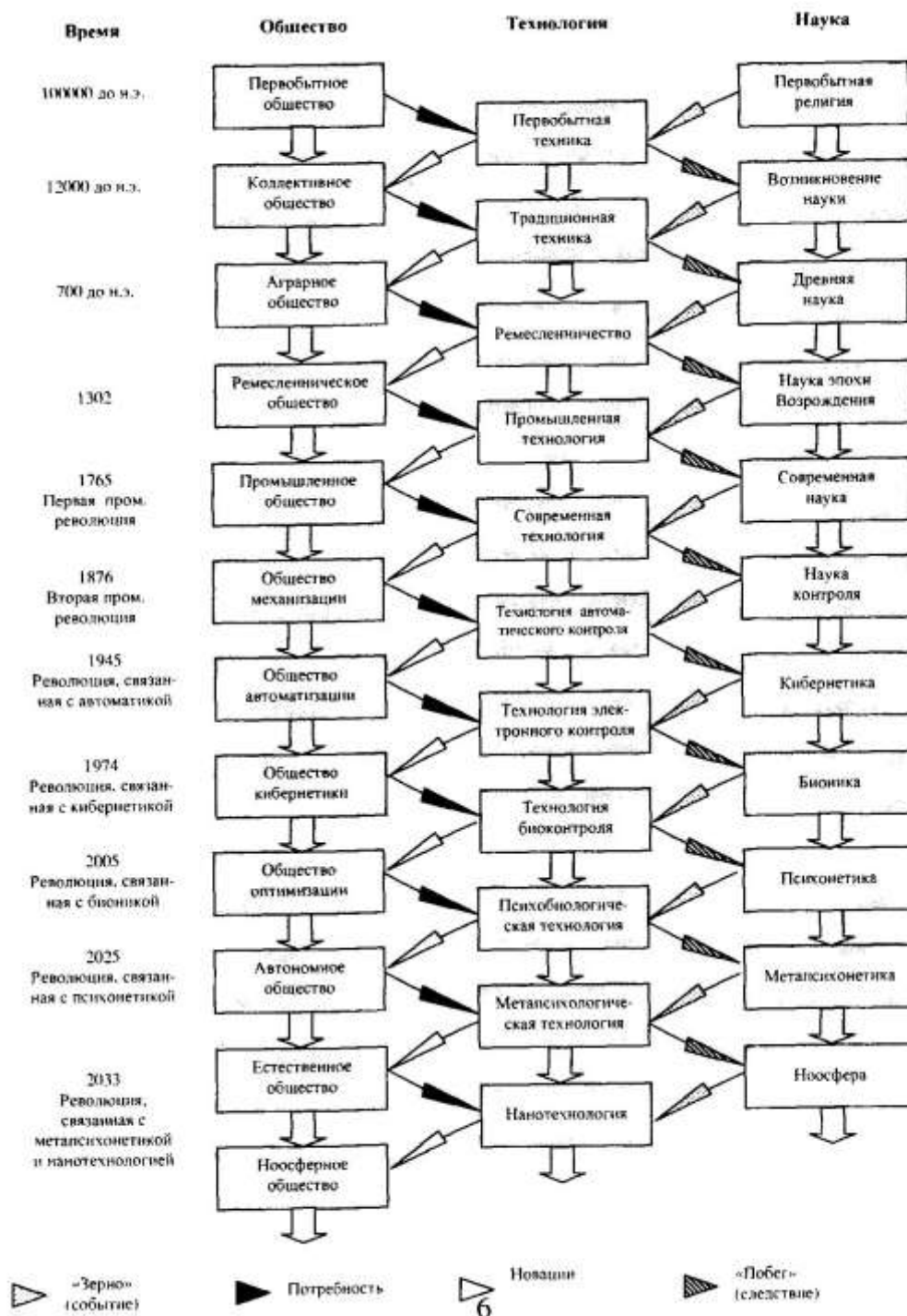
Рисунок 2. Жизнедеятельность человека в системе естественных и общественных связей

На всех этапах и при всех способах (системах) общественного воспроизводства Разум Человека выступал в различных формах знания и воплощался как в интеллекте человека, его профессионализме (человеческом потенциале), так и в технологиях, технологических укладах НТП и организационно-управленческой хозяйственной практике-

экономики. По сути, Разум Человека и его развитие, и планетарное накопление обеспечивали развитие и смену способов производства мировых производительных сил, технологий и производственных отношений, которые изменяли социально-экономические системы национального общественного воспроизводства, его целевые приоритеты и ценности (см. Рисунок 3).

Рисунок 3. Диаграмма стадий развития ноосферного общества, составленная по системе «SINIC»

Техногенное развитие цивилизации, возросшая мощь экономики, все более проявляющиеся негативные тенденции ее глобализации ныне стали

главными факторами изменения биосферных констант нашей планеты. Обострилась борьба за ресурсы, произошло небывалое расслоение мира по доходам, обозначился системный кризис духовности Человека вследствие его отчуждения от Природы. В результате человечество оказалось перед угрозой общецивилизационного кризиса и достигло, образно говоря, «пределов роста». Уже в XXI в. могут возникнуть условия, при которых дальнейшее развитие человеческой цивилизации станет невозможным.

Все выше изложенное указывает на то, что страны мира находятся в условиях объективного трансформационного императива – необходимости перехода на реализацию новой ноосферной планетарной парадигмы своего социально-экономического развития – обеспечения гармонизации макросистемы «Природа – Человек – Общество», где ценностью и самоценностью общественного воспроизводства становится Человек и природа с учетом использования международных цивилизационных законов, стандартов, принципов и тенденций, но с сохранением естественной исторической своей духовной и материальной культуры.

Как полагают сторонники ноосферного учения, основу которого положила теория В.И. Вернадского о ноосфере, выживание цивилизации, сохранение биосферы возможно только при условии гармонизации взаимоотношений человека, общества и природы как единого целого на основе глобальности мышления и ответственности Человека, его разума за жизнедеятельность людей на планете, воплощенных в соответствующие социально-экономические практики хозяйствования. Иначе говоря, решение проблем ноосферного общественного воспроизводства должно исходить из понимания того, что человек включен не только в социально-экономический, социокультурный, научно-технический, общественно-исторический, но и в эволюционный – генетический планетарный (глобальный) ноосферный процесс. Чем полнее развиты разумные способности, интеллект, культура, духовные качества индивидуума, чем ответственнее и креативнее он относится к делу, чем глубже и системнее предвидит отдаленные последствия своих действий на природу и общество, тем более сложные задачи он ставит и может решать по улучшению своей жизнедеятельности.

Отмечая значение развития способностей человека, его интеллектуальных, культурных и духовных качеств, важно иметь в виду, что эти качества как продукт нематериального производства по сравнению с материальной культурой не только вечны, но и последовательно накапливаются и являются основой, на которой возможен новый качественный рост материального и нематериального производства. Это обстоятельство классики при обсуждении важнейших составляющих богатства страны по существу оставили без внимания. Между тем, именно Разум как сущностная и познавательная деятельность человека, способность логически и креативно мыслить в своей деятельности и собственной жизни помогал ему осваивать, разделив и систематизировав труд, новые способы земледелия и повышать урожайность, найти

применение нефтяных пластов, не приносящих на протяжении многих тысяч лет никакой пользы человечеству, определил ведущую силу научно-технического прогресса. Благодаря Разуму человек изобрел новые способы транспортировки и распространения товаров, новую стратегию поведения на рынке, новые возможности общения между людьми. Можно без конца перечислять те объекты, созданные творцом – Разумом, которые оставались неиспользованными, пока человек благодаря своей познавательной деятельности, способностью логически и творчески мыслить не увидел в них нечто полезное.

Разум повышает стоимость изделия, вводит в оборот новые ресурсы. Не менее существенно его значение для общественного развития. Еще Адам Смит привел многочисленные доказательства в пользу того, что благоразумность обычного человека приводит не к анархии, как было принято думать, а к рождению нового порядка. Поэтому ясное ноосферное мышление – это первая обязанность каждого разумного человека и общества, поскольку общество не представленная природой данность, оно результат жизнедеятельности людей. Именно разум человека формирует общество.

Разум упорядочивает всю систему. Он способствует нововведениям, улучшению организации социально-экономической деятельности, повышению эффективности производства и более полному удовлетворению потребностей. Он помогает прогнозировать и планировать не только на ближайшую, но и на далекую перспективу. Разум позволяет скоординировать взаимодействие всех элементов системы: финансов, материалов, оборудования, производителей, посредников и потребителей. С его помощью человек может определять программные цели и средства их достижения и тем самым совершенствовать его применение.

Разум подчинен целям предприятия, жизнь которого длиннее жизни человека. Многие в этом мире зависят от прогнозного и сознательного вмешательства в ход событий – использование разума повышает вероятность успеха в выборе программно-целевых методов государственного управления социально-экономическими процессами.

Неоспоримая и возрастающая очевидность и «осязаемость» интеллектуальной деятельности, особенно ее ядра – сферы Разума (ноосферы) как неиссякаемого и интенсивно воспроизводимого планетарного (национально-интернационального) ресурса интеллектуальной деятельности и движущей силы устойчивого социально-экономического развития, обуславливает необходимость использования в системе категориального аппарата общественного воспроизводства специальный термин «ноосферная экономика». Ее понимание объективно следует из той роли и значимости сферы в цивилизационном процессе, суть которых в его воспроизводственной парадигме – обеспечении воспроизводственной гармонизации макросистемы Природа – Человек – Общество и сохранении ее для будущих поколений.

Ноосферная экономика нами трактуется как разумный способ общественного воспроизводства человека, товаров, работ и услуг на основе совершенствования системы корпоративных инновационных планетарных производственных отношений и преимущественно постиндустриальных производительных сил с соответствующими показателями эффективности: креативным развитием личности человека, максимальной занятостью трудоспособного населения страны, сохранением природы для будущих поколений, качественным структурным воспроизводством ВВП и его разумным по формуле золотого сечения распределением между относительно бедными членами общества в зависимости от эффективности их труда.

Следует отметить, что ноосферная экономика как реальность в той или иной мере функционировала на всех этапах развития производительных сил и производственных отношений (см. диаграмму). Она определяла уровень и темпы научно-технического прогресса, динамику экономического роста и уровень цивилизации в целом, а по сути – глобальное противоречие цивилизационного развития человека и человечества на нашей планете как социально-экономического и биологического феноменов. Она прошла ряд этапов своего становления по типологической классификации уровня развития производительности сил и производственных отношений – первобытнообщинный, рабовладельческий, феодально-крепостнический, азиатский, капиталистический, а по типологической характеристике производительных сил и технологии зафиксировала себя как доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный способы (социально-экономические системы) общественного воспроизводства.

При этом на всех этапах и при всех способах (системах) общественного воспроизводства Разум выступал в различных формах знания и воплощался как в интеллекте человека, его профессионализме (человеческом потенциале), так и в технологиях, технологических укладах НТП. По сути, Разум и его планетарное накопление обеспечивали развитие мировых производительных сил и производственных отношений, которые изменяли способы национального общественного воспроизводства, его целевые приоритеты и ценности.

Однако, несмотря на кажущуюся сегодня очевидность и понимание места и роли ноосферы в цивилизационном социально-экономическом развитии, этот, по сути, главный экономический фактор-императив остается пока за пределами осознанного включения в производственные отношения, особенно на основе использования товарно-денежных отношений и непосредственной его стоимостной оценки. Между тем, как сущностное явление Разум, накапливаясь в различных формах знания – науке, образовании, информации, технологии, культуре, духовности, психологии и др., все в большей степени «заявляет» о необходимости «вычленять» («отчуждать») себя из предметной деятельности и непосредственно фиксировать себя в качестве специфического

нематериального товара – стоимостного актива ноосферной (интеллектуальной) стоимости.

Отличительной особенностью ноосферной экономики является рост наукоемкости ВВП и реализация как приоритетной потребности человека – непрерывности образования на основе роста его наукоемкости. Непрерывность образования на основе повышения его наукоемкости обеспечивает рост качества трудовых ресурсов и возможность перспективного роста органического строения производства, а следовательно, повышения его интенсификации и эффективности на основе НТП. Воспроизводство во взаимосвязи научного знания и научного образования как товара является приоритетным процессом цивилизационного развития.

Характерной особенностью ноосферной экономики является признание того, что наряду с созданием нового товара – знания возрастает роль диффузии трансферта разума. Это предполагает усиление внимания распределительным отношениям «мировых накоплений знаний» (сферы разума) и «национальным инновационным системам», которые выступают исполнительными устройствами и структурами использования планетарного разума в экономике как товара.

Исходя из изложенного содержания и целевой функции социально ориентированной ноосферной экономики, очевидно, что общественное воспроизводство в ней целесообразно рассматривать в единстве не по двум (I, II), как ныне общепринято марксовым схемам, а по трем, предлагаемым нами, совокупным подразделениям:

$$\begin{aligned} I \quad C_1 + V_1 + M_1 &= P_1; \\ II \quad C_2 + V_2 + M_2 &= P_2; \\ III \quad C_3 + V_3 + M_3 &= P_3; \\ \sum C + V + M &= P, \end{aligned} \tag{1}$$

где I – производство средств производства, включая природные ресурсы; II – производство предметов потребления, включая дары природы; III – производство человека как социального продукта (разум, знание, наука, образование, культура, услуги); C, V, M, P – воспроизводство соответственно постоянных фондов, переменных фондов, прибавочного продукта и валового национального продукта (национального богатства).

Именно такой подход к группировке отраслей общественного воспроизводства позволяет описать социально-экономическое развитие как устойчивый и взаимосвязанный инновационный процесс накопления фондов и воспроизводства материального и нематериального продукта.

Данную модель в распределительно-затратном товарно-денежном аспекте можно представить на основе правил линейной алгебры в виде следующей схемы:

$$\begin{aligned}
I \quad C_1 + V_1 + M_1 &= P_1; \\
II \quad C_2 + V_2 + M_2 &= P_2; \\
III \quad C_3 + V_3 + M_3 &= P_3; \\
\sum C + V + M &= P,
\end{aligned}
\tag{2}$$

где P_1 – распределение потребленных материально-вещественных условий и факторов производства; P_2 – распределение произведенных предметов потребления; P_3 – распределение произведенного социального (ноосферного) продукта.

Воспроизводство и накопление фондов в самом общем плане осуществляются следующим образом. Продукция I подразделения (P_1), которая состоит из потребленных средств производства (включая и природные ресурсы), распадается на три части: C_1 , C_2 , C_3 . Часть продукции, равная C_1 , поступает посредством внутреннего обращения для возобновления (возмещения) примененных постоянных фондов в процессе производства общественного продукта этого же подразделения. Часть продукции, равная C_2 , поступает во II подразделение с целью возобновления (возмещения) примененных постоянных фондов в процессе производства предметов потребления. Часть продукции, равная C_3 , поступает в III подразделение с целью возобновления (возмещения) примененных постоянных фондов в процессе производства социального и ноосферного продукта (планетарного интеллекта, разума, культуры, здоровья, духовных благ и других нематериальных услуг).

Аналогичное движение происходит и с продукцией II и III подразделений. Продукция II подразделения (P_2) поступает как для работников этого подразделения (II), так и для двух других подразделений (I и III). Производство этой продукции возобновляет переменные фонды (V_1 , V_2 , V_3) каждого из соответствующих подразделений в плане удовлетворения материальных благ и услуг. Продукция III подразделения (P_3) также поступает во все три подразделения для возобновления переменных фондов в плане удовлетворения социальных (нематериальных, духовных) благ и услуг. Продукция III подразделения (P_3) также поступает во все три подразделения для возобновления переменных фондов в плане удовлетворения социальных (нематериальных, духовных) благ и услуг (здесь и далее речь идет о биосоциальном и ноосферном продукте, под которым нами понимается потребительская стоимость, удовлетворяющая нематериальные (духовные) разумные потребности человека, то есть продукт труда, получаемый в так называемой нематериальной (духовной) сфере производства).

Все три подразделения находятся в органической взаимосвязи, которая может быть представлена матрицей:

$$\begin{bmatrix} C_1 & V_1 & M_1 \\ C_2 & V_2 & M_2 \\ C_3 & V_3 & M_3 \end{bmatrix} M_{ВНП}^3 \quad (3)$$

Продукция, произведенная в каждом из подразделений, показана соответствующей строкой. Назовем эту матрицу матрицей затрат первоначального стоимостного состава валового национального продукта ($M_{ВНП}^3$). Переместив входящие в нее элементы таким образом, чтобы строки заменились столбцами с теми же номерами, получим видоизмененную матрицу:

$$\begin{bmatrix} C_1 & C_2 & C_3 \\ V_1 & V_2 & V_3 \\ M_1 & M_2 & M_3 \end{bmatrix} M_{ВНП}^{\Pi} \quad (4)$$

Каждая отдельная строка этой матрицы отражает движение продукции как внутри одного подразделения, так и за его пределами, т.е. в другие подразделения. Данную продукцию назовем матрицей предложения ($M_{ВНП}^{\Pi}$). Здесь каждый элемент отражает соответствующие потоки продуктов. Так, C_1 , V_2 , M_3 , являясь элементами, расположенными на главной диагонали, потребляются в тех же подразделениях, где они производятся. После обмена эти элементы не изменяют своего места в матрице. Другие изменения происходят с элементами C_2 и V_1 , C_3 и M_1 , V_3 и M_2 . Все они соответственно меняются местами друг с другом. Транспонируя, т.е. меняя строки и столбцы данной матрицы, получаем следующую видоизмененную матрицу:

$$\begin{bmatrix} C_1 & V_1 & M_1 \\ C_2 & V_2 & M_2 \\ C_3 & V_3 & M_3 \end{bmatrix} M_{ВНП}^{\Pi} \quad (5)$$

Назовем ее матрицей спроса ($M_{ВНП}^C$). Первый столбец M^C отражает движение средств производства, воспроизведенных в I подразделении для возмещения постоянных фондов во всех трех подразделениях социально-экономической системы. Второй столбец отражает использование предметов потребления, воспроизведенных во II подразделении для возмещения экономической части переменных фондов во всех трех подразделениях социально-экономической системы. Третий столбец отражает использование социального продукта (нематериальных, духовных благ и услуг), воспроизведенного в III подразделении для возмещения социальной части переменных фондов также во всех трех подразделениях социально-экономической системы.

В результате регулируемого рыночного взаимодействия всех сфер деятельности возобновляются основные и переменные фонды, а именно:

$$\begin{bmatrix} C_1' & V_1' \\ C_2' & V_2' \\ C_3' & V_3' \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} \Phi_1' \\ \Phi_2' \\ \Phi_3' \end{bmatrix} M^{\Phi} \quad (6)$$

Перед нами матрица возобновленных фондов (M^{Φ}). Она отражает реальный процесс накопления фондов, которые обеспечивают производство нового общественного продукта.

Для того чтобы возобновление фондов осуществлялось непрерывно, необходимо обеспечение равенства между матрицей предложений продуктов (M^{Π}) и матрицей спроса (M^C):

Исходная матрица фондов	Матрица затрат на производство продуктов	Матрица предложений продуктов	Матрица общественных потребностей (спроса на продукты)	Матрицы возобновленных фондов	(7)
----------------------------	--	-------------------------------------	---	-------------------------------------	-----

$$\begin{bmatrix} \Phi_1' \\ \Phi_2' \\ \Phi_3' \end{bmatrix} M^{\Phi} = \begin{bmatrix} C_1 & V_1 & M_1 \\ C_2 & V_2 & M_2 \\ C_3 & V_3 & M_3 \end{bmatrix} M^{\text{ВВП}} = \begin{bmatrix} C_1 & C_2 & C_3 \\ V_1 & V_2 & V_3 \\ M_1 & M_2 & M_3 \end{bmatrix} M^{\Pi} = \begin{bmatrix} C_1 & V_1 & M_1 \\ C_2 & V_2 & M_2 \\ C_3 & V_3 & M_3 \end{bmatrix} M^C = \begin{bmatrix} C_1' & V_1' \\ C_2' & V_2' \\ C_3' & V_3' \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} \Phi_1' \\ \Phi_2' \\ \Phi_3' \end{bmatrix} M^{\Phi}$$

Для того чтобы воспроизводство и накопление фондов осуществлялось непрерывно и сбалансированно, без диспропорций, необходимо обеспечение равенства между матрицей предложений продуктов (M^{Π}) и матрицей спроса (M^C). Данное равенство выражает условие сбалансированного воспроизводства, которое может быть представлено так:

$$\begin{aligned} C_1 + V_1 + M_1 &= C_1 + C_2 + C_3; \\ C_2 + V_2 + M_2 &= V_1 + V_2 + V_3; \\ C_3 + V_3 + M_3 &= M_1 + M_2 + M_3 \end{aligned} \quad (8)$$

Произведя сокращение одинаковых элементов в обеих частях данных уравнений, получим

$$\begin{aligned} V_1 + M_1 &= C_2 + C_3; \\ C_2 + M_2 &= V_1 + V_3; \end{aligned} \quad (9)$$

$$C_3 + V_3 = M_1 + M_2$$

Предполагается, что социальное (нематериальное) и экономическое (материальное) не включено друг в друга, а находится в дифференцированном состоянии. Эта дифференциация свидетельствует о том, что без прироста социального продукта трудно (если вообще возможно) получить прибавочный продукт в материальном производстве, и наоборот. Воспроизводство и накопление фондов в III подразделении не может осуществляться без соответствующего объема производства прибавочного продукта в I и II подразделениях. Каждое из равенств является одновременно условием и результатом двух остальных. При этом необходимо отметить, что существующее в политэкономической науке понятие «простое воспроизводство» требует к себе другого понимания, когда речь идет о социально ориентированном воспроизводстве.

Как известно, существующее понятие простого воспроизводства отражает в большей мере процесс распределения продукта, нежели процесс его производства. Определив норму прибавочной стоимости всегда равной 100% и идущей на личное потребление владельца средств производства – капиталиста, а не на увеличение необходимого продукта для развития личности трудящегося или средств производства, К. Маркс правомерно назвал такой процесс капиталистического производства простым, выразив его условия следующей формулой:

$$\begin{aligned} \text{I } (V + M) &= \text{ПС}; \\ \text{II } (C + V + M) &= \text{IC} + \text{ПС}; \\ \text{I } (V + M) + \text{II } (V + M) &= \text{II } (C + V + M) \end{aligned} \quad (10)$$

Однако, исходя из этой схемы, вряд ли можно считать социально ориентированное воспроизводство простым, если имеет место любое увеличение производства продукта по сравнению с базовым уровнем независимо от системы его распределения. По-видимому, простым воспроизводством является лишь такое производство, когда в нем нет какого-либо увеличения масштабов производства. Если же обеспечивается прирост П, то имеет место расширенное воспроизводство:

$$\begin{aligned} \text{I } C_1 + V_1 + M_1 &= P_1 + P_1; \\ \text{II } C_2 + V_2 + M_2 &= P_2 + P_2; \\ \text{III } C_3 + V_3 + M_3 &= P_3 + P_3; \\ \hline \sum C + V + M &= P^1 \end{aligned} \quad (11)$$

После распределения продукта (P') данное уравнение можно представить так:

$$\begin{aligned} \text{I } C_1 + \Delta C_1 + V_1 + \Delta V_1 &= P'_1; \\ \text{II } C_2 + \Delta C_2 + V_2 + \Delta V_2 &= P'_2; \\ \text{III } C_3 + \Delta C_3 + V_3 + \Delta V_3 &= P'_3; \\ \hline \sum C + \Delta C + V + \Delta V &= P' \end{aligned} \quad (12)$$

где ΔC и ΔV – добавления к постоянным (C) и переменным (V) фондам.

Обращение продуктов и фондов каждого подразделения отражается формулой 11:

$$\begin{aligned} \text{I} \quad P_1' &= C_1' + C_2' + C_3'; \\ \text{II} \quad P_2' &= V_1' + V_2' + V_3'; \\ \text{III} \quad P_3' &= M_1' + M_2' + M_3', \end{aligned} \quad (13)$$

где C_1', C_2', C_3' – стоимость средств производства, необходимых для возмещения и расширения постоянных фондов соответственно в I, II и III подразделениях.

Аналогично этому, V_1', V_2' и V_3' – предметы потребления, необходимые для возмещения и расширения преимущественно переменных фондов, а M_1', M_2' и M_3' – соответственно стоимость прибавочного продукта, необходимого для расширения (накопления) постоянных и переменных экономических и социальных фондов. Данный процесс может быть представлен следующей матрицей:

$$\begin{bmatrix} C_1 & C_2 & C_3 \\ V_1 & V_2 & V_3 \\ M_1 & M_2 & M_3 \end{bmatrix} \quad (14)$$

Если отобразить матричным методом конечный процесс воспроизводства и накопления фондов по итогам года, то необходимо осуществить процесс поворота элементов данной матрицы вокруг ее главной диагонали C_1, V_2, M_3 , то есть транспонирования других ее элементов.

$$\begin{bmatrix} C_1 & V_1 & M_1 \\ C_2 & V_2 & M_2 \\ C_3 & V_3 & M_3 \end{bmatrix} \quad (15)$$

Социальный продукт (P_3), взаимодействуя с экономическим продуктом (P_1, P_2), в процессе воспроизводства в конце года овеществляется и социализируется в фондах (C и V) и приобретает такую структуру:

$$\begin{bmatrix} C_1 & V_1 \\ C_2 & V_2 \\ C_3 & V_3 \end{bmatrix} \quad \text{или} \quad \begin{bmatrix} \Phi_1 \\ \Phi_2 \\ \Phi_3 \end{bmatrix} \quad (16)$$

Эти расширенные фонды участвуют в производстве валового национального продукта в следующем году, но уже имеющего стоимость:

$$\begin{aligned}
 & \text{I } C_1' + V_1' + M_1' = \Pi_1''; \\
 & \text{II } C_2' + V_2' + M_2' = \Pi_2''; \\
 & \text{III } C_3' + V_3' + M_3' = \Pi_3''; \\
 & \frac{\sum C' + V' + M'}{} = \Pi'';
 \end{aligned}
 \tag{17}$$

Весь процесс расширенного воспроизводства валового национального продукта и накопления фондов можно представить так:

$$\begin{array}{ccc}
 \begin{array}{c} \left[\begin{array}{c} \Phi_1 \\ \Phi_2 \\ \Phi_3 \end{array} \right] M^\Phi \\ \text{Стартовый} \\ \text{(базовый) год} \\ \text{производства и} \\ \text{накопления} \end{array} & = & \begin{array}{c} \left[\begin{array}{ccc} C_1 & V_1 & M_1 \\ C_2 & V_2 & M_2 \\ C_3 & V_3 & M_3 \end{array} \right] M^\Phi \\ \text{Исходная} \\ \text{матрица фондов} \end{array} \xrightarrow{\text{Производство}} \begin{array}{c} \left[\begin{array}{ccc} C_1 & V_1 & M_1 \\ C_2 & V_2 & M_2 \\ C_3 & V_3 & M_3 \end{array} \right] M_{\text{ВНП}}^3 \\ \text{Матрица затрат} \\ \text{производства} \\ \text{валового} \\ \text{национального} \\ \text{продукта} \end{array} =
 \end{array}$$

Обращение Потребление и накопление

$$\begin{array}{ccc}
 = & & \\
 \begin{array}{c} \left[\begin{array}{ccc} C_1 & C_2 & C_3 \\ V_1 & V_2 & V_3 \\ M_1 & M_2 & M_3 \end{array} \right] M_{\text{ВНП}}^\Pi \\ \text{Матрица} \\ \text{предложений} \\ \text{продуктов} \end{array} & = & \begin{array}{c} \left[\begin{array}{ccc} C_1 & V_1 & M_1 \\ C_2 & V_2 & M_2 \\ C_3 & V_3 & M_3 \end{array} \right] M_{\text{ВНП}}^C \\ \text{Матрица} \\ \text{общественных} \\ \text{потребностей} \\ \text{(спроса на} \\ \text{продукты)} \end{array} \longrightarrow = \begin{array}{c} \left[\begin{array}{ccc} C_1' & V_1' & M_1' \\ C_2' & V_2' & M_2' \\ C_3' & V_3' & M_3' \end{array} \right] M^\Phi \\ \text{Матрицы} \\ \text{возобновления} \\ \text{и накопления} \\ \text{фондов} \end{array} = \begin{array}{c} \left[\begin{array}{c} \Phi_1' \\ \Phi_2' \\ \Phi_3' \end{array} \right] M^\Phi \\ \rightarrow \end{array}
 \end{array}$$

Производство

$$\begin{array}{ccc}
 \begin{array}{c} \text{Следую} \\ \text{щий год} \\ \text{произво} \\ \text{дства} \end{array} & \begin{array}{c} \left[\begin{array}{ccc} C_1 & V_1 & M_1 \\ C_2 & V_2 & M_2 \\ C_3 & V_3 & M_3 \end{array} \right] M_{\text{ВНП}}^3 \\ \text{Производство} \end{array} = \begin{array}{c} \left[\begin{array}{ccc} C_1 & C_2 & C_3 \\ V_1 & V_2 & V_3 \\ M_1 & M_2 & M_3 \end{array} \right] M^{\Pi^1} \\ \text{Обращение} \end{array} = \begin{array}{c} \left[\begin{array}{ccc} C_1 & V_1 & M_1 \\ C_2 & V_2 & M_2 \\ C_3 & V_3 & M_3 \end{array} \right] M^{C'} \\ \rightarrow \end{array}
 \end{array}$$

Матрица затрат
валового
национального
продукта

Матрица
предложений
продуктов

Матрица
общественных
потребностей
(спроса на продукт)

Потребление накопление

$$\rightarrow \begin{bmatrix} C_1' & V_1' \\ C_2' & V_2' \\ C_3' & V_3' \end{bmatrix} M^{\phi'} = \begin{bmatrix} \Phi_1' \\ \Phi_2' \\ \Phi_3' \end{bmatrix} M^{\phi'} \rightarrow \Lambda \text{ и т.д.}$$

Матрицы возобновления и
накопления фондов

(18)

Используя уравнения (8) и (9), выводим условия расширенного воспроизводства и накопления фондов:

$$\begin{aligned} C_1' + V_1' + M_1' &= C_1' + C_2' + C_3'; \\ C_2' + V_2' + M_2' &= V_1' + V_2' + V_3'; \\ C_3' + V_3' + M_3' &\geq M_1' + M_2' + M_3'. \end{aligned} \quad (19)$$

Сократив одинаковые числа в данных уравнениях, получим:

$$\begin{aligned} V_1' + M_1' &= C_2' + C_3'; \\ C_2' + M_2' &= V_1' + V_3'; \\ C_3' + V_3' &\geq M_1' + M_2'. \end{aligned} \quad (20)$$

Для доказательства практической значимости и необходимости использования в современной деятельности народнохозяйственных органов власти и управления трех секторных схем воспроизводства продукта и накопления нами предлагается система соответствующих экономико-математических моделей их реализации. В них осуществлена замена стоимостного состава воспроизводимого продукта и накопление фондов взаимосвязанными коэффициентами и удельным весом каждого. Эти коэффициенты научно определяют, как должны соотноситься каждая из структурных частей фондов, чтобы обеспечивался заданный прирост общественного продукта и накопление фондов как в целом по стране, так и по отраслям (сферам). Учитывая, что для определения эффективности тех пропорций, в которых фонды, функционируя в системе отношений «стоимость-продукт», обеспечивают максимальную отдачу, необходимо иметь соответствующие статистические данные, которых пока недостаточно. Полезность изложенной здесь методики, ее механизм нами рассматривается на условных числовых примерах [13, с. 127–142].

Как следует из представленных нами схем и матриц трехсекторного подразделения общественного воспроизводства, в которых органически увязывается ноосферная парадигма социально-экономического развития, очевидна необходимость непрерывного и сбалансированного функционирования этих подразделений, обеспечивающего воспроизводство общественного продукта и накопления фондов. Однако здесь не совсем ясна роль и место фондов потребления и накопления, если подходить к этим категориям с традиционных позиций.

Обычно потребление, равно как и накопление, связывается с вещественным богатством как самоцелью общества и противопоставляется накоплению по аналогии с подходом к нему К. Маркса, считавшего потреблением все то, что не служит делу капитала. «Не может накапливать тот, – писал он, – кто проедает весь свой доход вместо того, чтобы добрую долю его расходовать для найма добавочных производительных рабочих, дающих больше, чем они стоят» [14, с. 602]. И это положение совершенно верно, если не учитывать значения в общественном воспроизводстве вечное и исторически конкретное соотношение экономического и социального прогресса общества вообще.

Если же потребление рассматривать с позиций нашей трактовки социально ориентированного общественного производства, где действительным богатством общества должна являться личность человека, то потребление – это накопление переменных фондов во всех сферах общественного производства. Именно потребление как накопление переменных фондов представляет предпосылку и условие воспроизводства основного отношения социально ориентированного воспроизводства – по поводу, прежде всего развития самих людей, а не по поводу лишь производства материальных благ, на что правомерно указывают ныне многие исследователи [15, с. 187].

Отсюда вытекает необходимость, во-первых, понимания потребления как всего того, что служит накоплению переменных фондов, но, естественно, «погибает» в них, а во-вторых, новой трактовки теоретико-методологических методических аспектов накопления и фондов.

При этом мы исходим из того, что особенное категории накопления, с одной стороны, отражает нечто общее, характерное для всех конкретно-исторических (специфических) общественных производств, а с другой – ее истинность заключается в условиях определенного вида (типа, способа) социально-экономической деятельности. В то же время сложность этой проблемы состоит в том, что именно накопление объективно «формирует» единство природных материальных и нематериальных основ прогрессивного образа жизни, но наше сознание, мышление пока не всегда может отразить, системно охватить этот процесс и определить адекватные ему формы социально-экономической и экологической деятельности. Игнорируя эту возможность, диалектику ее развития, нельзя понять «тайну» объективного естественноисторического рождения истинных

ценностей общественного производства, тем более выработать эффективный механизм его управления.

Отмеченные особенности накопления, его внутренней диалектики в конкретно-исторических (специфических) условиях общественного воспроизводства позволяют глубже и всестороннее раскрыть не только место их в общественном воспроизводстве. При этом надо учитывать, что самодвижение выступает как способ существования накопления, материи и противоречия являются его сущностными атрибутами.

Общность и объективность категории накопления определяется материальной формой ее самодвижения, позволяющей человеку независимо от его воли и сознания фиксировать всеобщий способ существования природы, общества и самого человека. Ее материальность заключается в персонификации и очувствлении (опредмечивании и одухотворенности) всех природных и социально-экономических явлений. При этом персонификация и очувствление представляют собой фундаментальное единство противоположностей накопления – экономического и социального, материального и нематериального, духовного и т.д. Не накопленных существующих процессов и явлений в окружающем нас мире просто нет. Из чего, например, состоит сам человек как продукт накопления? Это, во-первых, материальная форма противоречивого длительного процесса накопления природы – биогенеза – антропогенеза; во-вторых, материальная форма противоречивого процесса накопления совокупных общественных отношений – социогенеза.

Вместе с тем общность категории «накопление» состоит в том, что она как бы «цементирует», «фиксирует» не только свое единство и противоположность с категорией «потребление», но и всеми другими понятиями, включая и само противоречие как таковое. Иначе говоря, накопление материализует процесс взаимопроникновения, взаимоотрицания (борьбы) и взаимоположения (единства) всех других категорий. Эта общность фиксируется в накоплении противоречий между парными категориями, которые выработали человек и общество: материальным и идеальным, самосохранением и самообновлением природы и общества, деятельностью и трудом, средствами труда и предметами труда, живым и овеществленным трудом, его количеством и качеством, экстенсификацией и интенсификацией, организацией и дезорганизацией и т.д.

Названные и другие понятия соотносятся с накоплением как форма и содержание, явление и сущность, а потому, конечно, не сводятся как к категории «накопление», так и друг к другу без остатка. Накопление – уникальная, особенная категория. Ее уникальность, особенность – в чувственной (предметной и идеальной) форме самодвижения и его сущности – материи и противоречий. Вместе с тем накопление следует рассматривать как единичную, конкретную форму, которая выражается определенными известными типами (видами) накопления, каждый из которых имеет свои отличительные черты и потому предполагает

развернутые определения. Единичность, конкретность накопления в развернутом определении может быть представлена следующим образом:

– во-первых, накопление истинно только в соотношении с понятиями «материя», «движение», «самодвижение» и «противоречие», а также со своим антиподом «потребление»;

– во-вторых, накопление становится таковы лишь в конкретно-историческом, человеческом восприятии самодвижения разнообразных явлений и процессов в природе, обществе и самом человеке;

– в-третьих, накопление выступает как общая социально-экономическая форма самодвижения, саморазвития природы, общества и человека;

– в-четвертых, накопление представляет собой социально-экономическую аккумуляцию в одном и том же предмете, явлении, отношении взаимоисключающих конкретно-исторических тенденций и закономерностей;

– в-пятых, накопление – это системное, многосложное и многоуровневое социально-экономическое образование, имеющее на каждом этапе своего развития соответствующие функции и диалектические взаимосвязи с другими социально-экономическими категориями.

Уясняя смысл социально-экономического содержания накопления, мы познаем закономерную смену всеобщего способа его существования на каждом из этапов общественного развития. Этот процесс познания непрерывен. Для понимания современного этапа общественного развития чужды как догматическая ограниченность познания, так и релятивизм, ведущий к плюралистическим концепциям «множественности истин». Возрастает также потребность глубокого осмысления непрерывного единства, объективно существующего между природой, обществом и человеком.

В этой связи ныне получают актуальнейшее звучание выводы В.И. Вернадского о биосфере и ее переходе в ноосферу, имеющие огромное мировоззренческое и практическое значение для определения содержательных аспектов накопления в ноосферной экономике. «Человек должен понять, – подчеркивал В.И. Вернадский, – как только научная, а не философская или религиозная концепция мира его охватит, что он не есть случайное, независимое от окружающего (биосферы или ноосферы) свободно действующее природное явление» [16, с. 28].

В свете этого и других высказываний известных мыслителей, гуманистов, ученых становится очевидным, что между природой, обществом и человеком существует диалектическое единство и противоположность, состоящие в том, что человек как биосоциальный вид накопления подчиняется законам природы и общества. В то же время как существо, представляющее собой высшее творение природы, наделенное разумом, он познает эти законы и строит сознательно свою деятельность в соответствии с их действиями.

Вся теория развития общества, на наш взгляд, есть применение теории накопления в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием конкретной форме к каждому из этапов общественного развития.

Отмеченные мировоззренческие и теоретические посылки приводят к вполне обоснованному выводу о том, что нельзя накопление пытаться раскрыть путем изучения отдельных, тем более одной, формы его проявления, например, через фонды «накопления», его соотношения с фондом потребления или процессом расширенного воспроизводства материальных благ. Именно на эту сторону не обращают внимания многие исследователи. Выделяя материальную деятельность» в качестве единственного краеугольного камня общего фундамента общественной жизни, они упускают из внимания то положение, что накопление отражает вечное и исторически конкретное соотношение «экономического» и «социального» прогресса общества вообще, их неразделимость.

Имеющиеся трактовки понятия «накопление», хотя в отдельных из них прослеживается близость к истине, имеют в разной степени одну методологическую и содержательную неточность, заключающиеся в том, что их объединяет стремление отразить натурально-вещественное проявление процесса накопления, нежели его сущность. Накопление здесь не становится категорией, системно отражающей объективно протекающий в недрах общества непрерывный процесс развития средств производства, общественных отношений, знания, сознания, мышления, культуры человека общества, гармонизации развития природы, общества и человека. Тем самым упускается из виду главное – органически присущая накоплению целостность, в рамках которой возможны противоречия между материальным и духовным, экономическим и социальным, человеческим и экологическим процессам накопления.

Вот почему важно, чтобы в поле зрения современной политико-экономической теории постоянно находились совокупное содержание и интегральный результат накопления, «конечным продуктом» которого выступают не только вещи, блага, услуги и не только знание, сознание, мышление, культура, но и сам человек в его отношениях с другими людьми и природой, т.е. общество, природа и человек в целом.

В этом смысле непреходящее методологическое значение имеет мысль К. Маркса о том, что «если рассматривать... общество в его целом, то в качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях. Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т.д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент» [17, с. 222].

Поэтому понимание внутренней диалектики накопления, предметом приложения сил и продуктом которого является природа, общество и человек, составляет необходимое условие правильного истолкования его сущности. В этой связи накопление в ноосфере экономики – это не то, что

находится «рядом», «около» или «над» общественным производством, либо производительными силами, либо производственными отношениями, либо человеком, либо его конечными результатами труда, а то, что существует все вместе взятое. Оно здесь представляет собой в первую очередь форму синергетического существования «социально-экономической материи», обеспечивает ее самодвижение, являясь космосо-природным, энерго-магнетическим, биосоциальным процессом, системной основой, материально-духовной синергетической движущей силой естественноисторического социально-экономического развития общества.

В политико-экономическом смысле сегодня важно и необходимо рассматривать накопление в системе общественного воспроизводства как процесс аккумуляции прогрессивных гуманистическо-ноосферных постиндустриальных общечеловеческих общепланетарных производственных отношений, обуславливающих в системе гармоничное социально-экономическое развитие триады «Природа – Человек – Общество». Материально-духовной его движущей силой, ценностью и самооценностью является человек труда, источником же является труд во всех сферах социально-экономической деятельности.

Исходя из концептуальных положений о целостной природе накопления в постиндустриальной ноосферной экономике важно определить адекватную всеобщую социально-экономическую форму его функционирования. Тем более что, по существу, применительно к рассматриваемому типу экономики такой научно отработанной всеобщей функциональной социально-экономической формы пока не выявлено, хотя при рассмотрении сущности накопления, а также в представленных схемах и матрицах трехсекторной модели воспроизводственного процесса прослеживается объективная возможность использования в качестве функциональной социально-экономической формы такой категории как «фонды».

Обоснованность такого подхода убеждает нас исследование проблем фондоемкости продукции в условиях всемерной интенсификации производства. Именно эта категория позволяет не только устанавливать и выражать общую связь и соподчиненность целей, источников, факторов и форм накопления в ноосферной экономике, но и создавать путем преимущественно экономических методов хозяйствования возможность осуществлять построение системы планомерного управления эффективностью деятельности во всех сферах (экономической и социальной), а также на региональном, отраслевом и производственном уровнях.

Чтобы эта возможность превратилась в действительность, следует, прежде всего, переосмыслить имеющееся теоретическое наследие в области понимания сущности категории фондов, определения их социально-экономического содержания. Как правило, исследователи, занимающиеся проблемами фондов, сводят их содержание к отдельным

вещественным элементам производительных сил, точнее, только к так называемым объективным факторам общественного производства – средствам производства в виде производственных фондов (основных и оборотных) и основных непроизводственных фондов. При этом нет единства в определении также и этих категорий. Не дается трактовки «родовой», общей категории, какой являются фонды ни в учебниках, ни в экономических словарях, специальной научной литературе, энциклопедии.

Понятийная трактовка фондов, на наш взгляд, может быть дана, если к ней подойти по аналогии с понятийной трактовкой капитала, абстрагируясь при этом от бытующего утверждения, что «производственные фонды и капитал есть вещественные носители соответственно социалистических и капиталистических производственных отношений» и только запутывающего сущность фондов как социально-экономической категории.

Всеобщими вещественными носителями любого способа производства и типа накопления могут быть только природные ресурсы, средства производства и люди. Фонды же, равно как и капитал, являются по своей социально-экономической природе социально-экономической формой накопления, прежде всего производственных отношений, которые представлены в этих и других накопленных вещественных элементах и придают им специфический общественный характер. По этому поводу К. Маркс отмечал: «Капитал – это не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической формации общества производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер» [18, с. 380–381].

По аналогии с данным определением капитала может быть выражено и социально-экономическое содержание фондов: фонды это не вещь, а определенное общественное производственное отношение, которое представлено в вещи и придает этой вещи в ноосферной социально ориентированное экономике общественный характер. При такой трактовке фонды в отличие от капитала по своей социально-экономической сути исключают отчужденность человека от вещественных факторов производства, эксплуатацию трудящихся и утверждают социальную справедливость на основе всеобщности труда, эквивалентного обмена результатами труда и гуманного отношения к природе и человеку.

Фонды, на наш взгляд, по своему вещественному составу должны отличаться от капитала количественно. Отличие должно состоять не в том, чтобы не включать в свой состав рабочую силу, что имеет место в настоящее время, а в том, чтобы эта категория, наоборот, включала наряду с вещественными факторами не только рабочую силу, но и самого работника, как ее трудового ресурсного носителя.

Это требование органически вытекает из рассмотренной нами сущности накопления в ноосферной социально ориентированной экономике. При этом надо отметить, что на практике для трудовых коллективов ныне более важным и необходимым становится стремление

иметь в своем составе не только рабочую силу, но и самого работника как личность, активно и креативно участвующую в процессе производства. Более того, в состав фондов, исходя из рассмотренной нами сущности накопления, целесообразно включать не только трудовые ресурсы и средства производства, но и природные ресурсы. Иначе говоря, фонды должны отражать производственные отношения в общественном воспроизводстве ноосферной экономики ко всему накопленному национальному богатству.

Включение трудовых и природных ресурсов вместе со средствами производства в состав фондов имеет исключительное значение для повышения эффективности в ноосферной социально ориентированной экономике. Они в сложном вещественном составе позволяют осуществлять реальный хозяйственный расчет на всех иерархических уровнях и во всех сферах деятельности. Они реально смогут побуждать регионы, предприятия, индивидуальных производителей добиваться полезного результата не при меньших затратах для получения прибыли, что характеризует суть капитала, а при недопущении никаких потерь ресурсов (фондов) для получения большей вновь созданной стоимости (дохода), сохранения природы для будущих поколений. В этом заключается принципиальная разница от капитала, потому что соизмерение всей вновь созданной стоимости (дохода) с фондами (ресурсами) предприятия или региона позволит дать объективную комплексную оценку эффективности каждого участника производства. Вместе с тем не менее важно для обоснования фондов как формы накопления в условиях ноосферной экономики понять, что они, как и капитал, есть движение стоимости, а не вещь, пребывающая в покое. В процессе накопления фонды совершают, непрерывное движение – кругооборот, предполагающий постоянно возобновляемое соединение стоимости средств, условий производства и работника. Он, имеет три стадии, что схематично можно изобразить следующим образом:

$$D - T \quad \left\langle \begin{array}{l} TP \\ СП \\ ПР \end{array} \right. \quad \dots \Pi \dots T^l \dots D^l - T^l \quad \left\langle \begin{array}{l} TP^l \\ СП^l \\ ПР^l \end{array} \right.$$

где D, D^l – деньги, T, T^l – товар, TP, TP^l – трудовые ресурсы, $СП, СП^l$ – средства производства, $ПР, ПР^l$ – природные ресурсы.

Для нормального кругооборота фондов важное значение имеет его последовательность и непрерывность. Если движение фондов задерживается на первой фазе, то образуются сокровища и происходит инфляция стоимости (денег), что преграждает путь потоку производства продуктов и услуг; если на второй фазе, то на одном полюсе будут всегда находиться, не функционируя, вещественные факторы, а на другом – незанятые, безработные трудящиеся; если на третьей – будет идти накопление нереализованных продуктов, создаваться условия для их дефицита и образования сокровищ.

При этом производство всей вновь созданной стоимости и потребительной стоимости, а также развитие человека и совершенствование производственных отношений, т.е. накопление фондов, составляет ведущую тенденцию кругооборота социально-экономического развития. Постоянное увеличение и качественное совершенствование фондов становится условием реализации указанной тенденции.

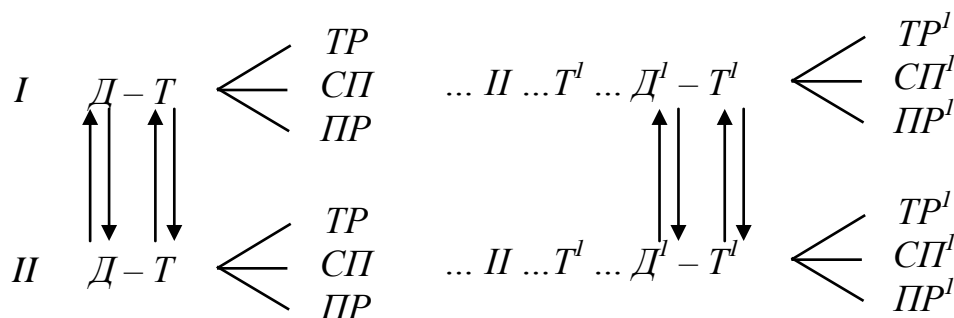
Фонды в своем движении имеют тенденцию к постоянному изменению и взаимопревращению, что обуславливается конкретно-историческими условиями их функционирования независимо от отраслевых и территориальных границ. Это объясняется в свою очередь тем, что весь характер накопления в ноосферной экономике, равно как и фондов, определяется гуманным отношением к человеку и экологии, эквивалентным обменом труда, общецивилизационными потребностями каждого человека и общества в целом, а также исключением эксплуатации в производственных отношениях. Следовательно, если эти черты не получают устойчивую тенденцию к прогрессу, то утверждать о функционировании категории фондов, тем более их накоплении, совершенно недопустимо.

Следует отметить, что для содержательной характеристики фондов с точки зрения их движения, а также установления более четкой функциональной взаимосвязи с существующей классификацией основных сфер общественного воспроизводства не менее важно уточнение существующих названий их относительно самостоятельных основных видов. В частности, правомерно было бы назвать фонды, которые осуществляют кругооборот в сфере производства материального продукта, экономическими фондами, которые в свою очередь, подразделить на основные экономические фонды и на оборотные экономические фонды. Фонды же, которые осуществляют кругооборот в сфере производства социального продукта (потребительная стоимость, удовлетворяющая нематериальные (духовные) потребности человека, т.е. продукт труда, получаемый в так называемой сегодня нематериальной (духовной) сфере производства), целесообразно было бы назвать социальными видами, которые в свою очередь также подразделять на основные социальные фонды и оборотные социальные фонды.

Понятия «экономические фонды» и «социальные фонды» предлагается употреблять в значении, в котором они охватывают всякую отрасль так называемых сегодня сфер материального или «нематериального» (духовного) производства. При этом экономические и социальные фонды обозначают только относительно самостоятельные виды фондов, функции которых и составляют содержание тоже относительно самостоятельных, но не отделенных жесткими границами друг от друга отраслей предпринимательства, обеспечивающих социальное и экономическое развитие страны. Они обозначают лишь особые функциональные формы фондов, которые в своем кругообороте не только

последовательно принимают все три формы – денежную, производительную и товарную, но и взаимодействуют друг с другом, представляя собой постоянные процессы интеграции, например науки и производства.

Взаимодействие и интеграция экономических и социальных фондов в процессе их кругооборота совершаются лишь при том условии, если их различные фазы без задержек приходят не только одна в другую лишь в границах кругооборота экономических и социальных фондов, но и фондов в целом, как бы по вертикали, через их границы. Этот процесс можно представить в следующем виде:

где I и II – соответственно кругооборот экономических и социальных фондов.

На эту важную сторону движения фондов экономическая наука пока не обращает внимания. Не случайно в нашем сознании, особенно обыденном, нередко абсолютизируются и фетишизируются результаты товарной, материальной сферы, а нематериальная, духовная сфера выступает в роли ее налогоплательщика, иждивенца, расточителя, нахлебника. Отсюда – живучесть остаточного подхода в социально-экономической практике к развитию социальной сферы.

Рассмотренные аспекты накопления фондов не только расширяют представление о содержательной стороне ноосферного воспроизводства. Они в известной степени являются ключевым моментом в совершенствовании научной методологии и методики современного рыночного хозяйства.

Основным законом проектирования гармоничных систем каждого государства и мирового сообщества в целом может стать Ноосферная Этико-Экологическая Конституция Человечества (Ноо-Конституция), разработанная лучшими креативными умами мира, обсужденная и одобренная Всемирным Форумом Духовной Культуры, прошедшим 18–20 октября 2010 г. в Астане (столице Казахстана) при финансовой и политической поддержке Президента Казахстана Н.А. Назарбаева [19].

В качестве системного организационно-экономического инструментария реализации Ноо-Конституции в жизнедеятельности Человечества положена экономика, основанная на ноосферных знаниях – ноосферная экономика [9].

В качестве первых практических шагов на пути проектирования гармоничных систем и реализации ноосферной экономики и

фондоэкономной модели социально-экономического развития национального и планетарного общественного воспроизводства может стать:

– создание при ООН, руководителях государств или законодательных органах комитетов по ноосферному развитию, основной функцией которых будет разработка во взаимосвязи с мировыми тенденциями стратегических вопросов планетарной и национальной ноосферной экономики, безопасности, культуры, всей жизнедеятельности людей;

– включение в систему образования и науки предмета по формированию ноосферного мышления, мировоззрения и идеологии;

– создание в системе образования социальных учебных структур, которые будут выполнять роль подготовки и переподготовки кадров ноосферного экономического мышления.

Литература

1. Кузык, Б.Н. Цивилизация: теория, история, диалог, будущее / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец: В 6 т. – М., 2006–2010.
2. Моисеев, Н.Н. Судьба цивилизации, путь разума. – М., 1998.
3. Яковец, Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. – М., 1999.
4. Яковец, Ю.В. Глобальные экономические трансформации 21 века. – М., 2011.
5. Медведев, В.Ф. Академик Никитенко Петр Георгиевич. Экономист. Политэконом. Ноосферолог / В.Ф. Медведев и др.; под науч. ред. чл.-корр. НАН Беларуси, д.э.н., профессора В.Ф. Медведева. – Минск, 2011.
6. Никитенко, П.Г. Ноосферная модель устойчивого развития Беларуси как императив парламентской деятельности // Политический процесс в Беларуси: мат-лы междунар. науч. конф., Минск, 16–17 мая 1996 г. – Минск, 1996.
7. Никитенко, П.Г. Формирование ноосферного мышления и мировоззрения – императив науки Беларуси в 21 веке // Беларуская думка. – 2001. – № 9. – С. 57–66.
8. Андреев, И.Л. Цивилизационный процесс под углом ноосферного зрения / И.Л. Андреев, П.Г. Никитенко: В 3 кн. – Минск, 2002.
9. Никитенко, П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития. – Минск, 2006.
10. Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации / П.Г. Никитенко [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Институт экономики. – Минск, 2009.
11. Никитенко, П.Г. Ноосферная экономика как планетарная жизнедеятельностная хозяйственная сфера цивилизационного развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. ИСЭРТ РАН. – 2010. – № 3 (11). – С. 127–137.
12. Никитенко, П.Г. Социалистическое накопление и общественное воспроизводство: (не усвоенные уроки «краха СССР» и «социализма»). – Минск, 2011.
13. Ноосферное развитие Беларуси: теория, методология и практика. – Минск, 2009.
14. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 23. – М., 1960.

15. Ельмеев, В.Я. Воспроизводство общества и человека. – М., 1988.
16. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988.
17. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 46, ч. 2. – М., 1969.
18. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 25, ч. 2. – М., 1962.
19. Гордина, Л.С. Ноосферная Этико-Экологическая Конституция (Ноо-Конституция) / Л.С. Гордина, М.Ю. Лимонад, П.Г. Никитенко и др. – М., 2007.

О ВЛИЯНИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ИНТЕГРАЦИЮ И РЕАЛИЗАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

В.Ф. Медведев

Глобализация в современных условиях отличается резким усилением процессов виртуализации и ее влиянием на развитие региональной и локальной экономической интеграции, на формирование новых моделей социально-экономических систем трансформирующихся стран, на стратегию реализации их национального суверенитета в системе экономических отношений с мировым сообществом.

Вовлечение в глобализацию множества стран стало отчасти возможным потому, что экономики менее развитых стран становятся более открытыми, а протекционизм более развитых стран становится выражением практически реально действующего монополизма. Стало очевидным, что страны должны самостоятельно защищать свои интересы, решать, в какие интеграционные системы входить, какие внешние инвесторы, проекты и инвестиции им нужны, а какие нет.

Глобализация, как бы к ней ни относиться, меняет и стирает многие признаки национального государства, увеличивает разнообразие их связей и взаимосвязей, порождает региональные и глобальные наднациональные структуры. В этих условиях взаимозависимость и координация, создание больших интеграционных систем важнее, нежели изоляция.

Реальная интеграция – это современный способ достижения общности как целостности или внутренней органической взаимосвязи своих составных частей. Сами по себе они не самодостаточны и функционируют лишь как элементы или подсистемы единой системы. Здесь части определяются через целое, а оно, в свою очередь, через свои составные. Такая целостность создает так называемый *синергетический эффект* (греч. *synergeia* – сотрудничество, содружество), который не только намного больше своих слагаемых, но и является *качественно иным* в сравнении с их суммой.

Синергия интегрирующихся государств-членов зависит, прежде всего, от степени взаимодополняемости их национально-государственных и общих, надгосударственных интересов, но во многом и от политической мудрости участников стратегической программы и практики совместных действий. Такой синтез возможен и востребован на основе осознания многообразия *культурно-цивилизационной общности* народов.

Современные тенденции глобализации вызывают необходимость пересмотра приоритетов международной интеграции и выработки противодействия со стороны суверенных государств негативным ее проявлениям. Можно выделить следующие тенденции глобализации и направления противодействия суверенных государств негативным ее процессам:

– *Преодоление последствий глобального кризиса* и восстановление функционирования международных финансовых рынков на основе новых глобальных норм их регулирования;

– *Быстрый рост совокупной производительности факторов* производства благодаря посткризисному ускорению НТП в сочетании с опережающим ростом внешних рынков по сравнению с внутренними (мировая торговля растет примерно в два раза быстрее мирового ВВП);

– *Опережающий рост и укрепление позиций стран с развивающейся экономикой* будет способствовать усилению глобальной конкуренции за природные и капитальные ресурсы, Демографические проблемы в ЕС, России, Беларуси приведут к конкуренции за человеческие ресурсы;

– Развитые страны благодаря накопленному научно-техническому потенциалу останутся главными генераторами базисных технологических и продуктовых инноваций

– *Новые лидеры – Китай, Индия, Россия*, улучшая и имитируя инновации, постепенно перейдут к собственным инновациям в перспективных областях («новая энергетика», комбинированные технологии NBIC: нано-, био-, инфо – и когнитивные технологии, «новая» фармацевтика и медицина);

– *Благодаря высоким темпам внедрения ресурсосберегающих, экологически чистых технологий* и развития низкоуглеродной энергетики критического дефицита природных ресурсов, необходимых для обеспечения роста мировой экономики, не прогнозируется;

– *Рост цен на сырье и продовольствие* вызван не только ростом потребления соответствующих товаров, но и чрезмерной эмиссией мировой валюты, что ведет к долларовой инфляции, а усиление взаимозависимости между финансовыми и товарными биржевыми площадками обуславливает переток «горячих денег» на рынки сырья и продовольствия;

– *Обострение конкуренции за финансовые ресурсы*, в первую очередь за прямые иностранные инвестиции, что требует радикального улучшения инвестиционного климата и инвестиционного имиджа (создание независимых рейтинговых агентств);

– *Повышение роли наукоемких и высокотехнологичных производств* превращает человеческий капитал и умение его использовать в решающий фактор конкурентоспособности. В «конкуренции за умы» будут выигрывать те страны, которые смогут предложить высококвалифицированным работникам не только высокие зарплаты, но и высокий уровень жизненного комфорта (безопасность личности, защита

прав собственности, общественная стабильность, социальные гарантии, качественное образование и экология);

– Особым монопольным ресурсом в последние десятилетия выделились активы транснациональных компаний, большинство из которых принадлежит пяти ведущим странам мира при доминирующей роли и значимости ТНК США. Факт принадлежности 1/3 всех-активов ТНК США не исключает наличия монополизма в данном сегменте дефицитных ресурсов;

– Происходит расширение спектра и интенсификация мирохозяйственных связей. Торгово-экономические отношения дополняются культурно-информационным обменом. Экспорт технологий сопровождается проникновением в другие страны образцов хозяйственного поведения;

– Глобализация придала международной торговле элементы конкуренции не только в технологиях, но и в сфере хозяйственного поведения. Это, с одной стороны, повысило мобильность и расширило возможности государств более эффективно использовать внутренние хозяйственные ресурсы, а с другой, повысило конкурентные преимущества развитых стран, вовлекла в сферу мирохозяйственных связей невоспроизводимые ресурсы;

– Вовлечение миграционных процессов в систему мирохозяйственных связей увеличило объём и номенклатуру потребления развитыми странами невоспроизводимых или длительно воспроизводимых ресурсов, обострило проблему возмещения как экономической, так и социальной ренты странам-донорам, и в то же время стимулировала рост профессионального уровня мигрантов, укрепление финансового положения стран-доноров

– В условиях усиливающегося влияния глобализации на формирование новых моделей социально-экономических систем национальная экономика должна ориентироваться как на текущий, так и на отложенный (причем надолго отложенный) доход, а, следовательно, – на деятельность, создающую доход и ресурсы, требуемые для его получения

– Невоспроизводимые ресурсы – объект национальной монополии, определяющие уникальность страны и являющиеся основой для формирования места страны в мировом сообществе, а национальной экономики – в мирохозяйственных связях;

– Национальная экономика должна создавать выгодные для нее условия доступа к своим невоспроизводимым ресурсам, не допуская их утраты в схемах, с коротким циклом получения результата. Чем дольше цикл естественного возобновления ресурса, тем более избирательным должен быть доступ к его использованию. В предельном случае доступ к использованию невоспроизводимых ресурсов должен быть вообще закрыт;

– Защита невоспроизводимых ресурсов от несанкционированного доступа должна осуществляться на всех уровнях и секторах экономики.

национальная экономика должна обладать встроенной системой самостоятельного управления людьми собственным свободным временем. Эта система должна включать образовательный и культурный блоки как необходимые структурообразующие элементы экономики. Цель функционирования этих блоков – формирование целостного человека. Вследствие технологического прогресса, умения стран-потребителей использовать ресурсы, а также согласованные действия стран-потребителей важнейших, в первую очередь энергетических ресурсов, конкурентоспособность монополистов на мировом рынке стала снижаться;

– Вовлечение в мирохозяйственные связи большинства стран мира породило острую экономическую конкуренцию в высокотехнологичных странах, но и конкуренцию образа жизни жителей, населяющих страну. Современный этап глобализации открывает переходным странам доступ к передовым технологиям и создает дополнительные стимулы для ускорения их развития;

– В условиях конкуренции стран-экспортеров техники и технологий страны-обладатели энергоресурсами – Бразилия, Россия, государства Персидского залива, накопив значительные финансовые ресурсы, получили возможность приобрести новейшие технологии и на этой основе приблизиться по отдельным направлениям к уровню технологически развитых стран мира.

Положение таково, как показывает опыт, что интеграция стран, отличающихся между собой по уровню, характеру и структуре экономики и внешней торговли, по механизмам государственного регулирования, наталкивается на существенные барьеры построения общего экономического пространства и требует выработки прогнозов влияния глобализации и интеграции на национальную экономику.

Прогнозные сценарии последствий влияния глобализации и региональной интеграции на белорусское общество представляются следующими:

1. *Сформируется более четкое представление об интересах белорусской нации* (как сообщества, а не только как государственной структуры) в глобальном пространстве и более отработанная для данного поколения классификация структуры интересов не столько в отношении других стран как целостных политико-экономических организмов, сколько в таких вопросах: в чем союзники, в чем партнеры, в чем антагонисты? (Что весьма важно для выработки соответствующих стратегий взаимоотношений с регионами формирования основных взглядов (концепций) на мировую экономику и политику.)

2. *Наступит смена поколений*: рожденные в конце семидесятых годов и не помнящие советской системы, т.к. вступили в сознательную жизнь после 1991 г., станут преобладающей частью трудоспособного населения.

Их менталитет будет совершенно иным, чем у предшествующих поколений: «чувство Родины» будет формироваться под влиянием иного

набора вложенных в них духовных ценностей (граждане мира), и они переосмысливают для себя последствия кризисов 1998 и 2008 гг. как естественные процессы глобализации, а не слабости в управлении страной.

3. *Наибольшей подвижностью менталитета и наименьшим «чувством Родины» будут обладать представители возрожденного среднего класса (бизнесмены, ученые, врачи, технологи хай-тека, а также люди свободных профессий), что будет определять их более высокую мобильность в мировом пространстве и либерально-консервативные взгляды (стремление к сохранению устойчивости своего положения в обществе).*

4. Произойдет смещение задачи сохранения мира и сбалансированности различных сил с пердела зон влияния на борьбу с мировым терроризмом приведет к изменениям в оборонительной стратегии ОПК в сторону небольших, но высокооснащенных технически мобильных подразделений (типа отрядов, сочетающих в себе качества спецназа и МЧС) и сделает ненужной призывную армейскую систему.

5. Несмотря на намерения изменить структуру внешних экономических связей страны в пользу высокотехнологических товаров, *вряд ли это произойдет в реальной экономической политике РБ*, поскольку страна высокочувствительна от международного рынка топливно-энергетических ресурсов и *в обозримой перспективе сохранится динамика мировых цен на нефть и газ, что будет иметь важное значение для характера вхождения и функционирования Беларуси в региональные интеграционные объединения, в отношении с Западом и Востоком, для характера формирования общества.*

6. *Произойдет трансформация геоэкономической и геополитической структур внешнеэкономических связей (ВЭС). Республики Беларусь в направлении выравнивания в них долей Евро-Атлантического блока, с одной стороны, и блока СНГ+ЕврАзЭС (ЕЭП), с другой, при сохранении приграничного характера отношений с Польшей и прибалтийскими странами.*

Возникают большие сложности и трудности в выработке согласованной внешнеэкономической политики формирования общерегиональных механизмов регулирования внутри интеграционного объединения (например, ЕЭП и др.) из-за стремления стран сохранить суверенитет, свой национальный контроль за секторами экономики и т.д.

В рамках формирующегося ЕЭП / ЕврАзЭС настоятельно необходима легитимная не только межгосударственная, но и надгосударственная структура, полномочная и способная разрешить противоречия между самоопределением и интеграцией на основе уважения суверенитета государств-членов и обладающая правом не только координации действий, но и властных решений. С одной стороны, это солидарное решение общих, интегративных функций ЕЭП (совместного ведения), с другой – разделение функций между каждым государством-членом ЕЭП. Понятно, логически этот принцип выглядит яснее, чем в

противоречивой и динамичной реальности, но он, как показывает опыт Евросоюза, не является вовсе «запредельным».

В этой связи, стратегическая роль ЕЭП, например, в процессе евразийской региональной интеграции определяется как географическим положением входящих в состав Сообщества стран, так и их ресурсным потенциалом. Они – естественный транспортный и энергетический «мост» между Западной Европой и Восточной Азией на всем пространстве континента. В связи с этим ЕврАзЭС / ЕЭП становится центральным звеном в системе региональных интеграционных группировок на территории Евразии. Его стратегической задачей является расширение и углубление сотрудничества как с Европейским союзом, так и с группировками АТЭС и АСЕАН – в Тихоокеанском регионе и Юго-Восточной Азии, с Шанхайской организацией сотрудничества.

Участие государств ЕЭП / ЕврАзЭС в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе может привести к созданию в этой, динамично развивающейся части мирового хозяйства, самой эффективной системы международного разделения труда и кооперации, к прогрессивным изменениям структуры экспорта и импорта, к новым возможностям привлечения инвестиций, организации планомерной трудовой миграции, интенсификации обмена опытом, ноу-хау, информацией. Все это причины, которые определяют участие Республики Беларусь в данной организации. Актуальность этого участия особенно выявил мировой финансово-экономический кризис.

В целом Евразийское экономическое сообщество рассматривается нами как относительно более динамично развивающееся объединение стран постсоветского пространства, чем СНГ. В рамках ЕврАзЭС проделана значительная работа по устранению барьеров во взаимной торговле государств. Завершается формирование необходимой для союза нормативной базы – приоритетной цели в Сообществе. Ведется работа по реализации проектов создания единого транспортного пространства, планируется формировать общий энергетический рынок, совместные долгосрочные балансы по нефти, газу, электроэнергии.

Однако фактическая интеграция стран ЕврАзЭС значительно отстает от институциональной. С одной стороны, это объясняется объективными условиями самостоятельного развития государств региона, находящихся в абсолютно разных условиях, а с другой – субъективными факторами – издержками национального эгоизма, просчетами в осуществлении институционально организованной интеграции, снижающими эффективность многих мероприятий. Как и в СНГ, здесь тоже актуальны проблемы формирования механизма реализации принимаемых в рамках ЕЭП решений.

На современном этапе важно учитывать то обстоятельство, что большинство экономических планов ЕЭП / ЕврАзЭС будет зависеть не только от степени заинтересованности государств в сотрудничестве, но и от их реальных возможностей. Значительные различия в уровнях

социально-экономического развития, отраслевой структуре экономик, территориальной удаленности друг от друга отдельных стран и другие, а также высокие транспортные тарифы потребуют выработки и принятия новых эффективных механизмов реализации программ Единого экономического пространства.

Чтобы противостоять влиянию негативных тенденций глобализации, необходимо иметь ясную социально-экономическую стратегию, идею, позволяющую объединить общество и задать направление «вектора» эволюции. Отсутствие экономической стратегии, высшей задачи эволюции общества приводит к преобладанию хаоса в экономике. Вектором эволюции, общечеловеческой, общенациональной идеей может быть идея построения интеллектуального и экономически высокоразвитого высокодуховного общества, в основе экономической стратегии которого должны быть выработаны основные действия. Ниже сформулированы принципиальные подходы к выработке такой стратегии. Это:

- создание социально ориентированной рыночной экономики;
- создание свободной экономики, обеспечение равных условий для внешнеторговой деятельности;
- следование человеческим ценностям;
- создание на разных уровнях относительно открытых экономических структур;
- формирование систем экономического прогнозирования с использованием знаний об эволюционных законах;
- совершенствование методов государственного регулирования экономики, внешнеэкономической деятельности;
- создание ясного, четко сформулированного законодательства, исключающего взаимопротиворечащие законодательные акты;
- уменьшение тарифных и нетарифных ограничений, снижение налогов до оптимального минимума;
- упрощение таможенных, экспортно-импортных процедур с одновременной их компьютеризацией.

Таким образом, в мировой экономике *региональные союзы и объединения соседних или близлежащих стран получают все большее распространение*. Их образование оправдано, когда приносит участникам дополнительные возможности расширения производства и экспорта. Однако не всегда удается в полной мере достичь ожидаемых результатов, особенно с позиций реализации национального суверенитета.

Регионализм в наши дни уживается с глобализмом. Более того, многие факты свидетельствуют о том, что региональные экономические группировки, интенсифицирующие связи между их участниками, помогают включению последних в глобальную экономику на более выгодных для них условиях.

Предсказания полной утраты национальными государствами суверенитета своей экономики в пользу наднациональных или международных образований вряд ли оправдаются. Как бы ни было велико

влияние наиболее могущественных стран и их транснациональных гигантов, национальные государства в обозримой перспективе не отомрут, а наоборот, будут укреплять себя и добиваться демократизации глобальной экономической среды. Международному сообществу, видимо, предстоит найти и узаконить разумные границы делегирования национального суверенитета в экономической области международным институтам.

Такова сущность влияния экономической глобализации на интеграцию, которая протекает в столкновении противоречивых интересов стран и приводит к образованию региональных союзов, объединений.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРОБЛЕМЫ В ЭПОХУ ГЕНОМИКИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В.К. Савченко

Плюрализм будущего. Революция знаний и новые формы глобализации несут с собой многочисленные выгоды, но также вызовы и риски. Мир и будущее человека выглядит более сложным, более взаимозависимым, обладающим большим числом потенциальных возможностей, но и более неопределенным. Общественные преобразования и сама планетарная эволюция увеличивают темпы, и в этом процессе появляются зародыши изменений, причем не только положительных, но и несущих новые угрозы. Классические вопросы Канта, адресованные отдельной личности, теперь касаются всех нас: что мы обязаны знать, что мы должны делать, на что мы можем надеяться, кто мы такие и куда мы идем? Ответ на эти вопросы ни в коем случае не должен иметь форму монолога, но скорее форму диалога с будущим, как основы для нашего долгосрочного проекта, свободного от тирании повседневности.

Европейская мысль постоянно колебалась между понятиями быть и стать, перед и после, между миром автоматов и миром, управляемым Богом, между Декартом и Кантом. Этот дуализм трудно принять и он отражает противоречие между научной и философской мыслью и может стимулировать войну между культурами. Поэтому срочной проблемой выявляется сближение научной и гуманитарной культур. Мы унаследовали от предыдущих эпох открытые ранее законы природы, но также термодинамику и энтропию, которые лежат в основе эволюционной картины мира. Клаузиус утверждал, что эволюция ведет к нарастанию энтропии. Выяснилось, что картина обратимого мира из классической механики Ньютона с одинаковой ролью прошлого и будущего имеет отношение лишь к небольшому его фрагменту и уступает место картине необратимого мира. Это относится к геологии, климату, жизни, молекулярным процессам, микромиру и, как считает Илья Пригожин, вызывает необходимость серьезного пересмотра сформулированных ранее

законов природы [1].

Согласно второму закону термодинамики феномен необратимости ведет к возрастанию энтропии. Вблизи точки равновесия возникает устойчивость системы. При возникновении флуктуаций система приближается к равновесному состоянию, которое характеризуется максимальным количеством энтропии. Но вдали от точки равновесия ситуация радикально меняется и флуктуации могут привести к возникновению новых пространственно – временных структур. Следовательно, законы эволюции нелинейные и приводят к возникновению более сложных диссипативных структур. Благодаря потоку солнечной энергии мы живем вдали от точки равновесия с постоянным возникновением новых структур в точках бифуркации. Это касается эволюции Земли и ее биосферы с их многочисленными бифуркациями. Но в точках бифуркаций возникают различные эволюционные возможности, имеющие вероятностный характер. Детерминизм принимает вероятностный характер, и возникает неопределенность и плюрализм будущего.

Концепты бифуркации, диссипативных структур и самоорганизации уже вошли в плоть не только естественных, но и гуманитарных наук. Усиление флуктуаций предшествует наступлению бифуркации, и мы сейчас наблюдаем это усиление вокруг нас. Какое будущее готовит нам этот процесс? Будущее имеет вероятностный и неопределенный характер, и это означает, что оно не может быть объектом научного предвидения, но вполне может быть сконструировано на основе элементов, уже имеющих в настоящем.

Расшифровка генома человека. Ядерный геном человека – биологического вида *Homo sapiens* – состоит из 23 пар хромосом. Гены закодированы в последовательности нуклеотидов геномной ДНК, причем кодирующие последовательности чередуются с не кодирующими участками. С развитием геномных технологий возникла возможность прочесть последовательности из четырех нуклеотидов А, Т, Г, Ц с целью использования этой информации для производства эффективных лекарств нового поколения, а в перспективе, чтобы избавиться от наших наследственных болезней. Эта перспектива заинтересовала фармацевтические компании, которые пытались патентовать последовательности ДНК человека. Такое развитие событий вызвало беспокойство научного сообщества члены которого считали, что геном человека является общим достоянием человечества и знания о его организации не могут быть приватизированы. Эта точка зрения была одобрена в 1997 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО, принявшей «Всеобщую декларацию о геноме человека и правах человека» [2].

Когда секвенирование генома человека было завершено, его результаты стали доступными для использования в геномной медицине для диагностики наследственных болезней и создания новых лекарств. Публикация геномных последовательностей ДНК состоялась в 2001 г [3]

[4]. Наш геном содержит от 21 до 25 тыс. генов, тогда как ожидалось, что их число может достигать 100 тыс. При этом выяснилось, что около 40% генов имеют пока неизвестную функцию. В международном консорциуме «Геном человека» приняли участие 17 научных центров из США, Англии, Франции, Германии, Китая, Японии и других стран. Теперь начали изучать разнообразие геномов мировой популяции человека [5].

Эволюция вида и биосферы: контракт с природой. Геном одноклеточной амебы многократно превышает размер генома человека. Этот парадокс указывает на то, что между размером генома и сложностью организма не всегда существует прямая связь [6] [7]. Человек появился в биосфере планеты примерно 150 тыс. лет назад. В настоящее время на международном уровне достигнуто понимание того, что манипуляции с геномом человека при теперешнем уровне знаний недопустимы и могут принести непредвиденные последствия [8]. Вместе с тем, эффективность геномных технологий быстро растет, и это подталкивает некоторых ученых пытаться прогнозировать будущее генома человека с целью усиления его полезных свойств и признаков. Виды гоминид просуществовали в биосфере в среднем около 200 тыс. лет каждый [9, p. 1807]. Футурологическому анализу эволюционных перспектив нашего вида посвящены монографии Грегори Стока и Фрэнсиса Фукуямы [10] [11]. Эти авторы дают разные ответы на возникающие вызовы. Сток подходит к проблеме будущего с двух позиций: технической и биологической. Он отвергает путь создания киборгов путем вставки силиконовых чипов в мозг или тело человека, но одобряет создание вне телесных электронных устройств, способных расширить наше сенсорное восприятие и функционирование наших органов. Он анализирует биотехнологические возможности: генетическую инженерию человека, клонирование и генетическое тестирование. Считает, что искусственные хромосомы позволяют объединять в кластер множество желательных генов и использовать их с целью изменения генома человека.

Различия геномов неандертальца и современного человека касаются 78 генов, важных для развития когнитивных способностей и формирования скелета [12, p. 1605]. Геномные технологии уже позволяют производить существенную модификацию видовых геномов [13, p. 1605]. В случае необходимости геном человека также можно искусственно модифицировать. Однако последствия такого вмешательства остаются непредсказуемыми: ведь можно потерять то, что характеризует уникальность гуманизма, морали и человечности. Существует также угроза нарушения генетического баланса генома с неизвестными последствиями. Эти соображения делают проекты изменения генома человека вряд ли осуществимыми в обозримом будущем.

Ф. Фукуяма принимает человека таким, какой он есть, и обсуждает три гуманитарные проблемы: право человека быть и оставаться человеком; достоинство человека; охрану природы человека. Он отмечает, что в погоне за усилением «полезных» признаков генома мы будем жертвовать

свободой, усиливать конкуренцию и подчеркивать биологическую иерархию.

Глобализация и проблемы человека. Расширение техносферы связано с увеличением флуктуаций всей планетарной системы вдали от точки равновесия. Пришло понимание того, что отношения техносферы и биосферы следует гармонизировать и стремиться не к экономическому росту любой ценой, а к устойчивому развитию [14]. Этой проблеме был посвящен ряд Всемирных конференций по устойчивому развитию, состоявшихся под эгидой ООН на протяжении последних 20 лет (Rio de Janeiro, 1992, Johannesburg, 2002, Rio de Janeiro, 2012). Человек становится ответственным не только за свое настоящее бытие, но и за свои действия на нашей планете перед будущими поколениями [15]. Уникальный феномен жизни на Земле нуждается в нашей коллективной защите в рамках глобального контракта с природой. Контракт с мировой культурой поможет нам осознать ценность плюрализма культур и закрепить это в системе образования. Социальный контракт научит умению жить сообща. Этический контракт поможет обойти подводные рифы нынешнего этапа глобализации. Таковы перспективы человека в нашу эпоху.

Литература

1. Prigogine, I. Flech du temps et fin des certitudes // Les clés du XXIe siècle. – Paris, 2000. – P. 13–19.
2. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. – Paris, 1997.
3. Venter, C., et al. The sequence of the human genome // Science. – 2001. – Vol. 291. – P. 1304–1351.
4. International Human Genome Sequencing Consortium. Initial sequencing and analysis of the human genome // Nature. 2001. – Vol. 409 (6822). – P. 860–921.
5. International Human Genome Sequencing Consortium. Finishing the euchromatic sequence of the human genome // Nature. – 2004. – Vol. 431 (7011). – P. 931–945.
6. Sauchanka, U.K. Geogenomics: Organisation of the Genosphere. – Newbury, UK, 2009.
7. Савченко, В.К. Геогеномика: организация геносферы. – Минск, 2009.
8. Савченко, В.К. Расшифровка генома человека и эволюционные перспективы вида *Homo sapiens* // Актуальные вопросы антропологии. – Минск, 2012.
9. Spier, R.E. Towards a New Human Species // Science. – Vol. 296. – 2002. – 7 June.
10. Stock, G. Redesigning Humans: Our Inevitable Genetic Future. – Boston, 2002.
11. Fukuyama, F. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. – New York, 2002.
12. Reading the Neandertal Genome // Science. – Vol. 330. – 2010. – 17 December.
13. Build Your Own Genome // Science. – Vol. 330. – 2010. – 17 December.
14. World Commission on Environment and Sustainable Development. Our Common Future. – Oxford, 1987.
15. Declaration on the Responsibilities of the Present Generation Towards the Future Generations. – Paris, 1997.

РАЗВИТИЕ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В БЕЛАРУСИ

А.В. Кильчевский, Е.А. Сычёва

Прогресс геномики провоцирует у людей новое чувство могущества в творческом преобразовании собственной природы и новый опыт незащищенности перед лицом этой мощи [1]

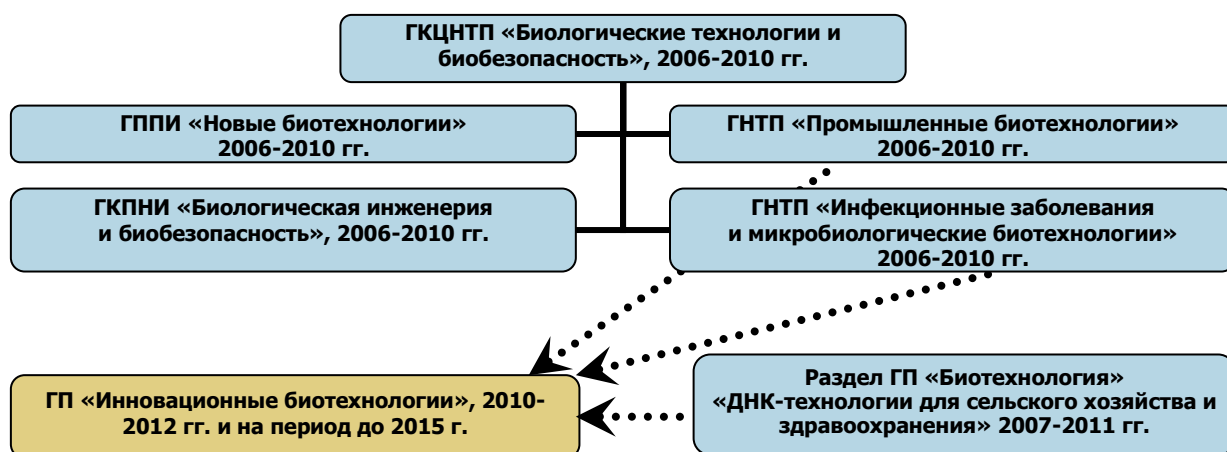
Существенно выросший в последние десятилетия уровень биологических технологий обеспечил высокую скорость развития биологии как фундаментальной науки, положив начало целому ряду новых научных направлений: геномика, протеомика, метаболомика, иммуномика, транскриптомика. В цепи этих наук первое и ключевое место занимает геномика – современное направление молекулярной биологии, изучающее целые геномы на молекулярном уровне, включая их строение (структурная геномика), расшифровку функций генов и участков генома (функциональная геномика), а также анализ эволюции, родства и дивергенции геномов (сравнительная геномика). Успехи работ по расшифровке полной нуклеотидной последовательности геномов живых организмов открыли принципиально новые возможности не только для генетики, но и для многих других наук, связанных с геномом. Стремительное развитие получили такие интегративные направления геномики, как медицинская и эволюционная геномика, этногеномика, фармакогеномика, нутригеномика и др. Наконец, знания о генах, механизмах их экспрессии и регуляции определяют дальнейший прогресс в биотехнологии и генной инженерии, давно превратившихся в развитых странах мира в высокоприбыльный сектор экономики с миллиардными показателями оборотов.

В Беларуси работы по изучению структурно-функциональной организации геномов и молекулярному картированию генов были начаты в 90-х годах и проводились на базе нескольких учреждений Национальной академии наук (Институт генетики и цитологии, Институт леса, Центральный ботанический сад), Минздрава (РНПЦ эпидемиологии и микробиологии) и в Белгосуниверситете. В это время были получены оригинальные данные по структуре, полиморфизму и роли в функционировании геномов пшеницы, ячменя и ржи некоторых простых и транскрипционно-активных повторяющихся последовательностей ДНК [2]. Построены генетические карты ряда хвойных видов (ель европейская, сосна обыкновенная, сосна горная, сосна черная, сосна бруцкая, кедровый стланик), в которых многие гены локализованы впервые [3]. Значительные успехи достигнуты в изучении фитопатогенных бактерий рода *Erwinia* (*E. chrysantemi*, *E. carotovora*, *E. atroseptica*), впервые построены генетические карты хромосом этих микроорганизмов [4]. В ходе совместных

исследований с учеными из Германии и России создана высоконасыщенная маркерами молекулярно-генетическая карта ржи [5]. В 90-х годах активизируются исследования в области трансгенеза (первые попытки получения трансгенных растений были предприняты в нашей стране ещё в конце 70-х годов) [5] [6] [7] [8].

Для стимулирования геномных исследований в 2002 году была разработана Государственная программа «Генетическая инженерия» на 2002–2006 гг., реализация которой позволила создать организационные, кадровые и материально-технические условия для развития геномики и генетической инженерии в Беларуси. Дальнейшему развитию геномики и ее интегративных направлений способствовало отнесение биотехнологии к приоритетам научно-технической деятельности в Республике Беларусь на 2006–2010 годы и принятие национальных биотехнологических программ (рис. 1).

Рисунок 1. Государственные программы в области биотехнологии на 2006–2012 гг.

В рамках сформированных государственных программ развернуты исследования по различным направлениям геномики (таблица 1), при этом, поскольку государственные программы были ориентированы на научное обеспечение биотехнологической отрасли экономики, более динамичное развитие получили прикладные геномные исследования, т.е. использование достижений геномики для разработки современных геномных технологий для народного хозяйства.

Таблица 1 – Направления и результаты исследований по геномике в Беларуси

Объекты	Направления	Результаты
Растения	Трансгенез	Трансгенные растения
	ДНК-маркирование	ДНК-идентификация с\х растений Маркер-сопутствующая селекция
Животные	Трансгенез	Трансгенные животные

	ДНК-маркирование	ДНК-идентификация с\х и диких животных Маркер-сопутствующая селекция
Человек	ДНК-маркирование Этногеномика	ДНК-диагностика, прогнозирование и мониторинг наследственно обусловленных заболеваний ДНК-тестирование в спорте Филогенетический анализ
Микроорганизмы	Трансгенез ДНК-маркирование	Трансгенные микроорганизмы ДНК-идентификация штаммов микроорганизмов
Продукты питания	Детекция ГМО	Определение наличия генетически модифицированных ингредиентов в пищевом сырье и продуктах питания

Одно из наиболее актуальных направлений прикладных геномных исследований – медицинская геномика. В нашей стране работы такого плана ведутся в учреждениях Минздрава Республики Беларусь (РНПЦ эпидемиологии и микробиологии, РНПЦ детской онкологии и гематологии, РНПЦ «Мать и дитя», РНПЦ «Кардиология», ГУ «РНПЦ онкологии и медицинской радиологии им.Н.Н. Александрова», БГМУ) и в организациях НАН Беларуси (Институт генетики и цитологии, Институт биофизики и клеточной инженерии, Институт биоорганической химии).

В ведущих онкологических центрах республики проводятся исследования по целому ряду направлений онкогеномики. Методы ДНК-анализа успешно используются для генодиагностики первичных иммунодефицитов, гематобластозов, наследственных форм анемии, солидных опухолей, определения молекулярного химеризма после трансплантации, поиска мишеней для минимальной остаточной болезни при лейкозах в РНПЦ детской онкологии и гематологии. Там же разрабатываются генно-инженерные технологии для получения противораковых вакцин, изучаются способы оценки экспрессии генов и их мутаций для назначения мишень-направленной («таргетной») терапии при злокачественных заболеваниях. Молекулярно-генетические исследования генов, наследственно-ассоциированных с высоким риском развития злокачественных новообразований различных органов, осуществляются в РНПЦ онкологии и медицинской радиологии им.Н.Н. Александрова. В НИИ эпидемиологии и микробиологии Минздрава на основе современных генных технологий и данных молекулярно-генетического изучения опасных инфекционных агентов, циркулирующих на территории республики, разрабатываются диагностические тест-системы, профилактические и лечебные препараты.

В свою очередь фокус исследований Института генетики и цитологии НАН Беларуси в рамках данного направления нацелен на идентификацию вариантов генов, определяющих предрасположенность к наиболее распространенным заболеваниям. В настоящее время разработаны технологии ДНК-диагностики генетической

предрасположенности к целому ряду болезней, в том числе сердечно-сосудистым (тромбофилии, ишемическая болезнь сердца, инфаркт миокарда и др.); венозным тромбозам (тромбофлебиты); болезням органов дыхания (бронхиальная астма, аллергозы); эндокринным заболеваниям (сахарный диабет 2-го типа, ожирение); болезням метаболизма костной ткани (остеопороз, ревматоидный артрит); нарушениям нормального физиологического течения беременности (невынашивание беременности, гестозы, резус-конфликт) и др [9] [10] [11].

Исследования в области геномики человека, свидетельствующие о несомненном вкладе генетических факторов в формирование, развитие и проявление физических качеств, привели к появлению нового направления – геномики спорта. В последние годы работы такого плана получили развитие и в Беларуси (Институт генетики и цитологии НАНБ, Институт биоорганической химии НАНБ) [12]. В Институте генетики и цитологии разработаны технологии ДНК-паспортизации спортсменов по комплексу генов, оказывающих существенное влияние на состояние опорно-двигательного аппарата, выносливость, скорость, силу, адаптацию к гипоксии, способность к восстановлению после физических нагрузок. Создан банк ДНК спортсменов национальных команд Беларуси различной профилизации (хоккей, теннис, художественная гимнастика, плавание, борьба, баскетбол, конькобежный спорт, лыжные гонки, легкая атлетика, бадминтон, академическая гребля, фристайл и др.). Протестированы олимпийская сборная команда Беларуси по биатлону, национальные команды Беларуси по хоккею, теннису, представители национальной сборной команды легкоатлетов (марафон), хоккейная команда спортивного клуба «Динамо Минск». Подготовка атлетов с учетом их индивидуальных особенностей позволяет достичь высоких спортивных результатов, сохранив здоровье спортсменов; повысить эффективность расходования государственных средств, выделенных на развитие физкультуры и спорта.

Сельское хозяйство также входит в число перспективных сфер применения результатов геномных исследований. Достижения геномики стали основой новых методов селекционной работы, базирующихся на использовании молекулярных маркеров и направленной генно-инженерной модификации.

В Институте генетики и цитологии разработаны и успешно применяются в селекционной практике технологии ДНК-маркирования по генам устойчивости картофеля к болезням и вредителям (нематода), генам лежкости и измененного содержания каротиноидов, устойчивости к кладоспориозу и фузариозу у томата [13] [14] [15]. Подобраны ДНК-маркеры, сцепленные с генами устойчивости яблони к парше, мучнистой росе, красногалловой яблонной тле и бактериальному ожогу [16]. Протестированы серии молекулярных маркеров к генам, определяющим хлебопекарные качества, короткостебельность и устойчивость к бурой ржавчине у пшеницы. Совместно с НППЦ по земледелию разработан способ ДНК-маркирования пивоваренного ячменя, позволяющий проводить

дифференцировку сортообразцов на кормовой / пивоваренный. В Институте леса НАНБ активно ведутся работы по ДНК-маркированию генов, кодирующих хозяйственно важные признаки хвойных пород растений [17].

Еще одна проблема, успешно решаемая с использованием ДНК-маркеров – это идентификация и паспортизация сортов растений. Традиционно для этих целей применяются методы, основанные на оценке морфологических и биохимических признаков и значительно уступающие молекулярно-генетическим маркерам по точности, разрешающей способности и воспроизводимости результатов анализа. Для использования в селекции и семеноводстве в Институте генетики и цитологии НАНБ разработана система идентификации и паспортизации сортов растений (пшеница, картофель, ячмень, лен, томат, соя, подсолнечник, груша, яблоня, сахарная свекла) на основе ДНК-маркеров [18]. Данная система позволяет проводить проверку соответствия новых сортов критериям ООС-теста (отличимость, однородность и стабильность); оценивать генетическую новизну сортов; оценивать соответствие партий семян стандарту при сертификации семенного материала; решать спорные вопросы об авторстве сортов и их чистоте.

Востребованы на практике разработки отечественных ученых (Институт генетики и цитологии НАНБ, НПЦ НАНБ по животноводству) по ДНК-диагностике предрасположенности с\х животных к ряду заболеваний: врожденный иммунодефицит у крупного рогатого скота, устойчивость свиней к колибактериозу и репродуктивно-респираторному синдрому, устойчивость лошадей к стрессу и др [19]. Разработаны ДНК-маркеры к генам, определяющим основные хозяйственно-ценные признаки с / х животных: удои, жирность и содержание белка в молоке КРС; многоплодие и качество мясной продукции у свиней [20]. Для подтверждения происхождения племенных животных разработана и успешно внедряется на базе областных племпредприятий республики технология ДНК-паспортизации крупного рогатого скота [21]. Ведется работа над созданием технологии ДНК-паспортизации племенных хряков.

Широкие возможности для создания принципиально новых генотипов открывает генетическая инженерия. В настоящее время научные исследования в области генетической инженерии растений в Беларуси ведутся по целому ряду направлений на базе Института генетики и цитологии НАН Беларуси, Центрального ботанического сада НАН Беларуси, Института биофизики и клеточной инженерии НАН Беларуси, Белорусского государственного университета, НПЦ по картофелеводству и плодоовощеводству. Созданы векторные системы, несущие хозяйственно-ценные гены. Оптимизированы и отработаны методы агробактериальной, протопластной, биобаллистической трансформации растений. Получены первичные трансгенные растения картофеля с устойчивостью к колорадскому жуку, вирусам, грибным и бактериальным болезням, представляющие значительный научный и практический интерес [22–24].

В рамках ГП «Инновационные биотехнологии» ведутся работы по созданию клевера с повышенной урожайностью; клюквы с повышенной резистентностью к патогенам и измененным вкусом плодов; устойчивого к глифосату рапса. В планах создание генно-модифицированного льна. Начаты работы по генно-инженерной реконструкции интродуцированных в республике ягодных культур – голубики высокой и брусники обыкновенной, и цветочно-декоративной культуры – гиацинта восточного. Ввод в эксплуатацию в 2012 году при Институте генетики и цитологии НАН Беларуси специального полигона для испытания трансгенных растений при их первом высвобождении в окружающую среду позволит перейти к следующей стадии работы с созданными генно-модифицированными организмами.

Благодаря совместным исследованиям НПЦ НАНБ по животноводству и российских ученых совершен прорыв в создании генетически модифицированных животных. Создан и оснащен необходимым оборудованием биотехнологический центр по трансгенезу, получены первичные трансгенные животные (козы с геном лактоферрина человека). Для продолжения работ по трансгенезу сельскохозяйственных животных разработана союзная программа «БелРСТрансген-2», в рамках которой предполагается строительство фермы для содержания трансгенных стад, создание самих промышленных стад животных – продуцентов, разработка технологий выделения белков человека из молока животных и создание лекарственных и пищевых средств с организацией их опытного производства.

Развитие технологий генетической идентификации растений и животных открывает широкие перспективы и в природоохранной деятельности. С использованием геномных технологий впервые проведен анализ генетической структуры популяции беловежского зубра [25]. Ведется работа с популяциями благородного оленя и косули. Для ряда охраняемых и ресурсных видов диких животных (европейский зубр, европейская косуля, благородный олень, дикий кабан) подобраны видоспецифические ДНК-маркеры, позволяющие с высокой степенью достоверности устанавливать видовую принадлежность биологического материала, что открывает новые возможности по их использованию в борьбе с браконьерством.

Благодаря государственной поддержке за последние годы предприняты шаги по созданию инновационной инфраструктуры и формированию отечественного рынка производства и потребления в сфере геномных биотехнологий. Ключевую роль в этом процессе играет Республиканский центр по генетическому маркированию и паспортизации растений, животных, микроорганизмов и человека при Институте генетики и цитологии НАН Беларуси. Он призван решить проблему коммерциализации геномных разработок и ориентирован на оказание услуг учреждениям Минсельхозпрода, Минздрава, Минспорта, Минприроды, а также другим юридическим и физическим лицам. Сегодня

благодаря открытию центра геномное тестирование стало общедоступным как для учреждений, так и для простых граждан. Однако создание условий для перехода к биоэкономике подразумевает масштабное и повсеместное внедрение геномных биотехнологий в отрасли народного хозяйства, что позволит коренным образом изменить существующие подходы к созданию и производству сельскохозяйственной, продовольственной, фармацевтической и иной продукции, создаст альтернативные пути решения многих проблем, связанных с охраной здоровья и использованием природных ресурсов. Только скоординированные действия научных и отраслевых структур позволят реализовать на практике высокий народнохозяйственный потенциал геномных разработок, получить максимальный социальный и экономический эффект от их внедрения в практику.

Вместе с тем, впечатляющий прогресс геномики затронул целый ряд этических, правовых и социальных вопросов. Очевидные преимущества использования достижений геномики сочетаются с наличием скрытых и потенциальных угроз. Коммерциализация результатов геномных исследований создала новый рынок и новый тип товаров, где объектами коммерческого использования могут стать не только отдельные гены и клетки, но и геномные данные отдельных особей и целых популяций. Значительную озабоченность общества вызывает получение и использование личной генетической информации, которая может быть применена для ущемления прав человека, может оказывать на протяжении нескольких поколений негативное воздействие на его семью и потомков. Все это вызывает необходимость обращения к этическим принципам, таким как:

– «автономия личности» – право человека самому решать все вопросы, связанные с его здоровьем и состоянием, в т.ч. о проведении определённых медицинских вмешательств и т.д.;

– «справедливость», которая подразумевает равный доступ всех людей к общественным благам, в том числе медицинскому обслуживанию;

– «не вреди», означающее, что этично применять к какому-либо лицу лишь те воздействия, которые не причинят ему вреда;

– «не только не вреди, но и сотвори благо».

На базе этих основных и ряда других биоэтических принципов (информированное согласие, конфиденциальность и пр.) вырабатываются конкретные моральные нормы поведения исследователя и врача в условиях развития генной инженерии и геномной биотехнологии.

Неслучайно специальный комитет, назначенный Национальным Исследовательским Советом США, при формировании концепции Проекта «Геном человека» предусмотрел отдельный раздел по изучению этических, правовых и социальных проблем, возникающих по ходу реализации самого геномного проекта (Ethical, Legal and Social Implications Program – ELSI). Одним из результатов ELSI стала выработка определенных правил и ограничений, которые касались того, как геномные технологии должны

применяться в конкретных исследовательских и клинических ситуациях. Сегодня контроль над соблюдением этических норм осуществляется во всем цивилизованном мире посредством функционирования этических комитетов различного уровня – от комитетов отдельных исследовательских организаций до национального уровня и уровня международных организаций, таких как Совет Европы, ЮНЕСКО, ВОЗ и т.д.

В 2006 году во исполнение поручения Совета Министров Республики Беларусь от 26.07.2005 г. №05\137–143 в целях осуществления общественного контроля над соблюдением этических норм и правил при выполнении работ, связанных с использованием человека и животных как объектов экспериментальных и клинических исследований, в нашей стране также был создан Национальный комитет по биоэтике (НКБЭ) при Министерстве здравоохранения РБ. НКБЭ является консультативным органом и играет рекомендательную роль. Однако, по-видимому, настало время обобщить мировой опыт и выработать оптимальную для нашего гражданского общества нормативную базу, регламентирующую проведение геномных исследований в области медицины. Требуется приведение в соответствие с современными требованиями и законодательства в области биотехнологий в целом.

Дискуссии о перспективах и моральной допустимости развития новых геномных технологий, в первую очередь биомедицинских, уже давно вышли за рамки научного мира и широко ведутся общественностью. Снова активизировались споры о ведущей роли природы (генов, наследственности) либо общества (среды, воспитания) в формировании человеческих качеств. Так если несколько десятилетий назад преобладали представления, в которых ключевая роль отводилась социальным факторам, то сегодня все чаще приоритет отдается влиянию наследственности (генов), а в качестве основания для такого изменения взглядов обычно называют колоссальные достижения биологических наук, и, прежде всего, геномики. Успехи геномики и её возможные перспективы будоражат умы, питая идею о расширении индивидуальных возможностей конкретного человека. Вождедения направляются на такие объекты, как крепкое здоровье, способность добиваться высших достижений в тех или иных областях деятельности, более продолжительная жизнь. При этом не утихают высказывания об угрозе, исходящей от современной биотехнологии, о возможности изменения самой природы человека, самых радикальных модификаций его телесного и психического существования.

Вместе с тем, такое противопоставление геномных технологий всем другим является излишне резким. Практически в любой новой технологии, предлагаемой для практического использования человеком, можно выделить как позитивные, так и негативные стороны. Выход из ситуации видится в выявлении этих позитивных и негативных сторон, оценке существующих рисков и управлении ими.

Литература

1. Biomediale. Современное общество и геномная культура: [Антология] / Сост. и общ. ред. Д. Булатова. – Калининград, 2004.
2. Урбанович О.Ю. Анализ структуры повторов BRSI из геномной ДНК ячменя (*Hordeum vulgare* L.) / О.Ю. Урбанович, Н.А. Картель // Цитология и генетики. 1998. – Т.32, №4. – С. 43–49.
3. Падутов В.Е. Генетический анализ лесных видов / В.Е. Падутов, О.Ю. Баранов, А.Е. Силин, А.Е. Падутов // Проблемы лесоведения и лесоводства: сборник научных трудов ИЛ НАН Беларуси. – Гомель, 2005. – Вып 63. – С. 52–58.
4. Прокулевич В.А. Организация генома *Erwinia chrysanthemi* / В.А. Прокулевич, Ю.К. Фомичев // Успехи современной генетики. – 1994. – Т.18. – с. 121–135.
5. Картель Н.А. Разработки по генетической инженерии в интересах сельского хозяйства и медицины / Н.А. Картель, В.А. Лемеш // Наука и инновации. – 2007. – №6. – С. 32–37.
6. Brichkova G. Bioremediation with ecologically safe plant / G. Brichkova, A. Sorokin, N. Kartel // Genomic in Plant Biotechnology. Nat. Sci. Series. – V.359, 2004. – P.147–158.
7. Спивак С.Г. Некоторые особенности стероидогенеза и фенотипа трансгенных растений табака, экспрессирующих ген CYP11A1 цитохрома P450SCC животного происхождения / С.Г. Спивак, И.Н. Бердичевец, Ю.С. Поляков, Н.А. Картель / Материалы международной научной конференции «Рецепция и внутриклеточная сигнализация», Пушино, 6–8 июня 2005 г. – С. 390–393.
8. Присяженко О.К. Получение трансгенных растений табака, несущих бактериальные гены системы секреции третьего типа *Erwinia carotovora* subsp. *Atroseptica* / О.К. Присяженко, А.Н. Евтушенко / Материалы международной научной конференции «Молекулярная генетика, геномика и биотехнология», Минск, 2004 г. – С. 143.
9. Гончар А.Л. Ассоциация полиморфных вариантов генов PAI-1 и мутации Factor V Leiden с генетической предрасположенностью к инфаркту миокарда / А.Л. Гончар [и др.] // Молекулярная и прикладная генетика. – 2009. – Т. 9. – С. 114–120.
10. Чакова Н.Н. Полиморфизм GST-генов и цитогенетические изменения в ткани легкого больных раком легкого / Н.Н. Чакова [и др.] // Цитология и генетика. – 2009. – Т. 43, № 1. – С. 48–53.
11. Даниленко Н.Г. Митохондриальные заболевания: причина, диагноз, терапия / Н.Г. Даниленко, О.Г. Давыденко // Медицинские новости. – 2007. – №5. – С. 11–15.
12. Моссэ И.Б. Сравнение генотипов спортсменов разной специализации по комплексу генов спортивной успешности / И.Б. Моссэ, А.Л. Гончар, К.В. Жур и др. // Молекулярная и прикладная генетика. – 2012. – Т. 13. – С. 19–25.
13. Кильчевский А.В. Современные генетические методы в селекции растений / А.В. Кильчевский, Е.А. Сычева // Наука и инновации. – 2010. – №7. – С. 10–13.
14. Малышев С.В. Разработка методов ДНК-типирования генов *rip*, *poq* и *als*, используемых для повышения лежкости плодов томата / С.В. Малышев О.Г. Бабак, Н.А. Некрашевич и др. / Материалы межд. науч. конф. «Генетика и биотехнология XXI века. Фундаментальные и прикладные аспекты». – Минск, 2008. – С. 126–128.

15. Ермишин А.П. Оценка исходного материала картофеля для селекции на устойчивость к болезням и вредителям с помощью специфических ПЦР-маркеров / А.П. Ермишин [и др.] // Методические рекомендации, Минск: Право и экономика, 2010.
16. Урбанович О.Ю. Результаты отбора гибридных семян яблони на устойчивость к парше фитопатологическими и молекулярными методами / О.Ю. Урбанович [и др.] // Молекулярная и прикладная генетика. – 2008. – Т. 8. – С. 113–119.
17. Ивановская С.И. Сравнительный анализ уровня генетического разнообразия листовенницы европейской из искусственных и естественных насаждений / С.И. Ивановская, В.Е. Падутов, А.Е. Сидор, М.М. Барсукова // Международная научно-практическая конференция «Наука о лесе XXI века (Гомель, 17–19 ноября, 2010 г.). – Гомель: Институт леса НАНБ, 2010. – С. 178–182.
18. Малышев С.В. Идентификация и паспортизация сортов сельскохозяйственных культур (мягкой пшеницы, картофеля, льна и свеклы) на основе ДНК маркеров / С.В. Малышев, О.Ю. Урбанович, Н.А. Картель // Методические рекомендации, Минск. – 2006.
19. Михайлова М.Е. Генетико-популяционные аспекты возникновения и распространения врожденных дефектов у крупного рогатого скота в Республике Беларусь / М.Е. Михайлова [и др.] // Молекулярная и прикладная генетика. – 2008. – Т. 8. – С. 152–160.
20. Михайлова М.Е. Влияние полиморфных вариантов генов соматотропинового каскада bGH, bGHR, bIGF-1 на признаки молочной продуктивности у крупного рогатого скота голштинской породы / М.Е. Михайлова, Е.В. Белая // Докл. НАН Беларуси. – 2011. – Т.55, №2. – С. 63–69.
21. Михайлова М.Е. Методические рекомендации по проведению генетической экспертизы крупного рогатого скота с помощью микросателлитного анализа / Михайлова М.Е [и др.] // Институт генетики и цитологии НАН Беларуси. Минск, 2011.
22. Исаенко Е.В. Генетическая модификация картофеля: достижения и перспективы / Е.В. Исаенко, А.В. Шахбазов, Н.А. Картель // Весці Нац. Акад. навук Беларусі, Сер. біял. навук. – 2007. – № 3. – С. 110–115.
23. Вутто Н.Л. Трансгенные растения картофеля белорусских сортов, экспрессирующие гены антимикробных пептидов цекропин-мелиттинового типа / Н.Л. Вутто [и др.] // Генетика. – 2010. – Т.46, № 9. – С. 1–9.
24. Родькина И.А. Особенности экспрессии целевого признака устойчивости к УВК в генеративном поколении трансгенного картофеля / И.А. Родькина, Г.А. Яковлева // Картофелеводство: сборник научных трудов / РУП "Научно-практический центр НАН Беларуси по картофелеводству и плодоовощеводству". – Минск, 2008. – Вып. 14. – С. 102–114.
25. Михайлова М. Генетическое разнообразие белорусской популяции европейского зубра / М. Михайлова, Ю. Медведева, А. Буневич // Наука и инновации. – 2011. – №5 (99). – С. 60–62.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА КОНТРОЛЯ ГЕННО-ИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.В. Кильчевский, С.Е. Дромашко, Е.Н. Макеева

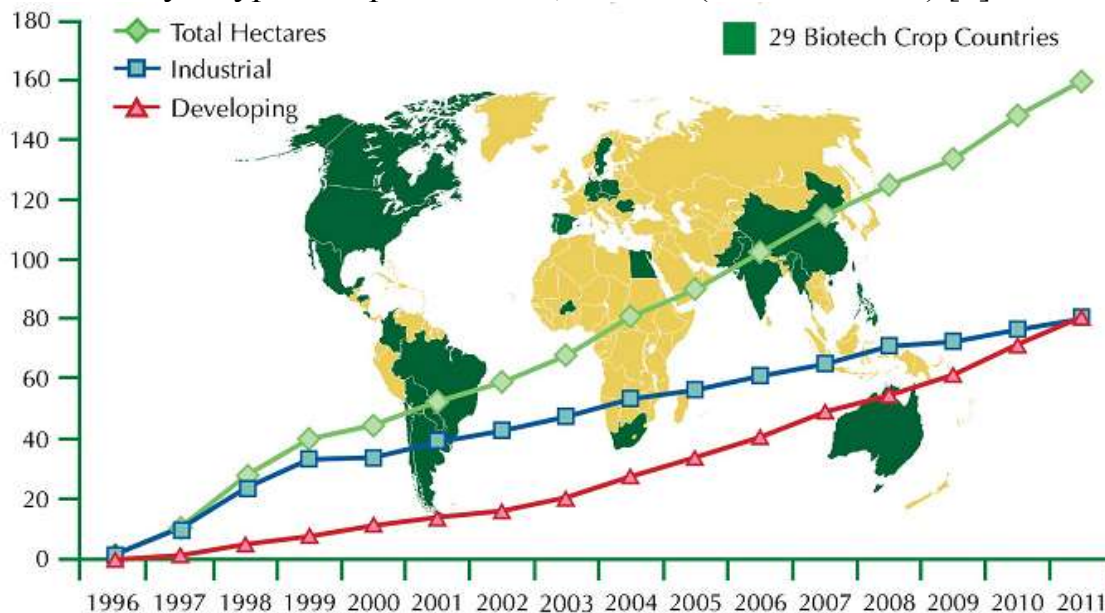
Национальная система контроля генно-инженерной деятельности, или система биобезопасности Республики Беларусь разработана с учетом особенностей ее национального законодательства и государственного управления для того, чтобы: 1) защитить человека и природу при осуществлении ГИД и использовании ее результатов; 2) максимально способствовать использованию современных биотехнологий для укрепления экономического положения РБ; 3) воспрепятствовать росту финансовых затрат республиканского бюджета; 4) обеспечить максимальную свободу доступа общественности к информации по биобезопасности. Она полностью отвечает требованиям Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии.

Правительства многих стран мира поддерживают развитие современных биотехнологий как важной движущей силы роста экономики, увеличения благосостояния населения и повышения конкурентоспособности национального производства. Количество биотехнологических предприятий в странах Европейского союза (ЕС) приближается к 2000, а их доходы составляют десятки миллиардов евро. Стремительно развивается и агробизнес, использующий практическое достижение генетической инженерии – генетически модифицированные организмы (ГМО). По прогнозам исследователей к 2025 г. площадь сельскохозяйственных угодий в мире сократится с $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$ га на человека, так как численность населения на планете сегодня составляет 6,6 млрд, и, увеличиваясь в год примерно на 80 млн, к 2050 г. достигнет 9 млрд человек. Поэтому даже индустриально развитые страны могут столкнуться с проблемой недостатка продуктов питания на душу населения.

Сотни примеров свидетельствуют об успешном создании ГМ-растений и их огромной практической ценности. По данным Международной службы по освоению агrobiотехнологических приложений (ISAAA, International Service for the Acquisition of Agribiotech Applications) [1] площади под ГМ-культурами с 1996 г. увеличились в 96 раз, достигнув в 2011 г. 160 млн га (рис. 1). В число биотехнологически развитых стран входят 29 государств, из них 17 относятся к мега-странам, выращивающим ГМ-растения на площадях свыше 50 тыс. га. С 1996 по 2010 гг. общая рыночная стоимость ГМО-продукции составила 78 млрд. долл. США, а в 2011 г. – 13,2 млрд. долл., что равно 36% от общей стоимости продукции на мировом рынке зерна (37 млрд. долл.). Было сэкономлено 443 тыс. тонн пестицидов, что существенно сказалось на улучшении окружающей среды. Только в 2010 г. сокращение выбросов CO₂ в атмосферу составило 19 млн. тонн, что эквивалентно удалению с

дорог около 9 млн. автомобилей. Был также сохранен от распашки 91 млн. га земли, что способствовало сохранению биологического разнообразия. Не забыт и человеческий фактор: культивирование ГМО помогало 15,0 млн мелких фермеров в борьбе с нищетой [1]. В ближайшие 10–20 лет ожидается, что около 80% из 29 основных сельскохозяйственных культур будут высеваться ГМ-семенами, так как их культивирование приносит существенную экономическую выгоду.

Рисунок 1. Рост посевных площадей в мире под трансгенными культурными растениями, млн. га (1996–2011 гг.) [1]

В Беларуси научные исследования, имеющие конечной целью создание трансгенных растений, были начаты по инициативе академика Н.А. Картеля в 2002 г. в рамках государственной программы «Генетическая инженерия». В частности, к 2006 г. в руководимой им лаборатории в Институте генетики и цитологии НАН Беларуси были созданы модельные растения табака, устойчивые к высоким дозам тяжелых металлов и нефтепродуктов. В настоящее время работы по использованию ДНК-технологий для сельского хозяйства и здравоохранения продолжаются в ряде учреждений НАН Беларуси и Министерства здравоохранения в рамках государственной программы «Инновационные биотехнологии». Создаются трансгенные растения картофеля с геном хитиназы из бактерии *Serratia plymuthica*, табака с геном цитохрома P450scs, льна, рапса масличного, клюквы крупноплодной и др.

Если экономическая выгода от использования ГМО в целом очевидна, то их безопасность по-прежнему вызывает жаркие споры, давно вышедшие за пределы лабораторий и научных форумов. Особенно это касается генетически модифицированных растений, широкомасштабное использование которых должно находиться под строгим контролем во избежание увеличения возможных рисков.

В дискуссии о безопасности использования трансгенных растений и животных в сельском хозяйстве участвуют правительственные комиссии и неправительственные организации типа «Гринпис». Поэтому исследование безопасности ГМО является важной частью программы научных и технологических разработок в прикладной молекулярной биологии. Они выходят далеко за рамки науки на уровень первостепенных задач государств и международных организаций, в обязанности которых входит обеспечение благоприятных условий для жизни на планете Земля.

Одним из важных документов, регламентирующих генно-инженерную деятельность (ГИД) и одновременно регулирующих межгосударственные отношения, является *Конвенция о биологическом разнообразии* (КБР, Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.). В ней провозглашается ответственность человечества за сохранение, устойчивое использование и долгосрочное развитие биологического разнообразия. В Конвенцию также включены проблемы сохранения природных мест обитания, рационального использования биологических ресурсов, восстановления деградировавших экосистем и исчезающих видов, строгого контроля над современными биотехнологиями, разработки национальных экологических сетей и законодательной институциональной базы. В соответствии с *принципом принятия мер предосторожности* (*Принцип 15 КБР*), в 2000 г. был разработан, 11 сентября 2003 г. вступил в силу и, по состоянию на август 2010 г., ратифицирован большинством стран-сторон КБР (160 из 192 государств-членов ООН). *Картахенский протокол по биобезопасности (КПБ)* к КБР [2]. Цель КПБ – содействие правительствам стран в обеспечении надлежащего уровня защиты в области безопасной передачи, обработки и использования живых (генетически) измененных организмов (*ЖИО / ГИО*), являющихся результатом применения современной биотехнологии (в том числе генетической модификации, *ГМ*) и способных оказать неблагоприятное воздействие на сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия, с учетом рисков для здоровья человека и проявления особого внимания к их трансграничному перемещению.

Первым шагом в решении этих проблем в нашей стране стало, постановление Совета Министров Республики Беларусь «О создании Национального координационного центра биобезопасности» от 19 июня 1998 г. № 963, согласно которому соответствующие функции были возложены на Институт генетики и цитологии НАН Беларуси и было создано специальное структурное подразделение – *Национальный координационный центр биобезопасности* (НКЦБ).

Основной целью НКЦБ является упорядочение и координация работ в области генно-инженерной деятельности при реализации стратегии и национального плана действий по сохранению и устойчивому использованию биоразнообразия в рамках конвенции ООН (КБР). Задачи НКЦБ:

- 1) сбор, анализ и систематизация информации о законодательстве и

научных исследованиях по вопросам биобезопасности, полевых испытаниях генно-инженерных объектов, ввозе (вывозе), коммерческом использовании в Беларуси ГИО и продуктов на их основе, а также указанной информации по биобезопасности из баз данных международных информационных сетей, развитие национальной базы данных о биобезопасности и ГИО;

2) предоставление этой информации заинтересованным министерствам и иным органам государственного управления, средствам массовой информации, гражданам и общественным объединениям;

3) обмен информацией с координационными центрами других стран и международными организациями;

4) ведение государственного реестра экспертов по биобезопасности в области ГИД (совместно с Минприроды);

5) обеспечение проведения научной экспертизы безопасности ГИО (совместно с экспертами государственного реестра);

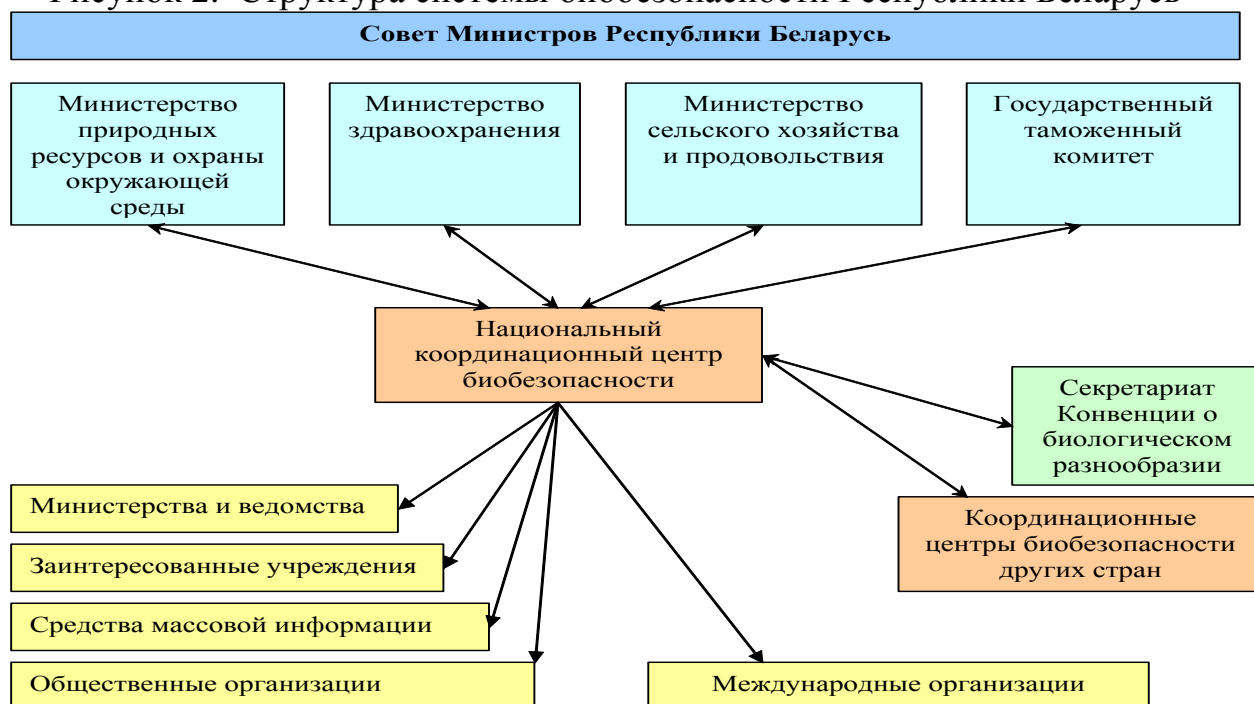
6) оказание консультативных услуг министерствам и иным республиканским органам государственного управления в разработке проектов актов законодательства, касающихся ввоза (вывоза) и безопасного использования ГИО и продуктов на их основе, руководств по оценке и предупреждению риска для окружающей среды и здоровья человека, инструкций по технике безопасности для лабораторий генетической инженерии;

7) оказание консультативных услуг министерствам и иным республиканским органам государственного управления в подготовке предложений по заключению двусторонних и региональных соглашений, в разработке международных соглашений по вопросам биобезопасности и осуществление соответствующих законодательству функций.

Присоединившись 6 мая 2002 г. к Картахенскому протоколу, Республика Беларусь разработала национальную систему контроля ГИД, или систему биобезопасности (рис. 2).

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О мерах по реализации положений Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии» от 5 июня 2002 г. № 734 создан ряд компетентных национальных органов. В качестве таких органов определены Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды (далее – Минприроды) в части функций, связанных с высвобождением ЖИО / ГИО в окружающую среду, Министерство здравоохранения и Министерство сельского хозяйства и продовольствия – по вопросам использования ЖИО в хозяйственной деятельности. Этим же постановлением на НКЦБ возложена функция связи с секретариатом КПБ.

Рисунок 2. Структура системы биобезопасности Республики Беларусь

В основу концепции государственного регулирования безопасности ГИД в Беларуси положен накопленный мировой опыт, белорусское законодательство и сложившаяся в стране система государственного управления, ее обязательства по международным соглашениям. Важнейшие положения концепции нашли отражение в Законе Республики Беларусь «О безопасности генно-инженерной деятельности» (далее – Закон), принятом 9 января 2006 г [3]. Этот закон вместе с актами действующего законодательства и другими правовыми документами, разработанными в его развитие, составляют основу нормативной правовой базы формирующейся национальной системы биобезопасности, в задачу которой входит реализация прав граждан Беларуси на жизнь, охрану здоровья, информацию и на предотвращение нарушения этих прав.

Закон устанавливает правовые и организационные основы обеспечения безопасности ГИД. Его положения не распространяются на отношения, связанные с применением генетической инженерии к человеку, его органам и тканям, обращением с фармацевтическими препаратами, продовольственным сырьем и пищевыми продуктами, кормами для животных, полученными из ГИО или их компонентов (ст. 2), так как они регулируются специальным законодательством о здравоохранении. В ст. 5 Закона определены следующие меры по обеспечению безопасности ГИД: принятие (издание) нормативных правовых актов; утверждение и введение в действие технических нормативных правовых актов в области безопасности ГИД и их реализации; проведение государственной экспертизы безопасности ГИО; осуществление контроля в области безопасности ГИД и ряд других мер обеспечения безопасности.

Оценки рисков использования ГИО в Беларуси регламентирует

Постановление Совета Министров от 4 мая 2010 г. № 677 (утверждено декретом Президента Республики Беларусь № 5/ 31786, подписанным 07.05.2010) «Об утверждении Положения о порядке проведения оценки риска возможных вредных воздействий генно-инженерных организмов на здоровье человека». Определены порядок и единые требования проведения оценки риска возможных вредных воздействий ГИО на здоровье человека. В постановлении используются следующие основные термины: оценка риска – определение вероятности вредного воздействия ГИО на здоровье человека; факторы риска – характеристики ГИО, связанные с генетической модификацией, которые могут оказать вредное воздействие на здоровье человека. Оценка риска проводится в целях определения возможных вредных воздействий ГИО на здоровье человека, оценки вероятности и степени опасности таких воздействий, а также способов их предупреждения и контроля (менеджмента).

Оценки риска проводятся осуществляющими ГИД экспертами, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Полученная информация в установленном законодательством порядке включается в материалы, предоставляемые юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в Минприроды для проведения государственной экспертизы безопасности ГИД. При поступлении новой информации о ГИО и его воздействии на здоровье человека результаты оценки риска могут быть пересмотрены. Одной из важнейших мер по обеспечению ГИД является установление ответственности за нарушение требований законодательства (ст. 5 Закона «О безопасности генно-инженерной деятельности»). В целях реализации указанного предписания 18 мая 2007 г. был принят Закон РБ «О внесении дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам установления ответственности за нарушение законодательства о безопасности генно-инженерной деятельности», которым внесен ряд дополнений в административное и уголовное право страны. В части 1 статьи 15.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) предусмотрена ответственность за нарушение правил безопасности производства, хранения, использования, транспортировки, захоронения и иного обращения с радиоактивными, бактериологическими, химическими веществами или отходами производства и потребления. Законом от 18 мая 2007 г. данная норма КоАП была дополнена указанием на то, что такую же ответственность влечет и совершение аналогичных действий с ГИО. Также в части 1 статьи 278 Уголовного кодекса сформулированы дополнения, аналогичные внесенным в части 1 статьи 15.4 КоАП, согласно которым установлена ответственность за аналогичные нарушения правил безопасности – при наличии *административной преюдиции* (т.е. уже вступившего в законную силу судебного решения) – налагается штраф в размере от 20 до 1000 базовых величин (≈ 6 тыс. у.е.); размер уголовной ответственности за подобные нарушения – до 7 лет лишения свободы.

Законодательство Беларуси *не запрещает* использование и оборот

пищевого сырья и продуктов питания, произведенных из ГМО, но в соответствии с законами республики «О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека» [4] и «О защите прав потребителей» [5] *покупатель имеет право* на получение информации о продуктах питания, в том числе – о содержании в них ГМО или их компонентов. Постановлениями Главного государственного санитарного врача №116 от 2.09.2003 г. и Совета Министров №434 от 28.04.2005 г. устанавливается беспороговая система допустимых уровней ГМО-компонентов. Таким образом в республике обозначаются все товары, в которых обнаруживается ГМО-примесь, причем узаконена тотальная проверка всех продуктов, содержащих сою и кукурузу (табл. 1). Кроме того запрещено использование ГМО в детском питании, и наложен запрет на реализацию немаркированной продукции, имеющей в составе ГМО. Для организации ГМО-контроля в республике создано 18 испытательных лабораторий, из них в системе Минздрава – 8, Госстандарте – 6, НАН Беларуси – 2, Минсельхозпроду – 2 (табл.2).

Таблица 1. Перечень продовольственного сырья и пищевых продуктов, подлежащих обязательному в Республике Беларусь контролю наличия ГМ-составляющих (компонентов) [10]

Соя и продукты из сои	Соя; соевые бобы; соевые проростки; концентрат соевого белка и его текстурированные формы; изолят соевого белка; соевая мука и ее текстурированные формы; заменитель молока (соевое молоко); консервированная соя; вареные и жареные соевые бобы; жареная соевая мука; продукты, полученные из или с использованием изолята соевого белка, соевой муки, сухого соевого молока; ферментированные соевые продукты; соевая паста и продукты из нее; соевый соус; продукты, полученные из или с использованием соевого молока (тофу, сквашенные напитки, мороженое, майонез и др.).
Кукуруза и продукты из кукурузы	Кукуруза; кукуруза для непосредственного употребления в пищу (мука, крупа и др.); кукуруза замороженная и консервированная; попкорн; кукурузные чипсы; мука смешанная, содержащая кукурузную муку.
Пищевые добавки	Пищевые добавки, содержащие продукты из сои и (или) кукурузы.
Детское питание	Детское питание, полученное с использованием продуктов из сои и (или) кукурузы.

Таблица 2. Аккредитованные в Беларуси лаборатории детекции ГМО, т.е. испытательные лаборатории, осуществляющие контроль содержания ГМ-составляющих (ГМИ) в продовольственном сырье и пищевых продуктах, кормах, кормовых добавках (по [6] с изменениями)

<i>Наименование испытательной лаборатории</i>	<i>Наименование предприятия (организации)</i>	<i>Номер аттестата аккредитации и, дата регистрации</i>	<i>Наименование продукции</i>
<i>Госстандарт</i>			
1. Отдел испытаний пищевой и с / х продукции	Белорусский государственный институт метрологии	ВУ/ 112 02.1.0.0008 от 15.03.1994	Продовольственное сырье и пищевые продукты; корма
2. Лаборатория по испытаниям пищевых продуктов и продовольственного сырья	РУП «Брестский ЦСМС»	ВУ/ 112 02.1.0.1230 от 05.12.1996	
3. Испытательная лаборатория	РУП «Витебский ЦСМС»	ВУ/ 112 02.1.0.1226 от 14.08.1996	
4. Отдел по испытаниям пищевой и с / х продукции	РУП «Гомельский ЦСМС»	ВУ/ 112 02.1.0.1228 от 14.12.1996	
5. Отдел испытаний	РУП «Гродненский ЦСМС»	ВУ/ 112 02.1.0.1235 от 17.02.1998	
6. Лаборатория испытаний пищевой и с / х продукции	РУП «Могилевский ЦСМС»	ВУ/ 112 02.1.0.1229 от 10.02.1997	Продовольственное сырье и пищевые продукты
<i>Министерство здравоохранения РБ</i>			
7. Научно-методический испытательный отдел	ГУ «Республиканский научно-практический центр гигиены»	ВУ/ 112 02.1.0.0341 от 19.01.1999	Продовольственное сырье и пищевые продукты
8. Лабораторная служба	ГУ «Республиканский ЦГЭ и ОЗ»	ВУ/ 112 02.1.0.1222 от 22.01.1996	

9. Лабораторная служба	ГУ «Минский городской ЦГ и Э»	ВУ/ 112 02.1.0.0484 от 31.03.2006	
10. Лабораторный отдел	ГУ «Брестский областной ЦГЭ и ОЗ»	ВУ/ 112 02.1.0.0040 от 14.11.1994	Продовольственное сырье и пищевые продукты
11. Лабораторный отдел	ГУ «Витебский областной ЦГЭ и ОЗ»	ВУ/ 112 02.1.0.0031 от 14.11.1994	
12. Лабораторный отдел и отдел гигиены	ГУ «Гомельский областной ЦГЭ и ОЗ»	ВУ/ 112 02.1.0.1301 от 10.11.1997	
13. Лабораторный отдел	ГУ «Гродненский областной ЦГЭ и ОЗ»	ВУ/ 112 02.1.0.0033 от 14.11.1994	
14. Лабораторная служба	УО «Могилевский областной ЦГЭ и ОЗ»	ВУ/ 112 02.1.0.0014 от 15.06.1994	
<i>НАН Беларуси</i>			
15. Центр ДНК – Биотехнологий, ЛГДМО	ГНУ «Институт генетики и цитологии» НАН Беларуси	ВУ/ 112 02.1.0.1599 от 07.12.2009	Продовольственное сырье, пищевая и с / х продукция; корма; семенной материал
16. Лаборатория испытаний и исследований продукции и сырья	РУП «Научно-практический центр НАН Беларуси по продовольствию»	ВУ/ 112 02.1.0.0038 от 25.11.1994	Продовольственное сырье и пищевые продукты, корма для животных
<i>Минсельхозпрод</i>			
17. ГУ «Центральная научно – исследовательская лаборатория (ЦНИИЛ) хлебопродуктов»	ГУ «ЦНИИЛ хлебопродуктов»	ВУ/ 112 02.1.0.0080 от 10.07.1995	Продовольственное сырье и пищевые продукты, корма для животных
18. ГУ «Белорусский государственный ветеринарный центр»	ГУ «Белорусский государственный ветеринарный центр»	ВУ/ 112 02.1.0.0358 от 02.08.1999	Продовольственное и кормовое сырье, корма пищевые продукты;

Для детекции ГМИ на практике используются два основных метода.

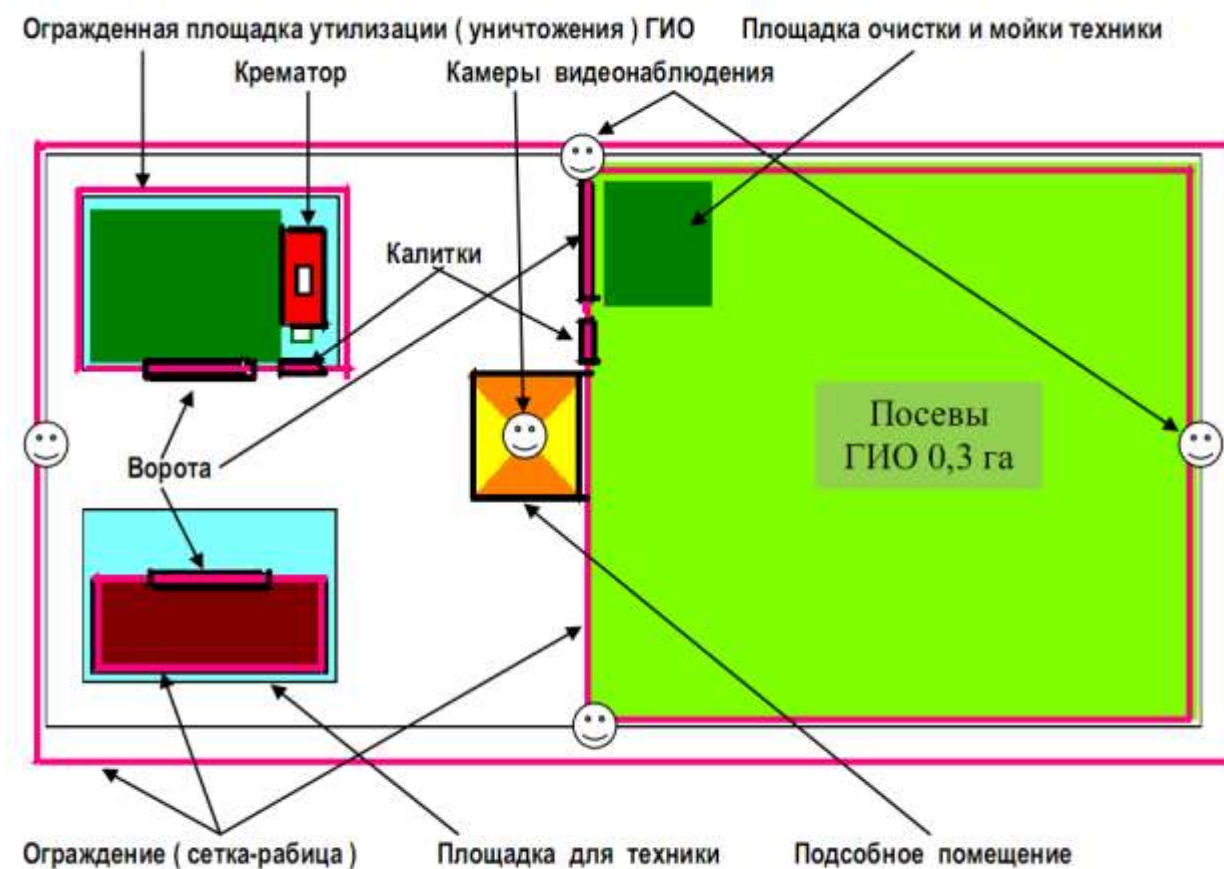
Первый метод основан на выявлении белков-продуктов трансгенов, а второй метод – на полимеразной цепной реакции (ПЦР) (ПЦР+электрофорез, ПЦР в реальном времени, ПЦР+детекция ДНК на биочипе).

Методы детекции ГМИ, использующие в качестве анализируемого показателя белок, включают процедуры анализа на основе антител. Методы, в которых в качестве анализируемого показателя используются нуклеиновые кислоты, основаны на выделении из пищевого продукта ДНК и определении факта ее генетической модификации посредством ПЦР. Методы базируются на идентификации рекомбинантной ДНК и направлены на выявление регуляторной последовательности промотора 35S вируса мозаики цветной капусты. Это обусловлено тем, что почти все генетически модифицированные растения, представленные в настоящее время на мировом продовольственном рынке, содержат одни и те же последовательности ДНК, регулирующие работу гена, кодирующего вносимый признак, а именно промотор 35S из вируса мозаики цветной капусты и терминатор NOS из бактерии *Agrobacterium tumefaciens*. При контроле образцов на содержание ГМИ в Республике Беларусь используются два основных метода: ПЦР + электрофорез в агарозном геле и ПЦР в реальном времени [7,8].

В лаборатории детекции ГМО (ЛДГМО). Национального координационного центра биобезопасности используется метод ПЦР + электрофорез, который позволяет определять ГМИ в продуктах питания с чувствительностью 0,1 %, которая была подтверждена при анализе референсных материалов. За время существования лаборатории проведено свыше 14 тыс. анализов образцов пищевой продукции, содержащих сою и кукурузу, на наличие ГМИ. В результате проведенных в ЛДГМО анализов установлено, что в среднем чуть меньше 1 % продукции содержит ГМИ, в подавляющем числе случаев генетически модифицированную сою. Генетически модифицированная кукуруза обнаружена в единичных случаях. В состав продукции, содержащей ГМИ, попали соевый шрот, полуфабрикаты из мяса цыплят, рыбные полуфабрикаты и некоторые другие продукты. Наибольшее количество генетически модифицированных продуктов поступало в 2008 г. – около 2 %. В 2010–2011 гг. отмечено значительное снижение относительного количества такой продукции (до 0,10–0,21%).

В соответствии с белорусским законодательством обязательным условием использования трансгенных растений в практике сельского хозяйства является оценка их биобезопасности на специально оборудованных полигонах. Такие полигоны в НАН Беларуси создаются в Институте генетики и цитологии и НПЦ по картофелеводству и плодоовощеводству. На рис. 3 представлена схема полигона Института генетики и цитологии НАН Беларуси.

Рисунок 3. Схема размещения объектов опытного поля (полигона) для испытаний непатогенных генно-инженерных организмов (ГИО)

Таким образом, можно заключить, что в Беларуси сформирована достаточная законодательная база и завершается формирование инфраструктуры для успешного внедрения трансгенных растений, созданных отечественными и зарубежными учеными. Использование трансгенных растений позволит повысить продуктивность агроценозов, более эффективно и рационально применить средства защиты растений, уменьшить затраты труда при возделывании сельскохозяйственных культур.

Литература

1. ISAAA Brief 43–2011: Slides & Tables [Электрон. ресурс] / International Service for the Acquisition of Agri-biotech Applications. – 2011. – Режим доступа: <http://www.isaaa.org/resources/publications/briefs/43/pptsides/>. – Дата доступа: 12.03.2012.
2. Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии [Электрон. ресурс] / Национальный координационный центр биобезопасности. – 2003. – Режим доступа: <http://biosafety.org.by/sites/default/files/downloads/cartagena-protocol-ru.pdf>. – Дата доступа: 16.02.2011.
3. Закон Республики Беларусь «О безопасности генно-инженерной деятельности» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 9, 2/ 1193.

4. Закон Республики Беларусь «О качестве и безопасности продовольственного сырья и пищевых продуктов для жизни и здоровья человека» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 79, 2/ 966.
5. Закон Республики Беларусь «О защите прав потребителей» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 8, 2/ 932.
6. Анализ работ по аккредитации: 2009 год / Н.А. Жагора и др. – Минск: БелГИМ, 2010. – 126 с [Электрон. ресурс] // Белорусский государственный центр аккредитации. – Режим доступа: <http://www.bsca.by/pdf/analiz-2009.pdf>. – Дата доступа: 18.01.2012.
7. СТБ ГОСТ Р 52173–2005 «Сырье и продукты пищевые. Метод идентификации генетически модифицированных источников (ГМИ) растительного происхождения». – Минск: БелГИМ, 2006.
8. СТБ П ISO 21569–2005/ 2008 «Продукты пищевые. Методы анализа для обнаружения генетически модифицированных организмов и производных продуктов. Методы качественного обнаружения на основе анализа нуклеиновых кислот». – Минск: БелГИМ, 2009.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

И.В. Котляров

В настоящее время во всем мире органы государственного управления, различные политические структуры осуществляет всестороннее и целенаправленное воздействие практически на все сферы общественной жизни. Среди задач, выдвинутых на первый план в нашей стране, центральное место занимают политические и экономические инновации, перестройка психологии и стиля повседневной деятельности, формирование гражданского общества и здорового образа жизни людей, модернизация политической системы белорусского общества и создание на этой основе сильной, процветающей и независимой Беларуси.

Однако в настоящее время управление на всех организационных уровнях не всегда эффективно работает, допускаются определенные, иногда значительные просчеты, которые приводят к существенным сбоям в работе различных социальных механизмов. Например, уже полгода лихорадит Национальную академию наук Беларуси. Затяжна перестройка научной сферы, но никто не знает, что это такое, что делать, куда идти. Это отрицательно влияет на морально- психологический климат в научных коллективах, отбивает желание работать.

В условиях становления белорусской государственности, формирования сильной и процветающей Беларуси на первое место все чаще выходят модельные методы, оказывающие организованное, целенаправленное воздействие на будущее состояние личности, социальных общностей, политических структур, возникающих между ними отношений, различных видов деятельности и т.д.

Предлагаю авторское определение: *политическое моделирование* – это социальная деятельность, направленная на создание оптимальных моделей политических систем, общностей, организаций, процессов, их основных качеств, критериев, характеристик, параметров, различных политических отношений и процессов, эффективных с точки зрения реализации поставленных задач, учитывающих политические ценности и идеалы, выполняющих заданные функции, предполагающие выражение их в определенной знаковой форме и воплощение в процессе организационной деятельности.

Теоретическим стержнем моделирования является положение, сформулированное Карлом Марксом: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку с воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся представлении человека, т.е. идеально» [9, с. 189].

Одним из важнейших методологических оснований политического моделирования является *детерминизм* как принцип отражения всеобщей причинной, а также иных связей, объективной и необходимой закономерности изменений явлений материального мира, в том числе, политической реальности, наличия условий, ограничивающих произвольное вмешательство в развитие процессов и явлений действительности. Использование принципа детерминизма в политической модельной деятельности позволяет уяснить причинную сеть, определить результаты субъективных и объективных воздействий, просчитать их результирующий вектор, спрогнозировать будущее возможное состояние, смоделировать его изменение при помощи целенаправленных социальных и политических действий [2] [3] [8].

Категориальная структура политического моделирования – это комплекс дефиниций, направленных на научное определение основных параметров, характеристик будущих состояний политических процессов, явлений, их блоков, подсистем и связей.

Основными элементами проектной деятельности (политического моделирования), ее важнейшими категориями являются субъект моделирования; объект, на который направлена модельная деятельность; цель моделирования; язык (средства выражения); социальная технология (алгоритм) модельной деятельности как совокупность операций, действий, процедур; методы политического моделирования; средства моделирования (технические, математические, логические, экономические, социальные, законодательные и т.д.); сфера моделирования; функции; условия; пределы (ограничения) моделирования; механизм политического моделирования; результат [4] [8].

Определяющим функциональным критерием для отнесения любой политической общности к субъекту моделирования является

непосредственное участие в процессе разработки идеальных моделей и проектов.

При моделировании политических систем субъективная деятельность находит выражение в социальной технологии модельной деятельности. *Социальная технология* – это упорядоченная во времени и пространстве последовательность процессов социальной деятельности, комплекс навыков, методов, способов и приемов, направленных на достижение поставленной цели, реализацию социального заказа, разработку политических моделей.

В данном исследовании предлагается принципиально новая социальная технология моделирования, функционально-временная последовательность разработки политических моделей. *Алгоритм* политического моделирования в самом общем смысле может иметь следующий вид: уяснение проблемы (социологическая диагностика) – определение социального заказа – разработка паспорта – постановка целей и задач – разработка изыскательского прогноза – конструирование нормативного прогноза – верификация и корректировка прогнозов – идеализация – оптимизация – разработка конструкторов – создание моделей. Такое расположение стадий политического моделирования чисто условное. Отдельные этапы технологического цикла могут осуществляться параллельно (такие, как, например, нормативный и исследовательский прогнозы, оптимизация и идеализация) и расположены в ряду временной последовательности друг за другом, главным образом, для удобства работы и анализа.

Президент страны поставил задачу модернизации политической системы белорусского общества. Для научного анализа решения данной проблемы используем данный алгоритм политического моделирования.

Предпосылкой политического моделирования является как выявление проблем, мешающих успешному функционированию и развитию различных политических объектов, так и определение объективных потребностей общественного развития, конкретных интересов субъектов моделирования, социального заказа общества или любой из его подсистем. Основная проблема современной политической системы белорусского общества, по мнению многих экспертов, – слабая политическая активность граждан. На политическую деятельность как инструмент решения современных проблем возлагает особые надежды только чуть больше четырех процентов респондентов. Заказ в системе политического моделирования выступает в качестве определенной социальной установки на разработку конкретных мер, направленных на преобразование социума, решение имеющихся политических проблем. В данном случае заказ сделал Президент страны. Председатель Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь уточнил его – модернизация избирательной системы как одна из целей предстоящей политической инновационной деятельности. Цель паспортизации – получение объективных научных данных об объектах моделирования –

политических общностях, процессах или явлениях, анализ их состояния и функционирования на данный промежуток времени. В настоящее время в стране действует мажоритарная избирательная система. Ее существенная заслуга в том, что депутатами избирают наиболее известных в округе людей. Однако это преимущество является и существенным недостатком данной избирательной системы. Люди чаще всего знают и избирают в парламент врачей, учителей, участковых милиционеров, т.е. людей, весьма далеких от политики. Пропорциональная избирательная система обеспечивает представление в высшем законодательном органе интересов всех политических и социальных групп страны. Однако при современном состоянии белорусской многопартийной системы введение этой избирательной системы приведет к всеобщему хаосу. В настоящее время белорусская многопартийная система находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех ее подсистем и блоков, всех уровней порядка. Причем почти все политические партии Беларуси переживают несколько локальных кризисов – кризис доверия, кризис лидерства и кризис идеологической идентичности. По данным очередного этапа социологического мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, им доверяют только 9,2 процента населения страны, не доверяют – 43,4 процента. Если бы в ближайшее время в нашей стране проходили выборы в парламент по пропорциональной избирательной системе или «партийным спискам», как, например, в России, то 31,68 процента избирателей проголосовали бы против всех политических партий республики. Две трети граждан вполне вероятно вообще бы не пошли на выборы, так как они ничего о белорусских политических партиях не знают. Возникает вопрос, как будут голосовать, если применить казахстанский вариант, где в избирательных бюллетенях нет графы – «против всех» [5].

От постановки целей и задач во многом зависят качество моделирования, его конечные результаты. Одна из задач модернизации современной политической системы – формирование сильных политических партий страны.

Политическую партию можно рассматривать как формализованную систему, поддающуюся политическому моделированию. Партия как система имеет следующие структурные блоки:

- теоретический блок, который занимается разработкой теоретических концепций и программ;
- идеологический блок, основная задача которого состоит в подготовке идеологических акций и деятельности партии, организации идеологических мероприятий, разработке системообразующей идеологии;
- организационный блок, который занят подготовкой основных организационных мероприятий, созданием первичных партийных структур, работой с электоратом;
- коммуникативный блок, основная задача которого заключается в создании связей между руководством партии и ее членами, ее электоратом,

другими политическими структурами и организациями, в целом – с окружающей средой;

– представительный блок, который занимается подготовкой, рекрутированием, учебой депутатов представительных органов различных уровней;

– управляющий блок, основная задача которого заключается в обеспечении нормального функционирования политической партии как модели;

– имиджевый блок, который предназначен для создания благоприятного имиджа политической партии. Можно назвать и другие блоки и подсистемы, которые принимают активное участие в деятельности партии [1] [6] [7].

Прогнозирование соединяет изучение проблемной ситуации и социального заказа с моделированием, постановку целей и задач – с их реализацией, познание с практикой, позволяет наметить контуры будущего. Изыскательский прогноз показывает, что без целенаправленных изменений в законодательной сфере белорусского государства не может быть никаких существенных политических инноваций. Нормативный прогноз помогает наметить комплекс мер по решению поставленных политических задач.

Используя социальную технологию политического моделирования, создается определенное количество моделей, соответствующих социальному заказу, способствующих решению стоящих перед системой проблем, реализации разработанных целей. На стадии идеализации создаются идеальные оптимизации – наиболее эффективные при имеющихся ресурсах и существующих ограничениях абстрактные модели. Модели дают субъектам политического моделирования конкретную информацию о будущем состоянии политической системы, формируют информационный образ моделируемого объекта. Причем подобных моделей разрабатывается достаточно много. На этапе конструирования из них выбирается одна, которая затем на стадии моделирования выражается в модели – определенной системе специально подобранных знаков. Именно они предназначены для реализации.

Принципы политического моделирования – это положения и требования, которыми необходимо руководствоваться при разработке будущих состояний политических общностей, процессов, явлений, способов действий и т.д., средства гносеологического, методологического и логического упорядочения знаний о будущем. Следует отметить, что важнейшим из них является мировоззренческий принцип, который базируется на философской информации, позволяющий правильно воспринимать общий и частный ход событий. Какое мировоззрение, такими и будут модели, такая будет политическая система, так будет жить страна.

Политическое моделирование – мощнейший инструмент изменения окружающей действительности. Очень важно использовать его на благо

Беларуси, ее народа.

Литература

1. Котляров, И.В. Кому сидеть на мешке с шерстью или О роли политических партий в жизни белорусского общества // Проблемы управления. – 2008. – № 4. – С. 138–143.
2. Котляров, И.В. Моделирование социальное // Беларуская энцыклапедыя. – Т. 9. – Минск, 1999. – С. 495.
3. Котляров, И.В. Моделирование социальное // Республика Беларусь. Энциклопедия. – Т. 5. – Минск, 2008. – С. 174.
4. Котляров, И.В. Политическая социология: теория, история, методология, методика: В 2 т. – Минск, 2004.
5. Котляров, И.В. Политические партии Беларуси: миф или реальность? Социологический анализ // Социальное знание и проблемы консолидации белорусского общества: мат-лы междунар. конф, г. Минск, 17–18 ноября 2011 г. – Минск, 2011. – С. 31–35.
6. Котляров, И.В. Политические партии Беларуси: теория, история, современность: В 2 т. – Минск, 2006.
7. Котляров, И.В. Социология политических партий. – Минск, 2011.
8. Котляров, И.В. Теоретические основы социального проектирования. – Минск, 1988.
9. Маркс, К. Капитал. – Т. I // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. – Т. 23, – С. 1–489.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО С ПОЗИЦИЙ ТРИБОФАТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Л.А. Сосновский, А.А. Лазаревич, Е.С. Таранова

Исследования феномена человека образуют, по существу, магистральное направление развития философского знания. А наше время, как ни странно, нередко называют эпохой постантропологии, для которой характерен отказ от идеи человека, выступающего масштабом оценки всего сущего [0, с. 0].

В докладе мы затронем лишь одну из проблем: речь идет о современном понимании качества жизни человека и сообщества людей, о методе его количественной оценки и возможной процедуре управления им с точки зрения трибофатической парадигмы качества жизни [0, с. 0].

Начнем с обобщенной методологии. Используем определение *L*-риска [0]:

$$c(A_j, B_j) = \frac{P(A_1, A_2, \dots, A_n)}{Q(B_1, B_2, \dots, B_n)}, \quad j = 1, 2, \dots, n \quad (1)$$

где $\{A_j, B_j\}$ – такое большое число (*n*) индексов (событий, ситуаций, факторов), что в совокупности они адекватно определяют качество жизни, т. е. реальное ее состояние, например, в данной стране; другими словами,

$\{A_j, B_j\}$ – это полный комплекс (генеральная совокупность) реальных условий проживания сообщества всех людей в данном государстве. Главная особенность этого комплекса состоит не в том, что принимается как угодно много событий, ситуаций, факторов, но в том, что учитываются их противоположности, определяемые как хорошо $\{B_1, B_2, \dots, B_n\}$ и как плохо $\{A_1, A_2, \dots, A_n\}$. А особое достоинство этого комплекса состоит в том, что обеспечивается возможность количественного описания как хорошего (вероятности $Q(B_1, B_2, \dots, B_n)$), так и плохого (вероятности $P(A_1, A_2, \dots, A_n)$). Можно постулировать, следовательно, что вероятности $Q(B_j)$ описывают во времени и характеризуют условия и уровень гармонизации, а вероятности $P(A_j)$ – условия и уровень дисгармонизации, так что их единство (1) – взаимообусловленное целое.

В этой связи показатель $\rho(A_j, B_j)$ является не просто *итоговым* для данной страны, но и *синтезированным* (фундаментальным) *показателем рисков в процессе гармонизации качества жизни*. Фундаментальность его состоит в том, что *единым (общим) числом* вполне адекватно описываются практически *все реалии жизни* данного сообщества людей за данный промежуток времени. А *важнейшая особенность* показателя $\rho(A_j, B_j)$ состоит в том, что он допускает *простую процедуру членения целого на отдельные части*:

$$\rho(A_j, B_j) \in \frac{P(A_1)}{Q(B_1)}, \dots, \frac{P(A_n)}{Q(B_n)} \quad (2)$$

Нетрудно понять, что, изучая структуры членения (2), можно в определенной степени изучать свойства целого (1). И все эти исследования оказывается возможным проводить численно. Это значит, что легко реализуется *процедура сравнения вклада любых событий, ситуаций, факторов $\{A_j, B_j\}$ в оценку фундаментального риска $\rho(A_j, B_j)$* .

Все это приводит к важному заключению: в сущности, противоположности *хорошо* и *плохо*, содержащиеся и анализируемые в (1) и (2), отождествляются с философскими категориями *добро* и *зло*. И тогда они могут быть изучены аналогично анализу соотношений добра и зла в сообществе людей [0]. Возможность реализации этой процедуры в известной мере определяет развитие *численных методов в диалектике* [0].

Теперь следует поставить задачу гармонизации в количественном плане. Она представляется нам естественной целевой функцией: риски во времени t жизни людей должны стремиться к нулю:

$$\rho(A_j, B_j) \xrightarrow{\vec{t}} 0 \quad (3)$$

Здесь \vec{t} – *однонаправленная стрела времени* [0], которая всегда и неизбежно характеризует *эволюцию любых систем* [0].

Но если известна цель (3), следует указать *возможные и эффективные пути ее достижения*. Обнаруживаются три (I, II, III) таких пути [0]:

(I) $P(A_j) \xrightarrow{t} 0$ – ведется всеобщая и беспощадная *борьба со злом (с плохим)*);

(II) $Q(B_j) \xrightarrow{t} 1$ – любыми средствами *насаждается добро (хорошее)*;

(III) $P(A)/Q(B) \xrightarrow{\rho \rightarrow 0} \min$ – сочетаются разнообразные методы поддержки добра (хорошего) и борьбы со злом (с плохим).

Нетрудно видеть, что путь (III) – естественная и эффективная (хотя, видимо и не прямая) дорога к гармонизму в жизни сообщества людей, и, следовательно, к оптимизации фундаментального показателя (1) качества их жизни. А жесткие пути (I) и (II) – далеко «недемократичные», ибо, например, насильственное насаждение добра (путь II) неизбежно порождает и множит зло, а бескомпромиссное подавление зла (путь I) вызывает соответствующее сопротивление.

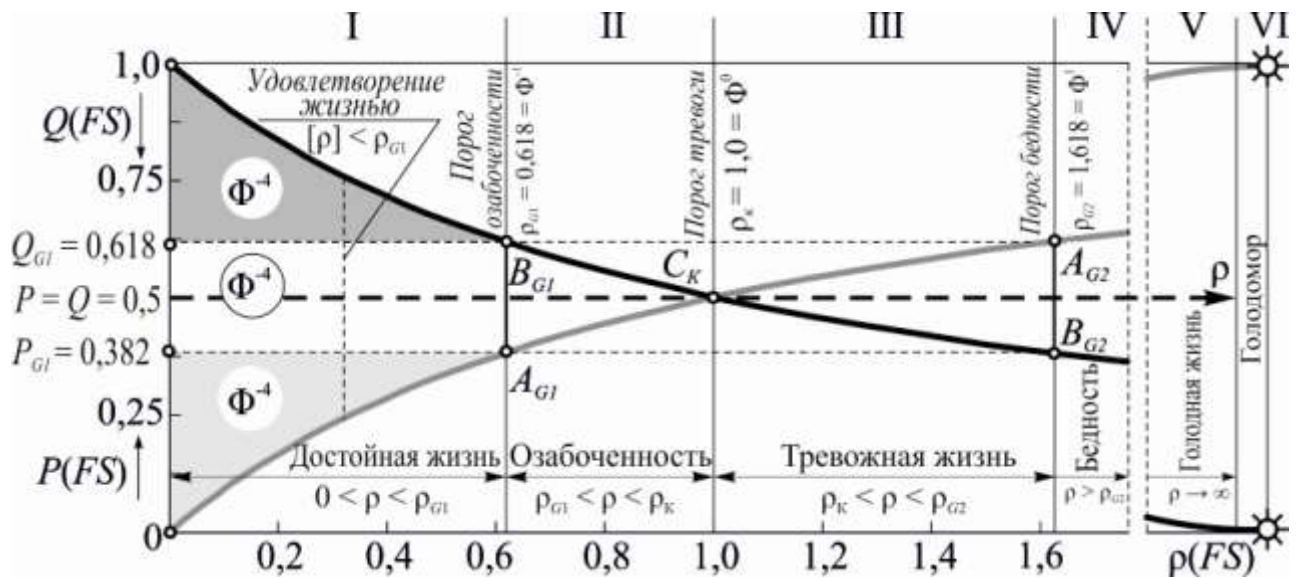
Скажем несколько слов об управлении качеством жизни – коль скоро известны методы его количественной оценки и пути качественного роста. Управление – это, по нашему мнению, обеспечение процесса пошагового (постепенного) повышения качества жизни. Можно ли эти шаги тоже определить количественно? Ведь стремление риска $\rho(A_j, B_j)$ к нулю в соответствии с (3) носит всеобщий качественный характер. А управлять – значит переходить от одного уровня качества, характеризуемого некоторым числом, к другому (новому) уровню, который характеризуется другим (иным, чем на первой ступени) числом.

Проиллюстрируем, каким образом соотношения (1) и (2) позволяют обеспечить рациональную процедуру управления качеством жизни в количественном плане. Для этого обратимся к ранее разработанной методологии по оценке качества жизни [0, 0]. Пусть анализ качества жизни ведется по интегральному (фундаментальному) показателю FS, т.е. исчисляется $\rho(FS)$. Если вероятность $P(FS)$ определяется по многим и разным признакам $\{A_1, A_2, \dots, A_n\}$, то показатель $Q(FS)$ аналогично определяется по противоположным признакам хорошего $\{B_1, B_2, \dots, B_n\}$. Тогда согласно (1) обобщенный риск будет:

$$\rho(FS) = P(A_1, A_2, \dots, A_n) / Q(B_1, B_2, \dots, B_n) \quad (4)$$

Согласно представленной концепции строится теоретическая оперативная характеристика L-риска (выпуклая и вогнутая линии на рис. 1) как взаимообусловленная зависимость вероятностей $P(FS)$ и $Q(FS)$ от величины показателя риска $\rho(FS)$.

Рисунок 1. Оперативная характеристика качества жизни по концепции L-риска: ρ_{G1} – первый золотой риск; ρ_{G2} – второй золотой риск; $[\rho]$ – допустимый риск; ρ_K – критический риск; $\rho = \infty$ – бесконечно большой риск; первые узловые точки A_{G1}, B_{G1} (золотые вероятности) – состояние устойчивости; вторые узловые точки B_{G2}, A_{G2} – критическое состояние

Таким образом, на рис. 1 предложены интерпретация и конкретизация характерных областей (I, II, III, IV и V) изменения риска в связи с состоянием качества жизни, названия которых отражают как общие, так и специфические состояния качества жизни населения: I – область состояний устойчивости; II – область состояний ограниченной устойчивости; III – область состояний неустойчивости; IV – область закритических состояний; V, VI – область состояний хаоса. При этом для количественного описания характерных состояний качества жизни используются особые параметры; обычно они определяются соответствующими значениями золотых чисел Φ^n . Подробный анализ изложенного подхода дан в работе [0]. Теперь же особое внимание следует уделить только области I достойной жизни.

Изобразим только те ветви оперативной характеристики риска, которые расположены слева от точки C, где $\rho_K = 1,0$, и возьмем для анализа вторые золотые точки (где $\rho_{G2} = 1,618 > \rho_K$). Тогда получим, образно говоря, чашу жизни, изображенную на рис. 2.

Чаша на рис. 2 дает, прежде всего, качественную картину: иллюстрируется стремление $\rho(A_j, B_j) \rightarrow 0$ как ее «наполнение» (см. затемненные области на рис. 2, а и 2, б), при этом $P(A) \rightarrow 0$ и $Q(B) \rightarrow 1$. Эта качественная картина дополняется строгим количественным анализом (табл. 1 и рис. 2): указано последовательное уменьшение численного значения рисков по ступенькам изменения золотых пропорций (чисел) Φ . Главная тенденция состоит в том, что при $n \rightarrow \infty$, риски $\rho(A_j, B_j) \rightarrow 0$. Каковы пределы такого роста? Ответ на этот сакраментальный вопрос пока не ясен, это – проблема для дальнейших исследований. А пока можно лишь утверждать, что предельное значение $\rho_{G0} = 0$ невозможно. Это утверждение является философски верным: существование объекта и его развитие невозможно без наличия и борьбы противоположностей. А условие $\rho_{G0} = 0$ означает, что либо $P(A) = 0$, либо

$Q(B) = 1$, т. е. существует либо только *абсолютное зло* (только плохие события, ситуации, факторы), либо только *всеобщее добро* (только хорошие события, ситуации, факторы) [0]; и то, и другое – нереально.

Рисунок 2. Стратегия повышения качества жизни: $\frac{1}{\varphi} \Rightarrow 0$

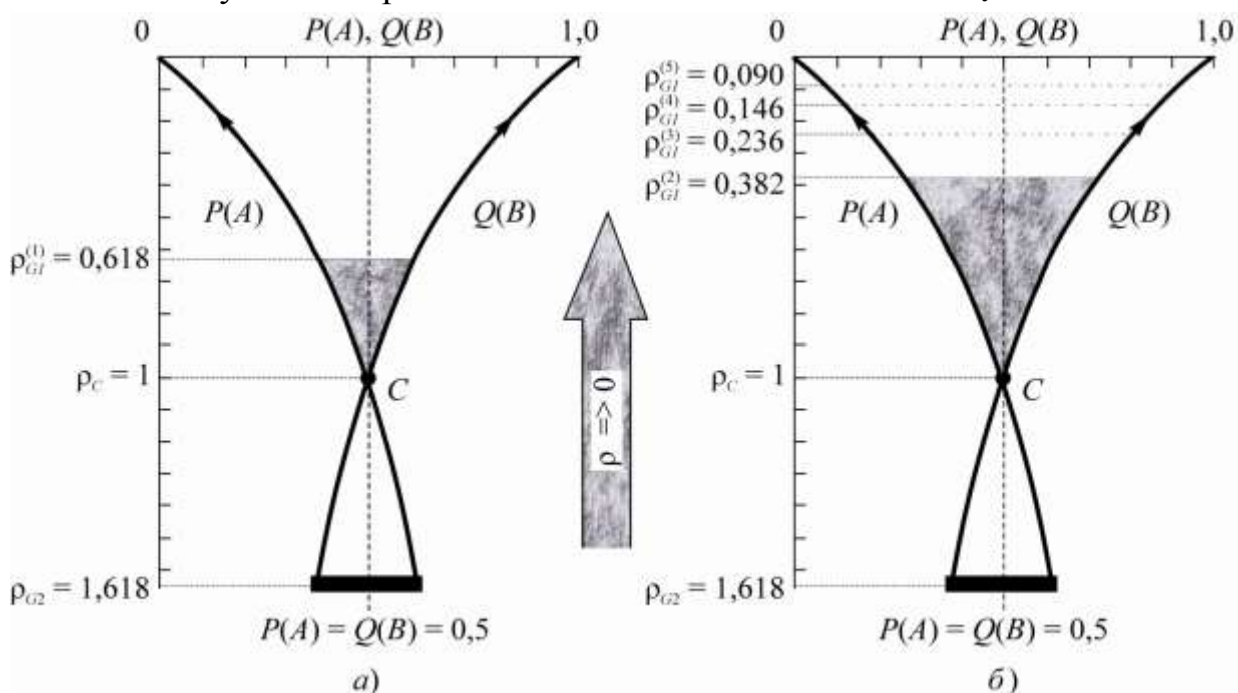

Таблица 1. Некоторые золотые числа и соответствующие им риски

Φ^0	Φ^{-1}	Φ^{-2}	Φ^{-3}	Φ^{-4}	Φ^{-5}
1,000	0,618	0,382	0,236	0,146	0,090
c_k	$c_{G1}^{(1)}$	$c_{G1}^{(2)}$	$c_{G1}^{(3)}$	$c_{G1}^{(4)}$	$c_{G1}^{(5)}$

Таким образом, *показатель качества жизни* (1), определенный на базе фундаментальной концепции *L-риска* с учетом фундаментальных золотых пропорций, преобразуется в *глобальный (мировой) показатель качества жизни*, если его вычислить как объединенный показатель качества жизни для всех стран мира. Из изложенного ясно, что это сделать хотя и трудно, но можно. По существу, изложенные представления формируют *трибофатическую концепцию качества жизни*.

В заключение можно сказать, что в настоящее время термин «качество жизни» из ординарного понятия вырос в важнейшую социологическую и даже философскую категорию, значение которой непрерывно возрастает. По нашему мнению, недолго осталось ждать то время, когда человеческое общество будет вырабатывать, возможно, единственную стратегию развития – стратегию повышения качества жизни, которая охватит все проблемы гармоничного развития и личности и человечества. Гармонизация жизни через повышение ее качества ведет к гармонии во всех ее проявлениях, иными словами – к возможному Третьему пути грядущего исторического развития сообщества людей на Земле [0, 0].

Заметим: уже и в наше время повышение качества жизни населения есть, по существу, глобальная задача современного цивилизованного государства, и все его структуры, по большому счету, так или иначе способствуют ее решению, что и ведет к гармоничному развитию современного общества.

Заключение. Выше дан краткий анализ роли качества жизни в связи с необходимостью гармонизации интересов личности, развития человеческого сообщества. Предложена методология оценки глобального показателя (1) рисков в процессе гармонизации качества жизни людей. Задача гармонизации определяется целевой функцией (3); проанализированы возможные пути ее реализации. Показано, что исчисление качества жизни, в сущности, тождественно анализу соотношений добра и зла. Введено представление о чаше жизни (см. рис. 1), которая характеризует качественно и описывает количественно пошаговое повышение качества жизни по уровням золотой пропорции. В сущности, сформулирована *трибофатическая концепция качества жизни*.

Разработанная методология имеет широкие и значимые цели и задачи: каким образом строить иерархическую структуру фундаментальных и глобальных показателей качества жизни, с помощью которых можно анализировать: 1) как состояние государств мира по этому важнейшему показателю развития (в количественном плане), так и, главное, 2) разработать стратегию и тактику управления качеством жизни в странах мира с целью гармонизации мирового уклада жизни.

Литература

1. Ремезова, И.И. Современная философская антропология. Аналитический обзор / Институт научной информации по общественным наукам, отд. философии; отв. ред. А.И. Панченко, – М., 2005.
2. Смирнов, С.А. Современная антропология // Человек. – 2010. – № 4. – С. 86–94.
3. Марков, Е.В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. – 2011. – № 2. – С. 23–34.
4. Аленькова, Ю.В. Философская антропология в современной гуманитарной культуре // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: материалы Междунар. науч. конференции к 80-летию Института философии НАНБ, Минск, 14–15 апреля 2011 г. – Минск, 2011. – С. 254–256.
5. Сосновский, Л.А., Жмайлик, В.А., Лазаревич, А.А. Об анализе и управлении качеством жизни / Л.А Сосновский, // Тр. VI-го Международного симпозиума по трибофатике (ISTF 2010), 25 октября – 1 ноября 2010 г., Минск (Беларусь) / Редкол.: М.А. Журавков (пред.) [и др]. – Минск, 2010. – Т. 2.
6. Сосновский, Л.А. [и др.] Качество жизни: обобщение представлений с позиций концепции L-риска // Гармоничное развитие систем – третий путь человечества: труды 1-го Международного Конгресса, Одесса, 8–10 октября 2011 г. – Одесса, 2011. – С. 127–136.

7. Сосновский, Л.А. [и др.] Об анализе качества жизни и управлении развитием человеческого потенциала с позиций фундаментальной концепции L-риска // *Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: материалы Междунар. науч. конференции к 80-летию Института философии НАНБ, Минск, 14–15 апреля 2011 г.* – Минск, 2011. – С. 261–264.
8. Сосновский, Л.А. «L-риск», Гомель, 2004.
9. Лазаревич, А.А., Сосновский, Л.А. О возможности количественного анализа добра и зла в социогуманитарных исследованиях // *Трибофатика = Tribo-fatigue: тр. VI Междунар. симпозиум по трибофатике МСТФ 2010, Минск, 25 окт. – 1 нояб. 2010 г.: в 2 ч.* / Белорус. Гос. ун-т; редкол.: М.А. Журавков (пред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Т. 2. – С. 497–500.
10. Сосновский, Л.А. *Трибофатика: о диалектике жизни.* Изд. 2-ое. – Гомель, 1999.
10. Сосновский, Л.А. О возможности построения общей теории эволюции систем // *Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: материалы Междунар. науч. конференции к 80-летию Института философии НАНБ, Минск, 14–15 апреля 2011 г.* – Минск, 2011. – С. 152–157.
11. Сороко, Э.М. *Структурная гармония систем* / Э.М. Сороко; под ред. Е.М. Бабосова. – Минск, 1984.
12. Сороко, Э.М. *Гармоничное развитие систем – третий путь человечества.* Коллективная монография; под редакцией д.ф.н. Сороко Э.М., к.э.н. Егоровой-Гудковой Т.И. – Одесса, 2011.

К ВОПРОСУ О ЦЕННОСТНОМ КРИТЕРИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.Г. Тиковенко

С уходом в прошлое советской эпохи аксиология как философское учение о природе ценностей и их роли в жизни общества перестала быть лженаукой. В наше время вопросами аксиологии активно занимаются не только философы, экономисты, социологи, политологи, психологи, культурологи, но и юристы. Вместе с тем понятие «ценность» по-прежнему остается дискуссионным. Оно употребляется как синоним других понятий («достоинство», «стоимость», «значимость», «польза», «благо» и т.п.). В научной литературе существуют сотни определений данной категории. Представители гуманитарных наук, исходя из существующих в той или иной области знаний, подходов, идей, теорий, определяют понятие «ценность». Отдельные ученые-юристы обосновывают необходимость формирования юридической аксиологии (или конституционной аксиологии) [1, с. 5–30] [2, с. 179–208]. Ценностный подход к правовой норме, законодательству позволяет повысить легитимность, эффективность нормативных правовых актов, а следовательно, и укрепить доверие к государственным органам. Особое значение ценности имеют при толковании и применении норм права.

Ценности пронизывают все стороны жизни человека и общества,

определяют их ориентиры, предпочтения, интересы. В большинстве случаев «ценность» означает важность, значимость для человека чего-либо, его особое отношение к чему-либо (например, к вещам и их свойствам). В ценность для человека превращается то, что он желает достичь, приумножить, сберечь или что удовлетворяет его желания, потребности, интересы. Ничто само по себе без оценки не обладает ценностью. Ценности выступают в качестве важнейшего ориентира для общества. Находясь в определенной иерархии, они мобилизуют, интегрируют общество, определяя перспективы его развития. В определенных исторических условиях основной ценностью для общества, народа являлось государство. Как известно, на современном этапе самой главной и основной ценностью является человек. Еще древнегреческий философ Протогор говорил: «Мера всех вещей – человек». Евромарксисты, развивая концепцию общечеловеческих ценностей, идею прав человека, пришли к утверждению: «человек – высшая ценность», которое в дальнейшем получило закрепление на конституционном уровне в странах СНГ. Так, например, часть первая статьи 2 Конституции Республики Беларусь гласит: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства».

С развитием прав человека тесно связано формирование и утверждение общечеловеческих ценностей, которые в условиях современной глобализации мира приобретают особую актуальность. Они весьма значимы для всего человеческого рода, ибо выражают его общие интересы, объединяют людей независимо от национальных, политических, религиозных и иных пристрастий. В специальной литературе общепринятого перечня общечеловеческих ценностей не существует.

Вместе с тем нельзя отрицать и глубоких цивилизационных отличий, которые присутствуют в различных культурах, что дает основания отдельным исследователям усомниться в концепции универсальных общечеловеческих ценностей, принадлежащих западной культуре.

Широкий перечень общечеловеческих ценностей нашел отражение в нормах международного права и конституциях зарубежных стран (по мнению Б.С. Эбзеева, общепризнанные принципы и нормы международного права могут рассматриваться как юридическая форма выражения общечеловеческих целей, ценностей и интересов [3, с. 116]). Так, Лиссабонский договор, вступивший в силу 1 декабря 2009 г., установил общеевропейские ценности, а по сути дела – и общечеловеческие (статья 2). Ценностями Европейского Союза признаны человеческое достоинство, свобода, демократия, равенство, правовое государство и права человека (в том числе права меньшинств). Преамбула Хартии Европейского Союза об основных правах (2000 г.) провозгласила в качестве его основы такие всеобщие и нераздельные ценности, как человеческое достоинство, свобода, равенство и солидарность [4, с. 61]. Республика Болгария в преамбуле своей Конституции заявила «...о верности общечеловеческим ценностям – свободе, миру, гуманизму,

равенству, справедливости и терпимости». В преамбуле Конституции буддистского Королевства Бутан, принятой в 2009 г., счастье и благополучие людей является одной из конституционно-правовых ценностей [5]. По предложению Бутана Генеральная Ассамблея ООН в 2011 г. приняла юридически не обязывающую резолюцию, согласно которой счастье должно стать «показателем развития страны» [6, с. 102]. Кстати говоря, по уровню счастья среди 155 стран мира, определенному по результатам исследования Институтом Земли Колумбийского университета (США), белорусы занимают 62-е место [7].

Преамбула Конституции Республики Беларусь, содержащая заявление народа Беларуси о своей приверженности общечеловеческим ценностям, не раскрывает содержания последних. Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь «общечеловеческие ценности и национальные духовные традиции нашли отражение в идеологии белорусского государства, базовыми принципами которой являются единство нации, социальная справедливость, солидарность, нравственность» (пункт 19). В статье 2 Кодекса Республики Беларусь об образовании приоритет общечеловеческих ценностей, прав человека, гуманистического характера образования входит в число принципов, составляющих основу государственной политики в сфере образования.

Система важнейших социальных ценностей, включающая помимо общечеловеческих и другие ценности, находит надлежащее отражение в праве. К тому же социальные ценности не только получают отражение, закрепление в нормативных правовых актах, но и порой обуславливают их форму. Так, например, согласно части первой статьи 16 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон), законом регулируются наиболее важные общественные отношения [8], т.е. наиболее значимые, ценные отношения для человека, общества, государства. Правовые нормы защищают, утверждают, претворяют в жизнь социальные ценности, доминирующие в обществе. В результате посредством права они с течением времени приобретают статус правовых ценностей. Иерархической системе важнейших ценностей общества должна соответствовать иерархия правовых ценностей, получивших закрепление в правовых нормах, и в конечном счете превращающих право в объективную социальную ценность. В идеале в любой норме правового акта, и в особенности – в законе должны отражаться, воплощаться важнейшие, господствующие ценности общества, что будет обеспечивать его легитимность, эффективность. По мнению Д. Ллойда, «закон должен представлять собой концептуальное выражение основных ценностей и не может ограничиваться простым отражением уровня общественной морали или норм поведения, принятых в данном обществе» [9, с. 162]. В связи с этим нельзя согласиться с С.Н. Лебедевым, считающим, что следует рассматривать и раскрывать как содержательные именно непреходящие ценности права, такие как справедливость и свобода, но не конкретные законы, которые носят исторически преходящий характер [10, с. 9]. В

Республике Беларусь закон определяется как нормативный правовой акт, закрепляющий принципы и нормы регулирования наиболее важных общественных отношений (статья 2 Закона). В законе реализуется воля законодателя, отражающая объективную действительность, закономерности общественных отношений, связей, выступающие как ценностные явления. В результате закон, являясь императивным выражением ценностей, приобретает ценностное содержание. По мнению итальянского философа права Капограсси, закон есть «сосуд ценностей». Однако он не только содержит ценности, но и служит средством их реализации и защиты на практике. Так, статья 1.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) содержит такие ценности, как права и свободы человека, законные интересы и права юридических лиц, окружающая среда и санитарно-эпидемическое благополучие населения, порядок осуществления государственной власти, общественный порядок и правопорядок. Считается, что в результате осознания обществом жизненной значимости и объективной необходимости указанных ценностей они получили правовой статус в нормах КоАП и, следовательно, должны всеми повсеместно соблюдаться. Однако на практике ежегодно в Республике Беларусь около 3 миллионов человек привлекаются к административной ответственности за различные правонарушения [11]. Это свидетельствует о том, что объективируемые КоАП ценности расходятся с существующими ценностными ориентациями граждан, не всеми признаются в силу деформации правосознания, ценностного сознания определенной части населения. На защиту указанных ценностей направлены нормы КоАП и Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП). Вместе с тем система ценностей, содержащихся в статье 1.2 «Задачи Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» и главе 2 ПИКоАП «Задачи и принципы административного процесса», в высшей степени нормативна, носит инструментальный характер (например, правовая процедура осуществления административного процесса), обеспечивая реализацию аксиологических положений КоАП, выступая в качестве правовых принципов, средств, требований, аксиом, ориентиров для органов, ведущих административный процесс.

Таким образом, правовые ценности выражают природу и основные черты не только материальных, но и процессуальных норм права, утверждают себя как в правотворческой, так и правоприменительной деятельности, определяя ее мотивацию. Так, согласно части второй статьи 1.2 ПИКоАП его нормы направлены на уважение и утверждение в обществе таких универсальных правовых ценностей, как права и свободы человека и гражданина, справедливость.

Представляется, что важное значение для мотивации закона призвана играть его преамбула, указывающая на цели и ценности им преследуемые

и защищаемые, объясняющая мотивы законодателя, выступающая в качестве ориентира для правоприменителей (см. подробнее: [12]). В качестве яркого примера следует привести одно из положений преамбулы Закона «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь» (в редакции от 26 января 1990 г.), которое гласит: «Мова – не толькі сродак зносін, а і душа народа, аснова і важнейшая частка яго культуры. Жыве мова – жыве народ. Кожная мова, яе літаратурная, жывая мясцовая і гістарычная разнавіднасць – неацэнны скарб, які належыць не аднаму народу, а ўсяму чалавецтву» [13]. Однако на практике законы зачастую принимаются без преамбулы. Такому положению способствует часть вторая статьи 28 Закона, устанавливающая, что «нормативный правовой акт может иметь преамбулу – вступительную часть, содержащую информацию о причинах, условиях и целях его принятия (издания)». На наш взгляд, наличие преамбулы в законе обусловлено не только правилами нормотворческой техники. Ее содержание носит сугубо функциональное назначение, направленное на однозначное понимание духа и целей закона, четкое уяснение его смысла, воли законодателя, что является залогом однообразной оценки и реализации норм на практике. В связи с вышеизложенным, целесообразно соответствующим образом конкретизировать часть вторую статьи 28 Закона, закрепив обязательное наличие мотивационной преамбулы в законе (других нормативных правовых актах), что будет дисциплинировать субъектов законодательной инициативы, сдерживать количественный рост законов.

С учетом конституционных ценностей целесообразно дать определение закона. Президент Республики Беларусь в Послании белорусскому народу и Национальному собранию 23 апреля 2009 г. указал, что необходимо выходить на новый уровень нормотворчества, создавать законы нового поколения [14].

На наш взгляд, закон – это принимаемый в особом, установленном Конституцией Республики Беларусь порядке, общеобязательный нормативный правовой акт представительного и законодательного государственного органа или непосредственно народа, отражающий конституционные ценности и содержащий принципы и нормы преимущественно первичного (изначального) характера в области регулирования определяемых на конституционном уровне важнейших общественных отношений в целях обеспечения компромисса различных правомерных интересов.

Основным нормативным правовым актом, максимально отражающим, концентрирующим правовые ценности и устанавливающим их объективную иерархию, является Конституция Республики Беларусь. Закрепляясь, как правило, в преамбуле Конституции, ее нормах-целях, нормах-задачах и нормах-принципах, они приобретают статус конституционно-правовых ценностей, занимая таким образом центральное место во всей системе ценностей. Наряду с этим конституционные ценности содержатся и в других нормах Конституции (например, статье 23

Конституции Республики Беларусь), которые уясняются Конституционным Судом в процессе осуществления им конституционного контроля. Так, Конституционный Суд Республики Беларусь, проверяя в порядке обязательного предварительного контроля конституционность Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях», в решении от 28 декабря 2011 г. отметил, что «здоровье человека – конституционная ценность» [15].

С учетом, в соответствии с конституционными ценностями формируется система правовых ценностей гражданского общества и белорусской государственности. Они реализуются, утверждают себя в нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Литература

1. Политико-правовые ценности: история и современность. – М., 2000.
2. Крусс, В.И. Теория конституционного правоупотребления. – М., 2007.
3. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. – М., 2005.
4. Хартия Европейского Союза об основных правах: комментарий / под ред. С.Ю. Кашкина. – М., 2001.
5. Конституция Королевства Бутан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.worldconstitutions.ru. – Дата доступа: 15.05.2012.
6. Антипина, О. Экономическая теория счастья как направление научных исследований // Вопросы экономики. – 2012. – № 2.
7. The Earth Institute, Columbia University [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.earth.columbia.edu. – Дата доступа: 15.05.2012.
8. Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. – 2000. – № 5. – Ст. 40.
9. Ллойд, Д. Идея права / пер. с англ. – М., 2002.
10. Лебедев, С.Н. Теория ценности и ценности права: история и методология // История государства и права. – 2011. – № 21.
11. Абрамович, В. Как удовлетворяются жалобы и протесты на постановления судов по делам об административных правонарушениях // Юридическая газета. – 2011. – 6 окт.
12. Тиковенко, А.Г. Преамбула закона как источник права // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. Правазнаўства. 2008. – № 1. – С. 11–13.
13. Собр. законов БССР, указов Президиума Верхов. Совета БССР, постановлений Совета Министров БССР. – 1990. – № 4. – Ст. 46.
14. Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию // Советская Белоруссия. – 2009. – 24 апр.
15. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 10. – 6/ 1132.

ТРАДИЦИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В.А. Максимович

В эпоху глобализационных трансформаций не только возрастает

необходимость в сохранении национальной самобытности, но и возникают новые инструменты и возможности для этого. Они связаны, в первую очередь, с воплощением в жизнь духовного потенциала и творческих интенций личности. Понятно, что их формирование не происходит спонтанно, хаотично. Полноценная реализация духовно-нравственного компонента личностного развития предполагает наличие определенных психологически заданных параметров, которые кристаллизуются, совершенствуются, получают свое развитие, в процессе индивидуального становления, духовного роста, вовлечения в сеть социальных коммуникаций. По большому счету, те же принципы следует применить и к социуму, коллективному субъекту духовно-нравственного развития. Стратегию этого развития необходимо рассматривать в тесной связи с предпосылками и факторами социальной эволюции во всей ее сложности и вариативности, исторической и социально-экономической обусловленности.

В условиях формирования новой цивилизационной парадигмы особую значимость приобретает проблема сохранения ментального, духовного мира современного человека, его ценностных ориентаций, нравственных качеств, активной мировоззренческой позиции. Насущной является задача разработки комплекса мер, направленных на укрепление национальной безопасности в информационно-мировоззренческой, духовно-культурной сфере, на сохранение национальной идентичности и приумножение духовных ценностей народа.

Современные культурно-цивилизационные преобразования характеризуются стремительным развертыванием процессов глобализации, поэтому проблему национальной идентичности следует отнести в разряд проблем особого стратегического значения. Принимая во внимание всю существующую многовекторность подходов и трактовок глобализации (иногда неоднозначных, а то и полярных), следует согласиться с тем, что человек в XXI в. не должен стать заложником, а тем более жертвой глобальных процессов, напрямую связанных с опасными проявлениями нивелирования, стандартизации личности как носителя индивидуального начала.

Высказанное предостережение приобретает особое значение и первостепенную важность в условиях духовно-культурного кризиса, глубокой социальной дифференциации и поляризации. Возникает реальная опасность ослабления, а то и явной мутации социально-коммуникативных связей, разбалансирования механизмов, обеспечивающих устойчивость общественной системы. Отмечается девальвация выработанных в процессе культурогенеза устойчивых социальных ценностей и норм. Их вольное или невольное игнорирование, отказ от них непоправимо влияют на внутреннее психологическое состояние человека, который, лишенный надежной духовной опоры, постепенно мимикрирует, свыкается с отсутствием твердого жизненного стержня, незаметно для себя приспособливается к инертному образу жизни, воспринимая свое

состояние как объективную данность, и, в конце концов, деградирует, утрачивая самоидентификацию.

Это обстоятельство во многом усложняет процесс сознательной самоидентификации субъекта в социокультурном пространстве современного мира, которое чаще всего описывается с использованием характеристик понятий «мультикультурность» (т.е. присутствие множества альтернативных, нередко противоречащих друг другу матриц поведения и ценностного выбора) и «глобализм» (т.е. осознанное или неосознанное подталкивание субъекта к «типичному» выбору, не учитывающему конкретных условий его становления).

Вместе с тем, именно глобальные, не знающие государственных и этнокультурных границ угрозы, с которыми столкнулось человечество сегодня, обостряют самосознание исторической общности, стремление к самосохранению не только у биологических субъектов, но и у социальных групп, этнических, культурных общностей, которые видят в этом залог реализации своего права на историческую субъектность. Вот почему традиция в ее универсальном значении служит инструментом снижения интенсивности кризисных проявлений в сфере духовно-нравственных отношений и, в целом, общественного строительства.

Роль и значение традиции в широком значении слова должны рассматриваться в культурно-исторической перспективе с учетом способности последней к трансляции духовно-практического опыта, который напрямую связан с развитием психики, сознания, мировосприятия человека как представителя определенного этноса. Благодаря своей трансляционной природе (способности передавать духовный аспект жизненного опыта), традиция приобретает качество одного из важнейших инструментов постижения мира, становится предпосылкой успешной социализации субъекта в рамках конкретной национальной культуры. В сложном процессе взаимообусловленных внутренних преобразований традицию следует признать охраняемым свойством культуры и одним из важнейших составляющих жизнедеятельности общества. Исследователи в этой связи обращают внимание на то, что «в основе любого социального процесса лежит ценностная структура культурного сознания» и что с учетом вызовов техногенной цивилизации существование пространства социального взаимодействия возможно лишь «благодаря духовным и интеллектуальным усилиям людей» [1].

Незаменимость традиции в становлении человека как личности и субъекта социокультурного процесса заключается в обеспечении его реального участия в многочисленных культурных контекстах современности. Обладая в известной мере прагматичностью, и нормативностью, традиции задают определенную программу социального поведения. Актуализированный исторический опыт напрямую воздействует на взаимоотношения людей, на их социальную деятельность и взаимодействие с окружающим миром. Стоит напомнить, что процесс социализации неразрывно связан с освоением духовных атрибутов как

исторического прошлого, так и современности. В процессе социализации человек овладевает миром культуры, при этом социальное окружение выступает необходимым условием и предпосылкой структурирования его культурного опыта.

Рассмотрение истории культуры как совокупности процессов формирования, эволюции и разрушения культурно-идентификационных сред вынуждает отдать должное тем ценностно-мировоззренческим константам, которые позитивно влияют на осознание человеком себя в качестве субъекта деятельности и отношений в системе культуры. Сказанное, прежде всего, относится к традиционным типам культуры. По отношению же к иной культурной системе координат, в частности, постмодернистской, – наоборот, наблюдается размывание устойчивых ценностей, их редукция и замена псевдоценностными семантико-семиотическими структурами, т.н. симулякрами (в терминологии Ж. Бодрийера).

Культивируя мировоззренческий эгоцентризм и выдвигая антитрадиционалистские по своей сути культурные ориентиры, идеологи и «проводники» постмодернизма, в том числе и из среды деятелей культуры, фактически способствуют тому, что самоидентификация и сознательный выбор человека в современных условиях существенно затруднены. По сути, человек оказывается в ситуации перманентного поиска оптимального способа миробытия, который не заканчивается никаким положительным результатом и лишь способствует росту «энтропии» общественных связей и межкультурной коммуникации. Особенно это касается постмодернистской литературы, которая не признает никаких эстетических и этических табу, рискуя тем самым превратиться в средство растления душ, источник патологических образцов поведения и мышления. Такая литература, испытывающая влечение к нестандартным, «альтернативным» типам личности и поведения, делает акцент на периферийном, теневом ракурсе художественно-психологического исследования. Ее герой, как правило, выбирает позицию стороннего наблюдателя, статиста; он совершенно комфортно чувствует себя «культурным аборигеном», свободным от всякого этического выбора, душевных страданий (в том числе и угрызений совести), гражданского и чисто человеческого долга. При этом намеренную сконцентрированность на аномалиях, акцент на внутреннем пограничье субъекта нельзя расценивать только как циничный вызов «серой» и «скучной» повседневности, как бравирование игрой в нигилизм или «болезнь роста». Очевидно, что такая позиция продиктована сознательным выбором, имеет продуманную и бескомпромиссную мировоззренческую мотивацию, своего рода «философию», пронизанную духом отрицания, но поданную во внешне красивой упаковке. Она имплицитно игнорирует моральный императив, подразумевает бегство в мир болезненно искаженных грез – вычурных осколков мира реального, «живого».

Впрочем, реального мира как такового здесь и не существует,

поскольку для постмодернистского сознания он лишен смысла и закономерности. Хаотичность, случайность, временность – вот подлинная сущность жизни с точки зрения постмодернистского художественного «канона». Отрывочные, калейдоскопически меняющиеся эпизоды, брутально и нонконформистски воспринятые сознанием постмодернистского героя, не позволяют не только осмыслить, но и просто принять мир как нечто цельное, слаженное, гармоничное. Релятивизм ценностных установок и этических норм полностью блокирует пути к адекватному реагированию и адекватному поведению. Вседозволенность, прежде всего в плане внутренней раскрепощенности, становится самоцелью и для автора, и для его альтернативного героя. Есть основания полагать, что это закономерный эффект борьбы за «освобождение» человека от всего человеческого, его как бы «игровое» привыкание к низкому, дикому, первобытному, агрессивно-вызывающему.

Все перечисленное еще раз убеждает нас в том, что хорошо налаженная система норм и ценностей, необходимая для регулирования общественных отношений и социально-психологических аспектов поведения индивида, – необходимая предпосылка выживания общества в условиях современных противоречий. Для того чтобы человек не только идентифицировал себя с предшествующей культурной традицией, но и способствовал сохранению всей культурной матрицы национальной идентичности, ему необходимо быть действительно, а не формально причастным к подлинным проявлениям духовной жизни общества. Феноменология этой причастности включает «живую», естественную интуицию того, что каждая вещь и в мире природы, и в мире культуры находится на своем месте, соответствует своему первоначальному предназначению. Соответственно, перспективы выживания и отдельного человека, и целого народа только тогда не вызывают какого бы то ни было опасения, когда все в их жизни органически отлажено, сопряжено и максимально исключена возможность активизации разрушительных сил, включая и те, что нарушают психологический баланс, губительно действуют на глубинные структуры сознания. Только при условии полноценного задействования всех имеющихся механизмов этнокультурного контекста возможно достижение полноты жизни, сопряженной с гармонией обыденно-повседневного и возвышенно-сакрального, частного и общезначимого, национального и универсального. Сопричастность к общепринятым принципам и нормам, убеждениям и идеям, которые составляют основу, базис общественной структуры, позволяет сцементировать, соединить в единое целое различные части социального организма, консолидировать общество, активизировать процесс национальной самоидентификации, а тем самым и достичь духовного единства.

В этой связи нельзя согласиться с достаточно навязчиво продвигаемой идеей «нового мирового беспорядка», возрастания хаоса как проявления «свободного», альтернативного развития общества и личности.

Подобные заявления недостоверны уже потому, что подразумевают безапелляционное утверждение о сущностной природе человека, разделяемое далеко не всеми. Как минимум, они не принимают во внимание тезис о том, что в человеке живет извечное, неискоренимое стремление к основательности, устойчивости мироздания и собственной самости. Восприятие мира как *космоса* – упорядоченной и структурно организованной целостности, которая развивается по своим объективным законам и закономерностям, благотворно влияет на биопсихологический статус индивидуума, помогает ему осознать свое место в системе общественных и социокультурных отношений, полноценно и полноправно позиционировать себя в той или иной форме культуры. Именно следование родово-генетическим «культурным программам» как базовым механизмами самосохранения и воспроизводства исторического опыта позволяет определенным образом структурировать сознание, активизировать его созидательную доминанту.

При всем многообразии существующих подходов, связанных с проблемами усвоения / неусвоения национальных культурных традиций, приходится признать, что успешная адаптация личности в социуме может происходить только при глубоком осознании ею своей социально-исторической ответственности. Речь идет о субъекте, который активно ориентирован на образцы культуры, ответственен за сохранение и, одновременно, обновление традиций. Не нужно забывать и о том, что понятие «традиция» может пониматься не только в плане усвоения и трансляции исторического опыта, приобретений в сфере высокого и народного искусства, культуры, но и как психологическая преемственность. Имеется в виду сам процесс непрерывного взаимодействия человека и времени, своеобразное «перекличка» времен, что напрямую оказывает влияние на формирование социальных стереотипов мышления и смыслодействия, жизненных принципов, поведения и поступков человека как носителя и потенциального творца культуры, в том числе, что немаловажно, и культуры межличностных отношений.

Говоря об этом, мы также подразумеваем возможность для человека в процессе нациорецепции «подключиться» к общей системе трансляции аксиологического плана социализации, которая задает направление и мотивированность освоения разнообразных форм человеческой культуры. Именно тесное соприкосновение с традицией, с духовно-творческим опытом предшественников позволяет скорректировать определенный мировоззренческий баланс в системе «человек – мир», выработать оптимальную форму мировосприятия и мироотношения, включая характер и специфику формирования убеждений, идеалов, жизненной позиции, целостного мировоззрения. Иными словами, преемственность национальной традиции как комплекса ценностно-мировоззренческих, познавательных, психологических, поведенческих установок, как открытой системы, которая развивается в силу своих внутренних объективных

законов, обеспечивается мощной духовно-кровной связью существующей между поколениями. Осознавая свою органическую сопричастность к незабываемым, внутренне усвоенным артефактам национальной истории и культуры, человек объективно легче ориентируется в окружающем мире и чувствует свою духоментальную защищенность, свою неразрывную связь со временем прошлым и настоящим, с культурными приобретениями всего человечества. В известном смысле, приобщенность к национальной традиции не в меньшей степени, чем восприятие общечеловеческих социально-культурных норм, способствует тому, что человек как биологический индивид становится универсальной личностью – субъектом истории. И, наоборот, «оторванность от своей почвы, от традиционного уклада жизни оборачивается потерей привычной гармонии, жгучей неудовлетворенностью, фрустрациями, невротами, наркоманией, преступностью, терроризмом, наконец, самоубийством. В сущности, все это можно определить как аксиологическую катастрофу, болезненнейший слом ценностных установок и традиций, утрату "вечных" ценностей» [2, с. 16].

Наряду с познавательной, созидательной и коммуникативной, огромное значение в современных условиях приобретает регулятивная функция традиции, непосредственно связанная с выявлением ее этического компонента. По мнению современных исследователей, «именно эта сторона жизнепринятия составляет особую в своей психологической емкости плоскость понимания этики как условия духовного освоения аккумулярованных в человеческом опыте смыслозначимых образований, составляющих ценностный ряд, что пронизывает вертикаль развития конкретного социального в формах человеческой культуры» [3, с. 356].

Если говорить о необходимости нахождения новых средств совершенствования отношений «человек – мир», то они, по нашему мнению, должны лежать в плоскости и гармонизации социоприродных отношений и реализации подлинно цивилизованных принципов взаимоотношений в самом обществе. А для этого необходимо преодолеть коммуникационный хаос, консолидировать общество, концентрируя его духовную энергию, опираясь и на тот тезис, что «общество как особая, предельно сложная, космопланетарная система способна выжить и нормально функционировать как целостный организм только в форме культуры, утверждая духовный тип мироотношений» [4, с. 7].

Симптоматично, что общественные деятели, деятели науки и культуры все чаще начинают говорить о необходимости складывания гармоничного общества, в основе которого должно лежать духовное начало как его важнейшая структурообразующая составляющая. Духовность в самом широком значении слова призвана охватывать все сферы деятельности общества – от межличностных, семейно-бытовых отношений до политических и государственных структур, от хозяйственно-экономических до национально-этнических и конфессиональных взаимоотношений.

Сам опыт социально-экономического развития последних десятилетий убеждает нас в том, что общество в условиях переходного периода, альтернативы между радикальной трансформацией и воспроизводством прежних форм социальной коммуникации призвано противостоять ценностному релятивизму, распространению бездуховности, навязыванию деструктивных стереотипов поведения и обесцениванию подлинной сущности бытия. В этом смысле представители творческих профессий должны оставаться партнерами и единомышленниками в мировоззренческом диалоге между различными областями духовного производства, сотрудничать в выработке взвешенных подходов для обеспечения стабильного и устойчивого развития социокультурной сферы, активно участвовать в формировании общественного сознания. Творческая интеллигенция, как никакой другой социальный субъект, должна консолидировать усилия по оказанию действенного влияния на отечественную систему образования, нравственного и гражданско-патриотического воспитания, а также на современные средства массовой информации с целью распространения высоких образцов культуры, социального поведения, общечеловеческих морально-этических норм, культивирования исторических традиций и традиционных религиозных ценностей.

Полагаем, что действенным средством в обеспечении гуманитарной безопасности общества является опора на традиционные ценности, хранителем и ретранслятором которых по праву считается национальная литература. Не нужны, думается, особые доказательства того, что именно в литературе и искусстве конденсируется духовный опыт многих поколений, транслируются архетипы, символы, образы, иначе говоря, семантико-аксиологические структуры культурной реальности, закрепляющие устоявшиеся коды жизни – и культуротворчества. Более того, каждая отдельно взятая традиция выступает в роли носителя конкретного нациоангажированного кода или нормативно-институционального регистра общепринятых системообразующих ценностей, в соответствии с которыми осуществляется духовная связь между многими поколениями людей. Именно постижение базовых семантико-семиотических структур культуры позволяет представителю определенного этноса усвоить «ген», «первоэлемент» традиции. Переводя этот понятийный ряд на язык компаративного литературоведения, можно выдвинуть тезис о «национальном акценте» литературы, который «представляет собой исторически обусловленную характерность, ...отличительные черты художественного гения конкретного народа, участвующих в формировании стиля и продолжающих в дальнейшем существенно влиять на его дальнейшее развитие... Национальный акцент может быть ориентиром и для эволюции литературы, и для формирования национального характера, и в политико-идеологической сфере» [5, с. 257].

Подводя итог нашим рассуждениям, подчеркнем еще раз, что традиция в ее универсальном значении выступает гарантом устойчивости,

стабильности функционирования всего социокультурного организма как необходимой предпосылки для его дальнейшего полноценного развития. Ее стабилизирующее воздействие по своей сути двояко: на макроуровне она задает определенные ценностные ориентиры и критерии развития, на микроуровне – способствует формированию универсально значимого личностного понимания сущности бытия вообще и исторического процесса в частности, природы человека, его места и предназначения в мире. В той же мере полноценно усвоенная традиция служит и залогом уважительного отношения к другим людям и к самому себе. Исторически закрепленные в национальном культурном пространстве «кодексы» или семантические константы-ключи культурных феноменов, объективно содержащие в себе «ген» культурного явления, выступают фактором сохранения этических и эстетических матриц общественного сознания, способствующих выработке духовных запросов. Без преувеличения можно утверждать, что традиция в самом широком значении слова влияет на всю жизнедеятельность человека, его психоэмоциональное состояние, жизненные приоритеты и убеждения, поведенческие алгоритмы; она благотворно воздействует на эволюционное развитие социума вообще.

Выработанные на протяжении веков гуманистические принципы и идеалы убедительно засвидетельствовали свой непреходящий характер, жизнестойчивость и востребованность в извечном поиске путей к познанию сущности бытия. Ведь и в сегодняшней переходный период традиция остается незаменимым средством выработки стратегий укрепления мировоззренческих и духовно-нравственных основ общества и личности, гармонизации всех сфер общественной жизнедеятельности.

Литература

1. Порус, В.Н. Интеллект как культурная ценность // Вестник Российского философского общества. 2009. – №1 (49).
2. Современный глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно, 2009.
3. Иванов, С.П. Субъект художественного действия в построении и развитии культурных сфер // Человек как субъект культуры. – М., 2002.
4. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. – Минск, 2002.
5. Никитин, В.А. Национальная традиция в поэтическом стиле // Многообразие стилей советской литературы: Вопросы типологии. – М., 1978.
6. Философия культуры. Становление и развитие. – СПб. 1998.

ПАТЕРНАЛИЗМ И РАЗРУШЕНИЕ СОЛИДАРНОСТИ ПОКОЛЕНИЙ

А.И. Лойко

Республика Беларусь находится в динамично развивающемся мире общества массового потребления. Этот мир сформировался в XX столетии в условиях острого идеологического противостояния либеральной и коммунистической социальных политик. Каждая из них старалась привлечь на свою сторону как можно больше сторонников. В рамках либеральной идеологии США на основе плана Маршалла стимулировали формирование в Европе общества массового потребления. Значительные уступки работодатели сделали рабочим профсоюзам. Льготами стали пользоваться работники бюджетной сферы. Активно кредитовалась потребительская сфера. Женщины получили те же права, что и мужчины. Если в западной части Европы акцент делался на общество массового потребления, то в восточной – на государственное содержание граждан. Был создан устойчивый миф о бесплатных квартирах, путевках, медицинском обслуживании, образовании. Государство не посвящало граждан в механизмы финансирования многочисленных льгот. Идеологические задачи решались как одной, так и другой стороной.

Но никто серьезно не подозревал, что механизмы социальной помощи и социальных гарантий постепенно трансформировались в патернализм. Основным его проявлением является нарушение солидарности поколений. Это значит, что нарушается равновесие между трудоспособным населением и тем, которое находится на пенсионном обеспечении. Сокращение трудоспособного населения увеличивает давление на производственный сектор в виде дополнительных налогов, необходимых для пополнения пенсионных фондов. Дополнительные налоги снижают мотивацию предприятий, их конкурентоспособность. В результате патернализм превратился в серьезную региональную проблему для Европы, где наблюдается депопуляция коренных наций. Проблема заключается в том, что патернализм проник в общественное сознание. Он занял лидирующие позиции в секторе демографических ценностей. В результате он парализовал жизненные функции генетической программы солидарности поколений. В Беларуси ситуации генетического кризиса возникали не один раз за ее историю. В основном они были связаны с последствиями региональных войн. В подобных ситуациях политические решения были мотивированы хорошо продуманной миграционной политикой. В результате на территории страны появились общины евреев, татар, старообрядцев, которые улучшили демографическую и экономическую ситуацию. Вторая мировая война, и связанный с ней Холокост, подорвали результаты этой политики, но не разрушили, поскольку социальные программы в СССР не имели патерналистской основы вплоть до семидесятых годов XX века. Именно в этот период

население Беларуси достигло довоенной численности.

Распад СССР повлиял на демографическую стабильность из-за возникшей неясности социальной жизни. При этом он синхронно дополнился первыми признаками патернализма. Белорусы стали отдавать предпочтение не демографической сфере, а потребительской. В страну стало поступать огромное и разнообразное количество товаров личного потребления. Исчезли ограничения на автомобильном рынке. Началась массовая автомобилизация страны за счет подержанных и дорогих импортных машин. Только за короткое время в 2011 году белорусы приобрели легковых автомобилей на сумму, превышающую два миллиарда долларов.

На макроэкономическом уровне основным показателем доминирования патернализма являются завышенные потребительские ожидания, превышение показателей импорта над экспортом. Как в Беларуси, так и в Европе ситуацию осложняет не только сокращение численности трудоспособного населения по демографическим причинам, но и по причинам социализации. Школа и студенческие годы вплотную приблизились к тридцати годам. Это значит, что наиболее активный репродуктивный возраст проходит у молодежи практически на уровне подросткового образа жизни, родительского патернализма. Это обстоятельство сказывается на формировании современными молодыми поколениями долгосрочной стратегии личной жизни. Молодежные иллюзии беззаботной жизни за счет родителей создают маргинальную среду субкультур, которая становится объектом манипулирования политических технологов глобализма. Это хорошо видно по событиям в районе Арабской дуги, движению «Оккупируй Уолл-Стрит», попыткам втянуть молодежь столичных городов России в стратегию глобального давления на их государство. Последствия патернализма можно было бы свести в Европе к минимуму и восстановить солидарность поколений за счет механизмов миграции. Ночные поджоги автомобилей во Франции показали, что мигранты настроены не столько создавать материальные ценности, сколько их потреблять. Поэтому убывание человеческого капитала в форме коренной нации автоматически не восполняется мигрантами.

На фоне кризиса солидарности поколений обращают на себя внимание факты большой безработицы среди молодежи коренных наций, например, в Испании. Проблема заключается в том, что в условиях жесткой конкуренции работодатели ценят больше поколения, не попавшие под влияние патернализма, готовые работать в силу традиционных мотиваций. Поэтому именно работодатели заинтересованы в максимальном использовании поколений с трудовой закалкой индустриальной эпохи. С материальной точки зрения также существует причина. Она связана с тем, что адаптация выпускников учебных заведений к производственным условиям деятельности намного затратнее, чем использование опытных специалистов. Этому выбору способствуют

достижения современной медицины, в буквальном смысле продлившие жизнь американцев, европейцев, японцев до восьмидесяти лет, где собственно и проявляются ускоряющиеся симптомы фактической нетрудоспособности.

Очевидно, что даже если человек может активно работать до семидесяти лет, не отменяется общая закономерность смены поколений в трудовой деятельности. Поэтому молодежь необходимо приближать к возможности одновременного труда с более опытными поколениями. Изоляция ее от основных жизненных ценностей вернется бумерангом к старшим поколениям. Однако эти положения легче декларировать, чем осуществлять в условиях экономики рыночного типа, где вопросы рентабельности доминируют над стратегией солидарности поколений. В Беларуси, под давлением событий на потребительском рынке в 2011 году, сделали выбор в пользу социальной модернизации. Это трудный путь, начатый в области реализации бюджетной политики. Получен первый результат. Поступления валюты от экспортных продаж превышают расходы по обслуживанию долговых обязательств и импорта.

Когда речь идет о негативных сторонах патернализма, то нельзя сюда относить меры, связанные с социальной защитой населения, адресной помощью. Государство формирует перечень мероприятий, необходимых для поддержки малоимущих семей, реализации демографической политики, оказания внимания ветеранам Великой Отечественной войны. Не остается без внимания студенческая молодежь. Для государства принципиально важно восстановить демографические механизмы солидарности поколений. Эта задача имеет не только экономическое наполнение, поскольку через смену поколений функционирует культурная и духовная преемственность идентичности.

Нация не может себе позволить слабости, сопровождающиеся разрушением ее коренной демографической основы. Пример Косова об этом убедительно говорит. Стоило сербам потерять настойчивость в реализации программы солидарности поколений, как албанское мусульманское меньшинство стало в крае абсолютным большинством. Этот аспект напрямую указывает на проблему демографической безопасности нации. Для Беларуси это актуальный вопрос, поскольку со стороны соседней Польши предпринимаются попытки разыграть этническую карту поляка и, по сути, перевести польскоязычное население в разряд борцов. А это не что иное, как путь к сепаратизму. Необходима серьезная идеологическая работа в области семьи, поскольку именно в ее границах формируются ценности идентичности, обеспечивается преемственность поколений. Родители нередко способствуют формированию у детей потребительских завышенных ожиданий, патернализма.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКОГО ПОСТИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Т.И. Адуло

Человек и человеческая история – главные объекты философско-теоретического мышления. Но чтобы уяснить сущность человека, а тем более сущность социальных процессов, найти верное решение ежедневно возникающих проблем, необходим надежный, апробированный инструмент, посредством которого познающий субъект был в состоянии осуществить это, учитывая то обстоятельство, что и сами проблемы, и связанные с их решением задачи не являются раз и навсегда данными, а постоянно изменяются и усложняются. Поэтому закономерен повышенный интерес исследователей к теории социального познания. Она помогает понять прошлое, осмыслить настоящее, спрогнозировать будущее человечества.

В историко-философском плане, по-видимому, можно выделить определенные исторические этапы, когда научный интерес исследователей превалировал к человеку, а когда – к обществу. Первоначально античная философия в лице Протагора, Горгия, Сократа обратилась к человеку. Это объяснимо: в ту историческую эпоху в силу неразвитости теоретического сознания на уровне индивида и на уровне общества человек лишь начинал отделять себя от природы, лишь начинал осознавать свою самость, свое отличие от нее. Затем, мысленно выделившись из природной среды, уяснив, что он не сама природа, а что-то иное, отличное от нее, человек обратил свой взор уже на природу как таковую, придав, правда, ей антропоморфный вид. И только достигнув более высокого уровня развития своего мышления, он обратился к обществу – к постижению тех внутренних пружин, которые делали общество именно тем, чем оно есть на самом деле. В древнегреческой философии системное осмысление социума впервые осуществлено Аристотелем, хотя, как известно, Платон еще до него создал проект будущего идеального государства (в данном случае термин «системное» мы, естественно, соотносим с уровнем развития философской культуры в этом государстве).

В более поздние исторические эпохи было продолжено исследование и самого общества, и способов постижения его сущности. Интерес к философскому постижению истории стал особенно пристальным в XVIII – XIX веках, что было связано с намерением философов сделать свою дисциплину практически-ориентированной, способной прогнозировать исторический процесс и выступить в качестве теоретической основы его дальнейшего гуманного развития. Очередной всплеск интереса к философии истории произошел в конце XX века. Он был обусловлен особенностями той исторической эпохи – уходом с политической арены многих держав, в том числе одной из «сверхдержав», радикальными изменениями политических устоев ряда государств, перекройкой

сложившегося после окончания Второй мировой войны мирового географического пространства и другими эпохальными событиями. При этом наблюдался весьма разнообразный спектр оценок сложившейся в мире ситуации, подходов и мнений теоретиков-исследователей и политиков к будущему человеческой цивилизации и историческому процессу в целом.

Многие исследователи, вслед за Ф. Фукуяма, признали «конец истории», хотя в эти ключевые слова разные авторы вкладывали совершенно разный смысл. Одни из них, как и американский ученый, посчитали, что с крахом СССР и социалистического лагеря весь мир сообща пойдет одним проторенным, выверенным, как им представлялось, путем – именно тем, которым шел на протяжении столетий Запад. Другие, наоборот, признавали западный путь тупиковым, а «конец истории» понимали как неизбежно приближающуюся физическую смерть земной цивилизации, не способной разрешить все более обостряющиеся глобальные проблемы. Если говорить в целом о государствах на постсоветском пространстве, то их политические лидеры не разделяют идею о конце истории. Многие из них одержимы идеей безоблачного будущего. Их вполне устраивает существующий общественный порядок в мире и в своих странах. Хотя наличный «порядок» в постсоветских странах вряд ли можно назвать сложившейся общественной системой, это лишь общие контуры потенциальных общественно-политических систем, их базовые основания, более-менее сформированные за двадцать последних лет. В первую очередь этот порядок (лучше сказать, общественный беспорядок, поскольку разбалансированность устоев постсоветских государств до сих пор не преодолена) удовлетворяет запросы крупного капитала. Обществоведы, которые когда-то обслуживали коммунистическую идеологию, вписались в новое, т.н. «рыночное бытие». Многие из них теоретически обосновывают закономерность его существования. Отсюда становится понятной и объяснимой сложившаяся в последние десятилетия практика заимствования и переноса на постсоветское интеллектуальное пространство тех политических доктрин и философских идей, которые в XX веке противопоставлялись марксизму и являлись философско-теоретическим фундаментом западного мира – имеем в виду идеи Н.А. Бердяева, К. Поппера, Д. Белла и др. Есть основание утверждать, что разработка новых идей в области философия истории в нынешней ситуации не только не нужна многим современным политикам, но она, к тому же, еще и опасна для них. Особенно опасна диалектика, поскольку утверждает преходящий характер нынешнего общественного «порядка». И пока не появится мощный социальный субъект, заинтересованный в радикальном преобразовании сложившихся на постсоветском пространстве, да и в современном мире в целом, антигуманных политических систем, до тех пор будет безмолвствовать социальная философия, представляющая собой пока не устоявшуюся и не

определившуюся четко философскую дисциплину, до тех пор не появится философия истории в подлинном смысле этого слова.

Но, с точки зрения мировой истории, нынешние общественные устои, прижившиеся на постсоветском пространстве, как и любые другие общественные системы, преходящи. Именно философы должны мыслить о том, что придет им на смену. И, опять же, они должны мыслить о том, что конкретно можно, и нужно сделать, какие коррективы можно, и нужно в это приходящее социальное бытие внести, чтобы оно стало для будущих поколений и человечества в целом социальным прогрессом, а не регрессом, чтобы оно служило идеям гуманизма, служило, в конечном счете, всем людям, а не узко-корпоративному социальному слою единомышленников, называющих себя «политической элитой», а на самом деле являющихся лишь одной из социальных страт, в которую, как отмечает российский исследователь П.И. Смирнов, «прорвались эгодеятели-карьеристы» [1, с. 334].

Вплоть до Нового времени философским осмыслением общества, как и природы, как и познания, занимались все философы. То есть, у философов не было четкого разделения труда – такое разделение появилось в более позднее время. Даже в XIX веке большинство философов являлись «универсалами» – в том плане, что занимались разработкой всего спектра философских проблем, хотя уже была своего рода и специализация (Г. Риккерт и др. в Европе; в России это можно отнести к творчеству Н.Я. Данилевского, В.С. Соловьева и др.). Лишь применительно к концу XIX века и к XX веку можно говорить о сложившейся практике специализации в области философии. На Западе проблематику философии истории исследовали О. Шпенглер, К. Ясперс, А.Дж. Тойнби, Питерим Сорокин и др. В СССР, начиная с 1930-х годов, сложилось четкое разделение труда – проблемами философии истории занимались лица, специализирующиеся в области исторического материализма: исторический материализм выступал в качестве единственной научной социальной теории. Как философская дисциплина он имел свой «законный» паспорт, включающий объект, предмет и основные направления исследований. И по существу, и фактически эта философская дисциплина была не чем иным, как разделом философии, осмысливающим логику развития и механизм функционирования человеческой истории, т.е. философией истории (здесь мы осознанно не поднимаем вопроса относительно истинности как самого этого учения, так и многочисленных его трактовок, начиная от «ортодоксальных» и заканчивая «глубоко развитыми» применительно к новым историческим условиям его трактовками).

Официально «исторический материализм» не называли философией истории. Отчасти это было связано с тем, что сам термин «философия истории» был введен в научный оборот Франсуа Вольтером для обозначения человеческой культуры. Им оперировали И. Гердер, Г. Гегель, Г. Риккерт и др. Все они придерживались идеалистической трактовки

человеческой истории – так или иначе ее развитие связывали с развитием мирового духа. Особенно преуспел в этом плане Г. Гегель, разработавший на идеалистической основе и прочитавший для студентов специальный курс лекций по философии истории. Идеалистическое направление в трактовке истории получило продолжение в европейской философской традиции XX века (Р. Дж. Коллингвуд, Й. Бохеньский и др.). Поэтому в советском обществоведении «философия истории» традиционно преподносилась как одно из идеалистических направлений западной философии. Правда, в 1980-е годы в данный термин вкладывалось уже несколько иное содержание: «философия истории» определялась как «раздел философии, связанный с интерпретацией исторического процесса и исторического познания» [2, с. 732]. Более того, получил права гражданства термин «научная философия истории». Но и в эти годы «философия истории» в целом по-прежнему трактовалась как идеалистическое философское учение и противопоставлялась «подлинно научной философии истории», представляющей собой «материалистическое понимание истории, которое устраняет из нее все сверхъестественное, внеисторическое» [2, с. 732].

В результате «перестроечных» процессов конца 80 – начала 90-х годов прошлого века, охвативших собой экономику, политику, духовную сферу, в том числе философию, теоретическим осмыслением исторического процесса, по логике вещей, должна была заниматься социальная философия – новая философская дисциплина. Подчеркнем, что в тот революционный «перестроечный» период все ранее достигнутое в СССР в области социальных наук решительно отвергалось как догматичное и неподлинное. Подобные «пролеткультовские» установки распространились и на философию. С целью преодоления «догматизма» и «консерватизма» советской философии массовыми тиражами издавались и пропагандировались труды западноевропейских мыслителей XX века – работы З. Фрейда, Э. Фромма, О. Шпенглера, К. Поппера, Р. Барта, Ж. Делёза, Ж. Деррида, М. Фуко и многих других. Постмодернистские идеи наряду с цивилизационной парадигмой общественного развития А. Дж. Тойнби, «осевым временем» К. Ясперса, «протестантской этикой» М. Вебера и другими разнообразными концепциями западноевропейской философской и общественно-политической мысли были заложены в вузовские учебные программы по философии. Это вытекало из поставленной на государственном уровне задачи формирования в общественном сознании «плюрализма мнений и идеологий». Отечественная философия, в то время еще общая для всех союзных республик СССР, модернизированная в русле данной установки, предстала в образе «философского синтеза» или, как заметил член-корреспондент Российской академии наук И. Т. Касавин, в виде хаоса.

В принципе, у отдельных молодых политиков той «перестроечной» эпохи возникала мысль об упразднении философии как таковой вообще. По их мнению, философско-теоретическим основанием построения нового

гуманного, демократичного общества способны были стать концепции западных мыслителей – европейцев и американцев, позволившие их государствам достичь экономической мощи, а народам – материального благополучия. Функцию же идеологического обеспечения т.н. «политической элиты» и интересов новых активно формирующихся социальных слоев, прежде всего предпринимателей, могла успешно выполнять утвердившаяся на Западе концепция либерализма. Именно по этой причине, как им представлялось, отпадала надобность в «услугах» философов: ведь главная задача сводилась не к созданию чего-то нового, а лишь к внедрению в общественное сознание уже имеющегося продукта теоретического мышления, успешно апробированного на Западе. Роль транслятора новой идеологии отводилась средствам массовой информации, журналистам, писателям, чем, собственно, они в ту эпоху и занимались. Но руководители страны, постигавшие когда-то в вузах теорию К. Маркса, не одобрили энтузиазма молодых политиков. Они осознавали интеллектуальную и мобилизационную мощь философии как «оружия критики», способной в определенных условиях стать «материальной силой». Поэтому было решено задействовать это «теоретическое оружие» в «перестроечном процессе», наполнив его либеральными идеями. Именно эта цель преследовалась в процессе реформирования философии и пересмотра основных направлений теоретической деятельности самих философов. Фактически перед философами была поставлена задача заимствования и внедрения на всем, тогда еще общем советском пространстве, западноевропейской философии, особенно той, которая была критически настроена по отношению к идеям К. Маркса.

Таким образом, место исторического материализма заняла «социальная философия». Вскоре была создана еще одна специальность – «религиоведение, философская антропология, философия культуры». В результате этих преобразований произошло следующее. Название «социальная философия», предназначенное для обозначения одного из важнейших разделов философии, оказалось не совсем удачным, поскольку оно не зафиксировало четко предмет данной дисциплины. По существу, вся философия является социальной, если рассматривать ее как продукт человеческого мышления и исходить из ее общественного предназначения. Философия возникает лишь в социуме, решает важные общественные задачи и, естественно, по этой причине ее следует называть социальной, т.е. общественной. Далее. Предложенное название не позволяет отделить философию от социологии. Социология ведь тоже изучает общество. В чем тогда отличие социальной философии от социологии?

Вследствие образования специальности «религиоведение, философская антропология, философия культуры» человек и культура оказались исключенными из проблемного поля социальной философии. Получили жизнь две своеобразные философские дисциплины, одна из которых, занимаясь исследованием общества, вынуждена была исключить

из своего проблемного поля человека и культуру, вторая же, ориентированная на изучение человека и культуры, в свою очередь, вынуждена была отказаться от осмысления общества в целом. Но можно ли постичь сущность социальных процессов вне человека, а сущность человека вне социальных процессов? Ответ очевиден.

Ситуация усложнялась еще и тем, что в силу чрезвычайной спешки социальную философию ввели в учебные планы философских факультетов, а также утвердили ее в качестве специальности, по которой была разрешена защита диссертаций, без соответствующего паспорта. Таким образом, новая дисциплина обрела жизнь, не имея четкого определения своего предмета и основных направлений исследований. По этой причине по социальной философии стали защищать педагогические, социологические, политологические, культурологические работы. Причем, соискатели были убеждены в том, что их исследования соответствуют специальности «социальная философия», поскольку в них рассматриваются те или иные стороны жизнедеятельности человека.

Только что образованная специальность «социальная философия» стала походить на эмпирическую социологию, чем не преминули воспользоваться социологи. Давний спор философов и социологов закончился победой социологов. В изданных энциклопедиях утверждалось, что социология – это «наука об общих и специфических социальных законах и закономерностях развития и функционирования исторически определенных социальных систем, о механизмах действия и формах проявления этих законов в деятельности личностей, социальных групп, классов, народов» [3, с. 497], а социальная философия определялась, в широком смысле, как «раздел философии, включающий рассмотрение качественного своеобразия общества (отличие от природы, отношение к государству, религии, морали, духовной культуре), его целей (общественных идеалов), генезиса и развития (социальной истории), судеб и перспектив» [4, с. 468]; в узком смысле – как *«раздел общей социологии, одно из ее направлений, содержащее исследование названных проблем с помощью категорий теоретической социологии и пограничных с ней научных дисциплин – политической экономии, антропологии, психологии, культурологи и т.д.»* [4, с. 468] (курсив наш. – Т.А.).

Таким образом, теоретическая социология была представлена как дисциплина, занимающаяся исследованием более общих проблем по сравнению с социальной философией, т.е. как своего рода метатеория по отношению к последней, поскольку именно ее категориями вынуждена пользоваться социальная философия. Но если теоретическая социология представлена как более общая дисциплина, категории которой необходимы социальной философии, то, в таком случае, исследованием каких вопросов должна была заниматься социальная философия?

В современной литературе встречается и другой вариант решения проблемы, когда предмет социологии и социальной философии отождествляются. Но не могут же две различные дисциплины иметь один

и тот же предмет исследования.

Совсем было растерявшиеся в условиях системного общественного кризиса философы в конце 1990-х годов начали приходить в себя, и, обретая чувство реальности, стали постепенно восстанавливать статус-кво своей дисциплины, в том числе философии истории, хотя называли ее уже не историческим материализмом, а социальной философией. Показательна в этом отношении статья К.Х. Момджяна «Социальная философия», опубликованная в «Новой философской энциклопедии», в которой автор, ведя речь о социальной философии, итог своих рассуждений подвел такими словами: «*Прикладным аспектом философии истории* [курсив наш. – Т. А.] является разработка методологических проблем исторического познания – таких, как вопрос о различении исторических «структур» и «событий», о природе исторического факта, о соотношении номотетических и идиографических процедур в познании истории, «объяснения и понимания» в нем и др.» [5, с. 611].

Как нам представляется решение этого дискуссионного вопроса?

Прежде всего считаем, что принятое название дисциплины «социальная философия» требует корректировки по ряду причин. К сказанному выше добавим следующее: в названии «социальная философия» нет фиксации того главного, определяющего, что, собственно, отличает данную дисциплину от других философских дисциплин. Применительно к этому разделу философии более адекватным является термин «философия истории». Он более строго определил бы предмет данной философской дисциплины, и это позволило бы отделить ее от смежных дисциплин, каковыми являются социология, философская антропология, философия культуры и др. Далее. Название «философия истории» вместо существующего ныне «социальная философия» позволило бы этой философской дисциплине сохранить статус теоретической дисциплины, занимающейся анализом исторического процесса, т.е. дисциплины, выступающей в качестве метатеории по отношению к социологии, в том числе теоретической социологии, политологии, истории, философской антропологии, философии культуры и др.

При этом потребовалась бы некоторая корректировка проблемного поля данной дисциплины. Чем должна была бы заниматься философия истории? Ответ на этот вопрос мы находим в трудах философов-классиков, начиная с Франсуа Вольтера и заканчивая Г. Гегелем. Много интересных, содержательных идей по этому вопросу высказали российские исследователи – Ю.И. Семенов, И.А. Гобозов и др.

Известный российский исследователь Ю.И. Семенов отмечает: «...историология – не единственная наука, изучающая историю. Существует по крайней мере еще одна дисциплина, занимающаяся историческим процессом. Она стремится выявить его общую природу, его основные закономерности и движущие силы. Иначе говоря, она является самой общей, предельно общей теорией исторического процесса. Значение

этой предельной теории исторического процесса заключается в том, что она представляет собой самый общий метод проникновения в сущность исторических явлений. Эту самую общую теорию исторического процесса давно уже именуют *философией истории*» [6, с. 3]. Кроме того, термин «философия истории» применяется и для обозначения дисциплины, которая «исследует не историю саму по себе, а процесс ее познания. В ее задачу входит выявление специфики исторического познания. Это теория исторического познания, историческая гносеология, или, следуя новейшей моде, историческая эпистемология» [6, с. 3].

Профессор МГУ имени М.В. Ломоносова И.А. Гобозов в своем учебнике представляет социальную философию как науку «об общих законах развития человеческого общества» [7, с. 16]. Приведенная дефиниция социальной философии и структура самого учебника позволяют сделать вывод о том, что автор трактует социальную философию как философию истории. В отличие от других авторов, сводящих представление об обществе к представлению о его отдельных, пусть и основных сферах, рассмотренных, чаще всего, фрагментарно и изолированно друг от друга и, в отличие от отдельных социальных философов, наполняющих свои работы разрозненным, эклектичным содержанием, не имеющим непосредственного отношения к истории общества – единому процессу развития человечества во времени и пространстве – и потому не позволяющим понять общество как таковое, как особый тип реальности, как целостное социальное образование в его исторической динамике со своими специфическими законами развития, И.А. Гобозов анализирует ключевые для уяснения общества вопросы. Он концентрирует внимание на целостности и типологии общества, единстве и многообразии человечества, механизме общественного развития, выделяет такие важнейшие проблемы человеческой истории, как социальный детерминизм, социальное пространство и социальное время, общественный прогресс, субъекты истории и др. В работе раскрыто не только общество в его историческом развитии, но и *современное* общество в его социально-культурной динамике, отражены противоречия и угрозы современного мира.

Примерно такой же позиции придерживается В.Ж. Келле. Характеризуя философию постсоветской России как окрошку «нахватанных из разных источников положений, которые эклектически смешивались и выдавались за «новое слово» в философии (в том числе социальной)» [8, с. 52–53], и ратуя за социальную философию, базирующуюся на принципах научной рациональности, объективности и деятельностного отношения к действительности, исследователь сводит основную задачу социальной философии к созданию «теории исторического процесса (или общественного развития), учитывающей современные реалии и проблемы, отвечающей достигнутому уровню познания природы и общества, способной служить основой для осмысления динамики социального бытия» [8, с. 56] и фактически

отстаивает философию истории. Ведь в таком понимании социальная философия выступает не в виде узко ориентированной дисциплины, предметом исследования для которой являются частные аспекты общественной жизни, а в виде общетеоретической социально-гуманитарной науки.

На наш взгляд, *социальная философия* (если мы не откажемся от этого термина) – составная часть философии, представляющая собой предельно общую теорию исторического процесса, исследующая сущность, направленность, движущие силы, закономерности и методы его познания.

Главный вопрос социальной философии – «Что есть общество?». На этот вопрос исторически сформировались различные варианты ответа. Большинство исследователей сущность общества, его качественную характеристику видят не в том, что оно состоит из множества людей, т.е. не в совокупности отдельных лиц (абстрактных индивидов), а в объективно существующих условиях их совместной жизни и деятельности. Общество, хотя и состоит из множества отдельных лиц, – качественно новое образование, своеобразный социальный феномен, развивающийся по своим собственным законам. Качественное своеобразие общества предельно четко зафиксировано в философской категории «социальная реальность», представленной в виде системы, включающей совокупность людей и отношения между ними, складывающиеся в процессе их совместной деятельности, поведения и общения. Кроме людей и их взаимоотношений, к социальной реальности относятся освоенная человеком природа, мир материальных артефактов (объективированные результаты человеческой деятельности), общественное сознание в его различных формах и уровнях как духовная сторона исторического процесса.

Социальная реальность так же объективна, как и сама природа. Выступая в виде «надбиологической» и «надиндивидуальной» реальности, она, как и природа, развивается по объективным, не зависящим от воли, желания человека законам. Это и позволяет философам постигать сущность исторического процесса, логику его развития, прогнозировать будущее. Но в то же время социальная реальность не тождественна природной реальности, поскольку ее главной составляющей являются люди, обладающие сознанием и способностью к целерациональной деятельности. Этот момент необходимо учитывать при исследовании исторического процесса. Философия истории – своеобразная дисциплина, которая, несомненно, является наукой, но наукой, отличающейся от естественных наук. При этом мы не можем, и не должны соглашаться с точкой зрения Г. Риккерта и главы баденской школы В. Виндельбанда, поддерживаемой, кстати, многими современными исследователями, абсолютно противопоставивших историю, гуманитарные науки в целом естественным наукам, т.е. фактически отказавшим историческому процессу в закономерностях, а историкам и философам – в возможности

обнаружить и описать эти закономерности.

Сложившуюся ситуацию следует исправлять: вопрос о сущности и специфике социального познания в наше время чрезвычайно важен ввиду того, что антиисторицизм (представление историцизма в виде своего рода «пророчества») все активнее одолевает умы как зрелых философов, подпавших в 1990-е годы под влияние идей К. Поппера и его последователей, отрицающих исторические законы, а следовательно, и возможность познания и прогнозирования будущего, так и в особенности молодых исследователей, плененных идеями постмодернизма. Как отмечает В.С. Семенов, во многих современных российских так называемых «философских работах» (а это с полным на то основанием можно отнести к работам философов всего постсоветского пространства) «не мысль, а просто текст, статистика. Причем псевдонаучная, заумная, вычурная, буквально вымученная для внешней «красоты» изложения и чисто раболепски следующая за якобы «модными» западными формулировками, словечками и просто выкрутасами. А за всем этим – действительная пустота мысли» [9, с. 33–34]. Действительно, «пустота мысли» – бич современного типа философствования. Скажем прямо, в последние годы практически не опубликовано фундаментальных работ, посвященных исследованию специфики социального познания. Можно отметить лишь отдельные научные статьи [10].

Для подтверждения сказанного сошлемся на итоги работы VI Российского философского конгресса. Он проходил в Нижнем Новгороде 27–30 июня 2012 года. Наряду с другими многочисленными секциями и «круглыми столами» на этом конгрессе работали секции «Социальная философия», «Философия истории» и «философская антропология». Характерно, что секция «Философия истории» не вызвала какого-либо интереса у ученых: в ее рабочую программу было включено только 15 докладов, причем непосредственно к философско-исторической проблематике не все из них представляется возможным отнести [11, с. 343–354].

В то же время на секцию «Социальная философия» заявлено 175 докладов [11, с. 141–354]. Какие же конкретно проблемы поднимались социальными философами, и насколько они связаны с осмыслением предельно общих вопросов социального бытия? Содержание докладов дает основание сделать вывод о том, что проблемное поле данной секции оказалось «размытым» – оно охватывало различные аспекты антропологической, воспитательной и образовательной проблематики. Собственно философско-теоретическому осмыслению современной исторической эпохи, исторического процесса в целом, философско-историческому прогнозированию было посвящено лишь несколько докладов. Самое любопытное состоит в том, что на данной секции не были представлены и проблемы социальной философии как дисциплины, хотя не так давно по этому вопросу велась активная дискуссия. Она так и не была завершена на страницах философских научных изданий, но, как

видим, не было это сделано и на философском конгрессе – вопрос о предмете и проблемном поле социальной философии на нем обойден вниманием. Очевидно, «размытость» предмета социальной философии как дисциплины вполне устраивает современную философскую элиту.

Анализ проблематики докладов (в данном случае мы говорим только о проблематике), представленных на секции «философская антропология», показывает, что и здесь не все ясно с предметом и проблемным полем данной дисциплины. На наш взгляд, в докладах не зафиксирована специфика *философской* антропологии. Именно *философской* антропологии, поскольку человека изучают многие дисциплины как гуманитарного, так и естественнонаучного профиля. И в данном случае докладчики не рассматривали вопросы, связанные с выяснением специфики философской антропологии как самостоятельной философской дисциплины, ее взаимоотношения с другими дисциплинами, ее методов постижения сущности человека и прогнозирования антропологических сценариев XXI века. Зато было чрезмерно много докладов, посвященных частным вопросам повседневности. Как видим, вопрос о предмете и проблемном поле социальной философии, а также философской антропологии в научном плане до сих пор не решен. Это не может не сказываться негативно на философских исследованиях в целом.

В свете сказанного выше хотелось бы обратить внимание на следующее: принципиальным отличием *философско-исторического* постижения социума является то, что оно изначально предполагает системный взгляд на социум. Если социолог, исследуя какую-либо социальную проблему, может позволить себе изучать ее как самостоятельную, не «согласовывая» ее с общей теорией исторического процесса, то философ не имеет права так поступать. В своем исследовании он непременно обязан исходить из признания общества как целостной системы и даже частную проблему трактовать в контексте социума как такового. Такой точки зрения придерживались не только К. Маркс и Ф. Энгельс, но и их оппоненты. Крупный представитель т.н. субъективно-идеалистического направления в социологии Н.К. Михайловский отмечал: «Общественная жизнь представляет такое связанное целое, что если мы будем изучать различные ее проявления независимо друг от друга, то, наверное, впадем в теоретические и практические ошибки» [12, т. 6, с. 286].

Нынешний кризис вновь актуализировал вопрос о будущем нашей цивилизации, вернее, об альтернативной модели мироустройства, не допускающей подобных социальных коллизий, ведущих человечество к масштабным потрясениям и стрессовым ситуациям. В обсуждении этого вопроса участвуют как оптимисты, так и пессимисты. Последние идут вслед за И. Кантом, который считал, что «делать предположение относительно развития истории, дабы заполнить пробелы в сведениях, конечно, допустимо; ибо предшествующее, как отдаленная причина, и последующее, как следствие, могут служить вполне верной путеводной

нитью для открытия промежуточных причин, которые сделали бы понятным переход от первого ко второму. Однако история, составленная исключительно из предположений, будет, вероятно, не более ценная, чем набросок романа» [13, с. 43].

И все же сложившаяся ситуация в современном мире нуждается в глубоком социологическом, политологическом и в философско-теоретическом осмыслении. Всемирно известный писатель и философ А.А. Зиновьев отмечает: «Было бы по меньшей мере наивно принимать за попытки такого понимания беспомощный лепет социологов о «постиндустриальном» и «информационном» обществе и бредовые сочинения футурологов, неизмеримо превосходящие по интеллектуальному убожеству и явной глупости сочинения специалистов по «научному коммунизму» недавнего прошлого, когда коммунизм воспринимался как реальная угроза «стать светлым будущим человечества»» [14, с. 451].

Реализовать эту задачу не просто отчасти и по той причине, что рационалистическое направление в философии в настоящее время все активнее подвергается дискредитации самими же философами. Философию все чаще трактуют не как научную дисциплину, а как особую форму «рефлексивного вопрошания», утверждают о ее «незавершенности» и, следовательно, о ее неспособности давать истинный ответ на возникший вопрос, сопрягают ее с мифологией, пытаются отыскать в ее природе нечто общее с философией. Например, известный российский философ В.В. Миронов приходит к заключению, что философия «представляет собой открытое смысловое пространство, в рамках которого осуществляется вневременный диалог философов. ...цель философии вовсе не состоит в том, чтобы обязательно предоставить однозначный ответ или построить «истинную» теорию. Если бы такое случилось, то философия просто прекратила бы своё существование в силу ненужности, ибо в ней часто большее значение, чем ответ на вопрос, имеет постановка проблемы. Философия в этом смысле – это особая форма рефлексивного вопрошания. Попытки предметного ограничения философии скорее ущербны для неё, ибо могут разрушить процесс личностного постижения бытия, того самого платоновского стремления к мудрости в условиях понимания её недостижимости» [15, с. 15–16].

Что можно сказать по этому поводу? Сущность, так же, как и объект, предмет философии, давным-давно выяснили греки – Сократ, Платон, Аристотель и др. По Аристотелю, философия подразделяется на теоретическую, исследующую сущность бытия (в ней особое место занимает первая философия – наука, «исследующая первые начала и принципы»), практическую, раскрывающую деятельность человека, и поэтическую (творческую). Аристотель считал, что «наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо чрез них и на их основе познается все остальное, а не они через то, что им подчинено» [16, т. 4, с. 68–69]. С помощью философии Аристотель стремился раскрыть путь достижения

истины, объяснить те сложные, непонятные явления, с которыми сталкивался человек в повседневной жизни.

Наиболее известны две концепции происхождения философии – мифогенная, согласно которой философия зарождается из мифологии, и гносеогенная концепция. Согласно второй концепции, философия представляет собой самостоятельную дисциплину и имеет свои собственные корни. Философия с самого начала выступает в качестве орудия научного познания мира, и в этом плане является не продолжением, а диалектическим отрицанием мифологии. Безусловно, говоря об отрицании философией мифологии, мы имеем в виду диалектическое отрицание. Это был не единовременный революционный акт. Отрицание длилось не одно столетие, и вполне понятно, что в сочинениях древних философов встречаются элементы мифологического сознания. Но вряд ли можно выдавать древнеславянскую мифологию, или же поучения Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского за философию. Мифология, религия и философия – это различные формы общественного сознания. В настоящее время, к сожалению, без должной на то аргументации философию пытаются «растворить» в мифологии и религии, т.е. пытаются лишить ее собственного предмета. Не следует отрицать ни факта существования, ни значения мифологии, а тем более религии в становлении человеческого общества и их роли в современной духовной жизни. Но гораздо большего внимания (и по праву) заслуживает философия, хотя, как считают отдельные исследователи, она является «привнесенным» к нам извне продуктом – продуктом античной культуры. Словом, недопустимо сводить философию к вере, архетипам и т.п. иррациональным формам сознания, постулатам, не требующим логического обоснования и подтверждения. Такой взгляд, во-первых, принижает философию, а во-вторых – не позволяет включить ее методологический, эвристический, аксиологический потенциал в духовную жизнь современного общества.

И еще один важный вопрос, на котором заостряют внимание современные исследователи. Это вопрос о взаимосвязи слова и мысли. Конечно же, философия не может существовать вне литературы, языка. Философы ведь тоже должны обладать не только мыслью, но и владеть способом ее фиксирования и трансляции с помощью слова и текста. Философия не мыслима вне коммуникации. Но само философское слово, как и сам философский текст – это не художественный текст. Он состоит из выработанных на протяжении столетий специальных понятий, лишен образности, эмоциональности. В нем господствует логика убеждения. Язык философии в какой-то степени напоминает язык математики, поскольку за каждым философским понятием, а тем более категорией, закреплено конкретное содержание. Сами философские понятия и категории обрели системность. В совокупности они представляют собой орудия, с помощью которых исследователь в состоянии на понятном для философов языке описывать и объяснять окружающий мир – природу,

человека, общество, выстраивать разнообразные философско-теоретические концепции. Философия – это не какой-то абстрактный «дискурс» и не образное мышление, а логически обоснованные умозаключения. Напомним о том, что в свое время Г. Гегель очень резко критиковал тех, кто относил философов к абстрактно мыслящим людям. Он считал философское мышление самым конкретным мышлением, но только в виде диалектического мышления. Да и Э. Гуссерль называл философию самой строгой наукой. Кстати, именно этого качества и не хватает современным философам. Хотя для заинтересованности читателя, особенно того, кто впервые проявил интерес к философии, философский текст должен быть доступным, т.е. понятным, но одновременно не потерявшим глубины мысли. Таким образом, интерес к философскому тексту должен вызываться не его образностью, поэтичностью, а глубиной воплощенной в тексте мысли. Философия обязана учить человека мышлению. По словам И. Канта, «истинный философ как самостоятельный мыслитель должен применять свой разум свободно и оригинально, а не рабски подражательно» [13, с. 331–334]. Заметим, самое любопытное состоит в том, что те философы, исследования которых глубоки, язык, как правило, не усложняют. Это и понятно: в их текстах господствует мысль, и они способны «связно выражать понятия» [13, с. 45]. Усложняют же язык обычно те философы, которые не способны привнести в философию что-либо новое, т.е. прирастить философское знание.

Следовательно, наша задача не сводится к тому, чтобы дополнить, а тем более подменить философию литературой и литературоведением, или же, наоборот, литературоведение подменить философией. Каждая из этих дисциплин прошедшая длительный путь становления и развития, обладает собственными объектом и предметом, имеет свои конкретные цели и задачи, свое собственное место в гуманитарных науках, собственную историческую миссию. Объединяет же философию и литературу то, что они представляют собой важнейшие сферы духовной культуры, освоение которых в процессе социализации формирует человека Разумного. Философия и литература – та питательная среда, те жизненные соки, без усвоения которых естественно-природный человек не становится человеком Разумным и остается всего лишь биологической особью.

Отсюда выводимы общие интересы философов и литераторов, а следовательно, возможность сотрудничества двух самостоятельных дисциплин – философии и литературоведения – в рамках единой гуманитарной науки. Такое сотрудничество не только возможно, но и необходимо. Оно станет полезным для дальнейшего развития национальной культуры и упрочения национальных духовных устоев белорусского общества. Сотрудничество видится в том, чтобы совместными усилиями наращивать духовный и интеллектуальный потенциал белорусской нации. Безусловно, литература в большей мере обладает способностью формировать нравственные устои граждан,

развивать высокие эстетические запросы, культивировать неприязнь к посредственности и пошлости.

Философия же в первую очередь должна обеспечивать процесс формирования интеллектуального потенциала граждан – учить людей мыслить, воспитывать человека вдумчивого, грамотного, способного самостоятельно осмысливать сложные социальные проблемы, находить правильное решение стоящих задач, методологически обеспечивать принятие стратегических решений. К числу проблем, требующих дальнейшего глубокого философско-исторического исследования, можно отнести такие.

Прежде всего, требуется уточнение предмета и проблемного поля социальной философии (надо бы назвать социальную философию философией истории и тем самым реабилитировать это понятие). Важно осуществить разграничение теоретической социологии и социальной философии. Необходимо уточнить и систематизировать понятийно-категориальный аппарат социальной философии (он, несомненно, должен обновляться, но не заимствовать понятия из биологических, физических и др. наук). Следует усилить диалектическую взаимосвязь философской антропологии и социальной философии (у каждой дисциплины свой объект, но эти объекты – человек и общество представляют собой *диалектическое тождество*, и из этого надо исходить, когда мы исследуем настоящее и прогнозируем будущее, а не разделять их непроходимой стеной). В целом не следует поспешно отказываться от диалектического метода в пользу синергетического и герменевтического методов, что мы наблюдаем в современных исследованиях, – эвристический потенциал диалектического метода огромен, и это доказано многими великими философами. Вопрос состоит не в «узости», «ограниченности» данного метода, а лишь в нежелании современных исследователей им овладеть, нежелании (или неумении) его применять.

Важно более взвешенно подходить в оценке значимости прошлых теоретических наработок для понимания современности. Г. Гегель, стоявший у истоков историко-философской науки, пришел к выводу, что прежние философские системы не исчезают бесследно, они «живут еще в своих принципах», однако уже не в состоянии существовать «в той форме, в которую они были облечены», поскольку являются продуктом прежних эпох и удовлетворяют интересы, соответствующие именно тем эпохам. Поэтому «возрождение этих систем означало бы возвращение более образованного, глубже в себя проникшего духа вспять, к более ранней системе» [17, с. 106].

В контексте рассуждений Г. Гегеля отчетливо проявляется несостоятельность современных попыток представить теоретическое наследие Н.А. Данилевского, К. Ясперса, А.Дж. Тойнби и др. как тот интеллектуально-духовный пласт, опираясь на который можно было бы не только возродиться, но и в своем культурном развитии уверенно продвигаться вперед. «Разогревание старых систем нужно поэтому

рассматривать лишь как переходный момент упражнения в обусловливающих предварительных формах» [17, с. 106] – таков вывод Гегеля. И с ним нельзя не согласиться. Действительность постигается *действительным*, т.е. ныне действующим мышлением.

Требуется более основательное изучение сущности современного общества. Информационное общество, постиндустриальное общество – все эти концепции представляют собой не что иное, как технократизм второй половины XX века, шествующий и поныне. Онтологические основания этих концепций – технологический уровень общества. В них забыт человек, хотя о нем и говорится. Человек принижен в том плане, *что не он делает выбор*, а технология предшествует этому выбору и определяет его изначально. Несомненно, в техническом и особенно в технологическом плане современное общество ушло по сравнению даже с первой половиной XX века далеко вперед. Никто не станет это оспаривать. А в духовном плане что изменилось? Разве продвинулось вперед человечество в своих отношениях к природе? Разве изменилось отношение человека к человеку и одного государства к другому государству? Всё осталось на том же уровне. Не случайно поэтому в противовес индустриализму и постиндустриализму выдвигаются такие социальные модели, как ноосферная модель, толерантное общество и др. – модели, утверждающие не эгоизм и чисто экономическую выгоду, а разум и гуманное основание взаимоотношений различных наций и государств.

Назрела потребность в более глубоком исследовании сущности, типологии постсоветского общества. А для этого надо разобраться по существу с тем, что собой представляло советское общество 1980-х годов. Здесь действительно много не проясненного, и, помимо этого, много наносного, созданного мышлением и воображением различных идеологов эпохи «холодной войны», русской эмиграции, наконец, «теоретиков-перестройщиков» 1990-х годов. Хотя нам известна точка зрения К. Макса и Ф. Энгельса на возможность построения социализма в России. Их мнение о невозможности реализации гуманного общества в России в одиночку, т.е. без победы социалистической революции в Европе, так же, как и мнение Г.В. Плеханова о неготовности России к построению социализма, были обоснованными. Предположим, что мы вместе с Европой строили бы социализм. Были ли бы предпосылки для глобальной войны? Надо ли было бы тогда России (советской) волевым путем и в спешном порядке осуществлять индустриализацию? Поэтому для выявления сущности «построенного» за годы советской власти социума потребуется еще много серьезных усилий ученых. С другой стороны, важно уяснить природу и качество того весьма пестрого «человеческого материала», который выступал в 1990-е годы в качестве субъекта перестройки. Имеем в виду интеллектуальный, моральный облик «политической элиты» той эпохи. А для решения этих задач, впрочем, как и для выстраивания общей стратегии в этом динамичном и непредсказуемом современном мире, требуется скоординированное

проведение сравнительного анализа современных социальных процессов на всем постсоветском пространстве. Не менее серьезный предмет исследования социальной философии – будущее постсоветских государств, мирового сообщества в целом. Первое чувство, возникающее при ознакомлении с материалами, касающимися развития постсоветского пространства – это сожаление по утраченному бывшими когда-то союзными республиками имевшегося у них огромного потенциала – научного, культурного, духовного. Современная история для большинства из них – это двадцать лет застоя, а вернее, движения вспять. И это в XXI веке, где каждый упущенный день измеряется десятилетиями прошлых исторических эпох. Надежды постсоветских государств на счастливое будущее в этом плане призрачны. «Догоняющая» стратегия не позволит им войти в группу экономически развитых стран. Впрочем, призрачны перспективы и Запада, в том числе США. Грядет тот час, когда Китай, Индия достигнут такого же технологического уровня. И это станет точкой отсчета – или возникнет принципиально новый тип цивилизации, или наступит «конец истории», но не по Фукуяма, а по физическим законам, потому что США как нация (цивилизация) вряд ли согласятся опуститься на вторую ступеньку «цивилизационной лестницы».

Нужно не только в процессе исследования, в теории, а и в повседневной предметно-практической деятельности утверждать диалектическое понимание духовного опыта: духовный опыт не однороден, к тому же он и не понятен, если исследовать его в отрыве от его субъекта, т.е. его носителя – он превращается в демиурга, в абсолютный дух Гегеля, не более того. Например, нынешняя духовность – духовность перестроечного, т.н. транзитивного общества. Почти все говорят о духовном кризисе, выясняют его причины, предлагают различные пути оздоровления общества, новые духовные ценности. Но при этом обходят стороной онтологические основания этого кризиса. Если характеризовать все постсоветское пространство, а мы по-прежнему им связаны, несмотря на существующие границы, то на этом пространстве уже сформировались различные социальные слои (или страты), являющиеся носителями своеобразных форм духовности. Иные из этих форм можно прямо-таки отнести к бездуховности. Кому, как не философам, совместно с социологами и психологами изучить социальную типологию современной личности – выделить конкретные типы, определить образ жизни, ценности, установки каждого из них и т.д. Это стало бы реальным вкладом в исследование современных духовных процессов, в развитие гуманитарной науки, позволило бы приблизить ее к практике жизни.

Необходимо значительно углубить методологические основания исследований в области социальной философии. Что касается различных парадигм, методологических оснований исследования социума, то в наше время социальные философы идут в основном путем проб и ошибок, а чаще всего путем синтеза – даже того, что не подлежит синтезу по своему

определению. Вполне понятно, что это не может дать серьезных научно-исследовательских результатов. С другой стороны, социальная философия нередко «расчленяется на мелкие части». Это не позволяет ей охватить единым взором многовековой исторический процесс.

Одна из проблем современного понимания исторического процесса – существующий разрыв между философской антропологией и философией истории. Человек исследуется сам по себе вне конкретных исторических условий, без учета той среды, которая-то во многом и определяет его существование и поведение. В то же время и сама человеческая история порой рассматривается как объективная реальность, подчиняющаяся тем же непреложным физическим законам. Вот, например, точка зрения постиндустриалистов. Все они считают, что человечество прямо-таки обречено перейти на ступень постиндустриализма. А если какая-либо нация не может в силу своей генетической природы, или не желает «идти одним общим строем»? И мы видим, что альтернативных социальных проектов в философской мысли не так уж и много: ноосферная модель, концепция толерантного общества, вот, пожалуй, и всё.

Постсоветская философия в 1990-е годы активно осваивала западную философию 20 – 50-х годов XX века. Но осваиваемая западная философия, во-первых, воспроизводила социальное бытие Запада, а не Востока. И, во-вторых, она отражала ту историческую эпоху, которая уже ушла в небытие. Оказалось, что мы накладывали чужие устаревшие схемы на совершенно иную реальность. Можно ли было получить позитивный результат, пригодный для инновационного развития нации, ее культуры? Способна ли была такая компилятивная философия оказывать практическую помощь государственным органам? Конечно же, не могла. Отсюда и соответствующее отношение госструктур к философии. Более востребованными оказались другие дисциплины – политология, социология, история, экономические науки, хотя и в них, по большому счету, преобладали заимствованные на Западе разработки.

Сегодня, как никогда ранее, необходимо глубокое философское осмысление социальных процессов в мире. Например, Китай, не только удивляет мир темпами экономического развития, но и научно обоснованной программой модернизации своей страны, в разработку которой определенный вклад внесли философы. Им удалось осуществить теоретический анализ модернизации как определяющей современную историческую эпоху социальной реальности и выявить ее специфику применительно к своей стране, о чем свидетельствуют опубликованные исследования, в том числе получившая широкую известность коллективная работа «Обзорный доклад о модернизации в мире и в Китае (2001–2010)» [18].

На постсоветском же пространстве философия оказалась совершенно оторванной от социальной практики. С одной стороны, на философский анализ происходящего не поступало социального запроса. С другой стороны, и сами философы не предложили своих конкретных

теоретических разработок, позволяющих не на ощупь строить какое-то грандиозное и при этом совершенно не понятное для граждан здание, а уверенно идти и гражданам, и государству в избранном направлении, видеть цель и перспективу этого движения. Пока же избранный постсоветскими государствами путь ведет в никуда. Но об этом пишут, опять же, не философы, а социологи, экономисты. По существу, многие современные философы не признают гносеологическую и прогностическую функции философии и уподобляют ее мифологии. Но если философия уподоблена мифологии, если в ней господствуют лишь мнения и отсутствует истина, если современные философы оперируют идеями В. Виндельбанда, то кому она станет нужной в таком случае? Она и в самом деле становится все менее и менее востребованной.

Выход из создавшейся ситуации видится в том, чтобы восстановить прежде всего утраченную гносеологическую функцию философии. А вслед за этим восстановить и другие исторически сложившиеся ее функции – прогностическую, мировоззренческую и др.

И еще один важный аспект, касающийся проблемы постижения социума. Вполне понятно, что в современную достаточно развитую, но в то же время столь же сложную и противоречивую эпоху в одиночку философия не в состоянии выявить тенденции общественного развития. Эту проблему надо решать общими усилиями гуманитарных и социальных наук. Поэтому тема союза философии с другими гуманитарными дисциплинами требует и теоретического осмысления, и неотложного практического решения.

Почти три столетия минули с тех пор, как Франсуа Вольтер ввел в научный оборот термин *«философия истории»*, и более двух столетий с того дня, как Иоганн Гердер обозначил им специальную дисциплину. Огромен вклад Гегеля в разработку философии истории. Именно диалектическому мышлению немецкого классика оказалось под силу свести все многообразие многовекового социального бытия на земном шаре к единому основанию, что и позволило логически обосновать единство человеческой истории, а в дальнейшем – отыскать ее закономерности. Вместе с тем, как верно отмечают российские исследователи Ю.В. Перов и К.А. Сергеев, *«в формулировке проблем, в способах их осмысления и разрешения Гегель не одинок, его концепция – лишь момент в процессе философского постижения человеческой истории, не им начатого и не им завершеного»* [19, с. 8]. Философия истории получила развитие в XIX веке в трудах А.И. Герцена, В.Г. Белинского, К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, а в XX веке – в работах Р.Дж. Коллингвуда и других продолжателей лучших традиций классической философии. Несмотря на всякого рода коллизии, философия истории обосновала свое право на существование. Сегодня явно не хватает именно философско-исторического понимания происходящего в современном мире. Совместно с философской антропологией и другими гуманитарными и социальными науками философия истории способна

постигать современный социум, прогнозировать его будущее, давать адекватные ответы на проблемные вопросы. Важно только уделять ей должное внимание.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор с БРФФИ № Г12-105 от 15 апреля 2012 г.)

Литература

1. Смирнов, П.И. Социология личности. Учебное пособие. – СПб., 2007.
2. Кон, И.С. Философия истории // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – С. 732–733.
3. Осипов, Г.В. Социология // Социологическая энциклопедия: В 2 т. / рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. – М., 2003. – Т. 2. – С. 497–498.
4. Давыдов, Ю.Н. Социальная философия // Социологическая энциклопедия: В 2 т. / рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. – М., 2003. – Т. 2. – С. 468–469.
5. Момджян, К.Х. Социальная философия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2001. – Т. 3. – С. 609–611.
6. Семенов, Ю.И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – М., 2003.
7. Гобозов, И.А. Социальная философия: учебник для вузов. – М., 2007.
8. Келле, В.Ж. К вопросу о перспективах социальной философии в России XXI века // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Т. IV, вып. 3–4 (13–14). – С. 52–56.
9. Семенов, В.С. Забытый Маркс: о революции, социализме, человеке // Вопросы философии. – 2009. – № 6. – С. 33–45.
10. Гобозов, И.А. Философия истории и прогностика // Философия и общество. – 2008. – № 4. – С. 5–23.
11. Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.): В 3 т. – Н. Новгород, 2012. – Т. 1.
12. Михайловский, Н.К. Сочинения: В 6 т. – СПб., 1896–1897.
13. Кант, И. Трактаты и письма. – М., 1980.
14. Зиновьев, А.А. Великий эволюционный перелом // Запад. – М., 2000. – С. 449–508.
15. Миронов, В.В. Философия и Слово (или Ещё раз о специфике философии) // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 14–25.
16. Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М., 1976–1983.
17. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга 1. – СПб., 2001.
18. Обзорный доклад о модернизации в мире и в Китае (2001–2010). – М., 2011.
19. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета; отв. ред. М.Ф. Быкова. – М., 2000.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ: «ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО» И «ЗАКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Ю.Г. Тамбиянц

Как настоятельно советовал известный классик общественных наук Макс Вебер, наука должна быть строго отделена от политики. Подобный принцип, однако же, соблюдался далеко не всегда. По большому счету, в чистом виде этого добиться практически невозможно. Можно лишь ставить вопрос о степени воздействия политики на науку. Речь пойдет об устоявшейся точке зрения по поводу одной из главных тенденций социальной эволюции – постепенному переходу от общества «закрытого» типа к «открытому» обществу.

Заслуга концептуальной разработки категорий «открытого общества» и «закрытого общества» принадлежит Карлу Попперу, известному методологу науки и социальному философу. Его идеи дополнялись и дополняются другими учеными (Ф. фон Хайек, Й. Элстер, Дж. Урри), мыслящими в русле эволюционизма. Примечательно, что взгляд на современное общество, как на общество более широких возможностей сейчас принимается многими видными учеными аксиоматически (Л.Е. Гринин). На самом деле все не так просто. В нижеприведенной таблице обозначены те сравнительные характеристики открытого и закрытого обществ, которые вызывают наибольшие сомнения.

<i>Закрытое общество</i> (искусственный порядок)	<i>Открытое общество</i> (расширенный порядок)
Регулярное вмешательство с целью контроля общественной и личной жизни. Преобладают <i>искусственные</i> институты, ориентированные на «высшие» потребности общества	Минимальное вмешательство в <i>естественный</i> процесс социальных отношений. Социальные институты формируются на основе индивидуальных потребностей
Господство <i>иррациональных</i> форм (религиозных догматов), определяющих ход общественной, и индивидуальной жизни	Господство <i>рациональных</i> форм (свободные индивиды определяют стратегию и линию поведения самостоятельно)
Иерархические структуры имеют <i>застывающий</i> характер. Социальная мобильность вялотекущая. Элита тяготеет к кастовости	Иерархические структуры имеют <i>текучий</i> характер. Социальная мобильность происходит интенсивно. Постоянное обновление элиты
В политической сфере полностью доминируют <i>авторитарные и тоталитарные</i> формы	В политике преобладают <i>демократические</i> формы

В качестве примера «закрытого общества» обратим внимание на порядок, сложившийся в европейском средневековье. Именно эти общества признаются вышеупомянутыми теоретиками за образец «закрытого типа». Нетрудно догадаться, что образцом открытого общества являются страны индустриального капитализма. Однако сравнение многих параметров этих двух обществ приводит к иным и зачастую противоположным выводам.

В плане рассмотрения иерархических аспектов мы считаем уместным прибегнуть к методологии, разработанной классиком социологии Питиримом Сорокиным, а также известными учеными в области социологии элит (В. Парето, Г. Моска, Р. Михельс). Суть их рассуждений кратко сводится к двум основополагающим тезисам.

Во-первых, не существует постоянной тенденции к большей «открытости» социального порядка. История демонстрирует нам колебательные движения (флуктуации). Это касается как экономической, так и политической и профессиональной стратификации (П. Сорокин).

Во-вторых, правящие группы (элита) общества всегда тяготеют: а) к консервации сложившегося порядка; б) к групповой закрытости, ограждаясь от других слоев общества социальными барьерами. Причем, это присуще как старой элите, так и недавно образованным правящим группам (теоретики элит).

Применение подобного подхода заставляет переосмыслить процессы складывания иерархии, как в средневековом обществе, так и в современном индустриальном. Довольно продолжительный временной отрезок (до 13 в.) может быть охарактеризован как «открытое общество», ибо возможности оказаться в привилегированной группе военных (рыцарство) были практически у любого человека. Другой вопрос, что воспользоваться этим решались далеко не все [2, с. 170]. ореол благородства, которым наделялась военная служба, долгое время присуждался общественным мнением, и лишь в 13 в. стал получать четкую юридическую форму. Теперь рыцарями становятся уже либо по наследству, либо по пожалованию короля, в чем просматриваются последствия усиления центральной власти. То есть, средневековое общество стало больше «закрывать». Однако окончательно оно так и не закрылось, что и не могло произойти в принципе. И в позднее средневековье имелось немало случаев продвижения из низов в «благородные» слои. Подобные возможности закономерно расширялись в условиях военных действий, частого явления в те времена. Но и в мирное время шансы не сводились целиком к нулю. Хотя с приближением эпохи Нового времени все более распространенным каналом продвижения наверх становятся финансовые средства.

Таким образом, следует признать, что феодальное общество было не менее «открытым», нежели в эпоху того же первоначального накопления капитала. Правда, принципиальным различием было то, что в первом

случае требовались качества воина, тогда как во втором – предпринимателя. И это определялось характером вызовов, доминировавших в каждой из этих исторических эпох.

Похожие колебания в структурах неравенства происходят и в современном индустриальном обществе. В период «государства всеобщего благоденствия» (вторая треть 20 в.), когда сложился масштабный средний класс, возможности социальной мобильности вовсе не были неограниченными. Так в результате исследований подобной проблемы Э. Гидденс вынужден был сделать вывод, что «родится богатым» является наилучшей возможностью разбогатеть в условиях британского общества [1, с. 224], относительно благополучного по меркам индустриального капитализма. Что касается лидирующих групп, то их положение упрочивается в силу присущей им тяги к взаимопроникновению, ротации между представителями экономической, политической и военной элитами (Р. Миллс, А. Домхофф, Д. Роткопф).

Между тем ситуация последних десятилетий, определяемой как информационное или постиндустриальное общество, как раз присущи тенденции к большей закрытости и консервации иерархических структур. Многие исследователи констатируют опасные тенденции расслоения среднего класса и социальной поляризации (В. Иноземцев, О. Шкаратан), а также окончательного закрепления мировой иерархии (М. Делягин).

По поводу господства иррациональных духовных форм, определяющих средневековый социальный порядок (и делая его более закрытым), также можно спорить. Религия выполняла функцию идеологического обоснования иерархического порядка, но вряд ли являлась серьезным фактором его формирования (единственное в этом плане исключение – кастовая система Индии), о чем говорят нам работы по социологии религии (М. Вебер, Э. Дюркгейм и др.). Как свидетельствует история, скорее религиозные догмы могли поменяться в угоду социальному порядку, чем наоборот. А в политических решениях прагматизм доминировал практически всегда.

Не так обстоят дела в современном обществе. Здесь с развитием идеологических систем, претендующих на рациональное знание и тщательно скрывающих собственную мифологическую сущность, а также с прогрессом в области информационных коммуникаций, намного увеличились возможности манипуляции массовым сознанием. Как пишет М. Делягин, если раньше господствующий слой вынужден был как-то корректировать объективную реальность, чтобы ублажить социальное большинство, то теперь этого же эффекта можно добиться при помощи правильно разработанного информационного воздействия [3, с. 162].

Наконец, упрек в авторитаризме «закрытого общества» тоже требует критического подхода. Как пишет тот же Сорокин, основываясь на обширном историческом материале, фактом здесь являются колебания, а не устойчивые тенденции [4, с. 341–342]. В условиях раннего средневековья демократические политические институты были частым

явлением («генеральные штаты» во Франции, «эйратинг» в Скандинавских странах, «кортесы» в Испании, «сейм» в Польше). С усилением централизации и наступлением эпохи абсолютизма (14–17 вв.) роль этих институтов существенно уменьшилась. В ряде современных стран правящие группы для поддержания и упрочения своего классового господства идут на усиление диктаторских тенденций при сохранении демократической вывески (Россия).

Таким образом, концепция открытого и закрытого типа обществ в изложении либеральных теоретиков нуждается в серьезном критическом переосмыслении.

Литература

1. Гидденс, Э. Социология. – М., 1999.
2. Гуревич, А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – М., 1970.
3. Делягин, М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. – М., 2003.
4. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

2. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ И ФИЛОСОФСКО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

НАУЧНЫЙ ПОИСК КАК КРЕАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕДМЕТНОГО, НОРМАТИВНОГО И РЕФЛЕКСИВНОГО ЗНАНИЯ: ФОРМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

В.К. Лукашевич

В настоящее время наиболее общее понятие научного поиска как одновекторного процесса, направленного на поиск «истины», не потеряло своего мировоззренческого значения. Но поскольку оно не охватывало значительную совокупность познавательных процессов, организованных в форме научного исследования, последовали реконструкции, направленные на понятийную ассимиляцию того, что явно не укладывалось в содержание упомянутого понятия. Прежде всего, познавательных процессов, направленных на построение аферетических (процессуальных) и интенциональных моделей, фиксирующих способы создания и функционирования познаваемых объектов в заданных условиях, их динамику в изменяющихся условиях, способы направленной коррекции определенных параметров объектов и др [1] [2]. Главным эпистемологическим итогом этой работы было признание актуальной включенности в научный поиск (наряду с познавательными действиями, сопряженными с предметным и нормативным знанием) процессов рефлексивного характера, которые в рамках прежнего общего понятия были вынесены за его пределы и периодически подключались к нему по мере необходимости. В классическом виде такого рода представление о научном поиске, как известно, было оформлено в его «стандартной модели», разработанной в неопозитивизме.

Новое представление базируется на трехэлементном содержании научного поиска, изначально включающем предметное, нормативное и рефлексивное знание в их взаимодействии. Впервые это наиболее отчетливо проявилось в разработках систем искусственного интеллекта, где на смену классической парадигме научного поиска, базирующейся на идеях жесткого целеполагания, достаточности для достижения цели фиксированных моделей, воспроизводящих внешнюю реальность, и механизмов обратной связи, пришла новая идеология, фундированная идеей рефлексивного управления, предполагающего воздействие на имеющуюся у объекта управления модель реальности, а также обоснованное изменение характера цели. При этом достаточно

определенно различаются уровни рефлексии, т.е. формируется определенная «модель рефлексии» [3] [4] [5] [6].

Функционирующее в науке предметное, нормативное и рефлексивное знание различается по содержательным интенциям, формам представления и основным функциям. Соответственно: предметное знание ориентировано на выражение сведений о характеристиках объектов, явлений и процессов исследуемой реальности; нормативное – на выражение содержания и последовательности познавательных действий, операций, процедур исследования; рефлексивное – на осмысление предпосылок, средств и путей достижения намеченной цели и оценки качества полученного результата; предметное знание представлено в таких формах как понятия, категории, законы, гипотезы, теории и др., нормативное – в методах, способах, приемах, алгоритмах, принципах, идеалах и нормах научного исследования и др.; рефлексивное – прежде всего в больших рефлексивных системах (теория познания, методология и логика науки, эврилогия и др.); основная функция предметного знания – репрезентативная (представление, выражение, фиксация) сведений об исследуемой реальности, нормативно – регламентирующая (регулятивная, операциональная), рефлексивно – аксиологическая.

Отмеченные типы знания, которые можно квалифицировать как фундаментальные (поскольку без их наличия и представленности в явном виде научное познание невозможно), находятся в *динамическом креативном взаимодействии*, реализующем их генетические, структурные и функциональные связи. Его направленность, формы и креативная продуктивность, определяемые исходными когнитивными и методологическими условиями исследования, а также рядом внешнеэпистемологических факторов, изучены недостаточно (в философско-методологических исследованиях отмеченное многоаспектное взаимодействие анализировалось в рамках бинарных взаимодействий – предметного и нормативного, предметного и рефлексивного, нормативного и рефлексивного знания).

Универсальными формами их креативного взаимодействия в современном научном поиске является проблемогенез, логическое и концептуальное обоснование метода, расширение метода в систему.

Проблемогенез сопряжен с интенсивным взаимодействием исходного ассерторического (утвердительного) и искомого (проблемного) предметного знания. Основу их взаимодействия составляют отношения, фиксирующие возможность логического вывода одного из другого по правилам дедукции, индукции, абдукции, аналогии. Направленность вывода обусловлена характером проблемной ситуации в целом, содержательными особенностями исходного и искомого знания, соответственно которым логические правила могут регулировать вывод как проблемного знания из ассерторического, так и ассерторического из проблемного, имеющего гипотетический статус. Этому предшествует рефлексивное осмысление проблемной ситуации, в ходе которого

анализируются генетические особенности и структура исходного знания, степень его полноты и направления содержательного развития в соответствии с возможными контекстами репрезентации исследуемого объекта.

Логическое обоснование метода наиболее наглядно демонстрирует механизмы взаимодействия в научном поиске предметного и нормативного знания. Они (механизмы) базируются на логической структуре проблемы, представляющая собой открытую последовательность (цепочку) вопросов и ответов (при отсутствии ответов на некоторые вопросы), в которой ответ на предшествующий вопрос является основанием постановки очередного вопроса. Элементы данной последовательности – это носители предметного знания, характеризующего исследуемый объект. Логическая структура метода также представляет собой такого рода последовательность, но в отличие от первой она является конечной (замкнутой) и содержит только такие вопросы, на которые имеются определенные ответы или индицируются (наводятся, предлагаются) возможные ответы. Рефлексивная составляющая логического обоснования метода представлена процессами осмысления возможных направлений отмеченной последовательности и ее принимаемой конфигурации в связи с исследуемыми характеристиками объекта.

В концептуальном обосновании метода, как процессе построения, подтверждения или развития представления о возможных связях исследуемого объекта с объектами, способными вступать с ним в необходимое направленное взаимодействие и таким образом функционировать в качестве средств познания, наиболее наглядно проявляется взаимодействие предметного и рефлексивного знания, направленного на осмысление допустимых и необходимых направлений взаимодействия. На этой основе далее формируется нормативное содержание метода как совокупность предписаний, регламентирующих познавательные действия (операции, процедуры) исследования, осуществляющие направленное взаимодействие объекта и познавательных средств.

Расширение метода в систему демонстрирует один из механизмов приращения предметного знания за счет ассимиляции предметно – концептуального содержания метода как представления о совокупности возможных связей и отношений познаваемого объекта со средствами исследования. Предметное знание в данном случае пополняется за счет операциональной заданности предмета исследования, селективно выделяемого таким путем в целостном объекте. Здесь предметное знание является результатом успешного выполнения нормативных предписаний, регламентирующих направленное взаимодействие познаваемого объекта со средствами исследования. Их интерактивной и разрешающей способностью определяются характеристики объекта, составляющие содержание предмета исследования. Известный афоризм «Каково

средство, таков и метод» можно продолжить в пояснение сказанного: «таков метод и предмет исследования».

Генезис новых форм креативного взаимодействия фундаментальных типов знания в условиях роста напряженности в сфере целеполагания и усиления прагматических требований к современной науке связан с нарастанием значимости рефлексивной составляющей как одной из наиболее важных тенденций названного взаимодействия. Обнадеживающий сценарий этой тенденции – интенсивное использование рефлексивного знания в разработках систем искусственного интеллекта. Меньше оснований для оптимизма в научных исследованиях, обслуживающих инновационную деятельность, хотя и здесь данная тенденция наблюдается достаточно отчетливо. Основные формы в которых она реализуется – рационализация целеполагания, телеологизированный проблемно-, предмето – и объектогенез, осуществляемые в русле междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, а также всех типов проектных разработок и, прежде всего, научных исследований, обслуживающих инновационную деятельность.

Литература

1. Кёттер, Р. К отношению технической и естественнонаучной рациональности // *Философия техники в ФРГ.* – М., 1989.
2. Васюков, В.Л. Интенциональность и искусственный интеллект // *Искусственный интеллект.* – 2008. – №1. – С. 103–112.
3. Алексеева, И.Ю. Искусственный интеллект и рефлексия над знаниями // *Философия науки и техники.* – 1991. – № 9. – С. 44–53.
4. Шрейдер, Ю.А. Искусственный интеллект, рефлексивные структуры и антропный принцип // *Вопросы философии.* – 1995. – № 7. – С. 163–167.
5. Редько, В.Г. Проблема происхождения интеллекта // *Вопросы философии.* – 2008. – № 12. – С. 76–83.
6. Васюков, В.Л. Стратегия интенционального искусственного интеллекта // *Актуальные проблемы современной когнитивной науки: мат-лы четвертой всероссийской научно-практ. конф. с междунар. участием, 20–21 октября 2011 года.* – Иваново, 2011. – С. 131–145.

МЕТАКВАНТОВАЯ ПАРАДИГМА ПОЗНАНИЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЯ СЛОЖНОСТРУКТУРИРОВАННЫХ СИСТЕМ: ЗАКОН РАЗВИТИЯ МЕРЫ КАК ЗАКОН СТЕПЕНЕЙ

Э.М. Сороко

Человек всегда, сколько существует история, стремился постичь единство окружающего мира. Каждой из стихий природы он придавал особую силу, видя в ней божественное начало. Со временем, по мере постижения мира, пантеон богов расширялся, и число таких начал росло. Созревала идея соединить их воедино, т.е., перейдя от политеизма к

монобожию: унифицировав многое, превратить его в единство. Впервые эту идею твердо проводил Сократ и вынужден был ценой собственной смерти убеждать других в своей правоте.

Но что же есть единое? Единое есть то, что состоит из двух противоположностей, – сказал Филон Александрийский, философ времен Иисуса Христа. А коль единое всеобще, то и раздвоенность его всеобща. Такими единствами исполнен универсум социума: Бог и дьявол, добро и зло, Дао и Дэ, Инь и Ян, безобразия и красота, порядок (гармония) и хаос (дисгармония) и т.п.

Впервые раздвоение единого в статусе принципа признал Платон (Эпиномис, 990с – 991а). В. Ленин, поддержав позицию Филона, нашел в «раздвоении единого и познании противоречивых частей его... суть диалектики», более того – «закон познания (и закон объективного мира)» [1, с. 316].

Именно таковым единое всегда отображалось в народных пословицах: «Нет худа без добра», «Кому война, а кому мать родна», «Ври-ври, да меру знай» и др., – и в воззрениях многих ученых-естествоиспытателей и философов: «Нет истинной красоты без некоторой доли странности», – считал Бюффон, автор впервые высказанной идеи о единстве растительного и животного мира.

Издревле, с античных времен, в мировоззрении и познании мира конкурировали две взаимодополнительные парадигмы – логико-аналитическая и вероятностная. Логика как последовательность необходимостей и стохастика (от греч. *stohastikos* – меткий стрелок) как совокупность параллельных событий. *Первая* ассоциируется с множеством собственных времен различных взаимосвязанных систем; *вторая* – с множеством параллельных рядов событий и тождественна пространству [2, с. 136]. *Первая* есть нечто центрированное – древо, растущее из одного корня; *вторая* – нечто распределенное, лес деревьев. *Первая*, доминируя более двух тысяч лет, фундировала предметные области знаний – науки, расклассифицированные по универсальной десятичной системе (УДК), которые зиждились на принципе Декарта: разбивай сложное на части и исследуй каждую по отдельности. Став на такой путь, она омертвила знание, что отмечал еще Гегель: «части лишь у трупа». *Вторая*, чтобы стать действенной, нуждалась в синтезе, в интеграции многого в единое. И хотя еще Кант говорил: анализ не дает знания, его дает синтез [3, с. 85], – эту мысль вполне постигли лишь в XX веке, провидчески связав с ней упрощение знания, не только альтернативное, но и дополнительное картезианскому методу. Так, В. Ленин призвал секретаря найти такой интегральный показатель (*index-number*) «для оценки состояния нашего народного хозяйства» [4, с. 122–123].

Детище XX века, квантовая теория, напрямую связала себя с этой второй парадигмой познания: известный физик К.Ф. Вейцеккер отметил: «Квантовая теория есть не что иное, как общая теория вероятностей» [5, с. 334].

Исходя из реалий сегодняшнего дня, и как бы подводя итог развитию квантовой идеи, следует отметить здесь очевидный прогресс. Начать следует с Гегеля, который, введя понятия «простого количественного кванта», узловой линии мер, скачков качества, признавался, что «развитие меры... есть один из самых трудных предметов исследования» [6, с. 422]. Далее идет уже эпоха классической квантовой механики. За нею – ее вербальные аналоги.

Попытки обобщения принципа квантования на самоорганизующиеся объекты макромира делались неоднократно. Дж.Г. Симпсон разработал теорию *квантовой эволюции* биосистем [7]; Б.Н. Пятницын термином «орг» назвал *единицу меры организации*; И.В. Круть идею «кванта организации» ввел в изъяснении уровней организации *геосистем* [8]. К.В. Судаков понятием «функционального кванта» расширил контекст теории функциональной системы П.К. Анохина (Последняя в интерпретации Анохина представляет собой такой типаж взаимоотношений избирательно вовлеченных компонентов, взаимодействие которых в сфокусированности на полезный результат принимает характер взаимосодействия). И даже приняв во внимание современную теорию «квантовой информации», заметим, что все опыты раскрытия принципа квантования в концептуалистике макромира не выходили за рамки сугубо методологических интенций и диффамаций либо речевой метафоры. Теоретическая же база *вневербального* поиска на данном поприще, сама идея квантования для неравновесных самоорганизующихся макропроцессов и макросистем остаются пока не разработанными. Подход, опирающийся на *обобщенные золотые сечения* (ОЗС), воедино связывающий организацию и дезорганизацию, хаос и порядок в строении и эволюции сложных систем, призван, если не устранить этот пробел, так открыть обнадеживающую перспективу и ряд инновационных методов.

В чем же состоит суть данной идеи?

Роль интегратора ансамбля вероятностей в классической квантовой теории играла интуитивно найденная, и потому долго не поддававшаяся логическому объяснению, волновая функция Шредингера, описывающая волну вероятности и являющаяся решением одноименного уравнения. Не случайно Ричард Фейнман в шестой лекции, из текстов которых составлена его книга, с иронией обронил: «...Я смело могу сказать, что квантовой механики никто не понимает» [9]. Но, как показали советские физики [10, с. 39–40], волна вероятности (и адекватная ей волна метрики), выражаемы волновым уравнением, которое и является составляющей волнового уравнения Шредингера. Волновое уравнение мы использовали при выводе инвариантов квантовой теории, аттракторов меры на узловой линии мер – *обобщенных золотых сечений* [11, с. 213–215]. К настоящему времени книга выдержала четыре издания [12].

В основе одного из логически независимых выводов, разнообразие которых, в сущности, велико, лежит обобщающая идея Эйнштейна: любое

из потенциально бесконечного множества раздвоенных единств, как бинарных оппозиций с измеримыми сторонами, представимо в виде струны: «Измерения материи суть не что иное, как разные типы дрожащей струны» [13, с. 26]. Используя модель струны, можно сказать, что природа «многомерно музыкальна». Понятно, что в этой множественно-струнной картине в каждой из бинарных оппозиций составляющие ее «агенты действия» – сами члены, или стороны отношения, не способны выражаться через что-то иное (ибо оно как таковое там отсутствует), кроме как лишь через свою противоположность. Поскольку в данном подходе к проблеме гармонизации сложных систем и обеспечения системного качества вещей, когда те обретают гармонию и меру, концептуальную роль играет оптимальное *распределение* (экономика, например, понимается как гармоничное распределение ограниченного ресурса), то в центре внимания находятся уже не идея и не материя, поделившие философский мир на материалистов и идеалистов (небезызвестные «линия Платона» и «линия Демокрита»), а факторы топологии и метрики (отсюда – «волны метрики»), *фактор когеренции начал*.

В итоге всеобщую методологическую значимость приобретает стоячая волна этой струны с ее узлами и пучностями. Узлы ее – это обобщенные золотые сечения, играющие роль инвариантов, аттракторов единой меры, к которой сходятся крайности, стороны оппозиции, которые, будучи измеримыми, сами по себе обладают каждая своей мерой. Теорема Лебега если на одном и том же множестве (здесь – в пространстве бинарной оппозиции) заданы две меры, то они кратны [14, с. 155]. Мерой количества информации, заключенной в некоем событии, как показал Р. Хартли [15], служит логарифм вероятности этого события, взятый с противоположным знаком: $-\log p$. Но мерой может быть также и логарифм невероятности этого события: $-\log (1-p)$. Из кратности этих мер $\log (1-p) = k \log p$ следует уравнение: $p^k + p - 1 = 0$. Его корни: 0,500; 0,618...; 0,682..., когда $k = 1, 2, 3, \dots$ и есть *узлы меры p – обобщенные золотые сечения*. Они играют фундаментальную роль в информационной картине мира, дополнительной к материальной картине (основа – материя) и духовной (основа – идея). Подразумевается не функциональная информация как сведения, передаваемые по каналам связи и управления, а структурная, или атрибутивная, – как ограниченное разнообразие, подлежащее гармонизации.

Между узлами меры расположены антиузлы, или «пучности» стоячей волны. Их генерирует то же уравнение при полуцелых $k = 3/2, 5/2, 7/2, \dots$: 0,570...; 0,654...; 0,705.... Таковы метчики фаз дисгармонии, динамического хаоса всех самоорганизующихся и эволюционирующих сложных систем. Их использование оказывается весьма продуктивным при исчислении информационной энтропии как интегральной меры и фиксатора квантовых состояний.

Почему допустимо использование названной интегральной меры в широком спектре специфик системной определенности мира? Ведь

энтропия, как известно, есть термодинамическая характеристика сугубо физического мира; здесь же речь идет о распространении ее «власти» и за его пределы.

Действительно, в общем смысле энтропия, как и термодинамический потенциал (свободная энергия Гиббса), зависит от температуры, давления и распределения составляющих систему структурных включений (конкрементов). При постоянстве первых двух, будучи исчисленными в относительной форме, структурные составляющие системы предстают в виде удельных весов, частот или вероятностей. Соответственно, энтропия становится выразителем количества информации, связанной в распределении компонентов системы. Нормированная на единицу, т.е. будучи отнесена к своему максимальному значению, она в данном случае принимает вид:

$$\bar{H} = -\frac{1}{\log n} \sum_{i=1}^n p_i \log p_i ,$$

где n – число компонентов системы. Будучи мерой хаоса, структурного разнообразия, максимум которого достигается при $\bar{H} = 1$ – в состоянии равновесия системы (т.е. при равенстве весов p_i ее структурных компонентов), она дополнительна к мере организации, порядка, единообразия R и удовлетворяет вместе с нею закону сохранения: $\bar{H} + R = 1$.

По теореме Пригожина, за пределами равновесия системы энтропия способна достигать минимума производства (приращения), а ее антипод R – максимума: $\frac{d}{dt}(\frac{1}{\bar{H}} \frac{d\bar{H}}{dt}) = 0$ и соответственно $\frac{d}{dt}(\frac{1}{R} \frac{dR}{dt}) = 0$. Согласно условию кратности относительных мер, $\frac{1}{R} \frac{dR}{dt} = k \frac{1}{\bar{H}} \frac{d\bar{H}}{dt}$, т.е. $R = \bar{H}^k$, что в сочетании с законом сохранения дает генератор узлов меры \bar{H} : $\bar{H}^k + \bar{H} - 1 = 0$. Это то же уравнение, что и выше, но уже для интегральной меры \bar{H} , как средней по статистическому ансамблю вероятностей, способной выражать и уровень внутрискрутурного разнообразия, и «градус» внутрисистемного хаоса. Согласно же принципу Циглера, за пределами равновесия системы производство энтропии в ней максимизируется. Аттракторами и репеллерами неравновесных состояний системы являются узлы и пучности (антиузлы) – метчики состояний, обретаемых любой из систем безотносительно к их масштабу и конкретной реальной специфике в процессе самоорганизации либо эволюции [16, с. 87–89], причем переход между такими состояниями квантован и фиксируется узлами меры \bar{H} .

Приложение

Инновационные методы гармонизации и проектирования сложных систем на основе квантовой парадигмы, закона узловой линии мер (ОЗС).

1. Метод моделирования с использованием ориентированных графов, их матриц и собственных значений при выявлении и установлении

эффективных режимов функциональных комплексов.

2. Метод обеспечения гармоничных, функционально устойчивых форм организации сложных систем (единство макро-, миди – и микровключений) на основе закона развития интегральной меры как закона степеней.

3. Метод индикации состояний сложных систем при использовании конструктивного действия динамического хаоса в активизации их функционирования (принцип встряхивания как воздействие хаосом, или «принцип Челомея») – смена одного состояния порядка другим.

4. Метод оценки достаточности числа взаимодействующих разномасштабных агентов в системах как синергетических ансамблей.

5. Метод диагностики качества нормы и патологии (острая, глубокая, преднорма) организма человека и некоторых других сложных самоорганизующихся «организмических систем» (Н. Рашевский).

6. Метод коррекции по стандартам естественной классификации существующих способов дифференциации подготавливаемого для лабораторного анализа физиологического материала (иммуноглобулины, глобулины, липиды и пр.), подразделения на страты, группы, и метод контроля адекватности таких способов.

7. Метод канонически репрезентативной градации фаз сукцессии в динамике экологических систем и индикации фаз утраты биологического разнообразия при их деградации.

8. Метод компаративного отбора наиболее эффективных терапевтических схем при лечении человека и животных безотносительно к специфике нозологических форм.

9. Метод тонкой диагностики границ нормы-патологии организмов животных и человека по структуре белой крови; критерий различения острой и глубокой патологии.

10. Метод коррекции мировоззрения на основе развития диалектики в триалектику и тетраонтологию: основы миропонимания непосредственно в триадном базисе «материя-сознания-информация» и с превращением его в тетраду через введение элемента «мера».

11. Метод освоения базиса атрибутов интеллекта как конфигураторов образовательного пространства; Абраксас, квадрига Аполлона: символ и смысл.

12. Метод определения и концептуального обеспечения качественного состояния экономики как оптимального распределения ресурса.

13. Метод определения функциональной эффективности систем-триад (типа «Центр – Технолог – Исполнитель») на основе закона структурной гармонии систем и его инвариантов.

14. Метод оценки вероятности коллапса больших систем как локальных универсумов – возбудителей *масштабового* (не путать с *масштабным*. – Э.С.) резонанса; метод коррекции неудачного административного деления страны на регионы, административные

подразделения (Теорема Фишера о неэффективности больших систем).

15. Метод выявления «окон» (свободных структурных мест, недостающих звеньев) в эко-, техноценозах на основе морфологического ящика Цвикки.

16. Метод скользящего окна (звездное небо, роса на паутине, территория с городскими агломерациями и пр.). Метод отслеживания эволюции страны или региона на шкале зрелости по распределению объемов поселений.

17. Метод стратегической оценки развития общества и его экономики на основе социокультурной эволюции субъект-объектного отношения и качества адекватных ему эпистем (исторический срез).

18. Метод установления границ биотопа в связи с исчислением меры структурного разнообразия населяющих его биоценозов и интенсивности протекающих в них обменных процессов.

19. Метод установления жизнестойкости растений и животных, возможности их селекции и репродукции на основе интегральной меры – характеристики их текущих состояний.

20. Метод установления квот между субъектами хозяйствования – владельцами общественной собственности, подлежащей разгосударствлению.

21. Метод управления качеством эксперимента в производстве систем сложных по структурному составу (композитов).

22. Образовательное пространство в XXI веке: пути и методы содержательного наполнения, феноменологической (когнитивной) полноты, коррекции в сторону соответствия времени, в русле требований трансдисциплинарных принципов и императивов.

23. Экспресс-метод оценки качества (степени экологической непригодности) среды путем биоиндикации населяющих ее организмов по критерию отклонения от нормы их физиологических показателей.

24. Метод определения качества экологической среды по характеру и состоянию кладки яиц у обитающих в ней птиц.

25. Метод оценки состояния биологических сообществ (биоценозов) в аспекте индикации нормы или отклонений от нее по характеру распределения их образующих видов.

26. Пути и методы осмысления языка символов в условиях самодовлеющей экспансии детерминизма, рационализма и картезианского аналитизма.

27. Метод выявления в пространстве ценозов природы и общества (био-, техно-, лингво-, социо-) типов их n -мерной организации как канонических аттракторов, дифференцированных по степеням меры состояний их эволюционной зрелости и структурно-функциональной целостности.

28. Метод установления полноты и адекватности отображения конкретного объекта по множеству отношений: идея контроллера для исключения «эффекта кривого зеркала» и соответственно утраты

истинности выводов.

29. Метод структурной гармонизации систем на основе активизации «эффекта мелочей». Катализирующее и ферментирующее влияние малых факторов и методы его измерения: роль доминант и структурных мест-вакансий («меронов» – «мнимых», виртуальных структурных ячеек и элементов).

30. Метод минимизации издержек и сохранения ресурсов – экономии непроизводительных затрат – как основной в обеспечении эффективности функционирования экономики при максимуме эффекта на основе энтропийно-информационного критерия.

31. Метод использования энтропийного критерия в диагностике состояний разного рода самоорганизующихся и эволюционирующих систем, включая создаваемые человеком сложные системы, как новое средство технологических инноваций современной постклассической науки и культуры.

32. Методы гармонизации внутрисистемного пространства на основе оптимальных соединений фракций и компонентов как путь обеспечения качества сложносоставного целого – составов и смесей («микстов») в современной технологической культуре; основания оптимальной миксеологии.

33. Метод повышения качества продукции при производстве тканей – через гармонизацию состава их разнородных компонентов.

34. Метод «окачества» структурно сложного продукта промышленного производства как «микста»: табачные изделия, вина, колбасные изделия, детское питание, парфюмерная продукция и медпрепараты, другие композиты – взрывчатка и зажигательная спичечная масса, стекла и керамики, бетоны и асфальты, бумага и пластмассы, ситаллы и сплавы, мазутные эмульсии для ТЭЦ и топлива для двигателей внутреннего сгорания и т.д.

35. Метод установления естественной классификации по данным компонентного состава материала, распределенного по стратам.

36. Метод проектирования и застройки (в долговременной перспективе) мегаполисов: закон тяготения и методы коррекции объемов поселений (городов-спутников), расстояний до мегаполиса, путей сообщений и пр.

37. Метод формирования научных центров, институтов, лабораторий по критерию: «Гармоничное распределение кадрового состава».

38. Метод экспертной оценки состояния неравновесной устойчивости мирового сообщества по его потенциалу на основе теоремы Маршалла Холла о множествах: банки, биржи, запасы золотовалютных резервов, распределения производств, экономических потенциалов государств и др.

39. Метод формирования национального парламента: порочность (неадекватность) традиционного пятипроцентного барьера и оживляющее действие депутатов-одиночек («Мне один дороже тысячи» – Гераклит).

40. Метод гармонизации дизайна садово-огородных участков по совокупности различных признаков и отношений – по высоте, кустистости культур, по занятой ими площади, по «полезности и красоте».

41. Метод оценки флористического разнообразия экологических сообществ.

42. *Методы оптимизации экономики села*: Метод гармонизации посевных площадей в одном отдельно взятом хозяйстве (районе, регионе); метод гармонизации энергетических мощностей хозяйства; метод компаративного анализа при контроле за выращиванием молодняка телят в летних домиках и без них; метод контроля за эффективностью скрещивания зоо-, фитокультур; метод определения пропорций семян для смешанных посевов с / х культур; метод установления критерия нормы и отклонений от нее при выявлении соотношения оплодотворенных и неоплодотворенных животных крупного рогатого скота; метод оценки эффективности различных схем ветеринарной помощи при тех или иных пандемиях, эпизоотиях животных; метод структурной оптимизации засеваемых площадей; метод гармонизации энергетических мощностей в границах отдельных хозяйств; метод установления наиболее оптимального соотношения калийных, фосфорных и азотных удобрений; метод проверки молока на разбавленность водой по соотношению его фракций: сметана, творог, сыворотка; метод создания нормативов установления оптимального процента жирности сливочного масла для реализации его населению и др.

43. Метод определения объема выборки при ускоренном производстве анализов – индивидуальных и групповых – в критических условиях (длительность их производства, высокая стоимость, дефицит времени как особо существенные факторы в эпидемиологической обстановке).

44. Методы формирования оптимального разнообразия как основы структурной гармонии при создании сложных систем и как важнейшего показателя обеспечения системного качества адекватного целевой ориентации, функционирования и жизнедеятельности социальных организаций.

45. Метод установления эффективного распределения профильных торговых точек и специфических производств в едином их комплексе (книжные магазины, библиотеки, биржи, банки, производственные объединения, свинофермы и свинокомплексы и др.).

46. Метод выявления, в процессах эволюции самоорганизующихся сложных систем как ограниченных временными рамками организмов, критических фаз и хронозон, благоприятных для развития, совершенствования организации и продуцирования имманентного им субстрата.

47. Методы использования понятий ведущего центра, аттрактора, параметра порядка в реорганизации основ проективного творчества.

48. Метод построения новой модели эволюции распределенных

систем к их качественно новым фазам как эволюционно зрелым состояниям – через использование методологии смены во времени структурной доминанты.

49. Метод контроля за правильным распределением основных источников бюджетных поступлений государства и за пропорцией доходов населения.

50. Метод беззатратного обеспечения и совершенствования качества производственной организации и ее функционирования.

51. Метод гармонизации распределения источников доходов населения в современных условиях становления отношений общества креативной индустрии.

52. Метод регуляции банковского процента, учетных ставок в зависимости от состояния экономики и наличествующих в ней инфляционных «вериг».

53. Метод гармонизации состава разномасштабных отраслей экономики, среди которых есть доминанта и ферментирующий внутренние процессы «хвост», когда ее суть трактуется как оптимальное распределение ресурса.

54. Метод применения ориентированных графов для канонизации оптимальных (по критерию максимума прибыли) функциональных схем производственных цепей в рамках экспортоцентрированных отраслей экономики.

55. Метод создания эффективных производств-комплексов по номенклатуре и объему продукции (гиганты дополнять мелкими производителями продукции, образуя оптимальное масштабное разнообразие как основу версификации производства и придания ему характера организма).

56. Метод гармонизации модной одежды для женщин: нечто выдающееся, привлекающее внимание, дополняемое «мелочами»; то же при формировании газетных полос, номеров литературного журнала.

57. Метод установления семантического ядра (центра) художественных произведений литературы и искусства.

58. Метод прогностического зондажа будущего под эгидой идеи Ницше «будущее времени настоящее» («прожектор Лобачевского», реперная точка).

59. Метод гармоничного проектировании структуры сложных систем с использованием критерия обобщенных золотых сечений.

60. Метод адаптации античной философской *tetrad*-методологии и схемы 3+1 (К.Г. Юнг) к развитию новых идей о пространстве структур бытия.

Литература

1. Ленин, В.И. К вопросу о диалектике // Полн. собр. соч.: В 55 т. – Т. 29.

2. Александров, А.Д. О философском содержании теории относительности / А.Д. Александров // Эйнштейн и философские проблемы физики XX века. – М., 1979.
3. Кант, И. Критика чистого разума. – М., 1993.
4. Ленин В.И. Письмо П.И. Попову и поручение секретарю // Полн. собр. соч.: В 55 т. – Т. 53.
5. Weizsacker, C.F. Probability and Quantum Mechanics // The British Journal for the Philosophy of Sciences. – 1973. – Vol. 24. – № 4.
6. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. – Т. 1. – М., 1970.
7. Симпсон, Дж.Г. Темпы и формы эволюции. – М., 1948.
8. Круть, И.В. Введение в общую теорию Земли: Уровни организации геосистем / послесл. Б.С. Соколова, С.В. Мейена. – М., 1978.
9. Фейнман Р. Характер физических законов / Р. Фейнман. – М., 1987.
10. Соколов А.А. Квантовая механика и атомная физика / А.А. Соколов, И.М. Тернов. – М., 1970.
11. Сороко Э.М. Структурная гармония систем / Э.М. Сороко. – Минск, 1984.
12. Сороко Э.М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем. Введение в общую теорию гармонии систем / Э.М. Сороко. – 4-е изд. – М., 2012.
13. Kaku M. Dalej niz Einstein / M. Kaku., J. Trainer: Przelozyla K. Lipszyc. – PIW, 1993.
14. Лебег А. Об измерении величин / А. Лебег. 2-е изд. – М., 1960.
15. Хартли Р.В.Л (Hartley R.V.L.). Передача информации. 1928 / Р.В.Л. Хартли // Теория информации и ее приложения; пер. с англ.; под ред. А.А. Харкевича. – М., 1959.
16. Сороко Э.М. Процессы самоорганизации систем: противоречат ли друг другу принципы Пригожина и Циглера / Э.М. Сороко // Великие преобразователи естествознания: Мария Складовская-Кюри: Материалы XXIII Междунар. чтений. – Минск, 2011.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

К.К. Колин, А.Д. Урсул

«Информационный поворот» в современной философии и актуальные задачи изучения проблем философской и социальной антропологии. В последние годы мир стремительно изменяется. При этом наиболее радикальные изменения происходят в информационной сфере общества. Развитие и широкое распространение новых средств информатики и информационных технологий изменяет весь образ жизни современного человека, его ценности, идеалы, перспективы, виды деятельности, представления о качестве жизни, пространстве и времени.

Все это свидетельствует о том, что наступил период времени, когда происходит переход цивилизации от вещественно-энергетической

парадигмы своего развития к новой, информационно-энергетической парадигме, которая, весьма вероятно, и будет доминировать в течение всего XXI-го века.

Задача современной науки состоит в том, чтобы осмыслить происходящие перемены, прежде всего, в философском плане. И это сегодня уже происходит. Свидетельством здесь является увеличение количества публикаций, в которых исследуются различные философские аспекты проявления феномена информации в развитии природы, человека и общества [1–5]. Можно утверждать, что сегодня происходит своего рода «информационный поворот» в философии науки, который наиболее заметно проявляет себя в изучении актуальных проблем развития человека и общества.

Причины этого явления вполне понятны. Ведь именно информационные свойства и качества человека в условиях становления глобального информационного общества становятся наиболее важными. Именно они будут определять успешность социализации личности в новой информационной среде обитания, которая имеет свою специфику и создает для человека не только новые возможности, но и новые достаточно серьезные проблемы. Поэтому в последние годы в нашу жизнь все более широко входят такие новые понятия, как «информационная культура», «информационное неравенство», «информационная бедность», «информационная безопасность».

Информационная культурология. В работах [3,4] показано, что для получения адекватных представлений о структуре и содержании актуальных проблем становления глобального информационного общества, необходимо систематизировать исследования в области развития информационной культуры и сформировать для этих целей новое научное направление – *информационную культурологию*, изучающую феномен культуры и развитие информационной культуры общества на основе концепции информации и информационного подхода.

Основным объектом исследований информационной культурологии в этой работе предлагается видеть не только саму культуру как информационный феномен, но и ту ее часть, которую можно именовать *информационной культурой*, т.е. всю совокупность тех информационных проявлений в сфере культуры, которые связаны с результатами деятельностью человека и развитием процесса информатизации общества, а также с усилением роли информации в развитии цивилизации.

Предметом исследований этой новой дисциплины должны стать закономерности проявления и реализации информационных процессов в сфере культуры, а также методы, средства, виды и результаты деятельности человека в области информационной культуры, связанные с использованием средств и методов информатики, информационных и коммуникационных технологий.

В качестве основных направлений исследований в области информационной культурологии в работе [3] определены следующие:

1. Философские основы информационной культурологии.
2. Изучение новых информационных качеств личности, корпоративных и социальных структур, а также общества в целом, формируемых в результате развития процесса информатизации общества.
3. Изучение предметов новой информационной культуры – материальных, духовных и художественных. Это могут быть электронные книги, электронные библиотеки, архивы, музеи и картинные галереи, произведения новой экранной культуры.
4. Изучение новых видов, способов и технологий деятельности человека в области информационной культуры, а также новых информационных технологий, которые создаются и используются в сфере культуры.
5. Изучение культурологических аспектов развития новых видов, форм и технологий информационных коммуникаций в обществе.

*Информационная антропология – новая концепция познания природы человека с позиций информационного подхода. Уже в самом начале XXI-го века человек оказался в принципиально новой для него среде жизнедеятельности, адаптация к которой приводит к существенной трансформации самого человека, его психологических, социальных, информационных и даже физиологических свойств и качеств. Эта ситуация является беспрецедентной в истории эволюции человека, и поэтому она, безусловно, заслуживает и философского осмысления, и систематизированного научного исследования. К сожалению, в настоящее время такие исследования на необходимом уровне еще не развернуты. Анализ отдельных немногочисленных публикаций в этой области, проведенный в работе [5], показал, что системный подход в них отсутствует, а рассматриваемые вопросы являются фрагментарными и не дают целостного представления о содержании этой важной, актуальной и комплексной проблемы. Нам представляется, что для ее изучения должно быть сформировано новое научное направление – *информационная антропология*.*

Информационная антропология представляет собой новое перспективное направление междисциплинарных исследований, связанных с изучением информационных качеств и способностей человека по восприятию, хранению и обработке информации, а также тех новых тенденций, которые обусловлены положением человека в глобальном информационном обществе. Ядром этих исследований должна стать философская и социально-культурологическая проблема становления личности нового типа – Информационного человека (*Homo Informaticus*).

В состав этого направления должны войти также исследования проблемы изменений психологической и физиологической природы самого человека, которые связаны с изменениями в организации деятельности его головного мозга под массирующим воздействием потоков информации, а также с встраиванием в его тело различного рода

информационных устройств, создаваемых на основе достижений в области микроинформатики и нанотехнологий. Такие изменения происходят уже сегодня, и поэтому в дальнейшем человечеству угрожают опасности психологического разделения и биологического вырождения [6]. Возможно, что в результате этого будет сформирована принципиально новая, «электронная цивилизация», которая по существу будет представлять собой цивилизацию, существенно отличающуюся от современной.

Формирование и развитие информационной антропологии представляет собой достаточно сложную комплексную проблему. Для своего изучения она требует привлечения специалистов в области философии, культурологии, психологии, социологии, физиологии и информатики, т.е. является междисциплинарной проблемой по самой своей сути.

Литература

1. Гуревич, И.М., Урсул А.Д. Информация – всеобщее свойство материи: Характеристики, оценки, ограничения, следствия. – М., 2012.
2. Колин, К.К. Философские проблемы информатики. – М., 2010.
3. Урсул, А.Д. Культура, информация, эволюция. //Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, № 4(24), 2010. – С. 31–35.
4. Колин, К.К., Урсул А.Д. Информационная культурология: предмет и задачи нового научного направления. – Saarbrucken, Germany, 2011.
5. Колин, К.К. Информационная антропология: предмет и задачи нового направления в науке и образовании. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, № 17), 2011. – С. 17–32.
6. Колин, К.К. Информационная антропология: «поколение Next» и угроза психологического расслоения человечества в информационном обществе // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств, 2011. – Том 28, № 4. – С. 32–36.

О КЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ И ЕЕ ВЛИЯНИИ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ПРАКТИКУ

Ф.С. Приходько

Одной из причин затруднений в обществоведении явилось долговременное господство в научном сообществе классической научной парадигмы, которая сформировалась еще в XVII - XVIII вв., но до сих пор владеет умами многих ученых-обществоведов. Среди ее элементов и базовых теоретических положений, оказавших наибольшее влияние на социальную практику, можно выделить такие, как мелиоризм; убежденность в том, что возможно создать новую социальную реальность по заранее сконструированной модели; редукционизм; вера в полное познание мира и возможность объективного описания и объяснения его

посредством раз и навсегда установленных универсальных законов; видение окружающей действительности как поля деятельности универсальных причинно-следственных (каузальных) связей; бескомпромиссность (безальтернативность) конкурирующих теорий и концепций и др. О некоторых более подробно.

Важным элементом классической научной парадигмы, во многом обусловившим кризис теоретико-методологических основ гуманитарных наук, подорвавшим к ним доверие, стал мелиоризм. Идея всеобщего прогресса пронизывает как формационный, так и цивилизационный подходы. Она превратилась в мощную идеологию, овладев не только научными кругами, но и массовым сознанием. Эта идея явилась методологическим ключом, с помощью которого все страны стали делиться на «центр» и «периферию», «развитые» или «неразвитые», «передовые» или «отсталые».... Отсюда, «неразвитые», «отсталые» следует подтягивать до уровня «развитых», даже заставить всеми возможными способами жить «цивилизованно». В конечном итоге она стала идеологией порабощения, легитимирующей жестокость во имя «светлого» будущего. С точки зрения критиков, слабым звеном концепции прогресса является и то, что она, идеализируя будущее, недооценивает прошлое, видя в нём преимущественно недостатки и заблуждения. Независимо от желания ее сторонников она разъединяет поколения, противопоставляет их. Вера в то, что будущее заведомо лучше настоящего, которое в свою очередь более приемлемо и привлекательно, чем прошлое, приводит к тому, что каждое новое поколение смотрит на ранее жившее свысока, считает себя умнее, совершеннее предыдущих уже потому, что родилось в более позднее, а, следовательно, по теории прогресса, в более интересное перспективное время. Тоталитаризм, Первая и Вторая мировые войны, появление ядерного оружия, опасность глобальной экологической катастрофы, терроризм – в огромной степени это следствие слепой веры в прогресс и в могущество человеческого разума.

Одним из элементов классической научной парадигмы, также в немалой степени дискредитировавшим отечественное обществоведение, явилась убежденность в том, что возможно создать новую социальную реальность по заранее сконструированной модели. Долгие десятилетия на одной шестой части мира «материалисты-идеалисты» пытались построить новое общество по предварительно составленным чертежам и схемам. Заранее задавались его количественные и качественные параметры: тонны, кубометры, рубли. Одни общественные и политические силы, например, рабочий класс, КПСС, формы собственности (государственная) объявлялись прогрессивными, ведущими, другим – крестьянству, интеллигенции, частной и коллективной формам собственности – отводилась роль не вполне зрелых, ведомых. На практике же оказалось, что создать общество по заранее созданной модели так же невозможно, как и сконструировать вечный двигатель. Так называемые «развитые страны» никогда не ставили перед собой цели стать именно и в точности такими,

какими они являются сегодня. Их нынешнее состояние – итог сложной и длительной естественно-исторической эволюции, но никак не воплощение каких бы то ни было проектов общества, хотя предложено их было множество. Это и концепции Платона, социалистов-утопистов и многих других. Наибольшее воплощение она получила в Программе построения коммунизма. Будущее общество нельзя рассчитать как некую конструкцию. Общественные явления характеризуются динамизмом, изменчивостью, часто непредсказуемостью, случайностью, что крайне затрудняет их анализ в рамках строго детерминированных причинно-следственных связей. Как указывал еще Гегель, результаты деятельности людей никогда точно не соответствуют поставленным ими целям.

В целом любая теория, рассматривающая действительность под каким-то одним углом зрения, неизбежно абстрагируется от иных ее измерений, желая того или нет, формализует и схематизирует многомерный мир, сводит новое и неизвестное к старому известному, сложное к более простому, доступному для понимания. Поэтому возможность познания окружающего мира во всех его количественных и качественных проявлениях ограничена во всякой отдельно взятой системе теоретического истолкования определенными пределами. Классическая научная парадигма – это особый стиль научного мышления, специфическое видение перспектив социально-исторической эволюции и деятельности.

В обществоведении начало формироваться представление, имеющее важное методологическое значение, что нельзя дать исчерпывающее теоретическое объяснение действительности в рамках одной теории и в рамках одного научного подхода – будь это формационный, цивилизационный или какой-либо другой метод изображения социально-исторического процесса и анализа актуальной реальности.

Более адекватной, объективной, универсальной моделью является формирующаяся ныне концепция многовекторности и многофакторности цивилизационного развития, которая, видимо, не является идеальной и единственно возможной, но позволяет более гибко, всесторонне, многообразно понять ход исторического развития, сложные межцивилизационные отношения, учесть прошлый опыт и глубже понять коллизии сегодняшнего дня.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.П. Мамыкин

1. Возрастание в последнее десятилетие количества, сложности и разнообразия теоретических и практических проблем в различных сферах общественной жизни, требующее рафинированного методологического

инструментария, не обесценило значения хорошо известных и внешне непритязательных категорий. Так, например, категория формы позволяет существенно прояснить важные аспекты организации научных исследований и, в частности, дисциплинарное строение науки, в чем заинтересованы философия и методология науки, а также науковедение, креатология, социология, библиотековедение и другие общие и частные науки. В данном сообщении обсуждаются особенности процесса формирования новых научных направлений в русле концепции морфогенеза.

2. Ключевая роль в концепции морфогенеза придается форме, закрепляющей изменения, произошедшие в явлениях и оказывающей упорядочивающее воздействие на их дальнейшее развитие. Такой подход принес значительные результаты при исследовании не только различных сфер действительности, но и самого познания. Однако, потенциал категории «форма» используется еще недостаточно полно: речь идет преимущественно о развитии науки и реже о целенаправленных действиях по ее созданию; исследуется чаще сравнительно некрупные подсистемы или фрагменты научного знания. Специфические особенности научного познания пока еще раскрыты недостаточно подробно. В этом плане характерны сопоставления природных и познавательных процессов, вообще говоря, нерешенные дидактические ценности (дифференциация наук наподобие разветвления реки на притоки, «естественный отбор» гипотез и т.п.). И все же подобными аналогиями не следует ограничиваться. Не менее важно выяснить многогранную роль форм в познании и деятельности, включая их создание и освоение.

3. Исходя из общих представлений о форме, в первом приближении можно выделить два основных способа формообразования в науке. В первом случае новые науки (научные направления, дисциплины, учения, теории, концепции и пр.) возникают преимущественно в лоне вненаучного (в своей основе обыденного) познания, в дальнейшем обособляясь от него. Таков в принципе начальный период развития экономической, агрономической, педагогической науки. В ходе такого познания устанавливается ряд фактов, а также делаются обобщения на основе здравого смысла, не теряющие своей ценности и в дальнейшем. Однако, такой путь развития медлителен, и в науке надолго сохраняются рудименты обыденного познания. Здравый смысл, участвующий в ходе эволюционного развития науки, создает серьезные трудности при переходе к принципиально новым проблемам и поиске методов их решения.

Пока еще менее распространены, но допустимы противоположные ситуации, предусматривающие опережение предметного содержания формой. Такой путь более рискован, но зачастую позволяет осуществить резкий прорыв в познании, стимулируя его дальнейшее развитие. Его применение порой облегчается использованием готовых образцов, найденных в других областях науки. По сути такой подход был использован О.Контом при обосновании им предметного поля социологии.

В общепhilosophическом плане этот подход оправдывается общими соображениями об активности и относительной самостоятельности формы в развитии.

4. В отмеченных выше подходах своеобразно проявляется прерывности и непрерывность в развитии научного знания. Выбор наиболее приемлемого направления поиска, их органическое сочетание – далеко не тривиальная задача. Положение еще более осложняется необходимостью одновременного преобразования ряда научных направлений, влиянием вненаучного познания и пр.

5. Все, что способствует прогрессу познания в целом, может быть так или иначе использовано при поиске принципиально нового пути в развитии науки. Важная роль в этом процессе принадлежит методам и формам научного познания. Будучи, «по определению», формами организации познавательной деятельности, они вместе с тем используются при разработке и освоении различных, в том числе и весьма сложных форм организации науки. Следует при этом отличать действительное применение определенных методов от последующего подведения итогов исследования под удобную схему. Роль гипотетико-дедуктивного метода и исторического метода не нуждается в доказательствах. Применение методов познания, однако, осложняется трудной обзримостью и массивностью систем и подсистем научного знания. Отсюда многошаговость поиска, вероятностный характер выводов. Создание науки в готовом виде, «от нуля» невозможно, да этого и не требуется. Чаще формулируются отдельные компоненты, выступающие «точками роста» (ключевое понятие, принцип, идея и т.д.), а в дальнейшем научное знание восполняется до целостной системы. Этот поиск не только допускает, но и предполагает интуицию ввиду неполноты и неточности как предпосылочного, так и выводного знания. Неустраним из познания спорный по самой своей сути способ (все-таки это не метод) проб и ошибок. При этом применяются укрупненные пробы, в роли которых выступают идеи, программы, подходы, концепции и пр. Этот способ тесно переплетается с рядом известных методов, частично включая их в себя. Так, синтез не ведет в подобных ситуациях лишь к восстановлению ранее известного объекта, но в результате отбора многочисленных вариантов отыскивается наиболее подходящий вариант синтеза. Сходным образом подбираются аналогии и т.п.

6. Следует особо подчеркнуть познавательную роль классификации. «Уплотняя» и уточняя информацию, классификация позволяет представить проблемное поле в удобном для обозрения виде, намечая дальнейшее направление поиска. Это нередко оказывается небезынтересным не только для той конкретной науки, для потребностей которой она была первоначально разработана, но и для других наук. Так, значение периодической системы элементов Менделеева вышло за пределы химической науки, побуждая к многочисленным подражаниям.

Важность классификации в рассматриваемом плане заключается и в

том, что она позволяет в сжатом виде представить картину науки в целом. При этом «пробелы», неопределенное место отдельных наук в общей системе можно рассматривать как резерв познания. Некогда популярные линейные классификации наук в настоящее время по сути исчерпали себя. Более пригодны многоаспектные классификации (типа «матриц открытия»).

7. В качестве удобного приема прогнозирования новообразований все более широкое применение находит эвристический метод комбинирования, применяемый как самостоятельно, так и в качестве подсобного приема классификации. Образование «гибридных» научных направлений приобрело большую популярность, и, не ограничиваясь попарным пересечением предметных полей как ближних, так и отдаленных фундаментальных наук (биохимия, геохимия, бионика и пр.) ученые предлагают еще более сложные образования из трех компонентов (физико-химическая механика), и вряд ли это предел.

8. Заслуживает дальнейшего исследования подход, который можно условно назвать использованием «субститутгов» (заместителей). Отдельные компоненты знания в момент оформления науки зачастую отсутствуют, и тогда временно применяются действительные компоненты из других сфер познания. Роль знаков, схем, гипотез и моделей в этом плане общеизвестна. Но, как показал пример основоположника социологии О.Конта, и недостаток фактов не является непреодолимой преградой для создания новой науки. Они заимствуются из других наук, а в дальнейшем их дефицит компенсируется тем или иным способом.

9. Форма организации научного познания является лишь одной из предпосылок создания и реформирования новых научных направлений. Необходимы специальные институты, система мотивации научных работников и т.д. Но анализ форм познания выявляет принципиальные возможности научного прогресса, которыми не следует пренебрегать.

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ФИЛОСОФСКОГО ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ

О.А. Дольская

Современная наука и образование все чаще обращаются к трансдисциплинарности. Необходимость такого направления в науке и образовании дает возможность при сохранении традиционного взгляда на мир увидеть его в новых измерениях, подходах, ракурсах. Рефлексия трансцендентальности формируется на основе науки и философии, а ее осознание и оценка возможны только в контексте философской традиции.

М. Гиббон указывает на возникновение в XX в. нового режима производства знания в отличие от первого, характерного для

дисциплинарно организованной науки [1, p. 74]. Причины связаны с изменениями, имеющими место в современном обществе. Профессиональная подготовка и компетенция, которые раньше были доступны немногим, сегодня становятся основной характеристикой социума, а количество людей, обладающих высшим образованием, с каждым годом увеличивается. Общество трансформируется в «общество знания», в котором меняется отношение к науке и технике, а осмысление результатов научно-технического прогресса ведет к активизации общественных движений и трансформации общественного сознания.

Трансдисциплинарность появляется как ответ на «вызов» жизненно-практической сферы. Рассматривая ее как один из принципов организации режима получения знания, необходимо подчеркнуть такие составляющие в ее характеристике, как гносеологическую и экзистенциальную. Столкновение истины с правдой или благом генерирует поиск оснований и обоснованности нового вида знаний. Это становится актуальным тогда, когда множество разрозненных дисциплинарных подходов и знаний испытывают на себе груз экзистенциальных, экологических, этических, биоэтических, биоинженерных, нанотехнологических и др. проблем. Такая ситуация приводит к недостаточности знаний, которые традиционно называются фундаментальными. Новый вид знания обращает свое внимание на необходимость введение в состав фундаментальности такой компонент как экзистенциальный, позволяющий подчеркнуть жизненную необходимость ответственности, морального поступка, обращение к деятельности.

Трансдисциплинарное знание сочетает в себе принцип всеобщности знания и принцип его общезначимости. Всеобщее знание – философское – дает возможность опираться на традиционное понимание объективной истины, универсальности смысла и идеальности целерациональной деятельности человека. Социальная конвенция впервые обращает внимание на повседневность жизненного мира, что активизирует значение совместного действия. Синтез способов взаимодействия разных дисциплинарных подходов с проблемами, имеющими экзистенциально ориентированный характер их решения, отражается на самоидентификации трансдисциплинарности. Таким образом, решения, ответы приобретают общезначимый трансдисциплинарный характер.

Если раньше философское понимание знания претендовало на связанное понимание мира, на его единство, осознание которого возможно только с позиции философии, то сегодня мы становимся свидетелями формирования не только нового знания, но и его оценки не только со стороны философии и науки. Структуры жизненного мира, представленные разными социальными конвенциями, сами претендуют на осознание единства мира, выдвигая требования связности жизненного опыта и научного знания. Именно поэтому работа экспертов не просто получает профессиональную оценку, но и оценку нравственного характера со стороны общественности. Позиция синтеза всеобщего и общезначимого

знания приводит к фиксации и дифференциации причинно-обусловленного и действенно-практического знания.

Современное научное познание в своей онтологической версии дает возможность рассматривать познающего субъекта с двух позиций: объективистской классической научного познания и субъективной объективности неклассического научного познания. При этом можно говорить о двух видах опыта: трансцендентного и повседневного [2, с. 26]. Рассуждения о взаимодействии двух типов знания нельзя рассматривать вне эпистемологической проблематики научного знания, а именно – проблемы рациональности.

К истинному пониманию можно прийти, применяя точный, логически замкнутый язык, имеющий строгую формализацию, что позволяет выйти на возможность строгого доказательства. Это тезис классической научной рациональности. Но в XX в. К. Ясперс оценил коммуникативную рациональность как обладающую гносеологическими характеристиками, а М.М. Бахтин диалог возвел в ранг гносеологической категории. Коммуникативная рациональность позволяет использовать разные формы описания, опираясь на принцип дополненности Н. Бора. Язык такого описания может и должен отличаться от строго формализованного языка научной рациональности. Парадоксальным является то, что образы, зафиксированные неформализованным языком и формализованным, не исключают друг друга, а, наоборот, дополняют. Проблема неполноты знания нуждается в новых механизмах, фундамирующих новую технику мышления. Бесспорно, трансдисциплинарное знание в будущем расширит и возможности человеческого организма и интеллекта. Другими словам, складываются условия для формирования нового типа рациональности – рациональности трансдисциплинарного знания.

Литература

1. Gibbons, M. The new production of knowledge: the dynamics of science and research in contemporary societies / M. Gibbons, C. Limoges, H. Nowotny, S. Schwartzman, P. Scott, M. Trow. – London, 2008.
2. Киященко, Л.П. Философия трансдисциплинарности / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев. – М., 2009.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Ю.В. Каркин

Философия занимает важное место в ряду различных форм культуры, к числу которых относятся искусство, религия, право, наука и др. Очевидно также, что философия в первую очередь связана с той частью культуры, которую принято характеризовать как гуманитарную.

Последняя ставит в центр своего внимания человека и особенности его бытия. Философия отвечает определённой потребности человеческого духа.

Философия возникла в VII–VI вв. до н.э. в Средиземноморском регионе, точнее, в Древней Греции и на сопредельных территориях. Мировоззренческие системы, выработанные в Древнем Египте, Вавилонии, Индии и Китае, нельзя безоговорочно отнести к философским. Чаще всего эти системы называют предфилософией, поскольку в них доминировали мифологические и религиозные представления и, соответственно, способ философствования базировался не на рациональных (в частности, логических) приемах рассуждения, а на аналогиях и метафорах преимущественно антропоморфного характера. В древнегреческой философии сохранялись остатки прежнего способа мышления, однако доминировали приемы, основанные на логических правилах и принципах рационального, в том числе научного, мышления.

Какие процессы и явления общественной жизни способствовали возникновению нового типа мировоззрения, основанного не на эмоциях, фантазии и обыденном опыте, а на интеллектуальных способностях человека и продуктах его разумной деятельности? Почему оказались недостаточными в мировоззренческом плане мифология и религия еще в то далекое время, хотя и поныне не только религия, но и мифология не утратили своей социальной значимости? Одной из основных причин интеллектуального характера, стимулирующей зарождение философии, было сомнение в мировоззренческой состоятельности и практической достаточности мифологических представлений и норм обыденного сознания.

Первостепенное значение имело установление демократического социального строя, предполагавшего участие в общественных делах, в решении политических хозяйственных вопросов основной массы свободного населения. Процедура принятия важных решений путем коллективного обсуждения требовала от ее участников умения вырабатывать индивидуальную позицию и аргументировать ее результатами собственных интеллектуальных усилий. Эти усилия направлялись на анализ реальной военно-политической, социальной или хозяйственной ситуации, структура которой была намного сложнее той, которая описывалась в мифологических сюжетах. Необходимо было совершенствовать механизмы интеллектуальной работы, и философия в наибольшей мере поощряла такую установку [1, с. 17-19].

Для более полного осмысления генезиса философии, ответы на вопросы «Почему оказались недостаточными мировоззренческие представления, предшествующие философским?», «Почему возникла философия и возникла в определенном месте?» должны быть дополнены более детальными сведениями о ее интеллектуальных предпосылках, которые так или иначе использовала зарождающаяся философия. К их числу относятся:

во-первых, мифология, поставившая мировоззренческие вопросы о происхождении и структуре мироздания;

во-вторых, обыденное сознание, в рамках которого в определенный период начали довольно интенсивно развиваться зачатки мировоззренческих представлений;

в-третьих, зарождающаяся наука, накапливающая сведения о мире «в его собственных характеристиках», относительно свободные от деформирующего воздействия мифологических схем и мнения большинства.

В разные исторические периоды поочередно доминировали различные предпосылки. Исследователи отмечают «экзотичный» период, называемый «эпохой семи мудрецов» (конец VII–начало VI в. до н.э.), когда духовную атмосферу древнегреческого общества уже не могли определять ни мифология, ни зарождающаяся философия, ни тем более не обладающая сколько-нибудь заметной социальной нишей наука. Основные мировоззренческие ориентации задавали установки, аккумулирующие и обобщающие опыт обыденного сознания в жанре «гномов» – коротких изречений. Наиболее известные из них: «Больше всего – пространство, ибо оно все объемлет», «Сильнее всего – необходимость, ибо она одолевает всех», «Быстрее всех – мысль, ибо она бежит без остановки», «Находясь у власти, управляй самим собой», «Не наживай богатства нечестным путем», «Не множество слов доказывает рассудительность мнения» (Фалес); «Бери убеждением, а не силой» (Биант), «Трудно быть добрым» (Питтак), «Избегай удовольствия, рождающего страдания», «Не спеши приобретать друзей, а приобретенных не спеши отвергнуть», «О тайном догадывайся по явному» (Солон).

Авторы приведенных высказываний составляли как бы «устойчивое ядро» мыслителей, причисляемых к семи мудрецам. В другую, «переменную», часть этой группы поочередно включали Периандра, Клеобула, Хилона, Мелисса и др. В более поздний период усилилась роль науки как фактора генезиса философии. Первые философы, начиная с Фалеса, зачастую были одними из первых ученых. Это в определенной мере дает право говорить о философии как о совокупности объективных знаний о мире, из которой впоследствии отпочковались конкретные науки о природе, обществе и человеке. Данный процесс продолжается и в настоящее время, что подтверждает актуальность вопроса о предмете философии и структуре философского знания [2, с. 15 -18].

Пожалуй, ни об одном явлении культуры мыслящее человечество не высказывало столь разнообразные и разноречивые суждения, как о философии. Для греческого философа Платона философия – это мышление о вечном и непреходящем. Пифагор усматривал в философии не обнаружение окончательной истины, а лишь любовь к мудрости и к нравственной жизни. Аристотель видел корень философии в удивлении, а предмет ее – в исследовании «первых начал и причин.

Центр философских размышлений переносился то в сферу науки, то

в область нравственности, порой философия оказывалась неотличима от поэзии. Немецкий философ И.Г. Фихте (1762-1814) считал, что философия не только всеобщая наука, но и предпосылка всякого знания, свою систему он назвал «наукоучением».

В XX веке философию все чаще выводят за границы науки, за границы познания мира вообще. «Не в мире, а в человеке философия должна искать внутреннюю связь своих познаний», - писал немецкий философ, представитель «философии жизни» В. Дильтей.

Многие философы сближают философию с искусством. Испанский философ М. Унамуно (1864-1936) писал: «...философия значительно ближе к поэзии, чем к науке. Все философские системы, задуманные как предельное обобщение конечных результатов частных наук за тот или иной период времени, были гораздо менее содержательны и жизнеспособны, чем системы, в которых выразилась во всей своей полноте духовная страсть их автора» [3, с. 5 - 8].

Таким образом, философия решая проблему смысла человеческой жизни, решает ее как проблему смысла жизни вообще, то есть стремится к универсальным, всеобщим ответам.

Литература

1. Калмыков В. Н. Основы философии. – Минск, 2003.
2. Философия. Ч. 1. История философии / Под ред. В. И. Кириллова, С.И. Попова. – М., 1996.
3. Чуешов, В.И. Введение в современную философию. – Минск, 1997.

ФИЛОСОФИЯ И ЗАДАЧИ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ

Н.Ф. Свобода, О.В. Фадеева

Зададимся простым вопросом: философия как учебный предмет есть в высшем техническом заведении? Не в смысле формального присутствия в учебной программе. Философия как обязательная компонента традиционно существует. Однако, это – необходимое, но недостаточное условие для положительного ответа на поставленный вопрос. Как показывает опыт, наличие гуманитарного цикла предметов еще не означает гуманитаризации образования, а наличие философии в этом цикле не означает подготовки и обеспечения ее в качестве учебной дисциплины. Именно на подготовку и обеспечение в аспекте должного и реализуемого обратим внимание. Мы не задаемся целью дать исчерпывающую характеристику заявленного предмета и ограничимся рассмотрением лишь того, что представляется нам значительным по существу дела.

Начнем с возражений против действующей системы гуманитарного образования. Возражения разного рода: интеллектуальные, моральные, методологические и методические.

Интеллектуальные возражения сводятся к тому, что нет оснований считать какую-либо систему единственно истинной, и, в силу этого, единственно возможной. В настоящее время есть тенденция считать, что вопрос об истинности не имеет значения – гораздо важнее вопрос о полезности. На эти вопросы, однако, нельзя отвечать по отдельности. Если мы на стороне принимающих решения, наши представления о полезности будут отличаться от представлений, которые у нас были бы, если мы – непосредственные участники образования. Кроме того, точка зрения, что следует полагать что-либо полезным, независимо от того, есть ли свидетельства полезности, заставляет закрывать глаза на все, что противоречит действительным интересам.

Приходится констатировать, что люди, призванные направлять реформу далеки от жизни вуза. И опасность предлагаемых решений заключается не в их ошибочности, а, прежде всего в том, что они возводятся в ранг неоспоримых истин и внедряются в практику, без учета мнения непосредственных участников просвещения.

Чтобы судить о моральном влиянии решения вопроса гуманизации и гуманитаризации образования мы должны учесть, какого рода импульс воплощен в этом решении.

Иногда побуждение вполне очевидно, иногда скрыто. В данном случае, вариант ответа – первый. И чтобы понять это, нужен всего лишь здравый смысл. Заявленная в 90-х годах XX века концепция гуманитаризации имела своей целью изменение содержания образования. И этот процесс касался, прежде всего, преподавания общественных наук. Достижение цели решалось просто: в состав гуманитарного цикла вошли новые предметы. А новые предметы и снимали проблему, по мнению разработчиков, гуманизации и гуманитаризации системы образования. Технократизм подхода строится на аксиоме: источник знания – не в человеке, а – в мире. Отсюда установка на деление образования по «сферам», что, в свою очередь, приводит к потере смысловой задачи просвещения. Осуществляется подмена вопроса о формировании личности либо вопросом о передаче знания (обучение), либо вопросом воспитания. Идеи, заложенные в основу реформы образования, и ожидаемые цели не совпадают по своей сути. Полумеры не смогут заменить меры. Вопрос о принципах подхода остается. Ценностная ориентация, будучи не определенной, позволяет проигнорировать как преподавателя, так и студента. Преподаватель и студент – не главные действующие лица. Декларативность гуманизации и гуманитаризации обнаруживается повседневно и во всем. Странное ощущение возникает у нас, работающих преподавателей: мы чувствуем себя словно бы отлученными от дела своей жизни.

Понимание сущности и назначения гуманитарного цикла в техническом вузе требует не только определения содержания составляющих его дисциплин, но и знания процесса освоения и усвоения материала студентами. Посмотрим, как выстроен сегодня учебный процесс

по данному блоку дисциплин. Этот блок дисциплин изучается студентами в определенной последовательности с первого до последнего курса. Анализ реального положения дел в этом вопросе позволяет сделать вывод: охват студентов всех курсов гуманитарными предметами является самоцелью. Согласиться с этим очень трудно. То, что называется гуманизацией и гуманитаризацией, представляет собой процесс развертывания в учебных программах целостного знания в соответствии с внутренней логикой образования. В преподавании гуманитарных дисциплин особенно важно сохранить единое пространство. Поэтому изучение не только философии, но и всех предметов данного цикла, целесообразно строить с учетом специфики каждого из них. Общее создается особенным: интеграция, а не сумма дисциплин. И наполнение «гуманитарной корзины» тоже должно работать на эту цель. Философия с ее возможностями создавать базовые знания и умения самостоятельности в обучении: общенаучные, общелогические, специальные и коммуникативные, – может стать главным звеном в гуманитарном цикле. Опыт преподавания, как положительный, так и отрицательный, подтверждает необходимость органической связи между предметами. Настоящий статус предметов ориентирован, по преимуществу, на репродуктивную деятельность студентов. Подобная ситуация априори ставит преподавателя в положение человека оправдывающегося. Ему приходится защищать необходимость существования своего предмета в той или иной степени. Наверное, любой преподаватель может привести немало примеров подобного рода.

Объем и характер философского знания задают специфику формы работы со студентами. Отличие философии как вузовской дисциплины от других гуманитарных (и не только гуманитарных) предметов заключается в том, что она есть история постановки и решения проблем, процесс движения мысли к сущему. И самое важное: студент должен почувствовать и осознать личностное значение философских проблем, принять их как собственное бытие. В противном случае философия будет восприниматься как предмет, который всего лишь нужно сдать. Сегодня мы наблюдаем в массе своей именно такое отношение. И дело здесь не только в личности преподавателя. Условия бытования философии не позволяют ей решать свои задачи: регулярное снижение количества часов на аудиторные занятия; наполнение семинарских групп в 30 и более студентов; государственный стандарт программы, подменяющий философию «информативной системой». Список в данном направлении можно продолжить. Однако перейдем от возражений к предложению, главному, на наш взгляд. Философия может и должна стать сквозной (проходящей через все курсы) дисциплиной. Идея не наша. Такое решение наблюдается в мировой школе. Мы полагаем этот вариант логичным при положительном ответе на вопрос: нужна философия в техническом вузе?

Наш собственный преподавательский и жизненный опыт позволяет утверждать, что едва ли не большинство современных студентов просто не

способно понять основы философского видения мира за имеющийся срок.

К окончанию учебного курса они только начинают входить в предмет, ощущать вкус к рефлексии, обнаруживают в себе способности к самостоятельному анализу проблем, начинают принимать интеллектуальное усилие как норму. И важно это интеллектуальное напряжение поддержать и продлить. Именно оно дает импульсы для размышлений и исследований и в других отраслях знания. Именно этот, как нам думается, мировоззренческий сдвиг мог бы (а по большому счету и должен был бы) стать главным объектом внимания при организации учебной деятельности.

Состояние философской мысли требует внимательного отношения к ее рождению. Представляется важным в этом деле не спешить. Ведь студент учится ориентироваться в мире культуры, развивать образ истины и способы отношений с миром. На семинарах следует избегать ситуации говорения вместо молчания, как звучания внутреннего образа. Внимание к логике движения мысли требует соответствующих форм и методов обучения, обеспечивающих максимально возможную индивидуализацию учебно-воспитательного процесса. Длительное по времени «погружение» студента в учебный предмет позволяет реализовать динамику и последовательность в изучении философии. А само существование последней наполняется не новым смыслом, а именно смыслом: так как не происходит замены процесса на результат. А тестовая проверка обучения не может служить критерием освоения философии.

В конечном счете, вопрос о присутствии, о роли и влиянии гуманитарного цикла в техническом вузе – вопрос разумной, взвешенной оценки положительных результатов (не предполагающих риски), учета традиций и новаций; перспектив развития и связанных с ними задач по социализации студентов. Если философия действительно нужна в высшем техническом заведении, то ей должно быть определено место, адекватное сущности учебной дисциплины «Философия».

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

О.А. Романов

Философия истории наряду с онтологией, философской антропологией и теорией познания является неременной составной частью всякой цельной философской системы. В отечественной мысли до последнего времени ее проблематика либо ограничивалась рамками исторического материализма (его интерпретацией исторического процесса в соотнесении с формационным подходом), либо фокусировалась на изучении природы, средств и способов исторического познания. На сегодняшний день философия истории, несмотря на пробудившийся к ней

в последние десятилетия интерес, остается недостаточно исследованным проблемным полем. Поэтому необходимо определить специфику философско-исторического знания, сформулировать его основные проблемы и показать отличия от смежных отраслей науки, в частности, от истории.

Первой важнейшей проблемой философии истории является постановка общеметодологических проблем исторического познания. Задачей философа является определение концептуальных понятий нефилософской науки об обществе и истории. Именно философы продумывают понятие «история» в их диалектической связи с категориями «социум», «вечность», «время». Именно они решают проблему законосообразности исторического процесса – наличия в событийном пласте общественной жизни объективных, неслучайных связей, позволяющих историку считать себя ученым, объясняющим исторические события, а не только «понимающим» их мотивацию и т.п. Таким образом, философы во многом дают ответ на вопрос: как возможно историческое знание? В рамках собственно исторической науки такие вопросы не ставятся, ибо историки, как правило, с недоверием относятся к широким обобщающим конструкциям и «генерализующим» методам познания, в которых теряется уникальность отдельных событий.

Разумеется, проблемное поле философии истории и ее задачи не сводятся лишь к методологическому обеспечению историографии. В процессе понимания истории как целостного объекта возникают проблемы, которых не может увидеть исследователь, занимающийся изучением развития отдельных народов или содержанием конкретных эпох. И вот здесь в первую очередь возникает проблема единства и целостности исторического процесса, механизмов и этапов становления и перспектив дальнейшего развития человечества как целостного интегрированного образования. В решении этой проблемы в научной литературе можно выделить два крупных подхода. Один из них, который мы условно назовем системным, реализует идею принципиального единства человечества, наличия у него общих глубинных оснований существования и развития. Эта идея развивалась на разных теоретико-методологических основаниях и теоретиками религиозной философии, и представителями Просвещения, и сторонниками материалистического понимания истории. Плюралистический взгляд на историю сформировался позже, но довольно быстро завоевал популярность и утвердился в социально-гуманитарном знании. Его базовой интуицией является тезис о несводимости друг к другу и обособленности отдельных цивилизаций и культур. Такой подход сформировался в трудах Данилевского, Шпенглера, Тойнби. Вся история превращается в этом случае в совокупность изолированных друг от друга социально-исторических образований – цивилизаций, – возникающих и развивающихся полностью автономно, а, значит, какие-либо отдельные стадии или эпохи в истории выделять не приходится.

Таким образом, основной проблемой философии истории является проблема становления всемирной истории человечества, анализ тернистого пути возможной интеграции людей в планетарную общность, прогноз судеб единого человечества, поджидающих его опасностей и альтернатив дальнейшего развития. Для решения этой крайне сложной проблемы философия истории нуждается в формировании особого методологического инструментария, сочетающего в себе методы «генерализующего» обществоведения, направленные на установление общих социальных законов, с методами «индивидуализирующего» понимания крупных исторических событий, имеющих определяющее значение для человечества.

Принятие идеи единства человечества ведет нас к решению следующей крупной проблемы философии истории – осмыслению процесса взаимодействия отдельных стран и народов. Подобное взаимодействие всегда имеет верхний пласт, обусловленный уникальными особенностями народов, ситуации и эпохи. Но за внешним пластом конкретных процессов скрывается более глубокий слой закономерностей межкультурного обмена, становящийся предметом философского рассмотрения. Именно философия истории способна установить источники, природу и функции таких форм взаимодействия, как война, торговля, культурный обмен. Только в рамках философско-исторического знания может быть четко поставлена и решена проблема выявления наиболее общих закономерностей трансмиссии культурных ценностей от обществ-доноров к обществам-реципиентам. Актуальность этой темы многократно возросла в последние десятилетия, когда под видом глобализации зачастую стала осуществляться «вестернизация» стран не-Запада. Для восточнославянских народов указанная проблема приобретает особую остроту в связи с поиском цивилизационных ориентиров развития и активно обсуждается в рамках дискуссии «славянофилов» и «западников» вот уже два столетия.

Еще одной гранью темы единства мировой истории является проблема неравномерности исторического развития, эмпирически наблюдаемого и теоретически фиксируемого факта лидерства отдельных стран и народов. Одним из первых эту проблему поставил Гегель, выделивший «исторические» и «неисторические» народы. Между «лидерами» и «аутсайдерами» складываются непростые отношения, в целом подчиняющиеся общим закономерностям «исторической корреляции» между более или менее развитыми в экономическом, социальном и политическом плане обществами. Именно на этой основе можно решать сложнейшую проблему осмысления таких неоднозначных явлений мировой истории, как империализм и колониализм.

Относительно новым предметом философии истории является сложный процесс интеграции отдельных народов в надэтническую и наднациональную общность, зримо проявивший себя во второй половине XX столетия. Именно философское мышление должно осмыслить

содержание интеграционных процессов, сопряженных с множеством сложнейших проблем и конфликтов, оценить перспективы интеграции, степень ее обратимости или необратимости, задуматься над реальными опасностями, поджидающими соединенное человечество, – от экологических проблем до прискорбной потери «неконвертируемых ценностей» национальной культуры, утраты определенных степеней свободы в рамках привычного национального суверенитета и т.д.

Философия истории способна решать и вполне практические задачи. Именно она может помочь обрести человечеству начала XXI века подлинные возвышающие идеалы, показать необходимость изменения привычных жизненных ориентиров и стереотипов социального поведения. Философия истории способна извлекать уроки из значимых исторических событий и предлагать сделанные выводы в качестве программы дальнейшего развития.

Неудивительно, что именно философия истории становится полем пересечения валюативной, ценностной и рефлексивной, сугубо научной ветвей философствования. Задачи духовной ориентации человечества, разъяснения сложившейся исторической обстановки и перспектив ее развития заставляют философа совмещать трезвый объективный анализ ситуации с поиском целесообразных путей поведения в ней. Все это требует обоснования того или иного идеала общественного устройства, который вдохновляет философа. Именно это заставляет его размышлять о смысле и направленности человеческой истории, прогрессивном и регрессивном в ней, отстаивать свой идеал, хотя и отдавая себе отчет в его «неабсолютности».

СИНЕРГЕТИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.В. Шконда, А.В. Кальянов

В современный период синергетический метод начинает активно использоваться не только в области философской, политической и правовой проблематики, но и, прежде всего, в социальной сфере, в которой из-за непрерывно протекающих трансформационных процессов традиционные модели причинно-следственных связей имеют ограниченные возможности для их применения [1, с. 49].

С точки зрения содержания и направленности происходящих процессов общество с позиций синергетического метода является открытой нелинейной системой, способной к самоорганизации. Особое внимание при анализе сложных социальных явлений должно уделяться диагностике и оценке не предусмотренных событий, которые по своему влиянию могут сделать действительность не совместимой с регламентированной деятельностью реформаторов, политиков, юристов и экономистов.

Использование синергетической парадигмы в области социальных явлений сопряжено с рядом объективных трудностей при проведении научных исследований. В частности, для социума характерны социально-политические системы с высоким уровнем сложности, наличием большого количества факторов, способных резко изменить динамику и структуру социальных процессов, многоступенчатым характером и многообразием связей между элементами социальных систем.

Кроме того, среди многочисленных социальных факторов выделяются процессы и явления системного характера, включающие появление и развитие феномена глобализации, резкое ускорение и интенсификацию темпов социальных изменений.

Как указывал известный американский социолог и философ О. Тоффлер, в переходный период от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу с характерными для него огромными запасами энергии, капитала и труда критическими видами ресурсов являются информация и технологические инновации, что обуславливает поиск новых универсальных социокультурных моделей развития общества в новом тысячелетии [2, с. 57].

Современная парадигма синергетики свидетельствует о том, что для каждого типа человеческого общества существует характерный уровень социальной синергии со стремлением к новому более высокому уровню синергетического состояния. В контексте социальных явлений целостность (принципиальная несводимость свойств системы к сумме составляющих ее элементов и невыводимость из последних свойств целого) может обнаруживать себя в среде социальных явлений в виде формируемой в социуме социальной синергии. Последняя обеспечивает согласие, сотрудничество, уверенность в будущем, надежды на лучшее, свободное развитие, являющиеся основой для достижения человеческим обществом нового состояния синергетического единства. При этом социальные системы современного социума на основе принципов их самодвижения обнаруживают общее направление развития, проходящее от единства к поляризации и иерархизации и от них – к более высокому состоянию единства [3].

В качестве основания саморегуляции рассматриваются неравновесные системы, главное в которых отводится параметрам перехода (фазовые процессы, появление точек бифуркации, приводящих к новому поведению и т.п.) одного состояния в другое, т.е. внутренняя и внешняя неоднородность обуславливает ограниченное количество вариантов поведения системы, стимулирует ее внутреннюю упорядоченность и является следствием постоянного энергетического обмена между системой и внешней средой [4, с. 85].

Уровень жизни, интегральные характеристики которой выражаются в большой неустойчивости социума, резком ускорении социальных процессов, в конечном итоге обусловлен невозможностью разрешения противоречий в рамках существующего механизма саморегуляции,

основанного по типу положительной обратной связи. При этом сохранение целостности социума возможно только при осуществлении инверсии (переходе явления в противоположность и данной противоположности в собственную противоположность, или отрицание отрицания) обратной связи, когда ведущим типом саморегуляции станет отрицательная обратная связь, которая позволит обществу вступить в период устойчивого социально-экономического развития.

Таким образом, предпосылками саморегулятивной активности социума являются исходные моменты любого регулятивного процесса с целевой функцией и отклонением, которое является универсальным элементом взаимодействия, присущим любым системам, включая социальные. Социум вне среды не может быть активным, так как взаимодействие со средой и возникающие при этом отклонения противоречия создают необходимые условия его саморегуляции и активности в направлении самосохранения. Внутренние противоречия социальных систем являются источником внутренней регуляции социальных явлений, а воздействия внешней среды вызывают повышение активности элементов механизма саморегуляции. При этом происходит качественное упорядочение связей: информация как сигнал отклонения образует (в виде отрицательной обратной связи) замкнутые контуры саморегуляции. Благодаря процессам обмена информацией социум находится в состоянии подвижного равновесия с окружающей средой [4, с. 87].

При оценке последствий социальных процессов и новых состояний человеческого общества происходит понимание сущности амбивалентного характера хаоса, который может быть как разрушающим, так и креативным, направляя социальную систему в точке бифуркации к установлению нового порядка. Если социальной системе навязывать какое-либо развитие, противоречащее ее природе, то это может привести к разрушению предусмотренной системы в будущем.

Таким образом, управленческие влияния на процессы развития социальных систем могут быть результативными только в том случае, если они согласованы с внутренними их особенностями, т.е. являются резонансными [5, с. 25].

Для дальнейшего исследования социальных явлений, связанных с оптимизацией управления в различных общественных сферах, необходим анализ общества как саморегулирующегося социального организма, дополненный новыми концепциями в области управления [6]. При этом основной задачей социальных наук является познание социальных законов воспроизводства, функционирования, развития и саморегуляции синергетических состояний социальных систем для своевременного обнаружения определенных тенденций в их жизнедеятельности и осуществления необходимых социальных преобразований, в наибольшей мере соответствующих данным тенденциям.

Литература

1. Гнатюк, Л.В. Сознание как синергетическая система: введение в философию настоящего. – Сумы, 1999.
2. Бойко-Бойчук, Л. Синергетика як методологічний підхід у дослідженнях соціальних наук // Людина і політика, 2003. – №5(29). – С. 56–63.
3. Князева, Е.Н., Курдюмов, С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – №12. – С. 3–30.
4. Маловичко, Е.В. Саморегуляция социального организма: историко-философские аспекты исследования // Нова парадигма Альманах наукових праць. – Випуск 35. – Київ – Запоріжя, 2004. – С.81–88.
5. Князева, Е.Н. Случайность, которая творит мир (новые представления о самоорганизации в природе и обществе) // Философия и жизнь, 1991. – №7. – С. 25–30.
6. Шконда, В.В., Кальянов А.В., Давидов П.Г. Феномен синергетики: наука – общество – образование: Монография / Ред. В.В. Шконда. – Донецк, 2009.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ XXI ВЕКА

П.Ю. Молчанов

Конец XX – начало XXI века характеризуется в социальной философии и общественной мысли как эпоха глубоких политико-экономических и социально-культурных трансформаций, в результате которых происходит изменение уклада жизни людей, их ценностных и мировоззренческих ориентиров. Куда движется человечество? Какое будущее мы хотим построить для себя и своих потомков и как достичь этого будущего на практике? – все эти вопросы в современном транзитивном обществе становятся особенно актуальными. В такой ситуации возникает необходимость научного моделирования общественных и антропологических процессов XXI века с целью выработки оптимальной стратегии развития социума в начале третьего тысячелетия.

Анализируя сущность данного научного подхода, следует определить его основную предметную направленность. В широком философском смысле моделирование представляет собой когнитивную процедуру создания определенного образа какого-либо объекта окружающей действительности. Что касается социального моделирования, то под этим термином в современном обществоведческом дискурсе как правило понимается разработка формализованных моделей социокультурных феноменов. Именно развитие данного типа моделей, в частности – имитационных компьютерных моделей, представляется многим футурологам наиболее перспективным направлением исследований в области современной прогностики [1, с. 18].

Отмечая преимущества этого подхода к познанию общественных процессов и явлений, авторы указывают на широкие возможности вычислительной техники по учету и комплексному анализу многих параметров и факторов, просчитать поведение которых человеческий мозг не в состоянии. Это позволяет разрабатывать вероятностные сценарии социокультурной динамики и диагностировать позитивные и негативные последствия развития общественных процессов. Результаты такого моделирования могут быть использованы как в области теоретической прогностики, так и в сфере управления [2, с. 20]. Однако, несмотря на бесспорную перспективность этого подхода к изучению общества, существует ряд проблем методологического характера, которые обусловлены спецификой социально-гуманитарной области знаний.

Во-первых, социум, в отличие от окружающей природной среды, является саморефлексирующей системой. Поэтому результаты моделирования социальных объектов зависят не только от учета объективных тенденций развития этих объектов, но и от ряда субъективных факторов. Например, построение естественно-математических и технических моделей основано на выявлении наиболее устойчивых закономерностей изучаемых процессов и явлений, которые имеют инвариантный характер протекания и не обладают внутренней потенцией к осознанному самопроизвольному изменению своего состояния. Это дает ученым возможность с высокой точностью прогнозировать стихийное, строго детерминированное поведение данных процессов и явлений, что определяет высокую эвристическую и практическую значимость моделирования в естествознании.

В свою очередь, в основе развития социальных систем лежит преобразующая целенаправленная деятельность людей, осуществляющих рефлексивный анализ социоприродной действительности, поэтому объективность тенденций общественной динамики носит релятивный характер: данные тенденции в принципе могут быть изменены путем осуществления соответствующего воздействия организационного характера. Этим во многом обуславливается принципиальная относительность и вероятностный характер социоисторического моделирования, а также невысокие прогностические возможности многих формализованных моделей общественных процессов и явлений.

Во-вторых, существует проблема определения границ применимости моделирования при изучении социокультурных феноменов. На сегодняшний день наиболее оправданным теоретически и практически считается создание моделей социальных процессов, формализуемых в виде определенных трендов, отражающих интегральные характеристики развития данных процессов. В этом случае специалисты прибегают к разработке особых социологических конструкторов, «идеальных типов» по терминологии М. Вебера, поведение которых можно смоделировать с относительно высокой точностью как некие «объективные» тенденции или закономерности.

Что касается антропологической области исследований, то в её рамках границы применения метода моделирования значительно сужаются. Наиболее значимые результаты на сегодняшний день получены учеными при создании моделей этнокультурного и биолого-генетического характера, отражающих в первую очередь некоторые физиологические и психологические особенности индивидов, социальных групп, социально-исторических общностей и т.д. Однако, анализируя особенности духовной сферы, необходимо отметить, что эвристическая оправданность применения для её изучения метода моделирования вызывает сомнения. Это обусловлено тем, что в данной сфере значительную, а зачастую и определяющую роль играют факторы личностного самоопределения, феномены творческой активности, которые во многих случаях носят иррациональный характер и не требуют формализации в виду их принципиальной субъективности и уникальности.

В-третьих, при моделировании общественных и антропологических процессов возникают вопросы относительно возможности практического применения полученных результатов. Как известно, моделирование данного типа связано не только с областью непосредственно теоретических исследований, но и со сферой управления, поскольку прогнозные модели призваны способствовать выработке наиболее эффективных управленческих решений при осуществлении практических задач социального прогнозирования. Однако, как показывает опыт мировой истории конца XX – начала XXI века, какими бы точными и научно обоснованными ни были результаты моделирования, разработанные на их основе рекомендации зачастую не принимаются представителями властных кругов в силу причин политического, экономического и иного характера [3, с. 38]. Поэтому, рассуждая о перспективах развития человечества в XXI веке, нельзя не отметить растущую необходимость решения вопроса о стратегии и формах борьбы за реализацию на практике наиболее оптимальных, с точки зрения общечеловеческих ценностей, сценариев социокультурной динамики. Только в этом случае, на наш взгляд, принцип взаимосвязи теории и практики при моделировании общественных и антропологических процессов начала третьего тысячелетия может быть реализован в полной мере.

Таким образом, создание формализованных моделей социокультурной динамики XXI века сопряжено с рядом проблем методологического характера, обусловленных спецификой социально-гуманитарной области знаний. Это такие проблемы, как:

- а) проблема учета саморефлексирующего характера и нелинейного типа развития общественных систем при разработке социальных моделей;
- б) проблема границ применимости метода моделирования в исследованиях социума;
- в) проблема учета результатов социального моделирования в сфере управления.

Однако, несмотря на наличие данных проблем, в современную кризисную эпоху все более очевидной становится необходимость дальнейшего развития научного прогнозирования, поэтому исследования в области моделирования общественных процессов и явлений представляются достаточно перспективными как в теоретическом, так и в практическом плане.

Литература

1. Гильберт, Н. Имитационное моделирование в социальных науках / Н. Гильберт, К.Г. Троиц. – Днепропетровск, 2007.
2. Оськин, А.Ф. Моделирование исторических процессов и событий / А.Ф. Оськин. – Новополоцк, 2008.
3. Переслегин, С. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд / С. Переслегин. – М., 2009.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ

Е.А. Рудко

Социальная философия определенным образом соотносится с другими дисциплинами, составляющими систему обществознания. Соотношение социальной философии и социологии носит диалектический характер, обусловленный их взаимной связью и взаимодействием.

Согласно философскому словарю «социальная философия – раздел философии, определенным образом описывающий качественное своеобразие общества, его законы, социальные идеалы, генезис и развитие, судьбы и перспективы, логику социальных процессов» [1, с. 654].

Данная наука направлена на исследование общих, фундаментальных характеристик общественного бытия, на выявление оснований общественной деятельности людей, а также главных ценностей и конечных целей жизни человека в обществе. Основной проблемой социально-философского познания является диалектика человеческого общества и общественного человека как единства объективного и субъективного. В этой связи актуализируются вопросы, связанные с бытием человека, типологией и становлением личности человека на различных этапах общественного развития, включая социальные кризисы и переходные периоды. Предметом социальной философии является теория общественного развития, всеобщие связи и отношения, а также специфические черты социального познания.

Социология и социальная философия тесно связаны исторически и содержательно. Согласно социологическому словарю «социология – совокупность познавательных практик, складывающихся в европейской интеллектуальной традиции с 1840-х и изначально артикулированных как самостоятельная (отдельная) научная дисциплина, ставящая своей целью

дать ответ на вопрос «что такое общество и как оно возможно?» через познание социальной реальности (социума), «природы» и «механизмов действия» социальности (в различных ее реализациях)» [2, с. 1001].

Таким образом, социология сложилась в качестве самостоятельной области знания в XIX веке в результате конкретизации традиционной социально-философской проблематики и развития эмпирических социальных исследований. Сегодня социология трактуется как научная теория общества и общественных отношений, как система внутреннего функционирования общества, как наука о закономерностях развития социальных систем. Наиболее правомерно считать социологию наукой о системной организации общества. Методологическая специфика данного подхода определяется тем, что он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и механизмов, обеспечивающих эту целостность, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину.

Социология исследует не социальные группы, общности, институты, организации и т.д. сами по себе, а системную организацию всего общества, соотношение в ней отдельных элементов.

Большинство ученых в рамках социологии выделяют три уровня исследования системной организации общества: 1) теоретическую социологию, которая носит академический характер, представляет развитие собственно социологического знания, в какой-то мере «науку для науки», где вырабатываются основные принципы и категории, описывающие социальную действительность, и отрабатывается методологическая основа социологического познания; 2) отраслевую социологию, которая развивается на основе выделения из общего ряда социальных явлений отдельных явлений и процессов в качестве особенного предмета, требующего специального исследования (политическая, экономическая социология, социология молодежи, семьи, образования, религии, культуры, спорта, медицины и др.); 3) теорию и методику конкретных социологических исследований, которые ориентированы на решение конкретных практических задач. Например, определение психологического климата в трудовом коллективе, определение имиджа и престижа руководителя, стиля управления, определение рейтингов депутатов и т.д.

Многие ученые считают, что общая теоретическая социология и социальная философия различаются не по предмету, а по контексту включения в систему общественного знания и соответственно по мировоззренческой и методологической функциям в социальном познании. Философская подсистема обществознания нацелена на логику социального развития, социология – на структурный аспект.

Влияние социальной философии на социологию обусловлено, прежде всего, тем, что социальная философия рассматривает общественную жизнь на более высоком уровне обобщений, нежели социология. В соответствии с этим она формулирует свои выводы в более

абстрактной форме и выступает в качестве общей методологии познания социальных явлений для социологии и других более конкретных общественных наук, рассматривая наиболее общие закономерности и тенденции развития общества. Вместе с тем социальная философия выступает в качестве общей теории развития общества, исторического процесса.

Эти методологическая и общетеоретическая функции социальной философии по отношению к социологии и другим общественным наукам обнаруживаются в формулировках ее основных тем и вопросов: сущность общества, природные основы общественной жизни, общество как целостная социальная система, основные сферы общественной жизни, материальная и духовная жизнь общества, смысл истории, философские проблемы человека и т.д.

Отметим также, что социальная философия, формулируя наиболее общие закономерности, принципы и категории социального познания, помогает конкретным общественным наукам, в том числе и социологии, в формулировке конкретных категорий и методов их исследования. Представители более конкретных, чем социальная философия, общественных наук создают свои концепции под влиянием общих понятий о развитии общества и человеческой истории.

С другой стороны, социология и другие общественные науки влияют на развитие социальной философии, т.к. философия, стремящаяся к утверждению своего научного статуса, должна опираться на научные достижения, полученные в рамках других общественных дисциплин. Влияние конкретных общественных наук, в том числе и социологии, на социальную философию состоит, прежде всего, в том, что она обобщает данные общественных наук и развивается на этой основе.

Таким образом, происходит постоянный взаимный переход от общего к частному, и наоборот. Социология имеет собственный предмет исследования, свои законы, методы и свой уровень обобщения знания. Философия же делает предметом своего анализа обобщения частных наук, т. е. она имеет дело с более высоким, вторичным уровнем обобщения. Если первичный уровень приводит к формулированию законов конкретных общественных наук, то задача второго уровня – выявление наиболее общих закономерностей и тенденций. Основным методом социальной философии при этом выступает теоретическое мышление, опирающееся на достижения частных общественных наук и социологии в частности.

Вместе они представляют собой социально-гуманитарное знание, выступая не только наукой об обществе, но и наукой о человеке, наукой о гармоничном сочетании общества и человека. Современное обществознание нацелено на познание того, как осуществляются различные способы жизнедеятельности общественного организма, как сочетается общее и уникальное, хотя и детерминированное экзистенцией и феноменологией общества.

Литература

1. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск, 1998.
2. Новейший социологический словарь / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Минск, 2010.

КРИТИКА НАТУРАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ: ПОИСК ПОЗНАЮЩЕГО СУБЪЕКТА

В.А. Казакова

Понятие «натурализм» впервые формируется в пределах социальной науки одновременно с формированием самого пространства социального как объекта специального исследования. Натуралистическая программа является генетически первой исследовательской программой обществознания Нового времени. Раннебуржуазная и классическая философия были ориентированы на природу и изучающие ее науки, они использовали образ природы как основы познания, реально и логически первого. Последователи натуралистической исследовательской программы полагают либо, что предмет наук об обществе тот же, что и у естественных наук, либо, что предметы различаются, но методы наук об обществе те же, что у естественных наук.

Зарождение социальной науки логически неотделимо от методологии натурализма, основным требованием которой является "обращение с социальными явлениями как естественнонаучными фактами"[1, С. 115]. Методологический принцип следования эмпирическим фактам в противовес сакрально-мифологическим конструкциям объяснения, легитимировал социальную науку. Приравнивая явления социальной жизни к эмпирии, натурализация определяет предметную область социальной науки.

Процесс формирования социальных форм восприятия действительности происходит в рамках классической парадигмы, которая имеет дело с «положительным» пониманием науки, продуктом которой должно быть – в идеале – знание о мире «как он есть сам по себе» – вне зависимости от человека и человечества. Социальное же, становясь как предмет научного изучения, создает противоречия такого понимания научного предмета, так как содержит, в качестве основного составляющего, субъекта, абстрагироваться от которого оказывается невозможным. Но эта невозможность «обнаруживается» позднее, когда социальная наука становится уже вполне самостоятельной, социальные категории оформляются и совпадают с реальной действительностью – действительностью становящегося классового общества. «Точка бифуркации» была пройдена, и социальное стало реальностью.

По мере развития аппарата социальных категорий и проявления специфического своеобразия социальных явлений рамки «строгой науки»

– механики приходилось расширять. Понятие натурализации, изначально «положительное», приобрело отрицательный оттенок. Применение естественнонаучных методов в социальной науке оказывалось недостаточным. Гуманитарные науки постепенно формировали собственные методы.

В рамках неклассической философии науки была осуществлена попытка понимания вне-культурного смысла натуралистического способа представления действительности. Наряду с жесткой критикой натуралистического «дискурса» в его классическом – т.е. гносеологическом – определении, неклассическое сознание актуализировало онтологическую роль натуралистического видения. Тем самым формировалась сложная противоречивая концепция натуралистической парадигмы, тем более противоречивая, чем менее неклассику специально интересовала непротиворечивость ее построения концепции натурализма. Натурализация выступала все же более как одно из проявлений мысли, достойное интереса историка философии или методолога, нежели социального философа. Во всех этих исследованиях натурализация существует в качестве служебного понятия, не обозначающего собственной реальности, и на обсуждение, как правило, выносятся адекватность натуралистической картины мира философским требованиям, а не человекообразующий его смысл. Тем не менее, реконструкция неклассической концепции позволяет решить ряд задач конкретно-исторического анализа натурализма.

Во-первых, в процессе становления неклассического сознания осуществляется нивелирование классического понимания натуралистического дискурса, принятого в настоящее время «по умолчанию». Последовательная критика «натурализма» приводит к восстановлению онтологической действительности натуралистического сознания в структуре – пока только научной – действительности.

Во-вторых, в силу того, что неклассическое сознание вводит сознание наблюдателя в систему наблюдения – т.е. реконструирует место субъекта в системе, путем актуализации неклассической концепции натурализма мы получаем возможность восприятия натуралистических культурных форм как результатов активной деятельности сознания.

Необходимо подчеркнуть, что критика натуралистического дискурса рассматривается нами как следующий виток «знания» о натурализации (а вовсе не о природе общества или механизме познания). Следуя методу феноменологии, мы «второй раз» проходим историю становления реальности феномена натурализации. Реконструированный выше гносеологический «натурализм» не может быть понят «с необходимостью», так как представляется «одним из» возможных (и не самым лучшим) представлением природы общества.

Логика феноменологической реконструкции совпадает с логикой исторического становления феномена, и следующий шаг – обращение к критике натуралистического дискурса неклассической наукой –

представляет собой одновременно и следующий виток развития феномена натурализации, и следующий шаг феноменологического анализа – понимание объекта исследования, представленного выше как объект, в отражении его в сознании субъекта. Продолжение этой логики – доведение «субъективной объективности» до последних оснований должно «возвратить объект на место». Рассмотрим конкретную наполненность этого процесса в нашем случае.

Критика «натуралистического разума» становится возможной в результате опредмеченности породившей его идеи. Или, другими словами, истинная природа феномена натурализации проявляется, согласно общему принципу существования иллюзий, когда он перестал быть действительной формой сознания. Натурализму противопоставляется знание, построенное с учетом активного субъекта – потому, что форма натуралистического представления (мы говорим сейчас все-таки о социологическом первонатурализме) кажется уже мертвой, не разрешающей субъекта.

Н.А. Бердяев пишет: «Всякий раз, когда человек совершал акт самосознания, он возвышал себя над природным миром. Самосознание человека было уже преодолением натурализма в понимании человека, оно всегда есть самосознание духа. Человек сознает себя не только природным существом, но и существом духовным» [2]. Т.е., следуя логике Бердяева, мы должны понимать, что «натурализм всегда уже преодолен». Но с другой стороны, натурализм всегда еще только необходимо преодолеть – это та форма, которая воплощена в сознании. Натурализация как превращенная форма может быть понята именно так – свершение, которое должно вечно свершаться, грань, которую человек вечно переходит и всегда уже перешел – потому только, что свершился в истории. Необходимость держать мир – основная тема философии. Если натурализм понимать как небытие «сознания-для-себя», то дело философии – преодоление натурализма. В этом смысле работа по исследованию его природы может быть завершена. Но если понимать натурализацию как качественную характеристику той или иной философской (или мировоззренческой) концепции – то предметом исследования становится не сам феномен натурализации, а природа такого ее понимания, преодолевать натурализм которого и станет нашей задачей. Несознаваемый натурализм борцов с «натурализмом» происходит от забывания того обстоятельства, что натурализм не только требует преодоления, но и всегда уже преодолен, а также, что преодолеть его «раз и навсегда» не представляется возможным.

Литература

1. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о духе. – М., 1991.
2. Бердяев, Н.А. Проблема человека (К построению христианской антропологии) [Электронный документ]. – Режим доступа: <http://www.rusword.com.ua/articler/view.php?i=f28> (Опубликовано: «Путь». – 1936. – №50. – С. 3–26).

СОЦИОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А.С. Червинский

Экологическая проблематика не имеет пока достаточного терминологического базиса для адекватного описания сложных процессов реализации социоприродных противоречий, и традиционным недостатком таких исследований является оперирование условным, не имеющим должного концептуального завершения, понятийным рядом. Ситуация требует нового подхода к формированию понятийного аппарата социальной экологии как молодой научной дисциплины.

Одним из наиболее эффективных вариантов решения проблемы является реализации методологического потенциала философии в контексте адаптации понятийной структуры социальной экологии к нормам, традициям и регламентационным критериям философии. Такой подход позволяет обогатить понятийную структуру социальной экологии путем конкретизации терминов «антропогенное влияние», «антропогенное воздействие», «антропогенное преобразование», а в практическом отношении значительно расширяет перспективы оценочной нормативности ее основных понятий.

В социоэкологической литературе понятия «антропогенное влияние» и «антропогенное воздействие» часто смешиваются, при этом отсутствие единства мнений среди исследователей относительно того, какой смысл следует вкладывать в эти понятия, призванные отразить сущностные характеристики процесса взаимодействия человека и природы, осложняет решение конкретных теоретических и практических задач по дальнейшей рационализации природопользования. Это обстоятельство актуализирует выявление общего и специфического как в понятиях, так и в отражаемых процессах.

Неправомерно отождествлять понятия «антропогенное воздействие» и «антропогенное влияние»: они отражают разные уровни причинно-следственных связей между социальной деятельностью и возникновением энтропийных процессов в природной среде. Антропогенное влияние, основываясь на практическом деятельном воздействии на природу, одновременно включает его последствия. В случае, когда порожденный социальной деятельностью фактор выступает как условие, антропогенная детерминация природных изменений носит косвенный, опосредованный характер и может быть выражена понятием «антропогенное влияние». Можно привести пример с вырубкой деревьев по берегам рек, с последующим изменением режима речного биоценоза. По отношению к лесной экосистеме деятельность человека выступает как антропогенное воздействие, по отношению к речной – как антропогенное влияние. Основанием дифференциации типов причинно-следственной связи

выступает степень опосредованности контактов человека с компонентами окружающей среды.

Оперирование философской категорией «взаимодействие» в социальной экологии имплицитно предполагает деятельный характер субъектно-объектных отношений, и специфика термина «социоприродное взаимодействие» не выводит понятийную ситуацию за рамки этого требования. На уровне системы «человек-природа» взаимодействие может реализоваться только деятельным образом, и понятие «социоприродное взаимодействие» призвано отражать процесс функционального взаимодействия двух активных сторон.

Существенная черта качественных изменений природных элементов в процессе антропогенного воздействия на биосферу – возникновение принципиально новых состояний развивающегося элемента. Переход от старого качества к новому предполагает формирование новой системы связей объекта с реальным миром, не имевшей аналога на предыдущих стадиях развития. Исходя из этого, историческая смена биомов в процессе сукцессии (как первичной, так и вторичной) не может быть определена как процесс качественных изменений биосферы, так как появляющиеся природные комплексы не являются принципиально новыми в биосфере.

Философское исследование содержания понятия «качество окружающей среды» имеет практическую значимость в контексте методологического обеспечения процессов оптимизации социоприродных взаимодействий, и в первую очередь той ее части, которая относится к проблеме формирования развитого понятийного аппарата и приобретения социальной экологией дисциплинарного характера.

Понятие «качество среды» не может быть фиксированным в той же мере, как не могут быть статичными связи человека с окружающей его природной средой, поскольку понятие, отражающее функциональные социоприродные связи, в каждом конкретном случае наполняется определенным специфическим содержанием. Качественное, оптимальное, позитивное в одном отношении практически всегда ущербно, вредно, некачественно в другом, а множественность связей в социоприродном взаимодействии выступает лишь аспектом многокачественности материальных объектов. Имея это обстоятельство в виду, можно сделать вывод о внутренне противоречивом характере самого термина «качество окружающей среды». Задаче устранения отмеченной особенности в естественнонаучной интерпретации термина служит его конкретизация через близкие по содержанию понятия «оптимальность», «полезность» и т.д.

Понятие «качество окружающей среды» относительно и реализуется только в системе отношений, т.к. сама природа не может быть ни плохой, ни хорошей безотносительно к субъекту отношений. Различные свойства природных элементов проявляются во взаимодействии с человеком и только в этой связи приобретают модальные характеристики.

Изложенный подход имеет то преимущество, что он опирается на мощные традиции философского анализа понятийных структур, содержащие в концентрированном виде аккумулированный опыт, достигнутый наукой на протяжении исторически длительного периода, и в этом плане выступает в роли средства, обеспечивающего эффективность естественнонаучного поиска.

«НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ОСНОВОПОЛОЖНИК»: СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ МАКСА ШЕЛЕРА

А.А. Тесля

Вышедший в прошлом году первый полный русский перевод главной философско-социологической работы Макса Шелера (1874–1928) «Проблемы социологии знания» (1-й вариант – 1924, окончательный – 1926), сопровождаемый публикациями материалов из рукописного наследия автора, относящегося ко времени подготовки и переработки основного текста [см.: 1] – повод вновь задуматься над статусом и смыслом «социологии знания» в том значении данной дисциплины, которым оперировал Шелер. Впрочем, в непосредственной актуальности текста Шелера можно усомниться – «Проблемы» демонстрируют, скорее, малознакомый в отечественной традиции пласт философской мысли, тех быстрых и противоречивых интеллектуальных движений, которые наличествовали в европейской культуре в период между двумя мировыми войнами. Если отечественная интеллектуальная культура всячески артикулировала разрыв – позиция «переворота», «нового начала», «революции» характерна для самых разнообразных направлений советской мысли, то европейской свойственна значительно большая преемственность. Уже одна используемая терминология вызывает любопытство наложением на традиционную «идеалистическую», «профессорскую» терминологию *fin de siècle* модернистских образов 20-х годов. Текст Шелера глубоко погружен в контекст своего времени, в интеллектуальную ситуацию первого десятилетия Веймарской республики; обращая внимание на эту особенность, Фриц Рингер пишет: «В США, а может быть, и во всем мире, основателем социологии знания считается скорее не Шелер, а Манхейм. Отчасти это обстоятельство обусловлено невразумительностью манеры изложения Шелера; однако есть и другие причины. Статьи Шелера, почти без исключения, были написаны в ответ на кризис немецкой культуры, в то время как работы Манхейма можно понять и без учета этого контекста» [2, с. 509]. Социология культуры, частью которой мыслится Шелером социология знания, выступает своего рода заменителем прежней «философии истории». Однако в отличие от той социологии, о которой Антонио

Грамши писал, что «была попыткой создать метод историко-политической науки в зависимости от уже разработанной философской системы – эволюционистского позитивизма, – на которую социология, однако, отреагировала лишь частично» и которая «стала самостоятельной тенденцией, философией нефилософов, попыткой описать и схематически классифицировать исторические и политические явления в соответствии с критериями, позаимствованными из естественных наук» [3, с. 155], социология для Шелера предполагает философию. Однако отношения, складывающиеся между философией и социологией Шелера куда более сложны, чем предстают в опубликованном им тексте. В «Проблемах» Шелер говорит о снятии «круга» в объяснении – когда социальная обусловленность знания объясняется дисциплиной, в свою очередь являющейся социально обусловленной – через посредство философии и выдвигает со стороны «социологии знания» даже своеобразный проект учения об «идолах» мышления [1, с. 189–191], по аналогии с Бэконовскими (социология знания тем самым оказывается в роли критики познания). Социальные факторы, с точки зрения Шелера, как она представлена в «Проблемах», обуславливают выбор в познании, но само познание имеет объективный характер – это действительное познание, а не иллюзия и не несопоставимые исторические формы знания: то в действительности, что видит каждая эпоха, истинно, но это всегда только какая-то часть, какой-то аспект общей картины. Самоочевидно, что такая позиция весьма уязвима, поскольку судить о подобном «перспективизме» можно только в том случае, если у нас есть доступ к реальности как таковой, по отношению к которой мы и можем разместить исторические формы. Не случайно, прекрасно понимая слабость данной позиции, Шелер избегает окончательной формулировки своей позиции по данному вопросу, отсылая к преодолению относительных позиций, к их сопоставимости между собой, но избегая отчетливо проговаривать проблему.

В рукописях, опубликованных посмертно, содержится следующий фрагмент (относящийся к 1922 г.): «Для меня абсолютно ясно, что оба эти вывода [тотального исторического релятивизма и противостоящему ему утверждению истинности «картины мира именно *наших* наук» – А.Т.] одинаково неверны и абсурдны. <...> И тем не менее я не могу убедить себя в том, что современная дискуссия об этих вещах сколько-нибудь вышла из колебаний между этими двумя одинаково неприемлемыми выводами. Следует также сказать, что постоянное возвращение к пресловутому “кругу”, усердно практикуемое многочисленными критиками исторического релятивизма, особенно Нельсоном в его критике Шпенглера, ни в малейшей мере не продвигает само дело. Неужели думают, будто полученные в серьезной и кропотливой работе достоверные результаты, скажем, Леви-Брюля, или моих исследований, а также многое неопровержимое в гениальном труде Шпенглера, – будто все эти результаты исчезнут и пойдут прахом только из-за того, что удалось обнаружить какой-то “круг”, какое-то “логическое противоречие”? Никуда

они не денутся! К примеру, в точных науках не принято так просто отказываться от хороших результатов или оспаривать их ценность, если вдруг вскрываются противоречия, как, например, между квантовой теорией и электромагнитной теорией света. Думают над тем, как их преодолеть, углубив размышления, а не отбрасывая надежные результаты» [1, с. 217]. Вывод, к которому он приходит в данной заметке, следующий: «Ясно вообще и нам в частности, скорее, предпосылка вопроса, а именно то, что три его решения – 1. константность имманентной сознанию категориальной системы, 2. исторический релятивизм и понимание всех картин мира как *fable convenue* какой-либо исторической группы. 3. “тупое” исключение для нашей картины мира – все вместе должны быть отвергнуты; и что по-настоящему серьезная работа над ними начнется только тогда, когда они будут отвергнуты» [1, с. 218]. Характерно, что в итоговом тексте Шелер сильно приглушает следы этих сомнений – его текст не только и во многом, пожалуй, не столько итог размышлений, сколько программа действий, манифест нового направления, когда нужно убеждать современников, двигаться вперед, отбросив сомнения и по возможности делая вид, что этих сомнений нет – до тех пор, пока они не станут непреодолимыми, и тогда уже наступит время для методологической рефлексии, но для начала надлежит сделать то, что можно сделать в рамках существующей программы. Фриц Рингер полагает, что Шелер «намеревался создать науку, которая могла бы изучать самые актуальные проблемы современности – и это были проблемы, порожденные кризисом мандаринов» [2, с. 508]. Обращенность к данным проблемам в неприкрытом виде присутствует в тексте «Проблем...» (см., напр.: [1, с. 87]). Позиция Шелера наиболее отчетливо вырисовывается в посмертной полемике с Вебером, вызванной его докладом «Наука как призвание и профессия». В ходе ее (в особенности в неопубликованных при жизни заметках) Шелер формулирует коренное отличие своей позиции от веберовской – если для Вебера любой ценностный выбор (политический, культурный и т.д.) предстает как волевой акт, то Шелер выявляет «ядро» своей концепции «социологии знания» как возможность «осмысленного выбора». Университет оказывается не только научным и учебным учреждением, но и пространством утверждения ценностей на основе их «созерцания»: социология знания, по мысли Шелера, должна вывести из тупика, с одной стороны, неразмышляющего «провозглашения» убеждений («немилосердного морализаторства»), с другой – сведения позиций до уровня обоснования и защиты интересов, когда их «разоблачают» и «развенчивают» [2, с. 505] – эта попытка выхода из тупика, уже на другом уровне, прозвучит у Хайдеггера, вызвав энтузиазм как реализация тех потребностей, что провозглашались Шелером.

«Проблемы...» особенно интересны тем, что почти непосредственно, обнаженным образом раскрывают ситуацию, в которой формировалась программа «социологии знания» – и их полемичность, и постоянная

обращенность к насущным немецким вопросам, и намеренная публицистичность, вкупе с метафизической затемненностью текста хорошо передают странный облик эпохи, располагающей к необычным сочетаниям и поворотам мысли, реализация которых совсем в другом, рассудочно-научном духе, придется на последующие десятилетия. В этом смысле «Проблемы...» не столько описывают то, что формулируют в качестве объекта описания (социологию знания, имеющую своим объектом всю интеллектуальную историю человечества), сколько зачастую произвольно, но от этого еще более точно, передают ситуацию «заката немецких мандаринов».

Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № МК-1649.2011.6.

Литература

1. Шелер, М. Проблемы социологии знания / Пер. с нем., коммент., послесл. А.Н. Малинкина. – М., 2011.
2. Рингер, Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890 – 1933. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.
3. Грамши, А. Тюремные тетради. Т. 1 / Пер. с ит. – М.: Политиздат, 1991.

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА СПЕЦИФИКИ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Т.М. Тузова

Философию сознания следует отнести к числу важнейших (если не приоритетных) ракурсов исследования метатеоретических оснований социогуманитарного познания, истории философского обоснования его специфики, современного понимания его объекта и способов построения предметности, его методологии и языка. В отличие от теории и методологии естественнонаучного познания, специфика предмета социально-гуманитарного познания и методологии его исследования до сих пор относится к числу малоисследованных и дискуссионных (Об этом отчетливо свидетельствуют также посвященные этой тематике статьи и материалы «круглых столов», опубликованные в последние годы в «Вопросах философии» [1] [2] [3] [4]).

О современном состоянии исследований в этой области можно с уверенностью утверждать, что до сих пор мы имеем ситуацию недооценки самостоятельности и своеобразия предмета и методологии социогуманитарного познания. В немалой степени это обусловлено тем, что до сих пор не предпринят систематический и целостный анализ истории философского обоснования специфики гуманитарного познания, не поставлен вопрос о связи между интерпретациями сознания и

пониманием специфики объектов и методов гуманитарного познания. Не осуществлен комплексный анализ трансформаций в способах интерпретации сознания в современной философии, не эксплицированы их следствия на уровне предпосылок и метатеоретических оснований современного гуманитарного познания (его картины мира и ее структурных элементов, в числе которых исходный образ человека и его сознания; его идеалов и норм и др.).

Значение перечисленных проблемных срезов для понимания специфики теории и методологии социогуманитарного познания, их становления и философского обоснования связано, прежде всего, с онтологической спецификой объекта социально-гуманитарного познания. Она определяется тем, что он – не только на уровне его познания, но и на уровне его возникновения и существования – содержит внутри себя размерности сознания. Сознание человека, в объективированном, кристаллизированном виде присутствующее в объектах и отношениях социокультурного пространства, онтологически не устранимо из них; оно является их внутренней конститутивной частью. Это должно приниматься в расчет а) при построении самой предметности социогуманитарного познания; б) при определении методов, позволяющих зафиксировать и прочесть это онтологически конститутивное присутствие сознания (субъективности, свободы, цели, интереса, выбора, ценности и др. – язык анализа и описания этой размерности, онтологически специфицирующей объекты гуманитарного познания, может быть разным) в социокультурных объектах.

Как и в естественнонаучном познании, сознание самих исследователей (во всей исторической и социокультурной обусловленности его содержания) участвует в процессе структуризации социогуманитарного познания. Теоретико-методологические предпосылки и содержания, идеалы и нормы познания, ценностные установки и предпочтения субъекта социально-гуманитарного познания (в том числе его исходные представления о сознании и человеке) можно назвать *конституентом* социогуманитарного знания. Как от того, из какого представления об онтологической природе и структуре социально-исторического процесса и события мы исходим в нашем познавательном предприятии, так и от того, на какой исходный образ человека, его сознания и самосознания мы при этом опираемся и как, соответственно, задаем и представляем его возможности самопонимания, самоопределения и действия в мире, зависят способы, какими мы сегментируем и артикулируем слитную, синкретичную социокультурную реальность, строя свою предметность, интерпретируем собранный в соответствии с ней фактический материал. Все это, в итоге, переходит в содержание получаемого нами конкретного знания о мире и человеке, о реальном событии, ситуации и действии, присутствует в социогуманитарном знании, не зависимо от того, осознаем и признаем мы это или нет.

Поскольку представления о сознании в истории философской мысли

претерпевали и продолжают претерпевать существенные трансформации, их экспликация, «завязанная» на проблему становления и развития философского обоснования природы и специфики методологии гуманитарного познания, позволяет увидеть невидимое, а именно внутреннюю зависимость между тем, как философ задает и интерпретирует сознание, и тем, как он понимает назначение и познавательные возможности самой философии, как он вычленяет специфически философский взгляд на человека, его практический и познавательный опыт, наконец, как он позиционирует философию в корпусе социогуманитарных наук.

В этом ракурсе очевидно, что систематическое исследование и типологизация основных концепций сознания и субъективности, определивших историю философского обоснования специфики методологии гуманитарного познания в западноевропейской философии XIX–XX вв., изучение его основных этапов, анализ современных трансформаций представлений о сознании и субъективности и экспликация их последствий для гуманитарного познания – важнейшие составляющие изучения специфики теории и методологии современного социогуманитарного познания.

В ряду значимых в этом контексте направлений (помимо неокантианства, философии жизни, герменевтики, структурализма, постмодернизма) – феноменология и экзистенциализм. Анализ их концепций сознания позволяет на конкретных материалах истории философии и современной философии выявить и эксплицировать внутреннюю связь между трактовками сознания и пониманием специфики и соотношения конкретных гуманитарных наук и философии.

Феноменологическая трактовка сознания и идея онтологической выделенности человека. Феноменология в целом и ее варианты, разработанные Ж.П. Сартром и М. Мерло-Понти в частности, – важный этап в серии радикальных трансформаций философии сознания. Феноменология критикует, с одной стороны, классическую трансцендентальную философию и ее предпосылку «чистого сознания», а с другой, детерминистские подходы к сознанию, на которых основаны науки о человеке (Как справедливо заметила И.С. Вдовина, пафос Мерло-Понти – не против науки как таковой, но против придания науке, теоретическому мышлению статуса единственного подлинного знания: «Наука и философия не могут ни противостоять, ни быть безразличными друг другу: им надлежит критиковать и дополнять друг друга» [5]).

Стремясь ограничить абсолютистские притязания наук о человеке через прояснение их исходных представлений о сознании и мире и, на этой основе, определить границы их валидности, экзистенциально-феноменологическое движение в целом и Мерло-Понти в частности проблематизируют сознание как укорененное в структурах повседневного, дотеоретического, дорефлексивного, телесного опыта, пытаясь вместе с тем а) сохранить радикальное своеобразие сознания в структуре

универсума и на этой основе б) удержать, показать и обосновать отличие философского подхода к проблеме человека от наук о человеке, в) раскрыть их соотношение и взаимосвязь.

Сартр развивал идею онтологической специфики человеческого существования как свободы, стремления быть *Ens causa sui*. Его понимание специфики философского вопрошания о человеке основано на радикальной трактовке сознания как «несубстанциального абсолюта» (прозрачного для себя, «пустого» сознания, «присутствия-с-миром и с-самим собой» (подробнее об этом см.: [6, с. 33–63; 130–139]). Отличие философии от наук о человеке он связывал с онтологической способностью человека превосходить наличное к своему возможному будущему, с его способностью не возобновлять «тотальность того, что он получил от своего обусловливания» и «сделать хоть что-либо из того, что сделали из него» [7, р. 41]. Для философа, по Сартру, человек всегда «дефазирован» по отношению к структурам, тогда как именно последние и составляют предмет наук о человеке, исследующих лишь то, «что делают структуры из человека».

Критикуя сартровскую концепцию «пустого» сознания, Мерло-Понти предложил интерпретацию сознания как деперсонализованного, вплетенного в телесные схемы опыта человека, в которых он осваивает мир на феноменальном, дорефлексивном, дотеоретическом уровне. Однако при этом Мерло-Понти, в отличие от постмодернистских децентраций сознания, пытался сохранить *самосознательность* человеческого опыта – уже на уровне тела.

Исходя из идеи онтологической выделенности человека (сознания) в составе универсума как конститутивной для самого философского предприятия мысли и, следовательно, для выявления, определения и обоснования его отличий от социально-гуманитарных наук (подробнее об этом см.: [8, с. 58–59]), мы можем квалифицировать попытку Мерло-Понти сохранить самосознательность человеческого опыта как фактическое признание им *конститутивности идеи онтологической выделенности человека* для философии и для определения ее отличий от наук о человеке, как усилие и способ удержать эту специфику в пространстве современной философской рефлексии, хотя и в значительно более мягком, размытом, варианте, нежели это имеет место в философии Сартра. Если Сартр делал исследовательский акцент на онтологической нередуцируемости и конститутивности самосознания (дорефлексивного *cogito*) в структуре бытия, связывая с этим ракурсом и специфику философского подхода к проблеме человека, то Мерло-Понти стремился найти нечто вроде третьего пути между сартровским антиредукционизмом и редукционизмом детерминистских и функционалистских подходов к анализу сознания и самосознания. Не принимая радикализм сартровской идеи сознания как «ничто» и децентрируя сознание, укореняя его в телесном опыте, он, через самосознательность тела, пытался все еще сохранить специфику человека и философии. В его лице мы имеем последнюю заметную попытку

французской феноменологии удержать специфику метафизического дискурса, но вместе с тем, уже и возможность постмодернистской подмены метафизического дискурса собственно научным гуманитарным дискурсом, полностью объективирующим человека и его сознание. В философии Мерло-Понти, вслед за гуссерлевской и сартровской, именно различие представлений о сознании в науках о человеке и в философии напрямую связывается со спецификой философской рефлексии как эйдетики.

Обращение к этим вопросам позволяет пролить дополнительный свет на специфику феноменологии как теории и метода, помогает определить ее эвристические возможности в структуре социогуманитарного познания и выявить особенности его предпосылок.

Трактуя специфичность человеческого бытия как открытый диалог человеческого тела с миром, Мерло-Понти анализирует механизмы жизненной коммуникации между сознанием, телом, поведением человека и предметным миром, выявляя онтологически первичное конституирование фундаментальных смыслообразующих структур, организующих опыт экзистенции. Он использует гуссерлевский метод феноменологического анализа интенциональной жизни сознания, экстраполируя его на опыт тела. Отграничивая свой подход от рационалистической концепции сознания (навязывающей объектам условия логического и физического существования и игнорирующей проблему непрозрачности и сопротивляемости мира, онтологической устойчивости и конститутивности феноменального слоя) и от «реализма», Мерло-Понти отождествляет последний с механицизмом. Реализм уподобляет сознание «пластичной материи», получающей свои «привилегированные структуры» извне – под «действием социологической или физиологической каузальности». Для организма же физические стимулы играют скорее «роль обстоятельств, чем причин», и так наз. высшие реакции зависят не от материально взятых стимулов, но скорее от «смысла ситуации». То есть они предполагают «взгляд» на ситуацию, принадлежа не порядку объективной наличности данного, а порядку сознания; и «возможность построить каузальную экспликацию поведения прямо пропорциональна неполноте структураций, осуществленных субъектом» [9, p. 174, 194].

Поведение не есть ни вещь, ни идея, ни «оболочка» чистого сознания (свидетеля поведения), и проблему сознания с действием можно связать, лишь вводя в сознание «коэффициент реальности» и, одновременно, сохраняя за ним способность полагать значения своего опыта. Так мыслить сознание, по мнению Мерло-Понти, дает возможность лишь феноменология: с одной стороны, она стремится выявить происхождение значений опыта из глубин дорефлексивного опыта, эксплицировать «очевидности наивного сознания», с другой, сохраняет за сознанием его специфический способ существования. Именно феноменология способна преодолеть недостатки и реализма с его механицистской интерпретацией

сознания, и рационализм, игнорирующий фактичность человека и мира.

Отвергая реализм с его принципом внешней детерминации сознания, Мерло-Понти выступил с критикой наук о человеке, несмотря на то, что человек и мир, как подчеркивал сам философ, могут быть поняты лишь исходя из их фактичности, которую как раз и удерживают науки о человеке. И именно поэтому он, вслед за Гуссерлем, противопоставил наукам о человеке феноменологическую идею философии как эйдетики, стремясь не разрывать связь между ними, но, напротив, раскрыть их незаместимость и взаимную дополнительную.

Науки о человеке и философия как эйдетика. Основанием разграничения наук о человеке и философии в феноменологии Мерло-Понти, следующей в этом за феноменологией Гуссерля и Сартра, выступают специфические для наук о человеке и философии собственные способы задавать и понимать сознание.

Если сущностное (эйдетическое) вопрошание («Что есть...?» «Что значит...?») со времен Платона артикулирует философскую рефлексию, воспроизводясь у Николая Кузанского, Декарта и др., то феноменология не только специально тематизирует его в качестве специфической черты философии, но и впрямую, эксплицитно сопоставляет его специфику и возможности со спецификой и возможностями методов гуманитарных наук. Восприняв учение Гуссерля, Сартр в конце 30-х гг. XX в. именно с помощью метода эйдетической интуиции, предназначенной раскрывать смысл феномена, любого психического факта из него самого, предпринял первые разработки феноменологической психологии воображения и эмоций, сопоставляя ее с эмпирической и психоаналитической (фрейдовской) психологией (см.: [10] [11] [12]). В середине 40-х гг. XX в. Мерло-Понти попытался отыскать «сущность восприятия» внутри самого этого психического факта (искать сущность восприятия для него означает с самого начала понимать его не как нечто «предположительно истинное», но как «доступ к истине», которым мы располагаем).

В работе «Науки о человеке и феноменология» Мерло-Понти исследует эвристические возможности феноменологии Гуссерля, ее стремление решить проблему века – преодолеть кризис философии и наук о человеке (психологии, социологии, истории). Кризисное состояние наук о человеке связывается феноменологом с их тяготением к психологизму, историцизму и социологизму: трактуя всякую мысль, всякое мнение и философию как результат совместного действия психологических, социальных, исторических условий, науки о человеке разрушают свои собственные основания; мысли и направляющие принципы духа в таком случае оказываются лишь результатом воздействующих на него внешних причин, а основания, по которым мы нечто утверждаем, в действительности не являются истинными основаниями наших утверждений. Трактовка мысли как марионетки, выражения социальной, психологической, исторической ситуации означает отказ от критериев истины.

Не отрицая обусловленности человека средой и внешними условиями, признавая наличие в его опыте предпосылок, обязанных своим возникновением этому претерпеваемому воздействию, феноменология стремится раскрыть эти предпосылки, трансформируя «претерпеваемое обусловливание в обусловливание осознаваемое»: в силу того, что философ хочет «не только существовать, но существовать, понимая то, что он делает, ему нужно приостанавливать совокупность утверждений, которые имплицированы в фактических данностях его жизни. Но приостанавливать их не значит их отрицать и еще в меньшей степени – отрицать связь, которая связывает нас с физическим, социальным и культурным миром. Напротив, это означает рассматривать ее, осознавая ее» [13, р. 7–8]. Феноменология ищет метод, который позволял бы «мыслить одновременно экстериторность (что есть сам принцип наук о человеке) и интериторность (что есть условие философии)». Он не должен быть ни дедуктивным, ни просто эмпирическим, но должен позволять мыслить одновременно факты, случайности, без которых нет ситуации, и рациональную достоверность, без которой невозможно знание. Нужно, чтобы «наша жизнь не состояла только из случайных психологических событий и чтобы через психологическое событие раскрывался смысл, не редуцируемый к фактическим частностям» [13, р. 11, 12].

Таким методом для Гуссерля стал метод интуиции сущностей (эйдетической интуиции). Именно с этим его двойным аспектом, одновременно универсальным и конкретным, связывают феноменологи надежды на то, что усмотрение сущностей способно обновить и развить психологию. Наш опыт (то, что мы переживаем), если его рассматривать извне, может быть детерминирован социально и физически; но его можно рассматривать и так, что он получает абсолютное, интересубъективное и универсальное значение. Для этого нужно, не ограничиваясь переживанием этого опыта, извлекать его *смысл*, или *значение*. Экспликация сущности есть восстановление смысла, не тематизируемого в спонтанной жизни. Сознание не есть лишь серия фактов или событий: все они имеют смысл, и интуицией сущностей мы можем преодолевать свою сингулярность и выходить в область универсального знания.

Исходный образ сознания в философии и психологии. Именно понимание сознания, по мнению феноменолога, разделяет подход психолога и философа. Для психолога сознание – часть мира. Мы все живем в естественной установке, будучи убежденными, что являемся частью мира, подчиняемся его воздействию и пассивно получаем это воздействие. Психология и науки разделяют этот предрассудок здравого смысла и ставят свои проблемы, отправляясь от этого постулата: «Психолог стремится увидеть, как человек перед лицом определенных ситуаций или определенных стимулов вырабатывает ответы на эти стимулы. Он пытается установить законы, которые строгим образом связывают такую-то ситуацию, такую-то совокупность стимулов с такой-то реакцией» [13, р. 14].

Называя такой образ мысли наивным, не рефлексивным и признавая совершенно законными его задачи, феноменолог должен строго отличать его от философского образа мысли. Будучи причастной естественной установке, рассматривая человека как часть мира, психология делает из сознания объект констатации. Этим она, по мнению феноменолога, деформирует сознание, натурализируя его, определяя его так, как могут быть определены другие объекты: «Когда психолог говорит о сознании, способ бытия сознания, который он подразумевает, радикально не отличается от способа бытия вещей. Сознание выступает объектом, который надо изучать, и психолог воспринимает это сознание среди вещей мира и как событие в системе мира» [13, р. 17].

Однако субъект, находящийся внутри мира и претерпевающий его воздействия, одновременно есть тот, кто мыслит. И если для психолога есть эмпирический субъект как часть мира, то для феноменолога мир есть не что иное, как интенциональный объект для трансцендентального субъекта. Философский анализ требует не индукции, исходящей из фактов и объединяющей их, но сохранения радикального своеобразия сознания. Этого можно достичь лишь на пути интенционального анализа сознания, который посредством эйдетической интуиции открывает в нашем опыте сам смысл, или сущность, всякого возможного *психического*. Это означает, что сознание надо постигать изнутри.

Что такой теоретический подход может дать наукам о человеке? Сущность опыта – всегда определенная модальность нашего отношения с миром. Поэтому исследование сущности одновременно есть анализ экзистенции, и в нем надо сочетать индукцию с рефлексивным познанием нас самих как сознательных субъектов. Психология познает посредством фактов; она открыта опыту и обогащает свои познания, обнаруживая в реальном опыте различные вариации исследуемого феномена. Но при этом психология использует неосознанные и смутные понятия донаучного опыта, считая регистрацию фактов *достаточной* для познания. Понимание сущностей *de facto* имплицитно в любом экспериментальном исследовании, но строгое определение понятий, используемых при разработке психологических фактов, – область феноменологии. Поэтому эйдетическая психология должна предшествовать эмпирической психологии. Только феноменологическая эйдетика, в которой философ в свободной вариации воображаемых фактов высвобождает смысл, или сущность (перцепции, эмоции, образа, сознания, понятия «человек» и др.), может дать *предельное* значение фактов и фактических отношений (К примеру, при анализе понятия «человек» психология лишь эмпирически определяет, что такие-то черты принадлежат людям, такие-то нет, а такие-то принадлежат людям и не людям. Но она не сможет сказать, достойна ли совокупность характеристик, полученных таким образом, конституировать определение человека, т.е. являются ли эти характеристики существенными или, напротив, случайными. Феноменологический же анализ будет стремиться строго фиксировать и интеллигибельным образом

связывать позиции или черты, которые назовут *человеческими*. Иными словами, феноменолог будет стремиться определить не то, насколько они часты, а то, насколько они выражают сущность человека [13, p. 23].)

Таким образом, эйдетическая рефлексия – не интроспекция и регистрация факта, но усилие понять, высвободить значение опыта, используя близость человека самому себе, которая и есть само определение cogito и рефлексии. Сущности феноменолога – постериорные идеализирующие фикции, определяемые ретроспективно, в контексте опыта и в контакте с ним, в интеллектуальном усилии возобновления и истолкования того, что конкретно переживается или экспериментируется.

Поставив своей главной целью выход за пределы сознания, поиск первоначального целостного элемента живого «наивного» контакта человека с миром и придание ему философского статуса (разорвав наше привычное родство с миром, надо открыть «немотивированное биение мира», а не дедуцировать или конституировать его актами сознания), французская феноменология в лице Мерло-Понти работает методом прямой дескрипции, не обращаясь к причинным объяснениям или психологическому генезису. Радикальная рефлексия должна осознать и описать свою зависимость от феноменального поля, от дорефлексивной, допредикативной жизни сознания, разъясняя наше исходное знание реального и описывая восприятие мира как основание нашей идеи истины: эйдетический метод есть метод феноменологического позитивизма, который основывает возможное на реальном.

Поэтому человеческое тело для феноменолога – не просто вещь среди других вещей в цепи каузальных связей мира, как в науке, но *проявление определенного способа быть в мире*. Видение для Мерло-Понти *проникнуто смыслом*, который и определяет его функцию в картине мира и в человеческом существовании. Чувствование и разумение – «своего рода интенциональная ткань», которую феноменологу предстоит расплести, чтобы понять, какие интенциональные отношения связывают человека с миром. Восприятие – инстинктивная инфраструктура и, одновременно, суперструктура, выстраиваемая разумом. Феноменологический мир выступает, таким образом, как мир *смысла*, проявляющегося на пересечении опытов человека и пересечении его опытов с опытами другого; и узел этих отношений – сами люди во всей их историчности, незавершенности и негарантированности. Задача философии – постижение *смысла* мира или истории в момент их зарождения. Отказываясь от «натурализма науки» и «спиритуализма всеобщего конституирующего субъекта», вопрошая все науки, она должна постоянно вопрошать и саму себя.

Итак, сделав новый исторически значимый шаг в обосновании специфики методологии философского и гуманитарного познания, феноменология а) разграничила философию и науки о человеке по такому критерию, как используемый ими образ сознания; б) тематизировала метод эйдетической интуиции в качестве специфицирующего философскую

рефлексию; в) показала его назначение и познавательные функции для наук о человеке (разработка предельных понятий); г) выдвинула идею «возвращения конечности позитивного значения» и обоснования рациональности на уровне фактического опыта.

Литература

1. Степин, В.С. Генезис социально-гуманитарных наук (философско-методологические аспекты) // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 37–43.
2. Лекторский, В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 44–49.
3. Философия и интеграция современного социально-гуманитарного знания (материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2004. – № 7.
4. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 57–82.
5. Вдовина, И.С. Морис Мерло-Понти: интерсубъективность и понятие феномена // История философии – № 1. – М., 1997.
6. Тузова, Т.М. Жан Поль Сартр. – Минск, 2009.
7. Sartre par Sartre // Le nouvel observateur. – 1970. – № 272.
8. Тузова, Т.М. Субъектность как проблема и задача // Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Беларусь, регион, мир. – Минск, 2008. – С. 50–59.
9. Merleau-Ponty M. La structure du comportement. – P., 1967.
10. Sartre J.-P. L'imagination. – P., 1936.
11. Sartre J.-P. Esquisse d'une théorie des émotions. – P., 1939.
12. Sartre J.-P. L'imaginaire. Psychologie phénoménologique de l'imagination. – P., 1940.
13. Merleau-Ponty M. Les sciences de l'homme et la phénoménologie. – P., 1954.

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Е.А. Алексеева

Актуальность темы определяется необходимостью пересмотра понимания человека в современной философии, в частности, необходимостью восстановления его субъектного статуса.

В современном социогуманитарном познании (находившемся достаточно долгое время под влиянием постмодернизма, структурализма и постструктурализма) исследование человека в значительной степени оказалось замещено исследованием *структур*, в которые включено человеческое существование, или – если выразить более острую позицию – в которых оно «растворено».

Констатация «смерти человека» (автора, субъекта и т. п.) стала почти общим местом философии последней трети XX века. Однако констатация «распавшегося субъекта» и провозглашение, заодно со «смертью человека», «конца метафизики» не может удовлетворить современную

философскую мысль, хотя бы потому, что исследования, базирующиеся на подобных постулатах, не способны объяснить *человеческое и социальное существование в их целостности и онтологической специфичности*.

Личность не может быть сведена к структурам, в которые она неизбежно включена. Подобное растворение в структурах, кроме всего прочего, неизбежно сделало бы загадочным вопрос об историческом развитии и историческом творчестве.

Философская онтология не может строиться за счет исключения *реальных* феноменов человеческого бытия (в том числе и феноменов, обеспечивающих возможность социального сосуществования людей и исторического развития, феноменов, являющихся «универсалиями» культуры: *право, мораль, творчество, свобода, ответственность*). А эти феномены необходимо связаны с субъектностью человека, с его способностью творчески самоопределяться и *неделимо* (без отсылки на обстоятельства и структуры) отвечать за свои действия (бездействие).

Кроме того, следует поставить вопрос о самом понятии «структура» и о способах понимания *соотношения структуры и личности*. Что может являться структурой или пониматься в качестве структуры? Обязательно ли структуры и личность находятся в оппозиционном отношении: чем больше структурного, тем меньше личностного? В оппозиционном до такой степени, что, например, в постструктурализме не приходится говорить не только о личности, но и о субъекте (разве что о «личиночном субъекте»).

Не может ли структура, напротив, давать возможность личностного становления и личностного трансцендирования? То есть, быть не оппозиционной для личности, не подавлять ее, а, напротив, амплифицировать ее?

Кроме вопроса об обязательности (или необязательности) оппозиционности комплекса «структура – личность», возникает законный вопрос о типах связи в этом комплексе. Являются ли они однозначно детерминистскими (в смысле однозначной зависимости личности или, в этом случае, «личиночного субъекта», от структуры): субъект (или то, что остается от него при таком подходе) – только функция структурных отношений? Или могут предполагаться гораздо более свободные типы связей? Например, субъект может «выбирать» (не обязательно в смысле сознательного решения, но, скорее, в смысле некоторой предрасположенности, готовности) структуры, в которые он может попасть. Или даже, более того, может собственным поведением поддерживать, не поддерживать, «сохранять», оберегать и, возможно, трансформировать структуры?

Еще одной методологической проблемой является проблема типов представленности действующих структур в индивидуальном сознании. Структуралисты, как правило, настаивают на безличности и неосознаваемости, бессознательном характере структур. Предшествующим структурализму вариантом является представление Маркса о

превращенной представленности экономических структур в сознании. Здесь встают важные философские вопросы. Во-первых, как это ни покажется странным, вопрос о самом понятии «осознанности»: что можно и что следует считать *осознанным*? Например, всегда ли осознанность предполагает эксплицитное знание причин и оснований собственного состояния и поведения, а также способность их ясно выразить? Если понимать это в столь узком смысле, то многие нравственные (а тем более, эстетические) феномены тоже попадут в категорию «бессознательного», а то и «иррационального» (вспомним, хотя бы, знаменитого «демона» Сократа, который предостерегал его от неверных действий).

Кроме того, здесь встает вопрос о самом типе существования этих бессознательных структур. Ряд критиков уже поставил вопрос о статусе структур в структурализме. «Не вдаваясь в детали критики, уместно воспроизвести главный упрек — в онтологизации принципа, естественные возможности которого не более чем эвристические. Одно дело сказать: мы ищем латентные структуры для научной проработки тех или иных фактов. Но совсем другое дело — объявить структуры не просто реальными, а единственной реальностью... Сартр, на которого обрушились с критикой структуралисты («Сартр — пленник своего *cogito*», — писал Леви-Стросс), отплатил им той же монетой. «Структуралисты, — сказал он, — пленники ничего не объясняющих схем: во имя якобы потаенного разума они отвернулись от разума, себя сознающего» [1, с. 641].

Можно отметить, что существующий в современной философии перекос в сторону такого типа структурного анализа, который минимизирует, а то и отрицает человеческую субъектность как авторство, вызывает необходимость модификации и расширения структурных номинаций. Если мы ответим на вопрос о смысле понятия «структура», то окажется, что их количество не ограничено привычным набором уже исследуемых структур, а может быть значительно увеличено (скорее всего, оно вообще не имеет заранее заданных ограничений). Если, например, в качестве структуры рассматривается невроз (в качестве структуры, естественно, ограничивающей субъектность человека, деформирующей его личность), почему в качестве структур, формирующих человека, способствующих его личностному становлению нельзя рассматривать науку, философию, искусство и т. д.? Здесь, на наш взгляд, можно говорить не только о структурах, оформленных в социуме и представляющих собой социальные институты. Даже наша обыденная жизнь пронизана тем, что можно назвать символическими мирами, имеющими собственную структуризацию и выдвигающими собственные требования к субъекту, способному понять их смысл. Причем требования, не ограничивающие субъектность и личность, а напротив, формирующие их.

Таким образом, *в человеческом мире присутствуют структуры, которые можно было бы назвать «антропогенными»*, структуры, вызывающие к личностному становлению человека, способствующие ему.

Без учета такого рода структур невозможна разработка концепции современной нередукционистской онтологии личности.

Желая «строго научно» объяснить человека, структуралисты объявили: *человек мертв*. Самое первое, что можно сказать по этому поводу, – это то, что объяснение, ликвидирующее объясняемое явление, объявляющее его попросту несуществующим, никак не может оказаться удовлетворительным. Как справедливо заметил С. Франк, «объяснение, сводящееся к отрицанию самого явления, подлежащего объяснению, логически порочно и несостоятельно» [2, с.293]. Во-вторых, человек не может быть «растворен» или уничтожен какими бы то ни было гуманитарными науками, какой бы то ни было философией. Поскольку «человек» – отнюдь не явление, созданное последними веками Западной культуры и должно исчезнуть с изменением социально-культурных обстоятельств. «Человек» – не в качестве абстрактного понятия – а в качестве нормативной, регулятивной идеи *является таким фактом человеческого сознания, который сам это сознание и формирует* (разумеется, наряду с другими фактами). Существовать в качестве человека возможно только зная, **что** есть человек и что то, **что** он есть, представляет собой (кроме всего прочего и поверх любой эмпирии) определенную **нормативную идею**. В.С. Соловьев замечает, что «общее понятие «человек» не только включает в себе отрицание частных особенностей того или другого человека в отдельности, но также еще утверждает некоторое новое высшее единство, которое обнимает собою всех людей, но вместе с тем от всех них различается и, следовательно, должно иметь свою особенную, независимую от них объективность, делающую его общою для них объективною нормою (*на такую норму мы прямо указываем, когда говорим «будь человеком» или «поступай сообразно человеческому достоинству» и т. п.*)...» [курсив мой – Е.А.] [3, с. 63].

Литература

1. Реале, Д. Западная философия от истоков до наших дней / Д. Реале, Д. Антисери. – Т. 4. – СПб., 1997.
2. Франк, С. Реальность и человек. – СПб., 1997.
3. Соловьев, В.С. Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М., 1989.

ИМПЕРАТИВНАЯ «ЧИСТОТА» КАТЕГОРИИ «ЧЕЛОВЕК»

Д.В. Ермолович

«Человек» – категория становящаяся (Ж.-П. Сартр и др.), т.е. еще не определенная. У Канта категорический императив сводится до требования быть человеком, т.е. сводится к тождеству («тавтологии») для «ставшего» человеком – это естественно. Поэтому можно и нужно вводить такую категорию (другого не дано и одновременно ответить на вопрос Канта –

что есть человек?), что и делает, например, Ницше – «сверхчеловек» (не только стоящий «по ту сторону добра и зла», но и «вечно творящий», в том числе и мораль, т.е. самоопределяющийся). Если же работать с понятием (частнонаучной категорией), а не категорией всеобщей, то вполне применима программа Просвещения, когда опыт изучения природы может быть перенесен на изучение природы человека и связанное с этим человеко-естествознание (например, психология и др.). Что-то подобное (по поводу категорий) уже понимал Протагор (человек мера всех вещей) и, чуть позже, Аристотель (человек – это возможность...).

Объективноориентированное отражение человеком реальности осуществляется посредством овеществления, опредмечивания, экстерииоризации, актуализации своего «Я». Субъективноориентированное отражение проявляется как идееобразующее, интериоризированное, рефлексивное, распредмечивающее начало человека. Дополнительно к сущностным признакам человека можно отнести «деятельный» признак – все, что связано с человеческим поведением и «креативный» – все, что связано с его творческой результативностью. Человек, человеческое «Я» при таком рассмотрении не разрушается в восприятии и имеет свои собственные качества и признаки, что делает проблему Человека одним из предметов исследования Науки.

Проблема человека в философских науках. Еще Аристотель легко отказывается от протагоровского понимания человека как меры всех вещей и утверждает, что изречение Протагора, становясь нравственным императивом, в практике жизни сразу же нарушается, ибо человек, проводящий обмер вещи, воспроизводит этим некий эталон, не принадлежащий ни человеку, ни обмеряемой вещи. Т.е. результатом обмера становится какая-либо оценка, сама уже не поддающаяся дальнейшему обмериванию и становящаяся поэтому в последствии табу, одной из форм морали. Таким образом, человек не есть носитель морали, но он эту мораль порождает, мораль есть отчужденный в социум, культуру результат его жизни.

Такой практический взгляд на философские науки делает главным вопросом этики и мировоззрения известный гамлетовский вопрос: «Быть или не быть», т.е. философия человека в первую очередь должна решать проблемы «минимума человека», подлинности, сущности человеческого «Я», свободы выбора и поиска смысла жизни.

Проблема человека в социальных науках. Утверждая конкретно-историческую сущность человека – когда содержание человеческой сущности, оставаясь в принципе тем же социальным, изменяется в зависимости от конкретного содержания той или иной эпохи, формации, социально-культурного и культурно-бытового контекста и т.д., – социальные науки неизбежно сужают понятие «человек» и сводят его к понятию «личность». Человек при этом понимается как некий социально равноправный субъект деятельности (или каких-либо других своих проявлений) и не более. Попытка расширения социальными науками

понятия «личность» вряд ли может считаться научной, а только порождает множество «недоопределенных» определений, социально-ролевых статусов человека: человек играющий, надеющийся, отрицающий и т.п.

Человек не рождается личностью, а становится ею, и этот процесс социален как в фило-, так и в онтогенезе. Социальные науки исследуют проблемы социализации человека, анализируют типы социального характера в их конкретно-исторических отношениях к обществу и культуре.

Проблема человека в психологических науках. Измеряя конкретно-проявляющиеся параметры человека, рассматривая человека в качестве субъекта жизни, постановщика и исполнителя задач, – психологические науки утверждают трудно разрешаемое противоречие единичного (в виде уникального) и общего (в виде возможного универсального). Разрешение этого противоречия находит свое прибежище в особенном – в индивидуальности человека. Индивидуальность не скована рамками конкретно-исторических условий своей жизнедеятельности, она формирует в широком диапазоне свой жизненный масштаб, линии поведения и самореализации. Поиск механизма индивидуализации человека – главная цель и заслуга психологических наук.

Проблема человека в биологических науках. Происхождение и эволюция человека как природного существа, процесс видообразования и видовое определение человека, особенности взаимодействия человеческого организма и окружающей среды, образование генотипа и фенотипа человека, происхождение психики и высшая нервная деятельность человека, – вот неполный перечень основных вопросов решаемых методами и средствами биологических наук. Существенным определением человека рассматривается его природное происхождение, воплощающее высшую ступень развития жизни, уникальное детерминирование врожденных и приобретаемых в процессе жизнедеятельности черт.

«Рабочая» модель «научной картины мира человека». В настоящее время понятие «научной картины мира» выдвинулось в центр мировоззренческой и теоретико-познавательной проблематики философии, ибо в нем выражаются и возросшие социальные требования к единству всех форм научного познания мира, к синтезу общественных, гуманитарных, естественных и технических наук, и возросшие возможности самой философии (*активно деятельностной философии*, диалектического материализма) для интеграции научных знаний. Зарождаются предпосылки Науки о Человеке. Определение категориальной сетки этой науки один из путей к разрешению проблемы человека.

НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА ЧЕЛОВЕКА (КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СЕТКА)

Признак	Комплексны	Объективно-	Субъективно-	«Деятельный	«Креатив
---------	------------	-------------	--------------	-------------	----------

Группа качеств	й	отражательны й	отражательны й	»	ный»
Этико-мировоззренческая	Идеал	Свобода	Универсальность	Культура	Разум
Социально-детерминированная	Нормативность	Адаптивность	Самоопределенность	Результативность	Гениальность
Социально-психологическая	Направленность	Конформность	Эмпатия	Поступок	Талант
Психологическая	Характер	Воля	Мышление	Действия	Способности
Психофизиологическая	Темперамент	Психосенсомоторика	Эмоции	Движения и жесты	Задатки
Биологофизиологическая	Генотип	Комплекс инстинктов	Опережающее отражение	Индивид.-физиологич. активность	Предрасположенность

Представленная узловая схема категориальной сетки «рабочей» модели научной картины мира человека, определяет собой один из возможных подходов к решению проблемы человека. Структурность и иерархичность такого класса моделей неоднократно, так или иначе, согласовывалась в мировой науке, поэтому здесь будет только дано (в выше изложенном контексте) краткое описание узлов одной из групп качеств (*этико-мировоззренческих*) предложенной категориальной сетки:

Идеал (совершенство, как «моральное высшее» (Л. Фейербах, В.И. Ленин)) – требует ответа на вопросы: познаваем ли идеал? достигим ли он? нужен ли он?

Свобода (воли или нравов). Причем, свобода воли должна обеспечивать право выбора человеком, а свобода нравов – обеспечивать отказ, т.е. право на сознательное самоограничение.

Универсальность – «практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое* тело» (К. Маркс, Э.В. Ильенков), собственно то, что человека отличает от животного.

Культура – способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, т. е. известный человеческой практике механизм самоактуализации как факт «очеловечивания» посредством культуры.

Разум – целеполагающее, диалектическое, «бесконечное» мышление (Г. Гегель), спонтанная, творческая активность человеческого рода. Эти качества не могут быть осмыслены как состояния, то есть идеал, свобода, универсальность, культура, разум – это их воспроизводство. Человек в результате только тогда человек, когда постоянно воспроизводит в себе человека.

ЧАЛАВЕК І СВЕТА У СУЧАСНЫМ НАТУРАЛІЗМЕ: СПРОБА АБГРУНТАВАННЯ ДЫЯЛАГІЧНАЙ АЛЬТЭРНАТЫВЫ

А.І. Бабко

Выдатная роля тэарэтычнага прыродазнаўства ў сучасным грамадстве, поспехі, дасягнутыя ім у пазнанні прыродных працэсаў, ствараюць спрыяльныя ўмовы для пашырэння адмысловага тыпу светапогляду – натуралістычнага. Натуралістычнае светабачанне прасякнута перакананнем у духоўным вяршэнстве прыродазнаўчых навук (і ў плане распрацаванай імі карціны свету, і з пункту гледжання характэрных для іх пазнавальных працэдур). У адпаведнасці з гэтым праз іх прызму разглядаюцца і філасофскія праблемы: іх пазнавальны патэнцыял лічыцца дастатковым для найбольш глыбокага вырашэння гэтых праблем.

Надзвычай яскрава дадзеная пазіцыя выявілася ў супольнай кніжцы С. Хокінга і Л. Млодзінава “Вялікі праект: Новае тлумачэнне ўніверсуму”. Аўтары абвясцілі ў ёй, што філасофія памерла і што адвечныя пытанні светапогляднага зместу і характару перайшлі ў кампетэнцыю навук [1, с. 11]. З іх разважанняў вынікае, што гіпатэтычныя навуковыя канструкцыі здольныя спасцігнуць і чалавека, і Сусвет, прычым яны могуць зрабіць гэта найлепшым, найглыбейшым з усіх існых духоўных формаў чынам. Яны падкрэсліваюць, што навуковы, рацыянальны шлях пазнання рэчаіснасці грунтуецца на прынцыпе дэтэрмінізму: кожную (без вынятку) падзею ва ўніверсуме неабходна разглядаць як абумоўленую законамі прыроды [с. 33]. Ідэя свабоды волі выглядае ў такой сітуацыі тэарэтычнай рэакцыяй на нашу няздольнасць ахапіць і разлічыць паводзіны ўсіх тых часціц, з якіх складаецца чалавечы арганізм. На самай справе нашы учынкi, як і функцыянаванне ўсякага іншага матэрыяльнага ўтварэння ў Сусвеце, намалагічна абумоўлены, і толькі надзвычайная складанасць нашай структуры не дазваляе перадаць іх сапраўдную існасць у функцыянальных матэматычных залежнасцях. У такіх умовах не застаецца нічога іншага, як звярнуцца да гіпотэзы, якая мае ніштаваты тлумачальны патэнцыял і дае магчымасць у пэўнай ступені справіцца з адпаведнымі тэарэтычнымі і практычнымі праблемамі, – гіпотэзы свабоднай волі чалавека [1, с. 33–35] (свабода вытупае тут, такім чынам, як мера нашага няведання).

Натурфіласофскія (у шырокім сэнсе слова) пошукі і знаходкі іншых прадстаўнікоў сучаснай навукі дазваляюць дапоўніць і ўзбагаціць дэтэрміністычную карціну свету, якую адстойваюць С. Хокінг і Л. Млодзінаў. За строгай заканамернасцю макрасвету, апісанага адпаведным чынам класічным прыродазнаўствам, навука ХХ стагоддзя адкрыла панаванне выпадку. Э. Шродзінгер, напрыклад, падкрэслівае ў дадзенай сувязі, што “ўсеагульны карань строгай заканамернасці, якую мы назіраем, – гэта *выпадак*” [2, с. 10] (тут і далей пераклад мой. – А.Б. Слова “выпадак”

пададзена курсівам у тэксце арыгінала). Ва ўнісон з выдатным фізікам званы біёлаг Ж. Манод піша, што створанае эвалюцыяй багацце жывых формаў на Зямлі з’яўляецца “вынікам гіганцкай латэраі, дзе чыста выпадкова выцягваюцца нумары, з якіх сляпы адбор вызначае рэдкіх пераможцаў” [3, с. 155]. Універсум зусім не напоўнены жыццём, не выношвае яго ў сваім чэраве, як біясфера не выношвала ў сваім чэраве чалавека: падобна іншым жывым істотам мы чыста выпадкова атрымалі шчаслівы латэраэйны білет [3, с. 161].

Такім чынам, атрымалася карціна, дзе чалавек падаецца як выпадковы прадукт эвалюцыйнага працэсу, а яго жыццё – як падпарадкаванае сляпой прыроднай неабходнасці. Уся яго ўнікальнасць зводзіцца да незвычайнай складанасці ягонай структуры і найперш мозга – крыніцы яго каласальных магчымасцяў і здзяйсненняў.

Для тых, хто падзяляе каштоўнасці, угрунтаваныя ў гуманітарнай культурнай традыцыі, для каго чалавек – гэта найперш духоўная істота, натуралістычны падыход быў і застаецца непрымальным. Гэта выразна выявілася ў звязанай з гуманітарнай культурай філасофскай традыцыі. Яе прадстаўнікі нястомна падкрэслівалі абмежаваны характар прыродазнаўчай карціны свету. Г.-Г. Гадамер, напрыклад, указваў, што фізіка нават у самым лепшым для яе выпадку – калі б яна ўзнялася да так званай тэорыі ўсяго – не магла б прэтэндаваць на ўніверсальны статус, бо ў ёй з неабходнасцю захоўваецца адрозненне паміж тым, хто робіць разлікі, і тым, што разлічваецца: “Фізіка, якая разлічвала б самую сябе і была б сваім уласным разлічваннем, заствалася б супярэчнасцю ў сабе” [4, с. 456]. Філософ дадае, што сітуацыя ў біялогіі мае аналагічны характар [4, с. 456].

Натуралістычная пазіцыя падаецца таксама досыць абмежаванай і, магчыма, нават рызыкаўнай у этычным плане. Наколькі эфектыўна на яе аснове можна супрацьстаяць спакусам, на якія багатая сучасная навука? І ці не спрыяе ўяўленне аб тым, што чалавек – гэта ўсяго толькі надзвычай складаная біямашына, калі не ўсім тэхнічна магчымым спробам яго “ўдасканалення”, дык, прынамсі, памяркоўным і добра ўзважаным? Пільнасць і асцярожнасць тут тым больш неабходныя, што ў рэчаіснасці мелі і маюць месца практыкі, у якіх чалавек зводзіцца да ўзроўню аб’екта маніпулявання і эксперыментавання (тое, што адбывалася ў нацысцкіх канцлагерах, уяўляе сабой, безумоўна, найбольш адыёзны прыклад такіх практык).

Падкрэсліць адпачатковую абмежаванасць і рызыкаўнасць натуралістычнага светабачання, шукаць і знайсці ў ім іншыя заганы і спыніцца на гэтым – досыць аднабаковы і бясплённы спосаб абыходжання з дадзеным феноменам. Значна бодыш дзейсны і выніковы шлях – разглядаць яго як выклік, як сур’ёзную філасофскую праблему, што задае важны кірунак тэарэтычнага аналізу. Таму сутыкненне з ім павінна ператварыцца ў дыялог.

Прыхільнікі натуралістычнай канцэпцыі надзвычай высока ацэньваюць светапоглядны патэнцыял прыродазнаўства і, як правіла,

блісуча валодаюць ім. Таму дыялог з імі можа быць паспяховым толькі ў тым выпадку, калі прыродазнаўчая праблематыка не знікне з яго прадметнага, змястоўнага поля. Гэта цягне за сабой, аднак, неабходнасць сур'эзнага яе даследавання, грунтоўнага аналізу светапоглядных патэнцый, светапоглядных асноў і светапоглядных набыткаў тэарэтычнага прыродазнаўства.

Разам з тым праблемнае поле згаданага дыялогу не павінна абмяжоўвацца прыродазнаўчымі аспектамі. Набыткі гуманітарыстыкі не менш значныя і адпаведныя аргументы не менш важкія, чым прыродазнаўчыя. І трэба адзначыць, што ў пэўных выпадках яны ўспрымаюцца прыродазнаўцамі з усёй магчымай сур'эзнасцю. Тут варта ўзгадаць вядомага нямецкага фізіка К.Ф.фон Вайцэкера, які здолеў узняцца да грунтоўнай, прафесійнай філасофскай рэфлексіі. Ён з прызнаннем згадвае гуманітарную навуку (“навуку пра дух” – *Geisteswissenschaft*) з яе інтэрпрэтацыйнымі падыходамі, бо яна шмат што дала яму ў плане разумення гісторыі філасофіі, без якога плённыя філасофскія даследаванні проста немагчымыя [5, с. 72].

Натуралістычны светапогляд належыць да духоўных феноменаў, да якіх нельга ставіцца аб'ектыўна. Ён правакуе і змушае да пошукаў. У ім выяўляецца каласальная складанасць праблемы чалавека і яго месца ў Сусвеце. Дыялагічная альтэрнатыва натуралізму звязана з сур'эзным стаўленнем да яго і яго аргументаў, якія павінны быць уключаны ў больш шырокі духоўны кантэкст, правераны і пераасэнсаваны ў ім.

Літаратура

1. Hawking, S.W. Der große Entwurf: Eine neue Erklärung des Universums / S.W.Hawking, L.Mlodinow. – Reinbek: Rowohlt, 2010.
2. Schrödinger, E. Was ist ein Naturgesetz? Beiträge zum naturwissenschaftlichen Weltbild / E.Schrödinger. – München, Wien: R.Oldenbourg, 1962.
3. Monod, J. Le hasard et la nécessité: essai sur la philosophie naturelle de la biologie moderne / J.Monod. – Paris: Seuil, 1970.
4. Gadamer, H.-G. Hermeneutik: Wahrheit und Methode. – 1. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik / H.-G. Gadamer. – Gesammelte Werke. – Bd. 1. – Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1990.
5. Weizsäcker, C.F. v. Der Mensch in seiner Geschichte / C.F. von Weizsäcker. – München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1991.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ПОСТПОЗИТИВИЗМЕ

А.Н. Бардушко

Кризис положений неопозитивистской исследовательской программы 1960–70 годов стал поводом для своеобразного аксиологического поворота, который был совершен рядом крупных

представителей западной (постпозитивистской) философии (К. Поппер, Т. Кун, Л. Лаудан и др.) и когнитивной социологии науки (Д. Блур, Т. Барнс и др.). Начиная с 1960-х годов, в рамках философии и когнитивной социологии науки важное место заняли исследования, касающиеся места и роли ценностей в структуре и динамике научного знания. Концептуальное последствие этого поворота описал в своей статье «Переосмысление философии науки сегодня» Э. Агацци. По его мнению, вследствие аксиологического поворота, «возникает аксиология науки как важный и серьезный аспект философии науки, и эта терминология относит ее в самом общем виде к широкому спектру ценностей, подразумеваемых занятиями наукой» [1, с. 42].

Постпозитивизм как многогранная научно-исследовательская программа с момента своего возникновения противопоставил себя предшествующей неопозитивистской программе исследования науки. Одним из объектов критики стало разделяемое неопозитивистами (Карнап, Рейхенбах) методологическое предписание об аксиологической (ценностной) нейтральности научного знания.

Уже Поппер, один из авторитетных представителей постпозитивистской программы, в докладе 1961 года «Логика социальных наук» сделал вывод о том, что «существуют... ценности, которые являются чисто научными, и такие, которые являются вненаучными» [2, с. 65]. По мнению ученого, к чисто научным ценностям следует относить истину, релевантность, плодотворность, объяснительную силу, простоту и точность. Наличие этих ценностей характерно не только для социальных наук, но и для естественных, поскольку «их точно так же невозможно исключить из исследования в области естественных наук, например в физике, как и социальных» [2, с. 67]. Согласно К. Попперу, научные ценности выступали в качестве метакритериев, используемых учеными при вынесении оценочных суждений.

Особое значение познавательным ценностям в науке придавал один из основателей исторической «школы» постпозитивизма Кун. В 1970 году вышло второе, дополненное издание книги Куна «Структура научных революций», где в качестве важного структурного компонента «дисциплинарной матрицы» науки выступают именно ценности. Он отмечал: «В качестве третьего вида элементов дисциплинарной матрицы я рассматриваю ценности. Обычно они оказываются принятыми среди различных сообществ более широко, чем символические обобщения или концептуальные модели» [3, с. 241]. По мнению Т. Куна, «дисциплинарная матрица» – продукт социально-психологической деятельности научного сообщества в определенных исторических условиях. В рамках «дисциплинарной матрицы» значение ценностей «обнаруживается тогда, когда члены того или иного научного сообщества должны выявить кризис или позднее выбрать один из несовместимых путей исследования в их области науки» [3, с. 241]. При этом, по мнению Куна, ученые используют определенную классификацию ценностей,

выделяя, во-первых, ценности касающиеся предсказаний; во-вторых, ценности, которые используются для вынесения решения в отношении целых теорий; в-третьих, другие виды ценностей, например точку зрения, согласно которой наука должна (или не должна) быть полезной для общества. Все многообразие вышеупомянутых ценностей Кун определяет как общепринятые ценности. Однако амбивалентность понятия «общепринятые ценности» было подвергнуто серьезной критики. Поскольку природа этих ценностей оставалась не ясной, т.е. шла ли речь о социальных (внеаучных) или о познавательных (научных) ценностях. Уточняя свою концептуальную позицию, в 1977 году Кун публикует статью «Объективность, ценностные суждения и выбор теории», в которой выделяет список особых ценностей, которыми руководствуются ученые, осуществляя выбор теорий в науке: точность, непротиворечивость, область приложения, простота и плодотворность. Обращаясь к роли этих ценностей, Кун пишет: «Они в действительности определяют очень многое: то, что ученый должен учитывать, принимая решение, то, что может или не может считать релевантным, то, что от него legitimately может требоваться в качестве отчета о базисе того выбора, который он сделал» [4, с. 37]. Необходимо отметить, что описанные выше ценности ученый относил к разряду когнитивных ценностей, а не социальных. «В конце концов не случайно, – отмечал он, – что мой список ценностей, направляющих выбор в науке, близок почти до тождественности с традиционным списком правил, диктующих выбор» [4, с. 37].

В 1984 году представитель так называемого «младшего» поколения постпозитивистов Лаудан публикует работу «Наука и ценности». В этой работе Лаудан рассматривает модель научной рациональности, которая включает в себя три уровня обоснования: фактуальный, методологический и аксиологический. Согласно предложенной Лауданом сетевой модели обоснования, все три уровня связаны отношениями взаимной зависимости и взаимовлияния. Аксиологический уровень включает в себя совокупность «cognitive values» (когнитивных ценностей), выражаемых в форме целей науки, – «естественно рассматривать правила как средства и инструментарию, позволяющие достичь познавательных ценностей, мыслимых как цели» [5, с. 295]. В качестве когнитивных ценностей, по мнению Лаудана, могут выступать истинность, самосогласованность, простота, предсказательная точность, экономия и др. В отличие от Куна, отрицавшего возможность рационального объяснения изменений целей в науке, Лаудан полагал, что смена когнитивных ценностей (целей) осуществляется рационально. В качестве рационального критерия выбора целей, согласно Лаудану, выступает принцип практической достижимости. Однако, в случае выбора целей, научное сообщество должно использовать инструменты рациональной и критической оценки. В качестве таких инструментов критики, согласно Лаудану, используются, по меньшей мере, три различных вида стратегии утопизма. Стратегия демонстративного утопизма предполагает, что определенная

познавательная цель вообще не может быть достигнута. В рамках стратегии семантического утопизма следует отказываться от целей «если некто имеет в виду следовать этой цели, но не может ни описать ее абстрактно, ни рассмотреть ее на конкретных примерах» [5, с. 325]. Главный недостаток такого выбора целей состоит в том, что отсутствует какой-либо объективный способ различать, достигнута ли эта цель или нет. В случае если «никто из поборников не может сформулировать (чтобы работать не с ее явной формой) критерий, определяющий, когда цель присутствует или удовлетворяется, а когда нет» [5, с. 327], то такую стратегию Лаудан называет эпистемологическим утопизмом.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, аксиологический поворот в постпозитивизме осуществлялся в рамках критики интерпретированного неопозитивистами в качестве универсального критерия научной рациональности методологического предписания о ценностной нейтральности научного знания; во-вторых, в отличие от сторонников когнитивной социологии науки, рассматривающих ценности в науке в контексте их социального происхождения, представители постпозитивизма акцентируют внимание на творческих функциях познавательных (когнитивных) ценностей; в-третьих, постпозитивистски ориентированные философы признают целесообразным выделение в рамках эпистемологии особого раздела – аксиологии науки, рассматривающей проблематику выбора когнитивных ценностей (целей) в науке.

Литература

1. Агацци, Э. Переосмысление философии науки сегодня // Вопросы философии. – 2009. – №1. – С. 40–52.
2. Поппер, К. Логика социальных наук // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – С. 65–75.
3. Кун, Т. Структура научных революций с вводной статьей и дополнением 1969 г. – М., 1977.
4. Кун, Т. Объективность, ценностные суждения и выбор теории // Современная философия науки. Хрестоматия / состав. А.А. Печенкин. – М., 1994. – С. 37–38.
5. Лаудан, Л. Наука и ценности // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – М., 1996. – С. 295 – 342.

АКСИОЛОГИЯ БЕСПЕРСПЕКТИВНА

А.Б. Демидов

Аксиология выдохлась. Расцвет аксиологического системосозидания пришёлся на конец XIX и первую треть XX веков. С тех пор поток

публикаций о ценностях не убавился, однако претензии на фундаментальную новизну идей стали скромнее. Похоже, эвристический потенциал аксиологии близок к исчерпанию.

Возможно, угасание новаторского энтузиазма в аксиологии обусловлено переменами в стиле мышления новых поколений философов, а именно отходом от субъект-объектной парадигмы, специфичной для Нового времени. Такое допущение сделал Ю. В. Перов: «не только пик влияния “философии ценностей”, но и сама она в целом принадлежат уже прошедшей эпохе философствования» [1, с. 117].

Не слишком обнадеживающим представляется состояние аксиологии В. К. Шохину. Он констатировал «наличие не только не решенных, но даже и не рассмотренных проблем, связанных с её “теоретическим каркасом”, а также методологический хаос, который царит в дефинициях самого понятия “ценности”, равно как и в определении места аксиологии в общей структуре философского дискурса» [2, с. 10].

Смутность понятия ценностей отметил немецкий автор Я. Нилбок. В своём исследовании под названием «Что такое ценности?», он деликатно заметил, что «в философии, несмотря на все усилия, не всегда ясно, о чём в точности идёт речь, когда говорится о “ценностях”». [3, S. 5] Тем не менее, в заключении он выразил уверенность, что в философии ценностей «ещё сохраняется огромный исследовательский потенциал» [3, S. 31].

В своём обширном исследовании почти с таким же названием «Что такое ценность?» американский философ-аналитик Э. У. Холл пришёл к выводам, далёким от оптимизма, и выразил «серьезное и честное сомнение, есть ли вообще такая вещь, как ценность» [4, p. viii].

К числу критиков аксиологии принадлежал М. Хайдеггер, который, как и Ф. Ницше, считал, что «ценность» есть лишь «точка зрения», а «речь о “ценностях в себе” есть либо безмыслие, либо фальшивая монета, либо то и другое вместе» [5, с. 98]. Скепсис по отношению к понятию ценности высказывали многие видные сторонники аналитической философии: Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Дж. Мур и др. Довольно эмоционально высказался об этических ценностях Ф. Вайсманн: «...всей этой болтовне об этике — имеется ли познание, имеются ли ценности, можно ли определить добро, etc. — приходит конец. В этике всегда пытаются сказать нечто, что не имеет отношения к сущности вещей и никогда не сможет иметь к ним отношение. *Apriori* достоверно: то, что всякий раз выдают за дефиницию добра, всегда лишь недоразумение...» [6, с. 54]

Несмотря на выступления скептиков и критиков, аксиология ещё сохраняет вид состоятельности и значимости. Но кажущаяся респектабельность способна очаровывать тех, кто недостаточно близко с нею знаком. Социологи, культурологи, историки, психологи, этики, искусствоведы — практически все, кто причастен теоретически или практически к социально-гуманитарным познаниям, ещё могут надеяться, что если они не вполне понимают смысл термина «ценности», то всё же есть аксиологи, которые знают, о чём говорят. Сохраняется вера в

возможность основывать на аксиологическом фундаменте этические, эстетические, экономические, социальные, культурологические и прочие теории. Но дело в том, что сама аксиология опирается на призрачное и неопределимое понятие ценности.

Попытки исправить коренной дефект аксиологии всё же не прекращаются. Так, вышеупомянутый В. К. Шохин предложил в качестве альтернативы дискурсу о «безличностно-ценном», который стал западнёй для классической аксиологии, развивать персоналистическую аксиологию. «Суть этой смены парадигм может состоять в персоналистском переосмыслении самого субъекта ценностного мира» [2, с. 75].

В своей версии исцеления аксиологии А. А. Ивин для определения понятия ценности постулировал, что ценность, как и истина, является не свойством предмета, а «*отношением* между мыслью и действительностью» [7, с. 8]. Таким способом как будто получается, что ценность не локализуется либо на стороне объекта, либо на стороне субъекта, но пребывает в их соотношении. И далее выводится дефиниция: «истина — это соответствие мысли своему объекту, позитивная ценность (добро) — соответствие объекта мысли о нем» [7, с. 11]. Впору воскликнуть: «ларчик просто открывался!» Но если ценностью называют *отношение* субъекта к объекту, то речь идёт фактически уже не о ценности, а об оценке, которая и есть ценностное (или оценивающее) отношение субъекта к объекту. Здесь смешиваются два понятия, на различении которых так настаивали неокантианцы.

Понятие ценности неисцелимо. Произнося слово «ценность», мы уже подразумеваем нечто пред-стоящее перед нами, особое, наличествующее «само по себе» и лишь дающее нам ценить, оценивать его. Так называемые «ценности» как бы актуализируются в наших актах оценивания, существуя всё же и без наших оценок «сами по себе». Но как только мы перестаём оценивать предмет и начинаем изучать его объективными эмпирическими методами, то никаких ценностей мы в предмете не находим — перед нами только он сам как факт. В чём тут фокус? А фокус в том, что никаких ценностей в качестве чувственно воспринимаемых вещей или скрытых, незримых «сущностей» вовсе нет. Но есть или действительные вещи во плоти, или представляемые умом и воображением предметы, которые мы оцениваем, т. е. определяем их значение и степень важности. Существуют не «ценности», а вещи или предметы, которые мы оцениваем и ценим. Но это означает, что ценность является производной от оценивания, а не наоборот, как склонны считать аксиологи-«объективисты».

Кстати, Г. Лотце, определивший «ценности» как значения/значимости (*Geltung*), и последовавшие за ним неокантианцы сделали ошибку. В принципе, значимо всё, с чем мы имеем дело, но не всё является ценным. Понятие «значимости» по своему объёму шире, чем понятие «ценности». Можно сказать, что «ценность» — разновидность «значимости», но тогда «ценность» не есть предельно общее понятие, не подводимое ни под какое другое, как полагают некоторые.

Если признать, что «ценностей» как таковых нет, то это означает, что аксиология, поскольку она основывается на «ценностях» как базовом понятии, не подлежит исцелению никакими уточнениями понятия «ценностей» и не имеет перспективы в качестве направления научных исследований. И всё же в действительности существуют и постоянно совершаются нами *акты оценивания*. Они генетически (исторически) предшествуют «ценностям»; иначе говоря, они первичны, а «ценности» как социально легитимированные нормы вторичны. Действительно плодотворной и состоятельной должна стать иная наука — не о «ценностях», а об актах оценивания. Наречь её можно именем «эстиматика» (от лат. *aestimatio* — оценивание).

Сотворив себе понятие «ценностей», аксиология сама создала камень, который она не может поднять. Разве это не сизифов труд?

Литература

1. Перов, Ю. В. Историчность и историческая реальность / Ю. В. Перов. — СПб., 2000.
2. Шохин, В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль / В. К. Шохин. — М., 2006.
3. Nilbock, J. Was sind Werte? Philosophische Grundlagen zur Wertedebatte / Jan Nilbock. — München, 2007.
4. Hall, E. W. What is value? An essay in philosophical analysis / Everett Wesley Hall. — N. Y., 1952.
5. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм / Мартин Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. — М., 1993. — С. 63–176.
6. Вайсманн, Ф. Людвиг Витгенштейн и венский кружок /Фридрих Вайсманн// Аналитическая философия: становление и развитие: Антология / Общ.ред. и сост. А. Ф. Грязнова. — М., 1998. — С. 44-69.
7. Ивин, А. А. Аксиология: науч. изд. / А. А. Ивин. — М., 2006.

ПРОЕКТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В АНТРОПОЛОГИИ ВСЕЕДИНСТВА

Н.Г. Севостьянова

Аподиктическим основанием философско-антропологических исследований выступают общенаучные логические методы познания. К этим методам прибегают и философы, которые рассматривают человека как существо метафизическое в различных проекциях сущего.

Отмечая интегративный характер духовного опыта, в котором осуществляется синтез знания и переживания, концентрация всех человеческих сил и способностей, философы разных направлений

отмечают, что *homo sapiens*, он же *homo moralis*, полагает мышление в основу всех своих действий, но при этом метафизическая потребность к трансцендированию, к выходу за пределы своей природной сущности и эгоистической ограниченности, составляет одну из предпосылок нравственности, делает саму нравственность возможной.

Такая установка была реализована в русской философии Серебряного века и, в частности, в *метафизике* (антропологии, логике) *всеединства*, которая отличается формальной строгостью наряду с идеалом живого знания – содержит *проективную* методологию философско-антропологических исследований. Раскрытые в ней концептуальные основания познания человека духовного *актуальны* и для современных стратегий изучения человека во всем многообразии его сущностных воплощений.

Проективную методологию антропологических исследований, в которой совмещаются различные дискурсы и проводится принцип всеединства («единства множественности»), органической целостности мирового бытия, содержат системы русских мыслителей В.С. Соловьева, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, а также братьев Трубецких С.Н. и Е.Н., В.Ф. Эрн, Л.М. Лопатина, А.Ф. Лосева.

Основными методами изучения проблемы человека выступают положительная диалектика (В.С. Соловьев), трансрациональность (С.Л. Франк), трансцендентно-имманентный метод (С.Н. Булгаков), интуитивная дискурсия (П.А. Флоренский), самоподобие (Л.П. Карсавин), интуитивизм (Н.О. Лосский), апологетика (Е.Н. Трубецкой).

В.С. Соловьев изучает человека метафизического с помощью *метода положительной диалектики*, которая составляет оппозицию рационалистической диалектике и позволяет рассмотреть противоречия сущего, сущности и существования в жизни человека. При этом система положительных, а не отвлеченных начал бытия раскрывается ученым в живой и конкретной целостности, в единстве нравственно-религиозного опыта. Способ разрешения любого противоречия в антропологическом учении В.С. Соловьева – проективный, потому что сущее имеет лишь проекции в бытии, связь которых с сущим неясна и неполна. Антиномии в рассматриваемом знании показывают наличие в разуме сверхразумного начала.

Метод трансрациональности прямо или косвенно используется всеми разработчиками проективной методологии в антропологии всеединства. Трансрациональность раскрывается, по мысли С.Л. Франка, автора данного термина, «в единстве рациональности и иррациональности». При этом «противоречиво пытаться определить трансрациональное» или непостижимое по существу, оно «просвечивает» сквозь рациональное и является «чистым даром»; не доказывается, а показывается и переживается в живом опыте и созерцании. «Непостижимое постигается через постижение его непостижимости».

Метод трансрациональности позволяет рассмотреть *самореферентное знание* о человеке духовном, которое отличается содержательной полнотой и формальной неполнотой. Это «умудренное неведение» означает незнание, осознавшее само себя, и знание, познающее через незнание. В таком неведении исчезают антиномии мышления и появляется интеллектуальное смирение, далекое от критических настроений. Умудренное неведение является живым знанием, направленным на само бытие человека, а не просто на серию его поступков, и поэтому оказывается наилучшим ведением.

Онтологическими концептами проективной методологии в антропологии всеединства являются цельное знание (В.С. Соловьев), непостижимое (С.Л. Франк), православно-мистическое (С.Н. Булгаков), конкретно-метафизическое (П.А. Флоренский), антиномичное сущее (Е.Н. Трубецкой), единство множественности (Л.П. Карсавин), иерархический персонализм (Н.О. Лосский).

Цельное знание, интегральное по сути, суммирует религию, философию и науку с метафизикой, антропологией и историософией. В.С. Соловьев подчеркивает универсальность онтологической триады «сущее (дух, душа, логос) – сущность (благо, истина, красота) – существование (воля, представление, чувство)». Концепт цельного знания раскрывается в учении об Абсолюте, который, с одной стороны, означает всеединство, которое есть, с другой стороны – показывает мир как всеединство в состоянии становления. Связующим звеном между божественным и природным миром выступает София.

Онтологический концепт непостижимого в антропологии С.Л. Франка обнаруживается в трех измерениях бытия человека: во «внешнем», предметном бытии (непостижимом-для-нас); во «внутреннем», непосредственном самобытии; в объединяющей их первореальности (непостижимом-самом-по-себе). Условием перехода от предметного бытия к первореальности и смыслу жизни является вера.

Гносеологическими концептами проективной методологии выступают единосущие Бога и мира, дополненное антропологическим и аксиологическим дуализмом (В.С. Соловьев), антиномистический монодуализм (С.Л. Франк), софиологический монодуализм (С.Н. Булгаков), исихастское всеединство (П.А. Флоренский), христианский монодуализм (Е.Н. Трубецкой), пантеистическое единство множественности (Л.П. Карсавин), онтология ценностей (Н.О. Лосский).

Концепт единосущия раскрывается В.С. Соловьевым через рассмотрение маргинального бытия человека. Индивидуализация всеединства, «форма для добра как безусловного содержания», человек противоречив. «Двух предметов не встречал я в природе: достоверно-законченного праведника, достоверно-законченного злодея», – пишет В.С. Соловьев. *Концепт антиномистического монодуализма* раскрывается С.Л. Франком с помощью потенцированного (сохраняющего утверждения) отрицания. В логосе непостижимого совмещаются все проекции сущего:

ведь в бытии есть инобытие, в разуме – сверхразумное (вера) и интуитивное начала. «Всякое отрицание утверждает отрицаемое содержание», и онтологически в духовном бытии «действует одно правило, именно состоящее в отрицании адекватности всех общих правил».

Проективная методология в антропологии всеединства, несмотря на свою формальную сложносочиненность, всегда сохраняет идеал живого и цельного знания.

Антропологические концепты метафизики всеединства показывают дуализм человека (В.С. Соловьев), духовность человека (С.Л. Франк), мистику спасения (С.Н. Булгаков), антроподицею (П.А. Флоренский), крестный путь человека (Е.Н. Трубецкой), тварного человека (Л.П. Карсавин), действительного субстанциального деятеля (Н.О. Лосский).

В учении В.С. Соловьева *человек несовершенный* имеет три природы – материальную, социальную и божественную. Понять человека можно из того, что ниже его (стыд), равно ему (жалость) и выше его (благоговение). *Концепт человека духовного* в философии С.Л. Франка показан через уровни самораскрытия на общих началах соборности, служения, солидарности и свободы. Главное трансцендирование во-внутрь, раскрывает отношение «я» и «ты», показывает «единство тайны страха и вражды с тайной любви». Здесь заданный каждому смысл жизни («путь, истина и жизнь») утверждают человека в вечности. Философ называет «душевной могилой» безразличие к данной теме, а причиной такого равнодушия – суету сует.

Аксиологические концепты проективной методологии в логике всеединства показывают совершенное добро как любовь (В.С. Соловьев), смысложизненную первореальность (С.Л. Франк), единство веры и разума (С.Н. Булгаков), интуитивную веру (П.А. Флоренский), идеал обожения (Е.Н. Трубецкой), свободу и любовь (Л.П. Карсавин), ответственность (Н.О. Лосский).

Концепт совершенного добра в антропологии В.С. Соловьева базируется на замысле оправдания добра и его отождествления с любовью, верой и смыслом жизни в опыте противоречивого человека. Совершенное добро складывается из природного, разумного и абсолютного добра. При этом «отрицательный голос стыда, совести и страха Божия становится в человеке положительным сознанием его божественности». «Жалость, которую мы испытываем к существу, подобному нам, получает иное значение, когда мы видим в этом существе образ и подобие Божие». Благоговение означает веру, надежду и любовь.

Концепт смысла жизни в антропологии С.Л. Франка обнаруживается на всех уровнях непостижимого. Смысл жизни человека проявляется во внешней реальности как умудренное неведение; во внутреннем личностном мире как любовь; в первореальности как любовь и страх, доверие и трепет. Характерно, что в знании бессмысленности заложен момент искания смысла.

Таким образом, проективная методология в антропологии всеединства раскрывает ее метафизическую (инорациональную) проблематику и показывают возможность содержательного обоснования проблемы человека духовного.

МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ПРОБЛЕМА СИНТЕЗА ПАРАДИГМ

Н.А. Никонович

Одним из значительных представителей современной философии религии, наряду с П.Д. Шантепи де ла Соссе, Р. Отто, Г. Ван дер Леувом и другими является М. Элиаде, создатель Чикагской школы сравнительного религиоведения, известный религиовед и теоретик мифа. На фоне развития религиоведческой и культурантропологической науки в XX веке значительным прогрессом явилось возникновение его теории мифа, которая открыла перед религиоведением и философией культуры новые горизонты. Работы М. Элиаде определяют магистральную линию религиоведческих исследований. Без преувеличения, он является одним из самых ярких религиоведов XX века. Парадигма М. Элиаде является самобытным подходом в изучении мифа и религии, значительным шагом вперед в развитии религиоведческой науки. Она содержит ценные разработки в этой области, подводя итог сделанному в этом направлении другими школами и исследователями. М. Элиаде принадлежит качественно новая трактовка религиозных феноменов: на основании теории мифа М. Элиаде можно конструировать онтологию мифа и религии, что дает основание обозначить его подход как мифо-онтологический [5].

Для того, чтобы эксплицировать особенности религиоведческой методологии М. Элиаде, необходимо обратиться к анализу предшествующих школ. Развитие религиоведческой науки, как показано российским религиоведом А.Н. Красниковым, во многом происходило под влиянием господствующей эволюционистской парадигмы Э. Тэйлора, и лишь с возникновением теории прамотеизма Э. Лэнга происходит некоторый отказ от нее [1, с.70]. Другой концепцией, в рамках которой происходило развитие религиоведения, является концепция «табу-ману» Р. Маретта, оказавшая влияние на последующее развитие данной науки. Для анализа предшествующих М. Элиаде парадигм особое значение имеет диффузионизм Ф. Гребнера и В. Шмидта, обращение к работам которых присутствует у М. Элиаде. Диффузионистское направление в религиоведении, так же, как и подход М. Элиаде, противоположно эволюционизму – «Вера в Высших богов, согласно Шмидту, обнаруживается у диких народов, которые с этнологической точки зрения являются наиболее древними» [1, с. 81]. Данное высказывание, как можно

заметить, содержит идею прамотеизма. Таким образом, религиозность была присуща первобытным культурам, что подтверждают и исследования М. Элиаде. Позитивно относясь к концепции прамотеизма В. Шмидта, М. Элиаде возражал против его «исключительно рационалистического метода» [4, с. 47]. «Он игнорировал тот очевидный факт, что религия – очень сложное явление, что она является, прежде всего, неким *sui generis* опытом, открывающимся во встрече человека с сакральным», - отмечает мыслитель [4, с. 47]. Тема прамотеизма возрождается в работах итальянского религиоведа Р. Петтацони, который высказывается о наличии верований в «Высшее Существо» с позиций «исторической» феноменологии религии. Причину подобных верований он видит, в отличие от В.Шмидта, в «экзистенциальных потребностях человека» [2, с. 150]. Отмечая глубину и многомерность исследований Р. Петтацони, М. Элиаде указывал на необходимость обращения к историческому контексту. «Находясь под влиянием Кроче, Петтацони рассматривал религию как явление чисто историческое. Он правомерно настаивал на историческом характере всякого религиозного творчества» [4, с. 52]. Исторический метод исследования религий, в частности индо-европейских, применял и Ж. Дюмезиль, внесший определенный вклад в развитие религиоведения. При этом, согласно М. Элиаде, следует избегать крайности исторического редукционизма, при котором за историческим описанием религий утрачивается смысл.

Анализируя религиоведческую доктрину М. Элиаде, можно обнаружить определенное сходство с концепцией прамотеизма, существующей в современном религиоведении. В частности, это выражается в представлении о перманентной религиозности, развиваемом М. Элиаде, своего рода «религиозном априори» (термин введен Э. Трельчем [3, с. 47]).

Достаточно долгое время оставалась влиятельной социологическая парадигма Э. Дюркгейма. Э. Дюркгейм, как и М. Элиаде, также обращается к понятию «сакральное», однако связывает его существование с социальной жизнью. Социальное начало в данной доктрине является первичным по отношению к формам духовной жизни, что дало исследователям повод для упреков в социологизме, абсолютизации социального начала. В этом смысле подходы Э. Дюркгейма и М. Элиаде кардинально отличаются, поскольку духовные параметры, по М. Элиаде, не являются жестко детерминированными социумом. Скорее, здесь присутствует обратная связь – специфика духовной жизни определяет тип жизнедеятельности социума. Однако М. Элиаде достаточно высоко оценивает вклад постдюркгеймовской социологии религии в развитие религиоведения – «Социологические данные помогают ученому постичь живой контекст этих данных и избавляют его от искушения абстрактных интерпретаций религии», - полагает он [4, с. 40].

Методологические проблемы исследования религии важны потому, что объектом многих религиоведческих парадигм являются комплексы

традиционных религий, понимание смысловосферы, менталитета и логики которых представляет значительные трудности в силу удаленности во времени и другой специфики мышления. Это касается тотемических религий, а также комплекса мифо-религиозных представлений, обладающих совершенно иными ментальными характеристиками, чем монотеистические религии. Другой немаловажный аспект – методологические принципы и теоретические установки исследователя. В этом смысле важно избежать методологического редукционизма и привнесения собственных смыслов интерпретатора, свойств субъекта в исследуемую религию.

Каковы пути выхода из подобного методологического тупика? В данном случае может оказаться продуктивным выдвинутый этнопсихологией *emic*-подход, фундированный идеей аутентичного исследования культурного и религиозного материала, что приближает к пониманию неевропейских религий.

Другим методом может быть метод эмпатии, имплицитно представленный М. Элиаде. Говоря об используемой им методологии, следует отметить герменевтический метод. Хотя у М. Элиаде нет отдельных работ, посвященных «творческой герменевтике», реконструируя его воззрения, можно увидеть, что она представляет собой механизм вчувствования, эмпатии в предмет исследования, в данном случае доисторического менталитета. В методологическом плане данный вид герменевтики мало чем отличается от традиционной герменевтики, разработанной В. Дильтеем и Ф. Шлейермахером. «Творческая герменевтика» подразумевает акт творческого вчувствования в объект исследования с целью воссоздания его ментальных характеристик и основанного на них дальнейшего анализа. Разница в миропонимании исследователя первобытной культуры и ее представителей достаточно велика, и адекватная реконструкция совершенно иного, отличного от западного, мировоззрения представляет некоторую проблему, что было подмечено французской школой Анналов. Поэтому в подобной ситуации, когда воссоздать целостный облик культуры затруднительно, большое значение приобретает «герменевтика сакрального», предложенная М.Элиаде, позволяющая максимально сократить дистанцию между исследователем и исследуемой культурой.

Современное гуманитарное знание стоит перед необходимостью выработки новых подходов и синтеза парадигм. В данном контексте представляется значимым проект феноменологии религии и культуры М. Элиаде. Стратегия фундаментальной онтологии М. Хайдеггера может быть дополнена онтологией культуры М. Элиаде. Подход М. Элиаде дает основания для построения многомерной модели культуры, учитывающей и экзистенциальные, и онтологические модусы. Необходимость выработки новых парадигм, о которой пишет российский религиовед Е. Торчинов, выдвигает вопрос об основаниях, которые могут быть фундаментом синтеза парадигм. Такие базовые области гуманитарного знания, как

философия культуры, онтология мифа и религии могут быть концептуальным ядром теоретических разработок в области синтеза парадигм и подходов. Другой немаловажный вопрос - прояснение путей синтеза и экспликация методологий, фундирующих теоретическую основу подобного синтеза. Этот вопрос немаловажен, поскольку от исходных методологических посылок зависит конечный результат интеграционных стратегий. Синтез парадигм имеет своим дальнейшим логическим следствием создание новой модели культуры, ингибирующей такие базовые константы, как онтологическая размеренность феноменологии религии, трансперсональные подходы в широком диапазоне их модификаций (трансперсональная и гуманистическая психология, экзистенциальная философия), а также фундаментализм хайдеггеровской онтологии.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект № Г11М-131

Литература

1. Красников, А.Н. Западное религиоведение первой половины XX века: от эволюционизма к диффузионизму и теории прамотеизма // Религиоведение. – 2001. – № 2. – С.70-84.
2. Петтацони, Р. Высшее существо: феноменологическая структура и историческое развитие // Религиоведение. – 2002. – № 1. – С.149–154.
3. Уколов, К.И. Проблема религиозного априори в западной религиозной философии (Э. Трельч, П. Тиллих) // Вестник ПСТГУ. I. Богословие. Философия. – 2008. – Вып.3 (23). – С. 45-55.
4. Элиаде, М. Ностальгия по истокам. – М., 2006.
5. Nikonovich, N. El paradigma del mito-ontológico de Mircea Eliade y su significación metodológica / N. Nikonovich // ANDULI. Revista Andaluza de Ciencias Sociales. – 2011. – №.10. – Pags. 121–126.

МАРГИНАЛЬНОСТЬ – ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Е.А. Жмодикова

При внимательном взгляде на историю культуры и общества за доминирующими, а значит и наиболее известными, явлениями можно обнаружить «второстепенные», которые не входят в каноны культурной традиции и лишь частично подчинены ее нормативности. Однако в культуре существуют и так называемые «маргинальные» явления, настолько периферийные и неявные, что они фактически не артикулируются. Культура и общество, структурированные как иерархические системы, инициируют приоритет нормы. Все, что не является нормой, как правило, наделяется негативными чертами и избегается. В силу этого, маргинальные явления, как находящиеся либо у самого края, либо за пределами структуры, могут восприниматься как

исключительно чужеродные, несмотря на то, что присутствуют в обществе и в культуре.

Кризисные ситуации и трансформационные процессы, приводящие к ломке и реструктуризации культурной и социальной системы, делают маргинальные феномены более заметными. Данные феномены попадают в поле внимания не только ученых, но и органов социального управления. Странные и чужеродные, они интерпретируются как проблема, которая должна быть разрешена. Однако человеческое мышление выработало только две стратегии, при помощи которых наше сознание способно справиться с чем-то непонятным – это исключение и поглощение [1, с. 110]. Поэтому в исследовательской литературе маргинальность описывается как «уже естественная» часть социокультурного пространства (которая может нести и негативные следствия) либо как проблема, которая попросту надумана.

Маргинальные явления – это достаточно новое поле для изучения в социо-гуманитарных науках и оно еще плохо изучено. Однако в большей степени вопрос состоит в том, что такое вообще «маргинальность» и как ее следует понимать. Отчасти это является следствием того, что в социокультурном пространстве существует множество явлений, которые имеют сходные характеристики. В зависимости от расставленных акцентов и академической традиции эти явления описываются через разные понятия, между которыми иногда невозможно провести четких разграничительных линий. Однако помимо определённой синонимичности эти понятия фиксируют некоторый комплекс процессов и явлений, связанных сложной причинно-следственной зависимостью, в которой причина и следствие часто меняется местами. Это такие понятия как: маргинальность, лиминальность, аутсайдерство, изгойничество, фигура Иного и Чужого, стигма, девиация, аномия, амбивалентность и некоторые другие.

Как в англоязычной, так и в русскоязычной исследовательской литературе эти смежные понятия используются в комплексе, раскрывая одно нечеткое понятие через другое. Подобная ситуация дает возможность для критического взгляда на проблему; создается ощущение непродуктивности использования понятия «маргинальность». Главный аргумент критики (преимущественно в прикладных областях социологии и психологии) состоит в том, что невозможно создать инструментальный аппарат, который бы помог чётко дифференцировать маргинальные и не маргинальные явления [2, с. 3]. Но почему это действительно может быть неосуществимо? Возможно данная ситуация сложилась в силу как многомерности самих явлений, имеющих неодинаковые характеристики в различных обществах в различных исторических периодах, так и с вязи с их трансформацией в современной культуре.

Маргинальность может проявляться на различных уровнях действительности, но наибольшее осмысление она получила в своем социальном проявлении – местоположению человека в обществе и

культуре. Следует особо подчеркнуть, что в традиционных и индустриальных, статичных и в модернизирующихся обществах маргинальность воспринимается по-разному. Так в традиционных обществах со статичной иерархией маргинальными будут те, кто находится в самом основании социальной и культурной иерархии и кто находится за ее пределами: так называемые «деклассированные элементы», люмпены, бродяги, изгои, а также чужаки.

В модернизирующемся обществе маргинальность рассматривается в неразрывной связи с вертикальной и горизонтальной мобильностью индивидов: процессами миграции, бикультурности, сменой статуса и социальной роли (или особого статуса и роли). Ситуации перехода подразумевают вероятность временного нахождения между слоями иерархической структуры (группами, классами), а также возможность застрять между ними на длительный срок (т.е. маргинальность может быть временной или постоянной). В этой связи маргинальность начинает соотноситься с процессами аккультурации, адаптации, конфликта.

Поскольку все характеристики маргинальности лежат вне сфер социальной и культурной нормативности, они автоматически оцениваются негативно как асоциальные и декультурирующие. Эта опасность подстерегает и исследователей, которые не могут отвлечься от структурирующих наше мировоззрение культурных стереотипов и не способных рассмотреть инновационный потенциал некоторых маргинальных, на данный момент, явлений.

Стремление ученых классифицировать индивидов или культурные явления как «маргинальные», по сути, являются попытками задать точное место промежуточным, пограничным проявлениям маргинальности, по определению находящимся вне какой-либо структурированности. Данная ситуация является проблематичной для исследователей, поскольку маргинальность есть не состояние, а процесс, переходность (но не пережденность). Маргинальность – это промежуточность, периферийность, нахождение на границе, по обе стороны границы, но не в середине той или иной общности. Как только удастся найти маргинальным явлениям место в классификации, они перестают быть маргинальными. Это означает, что общество, культура освоили, приняли в себя прежде проблематичные для себя явления.

Современные трансформирующиеся общества находятся под влиянием глобализации, размывания границ культурной замкнутости, массовых миграций, кризиса и установления новых идеологических парадигм, в результате которых маргинализация приобретает тотальный характер в различных сферах жизнедеятельности людей. Однако когда трансформация закончится и установится новая нормативная система то, что сейчас воспринимается, как маргинальное уже не будет таковым, оно станет нормальным, приемлемым или будет истреблено. Однако нельзя сказать, что от маргинальности в социокультурной сфере можно избавиться полностью, в культуре всегда останется то, что остается за

пределами нашего жизненного мира, что может подавляться и вытесняться на периферию или за пределы социальной и культурной структуры.

Литература

1. Бауман, З. *Текущая современность* / З. Бауман. – СПб., 2008.
2. Del Pilar J. A., Udasco J. O. *Marginality Theory: The Lack of Construct Validity* / J. A. Del Pilar, J. O. Udasco // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*.—2004. – Vol. 26. – No. 1 (February). P. 3- 13.

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ЕГО ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А.А. Спектор

Во все периоды истории перед человеком стояла проблема не только приобретения знания, но и оптимального его применения. Эта проблема особенно остро стоит в настоящее время, которое можно назвать прорывным в истории человечества. Развитие технологий позволило получить огромное количество информации в области фундаментальных наук, которая, опять же благодаря развитию технологии, становится широко известна и доступна. Из этой информации необходимо вырабатывать знание, которое, в свою очередь, следует грамотно использовать. Эти проблемы проявляются на современном, постнеклассическом этапе развития науки [5], которому присущи междисциплинарность, вероятностность, человекообразность. Данные свойства ярко проявляются в таких областях знания и технологий, как биология, медицина, и, в частности, медицинская генетика. Причем знания и методы в этой области развиваются настолько быстро, что приводят к нарастающей проблеме их осмысления и применения. Мировоззренческий потенциал генетики заключается в вопросах выбора, вероятности, случайности и предопределенности, и вопроса самого знания. Различные этические вопросы, порожденные успехами этой науки, рассматриваются биоэтикой. Поскольку мир населяют многие народы с разными воззрениями, нормы биоэтики варьируются. Предметами широкого обсуждения являются сегодня вопросы о прерывании беременности, искусственном оплодотворении, о тестировании на неизлечимые заболевания с поздним возрастом начала, об опасности использования генетических данных для немедицинских целей, о доступе родственников пациента к базам данных ДНК.

Этическое и правовое регулирование в области биоэтики осуществляется на основе международных нормативных документов. Важнейшие из них: Конвенция о правах человека и биомедицине (Совет Европы, 1997) [4], Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (ЮНЕСКО, 1997) [2]; Декларация о клонировании человека

(ООН, 2005) [3], Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (ЮНЕСКО, 2005) [1].

В Декларации постулируется, что геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, признания их достоинства и разнообразия и в его естественном состоянии не должен служить источником извлечения доходов. Никто не может подвергаться дискриминации на основании генетических характеристик, цели или результаты которой представляют собой посягательство на основные свободы и человеческое достоинство. Научные исследования генома человека и использование их результатов в биологии, генетике и медицине должны проводиться после тщательной предварительной оценки связанных с ними потенциальных опасностей и преимуществ, с учетом всех других предписаний, установленных национальными законодательствами.

Успехи программы «Геном человека» привели к прорыву в генетике. Секвенирование (определение нуклеотидной последовательности ДНК) сегодня широко используется в практике при поиске различных мутаций. Главное прикладное значение программы «Геном человека» заключается в возможности диагностики наследственных заболеваний. В самом ближайшем будущем секвенирование всего генома станет рутинной процедурой. Вероятно, успехи в секвенировании генома приведут к стимулированию поисков лечения наследственных заболеваний. Но поскольку доступность знания о неизлечимом наследственном заболевании означает рост предопределения в жизни человека, уменьшения свободы выбора, знание об излечимом заболевании скорее делает человека свободным. Во многих странах законодательно запрещено проведение генетического скрининга неизлечимых в настоящее время заболеваний. Тем не менее, ВОЗ допускает осуществление досимптоматического тестирования взрослых при отсутствии методов лечения заболевания, когда соблюдаются следующие условия: информация необходима для предотвращения ущерба здоровью родственников; лицо, подвергающееся тестированию, полностью информировано об ограничениях теста и способно адекватно воспринять эту информацию, а также при наличии долговременной консультативной программы по данному заболеванию. По мнению большинства биоэтических комитетов, тестирование на позднее развитие неизлечимого заболевания можно предлагать пройти только взрослому человеку.

Действительно, в Великобритании только 10% людей, у которых один из родителей был болен хореей Гентингтона, обратились к врачу-генетику и только 2/3 из них согласились пройти ДНК-тестирование.

В связи с этическими проблемами возникает ряд вопросов, в частности нужен ли генетический паспорт. Можно ответить на этой вопрос так: паспорт необходим, если имеющиеся мутации приводят к излечимому в настоящий момент заболеванию, или же к известной,

опасной для жизни реакции (например, аллергической реакции на наркоз), это необходимо. Но если у человека имеется предрасположенность к хроническому, трудноизлечимому или неизлечимому заболеванию, то знание о предрасположенности может просто испортить ему жизнь.

Основное назначение генетической информации, полученной в результате генетического тестирования, является ее влияние на репродуктивный выбор семьи. Большинство международных и национальных биоэтических комитетов считают, что оптимальным решением этой проблемы является свободное информированное согласие.

Существующие международные документы запрещают применение генетических технологий для решения немедицинских задач, таких как выбор пола плода по желанию родителей, тестирование плода для возможного донорства тканей, дородовое определение отцовства (кроме случаев изнасилования или предполагаемого инцеста).

В ряде стран принят мораторий на использование генетической информации при страховании, трудоустройстве и пр. Но, например, этический комитет Великобритании признает возможность проведения генетического скрининга на повышенный профессиональный риск, если доказана связь рабочей среды с развитием заболевания, на которое проводится тестирование, заболевание опасно для работника, больной работник представляет серьезную опасность для третьих сторон и если заболевание нельзя предотвратить при профилактических изменениях рабочей среды.

Фундаментальные проблемы, связанные с медицинской генетикой, приводят нас к интересным вопросам: каков вклад генетики в эволюцию человека, и в какой мере человек вышел из-под давления естественного отбора. На первый вопрос определенного ответа дать пока нельзя, так как медицинская генетика очень молодая область деятельности – ей около 50 лет. Однако на второй вопрос можно ответить, что давление естественного отбора остается сильным, начиная от зачатия и до рождения ребенка. Затем оно падает. И, хотя спонтанный мутагенез, а, значит, и биологическая естественная эволюция продолжается, увеличивается роль научного знания, а, следовательно, и рефлексии над ним.

Литература

1. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/document/declarat/bioethics_and_hr.pdf. – Дата доступа: 25.02.2012.

2. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.bioethics.ru/_Images/Catalog/137-1-33.pdf. – Дата доступа: 25.02.2012.

3. Декларация Организации Объединенных Наций о клонировании человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/russian/documen/declarat/decl_clon.htm. – Дата доступа: 25.02.2012.

4. Конвенция о правах человека и биомедицине. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.imbp.ru/BioEtika/Principles/Convention.html>. – Дата доступа: 25.02.2012.

5. Степин, В.С. Философия науки. – М., 2006.

ФИЛОСОФСКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА КОГНИТИВНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В.А. Еровенко

Синтез знаний людей о природе и социально-экономической реальности формирует когнитивно-образовательное пространство, создание которого – задача всех областей знания, включая философию и математику. Культуротворческая роль математического образования философов сводится к выработке понимания необходимости взаимодействия наук и плодотворного развития для этого как философии, так и математики. Немецкий философ Иммануил Кант – один из немногих выдающихся философов, подходы которого к взаимодействию философии и математики остаются актуальными для нас даже спустя два столетия. В связи с этим вполне уместно будет заметить, что Кант, не только изучал, но и профессионально преподавал математику в Кенигсбергском университете. Он считал, что математика относится к такому роду специальных профессиональных интеллектуальных занятий, результатами которого философ при дополнительных усилиях может воспользоваться. А синтетический характер математического знания способствует мировоззренческому оправданию математики как эффективной научно-познавательной деятельности.

Математика связана с философией множеством тем, например, в математике для философов – это актуальное и потенциальное, конечное и бесконечное, содержательное и формальное и многое другое. О взаимодействии философии и математики можно говорить в двух смыслах, как о влиянии философии на развитие мировоззренческого абстрактного мышления, так и, наоборот, о влиянии математики на формирование абстрактного философского мышления и креативных способностей человека. Этим объясняется уместность в названии словосочетания «философско-математическое знание», специфика которого проявляется в

том, что математические теории как формальные системы символического мышления непосредственно неприменимы к «внемыслительной» реальности. Философ И.П. Меркулов отмечает, что «вопрос о когнитивных основаниях математических знаний и их эпистемологическом статусе уже свыше двух тысячелетий, начиная с Пифагора, Платона и Аристотеля, остается предметом размышлений многих поколений философов и математиков» [1, с. 127]. Известно, что философы и математики по-разному отвечали на вопросы, касающиеся когнитивной природы математических формализмов.

Это одна из актуальных задач современного математического образования философов, так как важнейшей проблемой высшей школы является подготовка компетентных и креативных специалистов в сферах интеллектуального труда. С такой точки зрения «когнитивно-образовательное пространство» можно философски определить как пространство мысли, выявляемой и разворачиваемой в осмысленных контекстах, формируемое через образовательную деятельность. За последние триста лет математической наукой пройден огромный путь от незнания к знанию, от неполного знания к полному пониманию проблем, от количественных методов к качественно новым методам исследования.

В развитии и углублении синтеза творческих опытов особую роль играет креативность как способность сделать нечто новое, выявляющее в области мотивации и научения функцию новизны как катализатора интеллектуальной деятельности. Перейдя рубеж нового тысячелетия, мы не всегда задумываемся над социальными проблемами, связанными с пересмотром содержания философско-математического образования в духе воспитания стремления к познанию и совершенствованию знаний. Несмотря на интенсивное развитие информационно-компьютерных технологий, в реальном мире нет субъекта, кроме человека, способного к успешной креативной деятельности. «Уникальное, неповторимое пространство мысли – когнитивное пространство (*cogito* – мыслю, *лат.*) способное при столкновении с той или иной ситуацией разворачиваться в определенный осмысленный контекст или сворачиваться в образ, психический феномен, который всегда притягивал своей загадочностью» [2, с. 12]. Социально-деятельностной основой формирования когнитивно-образовательного пространства философско-математического знания, его взаимно-дополнительными составляющими могут выступать, как понятийные категории и структуры философии и математики, так и чувственно-эмоциональные образы.

Позитивное значение эмоциональной составляющей проявляется в интуитивном схватывании возможных решений поставленных задач. Поэтому можно предположить, что эмоциональные образы могут выполнять также и познавательные функции, проявляющие себя в качестве дополнительной информации процессов мышления. Трудно воспитать талантливого человека исключительно на методических принципах «самой лучшей педагогики» или избыточного «доверительного общения». Мир

интеллектуального творчества благодаря притязаниям дерзких дилетантов остается внутренне конфликтным, что не исключает объективной заинтересованности математиков и философов к культурным диалогам. Этому способствует огромный теоретико-познавательный и эвристический потенциал философско-математического знания, который дает возможность анализировать динамику познания на разных субъектных и объектных уровнях – социокультурном, личностном и собственно научном, которые неизбежно связаны с мышлением, рефлексией и пониманием. Образное восприятие мира способствует формированию мышления как важнейшего социокультурного феномена. Наше знание становится рефлексивным, так как мы зависим не только от того, что делаем, но и от того, что мы думаем по поводу своих действий. Кроме того, необходимой составляющей философско-математического анализа является не только вычисление, но также и понимание.

Мировоззренческая значимость философско-математического знания состоит в том, что развитие математики во многом определяет методологическую базу и интеллектуальный облик современной науки. Предшествующий этап развития теоретического математического знания прошедшего столетия, состоящий во все более сложных уровнях формализации математики, с точки зрения приложений математики, иногда называют «инженерией» или «технологией» знаний. В частности, это означает получение неформализованных знаний от специалистов из других областей с целью их дальнейшей формализации. «Сложность этого качественно нового процесса требовала, – по мнению математика А.С. Нариньяни, – чтобы определение сути объекта рассмотрения, его свойств и функций были теоретически "чистыми", откуда и привычные для нас условия полноты, определенности, непротиворечивости, точности и т.п. Однако эти умозрительные требования отнюдь не являются естественными для нашего представления о действительности сегодня» [3, с. 73]. Реальным задачам, рассматриваемым в современной математике свойственна неполнота, недоопределенность, противоречивость, неточность и другие свойства, которые по-новому философски осмысливаются и соответственно методологически отображаются на необозримое когнитивно-образовательное пространство.

В человеке совмещаются рациональное, интуитивное и эмоциональное начала. Заметим, что интеллектуальное творчество в исторической перспективе «сгущения когнитивных акцентов» выглядит несколько иначе. Это творчество коренится во внутренних диалогических потребностях, по преимуществу существующих в науке и образовании неявно как проявление их коммуникативной и познавательной деятельности. В зависимости от точки зрения, недостатки математического образования философов можно рассматривать как продолжение достоинств или его достоинства – как продолжения недостатков общего образования. В новом веке «разрыв понимания», как субъективно-психологического состояния, только увеличивается, а человеческие

смыслы, лежащие в основе объяснения с помощью логико-методологических средств и опирающиеся на формализацию и математику, «уходят в подтекст» субъекта-собеседника. Изучая основы высшей математики и информационных технологий, студенты-философы имеют реальную возможность раскрыть свой креативный потенциал в философских исследованиях, а также с помощью хорошо аргументированного материала понять достоинства дедуктивных рассуждений.

Литература

1. Меркулов, И.П. Когнитивные основания математических знаний / И.П. Меркулов // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. 14, № 4. – С. 127–141.
2. Краузе, А.А. Истина и аксиома в философии науки / А.А. Краузе, О.Д. Шипунова // Философия науки. – 2009. – № 1. – С. 3–14.
3. Нариньяни, А.С. Математика XXI – радикальная смена парадигмы. Модель, а не Алгоритм / А.С. Нариньяни // Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 71–82.

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, СПОСОБСТВУЮЩИХ РАЗВИТИЮ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

Т. А. Капитонова

Информатизация общества, создание новых интеллектуальных технологий, ускорение темпов развития техники приводят к глубокому, многоуровневому изменению социальной системы, под влиянием которой меняется и личность. Сегодня взаимодействие человека с информационными технологиями выходит за узкую область инженерной практики, где компьютер является лишь инструментом, орудием трудовой деятельности.

В контексте информационного общества комплекс «человек-компьютер» выступает в качестве некоего кентавра, существующего в силу своей гетерогенности, асимметричности и парадоксальности. Метафора кентавра представляет связку человек-компьютер как «существо с головой и туловищем человека» на теле электронной машины [1, с. 246] постулируя, таким образом, наличие совмещенной экзистенции, сосуществования или со-бытия человека и компьютера, проявляющегося в сплаве социального, индивидуально-личностного и технического.

В условиях информационного общества информационные технологии становятся одним из важнейших инструментов формирования потребностей, интересов, взглядов, ценностных установок, инструментом воздействия на мировоззрение человека в целом, механизмом обучения и воспитания. При этом, информационные технологии могут привести как к

позитивным, прогрессивным изменениям в развитии личности, так и спровоцировать негативные последствия.

Как же обратить достижения технического прогресса в области информационных технологий в орудия, способствующие самореализации, саморазвитию личности? Ответ на этот вопрос непосредственно затрагивает ключевые вопросы соответствия технико-технологических измерений информационно-интеллектуальных систем многомерным измерениям человека.

В современном мире компьютеров и роботов, информатики и электроники, когда информационные технологии во многом конструируют даже повседневность, обыденность человеческого бытия, как никогда актуальным становится «предельное развитие человеческого в человеке, его разума и гуманности» [2, с.110]. В этой связи важно обозначить основные ориентиры, базовые принципы, которых должна придерживаться современная информационная техника, чтобы выступать в качестве значимого инструмента развития креативного потенциала личности.

Первый принцип, *принцип креативности* подчеркивает важность творческого характера работы пользователя с информационно-компьютерной системой. Важно, чтобы новые информационные технологии выступали в качестве творческого инструмента для пользователя, а не ограничивали его, не навязывали ему жесткую алгоритмическую последовательность действий, превращая в бездумного исполнителя.

Как замечает А.В. Лоханько, подобная стратегия человеко-компьютерного взаимодействия тесно коррелирует с современной концепцией обучения, в которой основной вектор направлен не на простое накопление некоторой суммы знаний, а на создание необходимых условий для успешного решения конкретных задач, что способствует формированию системно организованного знания некой предметной области [3].

Обучаясь в такой активной среде, пользователь сам наполняет ее специфическими объектами своей предметной области, изучает их свойства и создает на этой основе соответствующие информационные модели. На базе этих моделей происходит формирование и закрепление полезных навыков, определяющих степень владения знаниями о данной предметной области.

Следующий принцип, лежащий в основе самоорганизации человеко-компьютерного взаимодействия, - это *принцип синергизма человека и машины*, т.е. усиления продуктивности взаимодействия за счет активизации внутренних потенциалов человека и техники. Синергия при этом понимается как оптимальное динамическое распределение задач между человеком и автоматикой, которые помогают друг другу и этим обеспечивают кооперативный эффект [4, с.188].

Стоит отметить, что реализация условий самоорганизации требует овладения специальной «мягкой» технологией, которая «структурно

представляет собой рефлексивное кольцо, включающее процессы принятия управленческих решений субъектом человеко-компьютерного взаимодействия и коррекционную схему обратной связи» [5, с.169]. Соответственно, императивное управление, не соответствующее цели самоорганизации данного взаимодействия оказывается неэффективным и тормозит интеграционные процессы. Таким образом, самоорганизация человеко-компьютерного взаимодействия основывается не на четких императивах и силовых методах, а на стремлении активизировать скрытые возможности путем инициации резонанса в точках особой чувствительности.

Еще один принцип, важный для нашего исследования, - это *принцип интерактивности*, предполагающий гармоничное взаимодействие человека и техники. В более широком смысле сама задача построения информационных технологий, как инструмента развития креативного потенциала личности, сводится к созданию гуманистически ориентированного *человеко-машинного интерфейса*, т.е. созданию условий всестороннего согласования режимов, гармонизация отношений системы «человек-техника-среда».

Интерфейс связывает пользователя с компьютером единым контуром в акте познания, творческой, профессиональной деятельности, и обеспечивает одновременность действия, восприятия и реакции. В этом контуре выполняется интенсивный обмен визуальной, аудиальной, кинестетической информацией (для компьютера в закодированной форме), которую человек использует благодаря своей телесности. Причем телесность может динамически меняться, адаптироваться вслед за изменениями техники.

Компьютер в контексте человеко-компьютерного взаимодействия выступает как инструмент человеческого творчества, коммуникации, а также как средство формирования информационных моделей, накопления и трансляции знания. Подобная человеко-машинная интеграция позволяет усилить собственно человеческую составляющую и выйти в новое пространство смыслов.

В свою очередь, *принцип индивидуализации* указывает на то обстоятельство, что при создании новых информационных технологий желательно максимально учитывать индивидуальные особенности пользователей. Говоря другими словами, реализация гуманистических принципов взаимодействия человека и компьютера возможна лишь в том случае, если интерфейс взаимодействия будет спроектирован с учетом индивидуальных особенностей пользователей, которые будут с ним работать, решать конкретные практические задачи. В этой связи, сегодня все более актуальной становится тема «юзабилити» (от англ. “*usability*”), акцентирующая внимание исследователей на таких утилитарных аспектах как продуктивность, эффективность, удовлетворенность пользователя [4, с.200]. Юзабилити предполагает, что пользовательский эффект взаимодействия человека и компьютера может быть определен через

степень «уютности среды» в использовании человеком данного информационно-технического ресурса.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант БРФФИ № Г11М-016).

Литература

1. Потапова, Р.К. Тайны современного Кентавра. Речевое взаимодействие «человек-машина». – М., 2003.
2. Чечулин, А.А. Актуальность повышения роли человеческого фактора в системе «человек-машина» // Методология и социология техники / Сб. научных трудов. – Новосибирск, 1990.
3. Лоханько, А.В. Личность в информационном обществе // Известия Курского государственного технического университета. – 1999. – № 3. – С. 205– 214.
4. Островский, А.М. Социально-философские основания гуманизации человеко-компьютерного взаимодействия. – М., 2010.
5. Дридзе, Т.М. Социально значимые процессы как объект управления: введение в учебную программу // Социология: методология, методы, математические модели. – 1993. – № 3–4.

КОСМОЛОГИЧЕСКОЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ

А.Н. Спасков

Со времен Ньютона в точных науках господствовало убеждение в том, что время – это всего лишь математический параметр, который можно измерить с помощью равномерно идущих часов. В этом механистическом представлении Вселенная ассоциировалась с гигантским часовым механизмом, каждая часть которого подчинялась строго определенным законам. Эти законы выражались как функциональные зависимости от независимого временного параметра.

Между тем такой редукционистский подход недостаточен для описания сложных систем и, особенно, для феноменов жизни и сознания. Новые холистические подходы связаны с поиском системообразующих принципов, объясняющих эволюцию и усложнение организации систем. Для описания таких развивающихся систем уже недостаточно функционального способа описания. И вообще проблематична формализация процессов развития и становления в виде детерминированных причинно-следственных законов. Ведь на самом деле – становление и появление нового – это не предсказуемый процесс. Пожалуй, реализация этих процессов в большей степени соответствует телеологическим принципам.

Весьма перспективной, по нашему мнению, является представление А.М. Анисова о времени, как о ресурсной системе и вычислительном процессе [1]. Между тем, вызывает возражение критика этим автором

геометрической модели времени. Синтез геометрического и ресурсного представления времени, несомненно, откроет новые возможности темпорологического описания реальности и его можно осуществить в рамках разрабатываемой нами концепции транзитивно-фазового времени [2].

Мне представляется весьма перспективной модель становления и усложнения как алгоритмический процесс разворачивания и реализации первоначальной программы. Джон Уиллер выразил эту идею в своей знаменитой фразе «все из бита», что соответствует доминирующей тенденции современной физики в построении теории всего и уподоблению Вселенной космическому компьютеру [3, с. 358]. При этом понятия информации и алгоритма приобретают онтологический статус и смысл фундаментальных сущностей. Соответственно изменяется и представление о времени. Вместо однопараметрического функционального времени оно приобретает две степени свободы. Это – циклическое внутреннее время вычисления и линейное внешнее время реализации или осуществления.

Рассмотрим, однако, насколько соответствует это представление современным космологическим концепциям. Самым важным, пожалуй, в космологии является вопрос о возникновении Вселенной во времени. Это представление о начале времени впервые в философию ввел Платон, который писал, что Бог создал Космос, а вместе с ним и время, как «подвижный образ вечности». Эти же представления о творении мира содержатся и в Библии. Бл. Августин писал, например, что нет смысла говорить о том, что было до начала творения, т.к. до начала мира не было и времени.

Интересно, что современная формулировка антропного принципа предполагает, что начальные условия Вселенной были необычайно тонко настроены и сбалансированы таким образом, что соотношение фундаментальных физических констант предопределило появление жизни и человека на Земле. Это позволяет интерпретировать глобальную эволюцию Вселенной, как реализацию первичной космической программы. Таким образом, наряду с космологической, термодинамической и психологической «стрелой времени», которые рассматривает С. Хокинг в своей знаменитой «Краткой истории времени» [4], можно ввести в научный оборот еще антропологическую «стрелу времени», что является, по сути, возвращением в науку телеологического принципа.

Гипотеза Большого Взрыва и возникновение Вселенной из первичной сингулярности была воспринята многими как подтверждение Священного писания о сотворении мира из ничего. Но инфляционная теория допускает существование поля инфлатона и до инфляционного взрыва, а, следовательно, можно говорить и о времени, предшествующем возникновению нашей Вселенной.

Конечно, мы не знаем, что было до начала инфляционного взрыва. И вообще – имеет ли смысл говорить о некотором предшествующем моменте

времени, как о длительности и последовательности событий до этого начала. Мы не знаем вообще достоверно, были ли инфляционное раздувание и Большой Взрыв. Это – пока еще гипотеза, хотя и имеющая глубокие теоретические основания и строгую математическую формулировку.

Сейчас даже ее называют теорией, имеющей статус «эмпирической невесомости». Это означает, что она недоступна никакой экспериментальной проверке в принципе. Во-первых, потому, что возникновение Вселенной, в отличие от других изучаемых физикой явлений, это уникальное событие, которое невозможно воспроизвести в лабораторных условиях. Во-вторых, даже для отдельных микрочастиц мы не можем с помощью современных ускорителей достичь уровня планковских масштабов, характерных для первых секунд Большого взрыва.

Поэтому, наряду с понижением эмпирической весомости, для современных физических теорий и гипотез характерно повышение натурфилософской и метафизической составляющей. Современный физик-теоретик уподобляется, в некотором смысле древнегреческим натурфилософам, которые пришли к идее первоначала и атомов чисто умозрительным путем. Но он обладает гораздо большими возможностями благодаря развитому чрезвычайно мощному математическому аппарату, а также использованию современных вычислительных средств и систем искусственного интеллекта, позволяющих осуществлять компьютерное моделирование и проводить эксперименты с компьютерными моделями, а не с реальными вещами.

Позволим себе, однако, немного пофантазировать о том, что было до начала инфляционного раздувания. Можно предположить, что в это время (если уместно такое словупотребление) существовало Инфлатонное поле и оно находилось в состоянии динамического равновесия. Это означает, что в нем происходили нулевые колебания или флуктуации, постоянное локальное возникновение и исчезновение квантов этого поля – частиц Хиггса, в соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга.

Можно ли говорить, что в этом мире существовало время? Если понимать под временем изменение и эволюционный параметр, то нет, если же понимать под временем просто параметр движения, то да. Для этого мира вполне применима модель колебательного времени, хаотически меняющего свое направление. Или – модель циклического локального времени, описывающая периодическое возникновение и исчезновение частиц Хиггса. В самом деле – если бы был внешний наблюдатель, то он фиксировал бы эти возникновение и исчезновения, запоминал и подсчитывал их число. В этом случае можно сказать, что мы наблюдаем периодическое возникновение и исчезновение частиц Хиггса во внешнем линейном времени наблюдателя. Если же этого наблюдателя нет, то нулевые колебания частицы Хиггса будут выглядеть как «вечное возвращение». Т.е. частица в этом случае существует как бы в замкнутой

«петле времени», которая исключает всякую причинно-следственную связь между предшествующими и последующими состояниями. Этих состояний просто нет, т.к. нет линейного времени, как последовательности событий, нет ни прошлого, ни будущего, а есть только одно вечное настоящее.

Таким образом, можно утверждать, что в этом мире действительно нет линейного, однонаправленного и необратимого времени, т.к. в нем нет становления, необратимых изменений и эволюции. Этот мир будет существовать в «вечном настоящем», но вечность в данном случае совсем не означает бесконечную длительность, т.к. для бесконечной длительности и бесконечной последовательности событий должно быть различие моментов времени. Здесь же нет различия, поэтому и нет множества, нет последовательности, а есть только один момент. Это состояние Вселенной напоминает Единое Парменида. Вполне возможно, что в этом состоянии находится физический вакуум.

Можно согласиться с тем, что в основе сущности времени лежит восприятие. То есть – время нельзя понять как чисто объективное свойство. Оно возникает как системное качество, в результате взаимодействия воспринимающего субъекта и воздействующего объекта. Но ведь взаимодействие – это фундаментальное свойство, которое присуще всем без исключения формам материи. Даже на самом фундаментальном уровне, когда взаимодействуют две элементарные частицы, они обмениваются квантами поля, а значит, происходит энергетический и информационный обмен, в системе появляется нечто новое и, следовательно, возникает время, как системное качество.

В результате взаимодействия частиц между ними устанавливается связь. Эта связь появляется как эмерджентное свойство, которое характеризует целостную систему взаимодействующих частиц. Это – свойство системы частиц, но не каждой частицы в отдельности. В результате происходит качественное изменение системы и локальная эволюция. Поэтому мы можем говорить в этом случае о локальном необратимом времени. Таким образом, свойство необратимости – это объективное свойство, если понимать под объективностью независимость от человеческого сознания, а под объектами – любые взаимодействующие физические объекты, которые могут быть как воздействующим объектом, так и воспринимающим субъектом.

Следовательно, мы можем утверждать, что локальное необратимое время возникло как системное качество взаимодействующих объектов в момент возникновения Вселенной. Более того – в этот же момент возникло и глобальное необратимое время. Это, прежде всего, космологическая стрела времени, связанная с расширением Вселенной. Кроме того – это эволюционное время, которое связано с необратимыми космологическими, геологическими и биологическими процессами. В результате глобальной эволюции Вселенной лишь сравнительно недавно, по космологическим масштабам, появились биологические существа с органами чувств и мозгом. Как же можно утверждать о том, что до этого (т.е. до появления

жизни на Земле) не было времени, если происходил длительный эволюционный процесс?

В какой-то степени эти идеи близки к идеям Бергсона, Вернадского и Пригожина. Их активно пропагандирует современный исследователь времени – Г. Аксенов. Согласно этим представлениям, время – это свойство живого, и без жизни во Вселенной нет и времени. При этом Вернадский считал, что жизнь на Земле существует всегда. Она является активным фактором, преобразующим планету. Живое вещество радикально отличается от косной материи. Оно входит в состав биосферы и вовлечено в постоянный круговорот веществ, являясь продуктом обмена веществ в живых организмах. Обмен веществ, энергии и информации является фундаментальным свойством открытых систем. В результате такого обмена происходят необратимые процессы как внутри организмов, так и во внешней среде и, вполне возможно, благодаря этому возникает необратимое время, как системное качество живых систем.

Таким образом, можно заключить, что время, согласно Вернадскому, существует всегда, т.к. жизнь вечна, или, по крайней мере, с момента возникновения Вселенной. Восприятие времени также присуще всем без исключения, даже самым простейшим, живым организмам. Оно относится к сфере информационного обмена, и для его существования совсем нет необходимости специального органа чувств, т.к. время не является особой субстанцией, оказывающей физическое воздействие, а является, скорее, некоторой общей информационной формой восприятия всех без исключения физических воздействий.

Можно предположить, что если восприятие отдельных временных ритмов и локальное (ситуативное) чувство времени присуще всем организмам, то общее чувство внутреннего и внешнего времени формируется вместе с появлением и развитием мозга. Но это совсем не значит, что времени не было до появления мозга. Ведь если мы отключаем внешнее восприятие, то у нас еще остается внутреннее чувство времени, связанное с жизнедеятельностью внутренних органов (дыхание, сердцебиение, мышление и т.д.). Поэтому возникает вопрос – есть ли у человека чувство времени, независимое от этих физиологических и психологических процессов. Наверное, для окончательного решения этого вопроса мы должны полностью отключить зависимость от биоритмов, присущих организму, а также от эмоциональных переживаний и мыследеятельности. Лишь тогда есть надежда обнаружить чистое чувство времени.

Но это, наверное, невозможно осуществить. Можем ли мы освободиться от эмоциональных (душевных) переживаний? Ведь именно эти переживания и составляют основу существования (экзистенции) личности. Жизнь биологического тела непосредственно связана с настоящим временем. Органы чувств также воспринимают непосредственное настоящее воздействие. Эмоции же, помимо непосредственно переживаемых, могут быть связаны и с воспоминанием

прошлых событий и с ожиданием будущего. Т.е. – именно они вместе с мышлением (память и воображение) дают временную перспективу. Поэтому, Бл. Августин, например, и связывал время с жизнью души, а не тела. А Декарт утверждал, что время – это не объективная реальность, а модус мышления. Вспомним его знаменитый тезис: «Я мыслю – следовательно, я существую». Перефразируя его можно сказать: «Если мы мыслим, то мы ощущаем (воспринимаем) время». Но это уже будет не восприятие каких-то физических воздействий, а восприятие идей, которые имеют нематериальную природу.

Любое явление и событие воспринимается как единое целое. Событие означает совместное бытие. Такое совместное бытие означает, выражаясь языком Хайдеггера, переживание присутствия человека в мире. При этом сознание играет роль посредника между внешним объективным и внутренним субъективным миром. Человек чувствует себя личностью и одновременно ощущает свое присутствие в мире. Вот это переживание своего существования (экзистенции), как личности, присутствующей в мире и является непрерывно длящимся настоящим, где нет еще ни прошлого, ни будущего. Прошлое – это события, которые уже пережиты и сохранились в памяти, как идеальные копии. Будущее – это ожидаемые события или некие идеальные модели (паттерны), имеющие статус виртуальной (идеальной) реальности, не реализованной еще в действительности, и которые тоже, возможно, будут пережиты.

Что же это такое – непрерывная длительность настоящего? Это – не бездлительное мгновение, подобное геометрической точке. Это – скорее квант времени, имеющий внутреннюю неделимую структуру. Время имеет двойственную природу, подобно корпускулярно-волновому дуализму квантовых объектов. Эта двойственность заключается в единстве текущего динамического момента «теперь» и статической временной протяженности настоящего, в пределах которой течет или «перемещается» этот момент. При этом непрерывность длящегося настоящего заключается в том, что его нельзя разделить на отдельные части, подобно пространственной протяженности.

Длительность настоящего можно уменьшить или увеличить, но нельзя расчленивать на более мелкие длительности. Иначе говоря – эту длительность можно «растянуть» или «сжать», изменяя метрические свойства. Но она останется при этом топологическим инвариантом, сохраняя свою внутреннюю связность. Таким образом, длящееся настоящее подобно волне, а текущий момент – фазе волны.

Мы воспринимаем не отдельные моменты временной протяженности и не текущий момент, а переживаем длящееся настоящее. Это процесс можно было бы назвать «волной восприятия», которая имеет временной период (длительность) и текущую фазу активного восприятия. Таким образом, можно сказать, что чувство времени основано на «волнах восприятия». Наверное, здесь можно было бы ввести некоторую психологическую «линейку времени», основанную на подсчете периодов

«волн восприятия». Но эта линейка не будет иметь строго фиксированного масштаба, т.к. волны восприятия имеют различную длительность, обусловленную переключением внимания, а также субъективным психологическим состоянием.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект № Г11Р-022.

Литература

1. Анисов, А.М. Время как вычислительный процесс // Замысел Бога в теориях физики и космологии. Время. – СПб., 2005. – С. 53–71.
2. Спасков, А.Н. Идея независимости линейного и циклического временных измерений // Философия науки. – №4(51). – 2011. – С. 46–60.
3. Барроу, Д. Новые теории всего / пер. с англ. П.А. Самсонов. – Минск, 2012.
4. Спасков, А.Н. Квантово-волновой дуализм времени / А.Н. Спасков // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.). В 3 томах. Т. I. – Н. Новгород, 2012. – С. 283–284.
5. Хокинг, С. От большого взрыва до черных дыр: Краткая история времени. – М., 1990.

МОДАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ ФОРМУЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В.И. Павлюкевич

Множество формул классической логики высказываний (КЛВ) можно разделить по их семантическим характеристикам на три класса: тождественно-истинные (Т-И), тождественно-ложные (Т-Л), логически недетерминированные (ЛНД) формулы. Данные три класса формул попарно не пересекаются, и их объединение охватывает все формулы КЛВ. Тождественно-истинными, как известно, являются формулы, принимающие значение «истина» при любом наборе значений входящих в них переменных, тождественно-ложными – формулы, принимающие значение «ложь» при любом наборе значений входящих в них переменных, логически недетерминированными являются формулы, принимающие значение «истина» при некотором наборе значений входящих в них переменных и значение «ложь» при некотором другом наборе значений входящих в них переменных. Т-истинные и т-ложные формулы являются логически детерминированными по значению. Их истинностное значение («истина» или «ложь») детерминировано, предопределено их логической формой (логической структурой, логическим строением). Истинностное значение логически недетерминированных формул не предопределено их логической формой. Оно зависит не только от их логической формы, но и от конкретных значений входящих в формулу переменных: при одном наборе значений переменных формула истинна, при некотором другом –

ложна.

Данным трем семантическим типам формул можно дать модальную интерпретацию: т-истинные формулы рассматривать как логически необходимые, т-ложные как логически невозможные, логически недетерминированные как логически случайные. Кроме деления на три указанных класса множество формул КЛВ можно делить дихотомическим образом разными способами на два класса, что используется в соответствующей литературе: выполнимые (верифицируемые) и невыполнимые (неверифицируемые); опровержимые (фальсифицируемые) и неопровержимые (нефальсифицируемые) (См., например, фундаментальный труд В.А.Бочарова, В.И.Маркина [1]). Класс выполнимых (верифицируемых) формул представляет объединение т-истинных и логически недетерминированных формул; класс невыполнимых (неверифицируемых) формул – это все т-ложные формулы. Класс опровержимых (фальсифицируемых) формул является объединением т-ложных и логически недетерминированных формул; класс неопровержимых (нефальсифицируемых) формул – это все т-истинные формулы.

В.С.Меськов показал табличным способом возможность толкования т-истинных формул как логически необходимых, т-ложных как логически невозможных, выполнимых формул как логически возможных, зафиксировав при этом, что такая интерпретация соответствует важнейшим зависимостям в системе логических модальностей [см.2].

Здесь предлагается наглядная, объемная интерпретация соотношения семантических типов формул между собой, на базе которой можно содержательным образом раскрыть важнейшие зависимости между данными типами формул, полностью аналогичные соответствующим отношениям между алетическими модальностями. Внимание при этом будет обращено на логические зависимости между модальностями, не рассмотренные в отмеченной работе В.С. Меськова. Соотношение семантических типов формул КЛВ можно отобразить объемным способом схемой 1. (Символ «А» является метапеременной для формул КЛВ; круг представляет все множество формул КЛВ; каждый сектор – соответствующий класс формул).

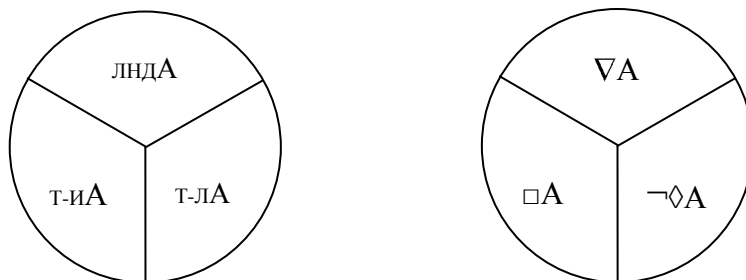

Схема 2. позволяет наглядным образом интерпретировать и обосновывать содержание формул, характеризующих важные зависимости между модальностями в алетической модальной логике: (1) $\Box A \vee \nabla A \vee \neg\Diamond A$ (\Box – «необходимо», ∇ – «случайно», \Diamond – «возможно», \neg – «не верно, что»), (2) $\neg(\Box A \wedge \nabla A)$, (3) $\neg(\nabla A \wedge \neg\Diamond A)$, (4) $\neg(\Box A \wedge \neg\Diamond A)$, (5) $\nabla A \equiv \Diamond A \wedge \Diamond\neg A$, (6) $\nabla A \equiv \nabla\neg A$.

Формула (1) выражает закон (принцип) полноты для алетических модальностей. Ее аналогом является формула (1,1) $t\text{-и}A \vee \text{лнд}A \vee t\text{-л}A$. Схема 1 наглядно показывает, что любая из формул КЛВ непременно попадает в один из секторов круга, охватывающего все множество формул КЛВ, и при этом будет относиться к одному из классов, представленных дизъюнктивными членами формулы (1,1). Таким образом, формула (1,1) не может не быть истинной, т.е. она выражает соответствующий закон.

Формулы (2), (3), (4) выражают законы несовместимости для алетических модальностей. Аналогом формулы (2) будет (2,1) $\neg(t\text{-и}A \wedge \text{лнд}A)$. Истинность этого утверждения демонстрируется на схеме 1 тем, что два соответствующих сектора не пересекаются, а это значит, что никакая формула не может принадлежать обоим классам (классу t -истинных и классу логически недетерминированных формул) одновременно. Столь же наглядным, очевидным образом устанавливается на схеме 1 истинность формулы (3,1) $\neg(\text{лнд}A \wedge t\text{-л}A)$, являющейся аналогом (3) и формулы (4,1) $\neg(t\text{-и}A \wedge t\text{-л}A)$ – аналога (4). Аналогом формулы (5) является утверждение (5,1) $\text{лнд}A \equiv \text{верифицируема } A \wedge \text{верифицируема } \neg A$. Согласно (5,1) A верифицируема, а значит принадлежит сектору $t\text{-и}A$ или $\text{лнд}A$. В то же время верифицируема $\neg A$. Но если верифицируема $\neg A$, то имеются такие значения переменных, входящих в A , при которых A будет ложной. Значит, A не может быть t -истинной. Таким образом, A верифицируема и не является t -истинной. Значит, A может быть только логически недетерминированной. Аналогом формулы (6) является утверждение (6,1) $\text{лнд}A \equiv \text{лнд}\neg A$. Если $\text{лнд}A$, то у A имеются, во-первых, такие значения переменных, при которых A истинна, и, во-вторых, такие значения переменных, при которых A ложна. Но в первом случае формула $\neg A$ будет ложна, а во втором $\neg A$ будет истинна, т.е. $\neg A$ будет логически недетерминирована. Рассуждение в обратном направлении – аналогично. Таким образом, утверждения (1,1) – (6,1), являющиеся аналогами формул алетической модальной логики (1) – (6), обоснованы.

Литература

1. Бочаров, В.А., Маркин В.И. Введение в логику. – М., 2008.

2. Меськов, В.С. О возможности двузначной интерпретации логических модальностей // Модальные и интенциональные логики (Тезисы координационного совещания, Москва, июнь 5–7, 1978 г.). – М., 1978.

ДИССЕРТАЦИЯ – ДОСТОЯНИЕ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА И ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Л.А. Киселёва

В ноябре 2011 года Президент Республики Беларусь на встрече с научной общественностью Беларуси подверг резкой критике кандидатов и докторов наук, осудил моду на получение учёных степеней и потребовал повысить ответственность всех звеньев национальной системы аттестации научных и научно-педагогических работников. В частности, в отношении диссертаций в области экономической науки, гуманитарной сферы Глава государства отметил, что «нам просто описательные диссертации и разговоры не нужны» [1].

Согласно статье 3 Закона «О научной деятельности» (далее – Закон) «подготовка и аттестация научных работников высшей квалификации» является одним из видов научной деятельности.

В результате аттестации устанавливается степень научной квалификации лица, оцениваются его профессиональные знания, опыт и навыки. Учёная степень и учёное звание входят в круг оценок квалификации научного работника, установленного статьёй 12 Закона. При этом научным работником высшей квалификации признаётся научный работник, имеющий учёную степень, которую он получает при публичной защите диссертации. В системе квалификационных требований, установленных законодателем для научного работника, на первом месте стоит диссертация, составляющая основу его научной квалификации. Диссертация (от лат. *dissertation* – рассуждение, исследование) – научная и одновременно квалификационная работа, подготовленная для получения учёной степени. Она включает в себя государственный и личный интерес, имеет существенное значение для инновационного развития общества и государства, а равно и для воспитания, формирования соискателя как специалиста, учёного. Положение о присуждении учёных степеней и присвоении учёных званий в Республике Беларусь (далее – Положение) определяет диссертацию как самостоятельно выполненную квалификационную научную работу, имеющую внутреннее единство и свидетельствующую о личном вкладе автора в науку, посвящённую решению научной задачи или изучению выбранной научной проблемы (пункт 19). В кандидатской диссертации должны содержаться новые научные теоретические и (или) экспериментальные результаты по одному из актуальных направлений научных исследований. Диссертация на соискание учёной степени доктора наук должна быть посвящена разработке нового научного направления или концептуальному развитию

одного из актуальных научных направлений и содержать принципиально новые результаты, совокупность которых является крупным достижением в соответствующей отрасли науки. Причем данные новые результаты диссертационного исследования должны быть признаны мировым научным сообществом и обеспечивать приоритет Республики Беларусь в соответствующей отрасли науки, реальный экономический и (или) социальный эффект. В статье 1 Закона «О научной деятельности» (в редакции от 21 октября 1996 г.) диссертация определяется как научная квалификационная работа соискателя ученой степени, представленная к защите в виде специально подготовленной рукописи, монографии, учебника, а в отдельных случаях – научного доклада [2].

Анализ требований, предъявляемых к диссертациям в советское время, в Республике Беларусь и в России, свидетельствует как об отсутствии универсальной научной формулы, так и неоднозначности, неконкретности, размытости диссертационных критериев, что не всегда позволяет объективно оценить результаты диссертационных исследований.

Вышеуказанные нормативные требования к диссертациям порождают ряд вопросов: «В какой степени столь высокие научные ожидания оправдываются соискателями на практике, в особенности соискателями-гуманитариями?», «Выполнимы ли в принципе эти требования гуманитарными, социально-экономическими и общественными науками?», «Каковы объективные критерии новых научных результатов, полученных при выполнении диссертации?», «Каков вклад научных результатов, например, в существующий объем гуманитарного знания и в формирование креативного общества?». Если все диссертации, защищенные в Республике Беларусь (только в 2011 году научное сообщество пополнилось на 47 докторов наук и на 520 кандидатов наук), соответствуют установленным законодательным требованиям, то их вклад в отечественную и мировую науку не должен вызывать сомнений и критики. Поэтому, как нам представляется, видимо, настало время законодательно конкретизировать диссертационные требования применительно к соискателям ученых степеней в области гуманитарных, социально-экономических и общественных наук, а также определить четкие критерии новизны научных результатов. На наш взгляд, назрела необходимость в создании при ВАКе банка данных новых научных направлений, в который включались бы конкретные результаты диссертационных исследований лиц, получивших национальный диплом доктора наук, вместе с фамилиями научных консультантов, официальных оппонентов и экспертов оппонировующих организаций, что в дальнейшем будет способствовать повышению объективности экспертизы докторских диссертаций, усилению контроля научного сообщества за новизной результатов докторских диссертаций.

Основным звеном национальной системы аттестации научных и научно-педагогических работников являются советы по защите диссертации, действующие в основном на общественных началах. В

настоящее время в Республике Беларусь насчитывается 176 диссертационных советов.

Согласно части второй статьи 14 Закона «О научной деятельности» советы по защите диссертаций несут ответственность за соответствие диссертации выбранной специальности, качество и объективность её экспертизы, обоснованность принимаемых ими решений. При нарушении порядка представления и защиты диссертаций, объективности их экспертизы ВАК вправе приостановить либо прекратить деятельность совета по защите диссертаций (пункт 36 Положения). Вместе с тем анализ авторефератов диссертаций по гуманитарным наукам, в отношении которых ВАК принял отрицательное решение, позволяет сделать вывод об обоснованной критике им качества диссертационных исследований, экспертизы в совете по защите диссертаций. Кстати сказать, отдельные представители научного сообщества признают существование практики проведения поверхностной экспертизы, формального рецензирования в научной среде [3].

Нам представляется, что в целях усиления ответственности диссертационных советов за аттестацию научных кадров высшей квалификации целесообразно создавать на профессиональной, возмездной основе советы по защите диссертации при ВАК, а не при научных организациях и высших учебных заведениях. Состав диссертационного совета, за исключением его председателя и учёного секретаря, не должен быть постоянным, а всякий раз создаваться с учётом профиля (научной специальности) рассматриваемой диссертации из высококвалифицированных научных кадров, имеющих учёную степень кандидата или доктора наук. При этом защита соискателем в диссертационном совете учёной степени по той или иной научной специальности должна проходить в форме сессий. С учётом практики проведения аттестации научных работников высшей квалификации ВАКу, на наш взгляд, важно составить список высококвалифицированных научных кадров, рекомендуемых в качестве официальных оппонентов, т.е. тех учёных, которые отличаются принципиальностью и участвуют в научной жизни, систематически публикуют научные работы по актуальным темам соответствующей отрасли науки. В России, по сообщению председателя Высшей аттестационной комиссии, выявлено 2 тысячи диссертаций, авторы которых не имеют ни одной научной публикации и вообще не имеют отношения к науке [4]. Президент Республики Беларусь на встрече с научной общественностью Беларуси обратил внимание на то, что из 25 тысяч человек, имеющих учёную степень, в научных исследованиях заняты менее 4 тысяч учёных [5].

В условиях инфляции норм научной этики, когда учёная степень превращается из квалификационного признака научного работника в статусную вещь, в средство повышения престижа, продвижения по службе, целесообразно, на наш взгляд, каждые три года проводить переаттестацию кандидатов и докторов наук с учётом мнения научного сообщества,

научная оценка которого, как уже отмечалось, включена законодателем в перечень признаков научной квалификации (статья 12 Закона). Представляется, что ВАК должен установить обязательный минимум научных публикаций для кандидатов и докторов наук, которые должны его выполнять и тем самым подтверждать, оправдывать, легитимировать учёную степень. В противном случае ВАК или, по его предложению, совет по защите диссертаций вправе лишать учёных степеней лиц, не опубликовавших в течение определённого срока установленного минимума научных статей, не участвующих в научной жизни. В связи с этим важно дополнить существующие основания лишения учёных степеней, закреплённые в пункте 74 Положения, вышеизложенным, что будет стимулировать интеллектуально-творческую деятельность кандидатов и докторов наук, способствовать повышению в обществе престижа учёной степени.

В пункте 46 Положения о совете по защите диссертаций указывается на существование ответственности официальных оппонентов и руководителей оппонировавшей организации, которую они несут за объективность и качество подготовленных отзывов, а также за соблюдение установленного советом по защите диссертаций срока их представления. Однако на практике она не установлена, что позволяет сделать вывод о существовании ответственности в соответствии с нормами научной этики. Поэтому в целях повышения ответственности за объективность и качество отзывов о диссертационных исследованиях республиканскому научно-аттестационному органу важно вести учёт официальных оппонентов и оппонировавших организаций, проводивших экспертизу диссертаций, в отношении которых в дальнейшем приняты отрицательные решения экспертных советов или постановления Президиума ВАК. В национальных дипломах кандидата наук и доктора наук целесообразно, на наш взгляд, указывать название учреждения послевузовского образования, проводившего подготовку аспиранта (докторанта), тему защищённой диссертации, фамилии научного руководителя (научного консультанта) и официальных оппонентов, проводивших её экспертизу, а также фамилию эксперта оппонировавшей организации, что будет способствовать персонализации ответственности всех участников процесса подготовки и защиты диссертации, объективности аттестации научного работника высшей квалификации. В связи с этим в Указе Президента Республики Беларусь от 23 красавіка 2003 г. №118 «Аб зацвярджэнні апісанняў нацыянальных кваліфікацыйных дакументаў аб вучоных ступенях і вучоных званнях [6] вышеуказанным позициям важно придать статус обязательных реквизитов национальных дипломов кандидата наук и доктора наук.

Литература

1. В науке нет широкой столбовой дороги // СБ–Беларусь сегодня. – 2011. – 25 ноября.

2. Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1996. – № 34. – Ст. 608.
3. Мелешко, А. Свершится ли «белорусское чудо»? // Народная воля. – 2011. – 9 снежня.
4. Куйбида, А. Минобрнауки отменяет кандидатов наук // Известия. – 2011. – 22 ноября.
5. В науке нет широкой столбовой дороги // Советская Белоруссия. – 2011. – 25 ноября.
6. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – №49. – 1/4556.

3. ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ И ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

КАЧЕСТВО ЗДОРОВЬЯ КАК ЦЕННОСТНАЯ ДИЛЕММА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Л.Г. Титаренко, Д.А. Широканов

Жизнь современного человека протекает в условиях постоянной необходимости выбора тех или иных ценностей и ответа на вызовы, поставленные эпохой. Среди многочисленных «вызовов современности» находится антропологическая дилемма, связанная непосредственно со здоровьем, вернее – с поддержанием образа жизни, обеспечивающего достаточный уровень здоровья. Последнее зависит от целого ряда причин, далеко не все из которых могут контролироваться человеком. Загрязнение окружающей среды, изменение климата, нехватка качественных продуктов питания – вот наиболее очевидные из этого списка проблемы, объединяемые в категорию «экологические ценности образа жизни человека» и определяющие его здоровье. В то же время, другие компоненты экологической составляющей здоровья (поддержание сбалансированного режима труда и отдыха, отказ от курения, алкоголя, физические упражнения) остаются подвластны человеку. Поэтому человек во многом несет ответственность за свой выбор здорового образа жизни и его результат – сбалансированную жизнь, дающую возможность полноценно заниматься трудом, физически и духовно развиваться, ощущать радость от общения с природой и людьми.

В советское время дилемма здоровья и здорового образа жизни не стояла на повестке дня и не связывалась с экологией. Ценность здоровья была существенно переосмыслена лишь в период после Чернобыльской катастрофы, когда впервые здоровье стало одним из важнейших приоритетов. После распада СССР и наступившего за ним социально-экономического кризиса ценность здоровья (как и семьи) возросла еще больше и практически сохраняет свое важное место в иерархии жизненных ценностей белорусского населения до сих пор. Практически, во всех опросах населения, где была возможность дать свой ответ о доминирующих ценностях, или выбрать их из блока ценностей, здоровье занимало верхние позиции в их иерархии.

Трудно однозначно объяснить причины этого «ценностного поворота к здоровью». С одной стороны, он свидетельствует о растущем осознании каждым человеком важности собственного здоровья и необходимости самому о нем заботиться. С другой стороны, если здоровье становится самоцелью, т.е. занимает самое высокое место среди всех ценностей

(включая мораль, доверие, взаимное уважение граждан), может наступить обратный эффект, на который ссылался М.Фуко, упоминая идею Гарсия о том, что в современном мире «здоровье заменило собой спасение». В таком случае зачастую проблемы здоровья и особенно связанные с его поддержанием медицинские проблемы, выступают на передний план общественного сознания, переводят фокус с социального на медицинское видение ситуации.

На наш взгляд, здоровье как ценность – феномен социальный, антропологический, а не медицинский. И понимание его должно быть соответствующим, равно как и формирование механизмов мотивации на здоровый образ жизни, на повышение качества экологической среды обитания человека. Поэтому важно раскрыть связи между здоровьем и социально-экономическим развитием общества, а также с экологическими аспектами образа жизни населения. Эта связь хорошо прослеживается при анализе причин роста важности социально-экологических проблем, связанных со здоровьем в Беларуси. В первую очередь, это Чернобыльская авария: эта экологическая катастрофа переросла в огромную социально-экономическую проблему, оставила глубокий след на всей последующей жизни населения региона, породила синдром, который был назван именем этого поселения и означал высочайшую степень стресса, дезадаптации и потери прежних жизненных ценностей (см.: [1, с. 86]). До сего времени чернобыльский синдром не преодолен окончательно, хотя уже не воспринимается населением столь остро, как непосредственно после аварии.

Тем не менее, здоровье стало доминировать в иерархии жизненных ценностей именно с тех пор. Опросы подтверждают: здоровье либо прямо называют в числе наиважнейших ценностей, либо выдвигают на первый план.

Чернобыльский синдром породил страх не только перед атомной энергетикой, но и научно-техническим прогрессом вообще, а недостаточное количество источников объективной информации как по факту самой аварии, так и ее разнообразным медицинским, природным, социальным последствиям привели к ситуации, когда население некритически воспринимает любую информацию, пользуется слухами, преувеличивает опасность радиационных последствий своему здоровью даже в тех случаях, когда ее нет. Например, данные многолетнего украинского мониторинга мнения населения о воздействии ЧАЭС на население этой страны показывают, что до настоящего времени объективной информации о состоянии здоровья и мерах профилактики в связи с аварией на ЧАЭС недостаточно. Нужен механизм расширения достоверной информации, учитывающий запросы и информационные потребности разных групп населения [2, с. 151].

К сожалению, на уровне общества, несмотря на постоянную риторику о ценности личности человека, чаще всего приоритеты остаются за показателями экономического развития, тогда как антропологические и

социальные аспекты выносятся за скобки. Конечно, ВВП и экономический рост важны, от них зависит материальное благосостояние граждан. Тем не менее, они не определяют напрямую качество жизни: самые лучшие для жизни страны – не самые богатые (хотя и не бедные!), а те, которые создали лучшие условия жизни для людей, и где люди чувствуют себя защищенными – и социально, и экологически – и счастливыми. Иными словами, антропологические аспекты развития хотя и не поддаются прямому измерению, подобно доходу, но имеют большое значение для позитивной социодинамики современного общества. В постсоветских странах, включая Беларусь, остается много нерешенных проблем, негативно воздействующих на человека. Как показали российские ученые Н.М. Римашевская и К.А. Гулин (см.: [3, с. 138]), в постсоветских странах нужна специальная ориентация социальной политики на человека и его здоровье, чтобы они стали более важной ценностью, чем экономическая эффективность. Поэтому первый механизм мотивации на здоровье, который необходимо развивать на всем постсоветском пространстве – государственная забота об экологической среде обитания граждан. Объективная важность данного механизма связана с тем, что, в отличие от прав человека, относящихся к отдельному индивиду, экологические ценности (жизнь в гармонии с природой, соблюдение баланса между экономикой и экологией, бережное отношение к окружающей среде, сбережение электроэнергии, отказ от расточительства и потребительства и т.п.) имеют коллективную природу: их поддержание предполагает коллективные действия, т.к. они отражают интересы не отдельных индивидов, а соответствуют целям выживания всего человечества [4]. Экологические ценности связаны с признанием важности экосистемы и предполагают системный подход к анализу общества. Несмотря на то, что разные социальные группы и индивиды могут в разной степени их осознавать и отстаивать, экологические ценности служат долгосрочным интересам всего человечества. Хотя они имеют нематериальную природу, тем не менее, они тесно связаны со всеми другими (как материальными, так и нематериальными) ценностями населения, поскольку являются базовыми для достижения иных (и терминальных, и инструментальных) ценностей, которые отстаиваются большинством в современном обществе: семья, благополучие, здоровье, и т.п. [5]. В задачи социально ориентированного государства входит и обеспечение населения необходимой объективной информацией по проблемам здоровья и экологии. Пока еще постсоветские государства не решают эту задачу в должной мере, что зачастую приводит к доминированию у населения стереотипов, почерпнутых из СМИ. Как показывают данные социологических исследований, на негативную оценку влияния Чернобыльской аварии на здоровье населения сегодня влияют главным образом не конкретные научные знания людей по проблеме, а средства массовой информации, стереотипы массового сознания, которые приводят к тиражированию страхов без желания разобраться в том, какова сегодня

ситуация с воздействием Чернобыля на состояние здоровья на самом деле. В качестве аргумента приведем данные украинского мониторинга «Украинское общество»: в 1992 г. число людей, которые считали «чернобыльский фактор» главным в ухудшении их здоровья, отметили 41% населения, а в 2010 г. – только 15%, а сама важность чернобыльской проблемы «откатилась с шестого места в 1992г. на 40-е место в 2010 г.» [6, с. 7]. Конечно, менталитет белорусов несколько отличается от украинского (возможно, различен и уровень информированности, но у нас нет сравнимых данных по этому вопросу). Так, например, оценка белорусами строительства новой АЭС все еще остается неоднозначной и базируется больше на прежнем негативном опыте аварии на ЧАЭС, нежели на данных СМИ. Эта оценка и страхи перед новой АЭС подтверждают сохраняющуюся актуальность проблем экологии для белорусов. Данный факт делает еще более значимым целенаправленное формирование экологических ценностей белорусского населения, которые должны стать терминальными (т.е. независимыми от других, ценностями-целями, а не ценностями-средствами). Одновременно это означает необходимость формирования механизма мотивирования населения на рост экологических знаний, развитие навыков и умений по заботе об экологической среде и собственном здоровье. Таким образом, главный мотив изменения отношения к здоровью – рост экологических знаний.

Утверждение экологических ценностей в белорусском обществе должно, в конечном счете, способствовать формированию экологически ориентированного образа жизни населения, характеризующегося установкой на защиту окружающей среды и сбережение ресурсов природы, на охрану здоровья самого человека, принятие личной и коллективной ответственности за качество окружающей среды, а также поступками, соответствующими экологической этике и осознанию необходимости гармоничных взаимоотношений человека с окружающей его средой.

Подобный «зеленый» образ жизни, основанный на осознании базовой роли окружающей среды в жизнедеятельности человечества, на понимании проблем экологии, и укрепленный ориентациями на экологизацию собственной жизни, на соответствующие действия, хотя и не является панацеей от экологических проблем и угроз, становится сам по себе одной из важнейших ценностей нашего времени.

В проведенном нами в 2011 г. исследовании экологической составляющей образа жизни минчан респондентам предлагалось, во-первых, оценить свой уровень знаний по экологическим проблемам. В среднем, по пятибалльной шкале, где 1 – минимальные знания, а 5 – самые полные знания, респонденты оценили себя несколько выше трех баллов, т.е. дали среднюю оценку своим знаниям. Во-вторых, предлагалось назвать основные источники, из которых население черпает информацию по экологическим проблемам. Оказалось, что молодежь больше пользуется знаниями, полученными в учебных заведениях (36%), и Интернетом (47%),

а люди старшего поколения – больше доверяют СМИ (36%), особенно телевидению (40%). Такие ответы помогают оценить роль СМИ в экологическом информировании населения. Наконец, в-третьих, на вопрос о самооценке своего поведения, более половины опрошенных указали, что покупают экологически чистые продукты, выбрасывают мусор только в отведенных для этого местах, используют лампочки длительного пользования и т.п. В-четвертых, оценивая причины, мешающие им вести экологически ориентированный образ жизни, примерно одинаковое число опрошенных указали на субъективные причины (собственная лень, недостаток воли) и объективные (недостаточные стимулы со стороны государства, отсутствие условий для экологически ориентированных действий). Таким образом, население Минска достаточно критично оценивает и свои знания, и действия, и причины, мешающие ведению экологически ориентированного образа жизни.

Республика Беларусь находится в самом начале пути перехода к более экологически ориентированному образу жизни. Наши социологические исследования образа жизни горожан показывают, что население в значительной мере осознало значимость экологических ценностей и готово сделать свою жизнь более «дружественной» по отношению к окружающей среде, хотя далеко не всегда знает конкретные пути для этого [1, с. 89].

Резюмируем вышесказанное. Для улучшения качества жизни и состояния здоровья населения постсоветских стран необходимо активное формирование мотивации и установок населения на бережное отношение к окружающей среде и личную заботу о состоянии собственного здоровья. Ключевую роль в этом процессе должно сыграть государство: создавая стимулы, оно может помочь в превращении экологического образа жизни в доминирующий для всего населения. Это один из механизмов. Второй важнейший механизм – рост собственных экологических знаний и соответствующая перестройка образа жизни, принятие персональной ответственности за свое здоровье и окружающую среду.

Литература

1. Титаренко, Л.Г. Глобальные факторы риска и их влияние на динамику экологических ценностей населения Беларуси // Социология. – Минск, 2011. – № 2. – С. 85–91.
2. Максименко, К. Досвід інформірованнн населення ўадо наслідків Чорнобильскої катастрофи в Україні // Соціальні наслідки Чорнобиля: час відродження. – Київ, 2011. – С. 150–156.
3. Шухатович, В.Р. Международный научно-практический семинар «Здоровье населения СНГ: состояние и тенденции развития» // Социология. – Минск, 2011. – № 2. – С. 138–140.
4. Devall, B. and Sessions, G. Deep Ecology: Living as if Nature Mattered. – Salt Lake City, 1985.
5. Inglehart, R.(ed.) Human Values and Social Change. Findings from the Values Surveys. – Leiden, 2003.

САМОИДЕНТИФИКАЦІЯ СУБ'ЄКТА В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦІАЛІЗАЦІЇ

О.П. Пунченко

Вся панорама подій початку двадцятого століття, а саме: інтенсифікація образу життя, зростання тенденцій неопределенності, виникнення всевозможних трансформацій і підвищення ступеня соціального і суб'єктивного ризику, децентралізація і релятивізація реальності і т.д., активізує соціально-філософський аналіз проблеми існування людини в сучасному світі. Дані реалії орієнтують сьогодні гуманітаріїв на комплексне, міждисциплінарне вивчення соціальних умов і факторів соціального існування людини, різноманітність форм взаємодії людини і соціума, на всебічне дослідження процесу соціалізації в довготривалій просторово-часовій перспективі.

Для концептуального дослідження проблем соціалізації суб'єкта необхідно врахувати три взаємопов'язані напрями в реалізації цього процесу. По-перше, необхідно врахувати нове уявлення про людину як активного соціального суб'єкта, без якого неможливо здійснення перетворень оточуючого її світу. По-друге, в напрямку перегляду і переопределення поняття «суб'єкт», але вже на якісній іншій теоретичній основі і в іншому соціокультурному контексті. Якщо коротко характеризувати сам соціокультурний контекст формування сучасного процесу соціалізації, то він носить багатоступінчастий і системно недетермінований характер. Він характеризується плюралізмом парадигм в цьому процесі, уповіряючи на одну з іпостасей суб'єкта, при цьому, забуваючи, не тільки К.Маркса, утверджував, що людина є сукупністю всіх суспільних відносин, але й Н.А.Бердяєва, обґрунтувавши тезу, що в людині перетинаються всі сфери її буття – антропологічна, біологічна, соціальна, психологічна і простір Висшої існування. Кожна соціальна і суспільно-природна характеристика формує свою частину соціальної сутності людини, вносячи свій внесок в багатовекторний процес соціалізації. Але при цьому слід врахувати, що елімінація головного соціалізуючого фактора звужує ареал багатомірності цього феномена.

В-третьє, в процесі соціалізації необхідно врахувати той факт, що сьогодні в глобальному вимірі інтенсивно формується деяке інше суспільство. Як зауважує один з провідних соціальних теоретиків Е. Гідденс, сучасному суспільству притаманно: «Розклад еволюціонізму, дослідження історичної телеології, радикальна конституційна

рефлексивность, «испарение» привилегированной позиции Запада» [1, с. 52-53]. Сегодня этот фактор выходит практически на первое место, поскольку глобализационные процессы в обществе уже фронтально выражают новую канву социализации личности. Это канва связывается с процессами идентификации и самоидентификации. В отдельных исследованиях самоидентификацию вообще представляют как социальную идентификацию и сводят к социализации, то есть рассматривают эти процессы даже не как подобные, а как тождественные. Чтобы осмыслить структурно-содержательный смысл самоидентификации необходимо исследовать её в контексте социализации.

Но что же вкладывается в содержание понятия «социализация?». И здесь опять мы сталкиваемся с плюрализмом дефиниций. Во «Всемирной философской энциклопедии» социализация определяется как «процесс операционального овладения набором программ деятельности и поведения, характерных для той или иной культурной традиции, а также процесс интериоризации индивидом, выражающий их знание ценностей и норм» [2, с. 980]. Причем процесс интериоризации трактуется в этой дефиниции как фаза социализации, в которой имеет место «перевод элементов внешней среды во внутреннее «я», а результатом интериоризации являются индивидуальность личности, порождаемая сопряжением врожденных особенностей, темперамента, интеллекта, воображения с социальными условиями» [3, с. 69], Социализация, по мнению Э. Гидденса, является основным способом передачи культурных ценностей от поколения к поколению. А социализация предстает как непрерывный процесс охватывающий всю жизнь человека.

В таких трактовках социализации происходит «встреча» и воздействие внешней среды на внутреннее «я» субъекта. Тем самым сразу предполагается, что социальная среда и субъект отделены друг от друга объективными инстанциями как ведущее и ведомое. Но так ли это на самом деле? Почему самоидентификация в процессе социализации субъекта играет пассивную роль? Конечно же, нет. Поэтому и необходимо сущностное исследование социализации и самоидентификации в их глубоко диалектической взаимосвязи.

Если проанализировать их связь через внутренние механизмы, то сразу обнаруживается их специфика. Во-первых, отождествляя механизмы социализации и самоидентификации, даже учитывая, что «при определенных условиях» тождество может иметь место, и ни слова не сказать о конституирующем факторе самоидентификации, значит определенно упростить понимание как процесса самоидентификации, так, в конечном счете, и самого процесса социализации. Специфика самоидентификации как процесса как раз в том и состоит, что в нем сам идентификатор и идентифицируемое совпадают, и что соотношение идентифицируемого с тем или иным идентифицирующим объектом в акте именовании устанавливается только самим идентификатором как самостоятельно производящим данное именование внутри своего языка.

«Самоидентификация, по мнению Э. Гидденса, даёт нам возможность рассматривать себя изолированно, как отдельных индивидов, именно благодаря постоянному взаимодействию человека с окружающей действительностью у него/неё формируется ощущение собственного «Я». Такое взаимодействие индивидуума и социума помогает установить связь между этими двумя мирами – миром личного и миром общественного» [28, с. 40].

Во-вторых, процессуальный аспект ориентирует на рассмотрение одной из разновидностей процесса социализации как идентификации субъектом самого себя с определенным набором социальных и индивидуальных ролей, которые призваны представить многоженственность современной субъективности, вариативность выбора предлагаемых субъекту обществом социальных ролей.

Анализ концептуальной структуры социализации, применяемый в традиционной социальной теории, показывает, что современные подходы не используют социализацию как концепт для рассмотрения субъективности и изучают социальную реальность, то есть социум и субъекта как относительно независимые друг от друга субстанции. Эти теории концептуализируют процесс социализации, выстраивая его на основании линейной модели «субъект – социальная среда», где предполагается, что субъект усваивает социальные нормы поведения в процессе взаимодействия с другими субъектами той же социальной группы. Процессы социализации субъекта в данном контексте немыслимы без реального социального взаимодействия, что отражает процесс социальной адаптации субъекта. Эта адаптация и является дешифратором процесса самоидентификации субъекта с ценностями социума.

Следовательно, анализ понятия социализации, рассматриваемый в контексте современной социальной теории, требует существенной корректировки, не говоря уже о самой схеме процесса социализации, которая, если принимать в расчет перформативную, нарративную и другие типы самоидентификации субъекта, нуждается также в кардинальном пересмотре в условиях глобализации всех сфер общественной жизни.

Таким образом, можно отметить, что прежние теории социализации не учитывали процесс самоидентификации и сегодня уже несовместимы с современной полисубъективностью, определяемой во многом трансформирующейся в настоящее время социальной реальностью и представленную многочисленными дискурсивными пространствами. Рассматривая социализацию в контексте исследования субъективности можно с высокой степенью объективности предположить, что социальное существование субъекта во многом формируется процессами самоидентификации, носящими дискурсивный характер, определяемый через язык, что обычно и упускается из внимания в традиционном толковании категории и процесса социализации. Самоидентификация охватывает и задает одновременно непрерывный и дискретный процесс в структуре социализации и составляет её сердцевину. Иначе говоря,

самоидентификация субъекта является той основой, на которой должно базироваться современное понимание «социализации» как в содержательном, так и в процессуальном аспектах. Это предполагает пересмотр традиционного истолкования социализации в направлении разработки её версии как расширенной герменевтики самоидентификации, не столько дополняющей и уточняющей её классическую версию, сколько ориентированной на существенный пересмотр и переопределение её содержания.

Литература

1. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the late Modern Age.* – Cambridge, 1991.
2. *Всемирная энциклопедия: Философия.* – М., Минск., 2001.
3. Немировский В., Невирко Д. *Социология человека: От классических к постнеклассическим подходам* – М., 2008.
4. Гидденс Э. *Социология.* – М., 2005.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ ДУХОВНОСТЬ

Т.П. Короткая

Сегодня одним из важнейших понятий, требующих своего осмысления, является понятие духовность. Современная социокультурная ситуация характеризуется сложностью, ускоренным ритмом жизни, новыми вызовами и угрозами обществу. Зачастую можно фиксировать наличие у современного человека «вероятностной» моральной позиции: поведение индивида ситуативно, важнейшим является достижение успеха как такового. Моральные критерии оценки деятельности и поступков человека зачастую исключаются. Противостоять подобным негативным тенденциям можно, опираясь в процессе воспитания и образования на духовные нравственные ценности, раскрывая духовно-нравственные основания личности и культуры в целом. В наши дни особую актуальность приобретают идеи, основательно подзабытые за последние десятилетия – такие как дружба, взаимопомощь, человечность. Прагматизация жизненных установок, которую мы наблюдаем в последнее время, когда в основу взаимоотношений людей кладется голый расчет, голая «экономическая выгода», имеет опасную направленность. Она приводит к забвению человеком человечности, духовности. Для того, чтобы преодолеть негативные моменты, обозначившиеся в современной культуре, необходимо еще раз вспомнить о том, что в основе подлинно человеческих взаимоотношений лежат такие духовные ценности как взаимопомощь, справедливость, правда, красота. Все это ставит на повестку дня вопрос о необходимости осмысления сути духовного как такового.

Философская рефлексия сталкивается с определенными трудностями, пытаясь с помощью логического категориального аппарата схватить суть таких многозначных и хрупких феноменов как духовное, духовность. Первоначальное значение термина «дух» в европейской традиции имело физический смысл – в греческом языке это *пнеума*, эфир, тонкая субстанция, огонь. Второе значение слова дух в греческом языке – *пюус* – разум. В греческой философии второе значение слова дух становится со временем основным, нус, понятый как разум, логос – т.е. дух здесь по преимуществу выступает в качестве интеллектуального начала. В некоторых направлениях греческой философии удерживается и более материальное понимание духа, подчеркиваются его вещественные характеристики, происходит переплетение двух исходных понятий духа – *пюус* и *пнеума*. В христианстве происходит переосмысление понятия дух. Евангельское понимание опирается на библейскую традицию, в Ветхом Завете дух – *гоах* – дар жизни, полученный от бога. В Евангелиях дух есть Святой Дух, именно он есть дар божий: благодаря духу человек становится христианином. В христианстве дух понимается как божественная благодать, божественная энергия. В христианской традиции человек трактуется не в двух ракурсах как в античности, т.е. как тело и душа, но как тело, душа и дух. Здесь дух означает причастность к божественному посредством веры, открытость человека богу. Можно сказать, что в христианской традиции происходит открытие человеческой духовности, т.е. его свободы, его историчности и его индивидуальности. Утверждая бессмертие души, христианство допускает реальность трансцендентного мира и одновременно с этим бессмертие и бесконечность человека.

В современной философии можно выделить различные интерпретации духовного. Здесь можно, прежде всего, отметить направление, которое связывает дух с ценностью (Виндельбанд, Риккерт, Дильтей). Понятие ценности становится важнейшим в методологии гуманитарного познания, в осмыслении проблем истории, культуры в целом. В философии экзистенциализма понимание духовности связано с проблемой подлинного и неподлинного существования человека, проблемой бытия. В современной философии духовность, в самом общем виде можно сказать, усматривается в разумности человека, свободе, совести - духовное выражает бытие человека в мире в разных проекциях – это бытие, раскрытое в речи, в дискурсивном разуме, в историчности человека. Современные социальные философы говорят о духовности как фундаментальном качестве человека. Духовность имеет всеобъемлющий характер, в ее состав входят научные концепции, нравственные ценности, эстетические категории. Важнейшей особенностью духовного является то, что духовное раскрывается благодаря экзистенциально-личностному опыту человека. Человек представляет собой реальность особого рода. С одной стороны, эта реальность формируется в процессе интериоризации духовного опыта человечества, человек как бы «вбирает» в себя внешний

мир. С другой стороны, человек способен выходить за пределы своего наличного бытия, он тем самым превосходит себя и, изменяя себя, способен изменять окружающую действительность. Человек живет как бы в двух мирах, двух проекциях своего бытия – во-первых, в мире физической и социальной данности, которая всегда ценностно окрашена, во-вторых, он выступает как проект, незавершенность, трансценденция. Трансцендентность относится к числу фундаментальных характеристик человека. Человек может делать себя иным. «Если социально-имманентная сторона человека воплощает в себе момент стабилизации человека и общества, то его социально-трансцендентная грань выражает дух беспокойства, перемен, вечное созидательно-преобразующее начало» [2, с. 175]. Однако, преобразуя себя, он тем самым способен преобразовывать общество, ибо, по словам Э. Фромма, «жизненная задача человека совершенно парадоксально сочетает в себе реализацию индивидуальности и в то же время выход за ее пределы и достижение универсальности» [4, с. 372]. Однако эта «подвижность» человека ставит проблему вектора этого движения, ценностей, которые человек выбирает. Человек способен реализовать две возможности – либо в процессе трансцендирования он выбирает духовные ценности, либо впадает в варварство, теряет человеческий облик. М. Шелер в свое время, говоря об особенности человека, очень тонко заметил, что человек не может быть животным, он может быть или выше или ниже животного. Сегодня явственно обозначено то, что под угрозой находится само существование человека, в современной культуре проблема поставлена очень остро: либо духовность, либо варваризация, падение человека ниже уровня животного. Общеизвестно, что проблема того, как воспитать подлинно нравственного духовного человека и сформировать общество, в котором человек смог бы стать действительно человеком, являлась и является центральной в философии. Сегодня в этой связи несомненный интерес представляют наработки т.н. гуманистической психологии, которая вновь остро поставила вопрос о психически и нравственно здоровой личности, условиях и возможностях ее формирования. Один из основоположников этого направления А. Маслоу связывает развитие человека, его самоактуализацию с проблемой трансценденции. В своей работе «Дальние пределы человеческой психики» он выделяет около 20 видов трансценденции [3, с. 281]. Одним из важнейших аспектов этого понятия является понятие трансценденции базовых потребностей. По его мнению, существует определенная иерархия мотивов. Нижний слой составляют такие потребности, как еда, сон и т.п. Далее идут уровни, связанные с такими потребностями как потребность в любви, уважении, безопасности. И, наконец, метапотребности, по Маслоу, включают в себя потребности в совершенстве, красоте, правде. Если человек становится метамотивированным, он становится тем самым психически здоровой личностью, или по-другому, говоря, «дочеловеченным» человеком. Таким образом, если мотивация ограничена лишь нижним слоем потребностей, а

другие уровни исключаются, происходит «урезание» человека, его духовное опустошение. По-другому говоря, дегуманизация человека. Понятие гуманизм, гуманистический стало расхожим, часто его подлинный смысл и значение уходят из нашего поля зрения. В этой связи обратим внимание на то, что «термин *humanitas*...означал...воспитание и образование человека. Считалось, что в становлении духовного мира основная роль принадлежала словесности, т.е. поэзии, риторике, истории и философии... Эти дисциплины ...оказываются более пригодными для формирования человека, развития его духовной природы» [1, с. 3]. Очевидно, что в процессе воспитания и образования человека важнейшая роль принадлежит гуманитарному знанию в его только что обозначенном широком смысле. Духовность, ««дочеловеченность» человека могут быть развиты лишь на основе гуманистически ориентированного образования и воспитания. Забвение высших культурных ценностей приводит к забвению «метафизического» удивления перед тайной бытия, забвению метафизической сути человека. Однако, очевидно, что и каждая культура и конкретный человек, лишаясь высших ценностей, теряют в конце концов и смысл своего существования.

Литература

1. Антисери, Д. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта /Д. Антисери, Д., Д. Реале. – Спб.,2002.
2. Барулин, В.С.Социальная философия. Учебник для вузов. – М.,1998.
3. Маслоу, А.Дальние пределы человеческой психики. – Спб.,1999.
4. Фромм, Э.Душа человека. – М.,1992.

ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

А.А. Легчилин, О.В. Новикова

Наметившийся в конце XX – начале XXI столетий цивилизационный поворот выражается, с одной стороны, в новом качестве социально-культурной коммуникации между цивилизационными регионами Запада и Востока, с другой – в явно выраженной тенденции глобализации мирового сообщества на пути перехода к единой постиндустриальной цивилизации. В этих условиях одной из актуальных проблем, стоящих перед цивилизацией является проблема культурной идентичности.

В обществе существовали многообразные формы социально-культурной идентификации. Так в традиционном обществе Востока была распространена идентификация человека с родом, племенем, землячеством, наконец, семьей – а Китай, например, согласно Конфуцию, и есть «большая семья». В целом, в традиционных обществах цивилизации Востока, сохранявшем дух толерантности, веротерпимости и верности моральным нормам, сохранение коллективной идентичности, учитывая

присущий этому обществу примат коллективного начала над индивидуальным, не вызывало особых проблем. Современный человек данной цивилизации, конечно, испытывает искушение смены мировоззрения и системы ценностей под влиянием материально благополучной цивилизации Запада, что грозит потерю идентичности, а значит – жизненную дезориентацию.

В Новое время человек западноевропейской цивилизации идентифицировал себя в качестве представителя белой расы, христианина, гражданина государства и члена гражданского общества. При этом в индустриальном обществе Запада складывание цивилизационных общностей с характерными для них образом жизни и культурой происходило двумя основными путями, что позволяет говорить о двух моделях формирования современных цивилизаций.

Первая модель – «плавильного тигля», характерна для «принимающих» стран, в возникновении и развитии которых, решающее значение имела массовая эмиграция людей. В них процесс интеграции представителей различных этносов сопровождался социально-культурной «переплавкой», приведшей к образованию новых политических наций, квалифицируемых как народы США, Канады, Австралии. Их возникновение могло включать элементы насилия и миссионерства в отношении местного населения (например, американских индейцев и австралийских аборигенов), но, в целом, происходило мирным и эволюционным путем. В итоге, хотя в социально-культурном пространстве этих стран и существуют сегменты, представляющие культурное своеобразие различных этнических диаспор – афроамериканской, латиноамериканской, итальянской и т.д., определяющее значение имеет единая система ценностей. Поскольку в основе формировавшейся культуры и образа жизни новых народов лежали политические (по своей сути, либерально-демократические) и духовные (христианские) ценности переселенцев из Западной Европы, они закрепились в качестве цивилизационных оснований этих общностей. В итоге эти новообразования способствовали их объединению в рамках «политической нации».

Вторая модель социально-культурной интеграции – «томатного супа», характерна для западноевропейских государств. Она фиксирует возникновение в индустриальном обществе интегрированной социальной общности на основе доминирования титульного этноса (немецкого, французского, испанского) и системы его политических и культурных традиций. Ценности титульного этноса являются базовыми, определяя социальное бытие национального государства, а ценности других проживающих в нем этнических групп выполняют функцию «приправы», дополняющей «вкусовыми нюансами» возникший продукт интеграции, не меняя его основы. Существенно, что осуществлявшаяся на основе данной модели социально-культурная интеграция не являлась массовой и не носила конфликтный характер, поскольку предполагала образование,

воспитание и социализацию новых граждан на основе христианской духовности и национального культурного наследия стран Европы.

Глобализация и начавшийся переход к постиндустриальному обществу способствовали интенсификации социальной мобильности в современном мире, имевшей как позитивные, так и негативные последствия. Как следствие, Запад пришел к осознанию остроты вставшей перед ним проблемы социально-культурного диалога между проживающими на территории их национальных государств социальными общностями, представляющими разные типы цивилизаций.

Известно, что заметно усилившийся в 60 – 70 годы XX века приток в Западную Европу эмигрантов из развивающихся стран первоначально расценивался как позитивное явление, продиктованное потребностью в новой рабочей силе. Не вызывал тревоги и факт равноправного существования в одной стране разнообразных этнических групп со своеобразными культурными и религиозными ценностями, поскольку предполагалось, что они, адаптировавшись и впитав ценности титульной, государственной нации, естественным путем волеются в нее, добавив, согласно привычной модели «томатного супа», еще одну «специю», не более. Именно такой сценарий социально-культурной интеграции был положен в основу возникшей в конце 60-х годов концепции мультикультурализма.

Однако развитие событий привело к существенно иным результатам. В Германии, Франции, Великобритании сформировались достаточно мощные этнические диаспоры, которые, вопреки ожиданиям, не растворились в либерально-демократическом государстве с его христианскими корнями, а составили «параллельный мир». Он пользуется гарантированными государством материальными благами, социально-экономическими и политическими правами, но, в то же время, для него характерно непринятие христианских ценностей и традиций титульного этноса, воспроизводство идентичности, характерной не для нового отечества, а для религиозной и национально-культурной диаспоры.

В частности, о том, что не нравится мусульманам, представляющим значительную часть эмигрантов, в Европе, можно судить по словам директора Исламского правозащитного центра И. Шангареева, являющегося председателем Ассоциации мечетей России и сопредседателем Совета муфтиев России. К числу основных факторов, которые могут оказать наиболее неблагоприятное влияние на воспитание мусульманских детей, он относит:

- отношение к религии как к делу второстепенному и сугубо личному;
- разрушение основ семьи в западном обществе;
- политкорректность;
- стремление к достижению материального благосостояния;
- культ комфорта в европейском обществе;
- индивидуализм;

– ограничение власти родителей над детьми [1, с. 7], то есть те ценности и идеалы, которые составляют фундамент цивилизации Запада.

В результате вместо реальной интеграции культур в современном европейском обществе наблюдается их сосуществование и конкуренция. При этом конкуренция культур тем более сильная, чем больше различия в типах цивилизаций, к которым принадлежат этнические общности. Не случайно, эта модель получила название «слоеного пирога», где каждый слой автономен и отличен от других.

Для локальных цивилизаций, не являющихся очевидными (по крайней мере, пока) лидерами глобализационного процесса, например, китайской, индийской или исламской цивилизации, эта проблема сопряжена с отстаиванием основ своего образа жизни и противостоянием, претендующим на роль универсальных ценностей Запада. Для западноевропейских стран, представляющих цивилизацию Запада, проблема сохранения национально-культурной идентичности стоит не менее остро. Особую остроту ей придают, с одной стороны, низкий уровень рождаемости, старение коренного населения западного общества и его превращение в потребительское общество, с другой – высокий уровень рождаемости в семьях эмигрантов из Азии и Африки, их консолидация на религиозной почве. Это ведет к тому, что проблема сохранения культурной идентичности человека Запада трансформируется в проблему выживания коренных европейцев как представителей своей собственной цивилизации.

Таким образом, в современном обществе существует реальная проблема сохранения цивилизационно-культурной идентичности, от решения которой зависит характер социальной коммуникации в глобализирующемся мире.

Литература

1. Миронов, Е. Европа начала реконквисту // Идея Икс. – 2009. – №9.

ЭТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ САМОСТИ

Е.А. Шилина

В рамках данной работы нами исследуется понятие самости (self). Причем мы не ограничиваемся представлениями о нем в рамках одной монолитной теории, а проводим сравнительный анализ нескольких теоретических концепций, позволяющий более полно представить особенности и характеристики этого феномена. В дальнейшем, нами будет предложен инвариант его трактовки в свете двух теоретических традиций, а именно, постструктуралистски-постмодернистской и интерсубъективистской.

Поскольку смысл, подразумеваемый под понятием субъекта, на протяжении столетий не раз кардинально изменялся, а представления о нем варьировали от Декартовского провозглашения его центром мироздания до постмодернистского отказа от признания его существования, а также в связи с тем, что понятие субъекта имеет давние и практически неустранимые метафизические коннотации, мы предпочли ему понятие самости, помогающее детально проблематизировать идею субъекта и рассматривать его не как нечто предположенное, а скорее как продукт определенных, в частности, социальных, практик. Мы имеем в виду сложное динамическое образование, а не некую «субстанцию», мы говорим о самости в смысле self.

Важно отметить, что наша тема помещается в контекст модной долгое время идеи критики субъекта, идеи, которая разрабатывалась многими авторами в рамках постструктуралистско-постмодернистской традиции и была представлена такими концептуальными находками, как «смерть человека», «смерть автора», «теоретический антигуманизм» и так далее. Структурализм при помощи своих методов стремился ниспровергнуть превалирующие в гуманитарном знании константы, а именно субъективизм, антропоцентризм, психологизм. Понятие субъекта здесь обретает проблематичный характер, впервые вопрос ставится весьма категорично, а именно, «возможен ли субъект»? На смену модернистским представлениям о ценности «я», постмодернизм и структурализм приносят концепции, расщепляющие идеи значимости и ценности субъекта. Децентрация индивидуального и коллективного Я – вот что характеризует субъект постмодернизма. Субъект не предстает более как носитель чистой когнитивной рациональности, происходит перенос значения с личного субъекта на безличный текст.

Но, несмотря на кажущуюся категоричность мнения постструктурализма и постмодернизма об окончательной гибели субъекта, мы утверждаем, что конечная точка все же не поставлена, и постепенно, пусть и довольно медленно, происходит поворот или скорее «возвращение» субъекта, весьма наглядно представленное у таких образцовых критиков как, например, Мишель Фуко.

На наш взгляд, эта постструктуралистско-постмодернистская критика идеи субъекта может быть интерпретирована как раскрытие его социальной конституции, причем имеется в виду не внешняя обусловленность индивидуального существования социальной средой, а «социальность», образующая структуру индивидуального Я, моделирование индивида, рассмотрение его не как «субстанции», а как сложного динамического образования. Критика идеи субъекта включала раскрытие властной сформированности мнимо автономной субъективности, тогда как реабилитация идеи субъекта связывалась с самоформированием человеческого существа. В этой связи нами выдвигается положение о том, что социальная динамика самости включает

«политическую» и «этическую» составляющие, и, таким образом, перед нами стоит задача выяснить соотношение этих аспектов.

Для решения данной задачи привлекается, прежде всего, содержание концепции М.Фуко – автора, в эволюции точки зрения которого «смерть и возвращение субъекта», а также сочетание «политической» и «этической» составляющих представлены образцово. Во-вторых, для анализа берется концепция, сформировавшаяся в иной традиции, а именно традиции коммуникативно-теоретического интерсубъективизма, восходящего к Дж. Миду, то есть концепция А. Хоннета, в которой мы также намереваемся выделить «этическую» и «политическую» ипостаси, формирующие самость.

Крайне важно рассмотреть самость – социальный феномен, динамично раскрывающийся в многообразии, подвергающийся влиянию извне, моделируемый и производимый «чуждыми» силами, как и то, что само способно проводить определенные «политики», выстраивать тактики, бороться и поддерживать определенное равновесие со средой, равновесие, необходимое для сохранения собственной автономии. Идея социального формирования и социальной динамики самости и переход к рассмотрению индивидуальной самости именно как социально сформированной отвечает общей тенденции и связан с интерсубъективизмом в социологии, идущим от Дж. Мида, и лингвистическим поворотом, углубление которого привело к анализу социально-политической динамики дискурса.

Принимая общую идею социального формирования индивидуальной самости, необходимо ее развернуть, показать сложную динамику в единстве политического и этического измерений, где первое связано с практиками взаимодействия с другими, существенно определяемыми отношениями власти, второе же с практиками формирования себя в качестве автономного существа. Требуется получить обобщенное представление о взаимодействии политического и этического измерений в социальной динамике самости.

Сопоставление концепций можно провести по некоторым ключевым аспектам. В первую очередь, отметим, что понимание самой социальной динамики самости возможно в контексте определенной концептуализации социальной жизни, определяющей эту динамику. У Фуко социальная жизнь представлена как властно детерминированная жизнь, сочетающая в себе определенные стратегические отношения, практики и техники. Теория Хоннета иллюстрирует разнообразие социальной жизни, заключенной в отношениях интеракции, выстроенной на основании коммуникативного опыта [1, с. 90]. Относительно аспекта формирования социальной конституции самости и у Фуко, и у Хоннета продемонстрировано формирование субъекта социальными практиками, причем рассматривается не «внешнее» социальное воздействие на индивида, не его столкновения с теми или иными социальными институтами, а его генезис в контексте социальных взаимодействий.

Однако на уровне «политик» видятся существенные расхождения в позициях авторов. У Фуко «политика» представлена в плане политического формирования индивида, им демонстрируется моделирование, конституирование субъекта властью. Муштра, по мнению Фуко, нацелена на то, чтобы оформлять подвижные, бесполезные массы тел и сил, превращать их в множественность индивидуальных элементов, отдельных клеточек, органических автономий, генетических тождеств и непрерывностей, комбинационных сегментов, то есть формировать индивида таким, каким мы его видим [2, с. 200]. У Хоннета же весь аспект «политики» сведен к концепту борьбы за признание, который является центральным, направляющим звеном, определяющим поведение индивида.

И, наконец, этическая составляющая социальной динамики самости представлена у Фуко в виде «техник себя», техник самоформирования. Здесь употребляет понятие самости уже в смысле определенной инстанции, которую необходимо развивать и которой стоит добиваться благодаря этим «техникам». У Хоннета представление «этического» аспекта заключается в предложенном им концепте «формальной нравственности», который выступает ориентиром оценки проявлений социальной борьбы.

Таким образом, уместным является рассмотрение самости как социально конституируемого, динамичного образования, и такая трактовка является веским контраргументом существовавшей критике субъекта, пытавшейся уничтожить ее (самости) автономность. Несмотря на повсеместно распространившуюся идею о децентрации и размытости, мы продемонстрировали те направления, по которым все же возможно развитие и формирование самости во всей полноте ее взаимодействия как с окружающим миром, так и с собой. В социальной жизни, окружающей субъекта, он сталкивается с погружением во взаимодействия и отношения, обусловленные властью, а также у него присутствует стремление к восполнению своей личностной наполненности при помощи самопостижения и самоформирования «техниками себя» с ориентацией на укорененный в системе социальных практик идеал автономного человеческого существования.

Литература

1. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 1999.
2. Хоннет, А. Децентрированная автономия: морально-философские следствия из современной критики субъекта // Позиции современной философии. – СПб, 2004. – №3. – С. 84–99.

ЦЕННОСТНЫЕ ДИЛЕММЫ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

З.Я. Капустина

Современный человек в постсоветском пространстве оказался в сложнейшем положении – был неожиданно брошен в лоно нагрянувшего рынка, рыночных отношений, что подобно «девятому валу» захлестнуло, размыло ментальные свойства былой эпохи. Человек вступил в пространство стремительно развивающихся цивилизационных процессов, но при этом из-под его ног уходила почва культуры его существования.

Надо заметить, что трагизм бытия человека машина социальной системы не чувствует. Его мог и должен был предвидеть и предчувствовать механизм, организующий человеческую культуру.

Но если трансформации конфигурации социальной системы прогнозируема, то средовые отношения – на линейном уровне - на протяжении советского периода (как и в царской России) должного мощного культуuroобразующего механизма организации, к сожалению, не получили. А ситуативно формируемая партийной идеологией культура была неустойчивой, носила временный характер (личностные свойства, межчеловеческие отношения).

Можно ли было избежать переживаемого социального экстремума? – в наличных условиях - нет.

Факторов, блокирующих организацию системы культуры человеческой в советское время было несколько: 1) слабо изучалась мировая и отечественная философия, философская антропология; доминирующее положение марксистско-ленинской философии упрощало, обедняло смыслы человеческого бытия и его познания; 2) идеологическая ангажированность и в этом ключе – смешение и замещение в научном познании основополагающих понятий становления гражданского общества; 3) примитивное представление и толкование культуры; 4) аберрации типа – рассмотрение человека как завершенного и совершенного индивидуума, обстоятельства определяют жизненную активность человека и векторы ее направленности; интересы и потребности мотивируют личность (внутренняя мотивация).

Так, смысловое замещение понятия *пайдейя* понятием *педагогика* (еще в эпоху Просвещения) обернулось трагедией для нас. Педагогика потеряла связь с познанием идей (высших смыслов человеческого бытия), нравственностью (моралью) и верой – в их синтезе - каковой была сущность пайдейи.

Пайдейя – с одной стороны - инициировала принципы (идеологию) гражданского общества, с другой – определила средства реализации и проводников – идеологов и строителей гражданского общества. В качестве средств были выделены гражданские добродетели (мужество, мудрость, благочестие и др.) и в качестве идеологов, строителей гражданского

общества – пайдагоги – духовно богатые, нравственно развитые, уверовавшие в высшие смыслы человеческого бытия «руководители».

Пайдагоги «взращивали» новый тип людей – граждан, новое общество – гражданское, новый тип отношений – гражданскую добродетельность. Их деятельность была направлена на одухотворение действий, облагораживание поступков, усиление этического характера отношений между людьми - на культурно-эволюционное преобразование народа, его становление гражданством.

Воспитание в пайдае строилось с опорой на смыслы этических категорий, которые выражали принципы (идеи) гражданского общества. (Платон, Аристотель). Уникальность такого воспитания состояла в том, что с помощью смыслов, содержащихся в этических категориях, менялось людское (варварское) мировосприятие, миропонимание, мировоззрение. Сознание и поведение индивидуума обретали нравственную энергичность, позитивно-созидательную и жизнеспасающую упорядоченность; между людьми генерировалось согласие, добронравие, добропорядочность, благоразумие, добросовестность.

Таким образом, пайдагогами развивалось ценностное сознание граждан и формировалось нравственное поведение, менялись одновременно личностные свойства индивидуума и характер отношений между людьми на линейном уровне. При этом, этическая компонента была основополагающей. Таким образом, складывалась единая система ценностей: личностных, ценностей гражданского общества и государствообразующих [1].

Ценностных дилемм человека в обозначенных условиях не могло возникнуть по определению.

Отечественная педагогика изначально утратила связь с пайдаей, а значит, с культурой, получила примитивное толкование как «детовожделение», перешла в сферу средств реализации государственного заказа, в сферу ремесленничества, наставничества, преподавательской деятельности (дидактики). Педагоги стали выполнять роль дидактоскалов, мастеров, и лишь одаренные – учителей.

Естественно, при таких обстоятельствах, наши педагоги не могли и не могут формировать идеологию гражданского общества, транслировать и способствовать реализации ценностей гражданского общества. Ценности гражданского общества остаются до сих пор непроясненными, непознаваемыми. Ибо они не входят в предметную сферу педагогической науки. Для педагогов осталась непроясненной предметная сфера воспитания. Что нужно воспитывать, формировать, развивать педагоги имеют весьма смутное представление. Все усилия направляются на развитие интеллекта и творчества, а духовная и нравственная сферы остались также вне рамок педагогического познания.

В условиях обретенной индивидуальной свободы, несформированности представлений о ценностях личностных (как высших смыслов человеческого бытия) и ценностных ориентациях (ценностях

гражданского общества) укореняется представление о доминантной роли потребностей и интересов личности. При этом, представление о ценностях искажается, обретает примитивный характер, и что самое главное - утрачивает связь с этическим компонентом межчеловеческих отношений. Этому же способствует смешение и замещение категорий *гражданство* и *народ*. По большому счету, это своего рода две тенденции развития общества: первая - поступательно развиваемое человеческое общество, развитие осуществляется по особым принципам человеческого бытия, вторая – сохранение средневековых ментальных свойств, развитие по кругу, согласно естественным законам природы, где основу составляют иерархические отношения, сила, потребности, интересы (польза). Народ не стал еще гражданством: активная позиция – не основной признак гражданства. Гражданское общество находится все еще в «эмбриональном состоянии» [2]. Гражданство – это гуманитарно просвещенный, духовно и нравственно развитый народ. Чтобы народу стать гражданством, необходимо вернуться к воспитанию гражданских добродетелей как личностных свойств и развивать добродетельность в отношениях между людьми. «Гражданские добродетели – путь к процветанию!» (Ф. Фукуяма) [3].

Внесло определенный хаос в определение и понимание ценностей смешение и замещение понятий *гражданственность* и *гражданство*. Гражданственность – ценность культуры - детерминированные этическими принципами (гражданскими добродетелями) отношения между людьми (гражданами) на линейном уровне. Гражданство – составная часть политической сферы, совокупность граждан, составляющих гражданское общество, статус народа гуманитарно просвещенного.

Не овладевая философско-антропологическими, культурологическими знаниями, имея искаженное представление о педагогике, в качестве ценностей принимается абстрагированный образ значимого [4], открывается широкий спектр квазизначимого: эгоистические потребности, низменные интересы, сиюминутное удовольствие, зачастую граничащее с потерей морали, обретают силу принципы квазикультуры. Так возникли ценностные дилеммы современного человека.

Литература

1. Капустина, З.Я. Гражданственность – «правильная организация духа» нации» // Эл. журнал «Новые российские гуманитарные исследования». – 2009. – №4.
2. Заславская, Т.И. Инновационный потенциал России и проблемы гражданского общества. – М., 2001.
3. Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели или путь к процветанию. – М., 2004.
4. Щуркова, Н.Е. Педагогическая технология. – М., 2005.

УТВЕРЖДЕНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ В МИРОВОЗЗРЕНИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

З.С. Курбыко, А.В. Позняк

Насущная необходимость решения проблем отчуждения человека от «человеческого» в самом себе, создания условий для его продуктивной жизнедеятельности явилась детерминантой утверждения гуманистических приоритетов развития человеческой цивилизации и обоснования гуманизма как основы становления мировоззрения индивида и общества.

К выработке подходов в формировании гуманистического мировоззрения растущих поколений обязывает и происходящая в данный период смена идеала образования, которая характеризуется переходом от просветительской парадигмы к культуротворческой, от «человека образованного» к «человеку культуры» (В.С. Библер). Как утверждает М.П. Арутюнян, «...мировоззренческая парадигма образования аутентична онтологии человека. В ней снимаются ключевые точки напряжения современного образования: доминанта «знаниевой парадигмы», утвердившаяся в праксеосфере образования «логика абстрактного гуманизма» и «методология механицизма», закрепляющая приемы работы со сложными самоорганизующимися системами, способами и методами, характерными для функционирования и управления простых систем» [1, с. 24].

Истоки антропологического оптимизма, вера в восхождение к совершенству и гармонии через любовь к человеку, в победу альтруистических начал лежат в основе учений Аристотеля, Конфуция, Сократа, Платона.

Утверждению гуманизма как универсального принципа видения и осмысления мира посвятили свою жизнь великие деятели эпохи Возрождения С. Будный, Леонардо да Винчи, Данте, Т. Кампанелла, М.Монтень, Ф. Рабле, Ф. Скорина и др. Они выдвинули перед современниками не только задачу познания мира и своего места в нем, но и внутреннего совершенствования, формирования в человеке этических отношений к познаваемому миру. Ключевой позицией ренессансной концепции является утверждение человека активного, формирующего и преобразующего собственными усилиями свою жизнь и внутреннюю природу. Высшим прототипом человеческого общения объявляется любовь человека к человеку, признание самоценности человеческой жизни, достоинства человека, его духовной свободы, национального и социального равенства.

В Новое время появляются этические учения Г. Гардера, П. Гассенди, Т. Гоббса, И. Канта, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и др., в которых провозглашается возможность и необходимость «золотого правила» нравственности – «обращаться с другими так, как ты хотел бы, чтобы обращались с тобой». Главным концептом в теории И. Канта является

положение о том, что человек – целостное, биологическое существо, принадлежащее и к миру природному, и к сфере нравственного и свободного. Только человек как мыслящее существо, своим разумом сам определяющий себе свои цели, может быть идеалом. И. Кант считал: «О человеке ... как моральном существе уже нельзя спрашивать, для чего (*quem in finem*) он существует. Его существование имеет в себе самом высшую цель» [2, с. 45].

Мыслители-гуманисты XX века Н.А. Бердяев, В.И. Вернадский, М.К. Мамардашвили, Х. Ортега-и-Гассет, А. Печчеи, К. Роджерс, Ж.-П. Сартр, Э. Фромм, А. Швейцер, В.А. Энгельгардт и другие указывают на то, что гуманистические миропонимание и мироотношение позволяют решить проблему «отчуждения» человека, которая возникла как результат бурного научно-технического прогресса и привела к потере моральных ориентиров и смысла жизни. В их трудах красной нитью проходит мысль о том, что человек никогда не примирится, не согласится с той картиной мира, которую создает безразличная к нему наука о внешней действительности. По словам В. И. Вернадского, «...сведение всего на свете к физико-астрономическим или физико-химическим закономерностям и построение на этой основе мировоззрения есть невыполнимая или неправильно поставленная задача, так как за пределами природы огромная область человеческого сознания и бесконечных по силе и глубине проявлений человеческой личности, которая сама по себе представляет новую мировую картину» [3, с. 63].

В современном человековедении прочно утвердилось понятие «Новый гуманизм» как некое универсальное объединяющее начало. Его суть состоит в стремлении к осознанному идеалу, который внушает нам глубокое и последовательное утверждение жизни и мира.

Широкую известность и поддержку получает «этика благоговения перед жизнью», разработанная А. Швейцером. Великий гуманист пишет: «Этика благоговения перед жизнью дает нам в руки оружие против иллюзорной этики и иллюзорных идеалов. Но силу для осуществления этой этики мы получаем только тогда, когда мы – каждый в своей жизни – соблюдаем принципы гуманности» [4, с. 567].

Современный гуманизм представляет собой многообразные идейные движения, процесс организационного оформления которых начался в период между двумя мировыми войнами и интенсивно продолжается в наши дни [5]. Понятие «гуманизм» как определение собственных взглядов на жизнь широко применяют представители различных социальных групп и общественных движений, приверженцы разных философских концепций. Именно гуманистическая парадигма в настоящее время становится интеграционной платформой в процессе глобализации сознания индивида.

Организации сторонников гуманистических течений, существующие во многих странах мира, объединены в Международный гуманистический и этический союз (МГЭС). Их деятельность строится на основе программных документов – деклараций, хартий и манифестов, наиболее

известными из которых являются «Гуманистический манифест I» (1933), «Гуманистический манифест II» (1973), «Декларация светского гуманизма» (1980), «Гуманистический манифест 2000» (1999), «Амстердамская декларация 2002», «Гуманизм и его устремления» (2003).

Главными признаками современного гуманизма как мировоззренческой системы являются приоритет благотворных для человека качеств и свойств, возможность использовать их во благо человека, способность активизировать или «взрачивать» положительные качества индивида. Общими чертами ценностей, идей, взглядов и убеждений человека – носителя гуманистического мировоззрения являются человечность, все то, что связано с утверждением жизни, высокими моральными качествами людей, с добром во всех его многообразных проявлениях.

Анализ генезиса философской гуманистической мысли дает основание заключить, что к началу XXI века гуманистическая парадигма как система идей, ценностей, взглядов, понятий, подходов и методов освоения бытия занимает одно из центральных мест в методологии науки. В социальный контекст аксиологических приоритетов гуманизма входят системно-эволюционные и глобально-планетарные аспекты бытия человека как представителя человечества и носителя глобального (планетарного) сознания. В контексте специфики трансформационных процессов именно гуманистическая парадигма позволяет выйти на измерение бытия с позиций человекомерности, расширяет возможности человека в гуманистическом постижении жизни.

Литература

1. Арутюнян, М.П. Мировоззрение: онтологический и методологический подходы: автореф. ... дис. д-ра филос. наук. – Хабаровск, 2006.
2. Кант, И. Основы метафизики нравственности. - М., 1999.
3. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение; сост. П.В.Алексеев. – М., 1990.
4. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью. – М., 1992.
5. Современный гуманизм: документы и исследования. – М., 2000.

СОВРЕМЕННАЯ ТРАКТОВКА ДЕЙСТВИЯ ИНДИВИДА

Н.Н. Мельник

Эпоха конца XX – начала XXI вв. выдвигает новые требования к индивиду. Его пассивная роль наблюдателя сменяется на роль активного субъекта, творца собственного действия. В этот период возникают новые идеи в социогуманитарном знании, в частности, происходит новый поворот в развитии теории социального действия.

Социологические теории социального действия изучают иные аспекты, нежели классическая философия и современная белорусская

философия в лице А.А. Бородич [1]. Последний акцентирует внимание на аксиологической составляющей социального действия.

В теориях социального действия актер выступает как активный субъект. Авторы теорий социального действия акцентируют внимание на главенствующей роли субъекта и его мотивов действия. Они исходят из посылки, что лишь действующий субъект способен породить акты действия, в частности, воспроизводить социальную структуру.

Каждая теория социального действия отвечает на вопросы, которые задавались в ту или иную историческую эпоху. «При этом спектр теорий действия – по мнению Йоаса – простирается от различных версий, опирающихся на экономические модели рационального действия, далее к неовеберовским и неопарсонсовским концепциям, к абсолютно новым и самобытным теоретическим проектам» [2, с. 11]. Так, Макс Вебер уделил особое внимание понятию «рациональности» и его приложению в рамках социальной практики начала XX века. При этом в центре внимания Вебера остается индивид с его целями и средствами. Другой социолог, Вильфредо Парето, обозначил иное направление в теории социального действия, а именно исследование значения чувств индивидов и того, как они влияют на действия. Последующие теоретики теории действия обратили внимание на коммуникацию (Юрген Хабермас) и креативность (Х. Йоас).

В конце XX – начале XXI вв. на первый план выдвигается понятие «креативности», с помощью которого Ханс Йоас, немецкий социолог, сделал попытку раскрытия потенциала индивида в современном обществе.

Основным проблемным полем прагматистской теории действия, которую строит Йоас, становится изучение изменений образцов действия и возникновения ориентации действия в индивидуальном и коллективном действии. С первых слов своей книги «Креативность действия» (1996) [2] он стремится ввести читателя в эту проблематику, используя как эпиграф высказывание Дж. Дьюи, что «креативность – это то, в чем мы сильно нуждаемся, тогда как критика, самокритика – это путь к ее высвобождению» [2, с. 9]. Это высказывание лейтмотивом проходит через все рассуждения Х. Йоаса.

Итак, Йоас ставит перед собой задачу понимания человеческого действия в его креативности. Данное обращение к пониманию относит творчество немецкого социолога к идеям Вебера, с которым у него много общего, в частности, двойное восприятие немецкой действительности, которое пришло из противоречий во взглядах матери и отца. При этом он задается вопросом не только о частном действии индивида, но и об исторических общностях, к которым применим термин креативность. Понятие креативности расширяется до сферы науки, истории. Другим важным аспектом является понимание общества (социальной реальности) сквозь призму понятия креативности действия. Как индивид действует, как создает и какова роль креативности в его повседневной жизни.

Истоки идеи креативности Йоас, как представитель нового поколения немецкой социологии, ищет в классической немецкой

социологии и философии. Основополагающими идеями, повлиявшими на поворот к идее креативности социального действия, явились идеи выражения И.Г. Гердера и производства и революции у К. Маркса.

Во-первых, идея выражения И.Г. Гердера, по мнению Йоаса, «описывает креативность преимущественно в отношении субъективного мира действующего индивида» [2, с. 82]. Это отсылка к социальному действию в трактовке М. Вебера. Хотя М. Вебер и не упоминает понятие креативности, но указывает на своеобразную констелляцию факторов, которые могут повлиять на появление чего-то нового. Это и есть заданные извне условия, в которых, по словам Х. Йоаса, и вынужден действовать индивид.

Во-вторых, К. Маркс и его идея «производства относит креативность к объективному миру, миру материальных объектов, являющихся условиями и средствами действия» [2, с. 82].

В-третьих, он рассматривает более подробно творчество Маркса и приходит к выводу, что идея революции также повлияла на вычленение идеи креативности и ее дальнейшее становление и развитие. Автор идеи революции предполагает, что возможности креативности человека по отношению к социальному миру довольно широки. Эти возможности простираются от фундаментального переустройства общественных институтов, регулирующих совместную жизнь людей до регулирования мотивов единичного действия актора.

Далее Йоас вводит понятие «ситуационной креативности», согласно которому творческое действие разворачивается в случайной, эмерджентно возникающей ситуации. Немецкий социолог утверждает, что недостаточно отмечать только лишь зависимость человеческого действия от случайностей ситуации, необходимо учитывать, что ситуация конституирует действие. Контекстуальная закреплённость действия и задействие ситуации позволяют ему утверждать, что деятели являются изобретателями новых возможностей мысли и действия.

Исходя из рассмотренных принципов теории креативности действия, Йоас на идеях немецкой традиции и привнесённых им идеях американских прагматистов выстраивает свою теорию креативности действия, которая укоренена в немецкой традиции с трактовкой понятия действия в американском прагматизме. Ещё одним отличием теории креативности действия от предшествующей немецкой традиции становится трактовка гениальности как присущая каждому индивиду, способному решать проблемы, «с которыми мы сталкиваемся, но которые создали не мы» [3, с. 114]. Вопрос о креативности решается через возможность решать поставленные извне проблемы и тем самым находить выход из любой ситуации с помощью своих способностей, в том числе и креативности.

Итак, рамки креативности действия расширяются не только на формально-обстоятельства, но и на повседневную деятельность среднестатистического индивида, который решает задачу своей жизни каждый час, день, год. Описывая креативность как потенциальные

возможности каждого, как эгалитарность в способностях любого индивида, Х. Йоас тем самым отсылает нас к идее демократии в прагматической традиции, в ответ на идею «Ницше, которая совершенно элитарна, где ограничен круг креативных личностей, и тогда историческая роль всех других – это быть слугами узкого круга этих личностей» [3, с. 114]. В этом суть нового подхода Йоаса – не строить пьедесталы для узкого круга индивидов, а дать возможность каждому развить свои потенциальные возможности для решения задач социальной жизни. Теория креативности действия Йоаса акцентирует внимание на индивиде и его окружении.

Антропоцентризм в изучении теорий действия является неременной составляющей. Важность каждого субъекта и его возможностей действовать эффективно выносятся на передний план анализа. С помощью современных теорий социального действия прослеживается поворот к актуальным и востребованным темам, которые поднимаются в современном глобализирующемся мире. Так, например, Никлас Луман и Юрген Хабермас акцентируют внимание на коммуникации и ее роли во взаимодействии между акторами. Глобализация сегодня ставит вопрос о корректном взаимопонимании между субъектами действия, поэтому теории действия, учитывающие фактор согласия и понимания, дают ответ на данный вопрос. Йоас же обращает внимание на создание нового и полезного в социальной реальности, чтобы использовать эти новые наработки акторами в различных сферах социальной жизни.

Литература

1. Бородич, А.А. Аксиология социального действия. – Гродно, 2005.
2. Йоас, Х. Креативность действия.– СПб, 2005.
3. Йоас, Х. Действие – это состояние, в котором существуют люди в мире // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 112–122.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ «МНОГОМЕРНОСТЬ» В СИТУАЦИИ ПОСТМОДЕРНА

Л.М. Богатова

Плюральность половой сферы является одной из важнейших характеристик постмодерна и неизбежно приводит к кардинальным изменениям гендерного «облика» человека постклассической культуры. Своеобразие современной социокультурной ситуации во многом определяется тем обстоятельством, что, принимая любые формы сексуальной самоидентификации и самовыражения личности, безмерно расширяя свободу человека в сфере половых отношений, санкционируя их «тотальную» плюральность, постмодерн несомненно создает новую концепцию пола, и, соответственно, человека.

Происходящие изменения, связанные с легализацией однополых отношений и обретением правового статуса гомосексуальных семейно-брачных союзов, является прямым следствием одной из самых «мирных» революций современности – сексуальной, разрушительные последствия которой для структур патриархально-моногамного типа трудно переоценить [1]. Достигнув своего пика в 1960-е годы, сексуальная революция коренным образом изменила гендерные диспозиции западной культуры. Легализация ранее латентных, гомосексуальных отношений не только внесла разнообразие в содержание половой сферы, основанной на традиционной поляризации «мужского» и «женского», но и создала наиболее благоприятные условия для формирования гендерной структуры принципиально нового, *плюрального типа*, который характеризуется чрезвычайным разнообразием полоролевых диспозиций и отсутствием строгих демаркаций, сконструированных культурой.

В ситуации постмодерна человек пребывает в «сценическом» пространстве, которое организуется не только под воздействием социокультурных детерминант в виде морально-этических, религиозных и правовых регулятивов, но и под мощнейшим давлением со стороны «природной власти пола». Принимая разнотипные стратегии сексуального поведения, которые ранее неизменно отторгала культура, постмодерн становится пространством колоссального расширения свободы человека в сфере пола, наиболее благоприятной средой для «раскрепощения плоти». С определенной степенью уверенности можно утверждать, что уникальность современной ситуации определяется тем, что плюральный характер сферы половых отношений создает реальные возможности для гармонизации, приведения в соответствие природных и социокультурных составляющих пола, которые на протяжении исторического развития нередко были разорваны и в пределах человеческой бытийности могли находиться в конфронтации между собой. Только в ситуации постмодерна человеку представилась уникальная возможность открыто заявить о своих сексуальных предпочтениях и не смущаться одного из самых «неприличных конфузов» – гомосексуальных отношений, к которым человек был подведен самой природой, наделенный настолько «многомерной» сексуальностью, что последняя оказалась несоразмерной с культурой и в конечном итоге вытесненной в некоторых своих проявлениях за ее пределы.

Обозначенные процессы получают неоднозначную оценку не только со стороны обыденного сознания, но и со стороны специалистов разных областей научного знания. Амплитуда разброса мнений в отношении легализации гомосексуальных союзов достаточно широка: от крайних степеней социальной идиосинкразии до непомерной эйфории. Одни полагают, что западный мир все глубже погружается в состояние полной деморализации и духовного разложения, другие углядывают в происходящих переменах торжество ценностей гуманизма и практическое воплощение прав и свобод личности на самовыражение. Поляризация

оценок лишней раз свидетельствует о глубине и сложности происходящих в гендерной сфере перемен.

В этой связи заметим, что явно недостаточно довольствоваться расхожей оценкой постмодерна в качестве кризисного состояния западной культуры, в ходе которого бытийная целостность человека дробится и разрушается, что превращает его в уродливую «одномерность». На наш взгляд, ситуация не является столь однозначной, поскольку антропологический кризис постмодерна, как впрочем и любой другой, вряд ли правомерно рассматривать в качестве абсолютной деструкции. Кризис – это необходимый момент развития, переход в качественно новое, во многом неожиданное состояние, продуктивность которого раскрывается и обнаруживается не сразу, а постепенно и поэтапно. Анализ современных гендерных отношений во всей пестроте их многообразия подводит к некоторым заключениям, которые могут иметь принципиальное теоретико-методологическое значение не только для выявления генеральных стратегий дальнейшего антропологического развития, но и для переосмысления некоторых характеристик постмодерна.

Представляется, что среди наиболее значимых в теоретическом отношении проблем, рассмотрение которых позволит раскрыть феномен антропологической многомерности в определенном смысле в новом ракурсе, следует, прежде всего, указать следующие.

Во-первых, заслуживает отдельного рассмотрения вопрос о *содержательной* стороне феномена антропологической многомерности, а именно, является ли сексуальная сфера одним из ее неотъемлемых составных компонентов и если "да", то в какой степени сексуальная свобода приемлема, валидна для "многомерного" человека, пребывающего в ситуации постмодерна.

Во-вторых, является ли плюральность гендерного пространства благоприятной социокультурной средой для разворачивания человека во всей полноте его многомерности. Возникает настоятельная потребность выяснить насколько гендерная плюральность *соразмерна* с антропологической многомерностью, которая выступает как некий идеал, нацеливающий человека на раскрытие себя во всей полноте сущностных, родовых сил без всяких на то исключений.

В-третьих, один из ключевых аспектов проблемы на наш взгляд состоит в том, способствует ли плюральность в сфере половых отношений в качестве одного из достижений постмодерна *гармонизации* между природными (психо-сексуальными) и социокультурными аспектами антропологической многомерности. Иными словами, со всей определенностью можно поставить вопрос: приведут ли произошедшие изменения в сфере взаимоотношения полов к снятию "извечного" противоречия между "природой" и "культурой" заключенного в пределах бытия конкретного, "живого" человека, и является ли легализация гомосексуальных отношений отдаляющим или, напротив, приближающим фактором к идеалу "многомерного" человека.

Безусловно, представлен далеко неполный перечень проблем, имеющих непосредственное отношение к исследованию «многомерного» человека в новой социокультурной ситуации. В рамках приведенного сюжета выделены лишь те, которые, по мнению автора, в определенном смысле задают общую логику философского исследования феномена антропологической многомерности в ситуации постмодерна и в силу чрезвычайной актуальности могут стать предметом первоочередного рассмотрения.

Подводя некоторые предварительные итоги, следует указать на то существенное обстоятельство, что в пространстве постмодерна создается образ «другого» Человека, облик которого вступает в явный диссонанс с антропологическими представлениями классической культуры. Очевидно, мы являемся свидетелями процессов явного нарастания «мерности» человека, безграничного расширения свободы его ино-бытийности. Человек постмодерна – многомерен «безмерно». Он раскрывает себя в новых «измерениях», которые позволяют проникнуть в некое антропологическое «зазеркалье», откуда на нас взирает другой, незнакомый, «многомерный» человек.

Примечания

1. Первой европейской страной, которая в 1989 году узаконила однополые браки, была Дания. Затем ее примеру последовали Норвегия (1993 г.), Швеция (1994 г.), Голландия (2000 г.), Бельгия (2002 г.), Германия (2002 г.), Канада (2005 г.). Первый однополый брак в Испании был зарегистрирован в 2007 году, что, правда, вызвало шквал протеста со стороны католической общественности. Первые шаги к принятию законопроекта о однополых браках предпринимаются сейчас в Израиле. Бурные дебаты по вопросу легализации однополых браков в настоящее время идут во Франции и США, где из 50 штатов, гей-лесбийские союзы получили юридическую санкцию пока только в одном – Массачусетс.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.Е. Шилина

Проблемы личности, личности и общества всегда затрагивали умы выдающихся ученых разных эпох, которые пытались определить место личности в человеческом обществе и рассмотреть человеческую личность, с одной стороны, как обособленную индивидуальность вне общества, так как каждая личность представляет собой обособленный духовный мир, с другой – как часть общности, единой социальной системы, где основным элементом являются люди с их разнообразными связями, отношениями, взаимодействиями.

В широком смысле общество представляет собой совокупность всех видов взаимодействия и форм объединения людей. Это единый и огромный механизм, состоящий из крошечных элементов – человеческих личностей, это часть материального мира, обособившегося от природы, но тесно с ней связанного сложной системой взаимообмена. Взаимосвязь природы и общества проявляется и в двойственности человеческой природы. С одной стороны человек – это биологическое существо, живущее по принципу реализации своих инстинктов, а с другой – существо социальное, функционирующее в системе социальных отношений. Эти две стороны одновременно дополняют друг друга и являются противоположными по своей сути.

Становление и функционирование человека в обществе описывает понятие личность. Личность – это «феномен общественного развития, конкретный живой человек, обладающий сознанием и самосознанием... Это саморегулируемая динамическая функциональная система непрерывно взаимодействующих между собой свойств, отношений и действий, складывающихся в процессе онтогенеза человека» [3, с. 318].

Вершиной развития личности можно считать достижение целостности, которая предполагает единство биологической и социальной природы человека. То есть биологическая информация, генетически передаваемая из поколения в поколение, тесно переплетается с социальной информацией, сливаясь в единый процесс развития личности.

Вторым аспектом достижения целостности является сбалансированность внутреннего развития и внешних взаимодействий. Только в единстве влияния внешней среды и проявления внутренней сущности возможно развитие личности.

Таким образом, целостность личности предполагает единство биологического и социального, единство внутреннего развития и социального воздействия. Это две формы выражения единого процесса развития личности. Существенный момент гармонического развития заключается в равновесии и согласовании биологической и социальной информации. Это приобретает особую актуальность на современном этапе развития общества, которое получило название «информационное общество».

Эпоха информатизации является одной из наиболее сложных в развитии общества. На современном этапе совершенствуются и видоизменяются все стороны жизнедеятельности общества. С ростом популярности и распространения Интернета, появлением и стремительным развитием информационно-телекоммуникационных технологий, информатизация органично вошла во все сферы жизни современного общества и, бесспорно, стала неотъемлемой частью человеческой жизни. Также эти процессы коснулись непосредственно и развития человеческой личности. Изменился характер труда, который всегда был главным фактором развития человека, совершенствования производства, так как именно он приводил в действие все другие его факторы.

Роль человека в новом обществе неизмеримо возрастает. Он становится и целью, и мерилom, и главным фактором прогресса. Интеллектуальная деятельность человека превращается в одну из главных движущих сил информационной эпохи, так как приводит в движение самые различные общественные сферы – от материально-производственной до духовной. То есть на данном этапе развития личности на первый план выходит всестороннее и всеобщее повышение интеллектуального уровня человека. Задача общества – обеспечить личности возможность саморазвития и творческого самовыражения. Как же взаимодействуют личность и общество?

Личность – система открытая. Именно благодаря этому можно говорить о воздействии на личность внешней среды и, в частности, информации, о специфике ее развития в условиях информатизации общества. Личность накапливает полезную для себя информацию, приспособляясь к изменяющимся условиям. Накопление информации повышает уровень организации системы, обеспечивает развитие способности восприятия и порождения информации. И осуществляется оно в результате интеллектуального взаимодействия личности и общества.

Однако следует учесть, что информационный поток постоянно возрастает, и циркулирующая информация бывает разнообразной, в том числе избыточной, повторяющейся. Поэтому очень важно осуществление отбора информации с учетом её ценности, полезности, эффективности, экономичности, т.е. тех её качеств, которые определяющим образом влияют на поведение самоорганизующихся, самоуправляющихся систем. Именно целенаправленное собирание, интегрирование информации является предпосылкой, условием развития личности.

Сопоставление, вычленение в процессе взаимодействия с внешней средой наиболее ценного, проверка его в трудовой деятельности – все это элементы творческого взаимодействия личности и общества. Чем больший объём полезной информации и накопленного опыта используется личностью при отборе, тем эффективнее процессы саморазвития.

Информация – это, во-первых, знание относительно нового типа, пригодное для дальнейшего использования, а во-вторых, знание, производство, хранение и применение которого действительно становится все более важной для общества деятельностью, порождает соответствующие ему технико-организационные структуры.

Д. Белл определяет знание как «упорядоченное множество утверждений, фактов и идей, представляющих обоснованное суждение или результат эксперимента, которые передаются другим через средства коммуникации в определенной систематической форме» [1, с. 151].

Социальный мыслитель нашего времени М. Кастельс утверждает, что «знание и информация являются критически важными элементами во всех способах развития, так как процесс производства всегда основан на некотором уровне знаний и обработке информации. Однако специфическим для информационного способа развития является

воздействие знания на само знание как главный источник производительности» [2, с. 39].

Рассматривая информацию в первую очередь как знание, мы можем говорить об интеллектуальном и творческом развитии как общества в целом, так и каждой отдельно взятой личности. И так как знанием определяется развитие современного общества, то можно сказать, что информация одновременно становится и ценностью, которая определяет смысл деятельности, задаёт направленность её развития. Это уже не только интеллектуальное и творческое взаимодействие личности и общества, а и духовное, формирующее мотивацию к самосовершенствованию и саморазвитию личности. В единстве всех сторон взаимодействия как раз и возможно развитие целостной личности.

Мы можем сказать, что формирование человеческой личности немислимо без общества и протекающих в нём процессов. На современном этапе развитие личности напрямую связано с умением организовывать свою деятельность в информационном пространстве. Для удовлетворения своих потребностей личностного роста человеку необходимо постоянно находиться в информационном потоке, владеть знаниями и способами обработки получаемой информации, расширять возможности своей интеллектуальной деятельности. Взаимодействуя в современном информационном обществе, личность достигает высокого уровня целостности, открытости, устойчивости, самоорганизации и саморазвития.

Литература

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М., 2004.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.
3. Словарь психолога-практика / Сост. С.Ю. Головин. 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 2003.

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА В СОЦИУМЕ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА

Е.Г. Наумова

Категория «личность» свидетельствует об исторически сравнительно молодом феномене общественной жизни, который характеризует появление индивидуальности как совокупности характерных для человека социальных качеств, обуславливающих его культурную и социальную самобытность. С философской точки зрения личность рассматривается как индивидуальное выражение и субъект всего комплекса общественных идеалов, ценностей и социальных отношений. В свою очередь, личностный выбор выступает как постоянная возможность, так и необходимость

осознанного выбора и активного социального действия, ведь именно в деятельности человека происходит развитие его личности. Преломление социального в индивидуализированное экзистенциальное знание позволяет создать условия для обретения конкретным человеком смысла и цели его жизни, определить реальные средства ее осуществления, что является предметом исследования философской антропологии.

Реализация личностных потенций человека в волевом, интеллектуальном, социальном или нравственном аспекте может быть осуществлена только в его практической деятельности, в определенном историческом и социальном контексте. В данном случае важная роль социальных условий в самом широком понимании определяется тем, что социальные институты, нормы и ценности являются фундаментом общественной жизни, обуславливают формы коллективного и личного бытия. Они задают параметры социализации индивида, как процесса освоения индивидом определенной системы знаний, норм и ценностей, что позволяет человеку адекватно действовать в рамках присущих данному обществу институтов. От их устойчивости во многом зависит то, сможет ли конкретный человек полноценно реализовать на практике социальные роли, определяемые социальной структурой общества и его принадлежностью к различным социальным группам. А ведь от этого напрямую зависит возможность и качество процесса индивидуализации, т.е. самоутверждения человека как личности в различных сферах современного общества.

В то же время человек не детерминирован безусловно и тотально социальной средой, хотя она оказывает самое существенное влияние на формирование и поведение личности. Существует духовно-нравственная составляющая личности, которая характеризуется направленностью сознания человека, его мировоззрением, нравственностью и ответственностью за себя, близких, все человечество, культуру и мир природы. Внутренний, духовный мир позволяет человеку возвыситься как над своей биологической основой, так и над человеческой практикой, утилитарными потребностями и социальными отношениями. Диалектика внешнего, социального, и внутреннего, духовного, придает личностному становлению человека многоаспектный, сложный и противоречивый характер, в котором каждому фактору принадлежит свое законное место.

В аспекте проблематики личностного выбора особый познавательный интерес представляет ситуация его реализации в обществе переходного типа, как особой формы эволюционного развития человечества. Такая форма является результатом кризиса всей социальной системы, на определенном этапе своего исторического существования переставшей адекватно реагировать на внешние и внутренние вызовы. Это ведет к нарастанию противоречий и напряженности между его элементами и подсистемами, требует социального обновления в самом широком понимании. Для общества переходного типа характерны, согласно Голованову А.В., следующие существенные черты, обусловленные

изменением системообразующих свойств, отношений и функций: неравновесность, неустойчивость, неравномерность протекающих в нем социальных процессов; историчность, преходящий, временный его характер; вероятность, альтернативность, вариативность развития; трансформативный динамизм; присутствие целостности, полноты свойств и признаков социальных форм отношений, их смешанность и противоречивость; необратимость изменений переходного общества [1]. Таким образом, переходный период общественного развития характеризуется институциональной нестабильностью, резкими социальными сдвигами и аксиологической дезориентацией, отрицанием старых ценностей и форм жизни общества, распадом и становлением новых идентификаций и идентичностей. Такой неблагоприятный режим социального развития делает личностный выбор проблематичным по следующим основаниям.

В аспекте социальной динамики в обществе переходного типа, с одной стороны, ситуация характеризуется дезинтеграцией прежних институциональных форм общественной жизни. В условиях кризиса они перестают эффективно функционировать, что ведет к нарушению информационных связей между подсистемами общества и способствует нарастанию противоречий между социальными группами. С другой стороны, обратной стороной процесса распада прежних социальных институтов является зарождение и развитие основ нового типа упорядоченности и устойчивости социума. В ходе конструирования новых форм социального бытия закладываются институциональные основы, необходимые для обеспечения жизнеспособности трансформирующейся социальной системы. При этом эти разновекторные процессы обуславливают переход к новой неопределенной структуре общества, в которой человеку сложнее становится реализовать личностный выбор, во-первых, из-за неопределенности характеристик альтернативных путей коллективного и индивидуального развития. И, во-вторых, из-за невозможности, как в момент выбора, так и в деятельности, опереться на прочную опору социальных институтов, норм и традиций.

С точки зрения социальной структуры общества, переходные процессы обуславливают качественные и количественные трансформации социального организма, делают его неустойчивым и нестабильным. Образуется сложная и динамичная модель социальной структуры, которая характеризуется существенным различием в уровне и качестве жизни разных категорий населения, поляризацией их социальных позиций. На уровне общественного сознания это сказывается на коллективных оценках исторического прошлого и представлениях о реализации социального идеала в будущем, преимущественно в сторону их радикализации. На индивидуальном уровне возрастающий уровень социального неравенства в обществе делает некомфортным, как в социально-психологическом, так и в социально-экономическом смысле, существование человека в условиях трансформационных процессов. Социум переходного типа,

характеризующийся дезориентацией индивидуального и общественного сознания, требует от индивида быстрой адаптации к динамичным и противоречивым социальным и экономическим обстоятельствам. В том числе и ценой отказа от традиционалистских социальных ценностей и идеалов, традиций высокой духовности. Неудивительно, что на первое место выдвигаются задачи эффективного социального приспособления к происходящим переменам, а не вопросы личностного, духовно-нравственного и интеллектуального развития человека. Приоритет материальных мотивов и потребностей над нематериальными, обусловленный характером социального развития общества переходного типа, значительно сужает пространство личностного выбора. Местом проявления социальной активности человека постепенно становится только своеобразное одномерное пространство, а его поведение приобретает преимущественно утилитарно ориентированный и рационально выверенный характер.

Возможность личностного выбора предполагает, в том числе, труд, как наиболее важную сферу приложения духовных и интеллектуальных сил человека. Особенностью постиндустриального этапа развития человечества является возрастающие требования к творческой составляющей процесса труда, что вызвано качественным усложнением сферы производства. В отличие от простого исполнения трудовых операций, творчески ориентированный труд мотивирован потребностью в самоактуализации и позволяет реализовать все потенции человека. Однако в обществе переходного типа значение имеет, в первую очередь, стоимостная и количественная оценка труда, поэтому его неутилитарные измерения становятся вторичными. В результате сохраняется обезличивание труда и возможности контроля над личностью, как напрямую, путем инструкций и контрактов, так и косвенно, посредством навязывания избыточных потребительских стандартов. Подробно и глубоко о негативных сторонах труда в современном обществе потребления написал современный французский философ Ж. Бодрийяр [2]. В аспекте соотношения рационально-исполнительского и активистски-творческого начал труда личностный выбор в обществе переходного типа становится определенной проблемой.

Таким образом, в обществе переходного типа радикальные социальные изменения приводит к институциональным искажениям, ухудшают условия для личностной самореализации, способствуют личностным деформациям, что на весь период трансформационных изменений проблематизирует личностный выбор как таковой.

Литература

1. Голованов, А.В. Переходное состояние общества как фактор динамизации социально-экономической жизни регионального социума // Регионология. – 2007. – № 3. – С. 28-35.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.

ЭМОЦИЯ В КОНТЕКСТЕ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНОГО ВЫБОРА

Т.М. Тузова

Хотя проблема личностного выбора привлекала к себе внимание многих философов, она до сих пор недостаточно проработана в онтологическом и философско-методологическом планах. Ее многомерность связана прежде всего с тем, что личностный выбор осуществляется в синкретичном единстве всех уровней и пластов жизни субъективности. В нем задействованы, переплетены, сплавлены как собственно рефлексивный, рационально-теоретический уровень сознания, так и дотеоретические, эмоционально-волевые структуры личностного опыта, и бессознательное. Мы можем сколь угодно детально и тщательно анализировать и взвешивать на уровне рефлексии все «за» и «против» нашего выбора, однако некие базисные, жизненно значимые смыслообразования, задающие и очерчивающие контуры нашего сознательного выбора, всегда уже произведены нами на дорефлексивном, дорациональном, дотеоретическом уровне. Рефлексия всегда «запаздывает», всегда приходит *post factum* и работает в диапазоне тех смыслов мира и нашего собственного существования, которые нами некоторым образом уже произведены и «подставлены» ей. Поскольку посредством этих смыслов уже а) осуществлена первоначальная артикуляция и структуризация *мира*, в котором мы живем и выбираем свой способ поведения, и б) намечены исходные направления и контуры наших *личностных выборов* в мире, проблема личностного выбора должна рассматриваться как проблема онтологии мира и, одновременно, онтологии личности. Такое онтологическое рассмотрение должно органично соединять в себе параметры как реальной социально-исторической обусловленности человеческого опыта, так и размерности его уникально-личностных смыслов. Это означает, что проблема личностного выбора предполагает выход за пределы детерминистских методологических принципов и эмпирических исследований и требует своей *философско-эйдетической* проработки.

В этом контексте несомненный интерес представляет экзистенциально-феноменологический подход к анализу аффективности как экзистенциального модуса человеческой реальности, в частности, сартровская трактовка эмоции как *значащего* человеческого факта, как онтологически конститутивного способа понимания и конституирования мира. В «Очерке теории эмоций» (1939), ставшем одним из самых авторитетных трудов экзистенциальной психологии и психотерапии XX в., Сартр подверг критике эмпирический психологический метод исследования эмоций. Лишая изучаемое психическое состояние *значения*, эмпирик, по Сартру, рассматривает психическое состояние лишь как факт, случайность. Тем самым эмоцию отрывают от всего остального и лишают

ее природы «человеческого факта», делают ее механической («мертвой, непсихической, нечеловеческой»).

Высоко оценивая психоаналитическую психологию за то, что она первая сделала акцент на *значении* эмоций (неумелая кража, рассматриваемая как феномен самонаказания, приводит психоаналитика к первичному комплексу, в котором больной пытается оправдать себя, наказывая себя), Сартр в то же время критиковал ее за попытку соединить несоединимое, а именно связать понимание и причинную связь при изучении психических феноменов. Считая непригодным принцип причинности для исследования фактов сознания и настаивая на необходимости изучения психических фактов как *значащих*, он поставил задачу построения феноменологической теории эмоций, раскрыл и обосновал роль феноменологии и ее метода эйдетической интуиции, опыта сущностей и ценностей для эмпирических психологических исследований эмоции. Для феноменологии любой человеческий факт является по самой своей сути значащим. Как факт сознания эмоция имеет смысл, что-то *значит* (указывает на что-то другое, притом так, что, развертывая значение, находят означаемое). Феноменолог должен подходить к изучению аффективности как экзистенциального модуса человеческой реальности, рассматривать психические факты как *реакции* человека на мир. Эмоция предполагает человека и мир и должна изучаться как человеческая реальность, которая *делает себя взволнованной*, направляясь к миру. И поскольку «только сущности позволяют классифицировать и исследовать факты», задачей феноменологической психологии должно быть изучение *значения поведения и взволнованного сознания*, чем и является эмоция.

Восстановить приоритет психического можно, по Сартру, лишь при условии рассмотрения эмоции как *поведения*, т. е. введения в нее *финальности*. Это возможно в силу того, что значение эмоции по своей природе функционально, эмоциональное поведение – отнюдь не душевное смятение, но организованная система средств, которые направлены к цели – «замаскировать, заместить, отклонить поведение, которое не могут или не хотят принять». В этом смысле любой аффект – своеобразное мошенничество, особая увертка, средство намеренно самоустраниться из действительности, избежать трудного адаптивного (высшего) поведения и уклониться от ответственности. К примеру, гнев – не инстинкт, привычка или трезвый расчет, а *бегство*, и оно «точно и совершенно приспособлено к потребности снять напряжение» в трудных ситуациях. Гнев – один из неадаптивных способов разрешить конфликт; сам человек приводит себя в состояние гнева, когда не может вынести высокое напряжение в ситуации, в которой не может найти «тонкое и точное решение проблемы». Тогда он действует на самого себя, превращая себя в существо, способное удовлетвориться грубыми и менее адаптированными решениями. Эмоция – один из способов существования сознания, понимания человеком своего бытия-в-мире и понимания мира. Это – *отношение* к миру, завязанное на

мир (эмоциональное сознание с самого начала есть сознание мира, «эмоция каждый миг вновь возвращается к объекту и там питает себя»). Таким образом, взволнованный субъект и волнующий объект объединены в неразрывный синтез.

Этот синтез – не только понимание, но и конституирование мира: эмоция есть «превращение мира», но превращение «магическое». Когда намеченные пути становятся слишком трудными или человек вообще не видит пути, он больше не может оставаться в этом трудном, требовательном мире и пытается его изменить («пережить его, как если бы отношения вещей к их потенциальным свойствам регулировались не детерминистскими процессами, а магией»). В эмоции сознание деградирует и внезапно преобразует мир причинных связей, в котором мы реально живем, в магический мир. Эмоция и есть «внезапное падение сознания в магическое», замещение трудного адаптивного поведения магическим поведением с помощью человеческого тела как средства волшебства. В эмоции тело, руководимое сознанием, меняет свое отношение к миру с тем, чтобы «мир изменил свои качества» и магически получил новые, желаемые качества, которые были бы способны разрешить конфликт и снять напряжение. Это отличает ее от свободного и рационального действия, которое рассматривает мир технически и стремится организовать систему средств на основе инструментального детерминизма.

Эмоция не игра: загнанный в тупик, человек со всей силой бросается в это «новое отношение». Не будучи сознательной, эмоция есть принятие *иных* – новых – отношений и новых требований: в ней сознание преобразует себя именно *для того, чтобы* преобразовать объект. Не меняя объект в реальности, сознание – посредством изменения себя самого – стремится придать объекту другое качество, к примеру, меньшую или большую реальность. Если эмоция и игра, то это игра, в которую человек верит. Здесь сознание не ограничивается тем, что проецирует аффективные значения на мир, который его окружает: оно непосредственно *переживает* новый мир, который оно только что конституировало. Эмоциональное сознание «бросается» в этот новый мир и преобразует свое тело так, *чтобы через него сознание «могло жить и понимать этот новый мир»*. И хотя финальность эмоции не полагается актом сознания в самой эмоции, и эмоция *претерпевается* (из нее нельзя выйти по своей воле, она должна сама себя исчерпать), эта ее финальность не бессознательна: «она исчерпывает себя в конституировании объекта». Будучи феноменом веры, сознание в эмоции оказывается в плену у себя самого. *Переживая* новый аспект мира, *веря* в него, оно захвачено своей собственной верой, и это свое пленение оно *принимает на объектах* мира (чем больше бегут, тем сильнее боятся). Магический мир вырисовывается, принимает форму, затем стягивается на сознании и давит на него. Пытаясь избежать магического объекта, мы придаем ему еще более сильную магическую

реальность. Аффективная структура объектов конституируется в корреляции с определенным аффективным сознанием.

Сартр выделил два вида рефлексивного восприятия эмоции – *понимающую* рефлекссию (эмоциональное сознание воспринимается как мотивированное объектом: «Я в гневе, *потому что* он мне ненавистен») и *очищающую* рефлекссию феноменологической редукции, которая рассматривает мир как конституированный в магической форме («Я считаю его ненавистным, *потому что* я в гневе»). Поскольку конститутивной характеристикой эмоции является то, что она «воспринимает на объекте нечто такое, что ее бесконечно превышает», освобождение должно приходиться от «очищающей» рефлексии или от полного исчезновения волнующей ситуации.

Работа выполнена при поддержке БРФФИ (договор № Г 11-199 от 15 апреля 2011 г.)

ТВОРЧЕСТВО КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СВОБОДНОЙ ЛИЧНОСТИ

С.А. Азардович

Вторая половина XX – начало XXI вв. характеризуются значительным усилением роли науки и техники в жизни общества. Как результат, качественно улучшились условия жизни простого человека, многократно возросли его возможности. Благодаря информационной революции изменилась или изменяется структура трудовой деятельности: «Автоматизация, самоуправляемая и саморегулирующая техника делают избыточным человека как посредника между единичными механизированными трудовыми процессами. Сущность производства состоит теперь в комбинировании и прогностическом регулировании используемых элементов» [7, с. 30]. В силу этого, определяющая роль в экономике перекладывается с физического труда на интеллектуальный и, в соответствии с этим, растет удельный вес технической, научной и творческой интеллигенции в структуре общества, что является одним из условий преодоления отчуждения человека от своей сущности.

Используя терминологию К. Маркса, необходимо указать на тот факт, что развитие производительных сил общества действительно подготовило условия для подлинной человеческой эмансипации посредством преобразования рутинного физического труда в свободную творческую деятельность [5, с. 332]. Как отмечает Ян Паточка, свободы как самоопределение всех и каждого можно достичь не путем распространения привилегий более удовлетворенных индивидов на менее удовлетворенные (как это происходило повсеместно со времен Великой Французской буржуазной революции), «а путем радикального изменения способов мышления и организации, для которых нынешняя неслыханная

продуктивность труда, предоставляет все необходимые хозяйственно-технические условия» [7, с. 33].

Действительно, свободная творческая деятельность, как отмечает К. Маркс, есть подлинно сущностная характеристика человека: так личность утверждает свою индивидуальность в социуме и природе [5, с. 384]. Творчество – процесс бесконечного совершенствования, превращения деятельности в искусство, «игру». Если посредством простой воспроизводящей деятельности человек не создает ничего нового, то творчество, наоборот, всегда продуктивно, связано с получением нового результата, пусть даже это новое будет незначительным новшеством [8, с. 102]. Структурным ядром всякой свободной творческой деятельности может быть только целостная гармоничная личность, которая преобразует накопленный общественный опыт в нечто принципиально новое посредством смыслообразующей деятельности. Смысл – это продукт смыслотворческого процесса, который абсолютизируется как нечто последнее, окончательное, неизменное, наивысшей формой его реализации является творчество [6, с. 294].

Реализация творческого потенциала возможна лишь посредством волевого усилия, сопричастности, самоотдачи личности тому, чего еще нет в материальном мире, но уже представлено в воображении творца [9, с. 138]. При этом образ может и не совпадать с устоявшейся реальностью: «Какой бы побуд не приводил в действие поступок, он всегда разворачивается, осмысливается и оправдывается в плоскости единства должного и реального. Поиск и нахождение такого единства, которому человек мог бы отдаться и быть сопричастным – главная проблема свободы воли» [9, с. 138]. Именно в постоянном стремлении соотнести действительную реальность и воображаемое «должное» рождается импульс к действию, к творчеству. Субъект творчества при этом понимается как нечто неизменное: творя новое, он сам, подобно Богу-творцу, остается неизменным, себестождественным [8, с. 303]. Акт творения предполагает позицию творца вне мира, выход его в контекст бытия, что можно описать как полет фантазии. Соотношение личностью таких понятий как «должное» и «реальное» связано с моральными ценностями и идеалами, что определяет становление и развитие фантазии, мечты и, в конечном счете, воли. «Именно ценностные отношения образуют определенный эмоциональный настрой, служащий своего рода катализатором творческой деятельности, он восполняет возможный недостаток знаний, умений, создает своеобразную энергию» [9, с. 143].

Творческая деятельность в равной степени есть деятельность ответственная перед прошлым, настоящим и будущим. Без ответственности любая деятельность утрачивает характер творчества и превращается в эгоистическое самонавязывание, что само по себе свидетельствует об отчужденности человека от своей собственной сущности. Как отмечает Г. Тульчинский, ответственность – это, как минимум, стремление сохранить гармонию целого, частью которой

является индивидуально неповторимая личность [9, с. 74]. Первичная ответственность может рассматриваться как соотнесение личности с миром, с совестью, как признание их прав, диалог с ними. «Творчество может питаться только от самобытия, самобытности. Трагедия бытия нуждается не столько в образности и мастерстве, сколько в способности лично самому найти корни бытия, в способности выразить само бытие» [9, с. 201]. Быть ответственным – это значит сделать осознанный выбор в пользу быть, а не иметь. Поступок, совершаемый в соответствии с призыванием «не могу иначе» является принципиально ответственным. В нем в наибольшей степени выражается личность, уровень ее нравственности, гражданской, политической, научной состоятельности. Внутренним гарантом чувства собственного достоинства является долг, самоотдача, самоограничение, самоопределение личности. Как отмечает Ян Паточка, с XVII в. человек всецело противопоставлял себя объективной природе, его разум стал рассудком, но в «обществе современной техники этот рассудок позволяет распознать для себя возможность снова стать разумом, то есть пониманием, который не только изыскивает средства, но и определяет цели, то есть самоосуществление человека» [7, с. 31].

Таким образом, именно посредством творческой деятельности Homo sapiens обретает характеристики личности, то есть подлинной свободной сущности, в которой устранено разделение человека и его труда: «средство производство подчинено человеку, а не на оборот» [4, с. 163]. Только посредством свободной трудовой деятельности, как отмечает Гегель, «человек действительно извлекает из себя все свои родовые силы» [3, с. 359]. Но открывшиеся в XXI веке возможности не могут рассматриваться как объективная неизбежность в силу господствующих капиталистических отношений. Хотя капитализм доказал свою производственную, научную и техническую продуктивность, он, вместе с тем, отчетливо продемонстрировал неэффективность в области развития человека, ибо в господствующих социальных отношениях есть место только для человека, обслуживающего капитал.

Литература

1. Лукач, Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / пер. с нем. С.Н. Земляного. – М., 2003.
2. Лукач, Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены / пер. с нем.; общ. ред. И.С. Нарского и М.А. Хевеши. – М., 1991.
3. Лукач, Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества / под ред. Т.И. Ойзермана. – М., 1987.
4. Лукач, Д. Политические тексты / пер. с нем. и с венг. С. Земляной, Ю. Гусева. – М., 2006.
5. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. – М., 2010.
6. Никиш, Э. Политические сочинения. – СПб., 2011.
7. Паточка, Я. Европа и пост-Европа. Постевропейская эпоха и ее духовные проблемы / пер. с нем. П. Прилуцкого; под ред. О. Шпараги. – Минск, 2011.

8. Тульчинский, Г.Л. Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности. – СПб., 2002.
9. Тульчинский, Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. – СПб., 1996.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О.А. Павловская

Конкретно-историческая ситуация, которая возникла в мировом сообществе в связи с переходом на путь информационного развития, обусловила, с одной стороны, активный аксиологический поиск (формирование универсальных общечеловеческих, отвечающих духу времени духовно-нравственных оснований человеческого бытия и переосмысление традиционных национально-культурных ценностей), с другой, отчетливо показала острые проблемные зоны социально-гуманитарного плана, где может постепенно накапливаться конфликтный потенциал, который, в конце концов, может превратиться в источник серьезной опасности для жизнедеятельности человека, различных социальных групп, государства.

На уровне личности с точки зрения обеспечения национальной безопасности необходимо выделить два основных направления, которые теснейшим образом взаимосвязаны между собой: 1) личностное развитие человека, в котором непосредственно проявляется его неповторимая духовно-нравственная сущность, 2) гражданское развитие человека, посредством которого он идентифицирует себя с определенной общностью людей, государством, в котором живет и трудится, историей и культурой того или иного народа (нескольких народов) и целенаправленно проявляет свои физические и духовные силы на их благо.

Отличительной особенностью информационного развития социума является повышение роли самого человека как ведущей производительной силы, как субъекта творческой деятельности, свободного и ответственного в своих решениях и действиях. Это реально осуществляется через раскрытие его личностной природы: потребностей и интересов, эмоционально-чувственных переживаний, знаний, представлений и убеждений, волевых усилий, ценностных ориентаций и мотивов поведения, черт характера и моральных качеств. Во всем этом многообразии формируется и проявляется персонализированное ценностное «ядро», в чем и выражается уникальность, неповторимость человеческой личности.

Обеспечение национальной безопасности непосредственно связано и с формированием человека как достойного гражданина, патриота своей Родины, для которого характерны развитое чувство долга,

ответственности, любовь к родной земле, уважение и сохранение национально-культурных традиций. Вполне определенно просматривается следующая зависимость: чем более человек будет проявлять себя как моральное существо, тем более он будет раскрывать свои личностные качества в качестве достойного гражданина своей страны. Развитое гражданское сознание человека является не только результатом правового и идейно-политического воспитания, но и основой и способом его нравственной деятельности, направленной на благо общества и государства, и именно поэтому оно становится реальной основой для эффективного осуществления процесса обеспечения национальной безопасности.

На личностном уровне происходит как оценка негативных последствий для морального состояния человека и общества различных деформированных, деструктивных и асоциальных явлений, так и активизация креативных процессов по формированию новых ценностных представлений и моральных оценок. Основу этого творчества составляют как нравственные ценности с явно выраженной общечеловеческой гуманистической направленностью, которые сохранились в исторической культурной памяти человечества, народной мудрости и жизненном опыте личности, так и национально-культурные ценности и народные традиции, в которых сохраняется национальный колорит и самобытность, духовно-нравственный опыт предков. И общечеловеческие и национально-культурные ценности переосмысливаются личностью через призму новых социальных условий и отношений, актуальных жизненных проблем. Эти процессы являются чрезвычайно сложными и противоречивыми, но они жизненно необходимы, т. к. позволяют человеку ощутить и укрепить свои моральные силы, развивать и проявлять себя как духовное существо в системе социально-природных связей.

Однако с точки зрения духовно-нравственного развития личности в современном транзитивном обществе накопилось огромное количество критических ситуаций, обострившихся противоречий, нерешенных проблем.

На личностном уровне в условиях социальной транзитивности происходят процессы двоякого рода. С одной стороны, крах устоявшегося, ставшего привычным комплекса мировоззренческих представлений, моральных норм и стереотипов поведения ввергает отдельно взятого человека в кризис собственной идентичности, отрицательным образом сказывается на его морально-психологическом состоянии, может привести к деградации личности. С другой стороны, во внутреннем мире личности заключен мощный источник самоактуализации ее духовных сил. Он содержится в ее моральном сознании, в особой автономной зоне, в которой накапливается и сохраняется потенциал в виде общечеловеческих нравственных ценностей, которые в критических ситуациях личность может использовать в качестве ориентиров и регуляторов своей собственной жизни.

Различного рода моральные деформации представляют серьезную опасность для жизнедеятельности личности и общества. На первый взгляд, может показаться, что их пагубная роль не столь уж велика по сравнению с негативными факторами экономического, политического, экологического характера. Однако, постепенно накапливаясь и обостряясь, они способны очень существенно повредить общественные связи и отношения, образуя «очаги» деструктивности и конфликтности, стать питательной почвой для разрастания преступности и насилия. Об обострении ситуации в духовно-нравственной сфере современного общества свидетельствуют и результаты конкретно-социологических исследований. Так, по данным российских социологов, среди молодежи около 55% готовы преступить через моральные нормы для того, чтобы добиться личного успеха [1]. Белорусские социологи отмечают, что более 48,5 % опрошенных молодых людей считают допустимым давать взятку при решении какого-либо вопроса, 31,1 % – вполне могут скрыть доходы от налогообложения, 27,2 % – смогут принять участие в незаконном бизнесе [2, с. 198-199]. В социальном и личностном плане негативные последствия деформированности и нестабильности духовно-нравственных отношений наиболее отчетливо проявляются в таких явлениях, как пьянство и алкоголизм, наркомания, проституция, преступность, торговля людьми, социальное сиротство и др.

В настоящее время в белорусском обществе отчетливо просматриваются оживление индивидуально-личностного уровня социальной организации, повышенный интерес к проблемам частной жизни. Социологи в своих исследованиях фиксируют явно выраженное проявление процесса индивидуализации, ухода в личную жизнь, что объясняется, с одной стороны, как результат моральной и физической усталости, накопившейся за годы социальных перемен, с другой, как набирающая силу потребность в самореализации, достижении успеха, профессиональном росте [3, с. 233-234].

Достаточно устойчивая ориентация респондентов на свою частную жизнь фиксируется и при исследовании базовых ценностей личности. Так, по результатам многих социологических исследований, проведенных белорусскими учеными, в иерархии ценностей самые высокие позиции занимают такие ценности, как семья и дети, здоровье, любовь, друзья [4]. Эти ценности по своему содержанию относятся к разряду личностно ориентированных и, соответственно, не взирая на характер социально-экономических и политических отношений, складывающихся в транзитивном обществе, представляют собой, с одной стороны, своеобразный «тыл» для обеспечения жизнедеятельности отдельного человека, с другой, основу для сохранения традиционных социальных связей. Менее значимыми в структуре базовых ценностей личности являются ценности с явно выраженной социальной направленностью, такие как «помощь людям» (17,6 %), «карьера, высокое положение в

обществе» (10,6 %), «долг перед Родиной» (8,9 %), «общественное признание, известность, репутация» (3,4 %), «власть» (2 %) [5, с. 223].

С точки зрения оценки состояния духовно-нравственной сферы представляют интерес и социологические данные об отношении молодежи к базовым ценностям (ценностям-целям) и инструментальным ценностям (ценностям-средствам). Так, с использованием факторного и сравнительного анализа эмпирического материала, полученного белорусскими социологами в 2010 году [5], можно выявить некоторые основные тенденции в формировании ценностных ориентаций белорусской молодежи, которые оказывают существенное влияние на духовно-нравственное развитие личности.

1) Широкие возможности, которые предоставляет сегодня «общество потребления», не остаются без внимания молодых людей. Поэтому, сравнивая позиции молодых респондентов (до 30 лет) и респондентов старшего возраста (старше 30 лет) относительно так называемых «гедонистических ценностей», отчетливо видно их приоритетность и личностная привлекательность в сфере молодежного сознания (любовь – соответственно, 58,4 % и 30,2 %; дружба – 34,5 % и 20,2 %; возможность получать любые удовольствия, развлекаться – 18,2 % и 5,4 %; секс – 12,8 % и 5,5 %).

2) Ситуация социальной транзитивности в значительной мере воспринимается молодыми людьми как возможность для реализации своих образовательно-профессиональных устремлений. Творчески-образовательный и достиженческий векторы ценностных ориентаций у молодых респондентов получили значительно большее проявление по сравнению со старшей возрастной группой опрошенных.

3) Акцентируя основное внимание на конкретных личностно значимых целях и задачах своей жизнедеятельности в образовательной, профессиональной и досуговой сферах, молодые люди в то же время большее значение, по сравнению со старшей возрастной группой, придают и такой, более абстрактной по своему содержанию ценности, как «самореализация» (соответственно, 29,6 % и 16,2 %), что является очередным подтверждением приоритета для молодых людей в современных условиях ценностных ориентаций с ярко выраженной индивидуалистической направленностью.

4) Особую тревогу с точки зрения гражданско-политических позиций вызывает отношение молодых людей к блоку «альтруистических ценностей»: «вера», «долг перед Родиной», «помощь людям». Следует отметить, что эти ценности в целом по выборке не попадают в число приоритетных. Однако среди молодых респондентов эти ценности еще менее значимы, чем в группе старших по возрасту (соответственно, вера – 14,3 % и 25,8 %, долг перед Родиной – 7,8 % и 9,4 %, помощь людям – 13,2 % и 19,6 %).

5) Среди инструментальных ценностей (ценностей-средств), посредством которых личность может добиваться реализации своих

смыслоразнозначных ориентаций, молодые люди большее значение придают таким блокам, как профессионально-образовательные ценности (профессиональные знания и умения, хорошее образование, престиж профессии, занимаемая должность) и социально-сетевые ценности (семья, деньги, друзья, наличие нужных связей, знакомств). Это может свидетельствовать о достаточно взвешенной и продуманной личной жизненной позиции, ориентированной на свою самореализацию в конкретных видах деятельности.

б) Менее востребованным среди молодых респондентов в качестве ценностей-средств оказался блок нравственно-правовых ресурсов (нравственные качества личности, обращение к закону, вера в Бога), что необходимо расценивать как явную недооценку значимости морально-правовых факторов для социальной регуляции и индивидуальной саморегуляции, что обусловлено как объективной ситуацией социальной транзитивности и вызванным ею расшатыванием моральных устоев, так и недостатками в системе правового и нравственного воспитания.

Таким образом, социологические данные весьма убедительно подтверждают проявляющуюся в настоящее время в молодежной среде ориентацию на индивидуально-личностное развитие человека, которая в определенной мере связана и с явно выраженной эгоистической направленностью. В условиях социальной транзитивности и нестабильности это может быть расценено, с одной стороны, позитивным образом как актуализация и активизация внутренних сил молодого человека в плане реализации и самореализации в различных видах социальной деятельности, с другой, негативным образом как отчуждение и самоотчуждение человеческой сущности, ведущее к дегуманизации человеческих взаимоотношений.

В системе обеспечения национальной безопасности важную роль призвано сыграть гражданско-патриотическое воспитание. Патриотизм является одним из важнейших моральных качеств человека, в котором выражается сопричастность его к своей Родине, народу, государству, их истории и культуре, проявляется его способность участвовать в совместных действиях на благо общества, готовность отстаивать и защищать общественные устои и национальные интересы. Естественно, в зависимости от того, в какое время живет человек, какие его волнуют проблемы, понятие патриотизма наполняется различным содержанием. В советское время понятие «патриотизм» было достаточно устойчивым. Вся система образования и воспитания четко работала на формирование этого качества в человеке. Переходные условия конца XX – начала XXI вв. наложили свой отпечаток на формирование понятия патриотизма. Поэтому появились новые акценты в его содержании. Если в советское время, особенно в последние десятилетия, достаточно распространенным было абстрактное и идеализированное представление о патриотизме, отдающее приоритет общественным интересам, то сегодня вполне определенно это понятие наполняется более конкретным содержанием, связанным с личной

жизнью человека, кругом его общения, со всем тем, что ему близко и дорого.

Подтверждением этому могут быть результаты социологических исследований по проблеме ценностных ориентаций молодежи. В иерархии ценностных предпочтений самым высоким рейтингом обладают такие ценности, как семья и дети, здоровье, друзья, любовь. Ценности «жизненная мудрость», «самосовершенствование», «познание мира», «родина», которые являются более абстрактными по своей сути, пока еще недостаточно актуализируются в сознании современных молодых людей [6, с. 235–237]. Однако, принимая во внимание транзитивность современного общества и, соответственно, неопределенность и расплывчатость социально значимых ценностей, следует заметить, что выходящие на первые позиции в структуре ценностных ориентаций личности такие традиционные ценности, как семья, дети, любовь и дружба, могут служить базовыми для формирования чувства патриотизма у современных молодых людей. Также следует особо подчеркнуть то, что молодые люди среди инструментальных ценностей придают большое значение блоку социально-сетевых ценностей, среди которых приоритет вновь отдается семье [5, с. 227–229]. Поэтому формирование чувства патриотизма сегодня теснейшим образом может быть связано с укреплением семьи как основного института гражданского общества.

На уровне государства решение задач по гражданско-патриотическому воспитанию во многом связано с развертыванием и совершенствованием идеологической работы. Актуализация идеологической работы обусловлена реальной ситуацией в социально-политической и духовно-культурной сферах современного белорусского общества, вставшего на путь инновационного развития, создания социально ориентированной экономики, реализации идеи правового государства, формирования гражданского общества. В контексте этих целей социального развития большое значение имеет проблема духовно-нравственного развития личности как одного из важнейших оснований достижения социальной стабильности и процветания.

В плане реализации целей и задач по гражданско-патриотическому воспитанию в настоящее время еще явно недостаточным является деятельность государственных структур в этом направлении. Так, согласно социологическим данным, оценивая наиболее актуальные направления реализации государственной молодежной политики, только 15,4% респондентов такое направление, как патриотическое воспитание молодежи, отнесли к числу наиболее значимых. Этот показатель значительно выше среди работающей молодежи (22%) и старшей возрастной группы (после 24 лет) (21,8%) [7, с. 235].

Таким образом, в системе национальной безопасности на современном этапе главными субъектами по решению духовно-нравственных проблем должны стать: во-первых, человеческая личность, ориентированная на свое духовно-культурное развитие и моральное

самосовершенствование, во-вторых, государство как ведущий социальный институт, осуществляющий организационные и управленческие функции в масштабах общества, в том числе и культурно-образовательного и нравственно-воспитательного характера, в-третьих, гражданское общество как совокупность межличностных отношений и различных институтов (семья, школа, СМИ, общественные объединения, творческие союзы, церковь и др.), которое ориентировано на оздоровление морально-психологической обстановки и гражданско-патриотическое воспитание.

Литература

1. Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.1soc.ru/pages/view/74>. – Дата доступа: 17.11.2009.
2. Лукашова, О. Г. Девиантное поведение личности в системе угроз национальной безопасности // Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / под ред. О.А. Павловской. – Минск, 2010. – С. 192-205.
3. Рубанов, А.В. Ценностные ориентиры и механизмы массового поведения в переходном обществе // Социальные проблемы белорусского общества в условиях глобализации: Сб. статей / НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск, 2006.

АНТРОПОДИЦЕЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, НАПОМИНАНИЕ И ПРИЗЫВ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ В ЧЕЛОВЕКЕ

Н.К. Эйнгорн

Родиться человеком и стать человеком – далеко не одно и то же. Современные реалии, порою, просто вопиют об этом. Антропологи все чаще обращаются к проблеме антропологической катастрофы, нарастающего расчеловечивания человека, его одичания, озверения. Неслучайно, впервые почти за сто лет была издана в русском переводе книга Джордано Бруно «Изгнание торжествующего зверя». Все чаще вспоминают о конспекте лекции Сергея Булгакова «Человекобог и человекозверь», о предостережении А.И. Герцена: «Лишите человека элементарной общечеловечности и он превратится в свирепого орангутанга». Философы современности изучают «цивилизьяну» (А.В. Павленко), человечность и бесчеловечность человека (В.А. Кувакин); современная этика обосновывается как «наука о принципах истинной человечности» (Я.А. Мильнер-Иринин), как наука о презумпции человеческого достоинства (Н.К. Эйнгорн).

В современном трагическом образе человека (Ж.-П. Сартр), в его многомерности (С.М. Максимов; Н.Е. Самохина) все более пытаются отыскать спасительные опоры, оправдать деградирующего человека перед его возможным, заданным совершенством. Ведь Человек –

«долженствующая единственность в Универсуме» (М.М. Бахтин). Человек – Чело Веков, носитель Вечного, Высшего разума, а не просто homo sapiens – существо мыслящее, не просто личность – индивидуальное бытие социального. Войдя в Мир не минералом, не растением, не животным, а человеком, каждый обретает объективную за-данность: родившись человеком, человеком стать, достойно выполнив пожизненное задание, пожизненную миссию.

Об этом же свидетельствует и религиозная версия. Человек теоморфен, создан по образу и подобию Бога, является носителем частицы Вечного, Высшего разума. И тоже имеет пожизненную за-данность: избавляться от первородного греха, от повседневных грехов и пороков, стремиться к совершенству образа, по которому он создан.

«Человек – тайна», – утверждал Ф.М. Достоевский и видел смысл своего творчества в постижении правды о движущих силах человеческой личности. Проблема поиска правды, проблема оправдания многогранно представлена в русской философии: оправдание Добра, Красоты, Истины в творчестве В.С. Соловьева; оправдание духовности в трудах С.Л. Франка, И.А. Ильина, П.И. Новгородцева; оправдание человека Н.А. Бердяевым; оправдание сопротивления злу силою И.А. Ильиным; оправдание власти святынь П.И. Новгородцевым; оправдание Бога Н.О. Лосским и многие другие воплощения оправдания [1].

Слово «оправдание» неоднозначно в русском языке. Под оправданием понимается снятие вины (политической, правовой, моральной, нравственной). В тоже время, оправдание – это путь к истине, поиск истины. Ведь правда – это ценностный эквивалент истины, это истина переживаемая, это эмоционально наполняемая рациональность истины. Именно поэтому на основе одной истины может возникнуть множество правд. А как следствие этого – бесконечные дискуссии по поводу того, чья правда правдивей, кто ближе к истине.

Проблема антроподицеи может рассматриваться и как снятие вины с погрязшего в пороках человека и человечества, и как поиск ответа на вечный вопрос: «Что есть Человек?». Оба аспекта проблемы антроподицеи взаимосвязаны и взаимопользны друг другу. Не перестает печально удивлять то, что в происходящем нарастании внимания к проблемам антропологии, проблема антроподицеи пока должным образом не акцентирована. В словарях, энциклопедиях отсутствует этот термин, антропологические исследования также обходят эту тему. Это тем более удивительно, что философская антропология, выделившаяся в самостоятельное учение в XX в., по сути, представляет собой антроподицею – поиск истины человека и ее ценностного эквивалента, вне которого сама эта истина непостижима. Неслучайно Макс Шелер является основоположником и аксиологии (философии ценностей) и философской антропологии, идеи которых переплетены в его произведении «Формализм в этике и материальная этика ценностей».

Изучение истины – правды Человека требует синтеза аксиологии, антропологии и этики. Антроподицея возможна на основе этого синтеза. Подтверждением этого может быть работа Н.А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». В этой работе Бердяев обосновывает оправдание человека в творчестве и через творчество: «Тема о творчестве, о творческом призвании человека – основная тема моей жизни... Плотник ли я, или философ, я призван Богом к творческому строительству». Творчество для Бердяева не столько оформление в творческом продукте, сколько раскрытие бесконечного, трансцендирование, прорыв свободы через необходимость: «...творчеством мы должны оправдывать жизнь» [2, с. 134].

А в XXI в. мы эту же проблему формулируем в качестве вопроса: «Человек: творение, сотворение или самосозидание?» [3, с. 323].

Столетия существует теодицея – оправдание Бога перед лицом мирового зла. И хотя введен этот термин был в 1710 г. Лейбницем в одноименной работе «Теодицея», религиозно-философские доктрины, оправдывавшие всеблагость и всемогущество Бога перед наличием темных сторон бытия, наличием мирового зла существовали гораздо раньше. Христианская теодицея прослеживается от новозаветных текстов до религиозной философии нового и новейшего времени.

А истоки оправдания человека, истоки того, что мы называем антроподицей? Можно предположить, что они существуют с древнейших времен, с попыток осознать место человека в мире, смысл его жизни. Антропоцентризм античной философии, античной культуры, Протагоровское: «Мера всех вещей – человек...». Средневековая теодицея как альтернатива античной антроподицеи, как укор человеку, виновному в воцарившемся в мире зле. Эпоха Возрождения восстанавливает идею антропоцентризма и тем самым продолжает антроподицею в философии гуманизма. Антропологический принцип философии Л. Фейербаха, Н.Г. Чернышевского, учение «разумного эгоизма» по сути своей антроподицейны. В русской нравственной философии XIX – первой половины XX в.в. представлено удивительное переплетение теодицеи и антроподицеи. Теоморфизм человека, способность жить по законам Истины, Добра и Красоты, по законам творчества и т.д.

Сегодня «страждущее и мечущееся человечество» (Е. Трубецкой) нуждается в обосновании всех возможных аспектов антроподицеи. В ней – напоминание и призыв к человеческому в человеке.

Литература

1. Эйнгорн, Н.К. Проблема оправдания в русской нравственной философии: смысл и воплощения // Сб. статей «Русская национальная идея. Духовное наследие и современность». –Екатеринбург, 1997.
2. Бердяев, Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. –М.; Харьков, 2004.

З. Кувакин, В.А. Твой рай и ад: человечность и бесчеловечность человека. – СПб.; М., 1998.

МЕТОДИКИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА

Е.В. Беляева

Переосмысление стратегии нравственного воспитания и его теоретических оснований произошло во второй половине XX века в контексте глобальных социальных и духовных процессов современности, когда выявилась ограниченность системы образования и воспитания, сложившейся в культуре классического модерна. Ответом на кризис стали, с одной стороны, сциентистски-технократические, а с другой – гуманитарные подходы в педагогике, в том числе синергетические и постмодернистские. На постсоветском пространстве поиск новых стратегий нравственного воспитания был обусловлен также потребностью в преодолении авторитарного наследия.

Если обобщенно охарактеризовать произошедшие изменения, то в первую очередь речь идет о плюрализации мировоззренческих установок, признании принципиального многообразия нравственных ценностей современного мира, в котором моральный выбор оказывается ключевым моментом нравственной деятельности. Любая современная теория и методика нравственного воспитания предполагает формирование не столько определенного типа нравственной личности, сколько воспитание способности к нравственному выбору. Даже обращение к христианской и народной педагогике на современном этапе не означает возвращения к авторитарным методикам воспитания, но ориентировано на активность воспитанника как субъекта воспитания, делает акцент на ситуациях выбора.

Другая новая значимая идея – это идея личностно-ориентированной педагогики, которая исходит из того, что не только педагог, но и воспитанник является полноценным субъектом морали. Понимание нравственного воспитания как субъект-субъектного отношения закономерно опирается на общефилософские идеи диалогизма и различные коммуникативные стратегии. Эта фундаментальная установка современной педагогической деятельности находит свое выражение в специальных диалоговых техниках.

Личностная, субъектная, диалогическая ориентация современной педагогики выводит на передний план идею самовоспитания. Это позволяет поставить вопрос не только о непрерывном образовании, но и о непрерывном нравственном воспитании, о воспитании не только детей, подростков и студенческой молодежи (о чем до сих пор шла речь в педагогике), но о воспитании и самовоспитании взрослых. Если прежде становление ценностных ориентаций и нравственных отношений было проблемой в основном для молодых людей, то в современном мире все

более насущным становится «повышение нравственной квалификации» взрослых, которые в быстро меняющемся мире сталкиваются с ситуациями, выходящими за границы привычного нравственного опыта, и которые не менее молодых нуждаются в этической экспертизе и консультировании.

Это «уравнивание в правах на нравственное воспитание» привело к благоприятному изменению педагогического дискурса. Если прежде при формулировании целей нравственного воспитания подчеркивалась активная организующая роль педагога («сформировать», «обучить», «развить»), то теперь большинство методических разработок трактуют функцию педагога как «педагогическую поддержку», «создание педагогических условий» для тех или иных процессов нравственного самовоспитания личности. При такой постановке вопроса педагог выступает не верховным арбитром в вопросе правильности морального выбора, но организует диалогическое взаимодействие с тем, кто перед этим выбором стоит, помогает ему совершить «ассистированный моральный выбор».

Цель, как воспитания, так и самовоспитания чаще всего раскрывается через набор нравственных качеств, которыми должна обладать личность, что требует их диагностики. Наиболее удачными являются те методики, в которых диагностика совмещена с собственно воспитанием. То есть не педагог изучает качества воспитанника, чтобы корректировать их по собственному разумению, но сам учащийся получает более полное, ясное, осознанное представление о своем нравственном облике, что в большинстве случаев выступает стимулом к исправлению нравственных качеств, к самовоспитанию. Какую бы методику ни применял автор исследования, его практическая апробация неизменно приводит к существенному повышению нравственного уровня задействованных в педагогическом эксперименте учеников. При этом наилучшие результаты получаются в отношении учащихся с низким и средним нравственным уровнем. Любая воспитательная программа пробуждает в них нравственных субъектов, побуждает задуматься о собственной нравственности и начать претворять ее в жизнь.

За прошедшие годы исследователи и практики разработали целый ряд конкретных методик этико-педагогической поддержки развития культуры морального выбора. Таким является практикум, который ныне стал обязательным элементом учебно-методических пособий по этике, включающий проблемные вопросы, развивающие упражнения, ситуации для анализа, различные индивидуальные творческие задания.

Эффективным направлением развития культуры морального выбора являются игровые методики. Деловая игра, ролевая игра, имитационная игра позволяют людям любого возраста моделировать свое поведение в ситуациях морального выбора. Определенной новацией в этом отношении выступает использование в целях нравственного воспитания компьютерной игры, моделирующей проблемно-конфликтные ситуации,

требующие морального выбора. Увлекательность компьютерной игры используется «в мирных целях», многократное повторение «правильных действий» на симуляторе постепенно переходит в привычку реального поведения.

Существует своеобразная методика нравственного образования и воспитания, состоящая в работе с этическим словарем. Составление такого словаря на протяжении учебного года, использование его на уроках по различным предметам, различные по степени сложности этические задачи, которые можно решать с учениками разных возрастов, – все это делает методику по-настоящему креативной, развивающей способности к нравственному творчеству, как у детей, так и у педагога.

Чрезвычайно полезным в деле этического образования и воспитания оказался метод «кейсов», целенаправленного обсуждения и нравственного анализа конкретных ситуаций. Опыт показывает его высокую эффективность, особенно в вопросах прикладной этики. К этой же технологии образования примыкает и обсуждение моральных дилемм, анализ которых приобрел популярность в связи с работами Л. Кольберга и М. Хаузера. Моральные дилеммы, ставящие человека в сложную ситуацию выбора из двух взаимоисключающих и равно небезупречных решений, наилучшим образом активизируют моральное сознание. Однако следует заметить, что увлечение дилеммами как выбором из двух зол еще не приводит к формированию нравопреобразующего знания, помогающего все-таки разрешать проблемные ситуации. Кроме того, в современном мире с его плюрализмом ценностей полезно не сводить моральный выбор к жесткой оппозиции «или–или», а ориентироваться на поиск решения в веере возможных вариантов, ибо стремление к однозначному моральному выбору никак не согласуется с воспитанием столь актуальной моральной добродетели как толерантность.

Наконец, инновацией является возникновение проектно-ориентированной педагогики, представляющей собой очередную форму поощрения самостоятельной индивидуальной, практико-ориентированной деятельности учащихся и воспитанников. Наряду с освоением знания и приобретением умений выдвижение социальных проектов и участие в их реализации становится мощным средством нравственного воспитания. Собственно, новизна такого подхода тоже относительна. Тимуровское движение в советское время как раз соответствовало критериям «проекта».

В целом воспитание учащихся в условиях общения и нравственного выбора становится не просто продуктивной инновацией, но устойчивым методическим приемом. Другое дело, что увлечение игровыми методиками, методом «кейсов», кредитно-модульными стратегиями и прочими психологически увлекательными приемами сближает процесс воспитания с обычным ток-шоу. Однако, в отличие от последнего, главной целью которого является удержание внимания зрителей, целью воспитательной методики является получение результата, которым являются нравственные качества и моральные навыки личности.

Итак, краткий обзор этико-педагогических наработок начала XXI века позволяет сделать вывод, что воспитание культуры морального выбора получило приличное обеспечение не только на уровне теоретического обоснования, но и на уровне конкретных методик. Проблемной же зоной по-прежнему остается воспитание взрослых, функционирование прикладной этики в среде людей, принимающих управленческие решения.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Е.Ю. Смыкова

В современном обществе обладание определенной статусной позицией, наличие возможности доступа к власти осуществляется на основе экономического и культурного капиталов, которые и определяют в конечном итоге структуру социального пространства и управляют жизненными шансами индивидов. А именно благодаря наличию так называемых «верительных грамот», подтверждающих присутствие того или иного капитала, в частности образовательного, осуществляется размещение индивидов по различным позициям. Однако только обладание образовательным капиталом не достаточно, необходимо непосредственное его инкорпорирование в повседневные практики.

Существует множество способов интерпретации и измерения образовательного капитала, за основу взят подход предложенный, белорусским социологом И.В. Лашук. Согласно данному подходу выделяются два образовательных статуса: формальный и реальный. Формальный образовательный статус или так называемый «статус на бумаге», предполагает наличие документа, подтверждающего существование образовательного капитала, полученного в ходе окончания соответствующей институции. В свою очередь реальный образовательный статус подразумевает непосредственное включение капитала в повседневные практики, позволяющий решать проблемные жизненные ситуации.

Результаты исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси осенью 2011 г., показали, что образовательная структура белорусского общества выглядит следующим образом: из 1492 человек 32,2% от всех опрошенных имеют среднее специальное образование, 14,3% незаконченное высшее и высшее, оставшееся число респондентов имеет более низкий уровень образования по сравнению с выше представленными.

Полученные данные показывают, что по мере роста формального уровня образования, параллельно увеличивается и возможность использования его в вопросах решения жизненных проблем, в результате

образование превращается из формального капитала в реальный. В тоже время потенциальный уровень образования (среднее специальное, незаконченное высшее и высшее образование) имеют 46,6% от общего числа всех опрошенных (1492 чел.), причем из них 60,6% обладают его реальным выражением. В итоге из тех, кто имеет образование, 28,2% обладают реальным статусом, а так называемым «статусом на бумаге» – 18,4% (таблица 1).

Таблица 1. Оценка уровня включенности формального уровня образования в повседневные практики, %

	Уровень образования				
	Начальное	Среднее неполное	Среднее общее	Среднее специальное	Незаконченное высшее + высшее
Помогает во всех ситуациях	2,5	12,1	12,5	11,8	21,4
Помогает в большинстве ситуаций	7,6	10,9	14,6	22,2	30,3
Помогает только в некоторых ситуациях	6,3	12,5	23,9	26,8	26,4
Не помогает вообще	27,8	18,0	16,9	14,8	10,0
Затрудняюсь ответить	55,7	46,5	32,1	24,5	11,9

Различные виды капиталов, в том числе, и образовательный, конвертируются в экономический капитал. В соответствии с полученными данными, респонденты, имеющие реальный образовательный капитал, в большинстве случаев более позитивно оценивают свое материальное положение, в отличие от тех, кто обладает лишь формальным статусом (таблица 2).

Таблица 2. Оценка материального положения в зависимости от включения образовательного капитала в повседневные практики, %

Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?	реальный статус образования	формальный статус образования
Хорошее+Скорее	14,9	8,4

хорошее		
Среднее	59,8	49,8
Плохое+Скорее плохое	22,2	36,2
Затрудняюсь ответить	3,1	5,6
Итого	100	100

Параллельно с этим осуществлялся анализ социального положения респондентов исходя из их собственных субъективных самоидентификаций, позволяющий проследить его зависимость от включенности/невключенности образовательного капитала в повседневную жизнь (таблица 3).

Таблица 3. Субъективная самоидентификация социального положения в зависимости от включения образовательного капитала в повседневные практики, %

Социальное положение	Реальный статус образования	Формальный статус образования
Богатый человек	0,2	0
Обеспеченный человек	4,8	3,3
Человек со средним достатком	63,3	55,3
Бедный человек	21,2	26,5
Нищий человек	2,1	6,0
Затрудняюсь ответить	8,3	8,8
Итого	100	100

В итоге, респонденты с реальным образовательным статусом идентифицируют себя с теми, кто имеет средний достаток, среди опрошенных, характеризующихся формальный статусом образования выше доля тех, кто считает себя бедным.

Таким образом, на сегодняшний день лишь обладание образовательным капиталом, подтвержденным соответствующим дипломом, недостаточно, поэтому только благодаря непосредственному включению в повседневные практики он становится реальным капиталом, способным конвертироваться в экономическую форму.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Е.А. Соловьёв

Мы полагаем, что при уяснении любого практически значимого вопроса, нужно в первую очередь уточнить не методологию возможности его решения и не методологию практического достижения результата. Важно сразу определиться с тем, насколько необходимо решение проблемы.

В современной науке всякое исследование образования, как правило, ограничивается сравнением методов и форм учебно-воспитательной деятельности. При этом цели образования часто считаются окончательно установленными и не подлежащими дальнейшему рассмотрению. Кроме того, большая часть работ, посвященных институту образования, имеет целью изучение последнего в комплексе. При этом обычно не указывается на то, что разные уровни образовательной системы решают и разные социальные задачи. Зачастую цели одного уровня подменяются целями других.

В условиях постоянно изменяющихся форм социальных взаимодействий приоритет телеологических оснований наполнения содержания образовательного пространства может стать фактором, связующим потребности общества, с одной стороны, и возможности образования, с другой.

Образование при этом рассматривается:

– как универсальный транслятор систем ценностей, в некоторой степени регулирующий общественные противоречия;

– как институт, целями которого являются консолидация и координация усилий разных людей для достижения общего и индивидуального блага в противовес целям контроля и дифференциации для реализации потребностей отдельных социальных групп;

– как механизм, основной смысл которого заключается в таком построении человеческой активности, которое позволит личности в дальнейшем пойти по пути сознательного и ответственного выбора тех способов мышления и действия, которые обеспечат сохранение и воспроизводство жизни, культуры, природы.

Образование – один из тех немногих институтов, деятельность которых направлена в первую очередь на будущее развитие общества. Поэтому объективной сложностью в постановке целей образовательного процесса является необходимость учета неизбежного изменения социального бытия. И конкретные масштабы и рамки этого изменения рассчитать непросто. В то же время образованию приходится ориентироваться на те или иные прогнозы относительно будущего состояния социума.

Если же учебно-воспитательная деятельность из воздействия превращается во взаимодействие, то такое взаимодействие становится диалогичным и направленным на будущее при отсутствии определенной информации о том, что оно собой представляет.

Неопределенные и неясные новые состояния, которые близки во временном аспекте, опрокинут все привычные максимы, уничтожат все существующие предрассудки и стереотипы [1, с. 494]. И что тогда делать нам – воспитанным определенным и ясным образом – в обществе, где уже нет этой определенности, где придется в каждый новый миг создавать новые смыслы, не только новые способы деятельности, но и сами цели? Что делать с огромной системой образовательных учреждений, которая не сможет удовлетворить запросы новых форм социальных взаимодействий?

Неопределенность и нестабильность обуславливают необходимость опережающего образования, которое в современных условиях возможно за счет переориентации программы с обучения на развитие молодежи.

В условиях постоянного сброса разнообразных потоков информации и появления трансдисциплинарных комплексов знаний встает насущная проблема ориентации личности и постоянного созидания ею самой себя. Обучаемый – не пустая форма, наполняемая данными, а активный конструктор себя и своего окружения. Образование в данном контексте – способ актуализации внутренних сил и возможностей человека, пробуждения его души, совместной творческой деятельности всех субъектов учебно-воспитательной деятельности, в результате которой они изменяются [2, с. 369].

Но следует указать на то, что в общественном сознании целью образования чаще всего признается максимальное просвещение и так называемое «интеллектуальное развитие» подрастающего поколения. Причем просвещение и развитие существуют почти исключительно в рамках реализации целей науки и смежных с ней сфер. Ни для кого не секрет, что наука и образование воспринимаются не только как напрямую взаимодействующие сферы, но иногда и вовсе как синонимы.

При этом нельзя говорить о «чистоте» науки, о ее превосходстве над другими сторонами жизни человека по уровню доказуемости и обоснованности. П. Фейерабенд указывает на следующие признаки догматичности научной сферы:

– всякий научный опыт, точнее, все его основания, зачастую потом также и опровергаются, что делает научные выводы явными заблуждениями, а порой и просто ложью;

– в современной научной парадигме предполагается, что наука не может развиваться без ценностных ориентаций субъекта, но тогда необходимо признать, что должно существовать множество объяснений явлений природы и общества, в зависимости от ценностной ориентации того или другого ученого. Но что тогда будет считаться научным? Мысль о том, что наука может и должна развиваться согласно фиксированным и

универсальным правилам, делает научное знание менее гибким и более догматичным [3, с. 450–451].

Предложение Фейерабендом методологического плюрализма в качестве максимы всех научных исследований в наше время может быть экстраполировано в один из главных принципов образования, которое всегда отстает от исторического типа рациональности. Образование Нового времени во многом ориентировалось на средневековую схоластику; образование XX века почти во всем соответствовало принципам классической рациональности. Современное образование начинает реализовывать постулаты рациональности неклассической.

Подобная тенденция отдаляет образование от постоянно изменяющейся постиндустриальной реальности. Новые научные направления возникают и развиваются очень быстро. Существует определенное противоречие между нарастающими требованиями к способностям человека, с одной стороны, и консервативностью системы образования, обладающей меньшей динамичностью, чем некоторые другие сферы, с другой. Для того чтобы учесть этот процесс необходима, на наш взгляд, принципиальная переориентация образования, его переход от экстенсивно-информационного к ценностно-целевому принципу организации содержания.

Степень непредсказуемости развития имеет тенденцию увеличиваться по мере усложнения системы социальных отношений, обусловленного научно-техническим прогрессом. Любая причина способна создавать все больше следствий. Вряд ли приходится рассчитывать на то, что на следующих этапах нестабильных и неконтролируемых процессов не будет.

Исходя из вышесказанного, представим отдельные мировоззренческие позиции, позволяющие различным участникам образовательного процесса иначе взглянуть на учебно-воспитательную деятельность. К таким позициям мы относим:

– приоритет цели над средствами: ориентация образования на развитие человека; рассмотрение будущей жизнедеятельности выпускника в качестве главного критерия эффективности учебной работы;

– методологический плюрализм: право преподавателя, руководства образовательного учреждения, ученика (студента) на выбор программы деятельности – совокупности способов формирования «гармонично развивающейся личности»;

– равенство участников образовательного процесса (обучающих и обучаемых): обучаемый – такой же субъект образования, как и обучающий, а это значит, что он может свободно выбирать программу, учебник, методику проведения занятий, в некоторых случаях – предметы;

– преодоление сциентизма в составлении учебных программ: наука – не единственная форма человеческого знания; различные знания, умения и навыки, не относящиеся к науке, не менее эффективны в практической жизни, чем научные знания;

– принцип целостности в совокупности с индивидуальным подходом: цель большинства учебных предметов одна – развитие личности, поэтому необходимо создавать новые формы взаимодействия теоретиков и практиков, «физиков» и «лириков», «консерваторов» и «инноваторов»;

– ориентация на будущие общественные состояния с учетом их неопределенности: мы полагаем, что воспитывать подрастающее поколение в рамках существующей системы социальных отношений проблематично, поскольку реальность изменчива. Альтернативной целью образовательного процесса представляется формирование универсальных ценностей.

Литература

1. Уайтхед, А.Н. Приключения идей / А. Н. Уайтхед // Избранные работы по философии. – М., 1990. – С. 389–702.
2. Князева, Е.Н. Пробуждающее образование // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М., 2007. – С. 369–387.
3. Фейерабенд, П. Против методологического принуждения / П. Фейерабенд // Избранные труды по методологии науки. – М., 1986. – С. 125–466.

САМООБРАЗОВАНИЕ И САМОВОСПИТАНИЕ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТВОРЧЕСКОГО САМОРАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ

Д.П. Рыбка

Как известно, основой управленческого профессионализма являются знания, умения, навыки и воля. Эти качества со временем устаревают, меняется и их оценка. В этой связи управленцам приходится постоянно повышать свою квалификацию и приобретать новые знания на протяжении всей своей управленческой деятельности. Залогом успешного овладения новыми знаниями, умениями и навыками руководителей является *самообразование и самовоспитание*.

Самообразование и самовоспитание руководящих кадров, как правило, представляется в виде одной из форм повышения квалификации, имеющей целью удовлетворение индивидуальных потребностей управленцев в повышении своей профессиональной подготовки и формировании духовно-нравственных качеств.

Самообразование и самовоспитание руководящих кадров рассматривается как часть их профессиональной управленческой деятельности, направленная на повышение ее качества. Привлекательность такой формы обучения – в возможности свободного выбора времени и места для обучения. Значимость и эффективность самообразования и самовоспитания заключается не только в пополнении недостающих оргуправленческих знаний и умений, но, прежде всего, в использовании полученных знаний в практической деятельности. Заметим, что

возможности более широкого использования самообразования и самовоспитания усиливаются развитием системы дистанционного образования.

Самообразование и самовоспитание руководящих кадров осуществляется путем:

- самостоятельного изучения специальной литературы;
- ознакомления с передовым отечественным и зарубежным опытом;
- участия в научно-практических конференциях, семинарах;
- педагогической деятельности по профессиональному обучению

кадров.

Самообразование и самовоспитание может быть организованным и проводиться в таких формах, как школы для руководителей, лектории, семинары, конференции и др.

В процессе обучения темы и проблемы, заслуживающие внимания руководителей, могут предлагаться как самим руководителем, так и выбираться из заранее подготовленного соответствующей службой перечня тем, рекомендованных к изучению. Формирование рекомендуемой к изучению проблемной тематики может базироваться на детализации вопросов учебной программы тематических и проблемных семинаров или ориентироваться на перспективные задачи социально-экономического развития страны, передовой отечественный и зарубежный опыт развития местного хозяйства и другие актуальные вопросы.

Реализация самообразования и самовоспитания должна предусматривать также возможность оказания консультативной помощи и предоставления необходимой информации.

Результатом самообразования и самовоспитания в учебном процессе могут быть рефераты, курсовые, дипломные, аналитические записки по изученной проблеме, предложения по использованию передового опыта в практической деятельности.

Основные принципы самообразовательной и самовоспитательной работы руководящих кадров сводятся к следующему:

– *комплексный характер* (с волевыми действиями по углублению знаний, умений и навыков в профессиональной деятельности одновременно ведется работа над коррекцией личностных качеств, осмысливается индивидуальный стиль управленческой деятельности);

– *непрерывность, систематичность, планомерность и последовательность* (только на основе этого принципа можно добиться повышения уровня профессионального мастерства. Даже небольшой перерыв в профессиональной деятельности, в процессе накопления новых знаний, укрепления умений и навыков, как правило, снижает результаты труда. Другая особенность самообразования и самовоспитания заключается в том, что этот процесс требует планомерной работы и осуществляется она на протяжении всей профессиональной деятельности);

– единство и взаимосвязь самообразования и самовоспитания;

– осуществление педагогического руководства самообразованием и

самовоспитанием.

Учитывая важность самообразовательного и самовоспитательного процесса при подготовке и переподготовке управленцев, становится очевидным, что государственные и общественные организации должны создавать материальные условия и моральные стимулы для самообразования и самовоспитания, так как тут совпадают интересы личности руководителя, производства и общества. Необходимо в учебных заведениях и культурно-просветительных учреждениях открывать курсы, факультативы, организовывать циклы лекций и другие формы образования управленцев с целью удовлетворения их потребностей в экономических, правовых, экологических, психолого-педагогических и других знаниях.

НЕКЛАССИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СИНТЕЗ ТРАДИЦИОННЫХ И ИННОВАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О.Л. Сташкевич

XXI век – век *образовательного общества*. Этот термин ввел в 90-е годы XX века известный российский исследователь А.И. Субетто. По его мнению, образовательное общество – результат экспансии функций образования на все социальные институты и сферы деятельности общества [4]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Изменения, которые прошли в образовании в конце XX века, носят трансформирующий характер. А.И. Субетто, С.К. Булдаков называют данное явление формационной революцией в образовании. Ведь на смену образовательно-педагогической формации эпохи Просвещения приходит образовательно-педагогическая формация образовательного общества.

Как известно, классическая система образования функционировала в течение двух столетий, но в своих основных характеристиках (т.е. в отношении целей, средств и содержания образования, форм и методов преподавания, способов организации педагогического процесса и школьной жизни и т.п.) она оставалась неизменной. Классическая парадигма обеспечила успех европейской культуры и цивилизации. Общая и обязательная система начального и среднего образования, которую сформировали целый ряд мыслителей, воплотилась в практике всех европейских стран.

Сегодня становится все более очевидным, что классическая модель образования практически исчерпала себя: она уже не отвечает требованиям, предъявляемым к образованию современным обществом. Современное общество характеризуется стремительным изменением типов жизни, технологий, лавинообразным ростом информации, усложнением труда и социальной деятельности, и образование,

ориентированное на передачу знания, не справляется с этой задачей, так как современный объем знаний превышает его возможности.

Классическая модель образования ориентировалась, прежде всего, на обучение, а не на воспитание, следовательно, она не формировала ценностного мышления, а только мышление сциентистское, не формировала сознание ответственное, а только сознание потребителя. Как пишет В.Г. Федотова, ориентация на теоретические доводы в отношении жизни и на теоретический уровень науки, порождает особый тип духовности – теоретизм, который критикуется за изгнание полноты бытия, утрату эмоционального, эстетического отношения к действительности, за предельную рационализацию мира и человеческих чувств [5, с. 320-324.].

Для образовательно-педагогической формации образовательного общества, которая приходит на смену классической, станет не характерным формирование «частичного человека», «человека-средства» для экономики капитализма, а наоборот, идеалом станет «образовательно-педагогическое производство “универсального человека”, всесторонне, гармонично развитой, универсально-целостной, творческой личности, “человека-цели (человека как самоцели исторического развития)”» [4]. Человек уже сегодня не может получать образование «на всю жизнь», оно начинает пронизывать всю жизнь, становясь непрерывным, становясь основным механизмом социализации личности, обеспечения ее адаптивности, мобильности в постоянно меняющемся мире.

Важным для становления неклассического образования является и формирование нелинейного стиля мышления. «В противовес прежнему классическому пониманию мышления как линейной цепочки рассуждений (наиболее очевидно представленному в дедуктивно-аксиоматическом методе изложения, прежде всего, евклидовой геометрии, которое является господствующим в современной школе) мышление начинает трактоваться как нелинейная организация актов рассуждения, которая воплощается в дискурсе – новой единице анализа актов смыслополагания и смыслопостижения» [3, с. 3].

Нелинейное мышление (в некоторых трактовках – синергетический стиль мышления) явление, которое проходит процесс формирования. Даже в сознании ученых оно до сих пор представлено несистематично, в виде ряда черт, порою выражающихся в форме отрицания стандартов классической науки. Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов подчеркивают, что «научиться мыслить синергетически – это значит научиться мыслить нелинейно, мыслить в альтернативах, предполагая возможность смены темпа развития событий и качественной ломки, фазовых переходов в сложных системах» [1, с. 356]. С этим утверждением нельзя не согласиться, так как в современном быстро изменяющемся мире необходимо формирование новой системы мировоззрения, которая ориентируется на знания законов эволюции, самоорганизации и самоуправления сложных систем.

Поэтому современное образование не только должно давать готовые знания (хотя без этого учащийся не сможет стать хорошим специалистом), но и обучать элементам нелинейного мышления, особенно, на уровне вузовского и послевузовского образования. Потребление только готовых знаний формирует стереотипное, заалгоритмизованное мышление, создает человека-машину, человека-энциклопедию, «нашпигованного» различными ЗУНами, но не способного их креативно использовать в своей профессиональной деятельности, и продуцировать качественно новый творческий продукт. Именно гибкость и креативность мышления, отсутствие мыслительного эгоцентризма, умение не шаблонно применять приобретенные знания, умения и навыки в различных видах деятельности – это залог успеха любого специалиста. Ведь чем больше успешных, состоявшихся в своей сфере, специалистов, тем успешнее социальная среда и динамичнее развитие общества.

А.П. Огурцов утверждает, что «нелинейные модели мышления предполагают осмысление «скачков», гештальт-переключений, нарушающих плавный переход от одного рассуждения к другому, от одной пропозиции к другой. Эти «скачки» мысли нельзя отождествлять с нарушением законов логики. Они свидетельствуют о том, что в ходе аргументации используются иные средства логики, не включавшиеся в поле зрения логиков, отдающих приоритет дедукции. Уже полная индукция предполагает такого рода «скачок» при образовании универсалий» [3, с. 9].

Синергетически мыслящий профессионал не может оценивать ту или иную проблему посредством прямого сопоставления предыдущего и последующего состояний. Он вынужден уже сравнивать реальный ход будущих событий с их вероятным ходом при альтернативном ключевом решении. «Нелинейный стиль мышления, предложенный синергетикой, – утверждает Л.Г. Лобова, – предполагает целостное и многомерное восприятие изменчивого, нестабильного и сложного мира, готовность к многовариантности его развития, к проявлению непредсказуемого и вместе с тем «запрограммированного» нового» [2, с. 21]. Такое мышление требует усвоения громадного количества информации и несоразмерно больших интеллектуальных усилий (в принципе, этим и отличается научное рассуждение от обыденного

Нелинейный стиль научного мышления – это стиль мышления, рассматривающий человека, общество и природу как сложные открытые системы, которые способны к самоорганизации.

Формирование нелинейного стиля мышления – это важная задача. Так как только человек, умеющий мыслить неординарно, нелинейно, может выйти на качественно новый уровень своей профессиональной деятельности. Идеалом постнеклассического образования становится формирование трансфессионала, личность, способную самостоятельно конструировать траектории своего образования, становясь при этом специалистом в нескольких областях знаний.

Становление неклассической модели образования процесс нелегкий, длительный, изобилующий глобальными переменами, но, увы, необратимый. Меняется окружающий мир, меняется человек, меняется его стиль мышления и отношение к окружающему миру. В условиях существующего экологического, демографического, духовного кризисов настоящего времени прежние мировоззренческие установки приходят под давлением объективных обстоятельств в противоречие с изменяющейся практикой жизни. У человека уже не остается иного пути, кроме как изменить свое видение мира, выработать новую систему ценностей и ориентиры общественного развития.

Литература

1. Князева, Е.Н. Трансдисциплинарность синергетики: следствия для образования / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. — М., 2003.
2. Лобова, Л.Г. Синергетика музыкальной педагогики: Монография. – Воронеж, 2002.
3. Огурцов, А.П. Постмодернизм в контексте новых вызовов науки и образования // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Философия. Филология. – Самара, 2006. – № 1.
4. Субетто А.И. Принцип, законы и структура науки об образовании – образованиеведение. Императив Неклассического синтеза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trinitas.ru>. – Дата доступа: 23.04.2012 г.
5. Федотова В.Г. Хорошее общество. – М., 2005.

ИННОВАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НОВЕЙШИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Н.В. Вепринцев, А.А. Метто

Проанализируем исторический процесс развития человечества, опираясь на современные научные данные и понятия конца 70-х годов прошлого столетия.

Во-первых, исследования, проведенные в семидесятых годах прошлого века с помощью спутников в области солнечной системы, дали информацию о значительном увеличении вещества и энергии в межпланетных полостях, что существенно влияет на изменение биосферы и вызывает быстропротекающие энергоемкие процессы, аналогов которых обозримые исторические свидетельства не имеют [1, с. 10]. Действительно, за последние столетия многие процессы, включая и интеллектуальное развитие человечества, происходят стремительными темпами. Видимо, в развитии нашей цивилизации вплотную подошло то время, когда нам следует осознать, что мы существа не только планетарные, но и космические, вырвались из Ноосферы и осваиваем Суперсферу (область

солнечной системы), изучая законы ее развития. При этом должны учесть, что совокупное планетарное сознание человечества, которое пока не в гармонии с законами природы, является одной из причин природных и социальных катастроф на Земле, и нам следует учитывать это при дальнейшем развитии и освоении Суперсферы на основе физического и энергоинформационного воздействия.

Во-вторых, все значительные прорывы в науке и технике в мировом масштабе негативно отразились на природе, вплоть до изменения климата, а также на здоровье людей. Это вызвано тем, что за последние 50–60 лет произошел значительный разрыв между интеллектом и духовностью, т.е. развитие сознания в духовном направлении в планетарном масштабе отстало от бурного развития технических средств, направленных на обогащение и потребление. В результате последние десятилетия показали, что уровень духовного развития во многих экономически развитых странах желает быть лучшим. В “цивилизованной” стране США процветает наркомания, дети даже в школах убивают друг друга. Не лучшее положение и в Европе. Наука и высокопроизводительные технологии предназначены для снижения рабочего дня, рабочей недели, пенсионного возраста. А в высокоразвитых «цивилизованных» странах, наоборот, увеличивают пенсионный возраст и постоянно боятся, кризисов и роста безработицы, т. е. в своем развитии идут по тупиковому пути.

Непонимание глобальных ориентиров, связанных с изменением космического пространства, биосферы, с развитием биоэнергоинформатики [2, с. 99] и других направлений в науке в итоге может привести к пагубному развитию нашей цивилизации.

Поэтому в период мировой глобализации дальнейшей целью совершенствования высшей школы должно являться не поставка «узких» специалистов для производства, а подготовка профессионалов своего дела, обладающих планетарным уровнем сознания и мышления и уровнем современных знаний. Это возможно только при условии понимания специалистом современного состояния науки как в области технических средств, так и в области энергоинформационного строения человека [2, с. 68] [3, с. 138] и энергоинформационного обмена в обществе [4, с. 38] и природы в целом. Поэтому требуется продуманная система мероприятий в структуре образования, чтобы после цепочки детский сад – школа – университет общество получило грамотного, мыслящего, духовно и физически здорового гражданина. При нынешней системе образования получить такого выпускника довольно сложно по причинам, созданным нами же.

Действительно, здоровым из стен университета студент выходил и выходит очень редко не только из-за загрязнения окружающей среды и духовного потрясения в последние десятилетия, но и в результате значительной перегрузки. Если трудящийся имеет восьмичасовой рабочий день, то студент, учась в вузе и дополнительно работая вне его, имеет рабочий день от 12 до 16 часов, умственно переваривая учебники от 300 до

700 страниц перед экзаменом. Многие студенты вынуждены «выкручиваться» в большинстве случаев интуитивно, ориентируясь на тот объем знаний, который им пригодится в будущем.

С подорванным здоровьем, без достаточного образования, находясь в загрязненной экологической среде, многие из них после 35 лет в основном начинают «работать на таблетки». Тем более, что курса обучения здоровому образу жизни в высшем учебном заведении нет, и нет, соответственно, практических навыков его поддержания. При этом на восстановление здоровья средства тратят не только студенты, но и государство.

О духовном развитии и говорить нечего, поскольку среди самих преподавателей до сих пор разногласия во взглядах на религию, экономику и т.д. Поэтому студенты больше воспитывают средства массовой информации. Профессионально поставленные телепередачи не без успеха «вдалбливают» в головы молодежи идеи, не всегда соответствующие духовным ценностям человечества, интересам Республики Беларусь, менталитету своего народа. В результате всего этого произошел значительный разрыв между духовностью и интеллектом.

Для того, чтобы общество получало грамотного, мыслящего, здорового духовно и физически развитого гражданина, необходимо на научной основе в процесс обучения ввести курс «Здоровый образ жизни», в основе которого должен быть не только физический но и энергоинформационный подход. И не только ввести, но и что очень важно, построить весь учебный процесс на его основе, несколько перестроив работу кафедр.

В блок дисциплин «Здоровый образ жизни» должны входить такие дисциплины, как «Культура человечества», «Культура поведения», «Культура любви», «Культура семьи», «Культура питания», «Культура здоровья», «Физическое воспитание», «Экономическая эффективность здорового образа жизни» и т.п. При этом базовой основой этих дисциплин должна быть энергоинформационная модель человека, взаимоувязанная с фундаментальными законами Природы. Предлагаемые дисциплины должны иметь научную основу и базироваться на двух законах Природы: на законе естественного отбора и законе взаимопомощи [4, с. 53], а также на духовных ценностях, созданных тысячелетним развитием цивилизации. Примеры развития человечества на основе энергоинформационных процессов, вышеуказанных законов и духовных ценностях позволят студенту понять свое место в Природе и четко сформировать цель и жизненные задачи человека в семье и обществе на данном этапе развития человечества. Важно определить на научной основе духовный и экономический уклад дальнейшей жизни выпускника ВУЗа. Помимо этого, на основе понимания энергоинформационного обмена в Природе необходимо восстанавливать и поддерживать здоровье молодого человека при минимальных финансовых затратах как в период его учебы, так и

после окончания вуза, что экономически выгодно не только ему, но и государству.

Исходя из принципов здорового образа жизни, студент должен изучать вышеуказанные дисциплины с первого по четвертый курсы. В начале третьего тысячелетия постановка учебного процесса на этой основе позволит воспитать здорового, культурного, грамотного и планетарно мыслящего человека, понимающего свое место в семье, обществе и Природе.

Система внедрения курса «Здоровый образ жизни» позволит не только студентам, но и преподавателям поднять свой духовный и физический уровень и преобразовать учебный процесс в соответствии с научными требованиями XXI века.

Литература

1. Изменения в Солнечной системе и на планете Земля. – В-Пышма, 2000.
2. Неумывакин, И.П. Эндокология здоровья / И.П. Неумывакин, А.С. Неумывакина. – М., 2004.
3. Белорусская энциклопедия: В 18 т. – Минск, 2004. – Т. 18. Книга 1.
4. Инюшин, В.М. Пространственно-временная структура биоплазменного тела человека / В.М. Инюшин, В.П. Шабаев. – Алматы, 2007.
5. Ведущие специалисты традиционной народной медицины России и стран Содружества: энциклопедический справочник / гл. ред. С.А. Изотов; авт.-сост. И.В. Киселев, С.А. Изотов. – 1-й вып. – М., 2005.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ОБРАЗОВАНИИ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»

Р.Т. Вольвачёв

Существует много гуманитарных специальностей, для которых важны модели поведения индивидуума и группы лиц – это, прежде всего, социальные работники государственных служб различных уровней, которые должны знать простейшие математические модели социально-экономических прогнозов общества [1–3]. Для их понимания им необходимо в процессе учебы познакомиться с основными понятиями и принципами отдельных разделов профессионально направленного курса высшей математики.

Одним из инструментов формирования интеллектуального потенциала личности в учебном процессе является курс математики для гуманитариев. Дисциплина «Основы высшей математики» на гуманитарном факультете Белорусского государственного университета студентами специальности «Социальная работа» изучается на I курсе. Программа этого университетского курса рассчитана на общее количество

часов – 52; аудиторных часов – 34. Из них лекции – 18 часов, практических занятий – 16 часов.

Расширение предметного поля социальной работы ограничено некоторыми объективными обстоятельствами. Следует отметить очень слабую математическую подготовку студентов в объеме средней школы. Этот факт усугубляется и тем, что для поступления на специальность «социальная работа» не требуется проходить тесты по школьной математике.

Типовой программы по курсу «Основы высшей математики» для специальности «социальная работа», которая утверждается Министерством высшего образования, вообще говоря, не существует. Поэтому – в соответствии с методическими указаниями о порядке разработки, утверждения и регистрации учебных программ для высших учебных заведений Республики Беларусь – учебная программа дисциплины «Основы высшей математики» составлена на кафедре общей математики и информатики Белорусского государственного университета (базовая программа). Программа направлена на выполнение основных задач дисциплины – изучить те разделы математики, которые необходимы для успешной профессиональной работы, научить пользоваться методами математического моделирования и применять их в своей работе в соответствии с профессиональными требованиями к социальным работникам.

Общая программа курса высшей математики для студентов-гуманитариев имеет следующие базовые разделы: аксиоматическое построение математики, основы теории множеств, элементы комбинаторики, логика высказываний, функция (отображение), элементы высшей алгебры, аналитическая геометрия на плоскости, элементы теории вероятностей. Рассмотрим несколько подробнее связи между этими разделами программы и профессиональными требованиями к будущим социальным работникам.

Однако, прежде всего отметим, что уже в самом начале изучения курса высшей математики следует отмежеваться от ошибочной точки зрения студентов-социологов (и не только социологов) о роли математики в их образовании, выраженной словами: «Я в школе не понимал математику и не знаю ее, тем более и в вузе я вряд ли смогу понять и выучить математику. Вообще эта математика мне не нужна». Одно из самых простых возражений следующее: работнику социальной сферы в процессе своей деятельности, несомненно, придется составлять различного сорта таблицы, отчетности, в том числе вычислять проценты. К сожалению, навыки счета (в том числе и с использованием компьютера) у вчерашних выпускников средних школ очень слабые, а умение вычислять проценты неудовлетворительные. Кстати, по этим причинам считаем необходимым, на первых же занятиях, восстановить необходимые школьные знания, даже не боясь возможной критики, что студенты должны эти знания и умения иметь еще в средней школе. Кроме того,

необходимо подчеркнуть, что простые и сложные проценты – необходимый аппарат при финансовых сделках (краткосрочных и долгосрочных). Суммируя, акцентируем, что боязнь студента не усвоить предлагаемый курс математики не имеет основания, ибо никаких новых понятий, кроме известных им в средней школе, в нашем курсе не будет.

Возвратимся теперь к программе курса «Основы высшей математики» и коротко поясним важность изучаемых понятий в практической работе социального работника. Понятие множества – основное понятие современной математики, в том числе и школьной. Однако, чтобы поднять на более высокий уровень понимания студентами понятия множества (по сравнению со школьным пониманием), необходимо еще раз возвратиться к нему, введя операции над множествами и рассмотрев их геометрическую интерпретацию (круги Эйлера-Венна). Тем более, что эти теоретико-множественные операции многократно присутствуют в социальной работе (и не только в социальной работе). Далее, простейшие элементы комбинаторики (правила суммы и произведения, перестановки и др.) – необходимый элемент простых подсчетов всевозможных комбинаций не только в науке, но и практической жизни высокообразованного человека. Логика высказываний – простейший раздел математической логики, которая, как известно, приводит человеческий ум в порядок. Равносильности логики высказываний являются простейшими логическими законами, многие из которых известны из средней школы и используются в школьной математике (хотя не акцентируются в школе). Уточнение этих законов полезно не только в науке, но и в практической жизни человека.

Многие вопросы аналитической геометрии на плоскости (координаты, уравнение прямой и др.) известны из курса математики средней школы. Другие мировоззренческие понятия – эллипс, гипербола, парабола – часто используются в различных областях деятельности человека. Понятие вероятности тоже используется в практической деятельности человека. Несомненно, что требуется уточнение этого мировоззренческого понятия. В самой простейшей форме (классическое определение) уточняется это понятие. Это позволяет сформулировать простые утверждения теории вероятностей, которые используются во многих областях интеллектуальной деятельности человека.

Усвоение этих общезначимых понятий характеризуют как когнитивные компетенции работника, так и его интеллектуальную самодостаточность как современного высокообразованного специалиста в актуальной области востребованных социально-экономических знаний.

Принимая во внимание коллективный характер получения знания при изучении курса математики для социальных работников, необходимо учитывать существующие связи между субъектами познавательной деятельности, которые предполагают социально-культурную коммуникацию и исторически меняющуюся социально-экономическую структуру общества. В связи с этим специалист по математическому

моделированию, профессор математики В.И. Малыхин отмечает: «Интересно также отметить, что использование математических моделей социально-экономической структуры общества считается менее плодотворным, менее полезным, менее пригодным, чем математическое моделирование экономики. Возможно это и так. Тогда тем более следует развивать это направление математического моделирования» [1, с. 4]. На это в первую очередь ориентирован краткий курс высшей математики для будущих социальных работников различных сфер жизни общества.

Проведенный краткий обзор разделов курса «Основы высшей математики» и их связей с профессиональной подготовкой социальных работников далеко не полон. Но, на наш взгляд, его можно рассматривать в качестве математической основы социально-философского измерения интеллектуальных качеств современного, хорошо разносторонне образованного человека. Современное информационно насыщенное общество делает проблематику получения нового гуманитарно-математического знания и его ассимиляцию одной из важнейших задач мировоззренческой культуры в целом.

Литература

1. Малыхин, В.И. Социально-экономическая структура общества: математическое моделирование. – М., 2003.
2. Лебедев, В.В. Математическое моделирование социально-экономических процессов. – М., 1997.
3. Плотинский, Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – М., 1998.

О ПРОЯВЛЕНИЯХ НЕТЕРПИМОСТИ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

А.А. Ищенко

Многочисленные теоретические и практические исследования источников нетерпимости в обществе отмечают, что причинами низкой толерантности зачастую становятся не различия в религиозном мировоззрении или культурных ценностях, ведь ценности и нормы почти всех народов мира имеют больше общего, чем отличного. Такими причинами являются политические игры, углубление социальной дистанции в обществе, распространение взглядов о превосходстве одних культур над другими. Не исключением являются и постсоветские страны, в том числе Россия, Беларусь и Украина.

В высших учебных заведениях, наряду с отечественными студентами обучаются иностранцы, и благодаря этому в вузе создается особая интернациональная образовательная среда. К сожалению, подобная среда, несмотря на множество преимуществ, не является свободной от проявлений нетерпимости и негативных отношений между студентами

разных национальностей. Это, в свою очередь, приводит не только к нарушению воспитательной функции как одной из главных функций высшей школы, но и к замедлению социальной адаптации иностранных студентов, без успешного протекания которой невозможно их обучение и воспитание.

Для преодоления негативных последствий низкой толерантности в студенческой интернациональной образовательной среде необходимо знать уровень их распространенности. В ходе социологического исследования, проведенного нами в 2010 году, были получены данные относительно особенностей прохождения социальной адаптации и вторичной социализации иностранных студентов в вузах разных стран, в том числе были получены данные о степени толерантности образовательных пространств разных стран. Исследование было проведено в таких странах как Россия, Беларусь и Украина. Полученные результаты позволили не только получить информацию о языковой, культурной и бытовой составляющих процесса социальной адаптации и сравнить данные разных стран, но и получить эмпирическую информацию об особенностях функционирования интернациональной образовательной среды.

Методом анонимного опроса в Беларуси было опрошено 385 студентов-иностранцев, в России - 152, и в Украине - 164 студента. Общее количество студентов, принявших участие в опросе, составляет 704 студента. Специфика исследования и труднодоступность объекта исследования детерминировали использование доступного типа выборки. В целом в исследовании приняли участие представители таких регионов как Юго-Восточная Азия (Китай, Корея, Вьетнам, Монголия), страны Ближнего Востока (Турция, Сирия, Ливан), страны СНГ (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Украина, Армения, Молдова), страны Африки (Кения, Камерун, Тунис, Ливия), страны Европы (Франция, Великобритания, Испания, Германия, Польша, Греция, Румыния, Сербия, Швеция, Чехия, Италия, Хорватия), страны Прибалтики (Латвия, Эстония), страны Латинской Америки (Аргентина, Куба, Колумбия, Чили), Индия и Пакистан, США, Канады и Мексики, а также представители других стран.

Поставленную задачу анализа степени толерантности было решено исследовать через выяснение различных по степени негативности ситуаций, а именно, ощущение иностранцами негативного отношения к себе из-за своей национальности и возникновение напряженных ситуаций со студентами той страны, где проходит обучение. Достаточно интересными оказались тенденции, обнаруженные во время исследования. Так, в Украине среди опрошенных иностранных студентов 38,6% испытывали негативное отношение к себе со стороны украинских студентов из-за своей национальности. Соответственно 61,4% опрошенных иностранцев не испытывали такого негативного отношения. Дальнейший анализ показал, что среди тех, кто ощутили на себе негативное отношение из-за собственной национальности, обучаясь в Украине, подавляющее

большинство составили представители Турции (46,3%), Вьетнама (31,5%) и Китая (14,8%).

Достаточно сильно отличаются данные, полученные благодаря ответам на данный вопрос, в Беларуси и России. Так, наилучшие результаты получены в ходе опроса студентов в России. Только 4,6% опрошенных иностранцев, которые там учатся, отметили, что чувствовали на себе негативное отношение из-за своей национальности. В Беларуси соответствующий процент составил 44,9% респондентов. Проведенное исследование подтвердило, что решающую роль во взаимоотношениях студентов разных национальностей играют различия в традициях и культуре, которые, по мнению 46% опрошенных в Украине респондентов, и стали причиной возникновения напряженных ситуаций между иностранными и украинскими студентами. Второй, наиболее часто упоминаемой причиной возникновения напряженных ситуаций стали бытовые проблемы, их выбрали 22,2% опрошенных иностранных студентов. 19% респондентов причиной возникновения напряженных ситуаций считают языковой барьер. Одинаковое количество (14,3% опрошенных) считают причинами таких ситуаций религиозные различия и различия в политических взглядах.

Таким образом, полученные в ходе социологического опроса, данные показали, что интернациональная образовательная среда высших учебных заведений России, Беларуси и Украины не является зоной свободной от проявления таких тенденций нетерпимости как негативное отношение из-за национальности и возникновение напряженных ситуаций между студентами разных национальностей, преодоление которых и должно стать первоочередной задачей всех субъектов образовательного процесса.

ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е.В. Резанова

В современных условиях развития общества особую актуальность приобретают проблемы включения личности в систему современных общественных отношений. Экономические, экологические, социальные, национальные, нравственные, политические проблемы современности оказывают влияние на взаимодействие всех социально-демографических групп общества, при этом важным объектом воздействия указанных проблем оказывается молодое поколение.

Молодежь – это большая открытая и наиболее подвижная группа общества, которая является наиболее восприимчивой к изменениям, происходящим в общественных отношениях, к новым знаниям, к новым представлениям о мире, к новым процессам, происходящим на рынке труда, в сфере образования, в семье. С целью полноценного духовного,

нравственного и физического формирования молодого поколения, необходима максимальная включенность молодых людей в систему общественных отношений. Иными словами, молодым людям необходимо развивать свой социальный капитал, который будет способствовать успешной социализации и адаптации молодых людей в ситуации неоднозначности и социальных рисков.

Социальный капитал молодежи – это совокупность ресурсов молодых людей, которые развиваются благодаря наличию устойчивой сети связей различных категорий молодежи с другими людьми, основанные на взаимно разделяемых и подкрепляемых нормах, ценностях и доверии, развивающиеся в семье, в кругу друзей, в общественных организациях и объединениях, во время учебы и работы, и предоставляют определенные выгоды в виде эмоциональной, материальной и информационной поддержки, а также способствуют самореализации и самоопределению молодого поколения.

При этом можно выделить индивидуальный и организационный социальный капитал молодежи. Индивидуальный социальный капитал молодежи отражает степень включенности молодого человека в его близкое социальное окружение, а также социальную поддержку, оказываемую членами данного окружения. Организационный социальный капитал молодежи отражает, с одной стороны, взаимоотношения молодых людей с коллективом работников в организации (горизонтальные сети и горизонтальное доверие), а с другой – взаимоотношения молодых работников и руководителей (вертикальные сети и вертикальное доверие). Организационный социальный капитал является новым этапом формирования социальных связей и доверия, которые развиваются в процессе трудовой деятельности. Взаимное доверие между молодыми работниками и их коллегами, а также молодыми работниками и их руководителями служит основой взаимопонимания и согласия, детерминирует мотивацию и является неотъемлемым условием работы в команде.

Важным моментом изучения включенности молодежи в систему общественных отношений является анализ источников развития социального капитала, как индивидуального, так и организационного.

Источники индивидуального социального капитала молодежи рассмотрим в соответствии с подходом П.Н. Шихирева, согласно которому «процесс развития социальных сетей и доверия может быть представлен как в динамическом аспекте (отношения рассматриваются как процесс), так и в статическом аспекте (отношения рассматриваются как фиксация состояния, его объективация)» [1, с. 25]. Статическими источниками индивидуального социального капитала молодежи являются семья, учебные заведения, молодежные организации, спортивные секции, кружки по интересам и т.д., то есть все те условия, в которых происходит социализация молодого человека, накопление жизненного опыта и его самоопределение.

Динамическим источником индивидуального социального капитала является социальная активность молодых людей, которая «включает в себя процесс социальной адаптации и социализации, подготовку личности молодого человека к участию в различных сферах жизнедеятельности» [2, с. 277]. В процессе этой подготовки формируются определенные ценностные ориентации, жизненные установки, гражданские позиции и профессиональные качества. При этом можно выделить следующие виды социальной активности молодежи: общественная (участие в деятельности общественных организаций); коммуникативная (активность в общении, познавательные, эмоциональный и поведенческий отклик на другого человека); физическая и творческая активность (посещение различных секций, творческих кружков, клубов по интересам, участие в спортивных соревнованиях и творческих мероприятиях с целью расширения сети контактов). Как отмечает Л.Г. Титаренко, посредством социальной активности осуществляется самореализация личности, а это, в свою очередь, позитивно влияет на самооценку, повышает чувство удовлетворенности жизнью у индивида, дает возможность практиковать личную гражданскую ответственность через сотрудничество с другими людьми и развивать такие ценности, как честность, гражданское самосознание, сострадание и мн. др. [3, с. 349].

Источники организационного социального капитала молодежи рассмотрим в соответствии с подходом Т.А. Нестика, который выделяет внутренние и внешние источники развития социального капитала в организации. Внутренними источниками являются психологическая готовность, расположенность молодого работника к доверию и оказанию помощи своим сотрудникам, они зависят от интеллектуальных способностей и особенностей мышления, жизненного опыта, личных целей и интересов, уверенности в себе. Внешние источники в большей степени связаны с объективными условиями: 1) особенностями системы управления организацией (организационной культурой и структурой, действующей системой планирования, информации и коммуникации, принятия решений и стимулирования); 2) особенностями выполняемых заданий, разделения труда и определения полномочий, технологиями; 3) особенностями человеческих ресурсов (профессиональной компетентностью, мотивацией, лояльностью работников организации, социально-психологической атмосферой) [4, с. 54].

Так, социальный капитал является решающим показателем включенности молодых людей в систему современных общественных отношений. Поэтому всестороннее изучение источников социального капитала молодёжи, как индивидуального, так и организационного, проведение мониторинга интересов учащейся и работающей молодежи, выработка рекомендаций молодежным общественным организациям и культурно-образовательным учреждениям, с целью дополнения номенклатуры различного рода кружков и клубов по интересам, в посещении которых были бы заинтересованы учащиеся, а также

организациям и трудовым коллективам, с целью увеличения количества тренингов, совместных обучающих проектов и корпоративных мероприятий, будет способствовать более успешной реализации молодежной политики в Республике Беларусь.

Литература

1. Шихирев, П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход / П.Н. Шихирев // *Общественные науки и современность*. – 2003. – №2. – С.17–31.
2. Сапелкин, Е.П. Социальный статус молодежи./ Е.П. Сапелкин – Минск, 2002.
3. Титаренко, Л.Г. Развитие инновационного потенциала студенчества как один из приоритетов молодежной политики / Л.Г. Титаренко, С.А. Кулеш // *Научные труды Республиканского института высшей школы*. – 2008. – В. 5(10). – С.346-353.
4. Нестик, Т.А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ. Часть 1. / Т.А. Нестик // *Психологический журнал*, 2009. – Том. 30, – №1. – С. 52–63.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

А.Г. Волнистый

На протяжении истории приоритеты отдельного человека и общества не всегда были общими. Очевидно, что «полного совпадения личного и общего» достичь невозможно, и можно лишь утверждать единство большинства людей в отношении того, что для них приобретает определённый смысл и что является наиболее существенным. Любая культура в значительной степени подвержена традиционализму, а это означает, что имеются некоторые базисные ценности, которые не вызывают сомнений и споров у всех людей. Однако здесь также следует понимать, что исторически и в социально различных контекстах этим ценностям придаётся различный смысл и степень значимости. Таковыми могут быть идеи Бога, свободы воли, творчества, равенства, достоинства, различные моральные ценности. К ним могут быть отнесены и человеческие добродетели: справедливость, мудрость, мужество, благоразумие, милосердие, правдивость, ответственность, верность, сострадание, самоотверженность, чувство стыда, вины и т.д.. Понимание значимости каждой из них в различные эпохи выстраивалось в определённую шкалу ценностей и было тем основанием, исходя из которого человек определял, что в его жизни является наиболее важным и главным.

Установление ценностных приоритетов человеком, таким образом, исторически изменялось, и в этом не следует видеть некоего дестабилизирующего фактора. Нужно понимать, что жизнедеятельность людей напрямую связана с избранной системой ценностей и ею же

определяется. Человек больше приспособлялся к миру, чем мир к человеку. В этом состоит суть любой человеческой культуры, осознание того факта каждым из нас, что ценности выступают в качестве мотивационного, регулятивного, нормирующего, смыслообразующего, ориентационного и интегративного источника человеческих действий и человеческой жизнедеятельности в целом.

Соотношение осмысления важности той или иной ценности напрямую связано с мировоззрением отдельного человека и общества. Безусловно, последнее оказывает решающее воздействие на формирование сознания каждого из нас, причём с различной степенью эффекта в понимании значимости той или иной ценности. В современных условиях помимо традиционных основополагающих, уже вышеназванных ценностей, приобретает значительное влияние понимание успеха, карьерного роста, зарабатывания денег. Мир всё более становится информационным, глобальным, где все продаётся и покупается. Духом потребления пронизаны отношения между людьми. Здесь не следует понимать, что XX и XXI века в этом отношении сплошной негатив, некий тупик для культуры и социального прогресса. В этих изменениях нужно видеть не только лишь одно отрицательное. Существующая эпоха предъявляет свои требования к человеку, порой заставляя того соответствовать ей. Минули те времена, когда как, скажем, в античности, да и в средние века риторически говорили: «Кого можно считать богатым человеком? Того, кто довольствуется тем, что имеет». Сегодня многие люди уже не довольствуются тем, что имеют. И на это они имеют свои основания.

Политики, люди искусства, медийные персоны пропагандируют философию успеха. Без этого невозможно движение к экономическому, политическому, национальному процветанию, к общественному прогрессу. Для многих людей их жизнь и деятельность – это пример для подражания, когда они будут пытаться реализовать те идеи, благодаря которым теми был достигнут такой успех, слава, признание, богатство. Отдельный вопрос: каким путём это случилось, и как такое произошло.

Стоит также упомянуть, что в век информационного общества многие, казалось бы, незыблемые человеческие ценности для некоторых людей утратили свой смысл и значение или стали второстепенными. Например, такие ценности, как вера (не только в религиозном её значении), совесть, верность, порядочность, любовь, долг, смирение, священное и т.д. Такие люди уже не видят в них той значимости и основы, благодаря которым и сохраняется человечность в каждом из нас. Критерий для них очень прост и выражается словами «время – деньги». Говорить о том, что сегодня стало хуже некуда, а раньше было хорошо – не имеет смысла. Можно долго морализировать на эту тему, однако нравы людей по отношению к ценностям не сильно изменились. Важно помнить одно: выбор целей, осуществляемых человеком, определяется ценностями, и именно они выполняют объединительную функцию в человеческой жизни.

А поэтому насущная проблема нашего времени состоит в ценностном осмыслении нашей деятельности, в придании ей характера моральной ориентированности.

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ ИЛИ ПРОБЛЕМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО «Я» В РАЗВИТИИ МОЛОДЕЖИ

Л.С. Вечер

Нравственный кризис, о котором заговорили во весь голос относительно недавно, – это не что иное, как ощущение огромным числом людей бессмысленности той жизни, которую им приходится вести, нередко без возможности какого-либо реального выбора и невозможности найти в ней позитивный смысл из-за разрушения старых ценностей и традиций, дискредитации “новых” и отсутствия культуры мировоззренческих рефлексий, позволяющих прийти к уникальному смыслу своим, неповторимым путем. Государство на протяжении многих десятилетий отучивало и отлучило людей от ответственности за нахождение и реализацию смысла жизни. Нравственный кризис – кризис смысла, кризис ответственности – это расплата на теорию и практику воспитания “людей-винтиков”.

Эйнштейн как-то заметил, что тот, кто ощущает свою жизнь лишенной смысла, не только несчастлив, но и вряд ли жизнеспособен.

В процессе становления и формирования личности молодых людей жизненные ценности занимают центральное место в отношениях человека с миром, становятся стержнем его жизнедеятельности.

Дело в позиции и установке, с которой человек встречает свою судьбу. Человек не свободен от условий, но он свободен занять позицию по отношению к ним. От человека, в пределах его ограничений, зависит, сдастся ли он, уступит ли он обстоятельствам, с которыми сталкивается, или скорее эти обстоятельства подвластны ему. Сознательно или бессознательно, но любой человек вынужден решать и всегда решает, будет ли он противостоять или сдастся, позволит условиям определять его жизнь.

Неблагоприятные условия жизни, т.е. присущие ей трудности и невзгоды, отходят на задний план тогда и в той мере, когда и в какой мере на передний план выступают «основания» к жизни. Если рассматривать жизнь с точки зрения присущих ей жизненных задач, нельзя не прийти к заключению, что жизнь всегда более осмысленна, чем труднее она дается.

Жизнь каждого человека имеет свою, неповторимую, цель. Человек должен сам ее определить, поняв неповторимость и своеобразие собственной жизни. Таким образом, человек меньше всего продукт наследственности и окружения, и особенности характера никоим образом

не являются решающими, решающей является, в конечном счете, позиция личности.

Цели и идеалы человека непременно влияют на других людей. Можно выделить несколько основных линий отношения человека к разным сторонам бытия. Это отношение человека к высшим символам (поклонение, отвержение), к миру (Вселенная, Природа, Земля), к обществу (способ групповой жизни), к людям (другой, самоцель, средство к цели), к труду (средство самореализации, имитация), к себе (Я – экзистенциальное, Я – идентичное. Я – категориальное), то есть философия жизни и мир ценностей. Их совокупность завязывает узлы общей философии жизни человека.

Из философии жизни вытекают ключевые аспекты отношений человека к себе и к своей роли в обществе. Американский ученый Э. Берн выдвинул гипотезу о том, что человек формирует свои основные жизненные позиции, принимая важные решения в отношении себя и других людей. Эти решения имеют фундаментальное влияние на весь ход его жизни. Э. Берн предложил простой и ясный способ описать четыре основные жизненные позиции. Различные комбинации самооценок и оценок окружающих позволяют выделить четыре базовые жизненные позиции:

1. *Я в порядке, вы в порядке.* Люди, придерживающиеся такой позиции, как правило, открыты миру. Они принимают себя, положительно относятся ко многим граням своего «Я», Чувство жизни сохраняет устойчиво мажорные тональности. Их память больше сосредоточена на положительных воспоминаниях. В их облике просматривается жизнелюбие, распространяемое и на других людей. Они естественны и контактны. Им присуща устойчивая ориентация на доброжелательные отношения к другим. Такие люди – наиболее гармоничное ядро общества.

2. *Я в порядке, вы не в порядке.* Люди, принимающие такую позицию в системе Я – другие, как правило, положительно относятся к себе и с выраженной тенденцией или явным перекосом к завышенной самооценке. Они субъективны и стоят на полюсе этой крайности. Люди с такой позицией считают остальных несовершенными, во всяком случае, хуже себя. Им это важно для самоотношения. Ведь, чтобы поднять себя, надо унизить другого.

3. Люди с приоритетом позиции *я не в порядке, вы в порядке* предпочитают уступать другим. Они сосредоточены на своих слабостях и недостатках. Они страдают от неприятия себя и постоянного ожидания, что другие люди сильнее, умнее и способнее их. Если такие люди волей судьбы становятся руководителями, они гипертрофируют ролевые обязанности и чувство долга до предела человеческих сил. Людям этой категории свойственно сгорать тихой завистью и уходить от реалий жизни в тайные грезы и несбыточные мечты. Для них характерны модели поведения «Казанская сирота» и «Фигаро» (меня рвут на части).

4. *Я не в порядке, вы не в порядке.* Эта позиция отличается полным уничтожением человеческой природы. Люди этого типа низко и очень критично оценивают себя и других. Таких людей преследует сплошное разочарование. Для них свойственна пессимистическая тональность всего мироощущения, они не видят смысла жизни и воспринимают человеческий род как ошибку или аномалию природы.

В реальной жизни каждого человека происходит смешение этих позиций и смещение акцентов в сторону той или иной из представленных формул человеческого восприятия. Индивидуальные колебания этих позиций оказывают влияние на все аспекты поведения человека, стиль его жизни.

Экзистенциальное «Я» человека – явление социального, психического порядка и мотивационного ядра личности. Оно концентрируется на процессах и механизмах сознательной саморегуляции поведения, на соотношении сознательной внутренней мотивации личности с одной стороны, и влияния внешней среды – с другой, то есть экзистенциальное «Я» это самоконтроль, саморегуляция, самосознание личности.

Главная функция самосознания – сделать доступным для человека мотивы и результаты его поступков и дать возможность понять, каков он на самом деле, оценить себя, если оценка окажется неудовлетворительной, то человек может либо заняться самоусовершенствованием, либо, включив защитные механизмы, вытеснить эти неприятные сведения, избегая травмирующего влияния внутреннего конфликта.

Для самосознания наиболее значимо стать самим собой (сформировать себя как личность), остаться самим собой (невзирая на механизм воздействия) и уметь поддерживать себя в трудных состояниях.

Развитие личности не завершается с обретением автономности и самостоятельности. Оно проходит длинный путь, одним из этапов которого является достижение самодетерминации, самоуправления, независимости от внешних побуждений, другим – реализация личностью заложенных в ней сил и способностей, третьим – преодоление своего ограниченного «Я» и отождествление с более общими глобальными ценностями.

Обычно работа представляет собой ту область, где индивидуальность человека проявляется по отношению к обществу и таким образом приобретает смысл и ценность. Однако эти смысл и ценность зависят от того, какой вклад в общество вносит работа, выполняемая человеком, а не от собственного положения, занимаемого им в обществе. Работа сама по себе не делает человека нужным и незаменимым; она лишь предоставляет ему возможность стать таковым. Важна не работа, которую человек выполняет, а то, как он делает эту работу. И не от профессии человека, а от него самого зависит, найдут ли свое выражение в работе те личностные, неповторимые черты, которые составляют его индивидуальность.

Можно подготовить безработного по новой специальности, но если он не нацелен нести ответственность за себя, то вскоре опять окажется безработным.

На постсоветском пространстве мы имеем кризис ответственности большинства людей за свою собственную судьбу.

Задача всей системы воспитания и образования подвести молодых людей к осознанию ответственности за свою жизнь, к необходимости сознательного формирования жизненных ценностей.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

О.Н. Кириллова

Опыт последнего десятилетия показывает, что современная молодежь очень сильно отличается от той, которая была ранее. Современная эпоха компьютеров и прогрессивных информационных технологий требует от учащейся и студенческой молодежи большей креативности и высокой адаптивности. Основным новообразованием юношеского возраста является личностное и профессиональное самоопределение. Первое включает, кроме всего прочего, ценностную ориентацию личности [1, с. 235]. В отечественной и зарубежной литературе проблема ценностных ориентаций личности более детально рассматривается в исследованиях С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, М. Рокича, В.О. Ядова, М.С. Кагана, И.С. Кона [2,3,4].

Для определения уровня взаимодействия факторов личностного поведения старшеклассников и ценностных ориентаций, которые формируются во время социализации личности нами было произведено экспериментальное исследование с использованием психодиагностических методов и методик: методика изучения особенностей формирования ценностных ориентаций (модификация методики М. Рокича) [5]; вариант многофакторного личностного опросника Кетела [6].

В социально-психологическом эксперименте принимали участие 80 человек (40 юношей и 40 девушек) – учащиеся 11 классов в возрасте 16-17 лет. По данным всей выборки старшеклассников приоритетными терминальными ценностями-целями являются возможность творческой деятельности (4,7 балла), активная жизнь (4,6 балла), познание (4,6 балла), уверенность в себе (4,55 балла), интересная работа (4,5 балла). И лишь после этих ценностей следуют такие ценности, как любовь, счастливая семейная жизни и общественное признание.

Из инструментальных ценностей доминируют самоконтроль (4,8 балла), смелость в отстаивании своей точки зрения (4,7 балла), жизнерадостность (4,6 балла), сильная воля (4,5 балла) и лишь потом следуют терпимость, ответственность и рационализм.

Данные, приведенные выше, являются отражением общего положения касательно ценностей в современном обществе. Молодежь стремится реализовать себя: найти свое место в жизни, приобрести достойную профессию и быть активной личностью, иметь материальное благосостояние, достичь определенного жизненного успеха. И лишь после этого юноши и девушки уделяют внимание духовным ценностям, любви и счастливой семейной жизни. Это подтверждает нашу мысль о том, что общество требует от современной молодежи активную жизненную позицию и целеустремленность.

Следует отметить, что и у юношей, и у девушек мы увидели эмоциональную нестабильность. Это может быть связано с возрастными особенностями, а также с тем, что в жизни старшеклассников наступает сложное время, когда они проходят очередной этап личностного становления и профессионального самоопределения. Эти факторы негативно влияют на эмоциональную стабильность юношей и девушек. Хотя это и не должно вызывать особенную тревогу, так как этот процесс является естественно регулируемым.

Целью одного из этапов работы было установление взаимосвязи между социально-психологическими качествами личности и инструментальными, и терминальными ценностями. В таблицах 1 и 2 приведены значимые коэффициенты корреляции между социально-психологическими факторами и терминальными и инструментальными ценностями старшеклассников ($P < 0,01$).

Таблица 1. Матрица корреляции между социально-психологическими факторами и терминальными ценностями

Терминальные ценности	Качества личности			
	Эмоциональная стабильность	Независимость	Радикализм	Смелость
Уверенность в себе	0,6	0,04	0,1	0,4
Самостоятельность	0,01	0,5	0,05	0,03
Творчество	0,003	0,01	0,5	0,01

Исходя из результатов корреляционной матрицы связи социально-психологических факторов и терминальных ценностей мы установили следующие связи. Существует значительная прямая связь между качеством личности эмоциональная стабильность и терминальной ценностью уверенность в себе (0,6). Таким образом мы можем сделать вывод, что на данном возрастном этапе эмоциональная стабильность юношей и девушек положительно влияет на их самооценку и уверенность в себе. И наоборот: эмоциональная нестабильность ведет к неуверенности в себе и, соответственно к снижению самооценки, возникновению проблем в общении и учебе. Установлена значимая прямая связь между качеством

личности «независимость» и терминальной ценностью «самостоятельность» (0,5). Исходя из этого, можно утверждать, что самостоятельность старшеклассников проявляется, по их мнению, в независимости от определенных людей и жизненных обстоятельств. Установлена значимая прямая связь между качеством личности «радикализм» и терминальной ценностью «творчество» (0,5). В соответствии с этим можно утверждать, что творчество молодежи зависит от радикального взгляда на мир и искусство, что ярко проявляется в современной молодежной культуре.

Таблица 2. Матрица корреляции между социально-психологическими факторами и инструментальными ценностями

Инструментальные ценности	Качества личности			
	Эмоциональная стабильность	Абстрактное мышление	Радикализм	Смелость
Смелость в отстаивании своей точки зрения	0,03	0,001	0,2	0,4
Жизнерадостность	0,3	0,04	0,05	0,03
Широта знаний	0,03	0,2	0,05	0,01
Самоконтроль	0,5	0,03	0,01	0,1

Из таблицы 2 мы видим, что существует значимая прямая связь между качеством личности «эмоциональная стабильность» и терминальной ценностью «самоконтроль» (0,5). Исходя из этого, можно утверждать, что умение контролировать свою деятельность и поведение зависит от степени эмоциональной стабильности старшеклассников.

Существует значимая прямая связь между качеством личности смелость и инструментальной ценностью смелость в отстаивании своей точки зрения (0,5). Таким образом, можно сделать вывод, что степень смелости в отстаивании своей точки зрения юношей и девушек зависит от смелости как личностной характеристики. Исходя из выше изложенного, можно смело утверждать, что в ходе социально-психологического эксперимента верифицирована гипотеза касательно существования влияния личностных факторов на формирование и развитие ценностных ориентаций старшеклассников, которое формируется в сфере поведения во время социализации личности.

Перспективы дальнейших исследований проблематики ценностных ориентаций современной молодежи в период социализации личности заключаются в определении наиболее влиятельных факторов личного поведения молодежи на протяжении всего периода обучения, включая высшую школу и определении особенностей изменения ценностных ориентаций личности во время кризисного ее развития.

Литература

1. Немов, Р.С. Психология. – Книга 2. – М., 2000.
2. Кон, И.С. Моральное сознание личности и регулятивные механизмы культуры // Социальная психология личности / Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. – М., 1979.
3. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1999.
4. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания. – М., 1977.
5. Rokeach, M. The Nature of Human Values. L. – N., 1986.
6. Батаршев, А.В. Психология личности и общения. – М.– 2004.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

К.В. Дабижа, Н.А. Бочарникова

Ценности и ценностные ориентации человека являются одним из наиболее важных объектов исследования таких отраслей знания как философия, социология, этика, психология. Найти ответ на вопрос о том, что такое благо, добродетель и красота философы пытаются уже в античности. Впервые понятие "ценность" ("аксия" - достоинство) используют стоики (Диоген), в понимании которых ценности носят инструментальный характер, являясь средствами, позволяющими достичь блага, которое есть конечная, идеальная цель. Ценностные ориентации, определяющие жизненные цели человека, выражают то, что является для него наиболее важным и обладает личностным смыслом.

Студенчество определяется как особая социальная группа, характеризующаяся специально организованными, пространственно и временно структурированными бытием, условиями труда, быта и досуга, социальным поведением и психологией, системой ценностных ориентаций. По Э. Эриксону, пребывание в ВУЗе является "законодательно закрепленной отсрочкой" в принятии человеком роли взрослого, которую он в контексте формирования ценностной системы называет "психосоциальным мораторием". Однако, по мнению большинства авторов, именно период обучения считается для человека наиболее важным в плане происходящего в это время профессионального и личностного самоопределения, становления его как личности.

Рассмотрим данные исследований, в которых изучались представления студентов Забайкальского государственного университета (ЗабГУ) об основных сферах жизнедеятельности, их ценностные ориентации, мотивы выбора профессии, представления о сфере семейных отношений, а также содержание представлений студентов о будущем.

На основании проведенного исследования в ЗабГУ среди разных специальностей можно отметить, что у студентов наблюдается синхронность при выборе ведущих ценностей. Ведущие терминальные

ценности: на первом месте - "здоровье", на втором - "любовь", на третьем - "счастливая семейная жизнь". По результатам исследования приоритетной для студентов является сфера семейных отношений. Представители всех специальностей заинтересованы в активных социальных контактах и в установлении благоприятных отношений в различных сферах социального взаимодействия, а также в реализации своей социальной роли.

"Работа" как ценность для студентов менее значима, по сравнению с "друзьями", "любовью" и "семьей", однако профессиональная самореализация очень важна. Современные молодые люди осознают значимость в современном обществе образованности, хорошей работы и материального благополучия, возможно значимость этих ценностей возросла в условиях повышения цен, коммерциализации важных социальных сфер, роста безработицы и конкуренции.

В результате анализа опроса студенческой молодежи выявлено, что большинство студентов всех специальностей надеются на легкое, активное и упорядоченное будущее. Студенты ориентируются не на ценности социальной успешности (продуктивная жизнь, познание, интересная работа, материально обеспеченная жизнь, общественное признание), не на ценности социального взаимодействия (развитие, познание, уверенность в себе, интересная работа, друзья) и индивидуальной самореализации (развитие, познание, свобода, творчество, продуктивная жизнь), а именно на ценности личного счастья. Данные исследования показывают, что студенты всех специальностей ориентированы на общечеловеческие ценности личного счастья, наиболее значимыми из которых являются: любовь, здоровье, счастливая семейная жизнь, материально обеспеченная жизнь, жизненная мудрость.

Интересен факт, что являясь студентами, молодые люди не дают указаний на самореализацию, личностный рост, познание, развитие. Не указывают и более частные цели, задачи, которые являлись бы ступенями на пути к достижению целей. Вместо перспективного планирования они отражают фантазии, не подкрепленные желанием их реализовывать.

Материальная удача у студентов всех специальностей не является доминирующим началом, определяющим представления респондентов о жизненной удаче. Для них наибольшее значение имеет заниматься делом, которое нравится, возможность создать семью, иметь детей, быть любимыми, иметь возможности для саморазвития и самореализации. Важно отметить и то, что описания скупы, формальны и шаблонны.

Обобщив данную информацию, можно отобразить аксиологический портрет современного студента: уверенный в себе, стремящийся к интересной и хорошо оплачиваемой работе, ответственный, успешный, считающий образованность и высокие нравственные качества средствами для достижения успеха в жизни, знающий и развивающий свой культурный потенциал. Молодой человек ценящий здоровье, семью, самостоятельность и независимость, осознающий необходимость твердой воли, коммуникабельности, умения наладить отношения.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е.С. Бабосова

Молодежь является наиболее мобильным и активным субъектом специфических отношений, возникающих в обществе в результате усиливающегося влияния процессов глобализации. С одной стороны, выступая как субъект смены поколений, способный к самореализации в результате собственной сознательной активности, молодежь приобретает социальный опыт, обновляет его и передает последующим поколениям. С другой стороны, молодежь является одним из потенциальных ресурсов, имеющих в каждом обществе, от социокультурной адаптации которых зависит его жизнеспособность.

Чтобы определить основные особенности социокультурной адаптации современной белорусской молодежи, необходимо выяснить, что представляет собой эта группа. Для социологии молодежи, как специальной социологической теории, важнейшим показателем того, что следует включить в предмет ее исследования, является выяснение роли и места молодежи в социальной структуре общества в качестве специфической социально-демографической группы, находящейся в процессе формирования, становления и реализации своих социальных качеств. Именно это, а не возрастные физиологические, психологические и иные особенности молодежи определяют ее положение в социальной структуре общества и границы предмета социологии молодежи. Основными признаками молодежи как социально-демографической группы являются возрастные характеристики, особенности социального положения, а также обусловленные взаимодействием возраста и социального статуса социально-психологические особенности. Возрастные границы молодого поколения находятся в пределах от 16 до 30 лет.

Социокультурная адаптация представляет собой сложный и многосторонний процесс приспособления отдельных индивидов или социальных групп к изменяющимся социальным условиям. Целью этого процесса является обеспечение устойчивости образа жизни, а также его изменения на основе осуществления социокультурных трансформаций в повседневной жизнедеятельности. Адаптация отражает возможности индивида выполнять определенные социальные функции: адекватно воспринимать окружающую действительность; строить систему отношений и общения с окружающими; владеть способностями к труду, обучению, организации досуга.

Социокультурная адаптация молодого человека в общество определяется степенью его включенности в общественные структуры и мерой его идентификации с ними путем усвоения ценностей и норм данной общности. Специфика адаптации молодежи в современном белорусском обществе заключается в том, что молодым людям

необходимо затрачивать все большее количество времени для вхождения в новую социальную среду, в результате которого создаются условия не только для осуществления их потребностей и жизненных целей, но и для прогрессивного изменения самого общества. В результате наблюдаются «такие характерные проявления нарушения процесса развития молодежи; как нарушение воспроизводства жизненных сил, неопределенность возможностей жизненного старта и неопределенность возможностей самореализации молодежи, ценностно-нормативная неопределенность, а также неопределенность идентичности» [1, с. 148]

Уважительное отношение общества к интересам молодежи создает условия для более глубокой адаптации личности и ее самореализации, а высокая степень адаптации личности способствует интеграции общества, его стабильному и устойчивому развитию в условиях глобализации. По результатам исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2011 году по национальной репрезентативной выборке, были выявлены некоторые особенности социокультурной адаптации белорусской молодежи. Эмпирическую базу исследования составил опрос 1491 респондентов, в том числе 380 человек из числа учащейся, студенческой и работающей молодежи в возрасте от 16 до 30 лет, что составляет 25,5 % от общего количества опрошенных.

В ходе исследования было выяснено, что одним из основных факторов, препятствующих успешной социокультурной адаптации молодежи, является неудовлетворенность различными социально-экономическими проблемами. Анализ вышеизложенных эмпирических данных показывает, что среди факторов тревожности современной белорусской молодежи первое место занимает уровень цен на продукты и товары первой необходимости, эту проблему в качестве основной указали 68,9 % опрошенных. Вторая позиция – за таким фактором, как жилищные проблемы – 42,6%. Большинство молодых людей в нашей стране проживают вместе с родителями и ближайшими родственниками, так как приобретение собственного жилья им не по карману. Третье место в рейтинге тревожности отводится уровню оплаты труда – этим обеспокоены 42,1 % респондентов. На четвертом месте находится такая актуальная проблема, как девальвация белорусского рубля – обеспокоенность этим высказали 38,6 %. На пятом месте – обеспокоенность ростом пьянства и алкоголизма населения – 31,5 %. Далее следуют проблема состояния здоровья (28,6 %), а также качество и доступность медицинского обслуживания и лекарств (25 %).

Одним из важнейших отличий молодого поколения по сравнению с другими являются ценности. Они представляют собой важный компонент социальной системы, наделяемый особым значением в индивидуальном и общественном сознании и представляющий собой обобщенные представления людей о целях и нормах поведения, воплощающие исторический опыт и концентрировано выражающие смысл культуры отдельного народа и всего человечества. При ответе на вопрос «Ради чего

Вы живете?» респондентам предлагалось выбрать из списка, состоящего из 22 ценностей, те, которые в наибольшей степени отражают их смысловые жизненные ориентации. Полученные результаты показывают, что для белорусской молодежи наиболее значимыми являются такие ценности, как семья (72,1 %), любовь (66,0 %) и дети (51,3 %). Достаточно важными являются и такие базовые ценности, как материально обеспеченная жизнь, здоровье. Наименее значимыми оказались следующие ценности: творчество; общественное признание, известность, репутация; долг перед Родиной; власть.

Несмотря на множество жизненных проблем, стоящих сегодня перед юношами и девушками, они не утрачивают своего оптимизма. При оценке теперешней жизненной ситуации в целом 30 % опрошенных молодых людей считают, что «все не так плохо и можно жить», а 42,1 % респондентов отметили, что «жить трудно, но можно терпеть».

Все изложенное позволяет сформулировать вывод о том, что социокультурная адаптация молодежи представляет собой процесс приспособления молодого поколения к изменяющимся социальным условиям. Целью этого процесса является обеспечение устойчивости образа жизни, а также его изменения на основе осуществления социокультурных трансформаций в повседневной жизнедеятельности. Социокультурная адаптация современной белорусской молодежи формируется, прежде всего, на основе системы ценностных ориентаций. В целом молодое белорусское поколение в условиях глобализации ориентировано достаточно традиционно: преобладают ценности семьи, здоровья и материального благополучия, а наименее значимыми являются ценности, связанные с политикой и властью.

Литература

1. Зубок, Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 1. – С. 147–162.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ И ДИНАМИКЕ МОЛОДЕЖНОЙ ДЕЛИНКВЕНТНОСТИ В БЕЛАРУСИ

А.И. Лукашов, О.Г. Лукашова

Актуальность исследования делинквентности современной белорусской молодежи определяется потребностями социальной практики противодействия социальным девиациям, требующей обновления и совершенствования соответствующих мер, адекватных ее современному состоянию, подверженному постоянным изменениям. Криминологические, статистические и социологические исследования молодежной делинквентности, выражающейся в нарушении молодыми людьми принятых в белорусском обществе правовых норм, указывают на то, что

молодежная делинквентность за прошедшие двадцать лет приобрела новые качественные и количественные характеристики.

Чтобы получить представление о современной криминологической ситуации в молодежной среде, охарактеризуем состояние и динамику молодежной преступности, ее количественные и качественные характеристики, основанные на статистических данных о зарегистрированных преступных деяниях и о лицах, их совершивших.

Предпринятый анализ документальных источников (статистических данных и материалов правоприменительной практики) показывает, что в Беларуси наиболее активной в криминогенном плане является демографическая *группа молодежи в возрасте 18-29 лет*. Проследим динамику распространения преступности в этой возрастной группе белорусского населения за предшествующий двадцатилетний период времени. Так, если среди лиц, совершивших преступления, число молодых людей в возрасте 18–29 лет в 1990 г. равнялось 17,8 тыс. человек, то к 2005 г. этот показатель увеличился более чем в два раза и поднялся до своего максимума в новейшей истории Беларуси – до 38,9 тыс. человек. В 2008 г. эта возрастная категория преступников насчитывала 33,0 тыс. человек. И хотя в 2010 г. количество лиц, совершивших преступления в возрасте 18-29 лет снизилось до 32,2 тыс. человек, это свидетельствует о весьма высоком уровне делинквентности среди белорусской молодежи.

Немалое число преступлений приходится и *на возрастную группу лиц 16-17 лет*. Так, в 1990 г. среди выявленных лиц, совершивших преступления, было зарегистрировано 5,0 тысяч человек этого возраста. Данный показатель имел тенденцию к росту вплоть до 1995 г., когда достиг величины в 5,9 тыс. человек. На протяжении длительного времени он оставался примерно на одном уровне (5,6 тысяч в 2000 г., 5,4 тысячи в 2005 г.). Статистика начала фиксировать снижение количества выявленных лиц, совершивших преступления в этой возрастной категории с 2006 г. – до 4,4 тысяч человек. В 2008 г. число выявленных лиц, совершивших преступления в 16-17-летнем возрасте, снизилось до 3,5 тысяч, в 2010 г. – до 2,8 тыс. человек.

Число несовершеннолетних, совершивших преступление *в возрасте 14-15 лет*, примерно в два раза меньше вышеуказанных цифр. Так, число лиц, совершивших преступления в возрасте 14-15 лет составило: 1, 6 тыс. человек в 1990 году, 1,7 тыс. чел. в 2008 году. В 2009 г. в составе лиц, совершивших преступления, было выявлено 1,4 тыс. подростков этого возраста, в 2010 году – 1,2 тыс. человек [1, с. 256]. Более низкие показатели преступности этой возрастной группы несовершеннолетних обусловлены, в том числе и тем обстоятельством, что в этом возрасте несовершеннолетние в соответствии с частью 2 статьи 27 УК Республики Беларусь подлежат уголовной ответственности только за 21 вид преступлений.

Особенностью развития криминальных процессов в молодежной среде, является снижение возрастных характеристик лиц, нарушающих уголовный закон. Все чаще несовершеннолетние в возрасте 12-13 лет

совершают деликты, которые, будь они совершены взрослыми, можно было бы квалифицировать как преступления. Но в силу того обстоятельства, что эти лица не достигли возраста уголовной ответственности (14 лет), их деяния не фиксируются в формах официальной статистической отчетности, принятых в настоящее время.

Чтобы поддерживать наметившуюся в Беларуси позитивную тенденцию по снижению уровня преступности несовершеннолетних и иных лиц молодежного возраста, необходима эффективная деятельность по профилактике и предупреждению правонарушений среди молодежи, усиление согласованности взаимодействия всех субъектов профилактики по раннему выявлению детей, оказавшихся в социально опасном положении, профилактике детской безнадзорности, социального сиротства. Особое внимание следует уделить разработке и внедрению инновационных технологий по профилактике противоправного поведения несовершеннолетних.

Имеют тенденцию к снижению как удельный вес, так и абсолютные показатели числа несовершеннолетних осужденных среди всех лиц, осужденных судами Республики Беларусь. Так, в 2005 г. удельный вес несовершеннолетних среди осужденных составлял 6,8 % (5 254 чел.), в 2008 г. он понизился до 6,5 % (4 484 чел.), в 2009 г. опустился до уровня в 4,3 % (2 696 чел.), в 2010 г. снизился до 3,34 % (2 046 чел.), а в 2011 г. составил 3,6 % (1978 чел.) от числа всех лиц, осужденных в Беларуси в указанные годы [2, 3, 4, 5].

В 2010 г. в Беларуси было осуждено за совершение преступлений 2046 несовершеннолетних граждан. Предпринятый анализ социально-демографического состава этой группы правонарушителей показал следующее: гендерный состав осужденных в 2010 г. представлен, в основном, юношами. Девушек среди них 9,0 %. Каждый четвертый из числа осужденных (25,9 %) относился к самой молодой возрастной категории 14-15-летних преступников. Большинство несовершеннолетних осужденных воспитывались в полных семьях, проживали с матерью и отцом. В неполной семье (с одним родителем) воспитывались 31,9 % осужденных; проживали в интернатах и детских домах, т.е. вне семьи, 4,9 % осужденных в 2010 г. несовершеннолетних [5].

Семья выступает в качестве важнейшего субъекта нравственно-правовой социализации детей. Повышение роли и ответственности семьи в нравственно-правовом воспитании детей является одним из важнейших направлений деятельности государства и общественности по предотвращению распространения девиантного поведения в молодежной среде.

Следует отметить, что молодежную преступность детерминирует широкое распространение таких негативных социальных явлений среди белорусской молодежи, как пьянство, алкоголизм, наркомания, проституция, бродяжничество. Весьма показательным является тот факт, что совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения 31,92%

несовершеннолетних, осужденных в 2010 году. Употребление алкоголя несовершеннолетними повышает вероятность отклоняющегося поведения, поскольку именно для представителей этой возрастной категории молодежи характерна неустойчивость нервной системы, повышенная внушаемость, низкий уровень самоконтроля, склонность к риску, авантюризм, недостаточная освоенность морально-этических норм, нравственная незрелость. Несовершеннолетним свойственен низкий уровень правовой культуры, у них отсутствует четкая система правовых взглядов и убеждений, они не обладают глубокими правовыми знаниями.

Ситуация с преступностью несовершеннолетних, сложившаяся к настоящему времени в стране, требует активизации деятельности всех субъектов профилактики и усиление согласованности их взаимодействия по раннему выявлению детей, оказавшихся в социально опасном положении, профилактике детской безнадзорности, социального сиротства.

Перенесение центра тяжести в борьбе с преступностью и другими антиобщественными явлениями на их предупреждение, требует мобилизации усилий всех государственных органов, негосударственных структур, общественных формирований, а также граждан республики. В этой связи большое значение придается совершенствованию законодательства в данной сфере, с учетом наработанного опыта и богатой международной практикой предупреждения антиобщественных явлений; процессам координации деятельности государственных органов, повышению эффективности их деятельности; исследованию процессов правового регулирования противодействия девиациям в молодежной среде и возможности использования инноваций в этой сфере.

Материал подготовлен при финансовой поддержке БРФФИ (грант Г110Б-097).

Литература

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011 / Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск: 2011.
2. Сведения об осужденных несовершеннолетних за 2005 г. (Форма 12). – Минск: Министерство юстиции Республики Беларусь, 2006.
3. Сведения об осужденных несовершеннолетних за 2008 г. (Форма 12). – Минск: Министерство юстиции Республики Беларусь, 2009.
4. Сведения об осужденных несовершеннолетних за 2009 г. (Форма 12). – Минск: Министерство юстиции Республики Беларусь, 2010.
5. Сведения об осужденных несовершеннолетних по Республике Беларусь за 2010 г. (Форма 12). – Минск: Министерство внутренних дел Республики Беларусь, 2011.

ПРОБЛЕМА ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Д.Г. Доброродный

Понятие «психоэмоциональная деформация» не имеет устоявшегося определения. В широком смысле под психоэмоциональной деформацией личности понимаются любые изменения в относительно устойчивой системе психических и эмоциональных состояний и процессов, выражающихся понятиями темперамент и характер. В условиях глобальной экологической нестабильности, являющейся маркером современной эпохи, психоэмоциональная деформация личности, рассматриваемая в широком, общечеловеческом контексте, является тем *фактором*, от которого во многом будет зависеть судьба человеческой цивилизации. Это связано с тем, что определенные изменения в психоэмоциональной сфере человека отрицательно сказываются на способности личности осознанно и целенаправленно выстраивать гармоничные отношения с внешним миром (обществом и природой). При этом возможности для принятия и реализации стратегических решений также резко сокращаются.

Проблему психоэмоциональной деформации можно рассматривать в двух аспектах: как проблему индивидуальной психологии и психотерапии, и как комплексную проблему, имеющую философско-мировоззренческий статус. Это объясняется тем, что каждая личность представляет собой уникальное сочетание свойств и качеств, детерминированных частично биологически, частично социокультурно, частично являющихся продуктом индивидуального опыта. Психоэмоциональная деформация конкретной личности является предметом исследования психологических наук, но анализ природных и социокультурных условий этого явления – задача комплексная, требующая внимания и усилий философов и ученых, различной специализации.

Влияние социокультурного окружения на формирование характера человека, определенных черт и моделей поведения активно изучалось в XX в. на стыке психоаналитической и социально-критической исследовательских стратегий. Вильгельм Райх в работе «Психология масс и фашизм» (1933) показал взаимосвязь между системой репрессивных норм, ценностей, транслируемых обществом и культурой и характером личности, ее способностью к самостоятельному принятию решений, рассудительностью, властными предпочтениями, степенью агрессивности и т.д. По мнению В. Райха, жесткое патриархальное воспитание и моральное подавление естественных влечений способствуют массовой невротизации, приведшей многие страны к авторитаризму и фашизму.

К. Хорни продолжила исследовать влияние социокультурных факторов на психоэмоциональное развитие личности. Описанные ею в

работе «Самоанализ» (1942) «невротические наклонности» стали типичными характеристиками современного человека. Например, невротическое влечение к любви, которое не является собственно чувством любви, а скорее выражает эгоистическое стремление к безопасности. Невротическое влечение к власти, желание всегда быть правым, контролировать всех и всегда поступать по-своему. Невротический «уход» как навязчивое стремление к одиночеству, к независимости от людей, или, наоборот, невротическая зависимость, выражающаяся в иррациональном конформизме. Эти невротические наклонности являются защитными механизмами человеческой психики, возникающими как реакция на неблагоприятные внешние условия. К. Хорни считала, что в формировании отношения человека к миру, в том, каким человек будет воспринимать мир (опасным или доброжелательным), в развитии его невротических состояний, определяющую роль играют самые близкие люди. Именно взрослые несут ответственность за развитие у ребенка «базальной тревоги», с которой он будет бороться всю оставшуюся жизнь.

Следующим этапом развития этой традиции стало учение Э. Фромма о социальном характере. В работе «Бегство от свободы» (1941) Э. Фромм называет социальным характером совокупность тех черт личности, которые присутствует у большинства представителей социальной группы (класса, сословия, народа). Каждое сообщество обладает общими для его членов чертами, обусловленными общими историческими обстоятельствами, условиями природной и социальной среды. При этом каждая группа заинтересована в развитии определенных психических качеств: ее члены «должны желать делать то, что они обязаны делать для нормального функционирования общества». Социализация способствует формированию именно такого «социального характера», который выступает как образец для подражания и как норма для данного общества. Эти нормы, типичные установки и ориентации усваиваются в раннем детстве, и поэтому практически не осознаются индивидом.

Функциональность социального характера для конкретного общества не означает того, что такой характер является чем-то положительным в нравственном смысле. Э. Фромм проводит прямую параллель между кризисом современной культуры, деградацией духовных ценностей и ориентиров жизни личности с господством социального характера конформиста и потребителя. Черты характера такой личности, ориентированной на постоянное потребление и неспособной принимать волевые, ответственные решения, являются фундаментом современной капиталистической системы, однако абсолютно не подходят для решения глобальных экологических вызовов. Наоборот, можно утверждать, что «авторитарный», «разрушительный» и «конформистский» типы социального характера, которые, по мнению Э. Фромма, господствовали в обществах XX века, выступили важнейшим фактором глобальной экологической нестабильности в веке XXI.

Еще одно существенное дополнение в рассмотрение данной проблемы вносит Э. Эриксон своей работой «Детство и общество» (1950). Его концепция о восьми стадиях становления идентичности позволяет реконструировать процесс развития психоэмоциональной сферы современного человека. Хотелось бы остановиться на седьмой стадии, которой соответствует зрелый возраст благополучия и жизненной определенности. По мнению Э. Эриксона, личность на этом этапе совершает выбор между «общечеловечностью» и «самопоглощенностью». Общечеловечностью Э. Эриксон называет способность человека интересоваться судьбами людей за пределами семейного круга, задумываться над жизнью грядущих поколений, будущим устройством общества и мира в целом. Самопоглощенность формируется, если у человека не возникает чувства сопричастности человечеству, если он отворачивается от «мировых проблем» и заботится только об удовлетворении своих потребностей. На наш взгляд, именно последний вариант развития идентичности превращается в опасную для человечества тенденцию. Эта проблема многократно поднималась философами на всем протяжении XX в. при анализе массового человека, феномена отчуждения, одномерности, «общества потребления» и она нисколько не утратила своей актуальности.

В связи с этим хотелось бы обратиться к статье американского психоаналитика М.-Дж. Раст «Климат на диване», в которой она анализирует безуспешность попыток пробудить в людях экологическое сознание и желание исправить экологическую ситуацию в мире. М.-Дж. Раст отмечает, что обширное информационное воздействие на обсуждение экологического кризиса с использованием самых ярких катастрофических образов весьма односторонне отражается на общественном сознании. У людей возникает ощущение близкого и неизбежного конца света, они рассуждают примерно так: «Если личные усилия несопоставимы с глобальностью катастрофы, значит, нет смысла переживать, лучше провести оставшееся время с максимальным удовольствием для себя, взять от оставшейся жизни все». В результате абсолютно все понимают, что экологические проблемы существуют, что нужно предпринимать срочные меры по спасению природы и нашего будущего, однако структура характера современного человека сформирована таким образом, что в нем не возникает чувство личной вины и, соответственно, личной ответственности за глобальные проблемы, и мы не наблюдаем ни массового участия в экологическом движении, ни широкой его поддержки со стороны обычных граждан. По мнению М.-Дж. Раст, простой обыватель не видит в своей повседневной жизни образцов «устойчивого развития», которые он мог бы перенести в свою жизнь. Поэтому его ответом на вызов экологического кризиса остается упование на технологическое чудо, которое будет подарено наукой [1].

Литература

1. Rust, M.-J. Climate on the Couch. Unconscious Processes in Relation to Our Environmental Crisis / Mary-Jayne Rust. – Psychotherapy and Politics International. – 2008. – 6(3). – P. 157–170.
2. Доброродный, Д.Г. Экопсихологическая стратегия в прикладном психоанализе: проблемное поле и перспективы / Д.Г. Доброродный // Философия и социальные науки. – 2011. – № 2. – С. 51-56.

ПРОБЛЕМЫ ВКЛЮЧЕНИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В РЫНОК ТРУДА

О.Г. Лукашова

Актуализация проблем интеграции в трудовую сферу белорусской молодежи обусловлена, с одной стороны, происходящими процессами структурной перестройки экономики, оказывающими непосредственное влияние на формирование национального рынка труда, а с другой стороны – нововведениями в системе профессионального образования, вызвавшими значительное увеличение выпуска специалистов с высшим и средним специальным образованием. К таким инновационным изменениям следует отнести, прежде всего, введение обучения за счет оплаты физическими лицами в государственных учебных заведениях, открытие частных высших и средних специальных учебных заведений, расширение приема на заочную форму обучения. Так, если в 1990/91 г. в стране насчитывалось 33 вуза, в которых обучались 188,6 тыс. студентов, то в 2010/2011 учебном году подготовка специалистов с высшим образованием осуществлялась в 55 вузах (из них 10 частных), в которых обучались 442,9 тыс. студентов [1, с. 183, 206]. Особенно интенсивно происходил рост количества обучающихся заочно: их число увеличилось в 3,3 раза (с 66,8 тыс. человек в 1990 г. до 220,5 тыс. человек в 2011 г.). За этот же период времени количество студентов на дневных отделениях вузов возросло в 1,9 раза (со 115,9 тыс. чел. в 1990 г. до 221,7 тыс. чел. в 2011 г.). Одновременно происходили процессы сокращения количества обучающихся на вечерних отделениях белорусских вузов – их численность уменьшилась в 8,4 раза (с 5,9 тыс. человек до 0,7 тыс. чел.) [1, с. 205].

Специалистов со средним специальным образованием готовили в 1990 г. 147 учреждений образования, в которых обучались 143,7 тыс. человек. За последующие двадцать лет количество учебных заведений этого уровня значительно возросло и в 2010/2011 учебном году составило 214 учебных заведений (в их числе 12 частных). Количество учащихся в них достигло 167,6 тыс. человек [1, с. 199, 200]. При этом число заочников возросло в 1,6 раза, а учащихся стационара – в 1,08 раза. В сфере среднего специального образования, также как и в сфере высшего образования, сокращалась подготовка специалистов на вечерней форме обучения. Количество учащихся-вечерников уменьшилось в 6,75 раза (с 5,4 тыс. чел.

в 1990 г. до 0,8 тыс. чел в 2011 г.) [1, с. 199].

В сфере профессионально-технического образования наблюдался обратный процесс. Если профессиональная подготовка квалифицированных рабочих (служащих) в 1990 г. велась в 225 профессионально-технических учреждениях образования, в которых в то время насчитывалось 141,1 тыс. учащихся, то к 2010 г. число ПТУ сократилось – до 219 учреждений, а количество обучающихся в них – до 106,0 тыс. человек [1, с. 182, 198].

Таким образом, в результате предпринятых нововведений в системе образования Республики Беларусь количество студентов, обучающихся в вузах, увеличилось за период с 1990 по 2010 г. в 2,34 раза, учащихся ссузов – в 1,16 раза. Что касается ситуации в сфере профессионально-технического образования, то практически были сохранены учебные заведения этого уровня, а количество учащихся ПТУ снизилось к 2010 г. в 1,33 раза.

Повышенный спрос населения Беларуси на профессиональное образование был поддержан белорусскими вузами и ссузами, реализующими свои маркетинговые стратегии по оказанию платных образовательных услуг, преимущественно, за счет расширения заочной формы обучения. На совещании педагогического актива в августе 2011 г. Президент Республики Беларусь обратил внимание на перекосы в подготовке кадров системой высшего образования, не учитывающей реальных потребностей экономики. Он отметил, что произошел «лавинообразный рост платной формы обучения, падение конкурса и приход в вузы малоподготовленных абитуриентов» [2, с. 3].

С появлением безработицы, вызванной переходом к рыночной экономике, обострились проблемы включения молодых людей в рынок труда. И если выпускники белорусских вузов, обучавшиеся за счет бюджета, являются более конкурентоспособными и могут обрести рабочее место при помощи государственного распределения, то выпускники-платники должны рассчитывать на свои собственные силы в вопросах трудоустройства. В условиях трансформации белорусского общества на рынке труда произошел сдвиг в сторону расширения применения социальных ресурсов при поиске работы. Использование личных связей (социальных сетей) при трудоустройстве приобретает все более масштабный характер. По данным авторского социологического исследования среди выпускников высших, средних специальных и профессионально-технических учебных заведений, 44,3% молодых людей рассчитывают задействовать именно этот канал трудоустройства. Из них 24,7% прибегнут к помощи друзей и знакомых, а 19,6% воспользуются прямой протекцией родителей и других родственников. Более весомым социальным капиталом отличаются выпускники вузов, половина которых (50,0%) рассчитывают именно на этот ресурс. Почти столько же выпускников ссузов (46,3%) также надеются на помощь родственников и знакомых в поиске работы. Среди выпускников ПТУ могут задействовать

неформальных посредников 37,0% (из них рассчитывают на поддержку друзей 27,3%, а на помощь родителей и родственников лишь 9,7% респондентов).

Материалы исследования позволяют определить не только предпочтения молодых людей в выборе каналов трудоустройства, но и зафиксировать их мнение по вопросу об эффективности этих посредников в трудоустройстве. Так, респонденты считают, что наибольшей эффективностью в трудоустройстве обладают неформальные посредники на рынке труда (социальные сети), что отметили 47,6% участников опроса. Самостоятельное обращение к нанимателю также расценивается как эффективный канал трудоустройства, на что указали 29,2% респондентов. Четверть выпускников (25,6%) считают эффективным государственное распределение.

Эффективность других посредников в трудоустройстве оценивается молодежью значительно ниже: 14,7% отмечают эффективность Интернет в содействии поиску работы; 9,4% выпускников отмечают эффективность частных агентств по трудоустройству; 6,1% – посреднические услуги печатных СМИ. Эффективность деятельности государственной службы занятости населения, по мнению респондентов, является крайне низкой (1,4%).

Обеспечение занятости молодежи в настоящее время является одной из важнейших задач, стоящих перед органами государственного управления, поскольку на протяжении ряда лет на белорусском рынке труда наблюдается несоответствие профессионально-квалификационной структуры спроса и предложения рабочей силы. Трудности связаны, прежде всего, с перепроизводством системой образования специалистов определенных профессий и недостаточностью объемов подготовки специалистов по некоторым дефицитным специальностям. Распространенные в общественном мнении населения представления о высокой престижности профессий экономической и правовой направленности на протяжении ряда лет обуславливают приток абитуриентов именно на эти специальности. Как следствие, избыточными на рынке труда являются юристы, экономисты, бухгалтеры, техники-технологи. В то же время в регионах ощущается недостаток агрономов, инженеров, медицинских работников (врачей, медсестер), квалифицированных рабочих. По данным мониторинга рынка труда, проводимого государственными органами по труду, занятости и социальной защите населения, национальный рынок рабочей силы ориентирован, в основном, на рабочие профессии, которые в 2011 г. составили 77,6 % от общего количества заявленных нанимателями вакансий.

Сложности с трудоустройством молодых специалистов связаны также с отсутствием у них опыта практической работы. Поскольку в настоящее время наличие трудового стажа выступает в качестве императивного требования нанимателя, актуализируется проблема

повышения уровня практической подготовки специалистов. На необходимость уделять больше внимания праксеологической составляющей профессионального образования также обратил внимание Президент в своем выступлении на совещании педагогического актива: «Нужно пересмотреть вузовские программы и в большей степени сориентировать их на практику. Должна осуществляться максимальная интеграция образования, науки и передового производства. Подготовка специалистов не может считаться полной без продолжительной практики на рабочих местах» [2, с. 3]. Повышение конкурентоспособности молодых специалистов на национальном рынке рабочей силы посредством приобретения опыта практической деятельности на передовых предприятиях страны должно стать одной из приоритетных задач отечественной системы высшего профессионального образования.

Литература

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011.
2. Лукашенко, А.Г. Школа – учебник жизни / Выступление Президента Республики Беларусь на совещании педагогического актива // СБ. Беларусь сегодня. № 164 (23804), 30.08.2011.

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

И.В. Сумченко

Мечта о справедливости как цели развития общества и как максимы, задающей идеальные нормы взаимоотношений между людьми, сопровождает всю историю человечества. Вместе с тем появление стремлений к достижению данного феномена неразрывно связано с формированием и развитием цивилизации как качественно новой, по сравнению с первобытностью, ступенью развития человеческого общества. Ведь размышления о справедливости, которые появились именно в этот период, уже означают попытку рационального истолкования мифологем о «золотом веке», «эре титанов», а также рационализацию представлений об иерархической структуре мира.

Справедливость выступает одним из самых многозначных и, соответственно, сложных для осмысления категорий в социогуманитарном знании, так как она выражает «социальное, политико-правовое и нравственное отношение к действительности с позиций должного» [1, с. 9]. Так, согласно выдающему русскому философу В.С. Соловьеву, можно выделить четыре различных смысла этой категории. «В самом широком смысле, – подчеркивает В.С. Соловьев, – справедливое есть синоним должного, правильного, нормального, верного вообще – не только в области нравственной (относительно воли и действия), но и в области

умственной (относительно познания и мышления)» [2, с. 205]. В данном случае, по мнению философа, справедливость следует рассматривать лишь как теоретический конструкт, который содержательно пересекается с понятием достоверности.

Действительно, в русском языке вплоть до середины XIX ст. слово «справедливость» обозначало, прежде всего, правильность, правдивость. «Еще «Словарь церковно-славянского и русского языка» СПб Академии наук фиксирует в 1847 г. этот признак «истинности» в значении слова «справедливость» как преобладающий» [3, с.113].

Во втором смысле справедливость как одновременно равное признание права за собой и другими людьми на жизнь и благополучие рассматривается как базовая социокультурная ценность общества. Иными словами, «дискурс справедливости связан с оценками отдельными индивидами и их группами своей роли и положения в обществе с точки зрения их соответствия/несоответствия, с одной стороны сложившимся в обществе социальным отношениям, с другой – идеалам подобных отношений» [4, с. 1].

Однако именно осознание того, что отношения в обществе несправедливы, могут побудить человека к действиям по изменению данной ситуации. Причем люди с целью обретения справедливости могут создавать такие обстоятельства и использовать такие средства, которые не соответствуют ситуации несправедливости, от относительно ненасильственных (например, «моралистическая агрессия») до totally насильственных действий (революционные события, военные действия и пр.).

В четвертом смысле, выделенном В.С. Соловьевым, происходит отождествление справедливости с правомерностью и следованию законам. Однако несоответствие «внешней» (легализированной) и «внутренней» («по правде») справедливости часто приводит к коллизиям не только правового, но и ценностного выбора человека.

Необходимо также подчеркнуть, что в современных изысканиях предметом анализа становится, прежде всего, социальная справедливость, которая активно исследуется правоведением, политологией, социологией, философией. Вместе с тем, недостаточно внимания уделяется тому моменту, что справедливость выступает также концептом, содержащим в себе аксиологическое измерение. Эту особенность представлений о справедливости необходимо учитывать при ее анализе, так как наряду с теоретическим, содержательным моментом в значении понятия «справедливость» имеет место также и чувственная, эмоциональная составляющая.

В связи с этим В.С. Соловьев выделяет третий смысл понятия «справедливость», подчеркивая, что он напрямую связан с трактовкой закона альтруизма. Альтруизм является ценностным измерением справедливости, по мнению мыслителя, он происходит из основополагающих для каждого человека нравственных чувств – таких как

сострадание и симпатия к живым существам, более широко как милосердие.

В данном контексте справедливость выступает неконгруэнтным отношением, тем самым снимается любая нравственная конгруэнтная коллизия. Человек поступает из альтруистических побуждений не потому, что ожидает от других людей таких же действий по отношению к себе, а по велению совести, из «чувства справедливости». Этот аспект понятия справедливости, на наш взгляд, должен учитываться в исследованиях, посвященных данной проблеме.

Литература

1. Социализм: социальная справедливость и равенство / под ред. А.П. Бутенко. – М., 1988.
2. Соловьев, В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О. А. Платонов. – М., 2012.
3. Плотников, Н. Право на достойное существование. К истории дискурса справедливости в русской мысли // Логос. 2007. – №5 (62). – С. 111 – 133.
4. Мартьянов, В.С. О возможности интегрального дискурса справедливости в России. – М., 2006.

ТИП ИНФОРМАЦИОННОГО МЕТАБОЛИЗМА ПСИХИКИ КАК ФАКТОР ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Е.С. Лученкова, А.П. Мядель

До недавнего времени по умолчанию предполагалось, что процесс взаимодействия (общения) между людьми носит стихийный характер и не укладывается в рамки каких-либо закономерностей. Ситуация изменилась с появлением соционики – научной дисциплины, исследующей механизмы информационного метаболизма (обмена). Это научное направление представляет психику в виде шестнадцати возможных типов личности и соответствующих им шестнадцати типов отношений между индивидами. Каждый из этих типов базируется на восьми основных элементах, которые необходимы человеку для информационного метаболизма. Тип информационного метаболизма (ТИМ) индивидов обеспечивает им достаточно типичное поведение в тех или иных ситуациях, а также схожесть мотивации в решении определенных задач.

В связи с этим можно говорить о восьми аспектах информационного потока, которые каждый человек может воспринимать с помощью своей психики из окружающего мира. При этом психика одних людей значительно лучше воспринимает одни информационные аспекты, психика других – другие. Это значит, что «воспринимающий механизм» разных типов психики оснащен разными «принимающими» устройствами. Например, сознание, которое базируется на экстравертной логике, более успешно воспринимает информацию, проходящую именно по этому

аспекту информационного потока. Кроме этого существует еще одна дихотомия, являющаяся важной характеристикой психики каждого человека: рациональность – иррациональность. В данном случае под рациональностью понимают расчлененность и упорядоченность в организации психических функций, их последовательный характер, когда последующая мысль вытекает из предыдущей по закону причины и следствия. Рациональными функциями считаются логика и этика. Иррациональность представляет собой целостность и неразрывность в восприятии мира, волновой, диффузный характер психических функций, ассоциативность в построении суждений, когда соседствующие понятия соединяются вероятностной, беспричинной связью. Иррациональными функциями выступают сенсорика и интуиция: рациональная экстравертная этика – «этика эмоций»; рациональная интровертная этика – «этика отношений»; рациональная экстравертная логика – «деловая логика»; интровертная рациональная логика – «логика соотношений» или «структурная логика». Точно также можно говорить и об иррациональном ряде. Иррациональная экстравертная интуиция носит название «интуиции возможностей», иррациональная интровертная интуиция означает «интуицию времени», иррациональная экстравертная сенсорика называется «волевой сенсорикой», иррациональная интровертная сенсорика получила название – «сенсорика ощущений».

По мнению основателя соционики А. Аугустинавичуте, психика любого человека оснащена всеми возможностями для приема восьми аспектов информационного потока, а в качестве «принимающих устройств» для этого выступают функции. Функции ментального кольца обладают большей полнотой, человек пользуется ими осознанно, решая по этим функциям творческие задачи. На уровне витального кольца в основном решаются повседневные задачи иногда неосознанно, в автоматическом режиме.

Для измерения роли содержания психической функции в зависимости от ее места расположения в модели пользуются понятием «мерность функции» или «параметры». Понятие «мерность» значительно уточняет представления о типе информационного метаболизма. Мерность позволяет представить модель как целостную систему, разомкнутую по отношению к квадрату. Квадрат – это объединение из четырех социотипов с высокой степенью внутренней комфортности, в которой поддерживается темпераментный баланс и согласие относительно коммуникативных приоритетов.

Первая функция четырехмерная и обрабатывает информацию по четырем координатам: ситуации, нормы, момент времени, самость; вторая – по нормам, ситуации и самости в фиксированный момент времени; третья – по координатам нормы и самости при фиксированных моментах времени и ситуации; четвертая – по личностному опыту при фиксированных моментах времени, ситуации и норм. Эта болезненная для

человека функция, которая наполняется лишь за счет собственного жизненного опыта.

В витальном кольце функции также имеют определенную мерность, но степень их развитости располагается в обратном порядке. Пятая функция – одномерная, она обрабатывает информацию по координате индивидуального опыта; шестая – двумерная – по координатам индивидуального опыта и нормам в фиксированные моменты времени и в фиксированной ситуации; седьмая – трехмерная – по координатам индивидуального опыта, нормам, по ситуации в фиксированный момент времени; восьмая – четырехмерная – обрабатывает информацию по координатам индивидуального опыта, нормам, ситуации, времени.

Нормы в витальном кольце отличаются от норм ментального кольца. Если ментальное кольцо ориентируется на социальные нормы, то в витальном кольце можно говорить об индивидуальных нормах. Исходя из этого, максимальное количество информации под силу обработать первой функции, меньшее – четвертой ментального кольца. Полнее всего информация проходит по первым двум функциям ментального кольца, то есть блока «EGO». В блоке «EGO» первая – базовая функция активно собирает информацию по своему аспекту, вторая работает как творческая, опираясь на информацию, предоставляемую первой функции. Так, блок «EGO» включает в себя в качестве первой функции структурную логику, в качестве второй – волевую сенсорику. Такой набор функций означает, что его обладатель оптимальным образом собирает информацию, систематизирует ее, упорядочивает, выясняет расстановку сил, а затем с помощью волевого воздействия стремится реализовать ее в жизни, поддерживая знания в систематизированном виде.

Второй блок функций в ментальном кольце под названием «SUPER-EGO» демонстрирует, какие элементы информационного метаболизма отвечают у каждого типа за процесс социализации. Фактически блок «SUPER-EGO» делает акцент на требованиях, которые предъявляются к данному ТИМу обществом. Третья функция – ролевая – двумерная становится активной в тех условиях, когда человеку нужно проявить себя, показать свои лучшие качества.

Третий блок «ID» расположен в витальном кольце, представлен седьмой (ограничительной, трехмерной) и восьмой (фоновой, четырехмерной) функциями. Его функции находятся в подсознании, но работают достаточно активно. По ограничительной функции человеку хорошо удается ограничивать не только себя, но и других, особенно в экстремальных ситуациях. Фоновая функция обеспечивает прохождение присущей информации «без слов на деле». Рассмотрим, как работают эти функции у интуитивно этического интроверта. Ограничительная функция у интуитивно логического интроверта – это интуиция возможностей. По ней он не только подсознательно хорошо чувствует возможности других людей, но и легко их ограничивает с помощью всевозможных уточнений и возражений, высказываемых по конкретным поводам. Если дело касается и

самого интуитивно этического интроверта, то он также подходит и к ограничению своих собственных возможностей. В качестве фоновой функции у интуитивно этического интроверта работает этика отношений, что позволяет ему легко и непринужденно строить отношения с людьми, находить наилучшие способы и выходы из конфликтных ситуаций.

Для того чтобы человек мог воспринимать все восемь аспектов информационного потока, он должен обладать восьмью соответствующими функциями. Первые четыре функции представляют собой так называемое ментальное кольцо. Функции, входящие в него, осознанные, то есть контролируемые («EGO» и «SUPER-EGO»). Нижнее витальное кольцо содержит функции представляющие наше подсознание («SUPER-ID» и «ID»). Функции у каждого ТИМа не равны по своей мощности. Одни развиты лучше, являются более сильными, другие хуже и соответственно слабее.

Блок «SUPER-ID», расположенный в витальном кольце, содержит в себе пятую (суггестивную, одномерную) и шестую (референтную, двумерную) функции. Суггестивная функция не критично и с благодарностью воспринимает всю информацию, которая проходит по этому направлению, а в частности электоральному процессу, следовательно «непросчитываемые» переменные здесь будут играть особую роль. Референтная функция ориентирована на ценности так называемой референтной группы. По ней человек сверяется с нормами, принятыми в его ближайшем окружении. Под воздействием групповых ценностей формируются первичные, базовые установки личности; когнитивный потенциал личности; общественное мнение; общественное настроение.

ОТЧУЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А.М. Дубравина

Современное общество принято обозначать при помощи таких категорий как «постиндустриальное общество», «общество постмодерна», «информационное общество». И это не просто терминологическое разнообразие: каждая из данных категорий открывает нам специфическую сторону изучаемого предмета. Так, например, термин «информационное общество» указывает на значение информации для развития современного социума.

Отказ от не критического восприятия модели информационного общества с характерным для нее технологическим детерминизмом открывает перспективу более адекватной интерпретации компьютерной революции и связанного с ней процесса виртуализации общества. Становится очевидным, что приоритетным в последние годы XX в. стало

развитие не информационных, а симуляционных технологий – технологий виртуальной реальности [1, с. 13].

В числе важнейших проблем, вызванных принципиально новыми условиями социального развития информационного общества, можно назвать обусловленное виртуализацией и связанное с ней отчуждение личности. Эти глобальные проблемы, так или иначе затрагивающие все народы нашей планеты, заметнее всего проявляются в информационно развитых странах. Вероятно, очень скоро они распространятся на другие регионы мира [2].

Виртуализация общества – принципиально новая тенденция социальных изменений, возникающих на рубеже XX – XXI вв. Суть ее в том, что в жизненно важных сферах общества происходит замещение реальных вещей и действий их искусственными образами. Нынешнее человечество активно формирует вокруг себя новый иллюзорный мир символов, который существует параллельно с реальным, физическим, как неотъемлемая часть нашего бытия.

В современном русском языке понятие «виртуальный» имеет несколько смысловых значений. Чаще в научной и научно-популярной литературе этот термин используется для обозначения искусственной реальности (киберпространства), создаваемой человеком при помощи новейших средств компьютерной техники и кибернетических систем. Эта искусственная реальность и получила в последние годы название виртуальной [3, с. 131].

В контексте рассматриваемой нами проблемы слово «виртуальный» имеет значение «кажущийся», «условный», т.е. не существующий реально [4, с. 122]. Под виртуализацией может пониматься «заметный на всех уровнях социального мира комплекс процессов, основой которых является создание поверх и/или вместо материальной реальности другой, идеально фантазийной, имагинативной реальности. Эта виртуальная реальность (точнее говорить о множестве виртуальных реальностей) замещает реальную жизнь и материальные факты, используя природную способность человека к воображению и уходу от материальных ограничений» [5, с. 149]. В рамках концепции технологического детерминизма достаточно полно отражен конструктивный потенциал компьютеризации, а значит и виртуализации. В числе плюсов указывается: расширение коммуникативных возможностей, развитие искусства в плане доступности художественных ценностей («виртуальные экскурсионные туры»), открытие новых ресурсов для научных исследований и т.д.

Безусловно, все вышеописанные позиции очень значимы для общественного прогресса. Однако, как любое сложное явление, виртуализация имеет и негативные результаты. Они не столь очевидны, но имеют серьезные отдаленные последствия, поскольку виртуализация как социальный процесс заключается в сознательном конструировании таких условных феноменов, которые постепенно приобретают статус основных и базисных [5]. Несмотря на то, что создаваемые реальности правдоподобны,

все они имеют мощнейшие компоненты игры, необязательности и неустойчивости. В качестве примеров можно привести онлайн-игры, виртуальную коммуникацию в социальных сетях и живых журналах, создаваемые на телевидении ток-шоу, виртуальные реальности художественной литературы. Реклама также представляет нам «якобы реальность» и становится областью неосуществимого идеального.

Пребывание человека в виртуальном пространстве создает иллюзию участия в освоении реальной действительности, иллюзию общности и коммуникации. На самом деле эти базовые потребности остаются нереализованными, что ведет к отчуждению личности. Отчуждение можно определить как «выталкивание индивидов за рамки освоения и присвоения ими содержания общественной жизни по причине возникновения условий, враждебных самому человеку как носителю духовно-культурных и гуманистических аспектов своего существования». Отчуждение имеет множество аспектов своего проявления. Отчуждение, вызываемое виртуализацией, охватывает не только бытие человека в различных сферах общественной системы (от экономической до культурной и социальной), но и межсубъектные отношения, а также отношение человека к самому себе (феномен «раздвоения личности») [6, с. 116].

Такое отчуждение вызывает у личности чувство подсознательного беспокойства, дискомфорта, фрустрации. Порой уход в вымышленный мир инициирует эмоциональные состояния, порождающие психические заболевания. Граница и предел виртуализации – смерть. Человек как бы отчуждается от реальной жизни, полностью погружаясь в виртуальное пространство. Уже сегодня существуют примеры, когда люди в результате гипертрофированного увлечения компьютерными играми оказывались в болезненной зависимости от киберпространства, которая приводила к саморазрушению личности и даже к летальному исходу.

Известным российским психологом и психотерапевтом Р.Р. Гарифуллиным разработана Концепция Российской психологической безопасности, в которой автор один из разделов посвятил проблеме виртуализации общества. Он утверждает, что виртуализация способствует шизофренизации (в частности аутизму) общества. Эту мысль подтверждают данные исследований: «около 66% респондентов отдают предпочтение виртуальным и искусственным мирам (наркотической и электронной виртуальности). Иными словами, значительную часть времени наше общество проводит за экранами своих телевизоров. Благодаря телевидению, общество постепенно превращается не в созидателей, а в наблюдателей себя. Компьютеры в большинстве случаев используются в чисто потребительских целях. Так, например, доля использования Интернета для научных исследований на 31% ниже, чем в развлекательных целях. Благодаря систематическому погружению людей в алко-, наркотические и электронные виртуальные миры воспитываются такие деструктивные установки личности как установка к воображаемому

удовлетворению потребностей, установка к быстрому удовлетворению потребностей при малых затратах усилий, установка к пассивным способам защиты при встрече с трудностями, установка к неприятию на себя ответственности за совершаемые поступки, установка к предпочтению эгоцентрических мотиваций альтруистическими, установка к малой опосредованности деятельности, установка довольствоваться временным и не вполне адекватным потребности результатом деятельности. Это опасная тенденция, ведущая к росту многочисленной армии бездельников и филистёров» [7]. Кроме того, исследователем выявлена корреляция между наркотизацией и виртуализацией общества.

Причиной стремления в виртуальный мир, несмотря на его потенциальную опасность, несостоятельность, очевидную суррогатность как аналога реальности, является не только приоритетность техносферы, но и сложившаяся в обществе система ценностей чувственной культуры (П.А. Сорокин), все чаще получающая название идеологии вседозволенности. «Идеология вседозволенности превозносит и всячески оправдывает установку на человеческую активность, вне меры над нею, безотносительно к каким бы то ни было безусловным ценностным смыслам. Попытка радикального продвижения по пути удовлетворения одних потребностей человека, связанных в первую очередь с его материальным благополучием и пренебрежение к потребностям высшего, духовного характера приводит к отчуждению человеческой личности, а, в конечном счете, деформации всей общественной системы» [6, с. 122].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что виртуализация общества – амбивалентный феномен: наряду с положительными аспектами, он содержит черты, негативно влияющие на развитие личности. Это представляет серьезную опасность для дальнейшего устойчивого развития общества. Поэтому изучению отношений личность – виртуальная реальность необходимо уделить серьезное внимание.

Литература

1. Иванов, Д.В. Виртуализация общества. – СПб., 2000.
2. Колин, К.К. Проблемы информационной цивилизации: виртуализация общества // Библиотекосведение. – 2002. – №3. – С. 45—57.
3. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политология / Главн. научн. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск, 2002.
4. Булыко, А.Н. Большой словарь иноязычных слов. 35 тысяч слов. – М., 2004.
5. Харламов, Н.А. Миры и агенты виртуализации общества // Философские науки. – 2007. – №4. – С. 149–150.
6. Джерелиевская, И.К. Социальный порядок и отчуждение личности // Социально-гуманитарное знание. – 2009. – №4. – С. 116–124.
7. Гарифуллин, Р.Р. Концепция Российской психологической безопасности // Пси-фактор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/garifullin5.htm>. – Дата доступа: 04.04. 2012.

МЕХАНИЗМЫ ОТЧУЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.В. Бурсевич

Дискуссия о подавлении творческих способностей и отчуждении личности в современном социуме была начата еще в середине XX века франкфуртскими представителями «западного» марксизма. Современное общество – пишет Г. Маркузе, – «это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе» [1, с. 17]. Для характеристики окружающего нас общественного устройства мыслитель вводит понятие «репрессивной цивилизации» [2], которая в самих своих истоках имеет подавление жизненных инстинктов человека и базируется на принципах господства и принуждения. Однако сегодня ядро репрессивных механизмов конденсируется не вокруг властных институтов, но вокруг феномена идеологии, а точнее, консьюмеристской идеологии индустриального общества, ставшей, по мнению многочисленных исследователей, мягким, но при этом эффективным средством скрытого подавления.

Истоком современного положения вещей М. Хоркхаймер и Т.В. Адорно считают устремление к тотальной рационализации социальной жизни, ставшей основой западной цивилизации еще в эпоху Просвещения, которое и приводит, парадоксальным образом, к последующей неизбежной ремифологизации социальной жизни и господству идеологии потребления. Отмечая тот неоспоримый факт, что для современного общества проблемы экономики и производства постепенно отходят на второй план по сравнению с достижениями в сфере культуры, науки, массовых коммуникаций и индустрии развлечений, исследователи отмечают и то, что репрессивные механизмы постепенно захватывают именно эти сферы эстетической и культуросозидающей деятельности. Последние под давлением идеологических изменений превращаются в культуриндіустрию – целую отрасль по производству культуры как товара, воспроизводящего доминирующую идеологию и модель социального устройства.

Поскольку господство в современном обществе строится на основе «технической рациональности», т.е. на принципах управляемости, стандартизации и серийности, рациональность производства выливается в рациональные и продуманные способы подавления и манипулирования, развитие машины оборачивается машинерией господства». Процесс подавления личности оказывается тем более простым, чем более «одномерным» становится мышление человека, которое сегодня выстраивается на основе отрицания всего, что не укладывается в заранее заданные шаблоны.

Идеологии нового общества, по мнению франкфуртцев, уже не репрезентируют локальные интересы социальных групп. Процессы

массовизации, захватившие социум, низводят вопрос классовой принадлежности на периферию социальных проблем. Взамен старых классовых идеологий приходит эра новой эрзац-идеологии, которая в отличие от локальных идеологий, защищающих интересы отдельных групп, ставит под угрозу эмансипацию всего человеческого рода и затемняет для рефлексии реальные основы общества.

Основными механизмами этой новой тотальной и тоталитарной идеологии становятся, во-первых, отвлечение человека от действительно важных социальных проблем путем создания ложных потребностей и последующего их удовлетворения средствами культуры индустрии: ведь «быть удовлетворенным означает быть согласным» [3, с. 181]. В свою очередь, навязывание товара и удовольствия как фетиша оборачивается конструированием, с одной стороны, суррогатных идентичностей, основанных на копировании сходства с другими и конформизме, а с другой – псевдоиндивидуальности как призрачной альтернативе подчинению. Теперь любая идентичность выставлена на продажу; заплатив ту или иную сумму денег, можно приобрести общественный статус и самоуважение, или даже претензию на оригинальность и эксцентричность. Так посредством идеологических механизмов, названных Л. Альтюссером «интерпелляцией» [4, с. 48], происходит превращение личности в объект воспроизводства, обеспечивающий общественную солидарность и добровольное подчинение идеологическим стереотипам. В таких условиях различия и особенности остаются лишь видимостью, «вплоть до терпимого либерального мультикультурализма как опыта Другого, лишённого своей «другости» [5, с. 18], что приводит к подмене подлинного жизненного выбора на фальшивый выбор потребления.

Для сохранения живой человеческой природы необходимо прорвать всеобщее овеществление, однако все, что исследователи могут противопоставить современному положению вещей, – это критику как полагание предметом своего мышления его само и состояние общества, определяющее это мышление. Как откровенно пишет Г. Маркузе: «Критическая теория общества не располагает понятиями, которые могли бы перебросить мост через пропасть между его настоящим и будущим; не давая обещаний и не демонстрируя успехов, она остается негативной» [1, с. 338].

Однако не все исследователи настолько пессимистично оценивают процессы, происходящие в социуме, и находят более действенные способы и лазейки для возможного сопротивления идеологическому влиянию. Одним из таких вариантов оказывается, например, ирония. Однако ирония не столько взрывает идеологические стереотипы, сколько, пусть негативным образом, способствует их воспроизводству. Кроме того, как отмечает П. Слотердаjk именно ирония в форме «цинического разума» стала отличительной особенностью современной эпохи.

Иной вариант – не выстраивать ментальные опосредующие звенья по отношению к жизни, но оказывать сопротивление на уровне самой

повседневности, которая, несмотря на подавление идеологией, всегда предлагает перечень сугубо индивидуальных тактик и практик, в которых оказывается возможным найти собственное лицо и свободу самовыражения. Что на сегодняшний день и демонстрируют ростки демассовизации, благодатной почвой для которых является обширное пространство Интернета.

Представители же различных направлений дискурс-анализа, исследующие, как идеологии воплощаются в обыденных и институализированных разговорах и текстах, в свою очередь отмечают, что, несмотря на свою воздействующую силу, дискурсы, тексты и визуальные знаки, тем не менее, могут быть восприняты по-разному. Как отмечают Э. Лакло и Ш. Муфф, даже в самой закрытой социальной системе всегда существуют области с неустановленными и плавающими значениями, за фиксирование которых и происходит постоянная борьба между идеологиями [6]. Общество не может быть монолитом, но скрывает в себе социальный антагонизм, где идентичности и системы идеологических ценностей борются и исключают друг друга. В наивысшей степени это касается информационного общества с его разорванной субъективностью, в котором реальной альтернативой, как подчинению властному манипулированию, так и хаотической неопределенности, оказывается бросание себя в дело, в творчество, в том числе и политическое, в ходе которого и осуществляется активный и сознательный выбор собственной идентичности.

Литература

1. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М., 1994.
2. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. – М., 2003.
3. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М., 1997.
4. Althusser, L. Ideology and Ideological State Apparatuses // On ideology. – London; New York, 2008. – P. 1–61.
5. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального. – М., 2002.
6. Laclau, E. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics / E. Laclau, Ch. Mouffe. – London, 1992.

СУЧАСНІ АНТРАПАЛАГІЧНІ КРИЗІС: ХРИСЦІЯНСКІ ПОГЛЯД

Л.Я. Кулажанка

Для багатьох сучасних аналітиків ставиться питання, чи дійсно найкращим способом протидії глобальній катастрофі, яка загрожуватиме чалавечеству – антрапалагічній (знищенню чалавечача у самім чалавеку) можна уникнути тільки протидіючи на сапраїдні моральні каштоїнасці, цесна зв'язанія з духоїнімі

крыніцамі, перш за ўсё рэлігійнымі [1, с. 16]. Прадстаўнікі рэлігійнай філасофіі і культуралогіі прычыны крызісу цывілізацыі, культуры, маралі і самага чалавека выводзяць з хрысціянскай антрапалогіі і эсхаталогіі. Згодна з хрысціянскай антрапалогіяй, чалавек з'яўляецца вянцом тварэння і цэнтрам сусвету, ён надзелены высокай вартасцю і асаблівым прадназначэннем. Але пры гэтым чалавек, як і чалавечая супольнасць наогул, не можа развівацца, не маючы крыніцы жыцця, духоўнасці, творчасці і натхнення, і адзіная такая крыніца знаходзіцца не ў чалавеку, а па-за яго межамі, незалежна ад яго псіхікі, душэўных перажыванняў і г.д. Пазбаўленасць і адарванасць ад крыніцы духоўнасці (Духу) вядзе чалавека і культуру да заняпаду і непазбежнай дэградацыі. У гэтым, дарэчы, назіраецца аднадумства прадстаўнікоў усіх хрысціянскіх канфесій [2, с. 74].

Вытокі крызісу сучаснага чалавека хрысціянская філасофія бачыць у спробе «новага» (узросшага з рэфармацыі) секулярнага гуманізма стаць альтэрнатывай рэлігіі і наступнай дэсакралізацыяй чалавека, грамадскіх адносін і культуры. Гуманізм як агульнафіласофскі і метадалагічны прынцып быцця сучаснай індустрыяльна-тэхналагічнай цывілізацыі стаў альтэрнатывай рэлігійнай веры, пры ён гэтым выхаласціў асноўныя крыніцы сапраўднай духоўнасці, маральнасці і культурнай творчасці [2, с. 74]. «Культура не можа замяніць собой крыніцу вышэйшых каштоўнасцей, якой з'яўляецца рэлігія. Перарваная або скажоная сувязь яе з асабістым светам веры і царкоўнай супольнасцю пагражае ёй дэманізацыяй і выраджэннем...» [3, с. 319]. Выхад у вяртанні «да жывой энергіі рэлігійнай свядомасці», сапраўднай духоўнасці.

Духоўнасць у рэлігійнай філасофіі разглядаецца як катэгорыя, якая вызначае базавую арыентацыю чалавека – яго свядомасць, сістэму адносін, творчасць і інш. Для пазнання духоўнасці чалавека з метадалагічнага пункту гледжання неабходна выйсці за межы самага чалавека і прызнаць быццё Абсалютнай духоўнасці (Слова-Логас), які з'яўляецца адзінай крыніцай духоўнасці, а чалавек па меры духоўнага ўдасканалення (перамянення) можа стаць умясцілішчам Духа, ці Боскай энергіі [4, с. 223–224]. Згодна з хрысціянскай філасофіяй, менавіта духоўнасць як вышэйшая каштоўнасная катэгорыя, з'яўляецца крыніцай высокай культуры і творчасці, выступае гарантыяй гармоніі Бога і чалавека, чалавека і чалавека, чалавека і грамадства, чалавека і прыроды.

Дасягненне духоўнасці, з хрысціянскага пункту гледжання, патрабуе ўнутранага перамянення чалавека, прычым перамянення не з прычыны знешніх фактараў, а па ўнутранай духоўнай патрэбнасці быць годным свайго высокага прадвызначэння. Духоўнасць не дасягаецца адным толькі самаўдасканаленнем, этычнымі паводзінамі, адукаванасцю, культурнасцю і г.д. Духоўнасць – гэта раскрыццё сутнасці чалавека, але не праз самага сябе, а праз Бога. Па словах А.Ф. Лосева, «маральнае абнаўленне нашых душ ствараецца ў сінергіі Бога і чалавека» [5, 355–359], гэта значыць, у злучэнні тварных энергій чалавека і нятворнай Боскай энергіі. Духоўнасць

у такім разуменні адначасова выступае як фундаментальная і адзіная сэнсоўная арыентацыя чалавека, сапраўдны сэнс яго быцця.

Літаратура

1. Слесинский, Р. Зов любви. – Минск, 2008.
2. Taylor, Charles. A Secular Age. Cambridge, Mass., 2007.
3. Ильин, А.И. Собрание сочинений / А.И. Ильин. – Т. 1. – М., 1993.
4. Павлов, В.А. Духовность и ее экспликация в пространстве права и государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1532660.html>. – Дата доступа: 11.03.2011.
5. Лосев, А.Ф. Личность и абсолют. – М., 1999.

САМОСОЗНАНИЕ КАК КОНСТРУИРУЕМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Н.С. Ильюшенко

Самосознание представляет собой сложный феномен, механизмы функционирования которого еще не до конца изучены. Определяя самосознание как неотъемлемую сторону сознания, выражающую данность субъективной реальности субъекту [2, с. 336], следует указать на принципиальное его свойство – конструируемость.

Длительное время в истории философии индивидуальное самосознание понималось как то, что характеризуется целостностью, замкнутостью своих границ, неизменностью и самоидентичностью. Самосознание трактовалось как совпадение человеческого Я с имманентной основой бытия, которой он всецело причастен и которая является его изначальной природой. Эта внутренняя сущность человека, однако, не открыта и не дана индивиду непосредственно. Понимание того, кем является человек, требует от него определенной работы по самопрояснению и самопознанию.

Однако постепенно сложилась и получила свое развитие принципиально иная точка зрения на сущность самосознания, связанная с отказом от ориентации на поиск неизменного, субстанциального его начала. В рамках конструктивистского подхода, истоки которого обнаруживаются в философии Дж. Вико, Дж. Беркли и И. Канта, закладываются основы трактовки самосознания как конструируемой реальности.

Согласно И. Канту, все наше знание, включая также представления о самих себе, является результатом особого рода конструирующей активности содержащихся в субъекте априорных структур чувственности и рассудка. При их отсутствии никакой опыт не был бы возможен вообще. Реальность как таковая, будь то реальность внешних по отношению к нам объектов, или же внутренняя реальность нашего Я, согласно такому подходу, никогда не дается нам в том виде, как она существует сама по себе, но конструируется субъектом в результате прохождения опыта через

сетку имеющихся у субъекта категорий. Данные категории мыслились философом как универсальные, изначально присущие человеческой природе. И. Кант не обращался к рассмотрению биологических, социальных или культурных предпосылок их формирования. Также он утверждал, что имеется только один, общий для всех набор категорий, упорядочивающих недифференцированные восприятия, порождаемые «вещами-в-себе» [5].

Современные конструктивисты, среди которых следует назвать имена Э. фон Глазерсфельда, П. Бергера, Т. Лукмана, К. Джерджена и др., отстаивают позицию, согласно которой, наше самосознание обусловлено социальным и культурным опытом. Категории, в которых происходит осмысление мира и самого человека, являются производными, а не предпосланными нашему опыту. Они не обусловлены природой вещей, не даны Богом, но образуются в процессе взаимодействия человека и мира. Категоризация всегда осуществляется на основе опыта в контексте конкретной исторической практики. Категории не могут быть усвоены индивидом вне процесса его жизнедеятельности, в которой они только и приобретают статус базовых и смыслообразующих (см. об этом: [1]). Более того, разные люди могут пользоваться не одинаковыми концептуальными схемами [3, с. 148], поскольку в каждой культуре существуют особенные для нее сферы опыта и деятельности, обуславливающие специфичность категориальной сетки.

Описание самосознания как конструируемой реальности предполагает выявление конкретных способов и механизмов образования категорий, посредством которых происходит осмысление человеком его бытия, выстраивание целостного и устойчивого представления о себе. Каков же этот механизм? Признавая всю сложность данной проблемы и ограниченность объема данной статьи, не позволяющей рассмотреть вопрос в его полноте, остановимся на выявлении роли процедур метафоризации при конструировании индивидом образа себя. Другими словами, метафора будет рассматриваться как средство формирования и постижения внутренней реальности человеческого Я.

Механизм метафоризации лежит в основе категоризации мира в целом, его различных предметных областей, а также человека. Способность метафоры детерминировать видение реальности была исследована Д. Лакоффом и М. Джонсоном в работе «Метафоры, которыми мы живем» [4]. Ученые установили, что структурирование нами нашего опыта подчинено процедурам метафоризации, что предполагает осмысление и переживание явлений одного рода в терминах другого рода, перенос одних структур на другие. В результате произведенного переноса (который осуществляется как установление аналогии) и появляется своеобразное видение, образ мира и самих себя, задающий функционирование сознания и самосознания.

По принципу метафорического переноса человек осмысляет себя в мире, проводя аналогии между собой и окружающим его животным миром

(человек – зверь), миром искусственных объектов (человек – машина), а также миром божественных сущностей (человек – Бог). В разные исторические периоды в качестве наиболее влиятельных и обуславливающих представление индивида о себе, выступали разные метафоры: примерами могут служить «вожделирующее самосознание» Г. Гегеля, аналогия человека и товара К. Маркса, идея «зеркального Я» Ч. Кули. В зависимости от специфики исторического опыта в различных социокультурных условиях, эти фундаментальные метафоры могут быть конкретизированы в более частных метафорических схемах, помогающих своим adeptам формировать целостный образ себя, вписывать себя в окружающую социальную и природную действительность, в которой им приходится существовать и действовать.

Следует подчеркнуть, что хотя конструктивизм рассматривает самосознание человека как конструируемую реальность, заданную работой метафорических структур, было бы ошибочным говорить о его произвольности. Самосознание не является результатом установления произвольных аналогий. Оно всегда уже определено некоторой социальной и культурной практикой, способами взаимодействия и языком. Однако такая обусловленность не является абсолютной. Напротив, конструктивизм настаивает на признании творческого начала в человеке. Тот факт, что самосознание имеет социокультурную размеренность, не ограничивает свободы человека в построении образа себя. Феномен самосознания в данном теоретическом подходе понимается как активный процесс самоформирования, в котором индивид способен выбирать из множества предлагаемых культурой сценариев самореализации те, которые наилучшим образом отвечают его личностным запросам, при необходимости «переописывая» себя.

Для современного белорусского общества анализ метафорических образов, посредством которых происходит осознание себя представителями различных социальных групп, весьма актуален. Такое исследование может раскрыть специфику самосознания носителей белорусской культуры на различных уровнях: индивидуальном, групповом, национальном, – а также выявить причины существующих проблем самосознания и обозначить возможные пути их преодоления. Изучение потенциала метафорических схем применительно к проблеме самосознания, может способствовать разработке более эффективных моделей социального управления, стратегий образования в целях преобразования общества.

Литература

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман – М., 1995.
2. Краткий философский словарь / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев [и др.]; под ред. А.П. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.

3. Лакофф, Дж. Когнитивная семантика (Из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») / Дж. Лакофф // Язык и интеллект: сб.; пер. с англ. и нем.; сост. и вступ. ст. В. В. Петрова – М., 1996. – С. 143–184.
4. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой / общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – М., 1990. – С. 387–416.
5. Харре, Р. Конструкционизм и основание знания // Вопросы философии. – 2006. – № 11. – С. 94–103.

ПРОБЛЕМА «ДРУГОГО СОЗНАНИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

А.Р. Каримов

Анализ проблемы «другого сознания» является важным для развития современной философской антропологии. Это связано с тем, что данная проблема находится на пересечении научного и чисто философского анализа. Философская антропология в конце XX – на пороге XXI века немислима без интеграции со всем комплексом конкретно-научного знания о человеке, и, прежде всего, когнитивно-научного. Традиционное определение человека как биосоциального существа является либо тривиальным, либо нуждается в существенном прояснении отношения между биологическим и социальным. Даже вопросы морали, которые традиционно относились к свойствам человека как социального существа, пересматриваются в свете биологических интерпретаций [1, с. 97-100]. В связи с этим, обсуждается вопрос: может ли сознание (высокоуровневая система) быть редуцируемо к свойствам низкоуровневой системы (мозга)? Положительный ответ на этот вопрос открывает концептуальную возможность для различных биологических модификаций человека, появления искусственного интеллекта и т.д. Одним из аспектов этой проблемы является вопрос: откуда мы знаем, что другие люди обладают сознанием (проблема «другого сознания»)? А в более радикальной постановке вопроса: откуда мы знаем, что мы сами обладаем сознанием? Последняя постановка вопроса уже не кажется столь абсурдной после выхода книги Р. Докинза «Эгоистический ген», в которой он выдвигает гипотезу о том, что единицей эволюции являются не особи, а гены. Также, он формулирует понятие «мема» – идеи, которая реплицирует себя в сознании людей так, что-то, что я считаю «моим» в сознании является паразитом, подобно вирусам, которые мимикрируют под антигены человека, чтобы иммунная система не распознала их [2, с. 126]. Кроме того, как отмечает Д.И. Дубровский, теоретический анализ проблемы Другого сознания «способен в существенной мере содействовать разработке тех аспектов проблемы сознания, которые стали особенно актуальными в условиях информационного общества» [3, с. 153].

Рассмотрим формулировку и основные подходы к решению проблемы «другого сознания». Данная проблема, по замечанию Д.И.Дубровского, крайне слабо освещена в отечественной литературе, но она широко обсуждается в современной англо-американской философии. В «Стэнфордской энциклопедии философии» эта проблема формулируется просто: как можно обосновать веру в то, что другие люди, кроме меня обладают сознанием [4]? Обычно эта проблема анализируется как чисто эпистемологическая, но можно показать, что эта проблема имеет и онтологическое измерение. Данный вопрос имеет давнюю историю, которую можно начать с отрицания Декартом наличие психики у животных. Согласно Декарту, животные не обладают психикой подобно человеку, поскольку не обладают бессмертной душой, и являются всего лишь искусно сконструированными Создателем машинами. Когда мы видим, что собака виляет хвостом при виде хозяина, мы не должны приписывать ей чувство радости. Имеет место лишь механический процесс, который не сопровождается неким «внутренним миром». Допустим, что мы отвергаем гипотезу о существовании души. Тогда что мешает применить тот же самый аргумент и к другим людям? Насколько может судить скептик, все люди (кроме него самого) могли бы быть искусно сконструированными биороботами, которые во всем похожи на обычного человека, за исключением того, что они не обладают сознанием. Если оставить в стороне вопрос о психике животных и задаться вопросом о человеке, то можно допустить следующую аналогию. Я знаю то, что обладаю сознанием, поскольку имею непосредственный доступ к созерцанию моих ментальных состояний. Поскольку я не имею непосредственного доступа к созерцанию ментальных состояний других людей, то судить о наличии у них сознания я могу лишь по аналогии. Например, если Другой демонстрирует определенный тип поведения (например, стонет, кривит лицо), то я делаю вывод, что он имеет определенное внутреннее переживание (в данном случае, боль), поскольку в аналогичном случае на его месте, я бы демонстрировал то же самое поведение. Однако данная аналогия не является достаточно убедительной, поскольку основана на бихевиористской установке, что поведение является отражением сознательной деятельности, что было поставлено под сомнение еще в первой половине XX века в связи изобретением «машины Тьюринга». Правда, сам Тьюринг сделал из этого противоположный вывод о том, что демонстрации интеллектуального поведения достаточно для того, чтобы признать систему обладающей сознанием. Но, как убедительно показал Дж. Сёрл в 1995 г. в своем знаменитом мысленном эксперименте «Китайская комната» тот факт, что вычислительная машина выполняет определенные действия еще не доказывает, что она обладает сознанием.

Другой ответ на эту проблему тоже основан на аналогии, но аналогии не следствия (поведения), а причины (биологической системы). Я знаю, что другие люди анатомически и физиологически устроены точно так же, как я. Я знаю так же, что когда в моей крови повышается уровень

вещества, который ученые называют «серотонин», то я испытываю некое переживание, которое называется «хорошим настроением». Следовательно, если в других людях происходят те же самые физиологические изменения, то они испытывают сходные переживания. Этот аргумент является более научным, потому что стремиться дать каузальное объяснение феномена субъективной реальности. Любое научное объяснение – это, прежде всего, причинное объяснение. Но и здесь скептик может усомниться. Является ли физиологическое объяснение необходимым и достаточным условием существования сознательного переживания? Имеется ли здесь отношение «жесткой десигнации» (термин С. Крипке)? Иными словами, является ли это каузальное отношение необходимым, а не просто эмпирическим фактом? Чтобы проверить это, необходимо проанализировать концептуальную возможность противоположного факта. Пусть «Р» означает некий физиологический процесс, «Q» – соответствующее ему ментальное состояние. Тогда $P \rightarrow Q$. Однако, если мыслимо, что $P \& \sim Q$, то отношение между Р и Q не является необходимым. Следовательно, допустимо, что $P \& \sim Q$. В данном случае, допустимо, что субъект будет находиться точно в таком же физическом состоянии, что и я, но не испытывать при этом тех переживаний, что испытываю я. Эта проблема получила в философской литературе название «проблемы зомби». По определению Д.И.Дубровского, понятие «зомби» «означает существо, начисто лишённое сознания, но обладающее всеми свойствами человека» [3, с. 161]. В данном случае, мы имеем дело с аргументом чисто философского характера, поскольку происходит переход от мыслимости чего-то к доказательству его возможности. Структуру этого аргумента нельзя путать с т.н. «онтологическим доказательством», так как в данном случае речь идет не о бытии, а о метафизической возможности. Если некое отношение является необходимым, например «если все углы треугольника равны, то и стороны равны» (в евклидовой геометрии), то немислимо, что существует некий треугольник, углы которого были бы равны, а стороны нет. Поскольку мыслимость «зомби» разрывает связь между физическим и ментальным, то, тем самым, показывается нередуцируемость объяснения человека, прежде всего его сознания, к физическому положению дел в мире (физическому состоянию его мозга).

Исследователи анализируют три возможных стратегии возражения на аргумент о мыслимости «зомби» [5, с. 77–93]. Во-первых, «зомби» немислимы, а потому метафизически невозможны. Во-вторых, «зомби» мыслимы, но метафизически невозможны. В-третьих, «зомби» мыслимы сейчас, потому что нам не хватает знаний, но когда мы будем обладать достаточным знанием, они будут немислимы. С.Ф. Нагуманова считает, что самой убедительной является третья стратегия, но она «не решает философскую проблему, она лишь освобождает наш интеллект от зачаровывания средствами языка» [5, с. 92]. Как видим, финальная точка в этом вопросе еще не поставлена. Тем не менее, обсуждение этой проблемы

необходимо для концептуального прояснения нашего понятия о том, что есть человек, какова природа сознания.

Литература

1. Рьюз, М., Углстон Э. Дарвинизм и этика // Вопросы философии. – 1987. – №1. – С. 97–100.
2. Хофштадтер, Д., Деннет Д. Глаз раузума. – Самара, 2003.
3. Дубровский, Д.И. «Сознание», «Другое сознание», «Другая субъективная реальность» // Проблема сознания в философии и науке / под ред. Д.И. Дубровского. – М., 2009. – С. 153–171.
4. Nyslop, A. Other minds. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/other-minds>. – Дата доступа: 15.04.2012.
5. Нагуманова, С.Ф. Материализм и сознание: анализ дискуссии о природе сознания в современной аналитической философии. – Казань, 2011.

БИМЕДИЦИНСКИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ПРОГНОСТИКА

А.Е. Михайлов

С развитием биологических наук и появлением широкого спектра технологических инноваций в области биомедицины открываются новые возможности для изменения человеческого организма и вмешательства в процессы, которые раньше воспринимались как данность и не поддавались контролю и регулированию. Заново переосмысливая человеческую природу в условиях расширения игрового пространства нашей свободы, необходимо ответить на вопросы о пределах и последствиях такого вмешательства, его методологических и аксиологических основаниях.

Биотехнологическая революция заставляет радикально пересматривать сложившиеся ориентиры и ценности в свете новых возможностей, открывающихся благодаря современным достижениям в биомедицине и изменяющих наши представления о будущем человечества. Ф. Фукуяма в своей книге «Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции» [4] под впечатлением перспектив, открывающихся в области биотехнологий, отказался от своей прежней идеи “конца истории” и говорит о возобновлении истории, основываясь на успехах современной биотехнологической революции и вызовах, которые она ставит перед человеческой цивилизацией. История не может закончиться, пока развивается наука и будущее человечества уже не представляется ему таким предопределенным, как это было после крушения Советского Союза и соцсистемы. Напротив, оно оказывается открытым и зависящим от принимаемых людьми решений и действий.

Предвосхищение в прогностических исследованиях возможных неожиданных и нежелательных последствий биомедицинских технологических инноваций позволяет выявить различные аспекты

встречи с будущим в надежде предотвратить или хотя бы смягчить «футурошок». Критический анализ предшествующих попыток предвидения и прогнозирования будущего раскрывает их недостатки, но не упраздняет конкретно-исторической ценности прогностических моделей, конструируемых в различных формах такого рода исследований.

Достижения молекулярной генетики человека усилили ожидания скорых успехов, связанных с применением новых биотехнологий. Однако, ожидания и надежды, появляющиеся в связи с новыми подходами в решении проблем по многим направлениям биомедицины, могут заслонять от нас риски и угрозы, сопровождающие научные достижения. В предвосхищении будущих ситуаций рассматриваются сценарии, в соответствии с которыми совершенствование человеческого вида с применением генной технологии будет осуществляться по различным субкультурным направлениям. При этом проблематичным станет признание единых общечеловеческих моральных и духовных ценностей, поскольку то, что задает такую общность и является естественной основой – единство человеческой природы может быть разрушено генной инженерией.

Однако после секвенирования генома человека стало ясно, что сама по себе идентификация в геноме последовательности из 35–40 тысяч генов еще не дает глубокого понимания всей сложности механизмов их функционирования. По признанию самих биологов, ситуация, когда они понимали то, что знали, сменилась другой: сегодня объем их знаний несоизмеримо превосходит уровень понимания, предполагающего осмысление этих знаний в более широком мировоззренческом контексте. На такое радикальное изменение указывал академик Л.Л.Киселев: «Теперь мы знаем чудовищное количество фактов, владеем обширнейшими знаниями, но понимаем малую толику всего этого» [1, с. 47–48].

Даже такая наиболее развитая область исследований в геномике человека как генодиагностика несет с собой разнообразные риски, затрагивающие права и достоинство человека, риски дискриминации и стигматизации индивидов или популяций. Развитие генодиагностики, зачастую опережающее технологические возможности ассимиляции ее достижений, создает специфические проблемы при обнаружении дефектов, заболеваний и предрасположенностей, которые не поддаются лечению средствами современной медицины. Предметом споров становится институциональное применение генного тестирования и субъективное использование результатов предиктивной (прогнозирующей отклонения в развитии) генодиагностики.

Отдаленные последствия внедрения новейших биотехнологий оказываются труднопредсказуемыми, и опасения, которые они вызывают, приводят к формулировке запретов в этических и правовых документах, регламентирующих различные направления биомедицинской деятельности. Но стремление нормативно предотвратить любое внешнее вмешательство в человеческую природу и исключить связанные с ним все

угрозы и риски может оказаться напрасной попыткой остановить научно-технический прогресс. Нужно учитывать и то, что с ростом нетривиальности проблем, с которыми сталкивается человечество, сокращается возможность опоры на прошлый опыт и традиции, тем самым существенно снижается эффективность использования простых экстраполяций в осмыслении и оценке новых ситуаций.

Возможности глубокой и радикальной модификации природы человека открываются не только в процессе развития биологических и нейроментальных наук. В настоящее время науки, которые были охарактеризованы В. Дильтеем как понимающие, становятся все более технологическими, направленными на изменение человека и манипулирование им. Эрих Фромм отмечал, что «чрезвычайно важно провести грань между психологией, подразумевающей благополучие человека и сделавшей его своей целью, и психологией, изучающей человека как объект с целью сделать его еще более пригодным для технологического общества» [3, с. 254]. Современная наука выходит на совершенно новый уровень познания не только биологии человека, но и его психики, социокультурных оснований человеческого существования в мире. Ориентированная на получение объективных данных и свободная от ценностей модель науки, которая сформировалась в физике, химии и астрономии, как считал А. Маслоу, совершенно не подходит для изучения жизни. «Еще более драматичной, – писал он, – оказывается непригодность науки для выяснения вопросов, касающихся человека, где учет личных ценностей и целей, намерений и планов играет решающую роль в понимании людей даже применительно к классическим целям науки – предсказанию и управлению» [2, с. 13]. Исследование, оценка и решение проблем, связанных с реализацией этих целей, предполагают привлечение средств гуманитарной экспертизы. Юрген Хабермас пишет: «Изначальный философский вопрос о «правильности жизни» сегодня, по-видимому, обновляется в своей антропологической всеобщности. Новые технологии вынуждают нас вести публичный дискурс о правильном понимании культурной формы жизни как таковой. И у философов больше нет никаких благовидных предлогов отдавать предмет этой дискуссии на откуп представителям биологических наук и вдохновленным научной фантастикой инженеров» [4, с. 26]. Переосмысление проблематики природы человека в контексте новых научных знаний не может ограничиваться рамками тех наук, где эти знания получены, а выходит в сферы морали, искусства, религии, философии, политического и правового сознания общества от обыденного уровня до концептуального.

Выявление отдаленных и непреднамеренных последствий технологических инноваций в области биомедицины позволяет осознать кардинальность и масштабность как происходящей, так и грядущей переоценки ценностей. Новые знания о природе человека и открывающиеся возможности ее преобразования создают в современном

мире ситуацию, приобретающую беспрецедентный характер, о чем свидетельствует набирающее силу международное и междисциплинарное движение трансгуманизма, выступающее как альтернатива биоконсервативной традиции в антропологии.

Литература

1. Киселев, Л.Л. Парадоксы биологии человека // Человек. – 2004. – № 4. – С. 42–48.
2. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы. – М., 1999.
3. Фромм, Э. Психоанализ и этика. – М., 1993.
4. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М., 2004.
5. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? – М., 2002.

МОДИФИКАЦИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В ПРАКТИКАХ ТЕХНОБИОАРТА

Т.В. Кедрик

Развитие науки и техники в XX веке оказало решающее влияние на взаимодействие человека с миром и обществом, на способы осмысления реальности и самого человека, на художественные практики, сферу повседневности. Современный человек вынужден определять себя относительно идей квантовой физики и теории расширяющейся Вселенной, а также через медико-биологический взгляд на тело как изменчивую тканевую структуру, которую при желании можно перемоделировать.

Тесное взаимодействие научной и художественной сферы наблюдается еще со времен Ренессанса, когда художник для решения своих творческих задач становился ученым-естествоиспытателем. Позднее футуристы и конструктивисты взялись осваивать язык инженеров: Марсель Дюшан сплавлял стул с велосипедом, Татлин проектировал свои вращающиеся башни и летательные аппараты, в немецком Баухаузе изучали эстетику станка. Для второй половины XX века сферой активного взаимодействия науки и искусства становится биология. Технология трансформировала всю сферу культуры и добралась до последнего «оплота» природы, как некоторой неизменной реальности, – человеческого тела.

Формируется представление о теле как о технологии, инструменте выражения и моделирования. Тело стало объектом программирования и плацдармом для опробования новых технологических идей. Технологии подобного вмешательства разрабатываются многими научными дисциплинами – от генетики и синтетической биологии до нейро- и биомедицинских наук. Это такая стадия существования живого, когда оно

становится все более доступным управлению извне. Речь идет о всевозможных технобиологических расширениях тела, сетях, телематике и прочих искусственных дополнениях, порой становящихся неотъемлемой частью самого организма. Возникает понятие «постбиологии», в котором фиксируется технологичная, а не природная трактовка живого.

Понятие «технобиоарт» обозначает новый «союз» технологии и искусства. И это взаимодействие может осуществляться в различных формах – от перформативных действий художников, использующих свое тело или тело животного в качестве инструмента для создания художественного произведения, до собственно биотехнологий, особенность которых заключается в срастании природой данного тела и параметров, заданных технологическими манипуляциями, что исключает отторжение от «природного» тела внешних (вроде протезов) деталей, но рождает потребность в новой идентичности природного.

Ars Genetica, Ars Chimaera, «трансенное искусство» (Эдуардо Кац), «влажное искусство» (Рой Эскотт) – все эти термины используются художниками и теоретиками для обозначения практик применения биотехнологий в искусстве, фиксируя как формально-смысловые особенности нового языка, так и особенности применяемых технологий. Применяя биотехнологии как инструмент искусства, художники уходят от понимания художественной реальности как искусственной, конвенциональной и выходят в реальность жизни.

Разрыв с трактовкой искусства как сферы отдельной и отделенной от самой ткани реальности, характерен для большинства художественных направлений XX века. Еще художники-авангардисты отвергли миметическую концепцию искусства и определили его новое предназначение – способ преобразования мира.

В современном искусстве тело часто становится объектом художественно акта, возникают новые виды художественных практик, где именно сам художник и его тело становятся произведением искусства – боди-арт, перфоманс, хепенинг. «Выход в жизнь» в технобиоарте происходит «с другой стороны», достигает самых основ реальности – целостности и неизменности живого тела. Художников интересует не реальность природы, а природа реальности.

«В нынешних условиях предметом интереса становятся те художественные стратегии, цель которых заключается в запрете на практику самого искусства *de facto*, в переходе от озабоченности «большим лингводискурсом» и интерпретационными практиками к прямой операционной деятельности, где технология оказывается напрямую связанной с целевым состоянием организма, всем комплексом его закономерностей и разнообразием индивидуальных проявлений» [1, с. 13].

Технобиоарт при первом рассмотрении может показаться примером не столько художественной, сколько научной деятельности или примером нового дизайна природных тел. Но целью художников, как правило, не

является лишь создание новых организмов с новыми эстетическими или функциональными свойствами. Прежде всего, коммуникативный и педагогический потенциал искусства, богатые традиции визуальной репрезентации тех или иных идей в произведениях искусства придают работе художников в данной области характер социального активизма. «Художники играют роль не инженеров, не ведущих ток-шоу или общественных деятелей, а, как и раньше, создают образы отношений человека и мира» [2, с. 45].

Компьютерные технологии привели к появлению киберпространства – пространства взаимодействия между людьми и вычислительными системами с последующей трансформацией образов, структур и идей в рамках данных систем и в сознании человека. «Это жизнь на границе Сети, в пространстве соединений, которое не имеет центра. На границе Сети мы попадаем в совершенно неизведанную, многозначную зону, частично виртуальную, частично материальную» [3, с. 201]. Включаясь в киберпространство тело виртуализируется, срастается с электронной средой. Рой Эскотт в 2000 году в инсталляции «Манифест влажных медиа» обозначил основные свойства новой реальности, которую назвал «влажной»: «Влажное пространство образуется там, где совмещаются сухие пиксели и влажные молекулы. Влажное искусство объединяет сухие цифровые средства, биологическую влажность и одухотворенность. Влажная реальность соединяет Виртуальную реальность и Вегетативную реальность. Влажная среда включает биты, атомы, нейроны и гены. Влажная жизнь объединяет цифрового индивида и биологическое существо. Аппаратное обеспечение влажной среды размывает границу между машиной и биологическим существом» [3, с. 211].

В процессе взаимодействия с искусственными резидентами и аватарами собственное «я» может трансформироваться бесконечным образом. Принципы неизменности и цельности индивида и его телесности, ранее составлявшие основу европейского искусства, уступают место пониманию того, как каждый из нас может участвовать в самосозидании. В киберпространстве наше «я» открыто теледифференциации, распределению и рассеиванию по всему земному шару. В результате чего возникает своего рода феномен нелинейного децентрированного индивида ментально и телесно.

Теоретик технобиоарта Д. Буланов так определил свойства произведения искусства: «Технобиологическое произведение сочетает в себе признаки, как живого организма, так и технического изделия. Это означает, что с одной стороны произведение обладает информацией о самовоспроизводстве, заложенной в его генотипе, а с другой – имеет «генетическую» информацию, которая физически от него отделена и существует в виде документа. Совокупность этих свойств подразумевает собой многомерность и междисциплинарность художественных подходов, которые ранее, в контексте предыдущих этапов истории искусства, были попросту невозможны» [4].

Сформулируем основные особенности технобиоарта:

– работа с живым как с техническим

– взаимодействие с техническим как с живым, что формирует определенное морально-этическое отношение к технологической особи, как к живой сущности.

– особенность интерпретации – выстраивается определенная социальная конструкция посредством нарратива о происхождении сотворенной автором «жизни».

Литература

1. Булатов, Д. Путешествие в неведомое // BioMediale. Современное общество и геномная культура. – Калининград, 2004. – С. 5 – 17.
2. Соколовская, М. Искусство для общества: создание ситуаций этического определения // Художественный журнал. 2005. № 57. С. 43 – 47.
3. Эскотт, Р. Интерактивное искусство: на пороге постбиологической культуры // BioMediale. Современное общество и геномная культура [Антология]. – Калининград, 2004.
4. Булатов, Д. Третья модернизация. Технобиологическое произведение искусства [Электронный ресурс] // Искусство и наука в эпоху постбиологии. Калининград, 2009. – Режим доступа: <http://www.videodoc.ncca-kaliningrad.ru/teorija/bulatov>. – Дата доступа: 07.04.2012.

СМЫСЛ ЖИЗНИ – ВКЛАД В КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Р.Г. Баранцев

Понятию смысла (и особенно смысла жизни) посвящено множество работ [1–3]. Но определить его строго оказалось чрезвычайно трудно. Ю.А. Шрейдер, например, предлагает такую дефиницию: «Смысл феномена – это внеположенная ему сущность, о которой он призван свидетельствовать» [4]. А В.И. Смирнов, апофатически отстраняя такие термины как мысль, знание, ценность, значение, бытие, сущее, решается на следующий катафатический вариант: «Смысл есть обстоятельство позволительного вхождения знания в со-знание» [5]. В.В. Налимов рассматривает смысл как интуитивную компоненту сознания, наряду с текстом (рацио) и языком (эмоцио) [6]. В поисках смысла можно видеть потребность в постижении целостности.

Выступая однажды перед земляками в Вятском госуниверситете, я говорил, что смысл человеческой жизни состоит в максимальном осуществлении личности, в реализации того, что заложено в человеке природой [7]. Создатель заботится о всех, но каждый ли человек нужен для культурного наследия? Хочется думать, что культура наполняется только добрыми деяниями. Однако на земном уровне добро сопутствует со злом, встречаясь с ним в душе каждого человека, наделённого свободой выбора. И Божество спускается в человеческую юдоль, чтобы помочь человеку

достичь божественной сферы путём постепенного уподобления. В троическом космосе дьявол уже не имеет подобающего пристанища, так что «Зло есть “privatio boni”». Эта классическая формула лишает его абсолютного бытия и превращает в какую-то тень, обладающую лишь относительным, зависимым от света бытием. Добро, напротив, наделяется позитивностью и субстанцией» [8, с. 70].

Осуществление Замысла становится возможным на уровне ноосферы, куда человечеству предстоит подниматься согласно предсказанию В.И. Вернадского. «Познавая, наш разум не наблюдает, он формирует действительность... Мысль – самая мощная сила», – писал В.И. Вернадский [9, с. 281, 353]. Через активность проявляется внутренняя способность материи к саморазвитию. Любопытно, что о творческой способности сознания писал и Ленин, указав, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [10, с. 204]. Не удивительно, что это место послужило предметом изощрённой и мучительной спекуляции со стороны философов, заинтересованных в материалистической трактовке такой фразы [11].

Современный петербургский писатель замечает, что «человеческая жизнь ослепительна лишь в первой её части. Затем всё более настигают страхи и понимание трагизма бытия» [12]. Мысленно отвечая, говорю, что страхи меня не берут, но понимание действительно настигает. Трагизм бытия есть уже в том, что оно остаётся незавершённым, недоопределённым, оно продолжает становиться, и человек – активный участник этого процесса. М.К. Мамардашвили, провозглашая онтологический принцип неполноты бытия [13], вероятно, имел в виду, что мир постепенно становится действительностью в ходе осмысления его человеком. Полнота нуждается в асимптотическом подходе. Живое не может быть абсолютно полным.

Острсюжетные события, доминируя локально, сами по себе с течением времени обычно утрачивают значение. Длительное влияние оказывают лишь глубинные процессы. Масштабная инвариантность коррелирует тут с культурной ценностью [14]. Сама культура есть целостность, объединяющая достижения науки, искусства и религии [15, 16]. Синтез этих ветвей, реализованный в творчестве Рерихов [17], осуществлял также Гёте – натуралист, поэт, философ. В России аналогичной фигурой был М.В. Ломоносов. Или Ф.М. Достоевский, о котором В.С. Соловьёв писал: «Будучи религиозным человеком, он (Достоевский) был вместе с тем вполне свободным мыслителем и могучим художником. Эти три стороны, эти три высшие дела не разграничивались у него между собою и не исключали друг друга, а входили нераздельно во всю его деятельность. В своих убеждениях он никогда не отделял истину от добра и красоты, в своём художественном творчестве он никогда не ставил красоту отдельно от добра и истины. И он был прав, потому что эти три живут только своим союзом. Добро, отделённое от истины и красоты, есть только неопределённое чувство, бессильный порыв, истина

отвлечённая есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир. Для Достоевского же это были только три неразлучные вида одной безусловной идеи» [18, с. 305].

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся». Память культуры избирательна. Но если история, определяя рейтинг людей, народов, государств, учитывает степень их актуализации, то, реализуя наш потенциал, мы тем самым вносим нужный вклад в культурное наследие, раскрывая при этом смысл самой жизни [19].

Литература

1. Поиски смыслов. – СПб, 2004.
2. Трофимова, Н.А. Мозаика смысла: элементы и операторы их порождения. – СПб, 2010.
3. Шарма, О. Беседы о цели и смысле жизни. – М., 2010.
4. Шрейдер, Ю.А. Этика. – М., 1998.
5. Смирнов, В.И. О понятии смысла // Человек и современный мир. – СПб, 1997.
6. Налимов, В.В. Спонтанность сознания. – М., 1989.
7. Баранцев, Р.Г. Воспоминания // Сборник трудов Международной научной конференции «Методология современной науки. Моделирование сложных систем». – Киров, 2007.
8. Юнг, К.Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице // «Ответ Иову». – М., 2006.
9. Аксёнов, Г.П. Вернадский. – М., 1994.
10. Ленин, В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Соч., 4-е изд. – Т. 38. – М., 1958.
11. Цзэсюнь. Является ли мыслью Ленина положение, что сознание творит мир? // Вопросы философии. – 2007. – № 5.
12. Рекшан, В. Хорошая книга про себя // «Невское время». – 2010. – 29 окт.
13. Мамардашвили, М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – Тбилиси, 1984.
14. Истина и благо: универсальное и сингулярное. – М., 2002.
15. Борзова, Е.П. Триадология. – СПб, 2007.
16. Баранцев, Р.Г. Культура как синтез науки, искусства и религии // Тезисы докладов. Первый Российский культурологический конгресс. – СПб., 2006.
17. Баранцев, Р.Г. Целостность рериховского наследия // Дельфис. – 2005. – № 1.
18. Соловьёв, В.С. Сочинения: В 2 т. – Т.2. – М., 1988.
19. Франкл, В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.

ЗНАЧИМОСТЬ ФЕНОМЕНА СМЕРТИ В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

И.Н. Дергаус

Проясним воздействие на деятельность человека факта его смертности в той мере, в какой этот факт получает полное признание, а не скрывается в различных псевдоконструкциях (например, как описывает

Хайдеггер: «люди *знают* о верной смерти и все же «существуют» собственно без уверенности в своей» [1, с. 293]). Рассмотрим обреченность человека на смерть как прекращение его способа быть и как разрыв его intersубъективных взаимосвязей. Выделим амбивалентный характер феномена смерти: смерть как позитивное, трансцендентальное событие для человеческой жизни и одновременно как факт абсурдности человеческого существования.

Хайдеггер в экзистенциальной аналитике *Dasein* определяет подлинное понимание смерти как наиболее своей, безотносительной, достоверной и необходимой возможности. Заступание в смерть производит эффект уединения с самим собой, в котором отказывают озабоченность подручным и событие-с-другим. В этом одиночестве происходит освобождение *Dasein* от его затерянности в круге случайно навязанных способов экзистирования и необходимым образом возникает задача собственного самоопределения, «возможность исходя из самого себя принять самое свое бытие от самого себя» [1, с. 299]. Опыт возможности смерти открывает перспективу подлинного существования, которая состоит не в какой-либо конкретной возможности (например, освобождение от модуса телесного бытия), но в практике самоопределения и осуществления «держания-себя-свободным для изъятия» [1, с. 347]. При этом подлинное осуществление *Dasein* происходит не в трансцендентном, но в конкретном посюстороннем мире. Поэтому «воля-иметь-совесть», определенная как бытие-к-смерти, тоже не означает никакой бегущей от мира отрешенности, но вводит без иллюзий в решимость «поступка».

Отношение к факту смерти является решающим конститутивным фактором для возможности рефлексивного поступания и креативного самоосуществления, преодолевающее собственную «окаменелость». Однако такому пониманию смерти противостоит концепция Сартра.

Согласно ей, смерть как ничтожение возможностей никоим образом не является конститутивным моментом для действий и поступков, для выбора и проектирования. Смерть является гетерогенным событием по отношению к постоянному смыслоопределению собственного существования и не является моментом для-себя-бытия. В факте смерти субъекту открывается понимание, что постоянному изменению смысла моего бытия придет конец, и оно станет достоянием другого субъекта. «Само существование смерти отчуждает нас полностью в нашей собственной жизни в пользу других. Быть мертвыми — значит быть жертвой живущих» [2, с. 548]. Мертвое бытие выступает как полностью сделанное, ставшее и отчужденное от самого себя: оно черпает смысл не из себя самого, но благодаря объективирующему действию другого. Поэтому факт смерти свидетельствует о моменте абсурдности человеческого бытия, от которого индивид не способен избавиться. «Абсурдно, что мы были рождены, абсурдно, что мы умрем» [2, с. 552].

Смерть является не только ничтожением моей жизни, но и качественной модификацией моего существования с другим. Так

Э. Левинас, признавая выводы Сартра о радикальной трансцендентности смерти по отношению к бытию субъекта – «смерть – это невозможность того, чтобы у меня был проект» [3, с. 75], – все-таки пытается обнаружить форму примирения между Я и смертью [3, с. 78]. И добивается он этой цели с помощью интерсубъективной трактовки феномена смерти. Смерть как невозможность моих проектов образует разрыв и интервал в моем сплошном и одиноком существовании и не представляет собой исключительно негативного события. Смерть освобождает индивида от его прикованности к самому себе и выводит его за пределы его самотождественности. Однако это происходит лишь в той мере, в какой субъект оказывается способным осуществить акт плодovitости, порождения другого существа и другого начала бытия. Прерывание времени является не схождением на нет моей жизни, но представляет собой трансформацию монадического существования в транс-субстанциальность и возникновение возможности возобновления (воскресения). «В отцовстве, где Я перед лицом неизбежной смерти продолжает себя в Другом, время, благодаря своей прерывности, одерживает верх над старостью и над судьбой. ... Прерывность времени плодovitости делает возможной абсолютную юность, позволяет начинать все сначала» [4, с. 269]. Таким образом, благодаря смерти и плодovitости перед индивидом открывается перспектива бесконечного времени и возможность бесконечных «приключений» экзистенции, имеющей множественный характер.

Однако является ли это окончательной точкой зрения, полностью снимающей противоречия между конститутивной и абсурдистской трактовкой феномена смерти? Происходит ли примирение с собственной смертью и смертью другого в генеративном отношении? Не приуменьшает ли Левинас в концепции плодovitости негативный заряд факта смерти? Обратимся в заключение к рассуждениям Гадамера о смерти [5, с. 407–408]. Согласно немецкому философу, человеческая жизнь и мышление представляют собой нескончаемый разговор друг с другом. В этом мире постоянного обмена вопросов и ответов самым страшным событием является прекращение диалога, которое означает смерть. Смысл смерти состоит в безответности, с которой человек никогда не может примириться. Поэтому он постоянно изобретает возможности создания суррогатов живого разговора в самых разнообразных символических формах (в культовых действиях, мифах и т.д.). Это сопротивление смерти является свидетельством не упрямого желания быть с самим собой, но протестом против разрыва интерсубъективных отношений, происходящих в смерти. Отсюда возникает вопрос, может ли радостное сознание бесконечного возобновления жизни в последующих поколениях примириться с тем фактом, что другого, с которым у нас вчера был разговор, уже нет и никогда не будет?

Литература

1. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков, 2003.
2. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М., 2002.
3. Левинас, Э. Избранное: Тотальность и бесконечное / Э. Левинас. – СПб., 2000.
4. Левинас, Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас. – СПб., 1998.
5. Gadamer, H.-G. Zur Phänomenologie von Ritual und Sprache / H.-G. Gadamer // GW, Bd. 8, Tübingen, 1999.

МНОГОДЕТНОСТЬ В РЕПРОДУКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ И УСТАНОВКАХ СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН

М.А. Балбуцкая

На современном этапе в Беларуси количество рождаемых детей не обеспечивает простого воспроизводства населения. Во-первых, снижается рождаемость. Согласно статистическим данным в 2010 году суммарный коэффициент рождаемости (данный коэффициент показывает, сколько в среднем детей могла бы родить одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель) по республике в целом составил 1,494, в то время как в 1980–81 гг. он составлял 2,014 [1, с. 273]; для сельского населения Беларуси – 2,112, между тем в 1980–81 гг. – 2,633 [1, с. 275]. Во-вторых, происходит убыль населения. В то время как показатели по городскому населению балансируют на тонкой грани естественного прироста и убыли, для сельского населения характерна естественная убыль. С 1980 года естественная убыль сельского населения возросла более чем в 6 раз [2, с. 75]. Демографические проблемы, в частности, касающиеся сельского населения, его воспроизводства, являются чрезвычайно актуальными для Республики Беларусь. Крайне важно, чтобы белорусы ориентировались на увеличение детности семьи. Причём особое значение имеет распространение в обществе модели многодетной семьи. Необходимо предпринимать меры, этому способствующие.

Демографические проблемы в сельской местности имеют более острый характер и требуют внимания учёных различных областей знания. В мае 2011 года отделом социологии регионального развития Института социологии НАН Беларуси под руководством доктора философских наук Р.А. Смирновой было проведено социологическое исследование (общий объем республиканской репрезентативной выборки по исследованию составил 1768 человек; опрашивались жители сёл и малых городов; подвыборка сельских жителей составляет 1405 человек в возрасте от 16 лет и старше, из них 42,6% – мужчины, 57,4% – женщины; число сельских женщин в возрасте до 49 лет включительно составляет 543 человека, среди

которых 81,4% опрошенных имеют детей, 18,6% – не имеют). Результаты исследования позволили проанализировать репродуктивные установки, поведение и планы современных сельских женщин.

Для анализа из общего объёма выборочной совокупности по сельскому населению была извлечена подвыборка женщин фертильного возраста, поскольку эта группа населения включает в себе основной репродуктивный потенциал села. В этой подвыборке были отобраны женщины, имеющие детей, эти женщины по собственному опыту знают, что значит и каково это иметь ребёнка. В подвыборку попали как многодетные женщины, так и не многодетные. Дальнейшая работа была направлена на выявление факторов, препятствующих женщинам, имеющим менее трёх детей в семье, реализовать желание иметь многодетную семью. Предстояло решить ряд исследовательских задач: выявить и сопоставить репродуктивные установки многодетности и репродуктивное поведение; определена ли реализована ли репродуктивная установка многодетности; выявить наличие планов рождения ребёнка; выявить факторы, обуславливающие отказ от планирования рождения ребёнка и не позволяющие реализовать репродуктивную установку многодетности.

Сопоставление (анализ данных проведён от числа ответивших, т.е. здесь и далее из анализа исключены пропущенные ответы респондентов) репродуктивных установок многодетности и репродуктивного поведения, отражаемых в ответах женщин на такие вопросы анкеты как: «Сколько детей Вы хотели бы иметь в Вашей семье?» и «Если есть, то сколько у Вас детей?», позволило выделить три группы женщин:

1) женщины, которые хотели бы иметь более двух детей, но не имеют (12,6%);

2) женщины, которые хотели бы иметь более двух детей, и имеют (18,1%);

3) женщины, которые не хотели бы иметь более двух детей, и не имеют (69,3%).

Выявлено, что практически каждая третья женщина ориентирована на рождение более двоих детей в семье. Тем не менее, среди сельских женщин фертильного возраста с детьми большая часть (2/3) опрошенных, не хотела бы иметь многодетную семью.

Реализация исследовательских задач предполагает анализ мнения и оценок женщин с репродуктивной установкой многодетности. Выявлено, что среди женщин, как реализовавших установку многодетности, так и ещё не реализовавших, желаемое число детей не превышает шести. Значительная часть опрошенных имеет репродуктивную установку трёхдетности (в группе не многодетных женщин – 61,4%, в группе многодетных – 81%). Число женщин, желающих иметь четверых детей в семье в группе не многодетных и многодетных практически сходно – 13,6% и 14,3% соответственно. Число женщин, которые хотели бы иметь пятерых детей, в группе не многодетных женщин больше, чем в группе

многодетных (22,7% по отношению к 3,2%). Число женщин, ориентированных на шестеро детей в семье примерно одинаково в анализируемых группах (2,3% среди не многодетных и 1,6% среди многодетных).

При анализе групп женщин, ориентированных на многодетность, установлено, что у не многодетных женщин среднее фактическое число детей составило 2,02, желаемое – 3,66, в то время как у многодетных – среднее фактическое число детей составило 3,25, желаемое – 3,25.

В настоящее время репродуктивная установка многодетности реализована не всеми женщинами. Несмотря на то, что среди женщин ориентированных на многодетность, 59% опрошенных уже имеют более двоих детей в семье, тем не менее, значительной части (41%) женщин, возможно, ещё предстоит стать многодетными матерями.

Желание иметь определённое число детей в семье, в данном случае троих и более, никогда не исполнится без намерения. Намерение – это осознанная цель, решимость и готовность к действию при отсутствии сомнений в его необходимости. Наличие и желания, и намерения побуждает личность планировать рождение ребёнка. В группе женщин фертильного возраста, желающих, но пока не имеющих более двух детей в семье, репродуктивные планы рождения ребёнка в ближайшем будущем встречаются у 31,8% опрошенных. Выявлено, что среди женщин имеющих многодетную семью, рождение ребёнка в ближайшем будущем никто не планирует.

Факторами, препятствующими реализации репродуктивных установок многодетности, могут выступить биологические, социально-экономические, социокультурные и психологические. Если женщина считает, что ей не хватает денежных средств, здоровья, помощи близких и проч., то это ведёт её к отказу от планирования рождения ребёнка. В этой связи большое значение имеет наличие у женщины «ресурсов», на которые она может рассчитывать. Для группы не многодетных сельских женщин причинами, по которым рождение детей не планируется в ближайшем будущем, чаще всего выступают возраст и состояние здоровья (56,7%), отсутствие уверенности в будущем (36,7%), недостаточный уровень доходов (30%), наличие детей, большего числа которых им не нужно (16,7%). Это говорит о том, что социальные факторы, связанные с социальной политикой, уровнем развития экономики, оказывают существенное влияние на реализацию репродуктивных установок сельских женщин.

По результатам исследования сделаны следующие выводы:

– среди сельских женщин фертильного возраста, имеющих детей, третья часть опрошенных хотели бы иметь многодетную семью;

– при совпадении среднего желаемого и фактического числа детей в группе многодетных сельских женщин, в группе не многодетных среднее желаемое число детей более чем в 1,5 раза больше реального. У не многодетных женщин желание иметь много детей в семье более выражено,

чем у многодетных;

– большая часть как многодетных, так и не многодетных сельских женщин, имеет репродуктивную установку трёхдетности. Хотела бы иметь четверых и более детей в семье каждая третья не многодетная сельская женщина;

– репродуктивная установка многодетности реализована в большей части случаев (59%);

– при отсутствии планов рождения ребёнка в ближайшем будущем в группе многодетных сельских женщин, в группе не многодетных практически каждая третья не планирует рождение ребёнка в ближайшем будущем;

– каждой второй женщине в группе не многодетных планировать рождение ребёнка в ближайшем будущем не позволяет возраст и состояние здоровья, практически каждой третьей – отсутствие уверенности в будущем, недостаточный уровень доходов.

Литература

1. Население Республики Беларусь: статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011: стат. сб. / М-во статистики и анализа Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Зиновский [и др.]. – Минск, 2011.

КОММУНИКАТИВНАЯ ФИЛОСОФИЯ И МЕДИА

Р.Н. Дождикова

Коммуникативная философия не только рассматривает проблемы понимания, доверия, диалога, согласия и согласованности действий, необходимых для решения глобальных и антропологических проблем, но и предлагает свои варианты их решения. Коммуникативная деятельность понимается как взаимодействие двух и более субъектов, ориентированных на взаимопонимание относительно общей для них ситуации. Объектом ее исследования является повседневное общение между людьми, доверие же является фоновым условием этого взаимодействия, т.е. взаимодействие подразумевает взаимную установку на сотрудничество, диалог, доверие и согласие, которые невозможны вне ориентации партнеров друг на друга.

В экзистенциализме и персонализме проблема коммуникации ставилась как проблема бытия людей, поисков ими выхода из состояния одиночества и дезинтегрированности. Уже у К. Ясперса коммуникация рассматривается как цель и задача философии. Согласно Ясперсу, коммуникация – это общение, в ходе которого человек не «играет» роли, предложенные обществом, а раскрывает себя в качестве актера, который самостоятельно и ответственно исполняет все роли. Основное положение теории коммуникации Карла Ясперса: контакт вместо контракта.

Средством достижения контакта является дискуссия. Американский социолог Т. Парсонс рассматривал коммуникацию как социальный процесс, пронизывающий все подсистемы общества: экономическую, правовую, политическую, ценностно-культурную. Т. Парсонс сформулировал идею о «символически обобщающих посредниках» коммуникации, с помощью которых связываются отдельные подсистемы (экономика, политика, культура). Такими «символически обобщающими посредниками» коммуникации в экономике являются деньги, в политике – власть и влияние, в культуре – ценностные ориентации. В своей книге «Система современных обществ» Парсонс говорит, что коммуникация – это и передача информации, и причина взаимодействия элементов внутри системы, и процесс их взаимосвязи, и социальный механизм управления, и специфический элемент воспроизводства политической власти.

В коммуникативной философии доверие рассматривается как детерминанта, способствующего формированию и раскрытию таких показателей «качественного» общения, как ответственность, справедливость, толерантность, взаимопонимание, равноправие, уважение и признание суверенности личности. Н. Луман, рассматривая общество как коммуникативную систему, выделяет в коммуникации три составляющие, связанные с доверием: информацию, сообщение и понимание. Информация – это не просто уже известный факт, а целое событие, изменяющее всю коммуникативную систему. Информация является первой ступенью для зарождения доверия. Сообщение есть реализация коммуникативного акта, это уже сделанный выбор – доверять или не доверять (в случае отказа от распространения этого сообщения). Понимание – это проведение различия между информацией и сообщением, оно завершает коммуникативный акт. Понимание дает основу для доверия. Большое значение Н. Луман придавал механизмам, мотивирующим к участию в коммуникации. Развивая идеи Т. Парсонса, он называл эти механизмы «символически генерированными коммуникационными медиа». «Символически» здесь означает коммуникацию знаками, то есть рефлексивно. «Генерированные» означает, что эти медиа трансцендируют отдельные коммуникации, придают коммуникации завершение и полноту. Благодаря этим медиа охватывается тотальность возможностей, чего не может произойти в действительности. Примерами «символически генерированных коммуникационных медиа» являются истина, власть, право, любовь, искусство, вера. К ним относится также доверие. Эти медиа и принуждают к определенным актам, мотивируя людей подчиняться или не подчиняться, любить или не любить, говорить правду или ложь. Общество – это самовоспроизводящаяся тотальная система коммуникации, в которой привычные явления (власть, деньги, любовь, доверие) играют роль кодов, организующих и катализирующих протекание коммуникации. Функцией коммуникации является регуляция практической деятельности людей.

Понятие коммуникации является центральным в «теории

коммуникативного действия» Юргена Хабермаса и одним из главных в «трансцендентной прагматике» К.-О. Апеля. Согласно Ю. Хабермасу, коммуникация – это не средство одностороннего распространения информации, а способ осуществления связи и взаимодействия людей в социальной сфере через продуктивный конструктивный диалог. Именно коммуникация является самым важным социокультурным явлением, выражающим интересубъективную сущность человека и характер его взаимодействия с другими людьми. Показателем продуктивности коммуникации являются согласованные целерациональные практические действия. Условия, которые должны быть выполнены для того, чтобы двое говорящих могли сообщаться, Хабермас определяет в понятии «коммуникативной компетенции». В своей двухтомной книге «Теория коммуникативного действия» Хабермас подчеркивает различие инструментального и коммуникативного действия. Воплощением инструментального действия Хабермас считает сферу труда. Если инструментальное действие ориентировано на успех, то коммуникативное действие направлено на взаимопонимание действующих индивидов, их консенсус. Это не означает отказа от собственной точки зрения, но обязывает учитывать другие мнения (в духе ориентации на Другого у М. Вебера и Дж. Г. Мида). Рациональный консенсус вырабатывается путем дискурса, межсубъектного обсуждения, в котором участники преодолевают свои собственные субъективные взгляды в пользу рационально мотивированного согласия или компромисса. Согласие основывается на признании четырех притязаний на значимость: на понятность выражения, истинность знания, правдивость намерения и правильность действия. Консенсус рождает «сила лучшего аргумента», приобретающего общезначимость.

Таким образом, коммуникативная рациональность нацелена на создание новых подходов к социальной реальности, на поиск методов рационального прогнозирования, новых норм, ценностей и содержащихся в них культурных смыслов, которые могли бы стать ориентирами для развития как общества, так и самого человека, она открывает возможности не только модернизации, но и гуманизации общества. Коммуникативная рациональность и рациональный консенсус выступают как объединяющая и исцеляющая сила, с ними связываются возможности взаимопонимания между разными культурами и народами и, прежде всего, возможности реализовать общечеловеческие ценности и избежать конфликтов и войн, угрожающих самому существованию человека. Ю. Хабермас исходит из того, что исследуемым им коммуникативной рациональности и коммуникативному действию соответствуют вполне реальные особенности, измерения, аспекты действий, и взаимодействия индивидов в действительной истории. Ведь взаимопонимание, признание, аргументация, консенсус – это неотъемлемые элементы взаимодействия людей и всех тех действий, которые ведут к согласию индивидов, общественных групп и объединений. Сделать явным ценности, нормы и

правила социальной жизни позволяет коммуникационный дискурс – вид речевой коммуникации, ориентированной на публичное обсуждение социально значимых экономических и политических проблем. Актуальность коммуникационного дискурса обусловлена тем, что современные СМИ приводят к замене свободного, независимого автономного гражданина как участника дискуссии в публичной сфере на посредника (массмедиа), доносящего неадекватную информацию с целью манипулирования общественным мнением. Информация стала товаром: СМИ, ориентированные на получение прибыли, «подталкивают аудиторию к непрерывному потреблению». Востребованным товаром стали развлекательные шоу, триллеры, сенсации. В итоге «информация оборачивается рекламой, воспитание – манипулированием». Коммуникативных аспектов и измерений в человеческих действиях значительно больше, чем мы думаем. И задача современной философии заключена в том, чтобы вычленив, как бы высветить их в реальной коммуникации людей, помогая современному человеку развивать механизмы согласия, консенсуса, убеждения, без которых не может быть нормального демократического процесса.

К.-О. Апель распространил теоретико-познавательное требование объективности и истинности на само сообщество аргументирующих – таково понятие «трансцендентального коммуникативного сообщества». Все притязания на объективность и истинность, а также на нормативную правильность могут быть обоснованы только в рамках коммуникативного сообщества. Решение того, какие из притязаний являются правомочными, может быть принято только на основе консенсуса, достигаемого в ходе свободной от принуждения аргументации, которую ведут нацеленные на понимание индивиды. Канадский социолог Маршалл Маклюэн, который ввел в научный оборот термин «медиа», еще в начале 1960-х годов высказал сбывшийся прогноз о том, что главная роль в процессе глобализации будет принадлежать аудиовизуальным СМИ. Медиа – это средства коммуникации, посредники, средства общения и связи, «проводники» и «переводчики», они создают не только способ передачи информации, но и «язык общения», характер восприятия мира реципиентом. В своей книге «Понимание Медиа: Внешние расширения человека» Маклюэн утверждает, что «средство коммуникации есть сообщение» (*Medium is message*), что «сообщением» любого средства коммуникации или технологии является изменение масштаба, скорости или формы, которое приносится им в человеческие дела. Именно средства коммуникации определяют и контролируют масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия. М. Маклюэн выделяет следующие этапы в развитии медиа: письменное слово, сменившее устное слово; колесо, велосипед, самолет; число («профиль толпы»); одежду («нашу разросшуюся кожу»), жилище; деньги («кредитную карточку бедняка»); часы («аромат времени»); комикс (вестибюль *mad*, ведущий к телевидению); печатное слово («архитектора национализма»); фотографию

(«бордель без стен»); автомобиль («механическую невесту»); телеграф («социальный гормон»); прессу («управление посредством утечки информации»); игры («расширение человека»); пишущую машинку; радио («племенной барабан»); фонограф («игрушку, которая ужала национальную грудную клетку»); кино («мир, намотанный на катушку»); телевидение («застенчивый гигант»). «Галактику Гуттенберга» сменяет «галактика Маркони» - эпоха электронных коммуникаций и всеобщей включенности человека в информационное поле. Возникает эффект «имплозии», то есть направленного внутрь взрыва, взрывного сжатия пространства и времени, которые «исчезают»: сливаются различные отрасли знания, мысли с чувствами, сознание с реальностью. Человек постепенно превращается в «экран», становится «одномерным». Каждое новое расширение человека вызывает его «оцепенение». Можно говорить о социальной недоразвитости современного человека, его инфантильности и даже «слабоумии»: он не умеет абстрактно мыслить и связно говорить, его словарный запас невелик, как и перечень прочитанных книг. На смену несовершенному человеку приходит совершенная техника. Человек теряет контроль над сложившейся ситуацией. Поэтому важен совместный поиск выхода из «лабиринта», и «нитью Ариадны» должна стать коммуникация, основанная на диалоге, взаимопонимании, толерантности и согласованности действий.

БРИКОЛАЖ В СТРУКТУРЕ МНОГОМЕРНОГО МЫШЛЕНИЯ

А.В. Цыра

С обоснованием в современном методологическом инструментарии сущности и теоретической значимости синергетического подхода окончательно сформировалось понимание бесполезности поиска универсального, истинного видения мира. Ценность начали приобретать любые концепции, раскрывающие те или иные точки зрения на различные аспекты исследуемого. С одной стороны, ракурсное разнообразие познаваемого целого открывает возможности к его познанию, а с другой – обостряется ощущение неполноты прозрений субъекта познания, относительно сущности, содержания и даже предназначения целого.

Складывающаяся познавательная ситуация характеризует необходимость понимания многомерности процесса познания, что и выражается в философии, с учетом каждой новой концепции, относительно познания истины, каждым поворотом научной мысли, стимулирующим дальнейшее развитие познания. При таком подходе знание, которое накопило человечество за всю историю своего бытия, перестаёт делиться на истинное и ложное, ибо и одно и другое содержат в себе зерна для будущего развития мысли. Истинное знание всегда относительно и выражает процесс движения познания от явления к

сущности и далее к сущности более высокого порядка, что же касается ложного знания, то оно стимулирует движение мысли субъекта к истинному знанию.

Но что является основой отправной точки многомерности процесса познания? Эта многомерность становится возможной в результате активизации многомерного мышления, которое реализуется путем построения метаконцептов и оперирования ими. Но если метаконцепт является производным от концепта, то сам концепт, как производное нашего мышления должен быть многомерен. В этой связи, – отмечает Ж. Делёз – «простых концептов не существует. Концепт не может состоять из одного элемента. В нем всегда есть составляющие, которыми он и определяется, поясняется. Концепт – это множественность, элементы которой различны, разнородны и вместе с тем – неотделимы друг от друга» [1, с. 30].

Одной из особенностей концепта является его фрагментарность, которая понимается двояко. Во-первых, любой концепт представляет собой единство его имени и смыслов, которые с именем сопрягаются. Каждый из смыслов можно рассматривать как отдельный фрагмент, в этом случае концепт выступает как совокупность смысловых фрагментов. Во-вторых, фрагментарность концепта определяется и тем, что он содержит такие составляющие, которые присущи другим концептам, отвечающим на другие проблемы. Переплетаясь в единое целое, концепты образуют фрагментарную целостность. Фрагментарность концепта отражает многомерность мышления, которое предстаёт как такое мышление, когда «многомерно мыслящий субъект одновременно актуализирует и сопрягает различные локальные смысловые пространства» [2, с. 304–305]. Для этого он использует различные специальные мыслительные приемы, позволяющие ему осуществлять соответствующее сопряжение. К таким приёмам можно отнести эквивокацию, тропы, тавтологию, парадокс, бриколлаг и др.

Остановимся на бриколлаже как приёме многомерного мышления. Термин «бриколлаг» происходит от французского «bricoler», что переводится «играть осколком, рикошетом». Впервые этот термин встречается в работе К. Леви-Строса «Мифологии», где оно рассматривается как элемент мифологического сознания. Однако, можно утверждать, что в структуре многомерного мышления приём бриколлажа играет фундаментальную роль. Посредством этого приёма имеет место связывание отдельных локальных смысловых структур пространства, бриколлаг направляет внимание на прояснение механизма этого связывания.

Когда многомерно мыслящий субъект актуализирует то или иное пространство смыслов, то он оперирует его своеобразным смысловым осколком, но этот осколок содержит в себе исчерпывающую информацию о целом. При этом бриколлаг – не просто осколок, а игра осколком. Но игра предполагает наличие цели и правил.

Цель бриколажа как игры – получение нового осколка, группы осколков, любование полученным образованием. Без последнего не может быть обнаружена красота сотворённых форм, а значит – новые смыслы. Но игра осколком требует от субъекта максимально возможной свободы, которая не допускает планирования, социального заказа на итог, результат игры. Бриколаж в игре предполагает действовать не только разумом, но и сердцем. Напряжение сердца открывает возможность для актуализации разума. Сердце, отказывающееся от труда, ведёт к оскудению разума. Сердце способствует извлечению, обнаружению новых смыслов разумом. Без сердечного труда, без сердечного приятия невозможно и многомерное мышление, ибо оно есть способность выхода за границы очевидного, общепринятого, а такой выход может осуществляться только в результате сердечного сосредоточения. Понимание роли сердца в бриколаже сродни идеям Г.Сковороды и П. Юркевича в их «философии сердца».

Исследование действия механизма бриколажа тесно связано с принципом симметрии П. Кюри. Действительно, каждому из смысловых множеств, актуализируемых в ходе бриколажа, можно сопоставить определенную группу симметрии. При объединении (мысленном соотношении) отмеченных множеств возникает уже новая группа симметрии, которой и соответствуют новые мысли, обнаруживаемые в результате бриколажа. С одной стороны, приём бриколажа направлен на воссоединение целого, а с другой – на обнаружение смысловых нюансов, которые будут способствовать обнаружению всё новых и новых смыслов. С одной стороны, бриколаж дифференцирует, разделяет, а с другой – интегрирует, соединяет смыслы в единое целое.

Анализируя сущность бриколажа, необходимо подчеркнуть, что при реализации этого приёма не имеет значения, что представляет собой тот или иной осколок, наделённый смыслом. Он может быть проявлен одним словом (как при тавтологии, эквивокации). Или набором потенциальных слов, не полностью обнаруженных смыслов (парадокс), или фрагментом какого-то текста.

Понимание приёма бриколажа требует исследование его соотношения с концептом. Выше было отмечено, что в структуру концепта, как формы многомерного мышления входят различные приёмы этого мышления. Но концепт проявляет своё содержание через речевую деятельность, поскольку эта деятельность облакает мысль в строгую логическую форму и в этом отношении концепт предельно субъективен. Но концепт может существовать не только в речевой форме и речевых актах. В любых познавательных размышлениях с его помощью фиксируется первая стадия формирования мысли, глубоко связанная с содержанием, интуитивным предчувствием. На этой начальной стадии мышления появляется возможность обнаружения множества смысловых оттенков, часть из которых будет утеряна при переходе с концептуального уровня на понятийно-категориальный.

На следующем этапе развёртывание содержания концепта связано с

более строгой фиксацией мысли в языке – преобразованием в понятие. При этом мысль приобретает ясность, максимально отделяясь от породившего его субъекта со всеми особенностями его личностных восприятий. Происходит своеобразный процесс десубъективизации мысли. Она предстаёт рассуждением, истинность которого проверяется с помощью правил формальной логики.

Если обратиться к различию концепта и бриколажа, то можно отметить следующее. Концепт – это логическая форма многомерного мышления, объединяющая различные смыслы, соответствующие имени концепта. Что же касается бриколажа, то это приём, главное назначение которого организовать смысловое напряжение, результатом которого может оказаться обнаружение новых смыслов, становящихся очередным смысловым обретением тех или иных концептов.

Что же касается их общего, то и концепт и бриколаж операционально связаны со смыслами, только назначение бриколажа состоит в соотношении смысловых множеств с целью образования новых смыслов, а концепт выступает своеобразным накопителем этих смыслов. В концепте взаимодействует множество смыслов.

Таким образом, приём бриколажа оказывается достаточно фундаментальным методологическим инструментом, с помощью которого осуществляется практика многомерного мышления субъекта познания. Этот приём реализует установку на восстановление целого, напоминая изначально о его существовании, о необходимости возвращения к нему, о важности обретения определенной смысловой полноты.

Литература

1. Делёз, Ж., Гваттари Ф. Что такое философия // Пер. с франц. и послесловие С.Н. Зенкина. – СПб., 1998.
2. Богатая, Л.Н. На пути к многомерному мышлению.– Одесса, 2010.

«НОМО VISUALIS»: ІДЭАЛ АЎТАНОМІІ АСОБЫ І СУЧАСНЫЯ ТЭНДЭНЦЫІ У ЭКРАННАЙ КАМУНІКАЦЫІ

К.І. Рэмішэўскі, А.С. Койніш

З з'яўленнем графічнага інтэрфейсу і паўсюдным выкарыстаннем лічбавых носбітаў, экранная культура працягнула сваю далейшую эвалюцыю, прадвызначаючы эпоху ўрачыстасці прыватных інтарэсаў, індывідуалізму і сацыяльнай атамізацыі.

З прычыны цэлага шэрагу глабальных тэхналагічных, сацыяльных і інтэлектуальных трансфармацый, такіх як ўніверсалізацыя глабальнай сеткі Інтэрнэт, а таксама пераходу разнастайных мабільных камунікатараў, смартбукаў, планшэтаў і іншых тэхнагенных прылад у разрад агульнаўжывальных – «візуальнасць» як гэткая становіцца асноўнай інтэлектуальнай і эстэтычнай прыкметай паўсядзённасці. Бесперапыннае

павелічэнне візуальнага складальніку культуры прымушае не толькі паіншаму бачыць з'явы, прадметы і людзей – змяняецца сам прынцып і характар бачання ў цэлым, трансфармуюцца паўсядзённыя практыкі бачання. Гэтая агульнакультурнай тэндэнцыя зруху дамінанты ад літаратурацэнтрызму да візуалізацыі ў сучаснай навуковай думке набыла дэфініцыю «візуальнага павароту».

З аднаго боку – гэта паварот грамадства, «медыялізаванага і візуалізаванага свету, які апасродвае сацыяльныя інтэракцыі» [4], гэта «іканічны» паварот [1, с. 146]. З другога – гэтая сітуацыя пацвярджае тое, што сучасны стан цывілізацыі яшчэ больш, чым раней характарызуецца прыматам зроку як самага «аўтарытэтнага» спосабу ўспрымання свету [5].

Калі ў пачатку XX стагоддзя вертаўскі «чалавек з кінаапаратам» быў выключэннем у масе людзей без кінаапаратаў, то ў цяперашні стагоддзі XXI відэакамеры сталі «трэцім вокам» для кожнага, адбылася «антропатэхнічная рэвалюцыя»: з'явіўся новы від *homo sapiens* – *homo visualis*, або «чалавек, які візуалізуе». Штодзённасць характарызуецца нязменнай магчымасцю фіксацыі навакольнай рэчаіснасці на камеру і рэпрэзентацыі ў сетцы Інтэрнэт, што ў сілу зразумелых прычын было не магчыма для эпохі кінакамеры. Натуральна, што кінематограф, адчуваючы сваю «генетычную» сувязь з камерай адказвае на гэты выклік далейшай эвалюцыяй.

У апошнія дзесяцігоддзе дакументальны кінематограф знаходзіцца ў стане пастаяннага пошуку новай экраннай дакладнасці, узяўшы вектар на звыш-ці гіпердакументальнасць. Па меры таго як масавая экранная культура індустрыяльнага ўзору ўсё больш дыскрэдытавала сябе як «настаўнік жыцця», яна адначасова пераставала быць і сведчаннем рэчаіснасці.

У новых умовах кракаўэраўскую функцыю муміфікацыі рэчаіснасці ўсклалі на сябе новыя віды і жанрава-стылявыя формы неігравага кіно [2], у першую чаргу, спароджаныя даступнасцю тэхнічных сродкаў аўдыёвізуальнай фіксацыі і сеткавай рэпрэзентацыі. Аналізуючы змену спажывецкай сітуацыі, варта, у першую чаргу, звярнуцца да сумежных мастацтваў, паколькі, магчыма, аналагічныя працэсы некалі адбываліся і ў іх нетрах.

Так, напрыклад, паэзія (дакладней, формы яе публічнай прэзентацыі і рэпрэзентацыі) на працягу пяці або шасці мінулых стагоддзяў таксама зведала істотныя і вельмі сімптаматычнай метамарфозы. Больш чым паўтысячагадовая эвалюцыя можа быць зведзена да руху ад публічнага дзейства да прыватнага, амаль інтымнаму занятку. Ад публічных выступаў сярэднявечных мінезінгераў, трубадураў, вагантаў і акынаў паэзія паступова перайшла ў сферу хатніх радасцяў, інтымных зносін з кнігай (гэта значыць спажывец аддаў перавагу кнізе як традыцыйнаму носьбіту, амаль адкінуўшы пры гэтым першапачатковую вербальную, гэта значыць неапрадмечаную форму паэтычнай творчасці).

Так і кіно сёння ўсё часцей звяртаецца да асобнага чалавека з яго

хатняга лічбавага прайгравальнага прыстасавання і перажываецца сам-насам. А гэта ўжо зусім іншае перажыванне, якое спараджае іншыя сэнсы. Адзін з старэйшых расійскіх даследчыкаў і тэарэтыкаў кіно Уладзімір Сямёнавіч Лістаў у сваіх выступах неаднаразова дзяліўся думкай аб тым, што «кіно як масавы вопыт, як факт калектыўнага жыцця вось-вось стане (а ў нейкай меры ўжо стала) архаікай, нахштальт публічнай дэкламацыі вершаў на плошчы».

Тэндэнцыя такая, што ў агляднай рэтраспектыве, з ходам гісторыі любовы акт камунікацыі ўсё больш і больш індывідуалізуецца.

З развіццём відэа, такі жанр як «асабістая дакументалістыка», стаў па-сапраўднаму трэндавы і нязменна займае значнае месца ў праграмах вядучых сусветных кінафорумаў. У «асабістай дакументалістыцы» аўтар сам становіцца галоўным аб'ектам даследавання, яго споведзь, зафіксаваная на камеру мабільнага тэлефона, выклікае эквівалентную рэакцыю гледача, камернасьць яго апавядання дае магчымасць самаідэнтыфікацыі з асяроддзем падчас прагляду. Тут гаворка ідзе аб псіхалагічным узмацненні перажыванні за кошт «інтымнасці», «сакрэтнасці», «індывідуалізацыі» камунікацыі.

Таксама вялікую цікавасць выклікае новы напрамак незалежнага амерыканскага кіно, якое атрымала назву Mumblecore [6]. Так, праграма з дзесяці фільмаў Mumblecore, паказаная ў Нью-Ёрку кампаніяй IFC (The Independent Film Channel) атрымала афіцыйную назву «Новае гукавое кіно: Generation Do It Yourself». Mumblecore адрозніваюць стрыманы натуралізм, невялікі бюджэт, псеўдаімправізаваныя дыялогі і струмень ціхай невыразнай гаворкі. Адсюль і назва, якую можна перавесці як невыразнае мармытанне. Гісторыя гэтага кірунку пачалася ў 2002 годзе з фільма Эндру Буяльскі «Смешна, ха-ха», тэма якога замкнулася на неабходнасці адказаць на тэлефонны званок. Фільмы Mumblecore, якія сталі папулярнымі на амерыканскіх кінафестывалях, не закранаюць значных тэм і вострых сацыяльных праблем, яны ствараюць атмасферу патоку рэальнасці, зафіксаванага выпадкова нявыключанай камерай.

Вельмі актуальным, з пункту гледжання сённяшніх рэалій, апынуўся творчы эксперымент у дакументальным кіно Аляксандра Растаргуева і Паўла Кастамарава «Я цябе кахаю» [3]. Рэжысёры фільма далі відэакамеру ў карыстанне герояў фільма, якія не з'яўляюцца прафесійнымі актёрамі, каб яны здымалі сваю штодзённае жыццё ў межах агульнай тэмы. Назваўшы гэты праект новай вехай дакументальнага кіно, гіпердакументалізмам, аўтары паспяшаліся даць назву наватарскай з'яве – «народнае аўтарскае дакументальнае кіно».

Кожнае з прадстаўленых напрамкаў сучаснага дакументальнага кіно прэтэндуе на паказ аб'ектыўнай рэальнасці з найбольшым каэфіцыентам дакладнасці адлюстроўваемага. Аднак існуе і паралельная тэндэнцыя: ні адно з кірункаў не адмаўляецца ад магчымасці маніпуліраваць гледачом, які настроіўся на давер. У аснове гэтай дыхатаміі ляжыць тэзіс аб тым, што адкрыццё новай рэжысёрскай тэхналогіі і навацый выразных сродкаў, не

заўсёды адкрывае новы шлях да праўды. У аснове любога з напрамкаў новадакументальнай хвалі: ці то «асабістая дакументалістыка», «народнае аўтарскае дакументальнае кіно», ці то Mumblecore, ляжаць стылявыя ўстаноўкі, раней уласцівыя толькі аматарскаму кіно, якія выкарыстоўваюцца не толькі з меркаванняў імгненнай моды, або жадання задзейнічаць мімікрыю ў сваёй стылявой гульні.

Сёння яшчэ цяжка даць дакладнае вызначэнне гэтым з'явам, але відавочна, што гэта не нейкая знарочыстая «гульня ў бісер», хоця стылявая імітацыя «пад аматара» не першае дзесяцігоддзе выкарыстоўваецца як уваходны білет на шматлікія фестывалі.

У якасці рабочай гіпотэзы можна выказаць здагадку, што ў акцэнтаванні і наўмыснай дэпрафесіяналізацыі мовы многіх экранных твораў мудрагелістым чынам выяўляецца адна з актуальных глабальных мастацкіх тэндэнцый – імкненне да дакументалізму.

Літаратура

1. Калодзій, Н.А., Калодзій, В.В. Візуальны паварот і яго ўплыў на сацыяльнае пазнанне // Весці Томскага політэхнічнага універсітэта / Томскі політэхнічны універсітэт; гал.рэд. В.А. Уласаў – Томск, 2010. – № 6. – С. 146–152.
2. Сычоў, С. Дакументальная хлусня // Мастацтва кіно [Электронны рэсурс]. – 2011. – Рэжым доступу: <http://kinoart.ru/2011/n9-article20.html>. – Дата доступу: 12.04.2012.
3. Растаргуеў, А., Кастамараў, П. Я цябе кахаю // Сеанс [Электронны рэсурс]. – 2009. – Рэжым доступу: http://seance.ru/n/37-38/istochniki_rubrik/iloveyou_rastorg/rastorguev-kostomarov. – Дата доступу: 10.04.2012.
4. Раждзественская, Е.Ю., Сямёнава В.В. Ліст рэдактараў [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/novosti/novosti_na/n354.html. – Дата доступу: 01.04.2010.
5. Усманова, А. Візуальныя даследаванні як даследчая парадыгма / Еўрапейскі гуманітарны інстытут [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=108>. – Дата доступу: 14.04.2012.
6. Debruge, P. Mumblecore goes mainstream // SXSW News [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.variety.com/article/VR1117981680?refCatId=2500>. – Дата доступу: 10.04.2012.

СВЕТ И ЦВЕТ В ЖИВОПИСИ КАК МЕТАФОРЫ ДОБРА И ЗЛА: ИСТОРИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ

А.В. Кононова-Григолец

История искусства неотделима от истории человечества. Потрясения эпохи обязательно находят отражение в искусстве либо оно само вызывает их. Реакция искусства на исторические события всегда контрастна, поскольку культура есть самовыражение Духа: духа добра либо духа зла. Бездуховного искусства не бывает. Во время, когда агрессия, разрушительность достигает апогея – возникает необходимость говорить о

свете и светоносности.

Искусство – древнейший способ познания мира и человека в нем. В учении Платона об открытии истины освещённость занимает главенствующее место. Аристотель, создатель первой естественнонаучной системы в изучении цвета, утверждал, что цвет теснейшим образом связан со светом и невозможен без света. Древние учёные античной Греции противопоставляли свет и тьму, белое и чёрное. Они замечали, что между этими крайними полюсами заключены все цвета. Связь цвета со светом легла в основу средневековых исканий в этой области.

В эпоху Средневековья свет приобрёл особое сакральное значение, как один из немногих путей, с помощью которого человек может узреть Бога. О свете как об основном объекте и способе изображения атмосферы для нахождения святых образов находим в толкованиях И. Дамаскина, С. Солунского, Д. Ареопагита, А. Блаженного, а позже – в положениях Вселенских и Поместных Соборов. Золото и жёлтый цвет понимались как застывшее сияние света. В христианском мышлении золото воплощает свет и в своём блеске, и в своём «благородном свечении» (прп. А. Критский).

В эпоху Возрождения светлотный контраст описал Л. да Винчи. Он обратил внимание на то, что тёмное на светлом кажется темнее, а светлое на тёмном – светлее.

И. Ньютон в работе «Теория цветов» (1672) научно объяснил физическую природу цвета. По его наблюдениям, лучи солнечного света вызывают ощущение разных цветов, если их преломить с помощью оптической призмы. На этой основе им был создан семицветовой спектральный круг. В названии работы И. Ньютона «Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света» (1721) мы получаем особенно важное для нас понятие «цвета света», поскольку светоносности имманентна цветоносность и наоборот: цвет и есть свет.

В полемику с Ньютоном вступил В. Гёте. В трактате «Учение о цвете» (1810) он называл цвет «продуктом света», но при этом он наделяет цветом не только свет, но и тьму. Для него жёлтый – родственен свету, а синий – «царству тьмы» [1].

В XVIII веке английский художник У. Хогарт в трактате «Анализ красоты» даёт подробный разбор составляющих художественного произведения: света, тени и цвета (наиболее – в главе «О свете и о тени...»). Автор соотносит физиологическое восприятие света с человеческим сознанием, чутко реагирующим на гармонию или дисгармонию в раздражении глаза. Результаты этого соотношения Хогарт применяет в анализе технологических приёмов и тональных характеристик художественного произведения.

Хогарт разделил цвета, условно названные им цветными тенями по отношению к свету, на два рода: «основные тона» – в частности цвет поверхности предметов, и «уходящие тени», составляющие плавный переход оттенков, независимо от их принадлежности предмету или

пространству, натурному изображению или отвлечённому художественному замыслу [2, с. 171].

Известное деление цвета у Н. Волкова на поверхностный, пространственный и свободный, перекликается с «основными тонами» Хогарта: они соответствуют по смысловому описанию поверхностному цвету, а «уходящие тени» вбирают смысл пространственного и свободного цвета одновременно.

XX век изобилует сферами, научными дисциплинами, где свет и цвет стали предметами пристального научного внимания: физические основы ощущения света и цвета, психофизические законы, законы оптического смешения цветов. В ряду исследований XX века, освещающим с разных сторон единство света и цвета, следующим шагом стали работы С. Кравкова, Р. Вудвортса, Бурдона, Э. Рубина, Хельсона и Ферера.

Так, С. Кравков в исследовании «Глаз и его работа» (1950) разбирает соотношения между употребительными единицами освещённости и яркости. Вудвортсом были предприняты подробные разработки понятия света с точки зрения психологии. Бурдон светлые пятна систематизировал в световой круг (1902). Рубин проводил опыты (1915, 1921) с соотношениями фигуры и фона на основе рисунков с чёрными и белыми конфигурациями композиционных пятен. Он создал классическое изображение обращённых фигур. Данные исследований Хельсона и Ферера (1932) постулируют существование порога раздражения для света, а также то, что слабо освещённая поверхность воспринимается как свет ещё до того, как распознаётся её форма. Г. Цойгнер считал, что на развитие учения о цвете в большей степени оказали влияние философия, естественные и технические науки нежели художники. В исследовании «Учение о цвете» (1971) он выделил проблему цвета как тесно связанную с вопросами света. Обширный материал по физиологии и психологии зрения, относящийся к вопросам зрительного восприятия света и цвета, был изложен Ч. Пэдхемом, Дж. Сондерсом в труде «Восприятие света и цвета» (1978).

Н. Волков в книге «Цвет в живописи» (1965, 1984) посвящает отдельную главу изобразительной функции света. Он подчёркивает разный характер цвета, содержащего качества затемнённости или освещённости, свечения или блеска, и цвета, не содержащего этих качеств. «Цвет, содержащий впечатление свечения, освещённости или затемнённости, противостоит предметному цвету» [3, с. 120]. Интересно также наблюдение автора о том, что цвет может быть светоносен порой безотносительно сплетений контрастов и живописных отношений. По мнению Н. Волкова, сходное впечатление свечения мы получаем от цветных пятен на экране кино: «Особый характер цвета ясен и здесь. Мы видим на экране не выкраски, а цветные тени. Недаром кино называют светописью» [3, с. 121].

Как известно, светопись является точным переводом слова «фотография» (образованного из двух греческих: «фос» – свет и «графо» –

пишу). О светописи писали: А. Предводителей «Что такое светопись» (1928), А. Фомин «Светопись Н. И. Свицова-Паола» (1964), В. Грюнталь «Фотоиллюстрация, светопись, трансформация, фотомонтаж» (1966) и др. Живопись и искусствоведческие исследования повлияли на фотографию. Но на рубеже XIX – XX века фотоискусство, кино стали влиять на живопись.

В живописи есть «техника» и «поэзия техники». В 1982 году Ю. Гренберг сделал исследование «Технология станковой живописи», в котором традиционная техника прежних веков нашла своё обобщение в технологии, где предложен переход от «техники» к её «поэзии». Гренберг отмечал фламандский принцип «внутреннего света», основанный на просвечивании светлого грунта, который покрывался очень тонким слоем светло-серой и жемчужной имприматуры, создающей общий нейтральный фон [4, с. 230]. Он отмечает парадокс (с точки зрения прозрачной живописи), созданный Моне: «непрозрачная живопись оказалась наиболее светоносной, удерживающей свет «рябью» своей поверхности» [4, с. 235].

В 2007 году защищена работа Е. Бычковой «Символика и образы цвета и света в сакральном искусстве Москвы XIV – первой половины XVI вв.», где цвет выступает как материальное выражение аспекта нетварного божественного света. Особую примечательность работе придаёт привлечение и попытка систематизации предшествовавших исследований в этом русле. Например, исследований, непосредственно посвящённых изучению цвета и света в православной культуре: статей В. Бычкова «Эстетическое значение цвета в восточнохристианском искусстве» (1975), Н. Бахилина «История цветообозначений в русском языке» (1975), трудов Н. Овчинникова «Символика христианского искусства» (1999), Н. Третьякова об образе в искусстве (2001), Л. Щенниковой «Творения преподобного Андрея Рублёва и иконописцы великокняжеской Москвы» (2007).

Таким образом, можно видеть несколько тенденций в анализе света, его функции: естественнонаучная, иконологическая, технология станковой живописи. Им соответствовали отношения к свету как физическому явлению, свету как метафоре духоносности и свету как «средству видимого проявления предметности» [5, с. 13]. Среди этих тенденций Н. Волкову в книге «Цвет в живописи» (1965, 1984) удалось выделить важную проблему светоносности в живописи, которая в его интерпретации трансформирует изобразительную функцию света в эффект свечения.

Начало III тысячелетия знаменуют обобщающие работы Х. Зедльмайера «Искусство и истина...» (1999, 2000), «Утрата середины; Революция современного искусства; Смерть света» (2008) и коллективная монография Института теории и истории изобразительных искусств, Российской академии художеств «Художественная аура: истоки, восприятие, мифология» (2011). Здесь разговор о свете переходит в сферу духа, духовности – актуальным становится понимание функции света в живописи как носителя и метафоры духоносности.

Литература

1. Goethe, V. Theory of Colours: trans. Charles Lock Eastlake. – Cambridge, 1982.
2. Хогарт, У. Анализ красоты: пер. с англ./ Вступ. ст. и примеч. М.П. Алексеева. – 2-е изд., испр. и доп. – Л., 1987.
3. Волков, Н.Н. Цвет в живописи. – 2-е изд., доп. – Москва, 1984.
4. Гренберг, Ю.И. Технология станковой живописи. История и исследование: Монография. – Москва, 1982.
5. Зайцев, А. С. Наука о цвете и живопись. – Москва, 1986.

О РОЛИ ТЕЛЕСНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

Е.А. Цымбалюк

*Культура – это то, что остается,
когда все остальное забыто
Эдуард Эфрио*

Вопросы телесности в музыкальном искусстве и методиках его преподавания рассматриваются с разнообразных позиций. С точки зрения профессионального музыкального образования ситуация очевидна. Хорошая техника или «беглость пальцев», мастерское владение разнообразными игровыми приемами позволяют музыканту-инструменталисту грамотно интерпретировать произведение любого художественного замысла и технической сложности. Высокоразвитый вокальный слух и вокальные навыки, свободное оперирование технологиями голосообразования, комплексом исполнительских певческих умений определяют профессионализм певца. Владение мануальной техникой, пластичным и выразительным жестом, а также системой музыкально-дидактического, словесного, вокального и дирижерского воздействия входят в основу профессионального становления дирижера и хормейстера. Комплексная инструментальная, вокальная и дирижерская подготовленность исключительно необходимы в работе педагога-музыканта средней школы.

Однако вопросы телесности в массовом музыкальном образовании трактуются не столь однозначно, о чем свидетельствуют споры как в печати, так и на дискуссионных площадках. Причины тому, на наш взгляд, в разнообразном понимании механизмов приобщения подрастающего поколения к музыкальному искусству.

Одни исследователи придерживаются жанрово-стилевого подхода к преподаванию искусства и ставят задачу освоения школьниками всех известных уровней функционирования стиля – исторического, национального, композиторского, исполнительского, а также стиля направления на основе осознания как музыкальных, так и внемузыкальных факторов стилеобразования. Представители данного подхода адаптируют

важнейшие понятия музыковедения применительно к педагогической практике, строят занятия на основе последовательного накопления школьниками необходимых музыкально-слуховых представлений [1].

Другие авторы мыслят преподавание музыки в соответствии с принципами развивающего обучения, суть которого видят в обращении к природе явления в музыке, т.е. к жизненным истокам художественных музыкальных красок и типов музыкального развития. Их стремление связано с воспроизведением ребенком процесса рождения музыки, возвышающего учебную музыкальную деятельность школьника на уровень обобщенного осмысления искусства [2].

Иная позиция наблюдается у третьих исследователей, утверждающих, что опыт общения с музыкальным искусством трудно поддается технологическому осмыслению и алгоритмизации, в том числе с позиции телесности. Доказывается, что в восприятии музыки интуиция, сознание и синергия тела проявляются слитно, что попытки, минуя телесно-мышечный уровень восприятия или протоинтонацию, приблизиться к постижению духовного содержания музыки достойных результатов не имеют. Только творческий диалог сознания и тела обеспечивают общение с музыкой; тело – как индикатор восприятия, его эмоциональная составляющая, сознание – как детектор восприятия, направленный на отбор необходимых музыкальных и немusical ассоциаций [3]. «Совместно с ними (реакциями собственного тела – Е.Ц.) сознание образует единую операциональную систему, направленную на взаимодействие с музыкальным искусством на духовном, психосоматическом и физиологическом уровнях, вовлекает слушателя в сотворчество с самими собой, самоанализ сопутствующих чувств и эмоций» [3, с.41].

Как видим, принципиально разные подходы к пониманию сути взаимодействия музыки и человека приводят к разночтениям в трактовке роли телесности в данном процессе и, как следствие, к весьма противоречивым музыкально-педагогическим методикам. В этой связи полезно обратиться к педагогически неангажированным источникам, изучающим роль телесности в музыке вне обучающих теорий и методик.

Авторитетные источники утверждают, что слушание музыки как целенаправленная форма общения с музыкальным искусством сложилась, по меркам искусства, «сравнительно недавно» – к концу XVI в., что привело к постепенному возникновению публики. Как ранее, так и теперь природная предрасположенность к музыкально-слушательской деятельности встречается достаточно редко. Подавляющее большинство людей стремятся не к пассивному созерцанию кем-то созданных музыкальных образов, а к самовыражению через звук, т.е. к позиционированию себя создателями либо исполнителями музыки. Именно музицирование и самостоятельное (возможно, на абсолютно любительском уровне) оперирование звуковысотными, тембро-динамическими и ладогармоническими красками «привносит новые черты

в тезаурус человеческой личности» (И.А. Бергер), выходит музицирование и элементарное музыкальное творчество на первое место среди наиболее предпочитаемых форм общения с музыкальным искусством, особенно в детском и юношеском возрасте [4] [5]. Человек «музицирует» всем своим телом – голосовые связки интонируют звуковысотную линию произведения, осознаваемые и неосознаваемые двигательные реакции отражают ритмический рисунок, биение сердца – музыкальный пульс [6]. В этой связи роль телесности в формировании музыкальной культуры личности следует рассматривать комплексно, в единстве инструментальных и имманентных ценностей человеческого тела.

В научной литературе широко прописана их суть. В первом случае речь идет о теле как инструменте достижения прочих, внетелесных целей, во втором – о самооценности тела как таковой. На наш взгляд, в ситуации приобщения к музыкальному искусству данные ценности телесности полезно использовать в комплексе. Именно на уроках музыки «телесное» переживание художественного образа (пение, игра на музыкальных инструментах, пластическое интонирование–дирижирование произведения в целом, его отдельных фрагментов и фраз) является одновременно эмоциональным переживанием образа, импульсом и конечной формой прочтения последнего. Такая позиция выводит на второй план вопросы значения «активных» и «пассивных» методов музыкального воспитания, количественного соотношения «слушательских» и «исполнительских» этапов урока музыки. Телесность становится элементом единого художественно-образного постижения искусства, где пение и движение под музыку гармонично сочетаются с ее словесным анализом, с цветовым и графическим изображением, с сопереживанием «лирическому герою» произведения. В конечном счете это может привести к рождению новых идей массового музыкального воспитания, к разработке принципиально нового поколения учебников по музыке, к внесению изменений и дополнений в профессиональную подготовку педагогов-музыкантов.

Литература

1. Хвостова, И.А. Жанровый и стилевой подходы к содержанию и методам общего музыкального образования // Культурное пространство России: проблемы и перспективы развития: материал. Междунар. науч.-прак. конф., Тамбов, апрель 2004 г. / отв. ред. Е.И. Григорьева; Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2004. – С. 412–417.
2. Музыкальное образование в школе: Учеб пособие для студ. муз. фак. и отд. высш. и сред. пед. учеб. заведения / Л.А. Школяр, В.А. Школяр, Е.Д. Критская [и др.]: под ред. Л.В. Школяр. – М., 2001.
3. Рева, В.П. Духовно-телесная модель общения с музыкальным искусством // Актуальные проблемы педагогики искусства: материал. Междунар. науч.-прак. конф., Могилев, 22-23 апреля 2010 г. / МГУ им. А.А. Кулешова. – Могилев, 2010. – С. 39–42.
4. Холопова, В.Н. Музыка как вид искусства: Учеб. пособие. – СПб., 2000.

5. Бергер, И.А. Музыкальное образование как обязательное слагаемое личности человека XX века // Актуальные проблемы педагогики искусства: материал. Междунар. науч.-прак. конф., Могилев, 22-23 апреля 2010 г. / МГУ им. А.А. Кулешова. – Могилев, 2010. – С. 6–9.
6. Назайкинский, Е.В. О психологии музыкального восприятия. – М., 1972.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТАНОВКИ В. ДЕККЕРОМ «ТРАВИАТЫ» ДЖ. ВЕРДИ)

Л.А. Шкор

Современное искусство рубежных десятилетий XXI в. демонстрирует поразительные примеры актуализации многих социальных проблем современности, которые раскрываются (в том числе) через новейшие интерпретации признанных шедевров музыкальной культуры прошедших эпох.

Проблема личности, которая вступает в конфликт с негласными социальными канонами, ярко репрезентирована современным немецким режиссером Вилли Деккером в постановке оперы Дж. Верди «Травиата» (фестиваль в Зальцбурге, 2005 г.). Режиссер В. Деккер, сохраняя авторский замысел Дж. Верди (стремившегося представить свою оперу своим современникам в качестве критического и беспристрастного «зеркала» времени), выводит на сцену солистов и хор, одетых в современные деловые костюмы. С другой стороны, отражая тенденции постмодерна, В. Деккер насыщает оперу метафорами и аллюзиями, которые формируют в художественном пространстве этого спектакля собственный «визуальный социально-антропологический подтекст». Вместе с тем, этот «визуальный социально-антропологический подтекст», оказывается созвучен творческим замыслам композитора XIX в. (т.е. Дж. Верди), и одновременно резонирует с совершенно неожиданными ракурсами современного искусства.

Ярким и хорошо узнаваемым примером «заимствования» художественных образов, ставших даже нарицательными в искусстве и культуре XX в., стал образ Кармен. Наиболее очевидно этот образ проявился во втором действии, в сцене бала у Флоры. Наиболее интересным социально-антропологическим акцентом, подчеркнутым В. Деккером, является репрезентация «распыленности» образа Кармен в современном обществе. Режиссер смело обращается к метафоре корриды, особенно подчеркивая, что происходящее на сцене – коррида психологическая. А участие в ней главного героя становится не его личным выбором, а выбором толпы, скрывающейся за одинаковыми масками Кармен. (А толпу «кармен» не менее активно поддерживает толпа «сыщиков» в масках Пуаро, героя детективов А. Кристи). Сама коррида, приобретая социально-психологические характеристики, превращается в

сцену современного офисного буллинга. Иными словами, режиссер В. Деккер «отобрал» наиболее узнаваемые социально-психологические «типажи», поместив их в социум, с одной стороны, а с другой – показав актуальный психологический феномен, связанный с вторжением и разрушением личных границ конкретного человека (на примере главного героя оперы).

Новаторство режиссуры В. Деккера в опере Дж. Верди «Травиата» заключается также в активном использовании метафор, связанных с образами времени и смерти. С начала первого действия режиссер В. Деккер практически одновременно выводит двух персонажей – собственно Виолетту (главную героиню) и доктора Гренвиля (второстепенная роль). По замыслу режиссера безмолвный и постоянно присутствующий на сцене доктор перевоплощается в призрак смерти, которого боится и к которому одновременно апеллирует Виолетта. Подобным образом режиссер подчеркивает изначальную трагичность сюжета оперы – Виолетта больна чахоткой, и ее уход – вопрос времени. Это является аллюзией на знаменитое изречение «мене, текел, фарес», некогда возникшее во время пира вавилонского царя Валтасара. (Заметим также, что «поделенность» судьбы Виолетты показана в сцене третьего действия, когда на парижском карнавале возникает девушка-двойник Виолетты, «забравшая» свою часть времени и часы). Столь же шумной офисной пирушкой открывается и первое действие оперы, где Виолетта Валери предстает перед зрителем в ярко-красном коктейльном платье, которое кажется даже эпатажным на минималистском фоне обстановки (белой стены-полукруга, напоминающей корпус часов изнутри).

Часы, являющиеся единственным элементом декорации спектакля, несут по замыслу режиссера В. Деккера сложную семантическую нагрузку. Она обусловлена тем, что во многих постановках «Травиаты» зритель часто узнает о болезни главной героини, только прочитав либретто. И, таким образом, фраза из либретто о том, что Виолетта часто проводит время «с доктором и другими друзьями» [1], приобретает в интерпретации В. Деккера зловещий оттенок. Он только усиливается и подчеркивается через семантику образа «отмеренного времени», на которое указывают огромные часы, стрелки которых вращаются то стремительно, то замирают на месте. Эти же стрелки, сорванные с часов, становятся пиками (в сцене корриды), которыми толпа в масках Кармен «добивает» чувства Альфреда к Виолетте. (Именно эта толпа выступает воплощением социальных стереотипов, под воздействием которых происходит окончательный разрыв главных героев). Отметим также, что и корпус часов также перевоплощается в процессе развития оперного действия. Гигантский корпус часов, снятый со стены, превращается и в игральный стол, и в эшафот, и в ложе покинутой всеми Виолетты.

Образ Виолетты (по комплексу имплицитных характеристик) также оказывается максимально приближен к острым вопросам, транслирующимся в пространстве современной культуры. С одной

стороны, сама внешность исполнительницы главной роли (Анны Нетребко) соответствует современным стандартам женской красоты, принятой в модельном бизнесе. Иными словами, внешность топ-модели маркируется режиссером В. Деккером в качестве примера доминирующих ценностей, пропагандируемых современной индустрией моды. С другой стороны, главная героиня оказывается единственным персонажем, облаченным на сцене в красный цвет (на фоне серо-черной массы артистов хора). Уместно предположить, что красный цвет (как характеристика образа главной героини) выбран неслучайно – семантика красного цвета связывается с любовными страстями, вожделением и соблазном. Столь неоднозначная репрезентация главной героини оперы Дж. Верди вызывает сравнения образа Виолетты с куклой Барби. Название оперы – «Травиата» в переводе с итальянского означает «падшая», и прототипом облика Барби также являлась эротическая кукла Лилли [2]. Сравнивая Виолетту Валери и Барби, режиссер раскрывает свою идею о современных стандартах красоты, о ее символическом потреблении, о транслируемых общественных ценностях, внутри которых существуют женщины. Также, как и Кармен, образ куклы Барби стал нарицательным, символом успешности, часто мнимой. «Кукольность» главной героини оперы «Травиата» подчеркивается эротизмом поз, не характерных для оперных певиц, смелостью жестов, внутренним психологизмом произнесения каждой мелодической фразы.

Таким невероятным образом выполняется В. Деккером авторский замысел Дж. Верди – показать современникам драму, представив «Травиату» как зеркало времени. Опираясь на вышеизложенное, отметим, что новое сценическое прочтение шедевров оперного искусства выявляет широкое «интегративно-художественное поле», в котором усиливаются моменты «интеллектуальной игры». Она проявляется через соизмерение интеллектуальных уровней и навыков анализа текстов искусства автором и зрителями, а среди новых «текстов искусства» оказываются «зашифрованы» и социально-антропологические проблемы.

Литература

1. Друскин, М.С. Сто опер. – Ленинград, 1970.
2. Горалик, Л. Полая женщина: Мир Барби изнутри и снаружи. – Москва, 2005.

ЗОДЧЕСКИЙ ТЕЗАУРУС СОВРЕМЕННОГО ПРОТЕСТАНТСКОГО ХРАМОЗДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ

Т.В. Габрусь

В богатой типологии современных общественных зданий культовые сооружения являются наиболее социально ангажированными, зависимыми не только от истории и идеологии государства, но и от теологических

постулатов определенной конфессии, соответствующих им канонов и семантики храмоздательства. Протестантская церковь по религиозно-реформационным принципам отделилась от римско-католической в начале 16 в. Еще во времена Реформации она разделилась на лютеранскую и реформатскую, каждая из которых в дальнейшем делилась на многочисленные течения и секты по характеру толкования основ христианства и церковного ритуала. Основные общие принципы протестантизма: признание исключительного авторитета Священного Писания, отрицание особого божественного авторитета духовенства, безбрачия священников, равенство всех верующих перед Богом, осуществление только двух священных таинств – крещения и причастия.

В середине XVI в. значительная часть магнатов и шляхты Великого княжества Литовского отошла от своего предшествующего православного или католического вероисповедания, приняв идеологию Реформации, что было обусловлено стремлением правящего класса этой части Речи Посполитой к политической и религиозной независимости от Короны Польской и католической церкви. Во второй половине 16 в. количество кальвинских, лютеранских и арианских общин в Великом княжестве достигло 177, из них на белорусских землях – 92. В среде местной магнатории особенно широкую популярность получил кальвинизм. Главным протектором кальвинистов в Великом княжестве Литовском был владелец несвижского замка Николай Радзивилл Черный, который основал множество кальвинских сборов. Характерно, что в то время строительство зданий для собраний протестантских общин локализовалось в центральном регионе Беларуси, на границе расселения преимущественно православных этнических белорусов и этнической Литвы, население которой приняло крещение в католичество в конце XIV в.

Первоначально под сборы переделывались более ранние готические костелы. При этом готика принципиально отвергалась протестантами как художественно-теологическая концепция католицизма. Строительство собственно протестантских храмов началось, когда реформационное движение стало оппозиционным государственной идеологии, что произошло на рубеже XVI–XVII вв. Архитектурную стилистику каменных протестантских храмов этого времени можно охарактеризовать как готико-ренессансную, по своим идейным и формальным принципам противостоящую наступлению контрреформации и новому на то время архитектурно-художественному стилю барокко. Кальвинские сборы часто имели оборонный характер, отличались массивностью и компактностью форм, наличием мощных четвериковых башен с бойницами на главном фасаде: сборы в Заславле, Минске, Койданове, Жодишках, Кухтичах, Сморгони и др. Главной особенностью аутентичных протестантских сборов было отсутствие в их архитектонике алтарной апсиды, что было обусловлено отрицанием сакральной роли духовенства и утверждением священства всех верующих “по вере”. В середине XVII в. в результате русско-шведско-польской войны, которая носила не только

межгосударственный, но межконфессиональный характер, протестантизм в Великом княжестве Литовском был полностью искоренен. Все кальвинские сборы были реконструированы под костелы (чаще всего они передавались ордену иезуитов), а позже, в исторических рамках Российской империи, перестроены под православные церкви, утратив при этом аутентичные черты. Уцелевшие ранее памятники разрушены в 20 в.

Хотя традиции строительства протестантских храмов в Беларуси были прерваны еще в середине XVII в., в настоящее время они возродились в деятельности многочисленных протестантских общин. Основная масса протестантских храмов сооружена в крупных областных городах и райцентрах Беларуси, преимущественно в южном и западном регионах республики, где исторически доминировала униатская (грекокатолическая) церковь, ликвидированная в 1839 г. На первый план в идеологии протестантизма выступает светское начало, обмирщение религиозного служения, что способствует архитектурно-функциональному решению молитвенных домов как общественных центров, по внешнему облику напоминающих общественные сооружения в стиле недавнего ретро, кинотеатры и Дома культуры советского периода, сакральность которых выявляет только наличие крупномасштабного креста в декоративной пластике. Духовный аскетизм, простота и демократичность выразительных средств априори заложены в идеологию протестантизма, поэтому декоративные средства храмостроительства этой ветви христианства сведены к минимуму.

В архитектурной стилистике современного протестантского храмостроительства определяющим фактором выступает идеологическая ориентация на ветхозаветную символику и местную готико-ренессансную традицию. В семантике и символике архитектоники большинства современных храмов протестанты следуют в основном ветхозаветной идее Ковчега Спасения. В художественно-пластическом решении дань отдается преимущественно местной готико-ренессансной традиции, выраженной в наличии на главном фасаде ступенчатых щитов и центрально-симметричных башен. В орнаментике это выявляется в широком использовании ритмически уравновешенных полуциркульных арочных форм, что придает архитектурно-художественному образу сооружения знаковую монументальность, выделяя его из окружающей застройки. В ряде случаев доминирующая ренессансная стилистика протестантских храмов эклектично сочетается с неоготической, отражая таким образом генетическую связь со средневековым католическим храмостроением, иногда переключается с мотивами древнерусского зодчества или традициями архитектуры местных синагог и мечетей.

Лучшими мастерами белорусской архитектуры при создании выразительного художественного образа современного протестантского храма преимущество отдается новейшим постмодернистским тенденциям. Для них характерна трактовка символического Ковчега не в виде традиционного прямоугольного нефа, а с помощью пространственно

активной и свободной формы овала. обогащенной разнообразными светотеневыми эффектами. В образно-пластическом решении церкви евангельских христиан-баптистов в д. Колодищи Минского р-на (арх. А.Андреюк, М.Давыдовский, 1993–2004 гг.) доминирует библейская символика. В сложной разновысотной композиции храма произвольно сочетаются пластичная эллипсообразная форма молитвенного зала с острыми, почти готическими формами главного фасада и ступенчатой алтарной части. Окна на северном фасаде трактованы как свечи, составляющие семисвечник, чем акцентирована ветхозаветная сакральность числа семь и в целом иудаистский контекст протестантизма.

Форма овала как метафора Ковчега Спасения использована также в архитектуре молитвенных домов евангельских христиан-баптистов в Волковыске (арх. А.Андреюк, В.Шелест, 1993–2000 гг.) и при доме престарелых в Минске (арх. Б.Школьников, Л.Сазонова, Е.Урбан, 1998—2003 гг.). В храме в Волковыске образ плывущего корабля усиливается заостренной формой главного фасада, как бы разрезающего волны, завершенного высоко вздымающимся фигурным щитом с эркером-ростром. Авторский почерк творческой мастерской А.Андреюка прослеживается также в архитектуре церкви христиан веры евангельской «Ковчег Спасения» в Лунинце Брестской области, к которой с боку пристроен двухъярусный башенный объем, напоминающий спасательные шлюпки.

Современный тезаурус зодчества, принципы формообразования эпохи постмодернизма, обусловленные в значительной степени динамичным прогрессом в области науки и техники, строительных конструкций и материалов, в то же время в сфере сакральной архитектуры остаются вторичными, подчиненными доминантным идеологическим постулатам. В силу этого в протестантском храмостроительстве при создании новых архитектурных произведений характерная для постмодернизма, концептуально заложенная в нем эклектичность опирается в основном на принципы историзма и традиционной конфессиональной семантики. Идеологическая и историческая специфика этой ветви христианства обусловила превалирование светского начала в архитектуре протестантских молитвенных домов, тяготение к архитектурно-художественным традициям местного ренессанса в постмодернистской интерпретации. В сфере сакральной семантики, в отличие от структурно и иерархически разработанных архитектурных форм православного и католического храмостроительства, для современных протестантских храмов характерна определенная ограниченность и прямолинейность символики, апеллирующей в основном к Ветхому Завету.

4. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДИНАМИКИ СОЦИУМА

В.Н. Калмыков

Различные «прочтения» цивилизации, пожалуй, можно интегрировать в антропокультурологическом подходе. Исторический процесс, в концепции П.А. Сорокина, есть циклическое колебание, смена суперсистем культуры, совокупность социальных систем и личностей в их взаимодействии. Цивилизация включает в себя преобразованную человеком, окультуренную природу и средства этого преобразования: человека, способного жить и действовать в окультуренной среде своего обитания, а также совокупность общественных отношений как форм социальной организации культуры, обеспечивающих её существование и продолжение. Цивилизационные достижения связаны как с технологическим освоением природы (изобретение колеса, машины, использование электричества, атомной энергии, выведение новых высокопродуктивных пород животных и сортов растений и т.д.), так и с совершенствованием регуляции социальных отношений (создание письменности, юридических норм и законодательства, денег и рынка и т.п.). Культура задаёт высшие ценности, жизненные смыслы, а цивилизация – механизм их реализации. Цивилизация – овеществлённая часть истории, а культура – её человеческое измерение, зафиксированное в ментальности, нравах, обычаях, опыте и знаниях людей.

Вычленяются доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный типы цивилизаций.

Постиндустриализм не означает деиндустриализацию, а выдвигает в качестве парадигмы развития неоиндустриализацию. Социум перешёл или переходит от традиционной машинной индустрии, основанной на электрификации экономики к высоким технологиям, опирающимся на электронику, микропроцессорные системы, телекоммуникацию, робототехнику. Развиваются технологии крупномасштабной автоматизации производственных процессов, сборки промышленной продукции, её тестирования, испытания и разборки, утилизации техники после того, как она отслужила свой срок. Для современного общества, в том числе белорусского, характерен комбинированный тип модернизации, сочетание индустриального и постиндустриального информационного развития, что, между прочим, отражается в «комбинаторной идеологии» [1, с. 109–112]. Примером модернизации в Беларуси выступает Парк высоких технологий, доля экспорта которого в компании из 52 стран в

общем объёме производства равняется 82 %. При НАН Беларуси созданы также Парк передовых технологий, Парк биотехнологий и т.п. В целом, осуществляется синтез существующего индустриального сектора и кристаллизации наукоёмкой высокотехнологической среды. Это соответствует реальному положению дел в экономико-технологической сфере общества и ориентирует не на догоняющее, а на перспективно-цивилизационное развитие [2, с. 44].

Технология, считал Ж. Делёз, представляет собой явление прежде всего социальное и только потом – техническое. Через технологию как механизм воспроизводства и функционирования социума субъект на основе опыта и знаний реализует свои практические цели и планы, организует общение и деятельность. Модернизация охватывает процессы не только в экономике. Она формирует открытую стратификационную систему, высокую мобильность населения, совершенствует демократические политические институты, ослабляет традиционные ценности и внедряет новые, обеспечивает культурный плюрализм. Если в традиционном доиндустриальном обществе базовыми ценностями были армия и церковь, в индустриальном – фирма и корпорация, то в постиндустриальном обществе базисным феноменом становится знание, а важнейшим социальным противоречием выступает конфликт между некомпетентностью и профессионализмом людей.

Одной из особенностей постиндустриального развития, по мнению философа В. С. Стёпина, является переход «к доминированию нематериалистических ценностей.., сдвиг от безудержного роста вещественно-энергетического к увеличению информационного потребления» [3, с. 119–120]. Отметим: рост информации как нематериалистической ценности осуществляется на материальной базе техники как носителя информации. Может быть, не следует отдавать приоритет материальному или нематериальному, ведь идеальное существует как материализация замыслов, участвует и присутствует во всём, что человек делает разумно.

Эффективность экономики как фундамента социума достигается опережающим развитием так называемого социального продукта, то есть человека, его духа в гармонии с естественной природой, что делает возможной контролируемое динамико-устойчивое технологическое развитие. Конечно, управляемость модернизационными процессами сдерживается стихийностью сознания (ведь целенаправленность сознания сочетается с его стихийностью) и естественностью протекающих самоналаживающихся процессов (наряду с их регулируемостью).

Опережающее развитие человека происходит противоречиво. Возрастает разрыв в темпах биоэволюции и техноэволюции, что затрудняет совместное гармоничное развитие человека и биосферы. Современная неклассическая философия осознаёт кризисность человеческого существования, наряду с творческими возможностями человека видит ограниченность и разрушительность его притязаний. К

антропологическому кризису ведут: а) опасные изменения генетической основы человека под воздействием загрязнения среды, болезнетворных микробов и вирусов; б) технизация и компьютеризация быта провоцируют ослабление физической нагрузки на организм, толкают порой человека к выстраиванию виртуальной «параллельной жизни» как заменителя и суррогата реальной жизни, живого непосредственного общения; в) в условиях ускоряющихся темпов жизнедеятельности стрессовые нагрузки, перенапряжения активизируют рост сердечно-сосудистых, онкологических и психических болезней, депрессий; г) переконструирование биологической основы человека (усиление умственных и физических способностей, памяти, улучшение функционирования нервной системы и т.д.) открывает новую зону риска. Ведь при перестройке каких-то генов, программирующих определённые свойства организма, возможно, произойдёт искажение других свойств, нарушится естественное саморазвитие организма.

Г. Плесснер указывал, что человек лишён равновесия: достигнув чего-либо, он не может обрести покой, а стремится к самоизменению. Отметим, что личности присуще не только изменение и новизна, но и относительно неизменное, например, верность определённым принципам и идеалам, нравственным нормам. Индивид достигает успеха, если осознаёт границы своих возможностей, взвешенно оценивает свои способности и в определённой степени сдерживает себя, чтобы сосредоточиться на реально осуществимых планах. Сдерживая себя, индивид экономит свои силы и энергию. Идею экономии мышления проводили Э. Мах и Р. Авенариус. Л. Уорд полагал, что движущей силой исторического развития выступают социопсихологические факторы цивилизации: экономия труда и экономия духа. В современных условиях важно добиваться высокой результативности деятельности при минимуме затрат умственной, физической, эмоционально-психологической энергии, рациональном расходовании ресурсов и времени.

Помимо экономии сил и энергии следует также учитывать и противоположную тенденцию – активизацию деятельности. Ведь тот или иной бездействующий орган человека не тренируется и деградирует. Ничто так не истощает и не разрушает человека, полагал Аристотель, как продолжительное бездействие. Леонардо да Винчи отметил, что ум человека, не находя применения, чахнет. Актуальной является задача нахождения изменяющейся разумной меры сочетания возбуждения и торможения сил и энергии человека в конкретных обстоятельствах. Экономия сил и активизация жизнедеятельности человека выступают как единство и взаимодействие противоположностей и характеризуют закон сохранения и совершенствования человечества [4, с. 97].

Итак, человек воплощает единство противоположных начал: постоянной восприимчивости ко всем импульсам, идущим от мира, общества, и личностного придания этим импульсам человеческого смысла. В динамике социума стихийно-спонтанное начало переплетено с

целеволевым началом, объективная заданность процессов и состояний соединена с субъективными устремлениями людей.

Литература

1. Калмыков, В.Н. Смысл смешанной (комбинаторной) идеологии // Наука и образование в условиях социально-экономической трансформации общества. – Ч. 1. – Брест, 2004. – С. 109–112.
2. Лазаревич, А. Знание и образование – основа современной модернизации // Беларуская думка. – 2011. – № 10. – С. 38–44.
3. Стёпин, В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего / В.С. Стёпин. – М., 1996.
4. Калмыков, В. Закон сохранения человечества // Беларуская думка. – 2010. – № 10. – С. 94–99.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ XXI ВЕКА

О.А. Шершнёва

Говоря о современной эпохе, трудно подобрать адекватное выражение, характеризующее в полной мере всю сложность и многомерность тех трансформационных процессов, которые стали привычной средой нынешнего поколения. Сегодня стало модным говорить о «глобальном обществе», «информационном или сетевом обществе», о «новой форме тоталитаризма» или «постэкономической эпохе». Однако нельзя игнорировать тот факт, что человечество живет в эпоху глобализации, которая с точки зрения Л. С. Сморгунова, есть «пересечение процессов рационализации, контрколонизации, экологизации, космизации и информатизации» (см.: [1, с. 148]). Глобализация, будучи многоаспектным явлением, связана с глобальным рынком, массовой культурой, с новым мировоззрением и моралью, и это, безусловно, имеет свои корни в прошлом.

Многочисленные войны и революции XX в., резко обострившиеся энергетические и экологические проблемы, усугубление экономической и политической обстановки в мире вне всякого сомнения стали тревожными знаками нарастания деструктивных процессов в современном обществе. Стратегия «устойчивого развития» себя не оправдала, инструментальное отношение к миру не прошло испытание временем, глобализационные процессы набирают силу, а направить их в такое русло, в рамках которого откроются новые возможности для решения, а не умножения фундаментальных глобальных проблем – оказывается задачей не только грандиозной важности, но и высокой степени сложности.

XX век ознаменовался не только нарастающим хаосом и нестабильностью, коллапсом экономической, политической системы, парализованной оказалась наука, что подтверждается крахом, в том числе и таких глобальных исторических теорий, как марксистская концепция

смены социально-экономических формаций, «закат Европы» по Шпенглеру. Концепция однополярного мира также потерпела фиаско. Стало очевидным то, что невозможно строить прогнозы будущего в рамках, так называемого «единственно верного учения», ибо мы пребываем в ситуации «становления многомерного мира, характерного, прежде всего тем, что интересы человека выходят из плоскости материальных интересов» [2, с. 192].

Именно потому, что современное общество пребывает в стадии интенсивных изменений, социальных и глобальных перемен, требуется новое концептуальное осмысление этих процессов, социально-философский или критический анализ происходящего. Нынешняя глобальная трансформация общества нуждается, прежде всего, в гуманистических идеалах, которые позволили бы консолидироваться национальным общностям, позволили бы не только снять отчуждение человека от природы и общества, но и сохранить биосферу, ныне пребывающей в состоянии, приближающемся к катастрофе. В этой связи особое значение приобретает работа представителей гуманитарного знания, в большей степени философов, призванных отыскать адекватные нынешнему историческому времени идеалы, разработать и теоретически обосновать возможные сценарии будущего.

Новые технологические и социальные трансформации часто оказываются тупиковыми, что неизбежно требует их переосмысления и оценки, а это дело социального анализа и философской критики, поскольку только философская рефлексия способна непредвзято и объективно расставить акценты над проблемой любой сложности, осмыслить конкретную ситуацию в контексте соответствующего социального и культурно-исторического развития и дать ее логический анализ.

Философия изначально нацелена на то, чтобы помочь прояснить смысл и содержание наиболее общих взаимоотношений человека с миром и с самим собой. Философия, несмотря на свой абстрактный характер, никогда не игнорировала факты действительности и не стояла особняком от реальности. Более того, как известно, абстрактность свойственна не только философии, но и всякому подлинному мышлению, «ибо только тот действительно мыслит, кто абстрагируется от данного, кто движется от фактов к их движущим силам, кто не уничтожает факты в своем сознании; абстракция это и есть сама жизнь мышления, признак его подлинности» [3, с. 397].

Претендуя на цельное универсальное знание, характеризующееся определенной степенью абстрактности и обладающее полнотой смысла, философия смотрит на реальность сквозь призму обобщения, ее интересуют не столько факты сами по себе, сколько их обобщения, результатами которых являются абстракции. С этой точки зрения философская наука ориентируется на всестороннее осмысление фактов, их генерализацию, сравнение, анализ, что неизбежно роднит ее с миром через широкий культурно-исторический контекст.

Несмотря на то, что философия не претендует на точное верифицируемое знание, это не умаляет ее достоинств, поскольку, пытаясь рассмотреть и концептуализировать предельные, наиболее общие основания взаимодействия человека с миром, она не оставляет без внимания ни один фрагмент реальности, выступает самым адекватным инструментом познания в том числе и сложных систем, среди которых особое место занимает глобализация и связанные с ней трансформационные процессы XXI века.

Поскольку философия всегда отличалась открытым и гибким характером своей природы, неудивительно то, что масштабы дифференциации философского знания расширяются, в предметную область философской науки имманентно вплетенными оказываются новые фрагменты реальности. А учитывая то обстоятельство, что формирование глобального взаимосвязанного мира является объективной тенденцией современности, можно говорить о становлении некой систематической философии, охватывающей универсальные и всеобщие связи бытия, познания и оценки мира и места человека в нем.

Безусловно, проблемы глобализации выходят за рамки сугубо онтологических, социальных, логико-методологических проблем, становятся предметом новой философии, более точно, системной философии или философии глобализации, которой особое внимание уделял американский постмодернист Ф. Джемисон. Он говорил: «философское исследование глобализации непременно предполагает прояснение вопросов о том, является ли она объективным процессом или же лишь плодом нашего воображения; является ли глобализация чем-то принципиально неизвестным человечеству ранее или же только продолжением уже имевших место в прошлом тенденций; является ли глобализация лишь количественной или же и качественной стороной современной жизни и не является ли третьей мультинациональной стадией развития капитализма?» (см.: [4, с. 57]).

Говоря о глобализации как некоем прототипе трансформационных процессов XXI века в целом и о новой философии, являющейся методом познания этих противоречивых и сложных процессов, можно ставить под сомнение то, насколько новая формирующаяся дисциплинарная матрица философского знания будет соответствовать новым вызовам времени. Но точно нельзя сомневаться в неприменимости категориального аппарата традиционной философии к изучению современного глобального мира.

Таким образом, в силу неоднозначных перемен в нашем обществе, в условиях социальной нестабильности и разобщенности социально-культурного пространства и парадоксальности современности процесс осмысления феномена глобальности и современных трансформационных процессов невозможен без эвристического потенциала философского знания.

Литература

1. Сморгун, Л.В. Политическое управление в глобализирующемся мире. – СПб., 2003.
2. Иноземцев, В.Л. За пределами экономического общества. – М., 1998.
3. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. – М., 2003.
4. Jameson, F. Notes on globalization as a philosophical issue // The culture of globalization. Durham. – NC., 1998. – P. 57–77.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТРУКТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ЭКОНОМИКЕ

О.А. Наумович

Для перевода экономики на инновационный путь развития необходима серьезная трансформация всей хозяйственной системы. Повышение конкурентоспособности отечественной продукции на основе научных исследований и разработок требует серьезного технического перевооружения технологической базы науки, позволяющей эффективно проводить научные исследования и разработки по созданию новых технологий, развитию наукоемких производств, разработке энергосберегающих технологий. Развитие сферы высоких технологий – это «необходимое условие эффективного развития экономики и социальной сферы, науки и техники, системы образования и культуры» [1, с. 5]. По состоянию на 1 августа 2010 г. в рамках инновационного развития Республики Беларусь создано 105 новых производств, модернизировано и реконструировано 255 действующих предприятий, внедрено 359 новых технологий [2, с. 18]. Структурная модернизация экономики в значительной мере связана с переходом от трудоемких и капиталоемких технологий к ресурсосберегающим, с целью обеспечения устойчивого экономического развития, основанного на выпуске прорывных инновационных проектов, высокотехнологичной продукции. Сущность структурной модернизации заключается во всестороннем преобразовании и обновлении, замене устаревшего оборудования, массовом внедрении передовых технологий, подготовке востребованных высококвалифицированных кадров, в повышении значимости социальных и экологических факторов. Модернизационные преобразования всегда влекут за собой институциональные перемены, приводящие к изменению традиционных отношений. Предметом процесса трансформации «являются закономерности социальных структурных изменений, проявляющиеся в технологических и институциональных трансформациях, а с ними и ресурсных и организационно – поведенческих трансформациях» [3, с. 10]. Если рассматривать технологические трансформации, то источником здесь выступают «технологические трансформационные перемены,

инициирующие структурные сдвиги других типов – ресурсные, поведенческие и, главное, институциональные» [4, с. 9].

Новый технологический уклад помимо новых решений и возможностей несет в себе и новые проблемы. Угрозой современного общества является разделение людей на имеющих ценную информацию, умеющих обращаться с новыми технологиями и не обладающих такими навыками. Государства, занимающиеся производством высокотехнологичных товаров и услуг, делают свою экономику более независимой от прочих государств, в то время как большинство государств оказываются зависимыми от постиндустриального мира как поставщиков новых технологий и информации.

Технологические нововведения предопределяют изменение социальных групп и отношений между ними не непосредственно, а преломившись через определенные социально-экономические отношения. Изменения в профессионально-квалификационном облике социальных групп, техническая вооруженность труда, уровень квалификации и профессиональная подготовка индивидов обуславливаются сдвигами в технологических укладах, которое сопровождается перемещением индивидов из одних профессиональных групп в другие и существенным изменением объема этих групп, а также в исчезновении ряда профессиональных групп и появлению новых групп. Однако не всякое изменение влияет на производственные способности людей. Существенное влияние на социальные процессы оказывают комплексы технологических перемен, меняющие технологический тип производства. Говоря о характере воздействия технологических модификаций на развитие белорусского социума, необходимо учитывать и обратное влияние. Под воздействием научно-технического развития резко возросли и качественно изменились требования к субъекту. Происходят изменения в структуре рабочей силы. Автоматизация производства, высокий уровень специализации труда, технологическое освобождение и другие факторы способствуют формированию работника, способного к высококвалифицированному, научному труду. Наблюдается рост занятости в сфере услуг, особенно в сфере социальных услуг, увеличивается популярность и престиж образования.

Технологические нововведения способствуют экономии труда – трудосбережению. Рациональное использование трудовых ресурсов является одним из аспектов перехода к новой экономике. С одной стороны, труд является наиболее дефицитным ресурсом в отдельных (высокотехнологичных, отраслях обрабатывающей индустрии) перспективных отраслях, с другой – избыточным (в отраслях III – IV укладов). Проблема нехватки востребованных специалистов «усугубляется перерасходом трудовых ресурсов из-за технологического устаревания большинства секторов и отраслей нашего народного хозяйства» [5, с. 4]. При формировании и развитии высокотехнологичных отраслей понадобятся соответствующие специалисты, обладающие

соответствующей квалификацией. При низком уровне заработной платы невозможно получить желаемый результат в производстве. Увеличение оплаты труда способно вызвать «целый шлейф серьезных мероприятий со стороны и власти, и бизнеса, придаст импульс для массированного трудосбережения на основе высокотехнологичной модернизации» [5, с. 10], что в итоге приведет к росту производительности, повышению качества жизни.

Теория и практика свидетельствуют о том, что динамичное развитие производства, которое в современных условиях предполагает устойчивый рост экономики, возможно лишь при широком использовании социальных факторов, более активном участии работников в управлении производством, повышении материального и культурного уровня жизни работающих. В условиях становления инновационной экономики наука становится непосредственной производительной силой и об уровне развития можно судить исходя из успехов в области знаний.

Таким образом, первоочередной задачей структурной политики в современных условиях должно стать производство наукоемкой продукции, обладающей низкой материалоемкостью и энергоемкостью, создание которой требует труда высококвалифицированных кадров и внедрение инноваций. Повышение конкурентных преимуществ должно осуществляться за счет внедрения более совершенных технологий и методов управления. Поэтому перед государством стоит важная задача полностью перевооружить материальное и промышленное производство, создать высокий технологический и кадровый потенциал. Обеспечение конкурентоспособности высокотехнологичных отраслей промышленности должно стать основной задачей государства и реализовываться через принятие государственных программ, направленных на вывод, через инновационный путь развития, на мировой уровень технологического развития. В долгосрочной перспективе Республика Беларусь должна стать страной, характеризующейся наукоемкой экономикой, экспортом новейших технологий, продуктов инновационной деятельности.

Литература

1. Демин, С.Ю. Рынок информационных продуктов и услуг: сущность, эволюция и специфика / С.Ю. Демин, С.Д. Подпругин. – Иркутск, 2007.
2. Основные положения программы социально-экономического развития РБ на 2010–2015годы // СБ – Беларусь сегодня. – 2010. – 11 нояб. – С. 18.
3. Мартынов, А. Теория и стратегия социального развития; возможности применения макросистемного подхода // Общество и экономика. – 2006. – № 10.
4. Мартынов, А. Модернизация как трансформация // Общество и экономика. – 2010. – № 6. – С. 3–30.
5. Ивантер, В.В. Трудосбережение как приоритет // Экономист. – 2011. – № 1. – С. 3–10.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ИМПЕРАТИВ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

И.К. Русанду

В последнее время наметилось определенное замедление в плане перехода к устойчивому развитию. Это связано, на наш взгляд, отчасти с тем, что необходимо было осознать и понять, что же представляет собой предложенная ООН концепция и стратегия устойчивого развития. Существует огромный спектр интерпретаций этой концепции, и, как не раз отмечалось, одной из наиболее доминирующих выступает «экологическая» трактовка устойчивого развития (УР). Считается, что если к современному социально-экономическому развитию добавить требование не разрушать окружающую природную среду, то в этом случае как раз и сформируется устойчивое развитие мирового сообщества.

И понятно, почему появилась такая точка зрения: ведь в первую очередь идея устойчивого развития появилась в связи с необходимостью решения проблем окружающей природной среды, что легко проследить по форумам ООН, начиная от Стокгольма (1972 г.) через Рио-де-Жанейро (1992 г.) к Йоханнесбургу (2002 г.). И хотя стало понятным, что необходимо совместно решать социально-экономические, экологические и другие проблемы, тем не менее экологический акцент в стратегии устойчивого развития присутствует, и это наиболее распространенная интерпретация новой цивилизационной концепции.

Экологические императивы действительно оказываются ведущими в создании и понимании концепции устойчивого развития (особенно если это исходит от экологов). Однако в ходе теоретико-методологических исследований стало понятным, что УР – это не просто добавление экологии к традиционному развитию, а принципиально новые трансформации по всем направлениям развития человечества, т.е. качественно иная «инновационная революция» во всемирном масштабе. Причем, включившись в системный переход к УР, даже экология и вся экологическая деятельность обретает принципиально новые черты. Отметим лишь некоторые из них.

Во-первых, это уже упомянутая системность, т.е. органическое включение экологических требований в социальные, политические, экономические и иные направления развития с целью формирования целостной системы человеческого и шире – социоприродного развития. Во-вторых, это приоритет глобальных императивов, опять-таки их гармоничное соединение с локальными, региональными, национальными и другими «менее глобальными» целями экологической инновационной деятельности. Важно, чтобы любое проводимое экологическое мероприятие не ухудшало глобальную экологическую ситуацию, которая, к сожалению, продолжает обостряться. В-третьих, решение экологических проблем должно ориентироваться на опережающие действия с целью

недопущения чрезвычайных ситуаций, кризисов и катастроф. Понятно, что глобальную экологическую катастрофу можно лишь предотвратить, поскольку ликвидировать ее отрицательные последствия просто будет некому.

Однако подобные инновации при переходе к УР ожидаются во всех сферах деятельности человека и прежде всего в экономике, о чем уже начинают догадываться пишущие на эти темы экономисты-экологи, хотя дело не только в экологических трансформациях хозяйственной деятельности. Основная цель перехода к УР – это, конечно, выживание человечества и сохранение биосферы как естественного фундамента жизнеобеспечения всего живого и разумного. Казалось бы, эта глобальная цель совпадает с требованиями обеспечения экологической безопасности, когда речь идет как о защите человека (населения), так и окружающей природной среды. УР – это как бы перенесенная на глобальные масштабы экологическая безопасность, т.е. одновременное сохранение (выживание) человечества и биосферы.

Считается, что такую глобальную экологическую безопасность может обеспечить переход к УР, хотя это пока выглядит лишь в качестве гипотезы или пожелания интеллектуальной элиты мирового сообщества. Дело в том, что одновременное сохранение человечества и биосферы с позиций синергетики весьма проблематично, поскольку человечество живет и развивается за счет природы. Поэтому сохранение биосферы требует существенного уменьшения антропогенного давления на биосферу даже в перспективе хозяйственного моделирования биосферных процессов и циклов с учетом деятельности человечества, которая пока идет вразрез с естественными биосферными процессами. Мы уже приводили определение понятия УР как такого развития, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Такое определение выражает определенную сущность новой модели (формы) человеческого развития, которое, по мнению его авторов, не должно прерываться какой-либо глобальной катастрофой антропогенного происхождения.

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА И МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Е.А. Солодкая

Развитие общества связано с появлением новых качественных характеристик — трансформаций в социальной структуре — возникновением новых элементов, изменений связей между ними. Управление процессом социального развития предполагает наличие неких ориентиров — целей развития, моделей социального устройства, которые

отсутствовали на предыдущих этапах истории. В качестве такого идеала может рассматриваться, например, концепция «устойчивого развития». Центральная идея этой концепции — сегодняшнее социально-экономическое развитие не должно противоречить интересам развития и охраны окружающей среды, как среды существования в том числе и будущих поколений. Такой подход требует учета экономических, социальных и экологических факторов, а также просчета преимущества и недостатки тех или иных вариантов развития не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе. Поэтому, в качестве отличительных черт концепции устойчивого развития можно выделить ее постулируемые долгосрочность и глобальность.

Среди тенденций, формирующих экобезопасные социальные процессы, выделяют следующие:

1. переход на интенсивный путь развития — максимальное использование качественных факторов и минимизация количественных параметров;

2. рационализация структур потребления и производства;

3. создание международной и глобальной законодательно-правовой и организационной базы, способной реализовать всеобщий консенсус;

4. формирование нового сознания и мировоззрения;

5. широкое развитие экологического движения;

6. создание эффективных управленческих и законодательных структур, способных реализовать цели УР на локальном, региональном и глобальном уровнях;

7. формирование новых типов властных структур, способных в условиях неопределенности и риска принимать оптимальные решения по вопросам перехода на модель УР [1, с. 36].

Последние два пункта, с нашей точки зрения, являются ключевыми, так как изменение внутрисоциальных отношений невозможно эффективно осуществить без изменения механизмов социального управления. Распределение субъект-объектных статусов между элементами социальной системы обусловлено наличием (или отсутствием) ресурсов — власти, которая позволяет осуществлять управленческие функции. Е.М. Кузнецова [2] анализирует возможные субъект-объектные модификации общества на примере одной из ключевых функций социального управления — социального контроля. Критерием выделения различные форм контроля выступает такой признак, как наличие (отсутствие) у членов общества прав личности на самостоятельное формирование индивидуального мировоззрения, норм и правил поведения в обществе. Автор выделяет две формы социального контроля: экстенсивную и интенсивную. Экстенсивный социальный контроль основан на полном отчуждении прав личности, его эффективность достаточно высока. Образование интенсивной формы социального контроля предполагает переход от применения «принуждающих» методов к применению методов «разрешающих» Это форма, «подразумевает не тотальное подавление

объекта социального контроля, а его контролируемое развитие» [2, с. 15]. Интенсивная форма социального контроля позволяет стимулировать общественную самоорганизацию, что в долгосрочной перспективе делает ее более эффективной. В идеале она может служить этапом перехода к самоконтролю, что автоматически снизит издержки на исполнение контрольной функции, что, безусловно, важно при переходе к устойчивому развитию.

Другой пример анализа вариантов формирования субъект-объектной структуры общества демонстрирует З. Бауман [3]. По его мнению: «Содержание и потенциал действия зависят от места данного действия в сети взаимодействия, в которой те, кто свободен выбирать, ограничивают выбор тех, кто размещен на полюсе пассивности...» [3, с. 38]. Социальный порядок — это что-то, «что одни люди устанавливают для других», а не «непредсказуемый результат взаимодействия между "феноменологически равными"» (как это имеет место, например, в модели Т. Парсонса). Исходя из такой социальной топологии, З. Бауман выделяет две модели социального управления отождествляемого с социальным контролем. Первая предполагает, что людей ставят в такое положение, которое помешать им делать то, что противоречит интересам субъектов управления. Вторая модель предполагает поощрения за социально приемлемые действия. Предотвращение является целью управления, если есть основания полагать, что при наличии выбора данные люди поведут себя обратно тому поведению, какого требует поддержание социального порядка. Поощрение является целью управления, если можно быть уверенным, что данные люди при наличии выбора предпримут действие, укрепляющее, по нашему мнению, надлежащий порядок вещей. Именно в этом усматривает З.Бауман суть оппозиции между гетерономией и автономией, контролем и самоконтролем, регламентацией и свободой.

По мнению З. Баумана, для организации «простоты первоначального выбора», а также для поддержания регулярности, постоянства и предсказуемости внешнего контекста действий, ключевое значение имеет «ресурсный фактор», который помогает устранить всякое «необязательное» поведение. Жестко вертикально структурированное общество может быть устойчивым (З.Бауман так его и называет [3, с. 40]), но только в условиях такой же стабильной, устойчивой внешней среды. Такая модель социальной структуры обычно увязывается с решением проблемы устойчивого развития посредством повышения устойчивости природных экосистем к факторам негативного воздействия, в том числе и антропогенного.

Другой путь повышения социальной устойчивости предполагает создание функционально динамичной, мобильной системы социальных связей, способной эффективно реагировать на изменение внешних условий. Эффективность в данном случае предполагает возможность системной коэволюции, взаимодополнительность развития природы и общества. Такого рода социальное управление должно предполагать

воздействие не на сами элементы системы «Человек-Природа-Общество», а на области их пересечения — нормативно-ценностный фон и социальную инфраструктуру.

Поэтому для реализации управляемых социальных изменений необходим анализ «жизненной ситуации» социальных групп (объединенных общим пространственно-временным контекстом), опосредующих отношения с окружающей (природной, социальной, культурной и т.д.) средой социальной структуры и инфраструктуры, а также занимаемого места в иерархии властных отношений. Этот анализ позволит выявить значимые для данных групп ситуационные факторы, изменение которых делает возможным осуществление «точечного» управления, являющегося более эффективным, чем силовые действия или широкомасштабные социальные кампании. В то же время для сохранения социальной целостности необходимо наличие общей символической картины мира, позволяющей выработать единые цели развития и согласовывать стратегии их достижения.

Литература

1. Урсул, А.Д. Модель устойчивого развития для России. – Москва, 1994.
2. Кузнецова, Е.М. Социальный контроль как элемент социального управления : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. – Омск, 2006.
3. Бауман, З. Свобода / З. Бауман; Пер. с англ. Г.М. Дашевского, предисл. Ю.А. Левады. – Москва, 2006.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФОРМА ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

В.Т. Новиков, А.М. Бобр

В современной публицистической и даже научной лексике широко используются термины «бархатной», «цветной» и «сетевой» революции, что порождает необходимость уточнения данного понятия. При этом отметим, что поставленная проблема имеет не столько логико-эпистемологический, сколько социально-философский характер.

В этой связи обратим внимание на способствующие революциям процессы, анализ которых лег в основу некоторых современных концепций социальной революции.

Это, во-первых, процесс демографического роста при дефиците ресурсов. Данный процесс стал предметом анализа английского экономиста XIX века Т. Мальтуса, который сформулировал закон убывающего плодородия почвы, из которого следовало, что именно нехватка жизненных благ способна приводить к острым социальным конфликтам. Об актуальности фактора демографического роста свидетельствуют и некоторые современные футурологические прогнозы. В частности, в докладе Национального разведывательного совета США

«Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир» отмечается, что в ближайшие 10-20 лет рост мировой экономики и полутора миллиардный прирост населения могут привести к недостатку ресурсов, а, следовательно, к радикальным изменениям в мире» [1].

Это, во-вторых, нарушения в воспроизводстве элиты. В процессе социальной эволюции типичной является динамика состава элиты, предполагающая вхождение в нее деятельных и одаренных представителей широких слоев общества. Однако, как отмечал один из авторов концепции элитизма В.Парето, иногда происходят «сбои» в циркуляции элит, обусловливаемые «засорением» каналов социальной мобильности. Очищением этих каналов и призвана заняться революция.

Авторы структурно-демографической концепции социальной революции, поставившие цель рассмотреть взаимозависимость процессов демографического роста, ослабления государства и динамики элиты в Новое и Новейшее время, обращают внимание на особую роль в них перепроизводства элиты. Так П. Турчин, изучая динамику элиты Запада на протяжении ряда веков, пришел к выводу о связи вековых циклов социальной нестабильности с быстрым ростом численности правящих слоев, которым недостаточно доходов, чтобы поддерживать свой элитный статус и которые, поэтому, стремятся к насильственному переустройству общества. Именно дефицит ресурсов для обеспечения запросов сформировавшейся в арабских странах и стремящейся к власти контэлиты во многом способствовал инициации ею военных переворотов весной 2011 года.

Это, в-третьих, превращение масс в мощную движущую силу общественного развития. Согласно концепциям социальной революции, созданным на основе теории массового общества, именно движение широких масс народа порождает экономическую и политическую нестабильность и ведет к системному кризису общества. По мнению сторонников этой теории, в основе сопровождающихся беспорядками и насилием революционных действий масс ведущая роль принадлежит не рассудку и разуму, а эмоциям и чувствам, определяющим их спонтанный и импульсивный характер.

Это, в-четвертых, вызванные экстремальными ситуациями мутации в культуре. В частности, говоря о причинах и сопутствующих обстоятельствах Октябрьской революции в России 1917 года, Н.А. Бердяев упоминает диктатуру миросозерцания. Роль «спускового крючка» в мутации менталитета сыграла мировая война, которая «выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни» [2, с. 101].

Это, в-пятых, кризис в осуществлении процесса модернизации политической системы, направленного на трансформацию ее базовых институтов, норм и ценностей, а потому затрагивающий все сферы жизни общества. В рамках концепции политической модернизации рассматриваются различные модели ее осуществления и, в частности,

«тупиковая». Она связана с игнорированием причин локального политического конфликта и перерастанием его в глобальный конфликт, разрешающийся в форме революции.

Это, в-шестых, конфликт в развитии системы общественного хозяйства, ведущий к радикальным изменениям во всей системе общественных отношений. Он является основой для интерпретации феномена социальной революции в марксизме, который в данном вопросе выступает как в роли оппонента отдающей приоритет социальной эволюции и общественным реформам концепции политической модернизации.

В марксистской теории общественного развития обращается внимание на ведущую роль объективного механизма, лежащего в основе развития общества. В частности, действие такого объективного механизма четко прописано К. Марксом в предисловии к работе «К критике политической экономии»: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением последних – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [3, с. 7].

На основании сказанного К. Марксом может сложиться впечатление, что для него характерна фаталистическая интерпретация революции. Это не так, поскольку он подчеркивал, что в обществе объективные закономерности всегда проявляют себя через деятельность людей, осознающих свои интересы и ставящих определенные цели.

Применительно к современной истории это означает необходимость видеть за социальными потрясениями интересы *реальных* субъектов исторического процесса. Не менее важно умение отличать объективно существующие возможности от возможностей формальных, продиктованных складывающейся исторической конъюнктурой, не обольщаясь первыми достигнутыми результатами. В этой связи отметим, что если все названные ранее процессы являются необходимыми, но все же недостаточными для осуществления революции условиями – они достаточны для бунта, восстания, государственного переворота, – то у К. Маркса эта ограниченность преодолевается.

Второе обстоятельство, которое также следует учитывать при рассмотрении роли социальной революции, касается необходимости более строго различения феноменов социальной и политической революции. Понятие социальной революции предполагает радикальные, затрагивающие основания социального бытия изменения. Это преобразования не только в политическом строе, но и в системе хозяйства, в культуре, – иными словами, во всех основных сферах общественной жизни.

Этот же характер носили преобразования, инициированные

политикой перестройки, а затем и распадом СССР. Они привели к уничтожению единого народнохозяйственного комплекса страны и радикальному изменению форм собственности (в России, в частности, способствовали появлению олигархического капитала), радикальным пертурбациям в системе государственного управления, политике, образе жизни, межнациональных отношениях, системе ценностных приоритетов, даже в менталитете общества. Эти изменения носили фронтальный и кардинальный характер, что позволяет говорить о произошедшей социальной революции.

С другой стороны, процессы, которые зачастую именуют социальными революциями, таковыми, по сути, не являются. Речь идет о «цветных» революциях в некоторых постсоветских государствах или революциях «арабской весны» 2011 года. Они имели видимый характер политических революций, хотя критерием того, что это именно революции, а не во многом инспирированные государственные перевороты, могут служить только последующие изменения в политическом строе. А они далеко не очевидны ни в Украине, ни в Грузии, ни в Киргизии, ни, тем более, в арабском мире. Так, имевшая большой общественный резонанс «оранжевая революция» в Украине являлась революцией не по существу, а только по имеющему метафорический смысл названию – она не привела не только к каким-либо значимым социально-экономическим изменениям, но существенно не отразилась даже на модернизации политического строя республики. В этой связи показательно, что следующий политический режим – режим правления политических противников «оранжистов», каких-либо «контрреволюционных» мер не предпринимал. Реставрация прежнего, нарушенного «революционерами» политического порядка не потребовалась, поскольку он, по сути, не нарушался.

В заключение отметим, что революции в обществе для рядового человека всегда означают серьезные испытания и лишения. Поэтому предпочтительным для него является развитие на основе реформ, используя которые можно планомерно и поступательно осуществлять преобразование общества.

Литература

1. «Эхо планеты». – 2009. – № 42 (13–19 нояб.).
2. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
3. Маркс, К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 13.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПОСТСОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Н.Н. Жоголь

Понятие модернизации можно отнести к числу наиболее

употребляемых в современной общественно-политической лексике, хотя нельзя сказать, что оно является устоявшимся. Одни придают ему универсальный смысл, обозначая этим понятием всякую реформаторскую деятельность в любую историческую эпоху. Например, В.Г. Федотова предлагает рассматривать суть современной модернизации как переход от господства традиций к господству инноваций, понимая последние как сознательно организуемые нововведения, которые в результате творческой деятельности дадут ожидаемое решение проблемы [1, с. 4]. Другие считают, что не всякую новацию можно считать модерном [2, с. 18].

Переход от традиционного общества к современному означал способность к рациональному типу поведения, существенным свойством которого является способность человека жить в свободе и в теории, и в практике отношений – экономических, политических и т.д. Суть европейского модерна, описанного в терминах веберовской целерациональности, состоит в индивидуальной и ответственной автономии, согласованной с благом другого, в глубокой интегрированности общества на основе долга и закона, что фиксируется в таких идеях как права и свободы личности, гражданское общество, правовое государство.

Решение проблемы модернизации для постсоветских стран имеет судьбоносный характер. За истекшие двадцать лет процессы социальной трансформации в этом направлении могли приобрести четко очерченный характер, однако в силу ряда причин этого не случилось. Технологического импульса к модернизации недостаточно, ее надо воспринимать как новую культурно-нравственную задачу, решение которой нуждается в творческом усвоении западного (и не только) опыта в рамках собственной неповторимой культурной модели.

Попытки реформировать тоталитарную систему по принципу действия от противного привели к неожиданному результату – тотальному частному интересу, от которого Запад двигался постепенно, через Возрождение, Реформацию, Просвещение, к гражданскому частному интересу, имеющему внутренние ценностные ограничения. «Эпоха Модерна – это эпоха соединения частного и общественного интереса, особого соединения частного и общественного начал как движущих стимулов в деятельности каждого человека» [3, с. 40]. Незавершенность Модерна может проявиться в доминировании либо одного, либо другого начала, однако в любом случае будет иметь место дегуманизация общественной жизни и вытекающие из нее деморализация, ослабление доверия и общественной консолидации. Отсюда вытекает необходимость завершения процесса модернизации, достраивая недостающую ценность до уровня их органичного синтеза.

Одним из таких вариантов модернизации гражданского общества на Западе является социал-демократия, которая одновременно направлена на преодоление недостатков капитализма в сфере обеспечения социальной справедливости и социализма в сфере предоставления свободы. Если

говорить о приращении свободы к бывшему социализму, то оно возможно через формирование уважения к институту частной собственности, в частности, через признание прав другого на частную собственность. Но поскольку старая система ценностей разрушена: двигаясь от социализма к капитализму, забыли о морали, – то возникает необходимость нащупывания базисных, системонесущих ценностей в новой ситуации. Одной из них может быть: «Честный бизнес – это выгодно».

Реформирование, основанное на моральных устоях, предполагает контроль общества не только над бизнесом, но и над государством. В этом плане модернизация сталкивается с большой проблемой, так как социализм оставил в наследство низкий уровень развития гражданского общества [4, с. 32]. На пути к социальной рыночной экономике важно наладить сотрудничество государства с работодателями, профсоюзами, действительно отстаивающими интересы работников, и общественными организациями. Насильственное проведение модернизации свидетельствует о ложном понимании ее смысла и целей. Модерн в этом плане – это проект, целенаправленно, сознательно осуществляемая, научно обоснованная политика.

Модернизация на Западе означает и признание рынка, и усиление социального государства, в частности по защите нерыночных сфер. По модели модернизированного демократического социального государства Э. Гидденса принцип солидарности социал-демократии заменен принципом взаимной ответственности государства и общества: люди несут большее финансовое бремя, а государство защищает ряд сфер (экология, культура, образование, духовная жизнь) от произвола рынка. Но базовые принципы поддержания порядка сохраняются при всех изменениях через укрепление государства и действие социальных норм.

Важнейшую роль в консолидации общества играет социальная справедливость. Пристальное внимание к данной проблеме со стороны западной социальной науки имеет место с 60-70-х г. прошлого века. Полномасштабно решена задача по выдвиганию проблемы справедливости с периферии исследовательского поля на первый план американским философом Дж. Ролзом в его работе «Теория справедливости» (1971 г.), которая выдержала множество изданий за прошедшие годы и является самой цитируемой в области социальных наук.

Наряду с ним идеологи и конструкторы постиндустриального общества (Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, Э. Тоффлер и др.) выдвинули идею, что будущее общество должно быть не только эффективным, но и справедливым. В современных условиях подтвердилось предположение Ролза о том, что рыночная система, дополненная социальными гарантиями, является более справедливой, чем неповоротливая централизованная бюрократическая командная система.

Идея справедливости может стать эффективной, опираясь на высокую правовую культуру. Правовое государство, исходя из

демократического принципа поиска баланса интересов путем компромиссов, предполагает учет интересов и большинства, и меньшинства. Построение правового государства – это одно из проявлений догоняющей модернизации по отношению к Западу со стороны постсоветских стран. Для них существуют в этом плане такие преграды, как эгоизм верхов и инертность низов, авторитаризм в политике и сверхлиберализм в экономике, что в условиях отсутствия подконтрольности власти со стороны общества в силу его слабо развитой гражданственности содержит угрозу перерастания монопольных управленцев в монопольных собственников.

Догоняющая модернизация имеет свои пределы. При достижении необходимого и достаточного уровня усвоения передового опыта, необходимо строить национальную модель модернизации. В бедной стране с кризисом идентичности возникает серьезная угроза демократии. В условиях недооценки культурного своеобразия есть опасность оказаться в антиреальности.

Осуществляя модернизацию в постсоветских странах, надо учитывать тенденции постмодернизма, которые стали вызревать в странах «золотого миллиарда» во второй половине XX в., за счет которых, как считает Д.С. Хайтун, постиндустриальное общество преодолевает противоречия между трудом и капиталом, претерпевает обновление всей системы ценностей [5, с .24]. Этот тип общества, для которого характерны преобладание сферы услуг над сферой материального производства, решающая роль знаний, взрыв высоких технологий, информационная революция, выдвигание на передний план человеческого капитала, – стал неожиданным результатом кейнсианской экономики, принципы которой кардинально меняются по сравнению с предыдущим этапом: вместо «счастья одних за счет других» новое материальное основание постиндустриальной системы ценностей: «человек человеку покупатель и друг». Для взятия кейнсианского барьера, который находится на острие глобального универсального эволюционизма, важна слаженная работа всей совокупности предприятий и всех ветвей власти, поэтому копирование отдельных элементов постиндустриального общества бесполезно.

Литература

1. Федотова, В.Г. Социальные инновации как основа процесса модернизации общества // Вопросы философии. – 2010. – №10.
2. Межуев, В.М. Российская модернизация и культура // Философские науки. – 2011. – №1.
3. Глинчикова, А.Г. Либеральные ценности и проблемы российской модернизации // Философские науки. – 2011. – №1.
4. Андреев, А.Л. Житейские вопросы к модернизации // Человек. – 2010. – №6.
5. Хайтун, С.Д. Постиндустриальная нравственная революция и ее экономическая (кейнсианская) первооснова // Вопросы философии. – 2011.- №3.

КОЛЛИЗИЯ МОДЕРНОГО И ПОСТМОДЕРНОГО В СВЕТЕ ТЕОРИИ Ю. ХАБЕРМАСА

И.Н. Паршута

Характеристика исторической эпохи, современной или давно прошедшей, предполагает обобщение некоего исторического материала и выявление существенных черт в политической, экономической, культурной, интеллектуальной и прочих сферах. Рассмотрение уже известных характеристик исторических эпох наглядно демонстрирует тот факт, что человеческое сообщество развивается не однообразно, поскольку различные группы народов, да и отдельные народы имеют свою уникальную специфику развития. Ни один общемировой процесс не проходил одинаково в каждом социально-историческом организме, даже при нахождении множества сходных черт всегда обнаруживается немало отличий.

Кроме того, исследования исторических эпох нередко руководствуются предрассудками, основанными на европейском или североамериканском историческом опыте, который проецируется на общемировой опыт.

Период, охватывающий последнюю треть XX и начало XXI вв., ознаменован социально-философскими спорами о модерне и постмодерне. Оба термина также имеют европейское и североамериканское происхождение. И оба эти понятия обладают интегративной структурой, определяющей целостную характеристику ключевых социальных, политических, экономических, культурных и философских черт эпох модерна и постмодерна.

В отличие от предыдущих эпох модерн и постмодерн обладают своей исторической спецификой, которая качественно отличает их от предыдущих. Становление и существование данных эпох происходит одновременно с возрастанием роли технического прогресса, развитием средств коммуникации, а также с набирающим мощь процессом глобализации. Если ранее распространению политических, социальных, культурных или интеллектуальных контактов мешали географические преграды, то теперь удаленные уголки земного шара могут быть как никогда близки друг другу. Поэтому постмодернизм, в отличие от модернизма, не может оставаться лишь частью европейской или североамериканской культуры, он обречен на глобальное влияние.

Последнее обстоятельство создает определенное противоречие. В обществах, в которых модерн не стал интегративной характеристикой социальной, политической и интеллектуальной жизни, начинают распространяться черты постмодерна. С одной стороны возникает вопрос, можно ли считать общество, в котором не завершен процесс модерного развития, но в котором происходит распространение постмодернистских веяний в культуре, искусстве, интеллектуальной жизни обществом

постмодерна? И как назвать общество, в котором политическая, экономическая, социальная сферы находятся на стадии незавершенного модерна, но в котором распространены художественные, культурные, философские, интеллектуальные наслоения постмодерна? С другой стороны: необходима ли унификация всех общемировых процессов по образцу европейского и североамериканского развития, стандартизация мирового опыта? Или же каждый регион, каждое общество должны развиваться по собственной траектории?

Данная дилемма присуща большинству стран современного мира, и ее напряженность будет нарастать в ходе дальнейшей глобализации. В определенной мере данное обстоятельство касается современного белорусского общества, в котором наблюдается дисбаланс между социальной и культурной сферами. Если в культурной сфере постмодернизм заявил о своем присутствии достаточно давно в изобразительном искусстве, литературе, философии, исторической науке, социологии, то современное белорусское общество в некоторых аспектах нельзя назвать полностью современным.

На наш взгляд, в разрешении дилеммы могут быть применимы соображения, основанные на теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. В книге «Философский дискурс о модерне» Ю. Хабермас обосновывает необходимость замены субъект-центрированного разума на коммуникативный [1, с. 311]. Он также предлагает замену парадигмы познания предметов на парадигму взаимопонимания между субъектами, способными рассуждать и действовать. Понятия коммуникации и взаимопонимания обеспечивают «креативный момент совместного конструирования мира языковыми и когнитивно-инструментальными средствами» [1, с. 350].

По убеждения Ю. Хабермаса, коммуникативный разум, направленный на взаимопонимание между субъектами, ориентирует социум на иной вектор движения. Если субъект-центрированный разум ориентирован на рациональное познание и использование полученных результатов на практике, то коммуникация ориентирована на понимание и осмысление, на постоянный диалог, а не монолог. Это соображение вскрывает изъян современного постиндустриального общества, ориентированного на получение максимальной выгоды и пользы и не учитывающего последствия.

Чтобы переориентировать субъект-центрированный разум на коммуникацию, необходимо пересмотреть определение культуры и общества. Поэтому Ю. Хабермас предлагает рассматривать культуру как запас знаний, из которого можно черпать «нацеленные на достижение консенсуса интерпретации». Общество выступает в качестве легитимных систем, «ставших источником опирающейся на принадлежность к тем или иным группам солидарности для вступающих в межсубъектные отношения участников коммуникативных действий» [1, с. 353]. Взаимопонимание обеспечивает иные формы интеграции и социализации. Так интеграция

создает «предпосылки скоординированных действий через легитимно регулируемые межличностные отношения и обеспечивает идентичность общественных групп», а социализация «гарантирует обретение подрастающим поколением генерализирующей способности к соответствующим действиям и создает предпосылки для согласования индивидуальных биографий и коллективных жизненных форм» [1, с. 354].

Резюмируя вышесказанное, мы видим, что ориентация на коммуникацию не только возможна, но и необходима для современного общества независимо от его местонахождения в пространстве эпох модерн-постмодерн. Культурная, социальная, политическая, интеллектуальная интеграция современного мира, которую вряд ли возможно остановить, невозможна без взаимопонимающей коммуникации. Это касается как отдельных обществ, так и мира в целом.

Литература

1. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. – М., 2003.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ФИЛОСОФИИ БЕЗОПАСНОСТИ

А.Б. Богданович, В.Н. Сергеев

Защита территорий и населения от чрезвычайных ситуаций является важнейшим приоритетом развития Республики Беларусь [1]. Угрозы и вызовы XXI века существенно развивают наши представления о месте и роли человека в социуме, заставляют по-новому взглянуть на сложившиеся тенденции в формировании и развитии у населения культуры безопасности жизнедеятельности. Концептуальное осмысление проблемы предотвращения чрезвычайных ситуаций находит свое воплощение в ряде ключевых категорий – таких, как «техногенная безопасность», «культура безопасной жизнедеятельности» и др. Понимание причин и следствий роли человека и его достижений в повышении техногенной нагрузки на окружающую среду, на само общество выражается, в том числе, в «Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [1]. «Концепция» является программным документом, обозначающим принципы и цели развития страны и деятельности структур безопасности. Вместе с тем, пока преждевременно говорить о складывании целостной и стройной философии безопасности, которая могла бы стать мировоззренческой основой культуры безопасной жизнедеятельности, влиять на целеполагание не только представителей спасающих профессий, но и простых граждан страны. Одним из важнейших компонентов подобной философии могло бы стать более глубокое, комплексное осмысление указанных выше «категорий безопасности».

Словарь чрезвычайных ситуаций определяет техногенную

безопасность как «...состояние защищенности населения, технических систем и окружающей среды от техногенных аварий и катастроф, обуславливающих возникновение чрезвычайных ситуации техногенного характера» [2]. В семантическом плане в приведенном определении акцент сделан на слове «состояние». Но из дефиниции не ясно, понимается ли данное «состояние» статически или динамически. Эволюция современного общества подтверждает постоянное возрастание его сложности, многокомпонентности. Каждый очередной виток развития (технологического, социокультурного и т.п.) предполагает не только качественный и количественный прирост нового. Одновременно с этим возрастает и степень риска, которому подвергаются как отдельные отрасли социальной жизни, так и общество в целом. Важнейшим фактором риска для равновесия, устойчивости системы и общества является именно человеческий фактор. Это означает, что именно в этой категории скрывается и условие гармоничного развития. Именно данная категория является принципиально важной в контексте философии безопасности. Нам, конечно, сложно представить степень «вклада» антропогенных факторов в современное природное состояние, делающее нашу жизнь небезопасной, но тот факт, что человеческий фактор является одним из важнейших «чрезвычайных» факторов остается бесспорным. На это обстоятельство обратил внимание министр по чрезвычайным ситуациям генерал-майор внутренней службы В.А. Ващенко. «... Анализ происшедших в 2010 г. пожаров (8877), – подчеркнул он, – показывает, что причины их возникновения в 97,5 % случаев связаны с человеческим фактором и пренебрежительным отношением людей к вопросам собственной безопасности» [4, с. 43].

В настоящее время актуальность проблемы формирования и развития культуры безопасности жизнедеятельности определяется современным стилем жизни. В директиве Президента Республики Беларусь № 1 от 11 марта 2004 года «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины» отмечается: «Безответственность и халатность, невыполнение требований пожарной безопасности, строительных норм привели к гибели людей в Козловщинском психоневрологическом доме-интернате Гродненской области и Краснопольской средней школе № 1 Могилёвской области... Ущерб экономике и экологии страны от пожаров ежегодно составляет десятки миллиардов рублей»[3].

Согласно статистике МЧС Республики Беларусь, за 2011 год произошло 8282 чрезвычайные ситуации, в результате которых погибло 1110 человек. Кроме того, на пожарах получили травмы 534 человека [5].

В связи с этим, именно системе обучения населения безопасности жизнедеятельности отведена одна из ключевых позиций – формирование личности безопасного типа.

Необходимо решить следующие задачи:

– изучить общетеоретические аспекты обучения населения в области

безопасной жизнедеятельности;

– рассмотреть формы и методы обучения населения безопасной жизнедеятельности, в том числе за рубежом;

– провести комплексную оценку эффективности обучения на современном этапе;

– разработать новые, эффективные формы и методы обучения населения;

– определить возможности внедрения новых форм и методов обучения;

– разработать методические рекомендации по обучению населения;

– оптимизировать алгоритмы взаимодействия со средствами массовой информации и общественными объединениями, в том числе с Белорусской молодёжной общественной организацией спасателей пожарных.

Безусловно, основой успеха в борьбе с чрезвычайными ситуациями являются умения и навыки предупреждать опасные явления на стадии их зарождения. Кроме того, чтобы обеспечить личную и общественную безопасность в различных чрезвычайных ситуациях человек должен обладать системой знаний, умений и отработанных на занятиях навыков (например, поведения при чрезвычайной ситуации). Однако все эти приобретенные знания, умения и навыки способны стать действенным, эффективным средством безопасности лишь в том случае, когда философия безопасности станет важнейшей мировоззренческой установкой каждого, когда каждый человек будет обладать развитым чувством ответственности за собственную жизнь, за безопасность себя и других.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь утверждена Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 9 ноября 2010 года. – Минск, 2011.
2. Безопасность техногенная // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/emergency>. – Дата доступа: 13.02.2012.
3. Директива Президента Республики Беларусь от 11 марта 2004 г. № 1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины» // СБ – Беларусь сегодня. – 2004. – 12 марта.
4. Ващенко, В.А. Служба постоянной готовности // Беларуская думка. – 2011. – № 3.
5. Статистика [Электронный ресурс] / Официальный сайт МЧС Республики Беларусь: – Режим доступа: <http://www.rescue01.gov.by/rus/main/statistics/stat2>. – Дата доступа: 13.02.2012.

ФИЛОСОФИЯ БЕЗОПАСНОСТИ: ДЕФИНИЦИИ, ПРИНЦИПЫ И МНОГОМЕРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

С.Н. Соколова, А.А. Соколова

*«Государство, гарантирующее
безопасность, обязано вмешиваться во
всех случаях, когда течение
повседневной жизни нарушается каким-
либо исключительным событием»
М. Фуко*

Философия безопасности наиболее полно раскрывает свое содержание при уточнении онтологических, гносеологических и аксиологических основ сферы безопасности. Познание такого явления, как безопасность, может идти за счет расширения, углубления эмпирических знаний о ней, с одной стороны, и с другой, в процессе уточнения представлений о безопасности, которые выражают, прежде всего, определенное состояние экзистенции человека, государства и общества, рефлексиирующих в многомерной реальности.

Представления о безопасности очень разнообразны и варьируются от его отождествления с родовым понятием до признания синтеза экологической, демографической, экономической, политической, другой безопасности, противостоящей системе опасностей, угроз личности и обществу. Некоторые исследователи, например в России, считают, что нет оснований для теоретических дискуссий о безопасности, поскольку закон Российской Федерации «О безопасности» определяет понятие безопасности как особое состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Поясним, что признание закрепленной законом дефиниции объясняется целым комплексом конкретно-исторических причин, а отождествление безопасности с защищенностью восходит к дефиниции «государственная безопасность» в СССР. Произошедшие в конце 1980-х – начале 1990-х годов социально-политические изменения вызвали определенную трансформацию представлений, вследствие чего закон РФ «О безопасности» законодательно закрепил ту же самую дефиницию государственной безопасности, хотя и в более широком смысле.

В результате сложившееся традиционное понимание безопасности как состояния защищенности хотя и несколько изменило форму, но недостаточно наполнено по содержанию и осталось основополагающим не только в современных исследованиях, но и в практике обеспечения безопасности.

Доминирующая в последнее десятилетие ограниченность традиционного понимания безопасности позволила многим исследователям критически переосмыслить сложившиеся представления с

учетом противоречивой и многомерной реальности.

1. Отождествление защищенности с безопасностью является результатом методологического подхода, при котором социальные и политические процессы рассматривались не с позиций философско-теоретического анализа, а только как проявление политической составляющей.

2. Отождествление безопасности с защищенностью может привести к опасным последствиям, так как из преобладающего «охранительного» уклона объективно следует антидемократичность внутренней политики, которая несет в себе угрозу и открытое насилие со стороны власти.

3. Безопасность не может быть сведена исключительно к защищенности и не может быть точно обозначена как застывшая форма и четко зафиксированное содержание, поскольку оно динамично и многомерно как существующая реальность.

4. Ограничение дефиниции безопасности сферой жизненно-важных интересов личности, общества и государства демонстрирует определенную особенность, но не иллюстрирует всеобщность определения, вследствие чего закрепленная в законе дефиниция не раскрывает сущности безопасности.

Философское осмысление безопасности как одного из ведущих сущностных свойств многомерной реальности, имеющих значение для многих «индивидуальных данностей», государства и общества, выстраивается на следующих гносеологических принципах: историзма (эволюционизма), синергетизма, аксиологичности и целостности.

Безопасность – это общий интерес и потребность, а философия безопасности – особое научное знание, непосредственно связанное с основополагающими, смыслообразующими эмпирическим установкам, теоретическими концептуальными построениями, раскрывающими сущностные характеристики безопасности, взаимосвязь властных структур, перспективы инновационного развития общества и многомерной реальности.

Политическая сингулярность – это новая категория, характеризующая нестабильное состояние политической системы общества, которое наблюдается на начальном этапе ее обновленного становления, когда активность политических субъектов (акторов) постоянно возрастает, а деструктивное влияние на развитие общественных отношений приобретает регулярный и повторяющийся, т.е. закономерный характер, что определяет уровень и эффективность сферы безопасности.

Актуальность философии безопасности обусловлена рядом обстоятельств: во-первых, решающую роль в исследовании общественно-политических процессов, формировании состояния и уровня безопасности играет организация и самоорганизация.

Во-вторых, современное общество и его безопасность являются объектом воздействия, вмешательства многих субъектов (акторов), действия которых никогда не могут быть до конца регламентированы и

согласованы, поэтому реакция общества может быть непредсказуема, что особенно интересно для многомерной реальности.

Философия безопасности, актуализирует гносеологический и аксиологический варианты существования человека и общества. Необходимо акцентировать внимание на том, что сегодня возникает объективная потребность и соответственно синхронно появляется научный, общественный интерес к регулирующим воздействиям власти на сферу безопасности, в условиях острого проявления признаков кризисного развития, деструктивной социальной рефлексии (насилие, агрессия, локальные военные конфликты), политической нестабильности становятся наиболее важными и смыслообразующими ценности безопасности.

Поясним, что эффективность регулирования безопасности обеспечивается соблюдением на практике органами власти и другими социально-политическими субъектами (актерами) важнейших требований – принципов регулирования: принципы демократизма, объективности, правовой упорядоченности, саморегулирования и вероятности.

Принцип демократизма означает регулируемое привлечение в сферу безопасности разнородных общественных структур, сопоставление их интересов и поиск общих подходов в социуме к решению проблем безопасности. При этом на демократической основе (в рамках Закона) осуществляется формирование комплекса взаимозависимостей между органами государственной власти и обществом по вопросам безопасности личности, государства и общества. На практике соотношение между демократизмом и централизмом в жизни общества регулируется постепенно и постоянно корректируется как со стороны власти, так и со стороны общественных институтов.

Принцип объективности означает, что в сфере безопасности в соответствии с этим принципом постоянно осуществляется поиск разумного регулируемого баланса между реальными возможностями общественных сил и субъективными желаниями государственного аппарата.

Принцип правовой упорядоченности означает примат законодательного определения основных целей, функций, аспектов, структур сферы безопасности. Все субъекты и участники, действующие в сфере безопасности, должны действовать в соответствии с нормативно-правовыми актами.

Принцип саморегулирования в сфере безопасности позволяет любой системе противостоять воздействию извне и перестраиваться в целях ее самосохранения. В рамках этого принципа сфера безопасности становится более гибкой и вовлекает в себя большое количество различных социально-политических субъектов.

Принцип вероятности означает, что в сфере безопасности ее субъекты постоянно прогнозируют вариативность развития самой сферы безопасности и общественного бытия. С учетом возможных прогнозов о последствиях потенциальных и реальных воздействий на общество и

безопасность в нем, субъекты планируют регулирующие действия в сфере безопасности.

Соблюдение принципов регулирования позволит позитивно изменить и повысить эффективность вмешательства государства в сферу безопасности. Одновременно общество сможет перейти в обновленное качество, а именно – найдет свое место в сфере безопасности в формирующейся системе регулирования на правах полноценного партнера органов государственной власти.

Философия безопасности раскрывается через ее проявления в других основных сферах общественного бытия (в экономической, политической, социальной и духовной). Такой анализ позволяет выявить специфичность и систематизировать составляющие *сферы безопасности*, которые можно и необходимо подвергать воздействию методами государственного регулирования со стороны широкого круга социально-политических субъектов (акторов).

Специфика сферы безопасности в экономике состоит в обеспечении экономического развития общества с целью удовлетворения социальных, экономических потребностей его граждан при оптимальных затратах труда, природоохранном использовании сырьевых ресурсов и окружающей среды. Это на практике означает не только защищенность национальных (экономических) интересов, но и готовность, способность институтов власти и общества создавать механизмы защиты национальных интересов развития экономики, поддержания социально-экономической стабильности.

Специфичность сферы безопасности в экономике также проявляется в нейтрализации или сведении к минимуму неблагоприятных воздействий на национальную экономику. Существует и обратное влияние.

Сфера безопасности в экономике требует не только гражданского согласия, но и системных и скоординированных действий всех ветвей власти на всех уровнях, предпринимателей и общества в целом в экономической сфере. В сфере безопасности определяются:

- факторы негативные для устойчивости социально-экономической системы;
- вырабатываются меры, позволяющие устранять или смягчать последствия для граждан и общества реализации той или иной экономической политики, проводимых институциональных преобразований;
- определяются общенациональные интересы РФ в экономике;
- идентифицируются наиболее вероятные внешние и внутренние угрозы экономической безопасности.

Специфика сферы безопасности в политике детерминирована сложностью самой сферы безопасности, её социально значимых функций. Политика обеспечения того или иного уровня или вида безопасности имеет двойственный характер, что предполагает как принятие конкретных решений, так и проведение этих решений в жизнь, отражающих

объективную сторону процессов обеспечения безопасности. В то же время эти объективные процессы должны быть дополнены субъективной составляющей, т.е. процессами рефлексивного отслеживания всеми заинтересованными сторонами состояния сферы безопасности.

Сфера безопасности проявляется в социальной сфере точно и фиксируется:

- в поддержке (или отсутствии таковой) большинством населения социальной системы, государственного устройства;

- в характере отношений между социальными группами, когда эти отношения не создают новых опасностей и не наносят ущерба друг другу;

- в устойчивости систем обеспечения жизнедеятельности и основных потребностей людей и групп;

- в состоянии и развитии социальной сферы, исключающей социальную перенапряженность, опасность взрывов массового недовольства;

- в защищенности личности от любых опасностей, которые могут быть в обществе.

Проявления безопасности в духовной сфере носят достаточно сложный и неоднозначный характер. Специфика этих проявлений обусловлена тем, что духовная сфера абстрактна и неформальна, но в то же время оказывает огромное, чаще латентное, влияние на общественное бытие через механизмы культуры. Ограниченность же духовного мира, недостаток общей культуры ведут к стремлению жить упрощенными чувствами и эмоциями в рамках примитивных, упрощенных потребностей и интересов без попыток преодолеть обстоятельства, с которыми сталкивается человек и общество.

Такая философия ориентирована на ценностное предпочтение социальной практики (действительности) и предполагает не только определенный уровень осознания сущностных противоречий многомерной реальности, где ученый самоосознает себя элементом этих противоречий, возводя их в ведущий принцип познания и действия, но и конкретное понимание экзистенциальных вопросов. Полагаем, что, конечно, не случайно зарубежные мыслители (например, Э. Гидденс, Н. Аберкромби) определяют онтологическую безопасность через особые чувства, состояние доверия, уверенности в постоянстве природного и социального пространства, с которым граждане себя идентифицируют.

Таким образом, философия праксиса базируется на онтологии безопасности, в контексте которой данное явление возникает, как ответ на опасности, угрозы в природе и обществе. Фактически, то или иное проявление безопасности напрямую взаимосвязано с характером опасного изменения окружающего бытия (человека, общества) и особенно природной среды, формируя тем самым неустойчивое мироощущение, диванный стереотип поведения. Хотя, по мнению немецкого философа М. Хайдеггера, «где опасность выходит на свет как опасность, там уже восходит спасительное», что означает «вызволить, избавить, освободить,

уберечь, укрыть, взять под защиту, сохранить». То есть, если бы в природном мире не было опасностей, угроз, то не было бы и проблем, связанных с обеспечением безопасности.

Однако на уровне сущности безопасность представляет собой все же достаточно важное свойство любой живой системной организации (на уровне, как отдельного индивида, так и определенной группы) и она формируется на основе адаптивной биологической или социальной деятельности.

Безопасность в таком ключе представляет конкретный и вполне определенный результат этой деятельности (по нейтрализации, предупреждению угроз, обеспечению защиты), что позволяет сформулировать *два подхода в понимании природы безопасности*:

1. безопасность как проявление объективной природы живых систем сохранять свою целостность на основе саморегуляции с внешней средой благодаря устойчивому или неустойчивому взаимодействию и состоянию;

2. безопасность как субъективная естественная защитная реакция или деятельность по созданию определенной среды для своего самосохранения.

Безопасность, в итоге, можно определить как качественное системное свойство органической жизни, которое не только обеспечивает выживание различных организмов, но и способствует их развитию (во всяком случае, должно этому способствовать). Например, у высших видов организмов оно формируется на основе инстинктов и условных рефлексов.

Объективное бытие человека, следовательно, состоит из двух взаимосвязанных систем: органической и неорганической, которые подчинены общим универсальным принципам возникновения и разрушения. Неорганика (неживая природа) создает условия для жизни, а органика (живая природа) воспроизводит жизнь в её различном видовом многообразии. Органическая система при этом состоит из множества структурных уровней (видов), т.е. из относительно организованных и упорядоченных форм жизни. Основной целью любого из этих живых структурных уровней является его собственное выживание за счет создания своей ниши, т.е. безопасной среды существования, достаточного уровня общественного бытия.

Исходя из этой цели, целесообразно сформировать три вида базовых взаимоотношений между различными структурными видами жизни. Если одна структура начинает нарушать среду безопасности другой, то более сильная из них будет подавлять более слабую, что постоянно наблюдается в многомерной реальности. Если структуры не взаимодействуют друг с другом, то они развиваются независимо. Если структуры заинтересованы друг в друге в целях самосохранения (самовывживания), то они могут взаимодополнять друг друга, образуя при этом более сложную и расширенную (пространственно и территориально) общую структуру.

Социальная структура, полагаем, состоит из некоторого множества субъектов, индивидов, акторов, создающих определенные и необходимые

способы упорядочения, организации взаимоотношений, которые способствуют самосохранению системы.

Человечество, например, создало следующие элементы для самосохранения и развития своей системы:

– элементы культуры – язык, письменность, религия, философия, искусство, наука, мораль, право;

– элементы социальности – социальную иерархию, различные формы объединений и взаимоотношений;

– элементы политики – государство, власть, силовые структуры, фискальные органы;

– элементы экономики – различные виды производства, финансы, рынок.

Доминирующим элементом до последнего времени (во всяком случае, до процесса глобализации) в той или иной структуре являлось государство, которое объединяло все элементы в одно целое, выступая основным субъектом самосохранения и развития системы. Основной целью системы, как уже отмечалось выше, является самосохранение, которое раскрывается через качественные критерии циклического развития многомерной реальности.

Существуют три таких этапа:

1. конвергентный;

2. переходный;

3. дивергентный.

Можно представить эти этапы и в другой последовательности: от дивергентной к конвергентной (в зависимости от начальной точки движения), от однородной к неоднородной структуре или наоборот. Если в конвергентной фазе развития формируется однородная структура (структуры), то в переходный период появляются новые воздействующие факторы, которые образуют зачатки неоднородных структур, благодаря чему происходит переход к дивергентной фазе (т.е. на основе прежних однородных и новых неоднородных структур).

Как правило, причина перехода к новому этапу связана в большей степени с экономической проблематикой (истощение ресурсов, малоэффективное производство) и в меньшей – с ценностным кризисом (хотя они друг друга взаимодополняют).

Обновленная структура (в данном случае дивергентная) на основе различных потенциальных качеств, состояний выбирает одну необходимую, с точки зрения самосохранения, структуру, которая наиболее соответствует существующим новым условиям.

Механизмом циклического развития выступает социокультурное напряжение (противоречие) между ценностным ядром системы (культурным кодом) и факторами (внешними, внутренними), несущими те или иные трансформации многомерной реальности.

Резюмируя, уточним, что философия безопасности представляет собой синтезированное, обобщённое знание, нацеленное на эмпирические

и теоретические результаты, раскрывающие взаимосвязь явлений, процессов, противоречивой и динамично проявляющейся многомерной реальности.

При этом авторы четко понимают, что есть необходимость акцентуации и детального исследования сферы безопасности, и если угодно, выявления принципиального расхождения по смыслообразующим моментам, с теми специалистами, которые ранее уже изучали в самых различных ракурсах безопасность как явление, и особенно, с влиянием на данную сферу различных субъектов и политических акторов.

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ И ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С.Е. Аваднёв

«У хороших родителей вырастают хорошие дети». Как часто мы слышим это утверждение, не задумываясь о том, что же это такое – хорошие родители.

Если говорить о выстраивании отношений в семье между старшим и младшим поколениями, то в наше время мы нередко сталкиваемся с проявлениями чрезмерной опеки. Появилась даже поговорка: «Что за мать, если сына до пенсии не доростила». Во многих семьях один или оба родителя всецело посвящают себя воспитанию и контролю за физическим состоянием своих наследников; при этом подлинная мотивация этих действий (во что бы то ни стало оставаться «нужным» детям) зачастую остается неосознанной, а всякое проявление самостоятельности со стороны даже вполне уже взрослого ребенка преследуется с поразительным упорством.

Своим несбалансированным, недальновидным отношением к подрастающему поколению родители словно бы сами провоцируют проявления психологического и социального иждивенчества, которое имеет далеко идущие последствия в сфере обеспечения безопасности жизнедеятельности. «Беззаботная» жизнь опекаемого ребенка приводит к социальной дезадаптации, беспомощности, а впоследствии подталкивает человека, уже лишившегося, в силу естественных причин, поддержки своих родителей, к антисоциальному поведению. Кто же виноват в этом? Общество, призванное воспитать в человеке культуру безопасности жизнедеятельности, или родители, которые за все годы тесной опеки и воспитания не смогли привить элементарные навыки безопасного поведения?

Первичной средой формирования культуры безопасности жизнедеятельности, безусловно, является семья, а важнейшим фактором этой человекосозидающей работы служат семейные традиции и ценности.

В современной философии и педагогике традиция рассматривается как основа регуляции жизнедеятельности людей, предпосылка и принципиальное условие успешности воспитательного процесса (см., в частности: [1]). И, вероятно, не случаен тот факт, что, к примеру, график, отражающий количество случаев гибели людей на пожарах за 1950–2010 гг., демонстрирует неуклонный рост по мере того, как семья утрачивала функции транслятора культурных традиций, нравственных норм, моделей безопасного поведения, все более превращаясь в «репродуктивную ячейку» общества.

В нашей стране проблеме сохранения национально-культурных традиций в связке с обеспечением национальной безопасности уделяется самое пристальное внимание. Соответствующие тезисы содержатся, в частности, в «Концепции национальной безопасности Республики Беларусь», где, с одной стороны, констатируется угроза безопасности, связанная с «утратой значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций и необъективного пересмотра истории, затрагивающие данные ценности и традиции», а с другой, подчеркивается необходимость укрепления института семьи «как социального института, наиболее благоприятного для реализации потребности в детях, их воспитания» [2].

Поддержание и развитие семейных традиций не только способно снизить риск асоциального поведения и тем самым сформировать условия для укрепления общественной безопасности. Следование традициям способствует сохранению этических норм семейных отношений, обеспечению стабильности отношений и уверенности в завтрашнем дне, вселяет в души взаимоуважение и взаимопонимание – то, чего так заметно не хватает большинству современных семей.

Литература

1. Кулик, Л.А. Семейное воспитание. – М., 1990.
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь / Указ Президента Республики Беларусь от 09.11.2011 г. № 575 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.government.by/ru/security_conception. – Дата доступа: 01.05.2010.

ТЕХНОЛОГИИ И СРЕДА ОБИТАНИЯ

М.А. Дедюлина

Подобно природе, технология стала нашей новой средой обитания, имеющей свои собственные цели, которые независимы от человеческих, поскольку технология как среда, как бытийная тотальность машинных образований, сама определяет свое направление развития. Высокие технологии влияют на образ жизни, ценности и телесность современного

человека, существенно изменяют способы его существования. Мощь Hi-Tech актуализирует проблему оценки последствий от внедрения новых высоких технологий. Важную роль в решении проблемы «технического усовершенствования человека» играют так называемые конвергентные технологии, к которым относятся нанотехнология, биотехнология и генная инженерия, информационные и коммуникационные технологии и когнитивные науки. Высокие технологии создают новые «мыслительные пространства».

Исследования по данной проблеме показали, что взаимоотношения человека и высоких технологий, возможно изучать, опираясь на экоантропоцентрическую модель социального познания, разработанную российским социологом и психологом Т.М. Дридзе. Данная парадигма является трансдисциплинарной. Исследователи, выбирающие эту парадигму как основу исследования, обращают особое внимание на метаболические процессы, которые происходят между человеком и высокими технологиями как средой обитания. По утверждению Дридзе, человек живет, пока ему комфортно в среде обитания (в нашем случае, в среде высоких технологий). Осваивая высокие технологии как среду обитания, «человек привносит в нее себя, т.е. состояние и направленность своего сознания, свое жизненное кредо»[1, с. 21–22.]. Между человеком и средой обитания важно «признать наличие неявного «медиатора» - динамического антропокультурного образования, интегрирующего так называемые «объективные» свойства среды с их индивидуальной интерпретацией личностью. Сегодня условием выживания человечества в современном мире является очень высокий уровень «техно-гуманитарного баланса»: чем выше энергетическая мощность технологий, тем более эффективные социокультурные регуляторы их использования.

Современная этическая оценка науки должна разделять фундаментальные открытия, которые непредсказуемо влияют на общество и практическое использование фундаментальных разработок в технике и технологиях, воздействие которых нужно предполагать заранее. Например, итальянские ученые из исследовательского госпиталя Фонда Санта-Лючия в Риме создали экспериментальную модель устройства, которое дает возможность инвалидам силой мысли осуществлять элементарные бытовые операции: открыть дверь, включить свет, взять трубку телефона. Инвалиду достаточно передать на устройство желание, какое действие необходимо воспроизвести и «рука» это действие исполняет. Другим важным достижением, которое позволяет инвалидам чувствовать себя комфортно во взаимодействии со средой обитания, является Интернет, который дает им возможность жить, работать и дружить почти также, как в реальном мире.

Все вышеперечисленное показывает, что сегодня кардинально меняются взаимоотношения человека со средой обитания. В последнее время в современной западной философии данная проблема поднимается с целью дать ответ: насколько высокие технологии приносят пользу

человеку и среде его обитания. Однозначного ответа пока дать невозможно. Так, в монографии голландского философа Катинки Валберс исследуется и доказывается полезность высоких технологий в жизнедеятельности человечества [2, с. 73–137].

Проанализировав концепцию «актор-сеть» Латура, К. Валберс приходит к выводу, что технологии имеют неожиданные и нежеланные социальные последствия, потому что они изменяют наши действия, приводящие к полностью новым ситуациям и воздействиям. Этот процесс описан Латуром как «черный ящик». Основной вывод К. Велберс заключается в том, что современные машины вновь становятся простыми предметами, в том смысле, что их сложность уже невидима (во всяком случае, пока мы не проникаем под корпус). В этом плане интересна позиция Умберто Эко. Он пишет, что «люди сегодняшнего дня не только ожидают от технологии непомерных достижений, но прямо требуют их, при этом, не отграничивая разрушительную технологию от технологии созидательной. Дети воспитываются компьютерными играми, считают наушники природным отростком евстахиевых труб и дружат по Интернету. Они живут в технологии, они не в состоянии представить себе, как мог бы существовать иной мир, мир без компьютеров и даже без телефонов» [3].

Следовательно, нам еще пока предстоит выработать философскую позицию рассмотрения высоких технологий как среды обитания.

Литература

1. Дридзе, Т.М. Экоантропоцентрическая модель социального познания как путь к преодолению парадигмального кризиса в социологии / Т.М.Дридзе // Социс. – 2000. – №2. – С. 21–22.
2. Waelbers, Katinka. Doing Good with Technologies. Taking Responsibility for the Social Role of Emerging Technologies. – London - New York, 2011. – P. 73-137.
3. Эко, У. Наука, технология, магия // Достижения науки, техники и культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elementy.ru/lib/430605>. – Дата доступа: 01.04.2012.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

А.Л. Пушкин

Развитие современных технологий и рост экологических опасностей сделали современное общество «обществом риска». Научные достижения фундаментальных научных направлений, нашедшие воплощение в атомной, химической промышленности, социальной сфере, современной био- и нанотехнологии, несут в себе потенциальные мегаугрозы обусловленные, во-первых, значительным масштабом возможных катастроф во времени и пространстве, во-вторых, абсолютной невозможностью прогнозировать все последствия практической

реализации фундаментальных исследований, просчитать все риски новейших теоретических открытий. По мнению доктора философии, сотрудника Института оценки техники и системного анализа (Германия) Г. Бехмана: «Сегодня все более и более многие опасности, связанные с деятельностью цивилизации, рассматриваются в качестве рисков, которые приписываются деятельности человека и за которые он должен нести ответственность, что обусловлено ростом могущества техники. В результате мир сегодня более «случаен» и более зависим от принятия решений, а это значит, что он сильнее зависит от расчетов тех, кто принимает решение» [1, с. 42]. Н. Луман определяет риск как следствие определенного решения. Таким образом, риск исходит от субъекта, принимающего решение, а социально-психологические характеристики субъекта детерминируют возможные риски и угрозы, что находит подтверждение при анализе современных техногенных катастроф, где «человеческий фактор» является, как правило, основной причиной.

Иллюзии некоторых ученых о том, что рыночная экономика и частная собственность повышает степень устойчивости техносферы не находят подтверждения в реальной действительности. То, что японская АЭС в Фукусиме являлась частным предприятием, не спасло ее от катастрофы, также как и Чернобыльскую АЭС.

Научно-технический прогресс, с его «невротической одержимостью инновациями в экономике, политике, науке и искусстве» [2, с. 38] перманентно воспроизводящий новое знание, технологии, материалы, товары и услуги, наносит существенный урон окружающей природной среде и ставит под угрозу само существование современной техногенной цивилизации.

Таким образом, социальная проблема заключается в опережающем развитии техносферы, ее доминировании и детерминировании социально-нравственного развития социума. Само обозначение техногенной цивилизации свидетельствует о доминировании технократического подхода в решении актуальных проблем современности. При этом, естественно, происходит снижение духовно-нравственного потенциала современного общества. Современная эпоха характеризуется значительным нарушением баланса между духовными и материальными аспектами человеческого существования, что существенным образом повышает уровень технологических и экологических рисков. Рост технологических и экологических катастроф является очевидным индикатором существующего дисбаланса в развитии современного общества.

Хотя современный мир значительно изменился в материальном аспекте своего бытия, стал материально богаче, в духовной жизни не произошло значительных изменений, сущность человеческой природы не изменилась. Наоборот, доминирующая в западной цивилизации технократическая идеология детерминирует поведение человека во всех сферах его деятельности, что, в свою очередь, обуславливает моральный

регресс. «Потому что технический принцип: цель требует применения всех необходимых средств – переносится в сферу морали, права, политики и утверждает здесь, что цель оправдывает средства». [3, с. 561].

Возникновение техногенной цивилизации, промышленная революция, заложившая основы материально-технической базы капитализма, обусловлена радикальным изменением мировоззрения значительной части Западного общества, которое детерминировало новое состояние человека в мире, новые социальные отношения и новое отношение к окружающему миру, для которого «природа стала лишь гигантской бензоколонкой, источником энергии для современной техники и промышленности. Это, в принципе, техническое отношение к мировому целому впервые возникло в XIV веке и притом только в Европе» [4, с. 107]. Эпоха техногенной цивилизации разрушает непосредственную связь субъекта с природной средой, за счет широкого внедрения техники в повседневную жизнь, создания искусственной среды. Как отмечал Н.А. Бердяев, техногенная цивилизация «имеет не природную и не духовную, а машинную основу. Она, прежде всего, технична, в ней торжествует техника над духом, над организмом. В цивилизации само мышление становится техническим, всякое творчество и всякое искусство приобретает все более и более технический характер». [3, с. 147]. Человек, стремящийся к освобождению от природных условий, попадает в жесткую зависимость от созданной им техносферы.

В середине XX века эту идею об амбивалентности техники, которая обуславливает господство человека над природой, но в то же время делает его самого рабом, подтвердили западные ученые Э. Кассирер, М. Мэмфорд, Д. Эллюль, П. Гудмен.

Резюмируя вышесказанное отметим, что духовно-нравственное развитие личности, безопасность окружающей среды являются основополагающими предпосылками сохранения жизни на земле. Технологическая, экологическая и социальная безопасность являются насущной необходимостью для выживания социума.

Научно-технический прогресс, инновационное развитие, безусловно, содействуют решению определенных социально-экономических проблем, повышают уровень материального благосостояния, однако техногенная и экологическая безопасность как высшие ценности общества будут ограничивать эгоизм и экспансию человека в современном обществе, ограничивать его потребительское отношение к окружающему миру.

Литература

1. Бехман, Г. Современное общество как общество риска / Г. Бехман // Вопросы философии – 2007. – №1 – С. 26–47.
2. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. – М., 2005.
3. Бердяев, Н.А. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М., 1989.
4. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. – М., 1991.

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНВЕРГИРУЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В.В. Карпинский

Современная наука находится сегодня в состоянии глубоких качественных изменений, перечень признаков которых можно было бы по-разному представить и структурировать. Однако, так или иначе, инвариантом такого рода изменений будет возрастающая степень междисциплинарности, синергичности, конвергентности тех разных типов знаний, познавательных практик и технологий конструирования новых реальностей, которые в своей интегральной совокупности формируют новый образ науки наших дней. В этой связи понятно, почему в последнее время исследования в области философии науки и технологии в их междисциплинарном контексте сфокусировались на новом концепте: «Конвергирующие технологии». Несколько раньше, в середине 90-х годов, на само явление «растущей конвергенции конкретных технологий в высокоинтегрированной системе, в которой старые изолированные технологические траектории становятся буквально неразличимыми», обратил внимание американский социолог М. Кастельс. При этом он подчеркивал, что «технологическая конвергенция все больше распространяется на растущую взаимозависимость между биологической и микроэлектронной революциями, как материально, так и методологически» [1, с. 78]. Фиксируя это явление, новый концепт существенно расширяет свое содержание, ставя в центр внимания синергетическое взаимодействие между самыми разными областями исследований и разработок, такими, как нанонаука и нанотехнология, биотехнология и наука о жизни, информационные и коммуникационные технологии, когнитивные науки.

Новое, «посткастельсовское» содержание понятия конвергирующих технологий начало стремительно формироваться начиная с 2001 г., когда под эгидой Национального научного фонда США была выдвинута так называемая NBIC-инициатива.

Конвергенция означает не только взаимное влияние, но и взаимопроникновение технологий, когда границы между отдельными технологиями стираются, а значимые результаты возникают именно в рамках междисциплинарной работы на стыке областей. В отношении NBIC-инициативы и конвергенции можно даже утверждать об ожидаемом частичном слиянии этих областей в единую научно-технологическую область знаний – качественно новую супер-нано-технонауку. [2, с. 17].

В этой инициативе четко выделяются два целевых фокуса – аттрактора. Первый акцентирует внимание на синергетическом объединении вышеназванных областей исследований и разработок в нанометрическом масштабе, что обещает уже в обозримом будущем цепную реакцию самых разных технологических инноваций, в своей

совокупности ведущих глобальной трансформации самого способа развития человеческой цивилизации. Этот фокус можно назвать экономико-технологическим.

Второй фокус акцентирует внимание на проблеме «улучшения человека», «человеческой функциональности» или «расширения человека» (Human enhancement). По сути, речь идет о технологическом усилении, приращении человеческих способностей, модификации человеческой телесности и интеллекта, биомедицинским технологическим вмешательством в функционирование организма с целями, отличными от лечения и предотвращения болезней. Вся гамма возможных антропотехнологических изменений направлена на улучшение индивидуальных качеств: «быстрее», «сильнее», «умнее», а качества, подобные способности к любви, сопереживанию, взаимоподдержке и т.д., практически не упоминаются. Некоторые адепты конвергирующих технологий даже утверждают, что интенсивные изменения в самом человеке, со временем перерастут в новое качество «следующей» версии Человека разумного, что всколыхнуло новую волну энтузиазма среди представителей трансгуманистического движения, увидевших в них реальный практический инструмент создания Постчеловека

С развитием конвергирующих технологий понятие «human enhancement» – улучшения и расширения природы человека технологическими средствами – обретает в последнее время статус чуть ли не общепризнанного проекта. Об этом, например, говорит прошедшая в ФРГ международная конференция Общества Философии Техники (SPT 2009): «Конвергирующие технологии, изменяющие общества», где темы киборгов, компьютерно-мозговых интерфейсов, генной терапии и циркулирующих в теле нанороботов поднимались уже не в плане футурологии, а в качестве реальных проблем прикладной науки, которая в прошлом расширяла человека вовне, а сегодня перенесла границу взаимодействия «техне» и человека внутрь тела – для изменения биологической основы человека.

Формирование новой технонаучной практики синергично сопряженного научного исследования и инженерного конструирования в контексте развертывания процессов наноконвергенции ставит перед философией науки и техники целый ряд не только методологических вопросов, но и серьезных этических и социально-психологических проблем.

С точки зрения некоторых экстремальных адептов новой инициативы, она открывает перед человеком и человечеством новые горизонты собственной эволюции как осознанно направляемого трансформативного процесса. Однако возникают вопросы: о какой собственно эволюции идет речь: о биологической, социальной или, быть может, биосоциальной? Куда и кем эта эволюция должна «направляться»? Какие формы она может принять?

Возникает и еще один вопрос: а насколько мы все должны быть

заинтересованы в проекте, который ставит целью осуществить апгрэйдинг наших базисных человеческих способностей?

Если даже предположить, что с помощью высоких технологий человек научится создавать живые существа и даже человека нового поколения, т.е. приняв к реализации техноэволюционный сценарий, экстраполируя до предела возможности антропотехнологических трансформаций, к чему мы придем? Что, по сути своей, будет представлять собой этот Постчеловек? Даже если мы вложим в него определенный набор «технических параметров», возникают серьезные метафизические сомнения в том, а смогут ли «создатели» наделить эту химеру человеческой душой? А вместе с душой передать ему непреходящую систему истинно человеческих идеалов, ценностей и экзистенциальных смыслов?

В настоящее время технократическое мышление настолько усилилось, что включило в свои проекты рационального усовершенствования всего сущего и самого человека. По-видимому, человека ждут радикальные изменения. Если он сумеет осмыслить заново свою «человечность», точно определив, чему в ней надлежит быть строго хранимым, а чему меняться и обновляться, эти изменения еще смогут стать не крахом Человека, а его обновлением, а парк современных прорывных технологий – стать частью ресурсов его обновления.

Литература

1. Кастельс, М. Информационная эпоха. – М., 2000.
2. Материалы круглого стола «Социально-философские аспекты наномедицины: перспективы, проблемы, риски» // Философские науки. – 2009. – № 11.

«ОБЩЕСТВО ИНДИВИДОВ»: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В XXI ВЕКЕ

Ю.П. Серeda

Проблема взаимодействия человека с окружающим его миром и обществом ставит во главу социально-философской дискуссии вопросы социальной гармонизации и конструктивного разрешения социальных противоречий и конфликтов. Последнее указывает на неизменную аксиому, лежащую в основе взаимоотношений между двумя структурными системами социальной реальности «человек» и «общество»: уникальность каждого человека и законы функционирования и воспроизводства социума оказываются в критической степени несовместимыми. В этом смысле, можно говорить о так называемой двойной перспективе для индивида: ориентация и на себя как проблема личностной самоидентификации, и стремление выразить себя во внешнем мире как проблема конструктивного встраивания в социальную систему с перспективами гармоничного

сосуществования. Другими словами, современный человек окончательно оказывается «погребенным» под задачами решения вопроса о собственном самоопределении, но и осознает базовую потребность в своей активной/пассивной включенности в ограничивающие реалии социального порядка в качестве одного из главных его субъектов.

Глобальные события первого десятилетия XXI в. в своей динамике указывают на все более проявляющиеся, очерчиваемые формы социальной «бездомности» и неустроенности человека, неизбежно сталкивающегося с новыми волнами личностного кризиса. Представляющееся на первый взгляд ключом ко всем ответам материальное изобилие как маркер тотализирующего потребительства в современном обществе при более серьезном рассмотрении оборачивается реальностью без четких перспектив и подробной «дорожной карты», которая могла бы, по крайней мере, контурно обозначить новые ориентиры (ценности, идеи, установки) для собственных (комфортных) актуализаций себя в социальной действительности. В свете происходящего попытки осуществить последние представляются контингентными и дискретными по своей сути. В этой связи большие трудности и дилеммы для личностного развития и самоопределения наряду с процессами самоидентификации несет в своей динамике феномен индивидуализации.

Согласно З. Бауману, индивидуализация не является ресурсом для активного саморазвития индивида, открывающим новые возможности, альтернативные траектории для его самореализации. Это, главным образом, негативная тенденция, направленная на стратегическое вуалирование, затушевывание объективных социальных факторов и противоречий. Как это ни парадоксально, но в своем стремлении «освободиться» от бремени социального индивид не становится более свободным и самостоятельным. Так, «мы являемся индивидами *de jure*, независимо от того, являемся ли мы ими *de facto*» [1, с.133].

Сегодня можно констатировать появление в современном обществе феномена массового индивидуализма как выражение в социальной практике тенденций на «разносторонние» попытки (не выходящие в своей актуализации за рамки обустройства частной и повседневной жизни) каждого индивида конструировать и устанавливать свои «свободы», расширять свои возможности. Однако, только при первом приближении нам кажется, что здесь нет подводных камней и мы действительно становимся участниками и свидетелями освобождения человека от социальных «оков». Более детальное рассмотрение феномена индивидуализации позволяет определить, что процесс формирования так называемого «своего» индивидуального мира – это обязательная, т.е. неизбежная практика для индивида как социального субъекта. В качестве агитирующего лозунга современности в этом смысле выбирается требование: «Ты должен быть индивидуальностью». Что именно это означает для человека? Прежде всего, этот феномен в своей смысловой развертке констатирует, что у современного индивида практически нет

возможности обрести цельность и устроенность своей жизни, он обречен на трансграничные и перманентные поиски своего Я, на тщетные попытки определиться со своими «глобальными» личностными целями и сместить вектор индивидуализации в сферу общественного бытия. Но в этом случае круг замыкается, поскольку человек обнаруживает себя в «обществе индивидов», в пространстве фрагментированных социальных структур и изолированных субъектов. Социум, формирующийся под натиском качественных трансформаций в макросоциальном масштабе, предъявляет к человеческой размерности бытия повышенные требования в плане активного действия: выбора способов поведения в непредсказуемо и стремительно меняющихся обстоятельствах, конструирования персональной системы ценностей и идентификационных структур.

Так, недавнее публичное выступление С. Жижекa в Нью-Йорке в концентрированной форме выразило актуальные направления и проблемы современной социальной критики [2]. Логика и основные тезисы его публичной лекции убедительно демонстрируют, что идеи и символы равенства и свободы, справедливости и независимости, солидарности и идентичности стали основными компонентами современного проекта эмансипации человека XXI века. Фактически в периоды разворачивающихся стратегий личностной эмансипации возникает новый круг проблем самоопределения. Поскольку старые социально-культурные и аксиологические координаты уже не релевантны, новые еще не найдены, то возникает дилемма: есть ли смысл выбирать что-то одно, когда можно «выбрать все сразу». Можно полагать, что сегодня идентичность как открытый вопрос, в том числе и для белорусов становится контекстуальной, ситуативной (например, белорусы как европейцы, как восточные славяне и т.д.). Действительно, идентичность как проблема возникает во время перемен, в ситуации, когда требуется создать новое социокультурное коллективное Я. С другой стороны, любой переход к новому сопровождается резким ростом новых идентичностей, которые задают альтернативные перспективы интерпретации прошлого и маркируют ракурсы новой фрагментации общества.

Таким образом, индивид «*de jure*» (или «личность-по-установлению») – это сформированный индивидуализацией инертный и пассивный субъект социальных практик, который выражает абсолютное безразличие к сфере общественных интересов и следует стратегии «каждый сам за себя». Получив формальные права на свои субъективные свободы, он теряет интерес к остальному миру, так как его «собственный» мир ограничивается территориями повседневности и массовой культуры с её мнимыми выборами и идеологией безудержного потребительства. Более того он не ищет социального подтверждения легитимности своего права делать выбор(ы). В этом отношении индивид «*de facto*» в своей активности стремится реализовать доступные для него ресурсы подлинной свободы, понимаемой в этом случае в качестве смыслополагающего стержня человеческого бытия, фундирующего процессы осознанной мотивации и

практики целеполагания в аспектах его (индивида) социальной активности. В этом плане достаточно четко проявляется возрастающая рефлексивность активности индивида, его стремление развивать свои индивидуальные способности и возможности в наиболее приемлемых для самого себя форматах и масштабах. Индивид «de facto» стремится выйти из состояния пассивного объекта и, благодаря этому, стать полноправным участником процесса формирования и развития собственной личности. Этому способствует идея плюральности окружающего мира и её действительная репрезентация в самых разных сферах и аспектах современного социума. Современный мир все более сталкивается с разноуровневой фрагментацией всех институциональных сфер – экономической, социальной, культурной, что отражает сугубо современное напряжение между возрастающим акцентированием человеческой автономии и ограничительным контролем, который свойственен современной институциональной жизни. В этой связи сегодняшние исследовательские попытки определить ключевые компоненты и факторы конструирования идентификационных стратегий современного человека указывают на своевременность самой постановки и разработки вопросов такого плана. Последние наряду с аналитикой социальных контекстов формирования идентичности высвечивают тенденции трансформации процессов самоопределения и самопонимания индивида не только в конкретных (со)обществах, но и в общекультурном и транснациональном аспектах.

В целом, аналитическое рассмотрение социальных структур и субъектов современных обществ (в частности, западноевропейских) позволяет среди прочих обозначить тенденцию, представляющуюся в контексте социально-философской рефлексии стратегий самоидентификации наиболее существенной. Речь идет о том, что диффузный по характеру своих репрезентаций в социальном пространстве, фактически непосредственно не локализуемый опыт социального угнетения и неустроенности индивида, тем не менее, влечет за собой изменения в парадигме человеческого действия, его автономии и его места в структурах социальной системы.

В свою очередь, необходимо отметить, что позиционирование собственного самостоятельного статуса индивидом не указывает на его привилегированное положение над обществом как таковым. В данной ситуации речь не идет о новых формах социального атомизма или индивидуализированного монизма, а скорее происходит как минимум двусторонняя трансформация индивида (как социального субъекта) и общества (как относительно устойчивой системы, способной вырабатывать более новые адаптивные формы своего воспроизводства). Однако, с точки зрения социально-философского анализа дилемма самоопределения усложняется неустранимой двойственностью самого индивида: личностно-индивидуальная плоскость взаимосвязана с социально-исторической. Подобного рода констелляция индивидуального и социального маркирует появление новых, в том числе радикально противоречивых тенденций в

развитии и выстраивании взаимоотношений между социальной системой и человеком, что требует детального рассмотрения в контексте современных социальных теорий.

Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, проект № Г12–105.

Литература

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.
2. Slavoj Žižek speaks at Occupy Wall Street: Transcript [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.imposemagazine.com/bytes/slavoj-zizek-at-occupy-wall-street-transcript>. – Дата доступа: 12.04.2012.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ «ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ»: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

С.З. Семерник

В пространстве современной цивилизованной ойкумены трудно встретить образованного человека, который хотя бы в общих чертах не был знаком с проблемой «потребительского общества». Предметом самостоятельного теоретического анализа она стала примерно с середины XX века, когда в зарубежной литературе появились такие фундаментальные работы как «Общество потребления» Ж. Бодрийяра, «Эра изобилия» и «Новый социальный порядок» Д.К. Гэлбрейта, «Одномерный человек» Г. Маркузе, «Общество массового потребления» и «Всемогущий потребитель» Дж. Катона, «Похвала обществу потребления» Р. Рюйе и другие.

При всем многообразии трактовок (порой, прямо противоположных, как это имеет место в полемике Гэлбрейт – Бодрийяр) феномена потребительского общества, исследователи выделяют ряд черт, которые смело можно было бы охарактеризовать как сущностные его черты.

В частности, речь идет о подъеме уровня жизни, видимом изобилии товаров и услуг, основанном на непрерывном росте производства; изменении отношения к ценностям, восприятию их как пустых знаков (Ж. Бодрийяр); формировании такой системы экономических отношений, в которой спрос потребителей определяется не их платежеспособностью, а, главным образом, психологией – мотивами их поведения и ожидания, когда потребители покупают не столько то, что им необходимо, но то, что «им нравится»; культивирование особой ментальности, связанной с возвеличиванием потребности в потреблении и т.п.

Именно эта последняя – ментальная (а с нею и психологическая) составляющая являются, по мнению аналитиков, главным условием возникновения потребительского общества. Поскольку не обстоятельства экономической жизни сами по себе, но сложившиеся в обществе

отношения между людьми, их мировоззрение определяют возможность (или невозможность) становления данного феномена.

К слову сказать, в механизме формирования потребностей, по мнению исследователей, беспрецедентно большая роль принадлежит так называемому «демонстрационному эффекту». Под этим сложным социально-психологическим феноменом обычно понимается «процесс возникновения и фиксации у сравнительно широких слоев населения, возвышающихся над чертой бедности, установки на имитацию потребительских стандартов и поведенческих стереотипов, характерных для развитых капиталистических государств» [3, с. 54]. Люди, следующие стандартам и образцам потребительского идеала, присущего развитым странам, ощущают себя обладающими большим социальным престижем, более высоким социальным статусом и т.д.

Но это только на первый взгляд кажется, что история потребления, это история *приобретений* человека, на самом деле в не меньшей мере это история его *потерь*. За удовольствие нагромоздить в свое жилище *изобилие* вещей человек заплатил целым рядом свобод. В частности, возможностью пребывать в *свободном* времени. Время, которое разделялось ранее, как минимум, на две составляющие: производительное и свободное, в ситуации стремления к бесконечному приобретательству утратило эту двуликость и превратилось в *одномерное сугубо производительное время*.

Потому что время, понятое как условие потребления, как деньги («Время – деньги» Б. Франклин), более не содержит в себе богатства неэкономического его применения (для свободного творчества, отдыха, расслабления, бескорыстного общения, игры). Все эти возможности ускользают от него, как только включается «машина, производящая мнимые блага» – потребительская психология, жаждущая изобилия, прибыли и в своем идеальном варианте – взыскующая собственно самого потребительского желания. Здесь к «идеальной» потребительской психологии можно применить формулу, выведенную американскими исследователями М. Тэйлором и Э. Сааринен: «желание не желает удовлетворения. Напротив, желание желает желания» (цит. по [1, с. 120]).

Поэтому, даже такой жизненно необходимый для человека феномен как досуг, выступая лишь «прелюдией для удовлетворения желаний» «отчуждается» от него. В работе Жана Бодрийера «Общество потребления» читаем: «Отдых, расслабление, отвлечение, развлечение являются, может быть, «потребностями»; но они не представляют сами по себе присущее досугу требование, каким является потребление *времени*. Свободное время может быть заполнено игровой деятельностью, но, прежде всего, это *свобода потерять свое время*, «убить» его в известных случаях, израсходовать его в чистой трате. Вот почему недостаточно сказать, что досуг «отчужден», потому что он является только временем, необходимым для восстановления рабочей силы. «Отчуждение» досуга имеет более глубокий характер: оно не состоит в прямом подчинении

времени труда, оно связано с *самой невозможностью потерять свое время*» [2, с. 197].

Отечественные аналитики согласны со своим зарубежным коллегой: «из-за отсутствия границ тщеславия человек направляет все свои помыслы на разнообразие своего потребления, а потому *лишает себя времени* (курсив – С.С), которое могло бы быть затрачено на духовное совершенствование и здоровые наслаждения» [7, с. 267].

В обществе потребления все адепты получают «контрольный пакет» «акций несвободы»: у них отнимается независимость в отношении предоставляемых потребителем обществом «привилегий». А именно: потребитель утрачивает свободу игнорировать посулы общества потребления.

И вот уже жизнь потребителя вращается, как в замкнутом круге: «от приманки до приманки, от искушения до искушения, от овладения одним лакомым кусочком до поисков другого; проглотив одну наживку, они устремляются к следующей, – причем, каждый раз это новая, отличная от предыдущей и более привлекательная приманка, искушение, кусочек и наживка» [1, с. 121]. Трагедия этой несвободы заключается в том, что не просто «потребительский рынок соблазняет клиентов», но люди сами превращаются в «*желающих*, чтобы их соблазнили» [1].

Таким образом, по пути в страну обетованную – «потребительский рай» человек теряет слишком многое: свободу, подлинность жизни, самого себя. Чтобы облегчить восхождение на заветный золотой олимп, он сбрасывает груз (в одночасье ставших ненужными) неэкономических непотребительских ценностей, таких как любовь, бескорыстие, помощь и т.д.

Однако было бы не справедливым утверждать, что тотальность потребительской психологии не оставила в обществе островков сознания и социального поведения, не охваченных болезнью потребительства. Современная социогуманитарная мысль пытается дать ответ на заданные «духом времени» сложные вопросы, превозмочь иррациональную в своей алогичности, разрушительную «потребительскую логику».

Так, одни авторы исходят из возможности реструктуризации потребностей, заключающейся в смене способов их формирования. Они полагают, что в постиндустриальном обществе возможен новый тип потребителя, так называемый «*просьюмер*», который совмещает в себе функции производителя (producer) и потребителя (consumer). Просьюмеру атрибутируется не только активность в потреблении, но и более благородные черты: «доступ к технологии и информации, а также возможность их использовать, вовлеченность в сферу розничной торговли, политику, поп-культуру, инновационная направленность, самодостаточность и скептицизм» [5, с. 244].

Специально для *просьюмеров* предусматривается новая концепция менеджмента – *тойотизм*, который, в отличие от *фордизма* (с его ориентацией на массовое конвейерное производство стандартизированной

продукции, специфической социотехнической формой культуры, принудительным ритмом труда и т.п.), ориентируется на *гуманизацию* производства, смягчая отчужденность работника от производственного процесса и результатов труда.

Другие авторы уповают на возможность *аскетизации* общества [6]. Им весьма сомнительной представляется спасительность идеи «радостного потребления», согласно которой, постиндустриальное общество открывает собой новую эпоху, где «свободный труд» заменяется «свободным и бесконечным потреблением», и где даже гражданская принадлежность рассматривается сквозь призму возможности потреблять: «быть гражданином – это, прежде всего, быть потребителем» [4, с. 101].

Вполне соглашаясь с данными презумпциями, заметим, что в обществе должны быть выработаны альтернативные проекты общественного развития, не совпадающие с моделью «потребительского общества», способные актуализировать конструктивный потенциал общественного и индивидуального сознания, благодаря которым только и возможна созидательная деятельность человека, целью которой выступало бы не только его личное потребление, но и перспективы развития общества.

Литература

1. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М., 2004.
2. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М., 2006.
3. Воробьев, А.Ю. Личное потребление и экономический рост. – М., 1992.
4. О'Гуинн, Т.С. Дж. Реклама и продвижение бренда / Т.С. О'Гуинн, К.Т. Аллен, Р. Дж. Семенник. – М., 2004.
5. Овруцкий, А.В. Производство и потребление: диалектика взаимодействия // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2010. – № 3. – С. 238–247.
6. Осипов, Ю.М. Аскетизм как феномен человеческого бытия и потребность современности // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2010. – № 3. – С. 27–32.
7. Ростовцева, Л.И. «Homo glamouricus», или «Человек гламурный» в России // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2009. – № 6. – С. 264–281.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Н.А. Лазаревич

В рамках различных антропологических программ человек рассматривается как феномен, представленный в единстве его объективно-природных, индивидуально-психологических, социокультурных и

экзистенциально-личностных характеристик [1, с. 15]. Насчитывая не одну тысячу лет социально-культурного измерения, проблема человека в современных условиях предстает в совершенно новом свете. Сегодня достаточно заметна актуализация вопроса о специфике человека в условиях биотехнологической революции, экологических аномалий и разрушения традиционных культурных норм и ценностей. Для этого «в структуре современной антропологии должны конструктивно существовать и конструктивно взаимодействовать различные области исследования человека...» [2, с. 12].

К числу таких областей можно отнести исследование качества жизни. Качество жизни можно определить как «совокупность свойств жизни человека, включающая его внутренние возможности осуществлять жизнедеятельность с той или иной интенсивностью и экстенсивностью (жизненный потенциал), а также свойства, выражающие уровень соответствия параметров среды и характеристик жизненных процессов индивидуально и социально позитивным потребностям, интересам, ценностям и целям» [3, с. 12].

В настоящее время в Беларуси и за рубежом существует ряд подходов к определению структуры качества жизни. Можно выделить три основных направления, в русле которых формируются эти подходы. Это, прежде всего, направление, в котором качество жизни рассматривается как объективная характеристика, определяющая материальные условия и средства жизнеобеспечения человека (общества). В структуру качества жизни в этом контексте включаются такие характеристики, как качество питания, комфорт жилища, состояние окружающей среды, уровень здравоохранения, образования, сферы обслуживания населения и др. Второе направление делает акцент на учете только субъективных составляющих качества жизни, представляющих собой оценочное отношение человека к жизненным условиям, различным материальным и культурным благам. Основными характеристиками при таком подходе выступают удовлетворенность жизнью, полнота реализации человеком своего внутреннего потенциала, учет специфики переживаний каждым человеком степени удовлетворенности процессом и результатами его жизни и т.п. [4, с. 45]. По сути, речь идет о так называемом «ощущаемом качестве жизни». Наконец, к третьему направлению относятся те трактовки качества жизни и его структуры, в которые включены как объективные, так и субъективные характеристики, охватывающие все множество сторон, условий и отношений в системе «человек-жизнь».

Анализ научных публикаций, посвященных качеству жизни, часто основывается на противопоставлении объективных условий существования индивида и субъективных оценок этих условий. Вместе с тем философия качества жизни помогает воспринимать эти условия не изолированно, а как выражение взаимозависимых процессов, где результат и непрерывные преобразования находятся в причинно-следственной связи. Сама идея высокого качества жизни населения позиционируется как

эталон общественного устройства. Проявляется качество жизни в объективной удовлетворенности людей самими собой и своей жизнью, а также в субъективных характеристиках, свойственных человеческой жизни как биологическому, психическому (духовному) и социальному существу.

Объективная сторона качества жизни описывается комбинацией различных нормативных и статистических характеристик, с помощью которых можно судить о степени удовлетворения потребностей и интересов людей. Субъективная сторона качества жизни связана с тем, что потребности и интересы людей всегда индивидуальны и отражаются в субъективных ощущениях индивидов, их личных мнениях и оценках. Очень часто объективная оценка уровня жизни и субъективное впечатление о степени удовлетворенности ею существенно различаются. Например, развиваемая в последнее время трактовка показателя «здоровье» человека, в которой физическое здоровье рассматривается как главная ценность, не отвечает концепции признания природы человека как биосоциального существа (или духовно-телесного - в религиозном понимании). Телесное (физическое) здоровье является лишь одной из сторон целостного человеческого бытия. Реализация человеком в полной мере своих умственных, духовных, психических, творческих способностей может быть и в условиях пониженного или при отсутствии физического здоровья. Поэтому индивидуальное здоровье - один из приоритетов, который рассматриваться не как отсутствие болезней, но как некоторое позитивное качество, зависящее от многих факторов. Различия связаны с разной трактовкой сущности и успешности жизни; неоднозначным пониманием роли субъективных и объективных, экономических и внеэкономических факторов в формировании качества жизни.

Концепция субъективного качества жизни как самостоятельная характеристика разрабатывается с 70-х гг. XX века. Субъективные факторы качества жизни с необходимостью включает систему экологических и демографических компонентов жизни. А. И. Субетто в своих работах определяет их как факторы, которые «сопрягаются с выживаемостью человечества» [5, с. 3]. Первоочередными экологическим показателем являются: качества воздуха, питьевой воды и почвы заселенных территорий, обычно используемые для характеристики окружающей среды в системах показателей качества жизни. Но кроме этих объективных показателей, роль экологических факторов в обеспечении жизнедеятельности человека можно проследить в их влиянии на его духовный потенциал. Он проявляется в воздействии окружающей среды на особенности национального характера, языковые процессы, ментальность, религиозность и пр. Оказывается, что человеку нужны не просто воздух, вода, вкусная и питательная пища, но необходима именно та среда, где эволюционно и исторически сформировался этнос данного индивида, те природные и культурные условия, в которых максимально достижима самореализация личности. Они-то и позволяют уяснить смысл качественно иного типа экологической жизнедеятельности, возникшего на планете,

понять зачастую враждебное отношение к человеку освоенной им природы, когда она может выступать в роли «мачехи» по отношению к человеку. Освоение труднодоступных северных районов, жизнь в урбанизированных поселениях, космические полеты - во всех этих случаях на человека воздействует группа экстремальных факторов, разрушающих его организм [6, с. 146].

Таким образом, наполнение содержания качества жизни экологическим смыслом, осмысление роли экологических составляющих в естественно-биологической эволюции человека, позволяет на более высоком уровне выяснить условия, составляющие жизнедеятельность человека.

Литература

1. Стёпин В. С. Теоретическое знание. – М., 2002.
2. Тегако Л. И., Зеленков А. И. Современная антропология. – Минск, 2012.
3. Качество жизни. Краткий словарь. – М., 2009. – 168 с.
4. Качество жизни: сущность, оценка, стратегия формирования / Под ред. Л.А. Кузьмичева, М.В. Федорова, Е.Е. Задесенца. – М., 2000.
5. Субетто, А.И. Качество жизни, здоровье нации и безопасность России – главные функционалы бытия и критерии социально-экономической политики государства / А.И. Субетто //«Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.10904, 25.12.2003.
6. Водопьянов П. А., Крисаченко В. С. Великий день гнева: экология и эсхатология. – Минск, 1993.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ В ИННОВАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

И.Н. Браницкая

Предпосылкой успешного проведения инновационного изменения является объективное противоречие. В зависимости от глубины и восприятия противоречий рассматриваются такие противоречия, как сложности, трудности, проблемы, кризисы. Проблема как отражение определённой системы противоречий в сознании человека может возникать и разрешаться как путем изменения действительности, так и вследствие изменения отношения к ней, изменения установок, ожиданий, намерений. Инновация представляет собой естественное требование и явление, само собой подразумеваемую потребность для дальнейшего постоянного усовершенствования.

Разрешение проблемы достигается путем преодоления противоречия, проведения инновационных программ. Для того чтобы целесообразно управлять общественными инновациями, следует научиться управлять совокупностью объективных и субъективных процессов. Исследование

внутренней логики этих процессов, диалектика изменения и развития объективных и субъективных факторов составляют один из стержней понимания этих процессов и их прогнозирования.

Можно разделить инновационный процесс как целостность на фазы и циклы. Фазы представляют собой объективные, качественно различимые состояния инновационного процесса, а циклы - это элементы управляемого субъектом инновационного процесса, находящиеся в запланированной временной последовательности.

Диалектика субъективных и объективных факторов, в том числе управления и саморегуляции представляет собой базисную проблематику инноватики. Управленческое воздействие может быть оказано инновационному процессу в его любой фазе, в то же время постоянно влияют движущие, тормозящие, ускоряющие, замедляющие и другие объективные общественные силы. Все фазы процессов протекают в диалектическом единстве объективных и субъективных факторов.

Академик П.Г. Никитенко приводит пример трансформации субъективного в объективное как процесс в рамках триады: «изменчивость → наследственность → отбор» [2, с. 112].

Действительно, субъективное и объективное в инновационных процессах взаимопересекаются, так как субъективное может изменяться, затем наследоваться, превращаясь в опыт, и отбираться, объективируясь в опыте социума и принятой модели. Инновационные процессы в триаде будут находиться в процессе изменчивости, так как «инновация есть порождение предшествующего опыта, творчески переосмысленного для внедрения на новом витке спирали развития социума» [3, с. 34]. В самом общем виде существующие сегодня концептуальные интерпретации инновации, выступающие в виде совокупности различных экономических, философских, социальных, политических теорий, с учётом их теоретико-мировоззренческого содержания, политической направленности и методологического основания О.А. Ковынева и Б.И. Герасимов делят на два направления: «объективный, сосредоточенный на том, что материально улучшает жизнь: это техника, пища, жильё, вещи, образование; субъективный, сосредоточенный на рассмотрении ценностных установок: образовательный процесс, самочувствие социума, качество жизни» [1, с. 64].

Первостепенный этап инновационного процесса связан с появлением замысла, то есть идеи инновации. Причиной её появления является возникшее противоречие между имеющимися продуктами и операциями и условиями хозяйствования, новой технологической и финансово-экономической ситуациями. Имеющиеся продукты (или явления) отражают и имеющиеся знания. Новые условия управления, хозяйствования, то есть новая ситуация, отображает и новые факторы, воздействующие на реализацию наличествующих предшествующих продуктов и операций. Вследствие этого возникает вопрос устранения несогласованности старого объекта с новыми факторами.

Целью второго этапа инновационного процесса является потребность решения понятой проблемы, или превращение появившейся инновации в план действия по устранению обнаруженного противоречия. На данном этапе человек, опираясь на знания, на свой и чужой опыт, на интуицию составляет план мероприятий по изменению продукта или процесса. Использование стороннего опыта обозначает, что настоящий этап творческого процесса может опираться на приобретенные секреты производства («ноу-хау»), на лицензии, патенты, или на анализ и переработку информации, доступной для инноватора.

Третий этап творческого процесса связан с реализацией разработанной идеи в новый продукт, процесс или операцию. На данном этапе реализуется прежде намеченный план мероприятий, анализируется результативность, при необходимости вносятся соответственные изменения и коррективы.

Таким образом, динамика перехода субъективных в объективные основания инновационного процесса заключается в трехчастном делении, сходном с исторически возникшей триадой «изменчивость→наследственность→отбор», где изменчивость подталкивает к инновации, создавая потребность в развитии наличного предмета или процесса, способного к изменению, наследственность отображает опыт предшествующих инноваций, а отбор обозначает коррекцию, нужные изменения, следующие по тому же тройственному пути и завершению инновационного процесса внедрением, то есть объективизацией инновационной идеи в вещь или процесс.

Инновационный процесс представляется возможным оценить не на основе непосредственно складываемых результатов, а на основе конечных результатов как состояния изменяемого явления или процесса, а также людей, причастных к данным изменениям и их среды как в узком, так и в широком смысле.

Литература

1. Ковынёва, О.А. Управление качеством жизни населения : монография / О.А. Ковынёва, Б.И. Герасимов; под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Б.И. Герасимова. – Тамбов, 2006.
2. Никитенко, П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П.Г. Никитенко. – Минск, 2006.
3. Янгирова, С.М. Механизмы обмена субъективного и объективного в реализации адаптационного ресурса / С.М. Янгирова //Социальная психология и философия. М. – 2003.– Вып. 2.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИОПРИРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ВОЗРАСТАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ

Т.В. Зайковская

Первую попытку разрушить противостояние человека и окружающей действительности осуществило французское Просвещение, отстаивая принцип единства человека и природы, основываясь на «извечно данной» гармонии между ними. К сожалению, принципы гармонии продолжали нарушаться, и постепенно изменения природной среды стали приобретать социальную значимость. Стало понятно, что, постигая законы природы, и овладевая ее силами, общество, тем не менее, неспособно изменить эти законы или подчинить их социальным закономерностям.

Уже в 1866 г. немецкий биолог Эрнст Геккель в книге «Общая морфология организмов» впервые предложил термин «экология». Новое направление в науке получило гражданство на международных конгрессах биологов, в частности в 1910 году. Первые программы призывали беречь и охранять природу. Предполагалось, что все беды происходят от невежества и пренебрежения законами мироустройства, от своекорыстности человека, пытающегося достичь сиюминутных утилитарных благ. Однако скоро стало ясно, что использовать природные богатства, не разрушая окружающую среду, невозможно.

Первым в 1933 г. за поддержание экологического равновесия и управление им, а не за «консервацию» природных богатств выступил Олдо Леопольд в книге «Управление охотничьим хозяйством». Так появилась конструктивная экология, стремящаяся понять сложность отношений в социоприродном взаимодействии и превратить деятельность человека из разрушительного в созидающий фактор.

Гармонизировать социоприродные отношения была призвана и философия технократизма, возникшая в XX веке. Так концепция индустриального и постиндустриального общества, постулировала позитивную роль научно-технического прогресса, провозглашая его единственной силой, способной преодолеть большинство противоречий мирового развития. С этой точки зрения в результате развития технологий должно возрасть материальное благосостояние, что обеспечит процветание, гармонию и стабильность. Нельзя отрицать, что в наиболее высокоразвитых странах такой сценарий развития событий как раз и имел место, но уже в 1960-е годы наметились признаки экологического кризиса. Технические и этические «побочные эффекты» научно-технического прогресса заставили усомниться в разумности избранного пути, начался пересмотр ценностей неограниченного потребления, приведший в ряде случаев к технофобии.

К середине XX века произошла радикальная трансформация взглядов на мировое развитие. Начиная с 1968 г., итальянский экономист Аурелио Печчеи стал ежегодно собирать в Риме крупных специалистов из

разных стран для обсуждения вопросов о будущем цивилизации. В первых докладах Римскому клубу были успешно применены к изучению тенденций развития социально-природных глобальных процессов имитационные математические методы, разработанные профессором Массачусетского технологического института Дж. Форрестером.

В социальном прогнозе стали учитываться экологические составляющие, такие как ограниченность минеральных ресурсов и неспособность природных комплексов поглощать и нейтрализовать все отходы человеческой производственной деятельности. Прежние прогнозы, учитывавшие лишь традиционные тенденции (рост производства, рост потребления и рост населения), имели оптимистический характер, учет же экологических параметров сразу перевел прогноз в пессимистический вариант, показав неизбежность нисходящей линии развития общества в связи с возможностью исчерпания минеральных ресурсов и чрезмерным загрязнением природной среды.

Дж. Форрестер предположил, что из-за роста населения, загрязнения и истощения природы к 2030-2050 годам количество населения Земли сократится до 1,5 млрд. человек. Последующие прогнозы, выполненные по заказу Римского клуба, были не более утешительны. Д. Медоуз ожидал гибели человечества уже к концу XX века. М. Месарович и Э. Пестель в книге «Человечество у поворотного пункта» приводят данные о приближении серии региональных экологических кризисов и отмечают, что «если бы человечество переориентировалось на путь органического роста, то образовался бы новый мир взаимосвязанных и гармоничных частей, вносящих каждая свой особый вклад в ту или иную область мировой системы» [1, с. 14].

Так в начале 70-х гг. прошлого века была впервые сформулирована идея пределов роста, прогнозирующая «экологический коллапс», т.е. возможность конца цивилизации в течение весьма короткого отрезка времени и по вполне конкретным причинам. В связи с этим начала формироваться современная философия экологизма – мировоззрения, исходящего из определяющего статуса проблемы взаимоотношений человека и биосферы в динамике цивилизационного процесса. Началось осознание человечеством специфики взаимоотношений общества и природы в условиях НТР.

В 80-е гг. выработывалась тактика смягчения социально-экологической ситуации и разрешения острых экологических конфликтов локального и регионального масштаба. Но в конце XX в. стало ясно, что человечество, чтобы выжить, должно спешно разработать и приступить к активной реализации единой глобальной стратегии общемирового развития, обеспечивающей качество окружающей среды для цивилизации будущего. Впервые в истории возникла ситуация, когда человечество может сплотиться на такой основе, как обеспечение глобальной безопасности современной цивилизации.

В экологическом смысле всю предыдущую историю можно

рассматривать как шедший с ускорением процесс накопления изменений в науке, технике и в состоянии окружающей среды, которые к настоящему времени переросли в экологический кризис. Более того, уже можно заметить и первые признаки перерастания экологического кризиса в экологическую катастрофу, когда начинаются процессы необратимого разрушения биосферы. Угроза экологической катастрофы поставила человечество перед выбором дальнейшего пути развития. Возникла альтернатива: либо по-прежнему общество будет ориентированным на неограниченный рост производства, либо согласует этот рост с реальными возможностями биосферы как условия существования и развития человечества.

Теоретической основой для многих научных исследований в области гармонизации социоприродного взаимодействия стало учение В.И. Вернадского о биосфере и неизбежности ее эволюционного превращения в сферу человеческого разума – ноосферу. В своих исследованиях Вернадский доказал, что человеческая деятельность становится основным преобразующим фактором развития активной оболочки Земли, и отмечал, что «человек, как и все живое, не является самодавляющим, независимым от окружающей среды природным объектом... Человек и человечество теснейшим образом прежде всего связаны с живым веществом, населяющим нашу планету, от которого они реально никаким физическим процессом не могут быть уединены» [2, с. 13]. Отсюда вытекает необходимость совместного изучения общества и биосферы, подчинения их единой цели сохранения и развития человечества. Осуществить ее можно лишь при условии, если основные процессы биосферы будут управляться разумом, когда удовлетворение жизненных потребностей населения осуществлялось бы без ущерба для интересов будущих поколений.

А.Д. Урсул также считает целенаправленное формирование ноосферной цивилизации единственной конструктивной стратегией преодоления глобального кризиса. В работе «Глобальные процессы, безопасность и устойчивое развитие» он отмечает, что «процессы глобализации не остановятся ни в ходе ноосферогенеза, ни в будущем в уже сформированной сфере разума. И потому имеет смысл ... как-то выделить этапы этой уже рациональной, или, точнее сказать, более рациональной глобализации, которая вначале своего «процесса рационализации» будет разворачиваться через устойчивое развитие, а затем и через ноосферогенез» [3, с. 22]. К настоящему времени в науке сформировался целый ряд и других философских и биологических течений, обосновывающих необходимость сбалансированного природопользования, направленных на формирование экологической культуры, призванной гармонизировать социоприродные отношения.

Литература

1. Mesorovic, M. Mankind at the Turning Point / M. Mesarovic, E. Pestel. – N.Y., 1974.
2. Вернадский, В.И. Размышления натуралиста. Кн.2 / В.И. Вернадский. – М., 1977.
3. Урсул, А.Д. Глобальные процессы, безопасность и устойчивое развитие // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. – 2008 – № 1.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЛОКУСА В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Е.М. Николаева, М.С. Николаев

Важным механизмом социального становления личности является локальная повседневная практика людей, которую социальный антрополог У. Ханнерц называет «оформляющая жизнь рамка» (form-of-life frame) [1]. Эта рамка вбирает ежедневную обыденную деятельность, профессиональную активность, коммуникацию со своим непосредственным окружением. Все это имплицитно содержит использование символических культурных форм. В пределах (локусе) этой «оформляющей рамки» производится и распространяется культура, устойчиво циркулируют значения. При этом ее генеральная роль заключается в том, что внешние, привносимые культурные элементы (а в современном мире они носят характер глобального и универсального) подвергаются ревизии существующим локальным опытом, традицией. Вследствие чего они могут быть приняты, отвергнуты, трансформированы и т.д.

В условиях современного общества эта «рамка» разваливается, все больше проблематизируется ее функция оформления, локализации бытийственного пространства личности. Оторванность социально-культурных практик, повседневного опыта от конкретной территории приводит к формированию детерриторизированных локальностей. Французский антрополог М. Оуже полагает, что глобализация замещает реальные локальности «безместностью» («non-places»). «Если место определяется в отношениях, связано с историей и формирует идентичность, то место, которое не может быть определено в отношениях, истории и идентичности является «безместностью» [2, с. 108–109].

Этой позиции созвучны идеи Э. Гидденса, который фиксирует новые характеристики социальной локальности. Он пишет, например, что «пространство становится в высшей степени фантасмагоричным: место действия пронизано и определено социальными процессами значительно дистанцированными от него..., его «видимая форма» маскирует дистанцированные отношения, которые определяют его сущность» [3, с. 18–19].

Феномен локальности играет немаловажную роль в теории

английского социолога. Ключевым в исследованиях Гидденса является понятие структуриации. Этим термином он подчеркивает двойственность социальной структуры: она не только управляет индивидом, но и изменяется под его воздействием. Структуриация – это процесс постоянного воспроизводства социальной жизни, повторяющийся во времени и пространстве социальных практик, т.е. социальных систем [3]. Именно в этой части своей теории Гидденс выводит нас на проблему локального. Социальные субъекты используют структуру и конституируют свою социальную жизнь только в определенном месте и в определенный отрезок времени. Такое пространственно-временное осмысление социальной реальности Э. Гидденсом дает основание утверждать, что локальность, как своеобразное совмещение пространства и времени, является важнейшим в его теоретических построениях.

Понятие «локус» Э. Гидденс использует для обозначения пространства как вместилища взаимодействия. Любое социальное действие должно повторяться в одном и том же месте, а место соответственно определяет локальные требования к действию. Локальности характеризуются протяженностью в физическом пространстве, соответствующими способами соединения этого пространства с другими локальностями. Важной характеристикой определенной локальности является та степень, с какой она принуждает социального субъекта (актера) поддерживать присутствие в локальности, в том числе и публичное. Локальность порождает особый локальный контекст, который интерпретируется обыденным сознанием. Именно на локальном уровне социальные субъекты становятся взаимозависимы, т.е. интегрируются, обретая при этом «взаимообусловленность практик». Э. Гидденс поворачивает всю социологическую проблематику в сторону локального измерения. Ткань социума воссоздается именно на локальном уровне, именно здесь закладывается успех любой социальной трансформации, именно здесь протекают важнейшие процессы социальной интеграции и солидаризации, которые либо стабилизируют общество, либо атомизируют его.

З. Бауман в этой связи отмечает, что сегодня общественное пространство все более освобождается от общественных функций. Оно перестает играть свою прежнюю роль места, где сходятся частные неприятности и общественные задачи, где возникает диалог между ними. Под прессом индивидуализации люди медленно, но верно лишаются защитной оболочки гражданства и теряют свои гражданские привычки и интересы. В результате перспектива превращения «личности *de jure*» в «личность *de facto*», управляющую ресурсами, необходимыми для подлинного самоопределения становится все более и более отдаленной [4, с.116].

Локальность – это, в первую очередь, указание на место в социальном времени и пространстве. Как правило, место обладает особым, неповторимым «духом», атмосферой. Это микромир, живущий

в соответствии с собственным ритмом и даже имеющий собственные законы. Место детерминирует идентификационные процессы; сквозь культурную призму, которую оно задает, происходит восприятие окружающей социальной реальности. Погруженность в конкретную локальность накладывает на индивида специфический отпечаток. З.Бауман демонстрирует разрушение социальной локальности и глубокое проникновение принципа фрагментарности в повседневную жизнь нашего современника тем, как происходит сегодня процесс идентификации. Если в эпоху модерна человек был озабочен построением идентичности, а также ее поддержанием и сохранением, то теперь приоритетной становится задача избежать ее окаменения, превращения в нечто раз и навсегда фиксированное [5, с. 81].

Процесс идентификации, полагает исследователь, воспроизводит принципиальное отличие модернизма и постмодернизма, которое Бауман демонстрирует парой соответствующих метафор: создание/переработка (creation/recycling). В то время как процесс создания предполагает акт сам по себе необратимый, «одноразовый», переработка – многократно заново возобновляющееся действие.

Бесспорно, обретаемая постмодернистским человеком гибкость в определенной мере коррелирует с независимостью личности, ее свободой от давления и жесткой регламентации со стороны всевозможного рода авторитетов. Однако Бауман показывает нам и обратную сторону этих процессов, рисуя нам гротескные типажи прогуливающегося, бродяги, туриста, игрока. Он показывает, что одновременно с обретением немалой мобильности, самодостаточности эти типажи фактически лишены местной (локальной) укорененности, человеческой привязанности. Они предпочитают расширяющееся пространство своего движения к месту, с которым отождествляли бы себя. Будучи в каком-то месте («being in the place»), группе, они, как правило, не ощущают себя частицей этого места («being of the place») или сообщества [5, с. 20]. Им чуждо чувство Дома, равно как и ответственность перед другими. По мнению исследователя, подобное состояние доставляет человеку немало боли [5, с. 21].

В современном потребительском обществе происходит значительная модификация самого понятия «локальное». Сегодня можно вести речь о двух совершенно разных типах локального: первый – конкретное локальное (определенное место, имеющее пространственно-географические координаты), второй – виртуальное локальное (фрагмент информационного гипертекстового пространства). Взаимодействие этих двух видов локального зачастую носит конфликтный характер. Виртуальная локальность, обладающая небывалыми возможностями детерриториальности, подрывает социально-культурный статус локального в его традиционном понимании. Пребывание индивида «здесь и сейчас» уже не детерминирует стиль и способ его социально-культурной реализации. Делокализация, сопровождающаяся разрушением сложившихся социально-культурных сообществ, ведет к «выпадению»

индивида из всего комплекса социально-исторических и культурных связей, национальных традиций.

Литература

1. Hannerz, U. Transnational connections. Culture, People, Places / U. Hannerz. – London and New York, 1996.
2. Tomlinson, J. Globalization and Culture / J. Tomlinson. – Chicago, 1999.
3. Giddens, A. The consequences of modernity / A. Giddens. – Cambridge, 1990.
4. Бауман, З. Индивидуализированное общество \ З. Бауман. – М., 2002.
5. Bauman, Z. Life in Fragments. Essays in Postmodern Morality / Z. Bauman. – Oxford, 1995.

НА КОЛЮЧИХ СКВОЗНЯКАХ ЦВИШЕНИЗАЦИИ

И.Ф. Габрусь

Неустранимая данность нашей современности – пронизанность поля сознания (как индивидуального, так и коллективного) внешними смысловыми формациями. Трансцендентальный субъект гуссерлевской феноменологии – автономный субъект смыслоконституирования, самоопорный и самодостаточный в своей смыслоконституирующей активности. Фактически, пассионарность – модус его бытия. Здесь предельная ангажированность в свою предметную область, максимальная вовлеченность в целиком захватившую его тему, погружение с головой в определенную проблемную ситуацию. Но это предельный, эксклюзивный случай, говоря веберовским языком, “идеальный тип” бытия индивидуального сознания. Такому модусу сознания по плечу противостоять внешним вторжениям чужеродных смыслов. Предельная концентрация и сосредоточенность такого сознания на своем предмете делает его невосприимчивым и непроницаемым для чужеродных элементов.

Но в совершенно иной ситуации оказывается субъект эмпирический. Ведь интенциональны, нагружены и насыщены целенаправленным смыслом все продукты окружающей субъекта культуры, не говоря уж о вербализованных продуктах современных масс-медиа. И эмпирический индивид, вместо того, чтобы стать автономным субъектом смыслоконституирования, может оказаться лишь пассивным объектом цвишенизации.

Этот термин образован автором на основе введенного в научный оборот Ю.А. Хариним концепта «цвишенизм», которым описывается состояние *междубытия*, перехода от одной бытийной определенности к другой. Если цвишенизм – состояние, то цвишенизация – процесс, ведущий к цвишенизму, процесс нарастания беспорядка, хаоса, неопределенности. Он может быть естественным, но может быть и рукотворным. Управляемый хаос – очень ходовая ныне технология в руках

архитекторов и строителей глобального «человеяника». Мы здесь ограничиваем рассмотрение цвишенизации в качестве инструмента воздействия на индивидуальное или коллективное сознание, его целенаправленной хаотизации и на этой основе управления индивидуальным или массовым поведением – *И.Г.*).

Атакующие эмпирического индивида со всех сторон чужеродные смысловые формации сегодня сплошь и рядом – постмодернистские симулякры, не дающие их потребителю даже малейшей возможности пробиться к сути вещей, обрести подлинность восприятия и действия, найти и удержать свою экзистенцию. Силы явно неравны. При этом имеет место не просто пассивное восприятие чужих смыслов, а активное, точнее сказать, агрессивное подавление самой способности потребителя к смыслоконституированию таких смыслов. Сегодня антропологическая реальность в бедственном положении. Налицо все нарастающий кризис подлинности человеческого бытия. Налицо все нарастающий кризис культуры Запада работает на разрушение собственно человеческого в человеке – его интенциональной вертикали, в которой человек возвышается над своим животным началом в служении истине, добру и красоте. Ненормальность, возведенная в норму – визитная карточка такой культуры. Это культура-выверт, когда все привычное ставится с ног на голову.

Цвишенизация – это когда в ВУЗах Республики принимаются наполненные высокими призывами и словами «Нравственные кодексы», а телеэкран – главный сегодня учитель и воспитатель, основной источник «духовной пищи» для обывателя – едва ли не каждым своим кадром культивирует ценности легкой, сытой, беззаботной жизни, чувственных, да что чувственных – откровенно животных наслаждений, халявной наживы и такого же успеха. Цвишенизация – это когда здравый смысл на каждом шагу требует от каждого корректировать свое поведение согласно требованиям непрерывно меняющихся ситуаций, а «главный учитель и воспитатель» предлагает в качестве образца и модели поведение индивида, знающего и учитывающего только свои собственные желания и интересы.

Беларусь развивается в настоящее время в интеллектуальном и духовном пространстве, которое задается не только (обозначенным А.С. Майхровичем и характерным для прошлых исторических эпох) пересечением двух координатных осей: старое – новое и Восток – Запад. Сегодня эта Голгофа белорусскости получает еще одно (в данный момент ключевое) измерение, уже по вертикали: глобальное – местнонациональное. Описанный С.А. Подокшиным феномен духовной, «культурной эмиграции», столетиями опустошавший и обескровливавший нашу национальную культуру бегством, переходом многих творчески активных белорусов в культуру этносов-соседей, Польши и России, сегодня приобрел измерение глобальное. Похищаются души, идет «утечка мозгов» уже не в сопредельные культуры, а в космополитическую культуру интенсивно формирующегося на планете «глобального

человека». Бесперывно работает устроенный по принципу однонаправленно действующего транзистора механизм «похищения душ», «утечки мозгов», который высасывает поштучно, методично и строго селективно все самое талантливое, креативное, лучшее, не пропуская всех тех, кто талантом помельче и духом пожиже. В традиционной культуре действует принцип: «Как поступает наилучший, так и другие люди. Какой он выполняет закон, такой и народ выполняет» (Бхагаватгита). В глобальной цивилизации побеждающего неолиберализма принципы иные: здесь богатство и сила (и сопутствующие им слава и блеск) – маяк, притягательный для всех и вся.

Нависший над современным человечеством «дамоклов меч» глобальных проблем императивно диктует сегодня не улаживание ненасытного в своем потребительстве либерального индивидуализма, а федоровской «братской соборности человечества» ради спасения не только себя самого, но изуродованной грабительским частнособственническим эгоизмом планеты Земля. Имеющая за собой длительную историю и сильная этой историей культурная традиция – благодатная, естественная, органическая основа формирования смыслов – этих интегральных жизненосущих опор человеческого существования. Общество, в котором бесперывно дуют и свободно гуляют цвишенизационные сквозняки чужеродных смыслов, – не жизнеспособно.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

Т.Е. Новицкая

На сегодняшний день интернет-коммуникация прочно вошла в повседневную жизнь современного человека, а социальные сети стали одной из наиболее популярных интерактивных автоматизированных сред Интернет-пространства. Роль и масштабы распространения данной услуги не стоит недооценивать: по состоянию на май 2011 г. в самой популярной в мире социальной сети Facebook было зарегистрировано более 700 млн. учётных записей, что составляет около 10% населения планеты. При этом следует подчеркнуть, что другие социальные сети глобального, регионального или локального значения также весьма востребованы, а общее число пользователей Интернета в мире на начало 2011 г. превышало 2 млрд.

Предпосылки для функционирования новой социально-пространственной формы, опосредованной интерактивными медиа, существуют и в белорусском обществе. Статистические данные свидетельствуют о росте числа интернет-пользователей в Беларуси. По результатам исследования онлайн-аудитории gemiusAudience их число в Беларуси по состоянию на 2011 г. увеличилось на 31,1 % по сравнению с июнем 2009 г. и составило 3,78 млн. человек, из них каждый день

Интернетом пользуются 73,51%, 3-5 раз в неделю – 16,51 %, 1-2 раза в неделю – 7,71%. 28 % процентов интернет-пользователей относится к возрастной группе от 25 до 34 лет, 27,6 % – от 19 до 24 лет, 18,35 % - от 35 до 44 лет. При подключении к глобальной сети используется не только модемное соединение, но и мобильное, причем число мобильных пользователей возрастает. Широкополосным интернет-доступом пользуются 50% респондентов, модемным – 17,4 %, технологиями сотовой связи – 8,25 % опрошенных [1]. Что касается числа абонентов мобильной связи в Беларуси, то по состоянию на начало июля 2011 г. оно составило около 10,45 млн. [2], что превышает численность населения страны.

В основе работы современных социальных медиа лежит принцип сопроизводства контента пользователем совместно с разработчиком, их совместного участия в конституировании социального пространства онлайн-комьюнити. Web 2.0, ставший базой для социальных сетей, представляет собой проекты и сервисы, активно развиваемые интернет-пользователями (например, пользователь социальной может выступать в роли комментатора, фотокорреспондента, репортера, редактора или администратора). Один из изобретателей Всемирной паутины, британский ученый Т. Бернерс-Ли характеризует его следующим образом: Web 2.0 – «это значит „пользователи для пользователей“» [3], один из главных идеологов Web 2.0 Т. О’Рейли указывает на его ключевой принцип: «чем больше людей использует сервис, тем автоматически он становится лучше» [4].

Сходную точку зрения на процесс формирования социального пространства онлайн-сообщества высказывает и швейцарская исследовательница Дж. Геродетти. Оно представляет собой результат совместного многоканального продуктивного участия пользователей социальных сетей. Однако весьма значимым аспектом в этом процессе является существование ряда ограничений в самопрезентации и осуществлении социальных практик в интернет-комьюнити, связанных с функциональными возможностями сети, которые, в свою очередь, задаются разработчиками [5]. Тем не менее, следует подчеркнуть, что указанные возможности достаточно обширны. К их числу относятся визуальная и вербальная самопрезентация, обмен сообщениями, видеозвонки, формирование списка «друзей» и подписчиков, управление настройками конфиденциальности, опубликование заметок, участие в различных группах по интересам, новостные ресурсы, просмотр видео-, прослушивание аудиозаписей и множество других опций. Все это оказывает заметное влияние на идентичность пользователя, на восприятие его другими участниками онлайн-сообщества и установление социальных связей. Идентичности пользователей, членов комьюнити, являются ресурсом, необходимым для функционирования социальной сети. Каждый участник встроен в такую систему действий и отношений, в рамках которой он вынужден формировать собственную сеть коммуникаций. Продолжая коммуникацию, он конструирует сеть. Она, в свою очередь,

синтезирует персональную информацию индивидов, выстраивающих разнообразные интернет-комьюнити, основывающиеся как на слабых, так и на сильных социальных связях.

Сетевые комьюнити Интернета могут воспроизводить уже существующие социальные отношения или способствовать формированию новых. В ситуации переноса оффлайн-связей и, как следствие, дублирования «локального» сообщества в интернет-пространстве процесс общения его участников становится значительно легче. Однако в основе функционирования виртуальных социальных сетей лежит принцип перманентного воспроизводства новых элементов, находящихся в тесной связи с ранее существовавшими. Их пространство постоянно преодолевает собственные границы за счет непрекращающегося возникновения новых идентичностей, связей, интересов и комьюнити, а также благодаря стремительному развитию технологической составляющей.

В онлайн-сообществах индивид получает коммуникативную свободу, зачастую недоступную ему в повседневной жизни, поскольку они не только воспроизводят отношения с группами непосредственного общения, но и позволяют существенно расширить горизонты социальных связей и практик. Еще один фактор, обуславливающий обретение этой свободы – это возможность использовать никнейм и, как следствие, допустимость анонимности пользователей в большинстве наиболее популярных социальных сетей. Это по-прежнему актуально, несмотря на стремление некоторых социальных медиа привязать аккаунты к конкретным реально существующим людям. Можно привести различные примеры подобного рода попыток сделать онлайн-комьюнити в большей или меньшей степени «прозрачными»: от относительно ненавязчивых предложений закрепить профиль в Google+ или «ВКонтакте» за собственным номером мобильного телефона до обязанности китайских интернет-пользователей указывать при регистрации паспортные данные, реальное имя и адрес проживания.

Кроме того, сегодня стали зарождаются новые формы социальности, возникающие благодаря Интернету и социальным сетям, но реализующиеся оффлайн – от флешмобов до разного рода массовых акций. С одной стороны, данные возможности, вытекающие из участия в виртуальных группах, могут способствовать творческой самореализации человека, но с другой – таят в себе риски развития деструктивности и социальных девиаций.

Прочное вхождение Интернета и его сетевых онлайн-комьюнити в повседневную жизнь современного человека несомненно откладывает отпечаток на его мышлении, восприятии окружающей реальности, самого себя и социума, в перспективе оно может оказывать влияние и на социальную организацию общества. В данном контексте особо остро встает проблема «цифрового разрыва» (digital divide), суть которой заключается, во-первых, в том, что некоторые социальные группы ограничены в доступе к современным информационно-

коммуникационным технологиям, и это негативно сказывается не только на возможностях свободного обмена информацией, налаживании социальных связей, но и на их экономической конкурентоспособности, уровне образования; во-вторых, данный феномен может проявляться в усиливающемся напряжении и недопонимании, возникающем между представителями различных поколений. Существуют различия в социальном опыте «цифровых аборигенов», «цифровых иммигрантов» и людей, так и оставшихся «чужаками» в электронном социальном пространстве. Тем не менее, зачастую образование и воспитание новых поколений по-прежнему основывается на подходах, разработанных без учета изменившейся социальной ситуации, специфики восприятия реальности и новых ценностей эпохи Интернета.

На наш взгляд, интенсивное развитие и массовое распространение социальных сетей, рост медиапространства в результате ускорения и расширения возможности коммуникативных процессов, формирование и функционирование различных интернет-сообществ, а также связанные с этим трансформации идентичности субъекта-пользователя и социальных практик, возникновение новых форм социальности и самореализации требуют пристального внимания со стороны социальных наук и выработки рефлексивной позиции по отношению к указанным явлениям.

Литература

1. Результаты gemiusAudience. Август 2011 // Gemius [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gemius.by/by/ru_products_gemius_audience_result/by. – Дата доступа: 01.09.2011.
2. Число интернет-пользователей в Беларуси за два года выросло на 31% // Новости Беларуси. БелТА [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/Chislo-internet-polzovatelej-v-Belarusi-za-dva-goda-vyroslo-na-31_i_567136.html. – Дата доступа: 09.04.2012.
3. Anderson, N. Tim Berners-Lee on Web 2.0: «Nobody even knows what it means» // Ars Technica [Electronic resource]. – Режим доступа: <http://arstechnica.com/business/2006/09/7650>. – Дата доступа: 15.03.2012.
4. О'Рейли, Т. Что такое Веб 2.0 // Компьютерра online. – 18 октября 2005 года. – Режим доступа: <http://www.computerra.ru/think/234100/>. – Дата доступа: 15.03.2012.
5. Gerodetti, J. Sozialraum Online Community – Ergebnisse einer Rekonstruktion sozialräumlicher Aspekte von Online Communities am Beispiel [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sozialraum.de/sozialraum-online-community.php>. – Дата доступа: 5.04.2012.

ШТОДЗЁННАСЦЬ У СВЯДОМАСЦІ СОЦЫУМА

М.В. Анцыповіч

Філасофская думка заўсёды актыўна рэагавала на ўніверсаліі, якія функцыянуюць у тых ці іншых сферах практыкі і пазнання. Любую з'яву

ці працэс можна назваць штодзёнымі, калі яны надзелены пыкметамі тыповасці, устойлівасці, узнаўляемасці, зразумеласці, даступнай інтэрпрэтыўнасці, варыянтатыўнасці. Сфера паўсядзённасці ўяўляе сабою спецыфічны інтэрсуб'ектыўны жыццёвы свет, які складаецца з множнасці рэальнасцей – рэальнасці навукі, рэлігіі, зместу снабчанняў і фантазій і г.д. Але галоўнай рэальнасцю з'яўляецца паўсядзённае жыццё чалавека з яго побытавай і прафесійнай дзейнасцю і адлюстраванне ўсяго гэтага ў штодзённай свядомасці. Інтэрсуб'ектыўны свет гэта не прыватны свет, а агульны, звыклы сацыяльны свет, які абумоўлены інтэракцыямі паміж індывідамі, якія адносяцца да адной даволі вузкай сацыяльнай групы, нахталт, “хатняй”, але ў свядомасці індывідаў гэты сацыякультурны свет выступае як свет аб'ектыўны, незалежны ад іх саміх. Значыць, штодзённае быццё – гэта быццё свядомасці, якая “пражывае” сябе ў кожнае імгненне. Індывід, які ўваходзіць у склад масы, незалежна ад дакладнага ці абстрактнага азначэння, не ператвараецца ў абязлічаны аўтамат: ён успрымае, адчувае жаданні, робіць тлумачэнні, хвалюецца, захапляецца, чым і зберагае больш-менш сваю тоеснасць. І наадварот, маса сіметрычным чынам не ўяўляе сабой нейкага ўніфікаванага індывіда, які ўспрымае, жадае чагосці і г.д. Значыць, гаварыць аб свядомасці мас можна гаварыць толькі як аб свядомасці індывіда ў масе, і, як вынік, неабходна вывучаць грамадства праз даследванне людзей, а людзей – праз грамадства, а ў тым выпадку, калі, напрыклад, асобна вывучаць палітыку і мараль, то ні ў той, ні ў другой сферы ніколі нічога немагчыма зразумець. Гістарычна паўсядзённае жыццё народа было падпарадкавана ці інтарэсам дзяржавы, як у Антычнасці, ці інтарэсам царквы ў Сярэдневеччы, ці пошукам ісціны у Новым часе. Паняцце “народ” з'яўляецца адцягнутай сярэднестатыстычнай адзінкай, нейкай пачуццёвай марай, ці прадвызначаючай катэгорыяй. Маса з'яўляецца шматлікай сапраўднасцю, але яна заўсёды пазнае сябе па злучэнню ўплываў колькасці з сілаю ўплываў улады” [2, с. 18]. Сацыяльна-філасофскі аналіз штодзённасці здзяйсняецца як на мікра-, так і на макраўзроўні, ў яго датычы і дынаміцы, з улікам спецыфікі суб'екта пазнання і сацыяльна-эканамічных дэтэрмінант. “Вобраз жыцця” ў шмат якіх аспектах тоесны паняццю штодзённаму жыццю, але ён у пэўнай ступені вузейшы паняцця штодзённасці – ён у большай ступені сацыяльна дэтэрмінаваны, ў той час як штодзённасць нясе на сабе адбітак унікальнасці свайго суб'екта.

У наш час сацыякультурнае быццё робіцца ўсё больш уніфікаваным, а штодзённая свядомасць, паўсядзённая культура – больш устойлівымі і значна менш падпадаюць пад кардынальныя змяненні. Такая ўласцівасць штодзённага побыту, свядомасці, культуры здольна спрыяць падтрыманню сацыякультурнага светупарадка, ў якім асобны чалавек – індывід і малыя цесна звязаныя групы людзей (напрыклад, сем'і) здольны рэгуляваць сваю дзейнасць па выкарыстанню і расходванню энергетычных і псіхалагічных рэсурсаў. Праз засваенне культуры штодзённасці чалавек яшчэ ў дзіцячым узросце ўваходзіць у свет, напрацоўвае неабходны

індывідуальны вопыт кантактавання ў асяроддзі. На працягу ўсяго астатняга жыцця чалавек здабывае і падтрымлівае ў штодзённай свядомасці тое мікраасяроддзе, стан якога шмат у чым забяспечвае яго жыццёвыя патрэбы. Свет штодзённасці – гэта, па сутнасці, свет духоўнага і сацыякультурнага вопыта асобы. Менавіта ён спараджае пытанні вышэйшага духоўнага парадка, ад якіх, з аднаго боку, немагчыма ўхіліцца, і развагі якія, з другога боку, неабходна практыкаваць аб магчымасці выхаду за межы гэтага сацыякультурнага вопыта, прытым, якім бы ён не быў. У цэлым, уяўляецца, што менавіта катэгорыя духоўнасці “сашчапляе” паміж сабою свет наўменальных сутнасцей і феноменальны свет на ўзроўні штодзённай свядомасці, паколькі духоўнасць змястоўна звязана з адказамі на пытанні аб тым, што такое шчасце, любоў, у чым сэнс чалавечага жыцця і г.д. А гэта – межавыя ўніверсаліі духоўнасці і культуры, ці характарыстыкі пэўных кантэкстаў ідэнтыфікацыі духоўнасці, якія акрэсліваюць штодзённы чалавечы вопыт.

Індывідуальная свядомасць у працэсе станаўлення атрымлівае ад біялагічнага складніка чалавека свой матэрыяльны субстрат – нервовую сістэму, якая абумоўлівае псіхічныя функцыі, нахталт, ідэальнае адлюстраванне, памяць, здумленне і г.д. Сацыяльная кампанента свядомасці праяўляецца ў яго канкрэтнай індывідуальнай аформленасці, якая ўзнікае ў выніку ўплыву разнастайных сацыякультурных механізмаў. Для чалавека, які фарміраваўся адпаведнай культурай, сэнсы яе светапоглядных універсальных часцей за ўсё выступаюць як штосьці само сабой зразумелае, як прэзумцыі, ў адпаведнасці з якімі яны ўладкоўваюць сваю жыццядзейнасць, і якія ён часта не ўсвядамляе ў якасці яе глыбінных асноў. Сацыяльнае жыццё ў інфармацыйнай цывілізацыі выступае шматмерным, нелінейным і супярэчлівым, ступень сацыяльнай стратыфікацыі ў ім узмацняецца, што прыводзіць да множнасці страт, прадстаўнікі якіх імкнуцца да канструявання асабістых, індывідуальных мадэляў свабоднага, выключна геданісцкага баўлення часу. Адносная незалежнасць, сацыяльны прагрэс, паляпшэнне якасці жыцця, аўтаномія вобласці сацыяльнай, прававой і эканамічнай арганізацыі жыцця прыводзіць да павялічэння крыніц геданісцкай актыўнасці для суб’екта. У гэтых умовах асобнаму індывіду прыходзіцца здзяйсняць выбар вобраза і стыля жыцця, пры гэтым узмацняецца арыентацыя чалавека на развязванне асабістых, абмежаваных яго жыццёвым светам, праблем. У сучаснай сацыяльнай рэальнасці чалавек арыентаваны на валоданне, і калі яно недасягальна, то гэта прыводзіць да адчужэння чалавека ад яго сутнасці, чым і спараджае асабістую абязлічанасць. Адсутнасць паўнаты быцця і самота прыносяць пакуты, і для іх псіхалагічнай кампенсацыі ў чалавеку фармуецца патрэбнасць у штучным прыхарошванні працоўнай прасторы, якая блакуе дасягальнасць геданісцкай суразмернасці. Гедонік не знікае цалкам у сацыяльнай прасторы, акрэсліваючы ў ёй межы магчымага і сапраўднага, неабходнага і выпадковага. Непазбежным вынікам робіцца духоўны крызіс, страта суб’ектам сацыяльнай адказнасці, эгацэнтрызм і

абьякавасць да агульнага дабра, заклапочанасць толькі сваім асабістым інтарэсам. Геданісцкая “віна” чалавека злучана, як правіла, з невыразнымі, “цёмнымі” жаданнямі яго да “светлай” будучыні, якую ён пад час жадае рэалізаваць гвалтоўнымі метадамі.

Важным паняццем для зразумення штодзённасці, з’яўляецца паняцце “здаравага сэнсу” як падмурку, на якім усталёўваецца штодзённае жыццё. Галоўнай функцыяй штодзённасці з’яўляецца выжыванне і ўзнаўленне, задавальненне разнастайных патрэбаў. Пры гэтым рацыянальнасць штодзённасці не вычэрпваецца выключна здаровым сэнсам, але і іншымі формамі рэальнасці, ў прыватнасці катэгорыяй “жыццёвага свету”, як больш шырокага па зместу, чым катэгорыя “штодзённасці”. Жыццёвы свет уключае ў сябе і нерэгулярныя падзеі і стандартныя сітуацыі: нараджэнне, смерць, пікавую ўсхваляванасць. Роль штодзённага рацыянальнага дзеяння выражаецца ў тым, што адбываецца стандартызацыя сацыяльных паводзін, фарміраванне эфектыўных, прадказальных яго ўзораў, якія спрыяюць зберажэнню суцэльнасцей сацыяльнай сістэмы. Поруч з гэтым, нават у высока рацыялізаваным сацыяльным парадку існавання, частка дзеянняў адбываецца ў адпаведнасці з неўсвядомленымі і нерэфлексіраванымі актамі. І гэта існуе ў сілу таго, што “імкненне чалавека да супрацоўніцтва і сумеснага жыцця з сабой падобнымі тлумачыцца ў неменшай ступені іх страхам перад сіламі знішчэння, так як страх дачаснай смерці ўласцівы людзям таксама, як і вышэйшым жывёлінам. Пагэтану не толькі натуральнае імкненне да камунікавання, але страх аб’ядноўвае людзей” [1, с. 145]. Штодзённасць рэалітыўна: яна разгортваецца ў дакладных умовах для кожнага асобнага індывіда, якія не могуць быць татальна атаясамлены з умовамі другога індывіда. Яна стартава зададзена розным становішчам індывідаў у сацыяльнай іерархіі, неаднолькавай структурай быцця, непаўторнай дзейнасцю, якую індывіды выконваюць у сваёй штодзённасці. Пагэтану, замест адзінай “аб’ектыўнай рэальнасці” чалавек заўсёды сутыкаецца з “камлектам” некалькіх рэальнасцей, пры чым пытанне аб іх суаднясенні і аб тым, якая з іх больш рэальная губляе які-небудзь сэнс.

Сэнсам абштодзёнвання палітычнага вопыта з’яўляецца вызваленне індывіда ад прыняцця штохвілінных рашэнняў і ўпэўненасць ва ўстойлівасці базісных структур жыццёвага света, а паўторныя дзеянні робяцца меней заўважнымі і здзяйсняюцца на больш нізкім узроўні. Супярэчлівасць палюсоў інтэрпрэтацыі палітычнай улады, якая адлюстроўваецца штодзённай свядомасцю, і якая вагаецца ад “заганасці” да “ўсемагутнасці”, патрабуе аналізу ўзаемадзеяння света прафесійнай палітыкі і штодзённага чалавечага вопыта.

Літаратура

1. Дорошевич, Э.К. Философская и социальная мысль Беларуси эпохи Просвещения. – Гродно, 2010.
2. Руккет, М.-Л. Познание масс. Очерки политической психологии / пер.с франц. Н.В. Вышинского. – М., 2010.

К ВОПРОСУ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ КАПИТАЛЕ И ИЗБЫТОЧНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

И.Н. Ищенко

Не смотря на то, что размышления о закономерностях развития общества волновали мыслителей не одного поколения, окончательное становление науки про общество стало возможным лишь тогда, когда оно само предстало в истинно человеческом измерении, а именно когда великие буржуазные революции привели к постепенному становлению человека как субъекта исторического процесса. Первоначально новая наука об обществе за неимением собственного инструментария для исследований пользовалась инструментарием естественнонаучных и экономических наук, постепенно нарабатывая свою собственную методологию и терминологию, но практика использования междисциплинарной терминологии для обозначения тех или иных феноменов социальной жизни во многом остается оправданной и на сегодняшний день.

Таким оправданным, на наш взгляд, переносом экономической терминологии является употребление термина «капитал» для обозначения накопленного человеком определенного запаса знаний, навыков, способностей и т.д., которые им используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту его производительности труда и эффективности производства (то есть обладают самовозрастающей стоимостью), тем самым влияя как на его жизнедеятельность, как отдельной личности, так и всего общества.

Карл Маркс в своем главном труде «Капитал. Критика политической экономии» сумел, благодаря использованию диалектико-материалистического подхода, очень четко описать систему функционирования капиталистической системы. Впервые Карлом Марксом была исследована способность труда создавать стоимость как кристаллизованное рабочее время. Проведя исчерпывающее исследование отношения товара и денег, он показал процесс превращения денег в капитал на основании купли и продажи рабочей силы. Также Карл Маркс в товарном обмене заменил категорию «труд» на «рабочую силу» как способность к труду, и смог описать ход процесса образования прибавочной стоимости (а также установил абсолютную и относительную ее формы). Таким образом, опираясь на теорию прибавочной стоимости, Марксу удалось охарактеризовать основные черты капиталистического накопления, изложив его исторические тенденции.

Перенесение логики функционирования капитала как самовозрастающей стоимости на накопленные человеком знания, навыки и способности, которые в своей сумме способны принести самые высокие дивиденды своему владельцу, а также рассмотрение определяющей роли образования в развитии общества привело к появлению концепции

человеческого развития и ее составляющей – теории человеческого капитала.

«Он – человеческий, потому что воплощен в личности человека, он – капитал, потому что является источником или будущих доходов, или будущих удовлетворений, или того и другого вместе. Словосочетание «человеческий капитал» – не метафора, а строгое научное понятие, которое полностью подпадает под стандартное определение капитала, выработанное экономической наукой. (В этом его отличие от таких преимущественно метафорических выражений как «социальный» или «культурный капитал».) Инвестиции в человеческий капитал, подобно любым другим инвестициям, предполагают, что человек жертвует чем-то меньшим сегодня ради получения чего-то большего завтра. Но поступать так он станет только в том случае, если рассчитывает, что его затраты окупятся и вернутся с отдачей. В этом смысле вложения в человека представляют собой одну из форм распределения ресурсов во времени, когда настоящие блага в той или иной пропорции «обмениваются» на будущие» [1, с.9].

По нашему мнению, недостатки теории человеческого капитала лежат в области ее чисто экономической трактовки, тогда как проблема носит междисциплинарный характер и требует, прежде всего, качественного философского осмысления.

Стоит посмотреть на человеческий капитал не с точки зрения потраченных на него инвестиций и их экономического эффекта с точки зрения материальной прибыли, то есть сосредотачиваться не на стоимости, а на самовозрастании капитала.

По нашему мнению, характер капитала как самовозрастающей стоимости, которая побуждает к усовершенствованию необходимо положить в основу отношения к образованию. Усовершенствование человека, его становление как личности, а главное его образование на протяжении всей жизни требует некой избыточности в приобретении все новых и новых знаний и навыков, больших, чем этого требует временное рабочее место, именно они, составляя некий потенциал личности способны обнаруживать ограничения в развитии человека, а значит преодолевать их и двигаться на принципиально новые вершины развития. Такой подход чужд сухой утилитарности, направленности на окупаемость вложенных в образование инвестиций, поскольку такое образование, в первую очередь, направлено не на подготовку определенного узкого специалиста, а на становление личности, ее социализацию, на актуализацию истинно человеческой сущности.

В целом избыточное образование рассматривается как опережающая подготовка рабочей силы нужной квалификации, способной менять характер своего труда по мере развития промышленного производства. Именно общая фундаментальная, широкая подготовка, направленная на формирование потенциала личности, является базисом не только для дальнейшей профессиональной деятельности, но и быстрой ее смены в

случае необходимости, она составляет человеческий капитал личности, самовозрастающий, и именно он, к сожалению, часто признается избыточным в негативной трактовке этого понятия.

Безусловно, такой человеческий капитал в виде потенциально заложенных в нем знаний, умений и навыков нуждается в актуализации, в самоактуализации, то есть в использовании в действительности полученного багажа, то есть человеческий капитал способен оказывать позитивное влияние лишь при условии его эффективного использования. Концепция самоактуализации полученного человеческого капитала, предполагает наличие у человека «самости» (человеческого потенциала), которая нуждается в «актуализации» (раскрытии, осуществлении) путем определенного вида работы над собой в процессе общественно значимой деятельности. По нашему мнению, получение человеком избыточного багажа знаний, большего, чем это необходимо в рамках его компетенции позволяет производить самоактуализацию не только как способность решать типичные производственные задачи, но и как способность раскрытия творческого потенциала личности с полным набором как раз нетипичных подходов к осуществлению повседневной деятельности. Недостаточно только иметь знания, необходимо постоянно их использовать и не только для своего блага, но и для блага всего общества, в том числе передавая свои знания следующим поколениям. Полноценный запас фундаментальных знаний позволит осуществлять быстрый доступ и освоение новых знаний, в том числе к принципиально новым, несуществовавшим ранее знаниям и технологиям.

Таким образом, человеческий капитал является фактором социально-экономического развития общества в целом и фактором постоянного личностного роста человека, его непрерывающейся социализации. А образование (в том числе и избыточное), как концентрированная форма социализации, играет в этом процессе главную роль.

Литература

1. Капелюшников, Р.И. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). – М., 2010.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД

Н.Л. Балич

Каждое упоминание в социологическом контексте понятия «социальная идентичность» побуждает задуматься над истоками формирования не ясного, но в то же время столь широко употребляемого термина. Можно ли отыскать социальные или индивидуальные причины того, что современные ученые стали размышлять о человеке и обществе в терминах идентичности?

Действительно, человек – уникальное создание, в котором интегрируются различные по своей природе модели личностного и безличного поведения. В одних и тех же случаях человек действует, чувствует и мыслит как неповторимая личность. В то же время он унифицирован, тождествен другим, т.е. является безличной частицей в составе целого. Каким же образом осуществляется выбор поведения индивидом, переход от поведения межгруппового к межличностному и наоборот?

Один из вариантов решения этой проблемы предложен в теории социальной идентичности, она позволяет приблизиться к одной из серьезных проблем современной науки – анализу социального поведения человека.

В научной среде понятие «идентичность» получило распространение после психоаналитических и социально-антропологических исследований поведения человека американским социальным мыслителем Э. Эриксоном в 1940–50-е гг. Опираясь на теорию З. Фрейда и психоаналитическую эго-психологию (А. Фрейд, Г. Гартман), Эриксон в самом общем смысле рассматривал идентичность как продукт социального взаимодействия, закрепляющийся во внутренней структуре личности и выражающийся в осознании человеком своего места в обществе, признании своей индивидуальности, обретении смысла жизни. Также следует отметить вклад Э. Эриксона в осмысление понятия «кризис идентичности» и значимость его исследований, определивших становление понятия «идентичность» как категории интердисциплинарного знания [1].

Актуальность исследования феномена социальной идентичности очевидна, поскольку может задать направление многомерного поиска себя в динамичном мире. Так, по утверждению В.А. Ядова, сегодня «...становление новой социальной субъективности... отражается в индивидуальном поиске новой идентичности каждым...» [2, с. 36]. Неудивительно, что такой поиск, порой, сопровождается неудовлетворенностью своей жизнью, острым чувством тревоги и одиночества, утратой способности к эмоциональному общению с другими людьми. В контексте данной проблематики следует отметить работы А. Ватермана, Дж. Марсиа, разработавших динамическую модель идентичности, которая позволяет изучать внутриличностные механизмы идентификационного процесса в нестабильных социокультурных условиях [3]. Также заслуживают внимания работы Дж. Тернера, Г. Тэджфела, Р. Мертон и других исследователей, посвященные изучению социогруппового аспекта в рамках межгруппового взаимодействия. Так, Г. Тэджфел социальную идентичность представлял как знание индивида о принадлежности к определенной группе, которая достигается путем ценностного сравнения его группы с другими. С позиции когнитивистского подхода можно объяснить поэтапное формирование такого знания о своей групповой принадлежности. Так, на пути к познанию индивидом собственной идентичности выделяются три

основных этапа.

Первый этап – социальная категоризация, т. е. упорядочивание социального окружения в терминах группировки личностей способом, который имеет смысл для индивида.

Второй этап – социальная идентификация – процесс, посредством которого индивид помещает себя в ту или иную категорию.

Третий этап – социальная идентичность – получение определенного итога: полного социального отождествления индивида.

Подробнее отождествление индивида с группой рассматривается в следующих плоскостях: когнитивной – как знание индивида о своей принадлежности к группе; ценностной – как наличие у индивида негативной и позитивной коннотаций принадлежности к данной группе; эмоциональной – как принятие индивидом либо «своей», либо «чужой» группы на основании двух первых показателей [4].

Несмотря на имеющиеся теоретико-методологические наработки, необходимо отметить ряд трудностей, с которым сегодня сталкивается наука при изучении социальной идентичности. В частности, в эмпирических исследованиях чаще всего рассматриваются отдельные компоненты социальной идентичности (гендерная, этническая, религиозная, возрастная и т. д.) вне их взаимосвязи друг с другом. Также возникают трудности с подбором методов эмпирических исследований, связанные с отсутствием однозначных взглядов на природу социальной идентичности личности. Как справедливо отмечают российские исследователи, «между отечественной и зарубежной традициями существует определенная дистанция в понимании социальной идентичности» [5, с. 6]. Отечественные исследователи рассматривают социальную идентичность, прежде всего, как результат соотнесения личностью себя с большими социальными группами: этническими, профессиональными, религиозными и т.д. В западной психосоциальной науке внимание акцентируется на идентификационных процессах, протекающих в малых социальных группах, в которые индивид включен в ходе своей жизнедеятельности. Очевидно, что для полного освещения данного феномена необходимо объединение этих двух подходов в формировании интегративной модели социальной идентичности. Для решения указанной проблемы больший интерес представляют теории о противоречивости, антагонизме межгрупповых и межличностных начал в человеке. Индивиды стремятся к сохранению или повышению своей самооценки, т. е. к положительному своему образу. Например, на протяжении тысячелетий быть мужчиной считалось престижней, чем женщиной, аристократом – престижней, чем плебеем, и т. д. Оценка собственной группы определяется через взаимоотношения с другими группами через сравнение ценностно-значимых качеств и характеристик. Результатом положительного сравнения становится повышение престижа своей группы и самооценки, в случае отрицательного – понижение. Из этих постулатов выводится ряд взаимосвязанных следствий.

В связи с этим целесообразно отметить теорию социального научения А. Бандуры, который пытался осмыслить процесс идентификации через понятие «модели поведения». Благодаря этому, люди избавлены от груза ненужных ошибок и траты времени на формирование соответствующего поведения, «... могут обучаться на примерах, хотя бы приблизительных, и благодаря этому они избегают многих ненужных ошибок» [6, с. 40–41].

Вопросы социальной идентичности относятся к сравнительно новой, но интенсивно развивающейся области социологического знания. Постоянно растущий интерес ученых к данной теме обусловлен значимостью понятия «социальная идентичность» для теоретического осмысления широкого круга проблем социально-психологического, внутригруппового и межгруппового взаимодействия. На основании изложенного выше можно сделать вывод о целесообразности применения интегративного подхода к анализу социальной идентичности для решения практико-ориентированных задач, связанных с социальным поведением человека, профилактикой социальной дезадаптации на индивидуальном и общественном уровнях.

Литература

1. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М., 1996.
2. Ядов, В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35–41.
3. Waterman, A. Identity development from adolescence to adulthood: an extension of theory and a review of research // *Developmental Psychology*. – 1982. – Vol. 18, № 3. – P. 341–358.
4. Tajfel, H. The social identity theory of inter group behavior / H. Tajfel, J. Turner // *Psychology of intergroup relation* / ed. S. Worchel, W. Austin. – Chicago, 1986. – P. 7–24.
5. Микляева, А.В. Основы психологии человека / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. – СПб., 2009.
6. Бандура, А. Теория социального научения / пер. с англ. – СПб., 2000.

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

О.В. Курбачёва

Процесс глобализации существенно повлиял на изменения условий социализации и инкультурации. Следствием разрушения социокультурных границ является возникновение новых объектов самоотождествления и формирования «дрейфующей» идентичности. На арене глобального культурного пространства появляются новые субъекты: аутсайдеры, являющиеся пассивными субъектами глобализации, носителями

традиционных культур и активные участники глобализации с широким списком объектов идентификации за счет включенности в транснациональное гражданство [1, с. 69]. Если у «аутсайдера» развиты этнокультурные или национальные доминанты идентичности, то у космополита отсутствует постоянный, устойчивый комплекс идентичностей. Здесь прослеживается закономерность: чем более человек интегрирован в глобальное пространство, тем менее для него значимы локальные, групповые интересы. То есть принадлежность к активной зоне интернациональной коммуникации в определенной степени освобождает человека от связи и зависимости от стандартов поведения, принятых в определенной локальной культуре. Это проявляется в конституировании абсолютно нового мировосприятия и миропонимания. Поэтому под влиянием глобализационных процессов возникает конфронтация между стремлением к национально-этнической идентификации и к общечеловеческим интересам во взаимозависимом мире. То есть обнаруживаются диалектически противоречивые явления: с одной стороны, происходит форсированное объединение культур и формирование общих нравственных норм и эстетических ценностей, а с другой стороны, возникает тенденция к фрагментаризации и ренессансу национальных культур и традиций.

В контексте формирования нового гражданского мира, основывающегося на принципе космополитизма, важно определить отношение восточнославянского региона к формированию новой идентификации субъекта как «гражданина мира». К какому же типу субъектов социокультурного взаимодействия относится само восточное славянство: к пассивным или активным участникам культурной глобализации? С одной стороны, глобализация стимулирует эмансипацию субъектов социума восточного славянства и его приобщение к статусу «космополита» посредством Интернета, транспорта, новых технологий, искусства, единого рынка товаров и услуг. Но с другой стороны, сохраняется значимость традиционных видов идентичностей (этнической, религиозной). Восточные славяне, формируясь на рубеже различных типов цивилизационных программ и аккумулируя тенденции инновационного развития и сохранения традиционных ценностей, конституируют именно такой тип субъекта, который предполагает равноуровневые признаки самоотождествления. Статус переходного общества инициирует постоянное расширение перечня объектов самоидентификации за счет приобщения к транскультурному сообществу и, в то же время ориентирован на сохранение устойчивых маркеров идентичности. Это объясняется тем, что усвоение новых глобализационных ценностей через информатизацию, компьютеризацию, масс-медиа сдерживается общим традиционным характером прежней структуры сознания. Заложником такого статуса становится система гражданского самоопределения, так как общество находится в процессе выбора приоритетов социодинамики, вследствие чего отсутствует четкая идентификационная система и

формируется маргинальный формат самоопределения.

Важным аспектом социокультурной идентификации в восточнославянском культурно-историческом типе является соотношение личности и общества. Если апеллировать к принципу коллективизма, который выступает мировоззренческой доминантой восточного славянства, важно обозначить влияние глобализации на его духовные основания. Глобализация, актуализируя принципы либерализма и прагматизма, противопоставляет соборному началу индивидуально-эгоистические интенции личности, соответствующие критериям успешности в потребительском обществе. Поэтому идеи коллективности, гармонии личности и общества, в которой преобладает значимость общественных интересов, в период глобализации становятся наиболее уязвимыми. По мнению У. Бека, глобализация провозглашает «конец больших социальных групп» [2, с. 128]. Приобщенность к конкретному социальному пространству размывается под влиянием укоряющегося космополитического образа жизни и гиперавтономности морального субъекта. И в общественное сознание восточного славянства под влиянием западной культуры интериоризируются ценности индивидуализма и свободы. Традиционная ценность православия – духовность испытывает влияние либеральной индустриальной культуры через ценность материализма. Наблюдается активный поиск новых форм семейной жизни и архаизации традиционной патриархальной семьи. Единственным способом защиты традиционной формы семьи, по мнению М. Кастельса, является упрочнение авторитарного государства и религиозного фундаментализма [3, с. 503].

Так ценностное пространство цивилизации подвержено изменениям, что приводит общественное сознание восточного славянства в состояние нравственной и культурной аномии. Вызревает социальное противоречие между традиционными и инновационными ценностями. В результате этого открываются различные тенденции: реабилитации традиционных ценностей, закрепление новых или их взаимодополнение. В период кризиса актуализируется интерес к традиционным ценностям. В менталитете сохраняется приоритет духовного над материальным, патерналистское восприятие государственной власти, ценность религии, семьи, морали. Укоренённые в общественном сознании основания духовного единства выступают противовесом индивидуалистическим ценностям. И в ответ на культурную глобализацию обнаруживается ориентация на поиск традиционных маркеров идентичности, базирующейся на духовном единстве человека и общества. Например, институт семьи в странах восточнославянского региона является одной из доминантных ценностей и поддерживается на уровне государственных программ и религиозных представлений. Здесь вновь важно подчеркнуть особый статус государства у восточных славян, которое, взаимодействуя с церковью, направлено на укрепление и сохранение традиционных ценностей.

Таким образом, глобализационные процессы, создавая новые объекты и субъекты самоотождествления, предлагают иной вектор анализа проблемы идентичности переходного общества. Идентификационными маркерами восточнославянского региона являются как ситуативные объекты, возникающие под влиянием приобщенности к глобализационному пространству, так и традиционные виды идентичности, развитые в разной степени друг от друга. В силу приобщенности Беларуси, Украины на протяжении нескольких столетий к истории России (Российской империи, СССР) для восточных славян более характерна региональная и религиозная идентичность и менее развита гражданская форма самоотождествления. Важно отметить, что в рамках влияния глобализации на ценностно-нормативную среду восточнославянского культурно-исторического типа, происходит усиление группового уровня идентичности (религиозный, этнический уровни), что увеличивает значимость такой ценности восточного славянства как «общность» и коллективизм.

Литература

1. Левин, З.И. Восток: идентичность и глобализация. – М., 2007.
2. Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну/ пер. с нем. – М., 2000.
3. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / пер. с англ. – М., 2000.

БЕЛОРУССКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИНЕРГИИ

В.И. Миськевич

Базовый интерес современного белорусского социума связан с построением суверенного государства и формированием нации, способной к самостоятельному историческому творчеству. Эвристически интересным представляется рассмотреть проблемы отечественной модернизации с точки зрения такого идеально-типического конструкта, как «социокультурная синергия». Термин «синергия» в переводе с греческого буквально означает «со-действие», «со-трудничество», «со-работничество». Данное понятие вошло в интеллектуальный обиход европейской культуры значительно раньше, чем известное сейчас название науки о самоорганизации – синергетики. Так, наряду с термином «виртуальность» оно активно использовалось еще в средневековой философии и служило для обозначения специальных практик «со-действия», «со-трудничества» человека и Бога. В современной философской и научной литературе используются выражения «духовная синергия», «социальная синергия» для характеристики особых состояний общественного бытия и сознания. Более общим по отношению к ним «идеальным типом» (родовым понятием) является категория

«социокультурная синергия». Социокультурная синергия – это системное единство образующих общество социальных групп и общностей, институтов, стратификаций, нормативно-коммуникативных структур, сетей, социальных ролей, маргинальных слоев, субкультур, форм сознания, функционирующих в режиме взаимодополнения, взаимодействия и обеспечивающих его целостность и органический рост. Данное единство достигается посредством как целерациональных, институциональных, так и спонтанных, стихийных действий людей. Будучи противоположностями, они не только «отрицают» (диалектически), но и предполагают, дополняют друг друга. Их взаимодействие определяет динамику самоорганизации и развития социума. При этом заметим: социальная спонтанность является одной из важнейших форм манифестации свободы личности и имманентной предпосылкой исторического инновационизма.

Отечественная социальная и культурная динамика в исторической ретроспективе была обусловлена перманентными внешними вызовами, чаще всего несоизмеримыми по силе давления с возможностями адекватных на них ответов белорусского этноса. Эти обстоятельства в существенной мере деформировали процессы формирования синергичных структур и отношений в белорусском обществе.

В настоящее время наша страна, белорусское общество переживают время больших перемен. Динамика и успешность социального обновления зависят (и будут зависеть) от сцепления и взаимодействия самых разнообразных факторов – и объективных, и субъективных. Одним из важнейших среди них является самосознание народа, его менталитет.

Менталитет — это устойчивая во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) система образов человека и внутренних (глубинно-психических социокультурных установок общества, формируемая (и функционирующая) как под воздействием внешних условий, так и в процессах внутренней самоорганизации. В структуре менталитета можно выделить горизонтальную и вертикальную составляющие. К первой относятся такие «блоки», как: а) восприятие, б) оценка, в) поведение. Ко второй - социальные установки индивидуального и коллективного бессознательного (природная, хозяйственно-экономическая, правовая, национально-патриотическая и др.), определяющие отношения человека к окружающим его явлениям, событиям, процессам.

Общеизвестно, что центральную проблему белорусского менталитета составляет размытость, неочерченность этнического самосознания. Белорусы в своей массе знают свой язык и культуру намного хуже, чем язык и культуру соседних этносов. А это значит, что они и не выступают в качестве маркеров национальной идентичности.

Феномен национального менталитета является «сквозной» проблемой, которая должна учитываться при разработке государственных программ модернизации (в том числе инновационного развития страны), структурной перестройки экономики, создании и «запуске» механизмов социальной самоорганизации, поддержке предпринимательства и бизнеса,

практике обучения и воспитания, принятии управленческих решений и т.д. Ибо, в конечном счете, именно творческий потенциал народа, его воля к действиям как организующая и побуждающая сила определяет успешность и конкурентоспособность страны. Задача «субъективного фактора» (институтов управления) – обеспечить необходимые для этого условия: правовые, организационные, финансовые, административные. Но прежде необходимо знать, что собой представляет этот социальный ресурс, что от него можно ожидать, и какие возможные коррективы в него следует внести.

В ситуации обретения Республикой Беларусь государственной независимости интенции социокультурной трансформации во многом зависят (и будут зависеть) от преодоления исторических разрывов социальной и духовной синергии и обусловленных этими причинами различных форм отчуждения человека (от собственности, власти, исторической традиции, культуры, права, языка, личностного достоинства и т.д.). Исходным пунктом является здесь выбор стратегических целей и ценностных ориентаций, а также определение акторов, способов и средств их реализации.

Модернизация когнитивного, аксиологического и социально-психологического содержания национального самосознания может быть эффективной в ситуации синергичного взаимодействия трех факторов: целерациональной деятельности органов государственного управления, механизмов общественной самоорганизации и спонтанного давления императивов общественного бытия на общественное сознание. Определяющим среди этих факторов является первый, поскольку основные ресурсы социума сосредоточены в руках государства. Важно правильно ими распорядиться. «Правильно» - значит разделить власть, финансы и собственность (а с ними и ответственность за результаты социального управления) с гражданским обществом, его институтами и структурами. Последние, однако, могут возникнуть и продемонстрировать свою эффективность лишь в правовом государстве, в котором существует реальное разделение властей, уважение к закону, соблюдаются права и свободы человека и гражданина. Формируемые совокупными – целерациональными и спонтанными действиями государства и общества материальные, социальные и культурные условия жизни людей образуют тот реальный базис (общественное бытие), который входящее в жизнь поколение воспринимает как объективную данность. Эта объективная реальность, в свою очередь, определяет содержание сознания людей, мотивацию их действий. Круг спирали, таким образом, замыкается и далее начинается новый.

Осуществляя системную модернизацию социума, его основных структур и подсистем, важно целенаправленно культивировать в белорусском менталитете новые личностные качества и установки (инициативность, предприимчивость, критичность, готовность рисковать, а также чувства национального достоинства, патриотизма, солидарности),

используя все имеющиеся для этого инструменты – систему образования, научную периодику, СМИ (особенно TV, Интернет), кино, рекламу, искусство, спорт, туризм и т.д. И если это процесс будет «понимающим», то и результаты окажутся ожидаемыми. В нашем случае – совпадающими с целями национальных программ и проектов.

Философия как теоретическая система мировоззренческих знаний может принимать самое непосредственное участие в процессах трансформации национального самосознания, формировании новых потребностей молодого поколения. Чтобы ответить на вопрос: какая философия нужна белорусам, нужно вернуться к истокам исторической традиции, прежде всего «эпохам возрождения», «точкам» ее роста, подвергнуть анализу недавнее прошлое, осмыслить формирование новых европейских и постсоветских реалий, уяснить место и роль суверенной Беларуси в изменяющемся мире. Сравнивая себя с соседями, мы видим, что немецкая, французская или английская философия занимаются в первую очередь собственными проблемами, а не комментированием или приспособлением «чужих» концепций к собственной культурной и философской традиции. В этих философиях выражен, скажем так, «дух» той или иной нации. Стало быть, белорусская философия в определенной степени также должна быть средоточием национального духа и «уметь выразить себя перед миром» (Р. Тагор). Вместе с тем она является активной участницей формирующегося нового духовного миропорядка на просторах СНГ и современной Европы. Это означает, что она должна быть и относительно автономной духовной сферой, связанной с мейн-стримом развития мировой философии. Только так отечественная философия может подтвердить свою практическую значимость и стать неотъемлемым компонентом национальной культуры и идентичности, с одной стороны, - и интегральным аспектом современных духовно-интеллектуальных процессов, – с другой.

ОБРАЗ СТРАНЫ КАК КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ФАКТОР БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Н.А. Сосновская

Люди, живущие в едином социокультурном пространстве, нуждаются в некоем общем для всех комплексе ценностей, норм, установок. На основе этого комплекса идей, определяющего содержание общественного сознания, формируется идентичность народа и представляющего его государства. Национальная идентичность включает множество компонентов, таких как национальное самосознание и менталитет, этнонациональные образы, представления о месте страны в мире, национальных интересах, представления о важнейших параметрах территории, к которой привязана данная общность, историческую память,

символы и стереотипы поведения и др. В 1980–1990 гг. вопросы консолидации сообщества, проживающего на определенной территории рассматривались в рамках проблемы национального сознания и идентичности. Признаком принадлежности к определенной нации выступало национальное сознание. Понимание этнонационального сознания в широком значении не только как самоотнесения к определенной национальности, но и как представления о ней (автостереотипы), ее языке, культуре, истории, территории и государственности трансформировалось в представления о национальной идентичности, которая основывается на принципе этничности. В настоящий момент, принцип этничности, как показывают исследования [1] теряет свое значение в качестве интегрирующего элемента. На смену ему приходят иные основания объединения населения страны. В научном сообществе [1], [2, с. 229] акцент смещается на обсуждение механизмов становления и путей формирования надэтнических – государственной и гражданской – идентичностей. Вокруг каких символов, ценностей, мифов, элементов исторической памяти сможет объединиться население страны?

Как отмечает Дробижева Л.М. [1], следует различать гражданскую и государственную идентичности. Гражданская идентичность связана с гражданским самосознанием, принятием ответственности за происходящие в обществе процессы, переориентацией с традиционно патерналистских настроений на новые, гражданские ценности. Государственная идентичность формируется быстрее и проще. Государственная идентичность предполагает большее идеологическое влияние, осуществляемое через СМИ, систему образования – основанное на символах, знаках, идеях.

В условиях растущего отчуждения рядового гражданина от политической сферы ориентация в социально-политических процессах осуществляется с преобладающей опорой на стереотипные представления, образы и символы. Для такой общности как «население страны» или «граждане государства», представление об образе страны является важнейшим интеграционным фактором.

Актуальность исследования «образа страны» определяется еще одним обстоятельством. Глобализационные процессы, активно развивающиеся сегодня в мировом пространстве, актуализировали проблему сохранения национально-культурных основ конкретных государств. На фоне тенденций доминирования унифицированных ценностей важно сформировать в общественном сознании уникальный образ своей страны, который будет транслироваться и воспроизводиться как внутри страны, так и за ее пределами. Сегодня это представляется особенно актуальным для Республики Беларусь, так как только субъект, имеющий четкие представления о своих социокультурных основаниях и выстраивающий на этом основании ясные цели, способен выдерживать конкуренцию и выстраивать полноценную равноправную коммуникацию.

Анализируя содержание понятия «образ государства» А.В. Федякин [4], определяет его как «динамическую совокупность объективно существующих, целенаправленно формируемых и субъективно воспринимаемых сущностных характеристик политически организованного, территориально оформленного и подчиненного верховной власти общества». Учитывая, что сущностным для государства, а тем более для страны, является достаточно широкий набор характеристик (географическое положение, особенности организации политической и экономической жизни, военная мощь, культура, история, этнический и религиозный состав населения, разделяемые ценности и убеждения), то изучение образа конкретной страны на основе данного определения является трудновыполнимой задачей.

Проблема изучения политических образов является одной из актуальных для социальных наук. Наиболее разработанным является образ политического лидера и образ власти [5]. Помимо эмоциональной и поведенческой составляющей такого образа, Е.Б. Шестопал выделяет ее когнитивный срез, который может быть операционализирован через такие индикаторы, как «интерес к теме, самостоятельность или стереотипность суждений, уровень их когнитивной сложности/простоты, степень ясности/размытости образов» [5, с. 80–81].

В массовом сознании участников политического дискурса идентификация происходит на основе сложившихся стереотипных представлений об этих участниках, воплощенных в образах позитивной или негативной окраски. В ряду таких образов особое место занимают интегральные образы государства и страны. Образ страны понимается как знаковая модель, опосредующая представления о национально-государственной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения. Традиционно разделяют *внешний* и *внутренний* образ. «Внутренний» образ – это характер представлений о своей стране и ее месте в мире (мировом сообществе). Внутренний образ строится на самооценке и на восприятии отличительных особенностей своей страны. Осознание отличий и противопоставление «мы» - «другие» является одной из основ утверждения национальной идентичности. «Внешний» образ ориентирован на представления о стране, сложившиеся за пределами национального культурного поля.

Позитивная самоидентификация людей со своей страной во многом обусловлена наличием благоприятной для жизни институциональной и культурной среды. Она формирует позитивный «внутренний» образ страны. О складывающемся на этой основе социальном самочувствии национального сообщества можно судить по представлениям о собственной национальной идентичности и проекции этой идентичности «вовне», в образ страны в мире.

Литература

1. Дробижева, Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. Ред. В.С.Магун. – М., 2006. – С. 10–29.
2. Тишков, В.А. Этнос или этничность? // Этнология и политика. Научная публицистика. – М., 2001.
3. Перцовская, К.О. Образ России во внешнеполитическом пространстве // Образы государств, наций и лидеров / Ред. Шестопап Е.Б. – М., 2008. – С. 189–196.
4. Федякин, А.В. О понятии «образ государства» // Вестник МГУ, серия 12. Политические науки, №5, 2004. – С. 73–83.
5. Шестопап, Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии // Образы государств, наций и лидеров / Ред. Шестопап Е.Б. – М., 2008. – С.8–25.

СОВРЕМЕННЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ГРАЖДАНИН: В ПОИСКАХ СМЫСЛА ЖИЗНИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

С.В. Хамутовская

«В чем заключается смысл жизни?» – философский вопрос, никогда не теряющий своей актуальности. Каждому человеку подсознательно присуще стремление к смыслу, который в целом можно определить как внеположенную сущность того или иного феномена, оправдывающую существование последнего, связывая его с более широким пластом реальности [1, с 576]. При этом поиск смысла жизни индивида направлен «на открытие онтологических оснований собственного бытия» [1, с. 577] и во многом обусловлен определенной системой ценностей, мировоззрением, различными внешними факторами, включая социальные, экономические и политические трансформации, происходящие в конкретный период времени в конкретном обществе и государстве.

С целью выяснить, что является смыслом жизни для современных белорусов, в ходе республиканского мониторинга общественного мнения, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в ноябре 2011 г. (выборка составила более 2000 респондентов), опрашиваемым предлагалось указать на то, ради чего они жили в момент опроса. Ответы распределились следующим образом (таблица):

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как бы Вы ответили на вопрос, ради чего Вы живете?», %

Варианты ответа	Итого
Нет ответа	0,5
Богатство, большие деньги	6,7
Вера	18,2
Власть	1,4

Варианты ответа	Итого
Возможность получать любые удовольствия, развлекаться	7,8
Дети	70,6
Долг перед Родиной	8,0
Дружба	28,6
Душевный покой, комфорт	31,0
Здоровье	51,7
Знания, познание мира, людей, образование	20,3
Интересная работа, профессия	23,0
Карьера, высокое положение в обществе	8,1
Любовь	40,4
Материально обеспеченная жизнь	34,9
Общественное признание, известность, репутация	2,9
Помощь людям	18,8
Самореализация	22,1
Самоуважение	15,9
Свобода как независимость поступков, суждений	8,1
Секс	8,3
Семья	75,6
Творчество	5,9
Другое	1,8

Из таблицы видно, что для подавляющего большинства граждан нашей страны самыми важными ценностями являлись семья (75,6%) и дети (70,0%). Чуть более половины населения отметили, что они живут ради здоровья (51,7%). Далее последовала любовь (40,4%) и материально обеспеченная жизнь (34,9%), душевный покой и комфорт (31,0%), дружба (28,6%). Примерно одна пятая часть граждан Беларуси смысл своей жизни видела в интересной работе, профессии, самореализации, в получении знаний, образования, познании мира и людей, помощи людям, вере. На последних местах оказались творчество, получение общественного признания, известность, репутация, власть.

Если проранжировать полученные результаты мониторинга по такому критерию, как возраст опрошенных, то можно отметить, что молодежь до 29 лет смыслом своей жизни считала, главным образом, любовь и семью, люди среднего и старшего возраста (от 30 до 70 и более лет) – детей и семью.

Подобной точки зрения придерживались и люди с различным образованием. Но при этом, для тех, кто имеет высшее образование, меньшее значение, по сравнению с другими категориями, имели власть и возможность получать любые удовольствия, развлекаться, а большее – знание, познание мира, людей, образование, а также творчество, что отражает влияние такого фактора как наличие высшего образования на духовное и интеллектуальное развитие человека.

Более важными для жителей села в 2011 г., в отличие от жителей городов нашей республики, были такие ценности как дети, вера, долг перед Родиной, здоровье, помощь людям, общественное признание, известность, репутация.

В зависимости от социального статуса индивидов также наблюдались различия в выборе того, ради чего они живут. К примеру, такие ценности, как долг перед Родиной, помощь людям и самореализация чаще других назывались в качестве основополагающих военнослужащими и сотрудниками правоохранительных органов; интересная профессия, карьера, высокое положение в обществе, репутация – руководителями высшего звена; материально обеспеченная жизнь – предпринимателями, фермерами и самозанятыми, служащими без специального образования и рабочими; любовь, знания, дружба – студентами и учащимися. Стремление к самореализации меньше всего проявлялось у пенсионеров; к самоуважению – у руководителей высшего звена, крестьян и рабочих сельского хозяйства; свободе как независимости поступков, суждений – у работающих и неработающих пенсионеров, домохозяек; желание обладать богатством, большими деньгами – у безработных.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что определение смысла жизни человека, в том числе современного белоруса, наряду с прочими факторами, во многом детерминируется социально-демографическими характеристиками (возрастом, образованием, социальным статусом, местом проживания и т.п.). А вследствие того, что последние на протяжении жизни индивида способны подвергаться различным изменениям, поиск смысла жизни осуществляется постоянно. «Философский поиск смысла жизни – это непрекращающаяся внутренняя работа, для которой вопросы важнее, чем ответы» [2]. Однако, в настоящее время в качестве универсальных в системе смыслообразующих ценностей граждан нашей страны достаточно явно выделяются семья и дети. Также можно предположить, что дилеммы при выборе моральных (кроме семьи и детей) и материальных ценностей разрешаются каждым человеком индивидуально. Ведь смысл жизни последний «не изобретает, а находит его в мире и в той реальности, в которой живет, и часто сама судьба указывает путь» [2].

Литература

1. Шрейдер, Ю. Смысл // Новая философская энцикл. : в 4 т. / Науч.-ред. Совет : предс. В.С. Стёпин. – М., 2001. – Т. 3.
2. Сикирич, Е. Смысл жизни // Журнал «Человек без границ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_and_life/SensLife_ES. – Дата доступа: 29.03.2012.

УПЛЫЎ ГЛАБАЛІЗАЦЫІ НА РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАЙ НАЦЫЯНАЛЬНАЙ КУЛЬТУРЫ

Э.С. Дубянецкі

У сучасны перыяд адной з найбольш істотных асаблівасцей развіцця ўсяго чалавецтва з'яўляецца т.зв. “глабалізацыя”. Сёння гуманітарная навука прапаноўвае мноства вызначэнняў гэтага шырока распаўсюджанага, але ў той жа час і даволі складанага паняцця. Прычым дыяпазон меркаванняў наконт ролі і значэння глабалізацыі ў сучасным свеце бывае вельмі шырокім, а погляды выказваюцца не проста адрозныя, а часам дыаметральна супрацьлеглыя. Таму невыпадкова сучасны польска-брытанскі сацыёлаг Зігмунт Бауман слухна адзначае, што “для кагосьці глабалізацыя – гэта тое, што нам неабходна для шчасця, а для іншых – прычына ўсіх няшчасцяў. Аднак для ўсіх глабалізацыя – гэта непазбежная фатальнасць нашага свету, незваротны працэс; акрамя таго, працэс, які ў роўнай ступені і роўным чынам закранае кожнага чалавека” [1, с.9]. З майго пункту гледжання, глабалізацыю каратка можна вызначыць як працэс і адначасова вынік паступовага ўзмацнення эканамічнай, палітычнай і культурнай інтэграцыі чалавецтва, а таксама распаўсюджання прыблізна аднолькавых стандартаў паводзінаў і мыслення жыхароў практычна ўсіх рэгіёнаў і краін свету.

У той жа час адзін з сучасных расійскіх даследчыкаў з непрыхаванай трывогай падкрэслівае, што ў сучасную эпоху “з дапамогай глабальных інфармацыйных сетак распаўсюджваецца абязлічаная, пазбаўленая нацыянальнага зместу масавая антыкультура; размываюцца ранейшыя маральныя асновы і сямейныя вузы” [2, с. 11]. Аднак з гэтым меркаваннем нельга ў поўнай меры пагадзіцца, бо ўплыў глабалізацыі з'яўляецца значна больш складаным і неадназначным. У сучасную эпоху кожная нацыянальная культура вымушана “прымаць” выклікі глабалізацыі і адказваць на іх найбольш адэкватным спосабам. Лічу, што глабалізацыя з'яўляецца амбівалентнай з'явай, паколькі яна практычна адначасова аказвае як пазітыўнае, станоўчае, так і негатыўнае, адмоўнае ўздзеянне на этнакультурнае развіццё соцыуму. Прычым ёсць пэўныя падставы меркаваць, што з цягам часу будзе няўхільна ўзмацняцца “негатыўны вектар” уплыву глабалізацыйных працэсаў на духоўна-культурную жыццядзейнасць кожнага грамадства.

У сучасны перыяд станоўчы ўплыў глабалізацыі на культурную жыццядзейнасць беларускага грамадства знаходзіць адлюстраванне ў пашырэнні міжкультурнага дыялогу, ва ўмацаванні творчых кантактаў паміж установамі культуры і творцамі з розных краін свету, а таксама ў большай інтэнсіўнасці і дынамічнасці ўласна мастацкай дзейнасці. Радыкальнае змяненне геапалітычнай сітуацыі на працягу апошняга дзесяцігоддзя 20 ст. (распад былой савецкай імперыі, дэмакратызацыя грамадска-палітычнага жыцця, інтэнсіфікацыя міжнародных сувязей і да

т.п.) натуральным чынам паспрыяла даволі істотнаму абнаўленню ўсёй культурнай прасторы. Акрамя таго, немалую ролю ў падобнай мадэрнізацыі культуры адыгралі сучасныя сродкі масавай інфармацыі (найперш Інтэрнэт і тэлебачанне), якія стварылі магчымасць вельмі хутка і шырока распаўсюджваць разнастайныя артэфакты культуры сярод зацікаўленых гледачоў, чытачоў, слухачоў.

Своеасаблівым наступствам ўзмацнення глабалізацыйных працэсаў стала беспрэцэдэнтнае павелічэнне поліфанічнасці айчыннай мастацкай творчасці, што знаходзіць адлюстраванне ў жанравай, стылістычнай і тэматычнай разнастайнасці мастацкіх твораў, існаванні і плённай дзейнасці мноства мастацкіх аб'яднанняў, суполак, творчых саюзаў, для творчасці членаў якіх уласцівы мастацкі і эстэтычны плюралізм, актыўныя пошукі новых сродкаў мастацкай выразнасці. Гэтая надзвычайная поліфанічнасць, шматфарбнасць, якая ў найбольшай ступені заўважаецца ў галіне літаратуры, выяўленчага, тэатральнага і музычнага мастацтваў, зарадзілася яшчэ ў канцы 1980-х гадоў і ў далейшым пачала праяўляцца больш шырока і ярка. Менавіта на працягу некалькіх мінулых дзесяцігоддзяў у айчынным мастацтве заўважна пашырыліся нефармальныя, нонканфармісцкія тэндэнцыі, сфарміраваўся даволі шырокі пласт т.зв. “альтэрнатыўнага мастацтва”.

Вынікам актыўнай творчай працы многіх таленавітых творцаў стала значная колькасць высокамастацкіх артэфактаў культуры – празаічных і паэтычных кніг, жывапісных, графічных і скульптурных работ, мастацкіх і дакументальных фільмаў, тэатральных спектакляў, музычных твораў у розных жанрах. Прычым большасць айчынных творцаў дастаткова добра азнаёмілася з найбольш папулярнымі і вядомымі ў свеце мастацкімі кірункамі, традыцыямі, засвоіла і выкарыстоўвае іх у сваёй творчай дзейнасці. Сёння ў розных відах мастацтва ў цэлым пераважаюць рэалістычныя тэндэнцыі, аднак даволі значнае месца займаюць і мадэрнісцкія, постмадэрнісцкія падыходы. Хаця дзеля справядлівасці неабходна прызнаць, што ў разглядаемы перыяд у розных відах і жанрах культуры разам з высокакаснымі творамі было створана нямала і нізкапробных твораў, якія не маюць практычна ніякай мастацкай каштоўнасці.

У той жа час глабалізацыя аказвала ў мінулым і працягвае аказваць сёння даволі прыкметны адмоўны ўплыў на развіццё айчыннай нацыянальнай культуры. Гэта праяўляецца ў адносна шырокім распаўсюджванні пасля развалу СССР на тэрыторыі Беларусі нізкакасных культурных феноменаў і артэфактаў заходняга і расійскага маскультура – найперш кніг, кінафільмаў, тэлесерыялаў, музычных запісаў, камп'ютэрных гульняў, якія карыстаюцца павышаным попытам у значнай часткі насельніцтва (асабліва ў моладзі). Асноўнымі прычынамі падобнай мастацкай “непераборлівасці” можна лічыць невысокі ўзровень мастацкай адукацыі і яўныя прагалы ў эстэтычным выхаванні многіх нашых суграмадзян. Выклікае занепакоенасць і той факт, што сёння “наша

грамадства ў большай ступені знаёміцца не з высокай культурай, а з масавай, або, як яе называе Ф.Фукуяма, “універсальнай спажывецкай культурай”, якая навязвае моладзі матэрыяльна-спажывецкія, індывідуальна-эгаістычныя, асацыяльна-маргінальныя і таму падобныя “каштоўнасці” [3, с.352]. Каб супрацьстаяць нівеліруючаму ўплыву глабалізацыйных працэсаў на культурнае аблічча розных народаў, творцы павінны заўсёды імкнуцца ствараць надзвычай самабытныя, высокаякасныя мастацкія творы. Таму невыпадкова адзін з сучасных беларускіх мастакоў адзначае, што ў гісторыі прафесійнага мастацтва “застаюцца не намаганні па ўсеагульнай нівеліроўцы, “зробленасці”, наданні мастацкаму твору “таварнага выгляду”, а намаганні па вызначэнні свайго бачання, свайго голасу ў сусветным мастацкім кантэксце, у дыялогу з іншымі культурнымі традыцыямі” [4, с.93].

У сучасны перыяд яшчэ адной адметнай рысай этнакультурнага жыцця Беларусі з’яўляецца яго відавочная дысгарманічнасць (разбалансаванасць). Гэта знайшло адлюстраванне, па-першае, у некаторым паслабленні сувязей паміж рознымі відамі і жанрамі айчыннага мастацтва, якія ў мінулым былі больш трывалымі і плённымі. Па-другое, ва ўмовах стварэння вялікай колькасці мастацкіх твораў заўважаецца паступовае скарачэнне кола тых людзей, якія шчыра цікавяцца здабыткамі айчыннай культуры і “трансляюць” набытыя веды іншым суграмадзянам. І па-трэцяе, працягвае павялічвацца разрыў паміж не надта якаснай масавай культурай і высокім, элітарным мастацтвам, якое ў сваю чаргу ўсё больш маргіналізуецца, выціскаецца на перыферыю грамадскай свядомасці. Гэты дысбаланс знаходзіць адлюстраванне ў тым, што ў нашай краіне розныя артэфакты і феномены маскультура (напр., творы поп-музыкі, дэтэктывы, жаночыя раманы, тэлесерыялы, камп’ютэрныя гульні і інш.) няўхільна “павялічваюць прысутнасць” у айчыннай культурнай прасторы, тады як творы сур’ёзнай мастацкай літаратуры (асабліва беларускамоўнай), а таксама найбольш змястоўныя творы выяўленчага, музычнага і тэатральнага мастацтваў слаба запатрабаваны ў шырокіх грамадскіх колах.

Такім чынам, улічваючы амбівалентны характар уздзеяння глабалізацыі на духоўнае і культурнае жыццё нашага грамадства, айчынным мастакам пажадана было б у сваёй творчай дзейнасці больш абапірацца на нацыянальныя каштоўнасці і традыцыі, узбагачаючы іх, і ў той жа час творча запазычваць з замежных культурных з’яў усё самае арыгінальнае, змястоўнае. Акрамя таго, кожны творца павінен быць вельмі патрабавальным да самога сябе, ніколі не здраджваць мастацкаму густу і заўжды памятаць мудрыя словы выдатнага мысліцеля Анэла Доўгірда аб тым, што “голас сумлення” павінен працаваць ва ўнісон з ведамі, бо без іх нельга прызнаць учынак маральным.

Літаратура

1. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. Пер. с англ. – М., 2004.
2. Яковец, Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю.В.Яковец. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М., 2003.
3. Адуло, Т.И. В поисках сущности бытия: философия на рубеже XX—XXI веков / Т.И.Адуло. – Минск, 2011.
4. Ястраб, Ф.А. Мастацтва ў сацыяльнай прасторы / Ф.А.Ястраб. – Мінск, 2011.

У ИСТОКОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ БЕЛОРУССКОГО И ЕВРЕЙСКОГО НАРОДОВ

В.А. Зеленецкий

«Евреи без сомнения представляют из себя самую сильную, стойкую и чистую расу»

Ф. Ницше

«...И нет истины, где нет любви»

А.С. Пушкин

Межэтнические и межконфессиональные отношения на белорусских землях самым тесным образом связаны с еврейским присутствием. В 1844 г., например, в губерниях нынешней Беларуси еврейский этнос составлял до одной пятой всего населения, 2 920 639 чел. В городах больше. В Минске 58%, в Вильно – 52%, Пинске – 96,2%, Новогрудке – 70,3%, Лиде – 60,3% [1, с. 24, 25, 52, 56]. Евреи на землях Белой Руси оказались в весьма давние времена. «Западные губернии России, - пишет историк Юлий Гессен, - каждым клочком земли повествуют о вековой исторической жизни евреев на этих местах» [2, с.11]. По одним источникам, они проживают на наших землях с VII века до нашей эры по I век нашей эры, по другим – со времени антиеврейских гонений в Западной Европе. В устах Янки Купалы это звучит так:

Калі з Гішпані ўзбунтаваны людзі

З сваёй краіны выгналі вас напаспех,

На беларускім полі вашы грудзі

Навек знайшлі дняванне, страву і начлег...(1919) [8, с. 163]

Просто удивительно подобие исторических судеб народов белорусского и еврейского. Однако, факт – и те и те беспощадно гонимые и нещадно эксплуатируемые на протяжении столетий; несколько веков польского владычества над белорусами были столь ужасными, что реальное положение наших предков мало чем отличалось от положения евреев в египетском плену. Плен описан в Библии. Описание «шляхетского плена», как над белорусами, так и над евреями, во многом еще ждет своего исследователя. «И при всем этом всякий, кому дорого благо страны, должен заглянуть в мрачную глубину еврейского гетто, ибо эта разверстая

пасть поглощает не одне лишь еврейские жертвы» [2, с. 2]. Подобие исторических судеб двух народов определялось еще и тем, что господствующими и над евреями и над нами являлись этносы «иноверные» и «инородные», которым, в силу именно этого, не было особого дела до благостыни «иных».

Белорусы не испытывали ненависти к «инородцам», в том числе и к евреям, хотя расчет власти на это был, и где только было можно было, именно евреев определяли в качестве посредников между собою и крестьянством.

Белорусы не ставили знак равенства между евреями и панами-шляхтой, что отразилось и в поэзии: поселившийся в деревне еврей, хоть и стал со временем богачом, однако:

«...У бядзе ён і пазыча,
А адробіш – ён заліча...
Каб такі нам пан зыскаўся,
То б святым ён называўся» (Ф. Богушевич) [9, с.32].

Подлинный смысл таковой политики, когда самые одиозные в глазах народа функции: управление имениями, сбор податей, ростовщичество, фактическое владение чрез аренду реками, озерами, лесами и даже церквями, поручались евреям, понял уже византийский священнослужитель, путешествовавший в наших местах в 1650-х гг. «Бог продолжает существование Турецкой империи, – писал Павел из Алеппо, – ибо они (турки) собирают подати не принимая во внимание религию... тогда как поляки, не удовлетворяясь собственноручным сбором податей, передают их... жидам...» (цит. по: [3, с. 12]). Тот герой украинской «Думы», в изложении еврейского ученого Дубнова, не лукавит, когда, как «посредник», пытается вызвать сочувствие у «козака», которого вынужден обдирать ради пана: «Опечалилась, захлопоталась бедная вдова, а то не бедная вдова, то земля, ибо жидаы становили одну аренду возле другой на каждую милю. Идет украинский козак, минуя корчму, а жид выбегает и хватает его за чуб: «Казачок, а чем же я буду ляхам рату («срочный взнос арендной платы». Дубнов) платить, если ты мимо корчмы идешь и туда не заходишь?». И он забирает все оружие у козака. А на улице козак за жидом ухаживает, вельможным паном его называет...» [4, с. 12].

Межэтнические отношения на Беларуси изложены польским автором: «Крестьяне мучатся как в чистилище, в то время как господа их блаженствуют как в раю; кроме обыкновенной панщины... Помещик брал у него в дворовую службу детей...; сверх того крестьянин был обложен поборами; три раза в год, перед пасхою, пятидесятницею и рождеством, он должен был давать так называемый *осып*, т. е. несколько четвериков хлебного зерна, несколько пар каплунов, кур, гусей; со всего имущества: с быков, лошадей, свиней, овец, меда и плодов, должен был отдавать десятую часть и каждый улей в его пчельнике был подвергнут пошлине под именем *очкового*, каждый вол – пошлине под названием *рогатого*; за право ловить рыбу платил *ставщину*, за право пасти скот – *спасное*, за

право собирать желуди – *желудное*, за ловление рыбы – *десятину*, за измол муки – *сухомельщину*... Крестьянам не дозволялось не только готовить напитки, но даже покупать в ином месте, кроме панской корчмы, а там продавали такое вино, мед и горелку, что и скот пить не станет; а если, хлоп не захочет..., то пан велит нести ее к нему во двор, а там хоть в навоз выливай, но заплати... Ленясь управлять лично имениями, паны отдавали их... на аренды, а сами или жили и веселились в своих палатах, или уезжали за границу... Если рождалось у крестьянина дитя, он не мог крестить его, не заплатя пану так называемого *дудка*; если крестьянин женил сына или отдавал дочь, прежде должен был заплатить *поемщизну*...» (цит. по: [5, с. 18 – 20]).

В таких-то условиях жили наши предки. После возврата Россией в 1775 г. западных областей, в ущерб православным и евреям, сохранила за шляхтой и панам все права. Во время присоединения к России Западного края, писал ученый В.Ф. Гильфердинг, «польскому дворянству... даны были все права над западнорусским крестьянством и духовенством. Горсть «чужеземцев»... в течение большей половины текущего столетия с напряженной энергией... работала в русском крае во имя Польши и для Польши, во всех сферах... Польская среда пользовалась всеми преимуществами... и в то же время враждебно относилась ко всему русскому» (цит. по: [6]). Похожее мнение высказал и Н. С. Лесков (после убийства Александра II, писатель по поручению Правительства отправился в западные районы и подготовил аналитический материал по этно-социальным отношениям). Лесков, говоря об обнищании населения, делает вывод, что причина «не в евреях», а в потворстве царской власти панам: «В России почти не заботились об улучшении участи евреев. Они и до сих пор остаются неравноправными» (Лесков). Но по причине официальной пропаганды «неравноправность евреев считается... необходимо нужной». Но в России «евреи... доказали, что вере христианской вредить не намерены» [7, с. 11-12].

Имеет место и схожесть в ментальности евреев и белорусов. В печати сообщалось, что относительное большинство (с учетом населения БССР) «Праведников мира» дали именно белорусы. Это для нас дорогого стоит. О подобии менталитетов говорят такие, во многом общие для нас черты, как отсутствие агрессивности, осторожность, упорство и терпение в трудную минуту. Именно на территории Беларуси родились и выросли, были воспитаны многие из тех, которые еще в конце XIX века не побоялись тяжелого труда на каменистых полях Палестины, а позже оказались у истоков еврейского государства и во главе его. Не уж то наши белорусские реалии – климат, земля, природа, характер, воздух, предания, песни и сказки, верования и суеверия, так-таки и не повлияли на формирование душ и характеров тех людей?! Не могли не повлиять. А те многие бедствия и скорби, – ибо Белоруссия была и остается своего рода «мостом» между Западом и Востоком, - оставили свои неизгладимые рубцы в душах и сердцах наших общих предков? Все эти факторы требуют

более детального исследования ученых Беларуси и Израиля.

А разве не милы сердцу белоруса грустно-заунывные мелодии и хватающие за душу песни под цимбалы и скрипицы! И не обогатили ли белорусы свой архетип такими, исконно еврейскими чертами, как «покорность судьбе» и «унылая грусть Агасфера», как сентиментальность и чувствительность, купно с идеализмом и богобоязненностью? Это только Богу ведомо, однако, может быть и остались белорусы на земле только лишь потому, что львиную долю трудностей, бедствий, горя, злобы, отрицательной энергии, наконец... принял на себя, впитал в себя... еврейский народ, оказавшись своего рода «щитом» между панами и народом? Оснований для подобного предположения более чем достаточно. Полагаем, что интересным и, смеем предположить, полезным для подрастающих поколений обеих наших стран, равно и всех кто интересуется историей своих народов и своей собственной родословной, своими дедами и прадедами, – могло бы быть совместное исследование ученых Института философии НАН Беларуси и израильских ученых, к примеру, по такой теме: «Социально-политические условия жизни, черты народного характера, быт, нравы... белорусского и еврейского народов в дореволюционной России: исторические параллели, историософские и этно-культурные основания ценностной общности».

Литература

1. Еврейское население и землевладение в Юго-Западных губерниях европейской России, входящих в черту еврейской оседлости. Обработано, по поручению Высочайше учрежденной Высшей Комиссии для пересмотра действующих о евреях в Империи законов, редактором Центрального Статистического Комитета В. Аленицыным. Спб., 1844 г.
2. Гессен, Ю. Закон и Жизнь. С. Петербург. Типография А. Г. Розена. 1911 г.
3. «The Orthodox Church» by Timothy Jare. England. 1964, p. 105 // Viktor Astrouski. Zydy na Bielarusi i Ukrainie. (Krynicy antisemitysmu). – London. 1967.
4. Дубнов, С.М. История евреев в Европе. – Рига. 1937. – Т. IV.
5. Костомаров, Н. Богдан Хмельницкий. Историческая монография. Т. 1. – Спб., 1884 // История народов СССР. Борьба Украины с польским владычеством и присоединение ее к России. Материалы и документы. – М., 1939.
6. Бендин, А. Белорусы в Российской Империи. К вопросу о формировании этнической идентичности (вторая половина XIX – начало XX века) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/345–xix-xx-.html>. – Дата доступа: 22.05.2011.
7. Лесков, Н.С. «Дополнительная записка о евреях». Санкт-Петербург, Государственная публичная библиотека. – Отдел Рукописей. – G II, 148.
8. «Нёман». – Минск. – 1989. – № 11.
9. Багушэвіч, Ф. Творы. – Мінск, 1991.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: ИСХОДНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Э.А. Тайсина

Поистине, интеллектуальный потенциал является ничем не заменимым богатством, и острейшие вопросы завтрашнего развития зависят от нашего умения и готовности распорядиться этим богатством по-настоящему рачительно и прозорливо.

Социологическую науку больше будет интересовать практическая сторона, т.е. возможность реализации интеллектуального потенциала некоторого сообщества. Однако без базовой философской теории практика, как известно, слепа (впрочем, теория без практики беспредметна), и, прежде всего, нужно направить усилия именно на разработку теоретического основания, а затем на прагматические приложения. Вопросы сущности, содержания, структуры, актуализации интеллектуального потенциала требуют категориального, т.е., социально-философского анализа; вопросы его проявления, направленности, факторов развития – общесоциологического; демонстрация же применения, контроля, использования и т.д. потребует конкретно-социологического подхода.

Интеллектуальный потенциал как понятие с точки зрения логического анализа является видом понятия «духовный потенциал», а оно, в свою очередь, – видом понятия «социальный потенциал». Содержание каждого индивидуального или видового понятия имеет в своем объеме *все* признаки более общих для него, родовых понятий. Поэтому интеллектуальный потенциал, кроме специфических признаков, содержит все отличительные свойства как духовного, так и, шире, социального потенциала. Дальнейшее расширение объема приведет нас к понятиям «потенциал», «возможность» (и «действительность») и другим всеобщим категориям. Сужение объема приведет к понятию субпотенциала.

Сообразно с существующими различиями между трудовой, социально-политической и духовной деятельностью можно выделить, наряду с духовным потенциалом, трудовой (экономический) и социально-политический потенциал в зависимости от сферы реализации социальной активности. Используя же, сверх того, цивилизационный подход, мы можем вести поиск и анализ критериев поступательного движения (прогресса или регресса) данной социальной системы под углом зрения интересующего нас развития интеллектуального потенциала на общем историческом фоне перехода от так называемого индустриального общества к постиндустриальному.

Сказанное не означает, что между разновидностями социальной активности существуют некие непроходимые грани, и что труд, например, не может быть одухотворен, а социально-политическая деятельность не требует труда и т.д. То же самое относится и к разновидностям духовной

деятельности и, следовательно, духовного потенциала как феномена: пусть логически мы выделяем в соответствующем понятии такие частные виды как интеллектуальный, нравственный и культурный потенциал, однако никак нельзя заявить, что, скажем, культура исключает нравственность и обе они исключают разумность. Речь идет о расстановке акцентов, выборе аспекта анализа в высокой мере целостного явления – социального потенциала.

Итак, интеллектуальный потенциал региона, как и любая разновидность социального потенциала – это система элементов, или факторов, причинно непосредственно определяющих активность населения этого региона, детерминирующая возможность удовлетворения общественных потребностей путем получения социально-значимых результатов (интеллектуальной деятельности). Интеллектуальный потенциал – это, с одной стороны, характеристика возможностей реализации человеком своих *внутренних* личностных сил, развития природных задатков; с другой – это характеристика возможностей раскрытия и использования *обществом* интеллектуальных способностей и талантов. Поэтому есть необходимость различать субъективную (внутренние личностные силы, запас знаний и методы их получения, ценности, логика и др.) и объективную (возможности общества раскрыть эти субъективные силы, степень цивилизованности, направленность общественного интереса, традиции, – так сказать, ноосфера исторической эпохи) стороны интеллектуальной активности.

Дадим свое определение. Интеллектуальный потенциал есть скрыто-открытая форма (скрытая, поскольку это *возможность*, и открытая, поскольку она *существует* и может быть исследована), так сказать, энергетического «заряда» личности, группы, региона или общественной системы в целом, предпосылками которого являются витальность (совокупность бессознательных состояний и процессов, поддерживающих гомеостазис организма) и социетальность (совокупность общественных отношений и проходящих через сознание и волю процессов, поддерживающих гомеостазис социума); это импульс к действию, основанный на мышлении и речи как врожденных задатках общественного индивида и направленный не только на гомеостазис, но и на повышение биопсихосоциального комфорта, оптимизацию общественных отношений и творческую продуктивность.

Интеллектуальный фактор в принципе воплощает в себе преобразующую деятельность сознания, как индивидуального, так и общественного.

Интеллектуальный потенциал, реализуясь, становится способностью людей «творить историю», и диалектика интеллектуального потенциала и актуального творчества (все равно, будет это теория или практика) такая же, как диалектика сокровища и оборотного капитала. Интеллектуальный потенциал – гарант экспансии социальности.

Потенциал интеллектуальной активности группы, коллектива, региона, нации будет характеризоваться *дисперсией* субпотенциалов между членами группы, коллектива или региона – тем, как именно распределены ценности, роли, знания, профессиональные навыки и др. Общий интеллектуальный потенциал группы, региона и т.д. не сводится к сумме субпотенциалов всех членов коллектива, ибо, во-первых, существуют известные эмерджентные свойства у любой целостной системы; во-вторых, в процессе взаимодействия людей изменяются указанные субпотенциалы, и в-третьих, фактор времени влияет также и на общий интеллектуальный потенциал: он приобретает новые качества.

Объективные факторы реализации интеллектуального потенциала суть экономические, экологические, этнические, социально-политические, психофизиологические, этико-эстетические, юридические, идеологические и др. Надо подчеркнуть, что и здесь существует «кольцо» зависимостей: накопление и реализация интеллектуального потенциала зависят от мировоззрения общества, наличествующего уровня развития общественного производства и всех потребностей, финансов, техники, политики, права, морали, системы ценностей, образования, научной картины мира, объективных фактов личной биографии – и наоборот, интеллектуальный потенциал является могущественным фактором общественного движения.

Реализованный, актуализированный, перешедший в действительность интеллектуальный потенциал есть социальный *ресурс*, а нереализованный, “виртуальный” интеллектуальный потенциал есть социальный *резерв*. Работа над ускорением или оптимизацией процесса превращения резерва в ресурс, а в ряде случаев, напротив, над предотвращением нежелательного перехода, – ибо существуют в социальной природе *ресурсы невозобновляемые и невозстановливаемые*, – должна вестись на основе научного мониторинга. И если значение бесчисленного множества возможностей для жизнедеятельности человека далеко не одинаково, то относительно интеллектуального потенциала сегодня можно смело заявить, что он является более важным социальным фактором и более ценным сокровищем, нежели благоприятная географическая среда или залежи полезных ископаемых, парк машин или репертуар операций.

Решающее условие кинесиса, т.е. превращения возможности в действительность, – *коммуникация*. Только коммуникации реализует интеллектуальный потенциал. «Заряд» интеллектуального потенциала в процессе «социального кинесиса» проявляется в следующих отношениях: выработка целеустановки (идейной подготовки перехода от знаний к действиям); определение стратегии; выдвижение программы действий; планирование пути, средств, мобилизации и организации сил. Для всего этого субъекту необходимо разбираться в условиях своих действий, в объективных возможностях, своих собственных потребностях и внешних связях предметов, которые надо изменить или создать. Все это вместе с усвоением истории культуры, как мировой, так и национальной, личным

интересом и чисто рациональными возможностями и составляет содержание интеллектуального фактора общественного развития.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАЦИИ ДЛЯ ЗАДАЧ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Л.Е. Лойко

Начиная со второй половины XIX в. нарастает интерес к человеку, что приводит к своеобразному *антропологическому повороту* философской мысли. Во всех направлениях современной философии проблема человека занимает важное место. Человек является объектом изучения не только философии, но и конкретных наук. В них исследуются актуальные аспекты жизни и активности человека в условиях техногенной цивилизации. *Медико-биологические* науки изучают функциональные характеристики организма человека, причины массовых заболеваний и способы борьбы с ними, технологии клонирования, пересадки органов, эвтаназии, нарушения во взаимодействиях человека и внешней среды на атомно-молекулярном уровне. *Технико-технологические* науки акцентируют внимание на возможностях адаптации человека к научно-техническому прогрессу, новым стандартам деятельности, информатизации и компьютеризации всех сфер жизни общества. Особого внимания заслуживают проблемы восприятия виртуальной реальности, программирования человеческого поведения, обеднения его эмоциональной жизни, языка, речи. *Организационно-управленческие* науки исследуют возможности самоорганизации человека, его способности к обеспечению стабильности и устойчивости социальной системы. На международном, региональном и национальном уровнях рассматриваются проблемы глобализации, экологии, гражданского общества, семейно-бытовой жизни человека.

К началу XXI века наука накопила значительный объем эмпирического материала о человеке, требующий мировоззренческого осмысления и систематизации; сформулировала задачи комплексного изучения человека и выработки научной картины человека. Философия располагает необходимыми средствами для их решения. Поэтому мы можем выделить основные проблемы и задачи современной философской антропологии: мировоззренческое осмысление, систематизация научных знаний о человеке и выработка единой картины человека; развитие методологических подходов и концептуальных средств изучения человека; исследование форм активности человека; изучение интеллектуального потенциала личности в свете задач инновационной деятельности. На всем протяжении развития философской антропологии осуществлялся поиск наиболее точных методологических средств описания человека.

Личность является отражением социальной природы человека, его способности к ответственности и организации в политических, экономических, морально-правовых отношениях. Формирование личности связано с процессом социализации индивида. Она означает осознание человеком своей роли в конкретных социальных группах, усвоение им определенных знаний, умений и ценностей. Знания усваиваются в процессе образования, а главным условием для этого является понимание. Закрепление навыков и умений требует от человека способности к подражанию. Усвоение же ценностей происходит через воспитание и самовоспитание и предполагает переживание индивидом культурных смыслов. Следовательно, *ценность* – это категория, отражающая индивидуальное, социальное или культурное значение определенных явлений действительности, их способность служить удовлетворению человеческих потребностей.

В современных условиях проблема духовных оснований бытия стоит очень остро, поэтому есть необходимость исследования различных форм духовности. В конкретных исторических условиях духовность может приобретать своеобразные черты. Так, в античной культуре духовность выражалась в идее эстетизма, в ориентации на прекрасное, в поиске идеальных форм бытия. Но эстетические идеалы не смогли противостоять аморальному образу жизни позднегреческого периода. Несогласованность различных духовных установок привела к поиску этических механизмов регуляции поведения людей. Они составили основу религиозной духовности.

В основе религиозной духовности лежат связи между понятиями «дух», «душа», «Бог». В понятии «дух» отражается сила, воля, интеллектуальная и сознательная энергия, способность человека к выявлению индивидуальных качеств. Понятием «душа» фиксируются эмоции, чувства человека, особенности его психики, гуманные начала, личностные качества. Становление индустриальной культуры внесло новые акценты в понимание духовности. Трудовая этика, просвещение, наука, рациональность стали важными ценностями духовной жизни новоевропейского человека. Духовность стала ассоциироваться с образованностью и светским воспитанием. Система образования в Европе складывалась столетиями. Она имеет устойчивую преемственную основу, начиная с традиций средневековых университетов. В Беларуси образование также связано с периодом средневековья, когда Е. Полоцкая сформировала основы обучения. В эпоху Возрождения в интеллектуальном пространстве страны важную роль играла университетская практика обучения. Она сохранила свое значение до настоящего времени. Ее эффективность определяется традициями советской школы. Это тот багаж методик, который позволяет сочетать познавательные, компетентностные, идеологические, воспитательные задачи. В условиях глобализации Беларусь стремится к унификации образовательного процесса с европейским опытом. Но как эта унификация

повлияет на интеллектуальное пространство Беларуси с точки зрения теперешнего этапа его эволюции? Этот вопрос важен не только в когнитивном его звучании, но и антропологическом. Любой сбой в системе идентичности может сказаться на эффективности инновационной деятельности, поскольку из самодостаточного интеллектуальное пространство Беларуси превратится в периферийное, дополняющее европейское. Его задачей станет подготовка полуфабрикатов, из которых в европейских университетах будут делать конечный интеллектуальный продукт. В этом процессе идентичность потеряет значимость.

ФЕНОМЕН ОБРАЗОВАНИЯ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Ю.С. Павицкая

Источником духовного развития общества, как правило, можно считать образование. Это некий вектор, направленный из прошлого через настоящее в будущее, целью которого является формирование человека, способного идти по пути саморазвития в обществе, претерпевающим глобальные изменения. Одной из важных задач образования, как специфической деятельности, является сохранение культурного и научного богатства при непосредственном расширении информационного пространства, где происходит материализация знаний в разнообразные материальные блага необходимые для жизнедеятельности социума.

Переориентация целей образовательного процесса сопровождается изменением предметно-онтологической модели образования на гносеологическую модель, в которой основу предмета образовательной дисциплины составляет методология преподавания, исторический подход к науке, познавательные средства и технологии. Она формирует у субъектов образования «способность к самостоятельной разработке целостной системы решения профессиональных проблем, стимулирует потребности продуктивного творческого характера» [1, с. 31-32]. Помимо познавательной и воспитательной деятельности образовательное пространство включает в себя также различные инновационные технологии, которые помогают формированию единого образовательного пространства – глобализации, развитию новых коммуникативных связей и т. д.

Поскольку через систему образования осуществляется трансляция и усвоение социокультурного наследия предыдущих поколений, то чтобы понять механизм работы образования как вида специфической деятельности, надо ознакомиться с предыдущей культурой и опытом, проанализировать существовавшие взаимодействия между субъектами образовательного процесса и соотнести их с современной системой приобретения знаний. Стратегия самого образования направлена на

конечный конкретный результат. Его основу составляют развитие и саморазвитие личности, способной ориентироваться в сложных социокультурных условиях, ответственно и профессионально действовать в условиях реформирования и модернизации образования согласно требованиям современности.

Сущность образования раскрывается в процессе трансформации человека в духовное творение, которое, через содержание образования, формирует свое мировидение и развивается как социальный субъект образовательной деятельности. Знания, которые приобретает человек в процессе активной умственной деятельности, становятся качественными, когда личность находится в состоянии поиска истины в условиях сложности, что требует от нее креативного и критического мышления.

Специфическая деятельность социума представлена на двух уровнях познавательного процесса - индивидуально-личностном и социально-системном. Именно поэтому можно сказать, что «чем более целостным становится мир личности, тем целостной кажется сама личность. Чем целостной становится личность, тем более целостной кажется ее мир» [2, с. 24]. Безусловно, освоение ценностей науки и культуры, осуществляемых через образование, становится определенным средством вхождения человека в мир культуры и науки, направленный на саморазвитие и формирование целостной личности.

Структурная же организация образования раскрывается по дисциплинарному принципу, где научные и обыденные знания классифицированы в три основные группы, «в рамках которых содержание и последовательность познавательных действий согласуются с особенностями объекта и предмета исследования, а также характером искомого знания и сферами его применения» [2, с. 31]. Если говорить о первой группе знаний, то это естественнонаучные знания, которые ориентированы, прежде всего, на познание того природного мира, частью которого и есть сам человек. Вторая группа знаний – гуманитарные – это те знания, которые помогают человеку освоиться в социокультурном пространстве, понять себя самого и найти свое место в обществе. Третья группа знаний – технические знания – дает возможность глубже проникнуть в познаваемый мир, благодаря различным техническим и технологическим разработкам социума.

Основной проблемой образования становится определение его сущности в рамках настоящего времени. С переходом от дисциплинарно-знаниевой ступени обучения на культурно-действенную, главным становится процесс организации и управления самостоятельной творческой работой, а не только познавательной деятельностью субъекта. В процессе анализа этого перехода, мы видим, какую значимость имеет качественная нагруженность образования, а не только ее количественные показатели.

В своем историческом контексте образование отражало различные изменения, происходившие в социуме, науке и культуре всех стран и

народов мира, хотя значительно влияло на накопление, сохранение и прогресс культуры и общества в целом. Глобальное развитие социума требует от современного образования формирование личности, которая сможет творчески работать в новых условиях социального бытия. Можно утверждать, что конечным продуктом образования как специфического вида деятельности общества, становится образованный человек. Фактически образование должно создавать условия для развития всех атрибутивных и альтернативных свойств человека. Поэтому социальная ценность образования определяется значимостью образованного человека в обществе. В современных условиях интенсивного процесса коммуникаций между странами и интеграциями мирового образовательного пространства, формируется единое понимание образованного человека для всех стран мира.

Образованным считается не тот человек, кто обладает определенной совокупностью знаний, сформировавшей его жизненное кредо, а человек, подготовленный к жизни, способный быстро приспосабливаться к постоянно изменяющимся условиям социума и объективно оценивать свое место в социальном пространстве. Однако, образованным можно назвать и того человека, который владеет общими идеями, принципами и методами, определяющими общий подход к рассмотрению различных фактов и явлений, человека, который имеет высокий уровень развития способностей и умеет применять полученные знания в разнообразных жизненных ситуациях. Кроме того, можно отметить, что, кто научился быстро и правильно понимать, у того и мысли, и чувства приобрели возвышенный и благородный характер. Как отмечают О.П. Пунченко и Н.О. Пунченко «образованный человек обладает высокой методологической культурой, позволяющей ему постоянно самосовершенствоваться в избранной специальности и заниматься конструктивно самообразованием, что отражает процесс самореализации им своей социализации» [3, с. 421–422].

Образованный человек – это личность, которая способна мыслить логически, имеет определенный уровень интеллекта, способная к самообразованию, что позволяет ей в течение жизни постоянно поднимать уровень своего развития. Образование должно формировать человека как с позиций общечеловеческого, так и национального в культуре, что создает новую методологию вариативного мышления и диалога. Поэтому, именно образование должно подготовить человека к реализации приобретенных знаний в любой практической деятельности. Действуя локально, личность должна уметь мыслить глобально, ведь этого требует современное бытие социума.

Таким образом, образование – специфическая деятельность социума. Оно призвано формировать личность с высокой компетентностью и способностью быстро адаптироваться к разнообразным нововведениям современной цивилизации.

Литература

1. Антонова, С.Г. Современная учебная книга: Создание учебной литературы нового поколения: Учеб. пособие, ВУЗ / С.Г. Антонова, Л.Г. Тюрина, – М., 2001.
2. Бейсенова, Г.А. Проблемы образовательного знания в диспозитиве культуры. – Алматы, 2005.
3. Пунченко, О.П. Образование в системе философских ценностей: Монография / О.П. Пунченко, Н.О. Пунченко. – Одесса, 2010.

СООТНОШЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ С ПРОЦЕССАМИ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ И АМЕРИКАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

С.О. Мазур

Многие современные исследователи (В.Л. Иноземцев, М.Г. Делягин, С. Латуш, М. Кастельс и др.) определяют глобализацию как спонтанный процесс, который обусловлен экономическим, технологическим и социальным прогрессом последних десятилетий. Процессы глобализации сегодня все чаще соотносят с вестернизацией, которая определяется как установление господства над миром европейской цивилизации. Вестернизация началась с заселения европейцами Америки, Австралии, Новой Зеландии, затем колониального владычества многими странами мира. Из 188 стран, входивших в ООН в начале 2000 года, 36 представляли европейский континент, 125 – территории, которые в разное время управлялись европейцами. В последние несколько веков западноевропейская цивилизация (теперь чаще используют понятие цивилизация Запада), обогнала арабскую, китайскую, индийскую и другие, распространилась по свету и продолжает укреплять свои позиции. Если и раньше европейцы вместе с США были заинтересованы в расширении «зоны интересов», то теперь эта зона охватывает весь мир. По мнению некоторых специалистов, глобализация и вестернизация совпадают, так как представляют собой в конечном итоге распространение технологических достижений и жизненно-стилевых особенностей, включая ценностные представления западного мира на остальное человечество. Другие исследователи высказывают убеждение в том, что одновременно с глобализацией мир переживает «ориентализацию» – распространение норм и стандартов Востока, прежде всего исламских. Глобализацию нельзя отождествлять с экспансией Запада, так как у этого процесса не может быть одного носителя, а так называемый Восток далеко не однороден и его не следует демонизировать, изображая враждебной Западу силой. С одной стороны, глобализация рассматривается как процесс более широкий, чем вестернизация. Такой точки зрения придерживаются А. Гидденс, Р. Робертсон, М. Элброу, У. Конноли. С другой, глобализация представляет собой глобальную диффузию западного модернизма, т.е. расширенную вестернизацию, распространение

западного капитализма и западных институтов. Данный подход разделяют С. Амин, Л. Бентон [2]. В настоящее время актуальным также является процесс американизации или «макдонализации». Американизация представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры. Причем особенности американизации в области культуры состоят в иррационализации рациональных матриц (доведении до абсурда рациональных элементов культуры), приоритет количественных характеристик (коммерциализация), готовность к употреблению (оперантность), полностью гарантированное качество на определенном уровне, «упакованность» образов (создание виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен). При этом происходит создание новой рациональной системы, которая выступает антиподом старой рациональности, связанной с традиционной культурой. По мнению американского теоретика Н. Глейзера, глобализация – это «распространение во всемирном масштабе регулируемой Западом информации и средств развлечения, которые оказывают соответствующий эффект на ценности тех мест, куда эта информация проникает... Когда мы говорим о «глобализации культуры», мы имеем в виду влияние культуры западной цивилизации, в особенности Америки, на все прочие цивилизации мира» [4,р.27]. В.Л. Иноземцев отмечает, что происходящие сегодня процессы глобализации, более точно определяются как вестернизация. Воплощением вестернизации рассматривается процесс распространения западных общественных практик, хозяйственных и политических форм на остальной мир. Отличие заключено в том, что у вестернизации есть субъект, данный процесс создает мир, управляемый из единого центра на основе единых принципов [3,с.58-69]. Глобализация перестраивает наш образ жизни, и весьма основательно. Она надвигается с Запада, несет сильный отпечаток политического и экономического могущества Америки и приводит к крайне неоднозначным последствиям. Но глобализация – не просто господство Запада над всем остальным миром; она затрагивает Соединенные Штаты так же, как и другие страны [1,с.19-20]. Исследователь С. Латуш отмечает вестернизацию как универсальное по своему временному характеру и географическому охвату явление. Модель технологического общества со всеми его атрибутами: от массового потребления до либеральной демократии – в принципе легко воспроизводима и в силу этого всеобща [5,р.50-51].

Таким образом, глобализация тесно связана с вестернизацией, так как данный термин и обозначаемое им явление включает практически все признаки, которые характеризуют глобальные процессы современного общества. Американизация или «макдонализация» представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры.

Литература

1. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М., 2004.
2. Денчев, К. Феномен антиглобализма: учеб. пособие. – М., 2005.
3. Иноземцев, В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. – 2004. – №4. – С. 58-69.
4. Glazer, N. Two Cheers for «Asian Values» / N. Glazer // The National Interest. 1999.
5. Latouche, S. The Westernization of the World // Cambridge: Polity Press, 1996.

ЯЗЫК И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

С.В. Голубев

Мировоззрение не является, очевидно, результатом простого восприятия, обозрения окружающей действительности. У животных тоже есть зрение, но *мира* они не видят. Их восприятие ограничено сферой ощущений, вещного. Человеку же присуще *мировосприятие* – видение мира как целого. Это видение, по существу своему, есть понимание – *миропонимание*, собственно, синоним *мировидения*. *Понимание* же есть результат оперирования *понятиями*. Мировосприятие, соответственно, формируется не посредством ощущений, не на их «базе», а посредством понятий. Понятия же есть порождение языка, который и оказывается, таким образом, средством и базой – основанием формирования мировосприятия и/или мировоззрения как системного, целостного взгляда-понимания мира, его определенного образа. Именно язык открывает для человека окно в мир, именно он есть подлинное око, позволяющее нам видеть сущее.

О связи языка и мировоззрения хорошо сказано в чеканной формуле Витгенштейна – «Границы моего языка определяют границы моего мира». Иными словами, мир, в котором живет человек есть то, что он есть для него лишь постольку поскольку получает языковое выражение-оформление (= бытие) в языке. Эта мысль впервые была высказана и получила системное обоснование в работах основоположника современного языкознания В. Гумбольдта, который, как отмечает Х.-Г. Гадамер: «Учил рассматривать всякий язык как особое *мировидение*... и показал *видение языка как видение мира*». [1, с. 509, 512]. Приведем и слова самого Гадамера: «На языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир», поэтому «здесь бытие мира есть бытие языковое» и, не менее красноречивое: «наш опыт мира разворачивается из среды языка» [1, с. 512, 529].

Такое понимание взаимосвязи мировоззрения и языка вполне утвердилось в современной философии в качестве истины «теоретического разума». Однако для практического разума многих пишущих в сфере философии и других гуманитарных наук она остается истиной

отвлеченной, не оказывающей сколько-нибудь заметного влияния на производимые ими тексты. К такому выводу неизбежно приходишь, наблюдая, все более частое в последнее время, употребление все новых и новых иноязычных слов в трудах отечественных ученых-гуманитариев. Слова эти пишутся русскими буквами, их выдают за термины, пытаются представить как новации, а то и *инновации*, но все это не может вдохнуть в них подлинную жизнь и лишь камуфлирует их мертворожденность.

Если видение мира предопределено видением языка, то из этого необходимо следует, что употребление в речи иноязычных слов не может не оказывать разрушительного воздействия как на мышление вообще, так и на мировоззрение в особенности. Вторжение иноязычных слов убийственно для мысли. Оно дезорганизует, *рассогласовывает* понимание мира.

Язык – это работа духа. Так его понимают В. Гумбольдт, Г. Гегель, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер. Но, что тогда значит примешивание иноязычных слов в речь, если не проникновение, вторжение иного духа? Что, если не разделение, раздвоение, раскол, кризис духа «полиязычного» сознания? Болезненность последнего, заметим, подтверждается не только теоретическими выкладками, но и экспериментально-жизненным опытом, показывающим, что дети которых пытаются с младенчества учить двум языкам одновременно отстают в развитии и сталкиваются с разного рода расстройствами. Поэтому мать естественным образом говорит с ребенком на *одном, родном* языке.

Заметим также, что употребление все большего количества иноязычных слов в повседневной речи, является, по-видимому, одной из важнейших причин возрастания кризисности сознания современного человека. О последней сегодня много говорят, как и о возрастании непонятности, даже абсурдности современного мира. Но если границы мира определяются границами языка, то фрагментация-расчленение и размывание, хаотизация языка не может не приводить к фрагментации и хаотизации мира, размыванию его границ, неопределенно-расплывчатому мировидению. Последнее же, очевидно, есть не что иное, как продукт, а тем самым и проявление-характеристика того или иного состояния духа. Показательно, в этой связи, что человек традиционного общества жил в понятном мире, обладал ценностным мировоззрением и не знал духовных кризисов. Он не знал также иных языков и не употреблял в своей речи иноязычных слов.

Далее. По слову Хайдеггера – говорение есть прежде всего слушание, и речь есть слушание языка. Но можно ли слушать, внимать должным образом двум языкам одновременно? Двое говорящих одновременно мешают друг другу и мешают слушающему услышать хотя бы одного из них. По-русски это называется перебивать друг друга. Такая двуязычная речь именно не может не быть сбивчивой. Она порождает не «полифонию», а какофонию смыслов. Можно, соответственно, сказать вслед за Хайдеггером, что употребление в речи иноязычных слов

разрывает путеводную нить языка. Неудивительно поэтому, что современного человека все плотнее окружает отчужденный непонятный мир, его мысли все чаще сбивчивы, желания противоречивы, а сознание разорвано.

Всякое слово есть то, что оно есть, только будучи включенным в целое языка, в состав определенной языковой системы. Как блестяще и с совершенной определенностью формулирует Гадамер: «Всякое слово... связано с целым, благодаря которому оно вообще является словом. Во всяком слове звучит язык в целом, которому оно принадлежит, и проявляется целостное мировоззрение, лежащее в его основе» [1, с. 529]. Эта, в общем, самоочевидная истина находит безусловное подтверждение в самом разнообразном эмпирическом, лингвистическом материале, в изобилии предоставляемом историей последних двух столетий. Речь идет о «креолизации» языка, формировании различных «африкано-английских» или «индейско-испанских» и т.п. «знаковых систем», служащих средством общения для миллионов людей в странах Африки, Азии, Латинской Америки. Вот уже в течение многих десятилетий, а то и столетиями, такие системы остаются «привилегией» низов, малообразованных слоев населения и отвечают исключительно бытовым запросам. На «пиджин-инглиш» не сочиняют романов и не пишут философских трактатов.

Показателен и пример языковой политики в государстве Израиль. Его основатели, как известно, приняли решение сделать государственным языком не идиш (включавший много слов с немецкоязычными корнями) на котором говорило большинство переселенцев, а иврит – древний язык еврейского народа. Насколько плодотворно это решение – покажет будущее, но как бы то ни было, исходя из существа дела, можно сказать, что оно было более чем правильным – единственно возможным.

Последний пример подводит нас непосредственно к проблеме сакральности языка – не только иврита, но и других языков священных текстов: арабского, церковнославянского, санскрита, каких-то еще, более древних. Упоминание о ней может послужить решающим указанием того пути, следуя которому, можно прийти к действительному пониманию взаимосвязи языка и мира. В данном же случае упоминание о возможной сакральной природе языка служит еще одним (для многих, может быть, самым значимым) доводом за очищение речи, возвращение к её подлинности.

Очищение языка есть, очевидно, одно из средств очищения человека. Ведь «язык, – скажем в завершение еще раз, вместе с Гадамером, – в среде которого вырастает человек, определяет вместе с тем его связь с миром и отношение к миру» [1, с. 513].

Литература

1. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. Б. Н. Бессонова. – М., 1988.

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КУЛЬТУРНОЙ САМОБЫТНОСТИ КАК САМОПОНИМАНИЕ КУЛЬТУРЫ

С.В. Рыбчак

Глобализация современного мира выплеснула на страницы периодических изданий, монографий и сайты Интернета множество новых понятий и терминов, таких, в частности, как «глобальная культура», «трансформационные культурные потоки», «электронная культура», «мультикультурализм», «транскультурализм». Активные поборники и пропагандисты этого процесса, особенно те из них, которые следуют в русле американского глобализма, на все лады твердят о снижении статуса национальных языков и культур, проповедуют принцип торжества транскультурализма, порождающего унификацию культурных миров. Во многих странах, в том числе и в США (С.Хантингтон, Дж.Нейсбит и др.), подобные утверждения подвергаются резкой и обоснованной критике. Однако, бесспорно, что глобализация существенно обострила проблему национально-культурной идентичности, которая в начале XXI века превратилась в одну из важнейших проблем, а тем самым актуализировала обширный комплекс вопросов «культурной самобытности» различных народов и регионов мира.

В современных условиях культурная самобытность народа оказывается не только важнейшей духовной ценностью, но и эффективным средством сохранения и повышения жизнеспособности генофонда нации. Поэтому философская рефлексия культурной самобытности выступает ныне как приоритетное условие самопонимания, самосохранения и саморазвития культуры. Она призвана стать основным вектором полноправного вхождения национальной культуры в мировое культурное пространство и одновременно прочным барьером на пути унификации всех культур под давлением культурного империализма, прежде всего электронного.

Разумеется, «электронная культура» открывает новые, более широкие горизонты для творчества и распространения культурных ценностей. Но она же несет с собой и определенные опасности, создавая ситуацию, когда человек, погружаясь в виртуальную реальность, отрывается от реальной действительности, от своих национальных корней, становится всеядным потребителем культурных или псевдокультурных инноваций. Поэтому в современных условиях новые грани актуальности приобретает не новая проблема социокультурной идентификации различных этносов, наций, стран, отдельных индивидов и их групп. Усиление международной культурной интеграции под влиянием глобализационных процессов не может протекать и интерпретироваться вне локализирующего их национального контекста. Чтобы сохранить свою социокультурную идентичность, человек не должен выйти из храма национальной культуры. Поэтому нельзя допустить, чтобы всемирное

движение «электронной культуры» разрушило этот храм. Ни в коем случае не противопоставляя многоцветию и многозвучию «электронной культуры» самобытность белорусской национальной культуры, впитавшей в себя традиционные ценности нашего народа, его надежды и стремления, необходимо всемерно развивать наше величайшее духовное достояние.

Глубокая символичность и философская масштабность изобразительного языка характерны для воплощения белорусской национальной самобытности в станковой и монументальной живописи Михаила Савицкого, особенно в таких его картинах, как «Партизанская мадонна», «Витебские ворота», «Виленские встречи», в станковой и книжной графике Георгия Поплавского, в его графических циклах «Память», «Браславщина – край озерный», в графическом оформлении произведений Я. Купалы, Я. Коласа, В. Короткевича, В. Быкова и других писателей. Воплощаемые в повседневную жизнедеятельность наших современников яркие проявления национальной самобытности получают специфическое изображение в художественном творчестве В. Пташука, И. Добролюбова и других белорусских кинематографистов, театральных постановках национальных театров им. Я. Купалы, Я. Коласа и других.

Если из всего этого многообразия художественного формирования и воплощения белорусской национальной самобытности выделить стержневую линию, то ее можно выразить одним словом – «беларускасць» (или, употребляя термин Я. Купалы, «беларушчына»). Содержание данного термина можно определить как совокупность специфических особенностей самосознания и самоназвания белорусов, их родного языка, их менталитета, национального характера, как указатель принадлежности к белорусскому народу и его культуре. Применительно к современности этот термин означает также гражданскую принадлежность человека к белорусскому государству как независимой, суверенной стране. А это означает, что национальная самобытность белорусской культуры в современных условиях сливается воедино с идеей белорусской государственности.

Одна из важных задач белорусских философов заключается в том, чтобы, осмысливая важность самопонимания и самовыражения национальной культуры, не забывая, но творчески воплощать в философских конструктах актуально звучащее ныне утверждение Иоганна Готфрида Гердера: «Культура народа – это цвет его бытия, изящное, но бренное и хрупкое откровение его сущности». Без сохранения и обогащения, упрочения национальной самобытности белорусской культуры невозможно достичь высшей стратегической цели нашего государства – построить сильную процветающую Беларусь.

ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА

М.А. Дьячкова

В современном мире, когда меняются правовые нормы, образцы поведения, реализация прав человека зависит во многом от самого человека, его способностей адаптироваться к изменениям, преобразовывать отношения между личностью и государством на основе развития права, установления законности. Для этого человеку необходимо овладеть социально-правовыми знаниями, навыками реализации прав, опытом взаимоотношений с социальными институтами.

Правовая социализация (от лат. *socialis* – общественный) как целенаправленный процесс адаптации личности к правовой жизни в обществе, с точки зрения целей обеспечивает интеграцию человека в правовую среду, правовые отношения; адаптацию к существующим правовым состояниям, актуальным для человека; регуляцию поведения человека; развитие правовой активности человека.

Человек как существо социальное в течение жизни усваивает социальные ценности и нормы, содержание которых ориентирует на поддержание социального порядка в обществе. Интернализация, усвоение индивидом выработанных обществом ценностей и норм, происходит в процессе социализации, результатом которой является появление внутреннего императивного саморегулятора – совести, – которая без внешнего социального контроля способна удерживать индивида от нежелательных для общества, потенциально дезинтегрирующих общество действий.

Одним из первых обратил внимание на проблему социализации французский социолог и философ Э. Дюркгейм, понимающий социализацию как сочетание приспособления и обособления человека к условиям конкретного общества. Содержание процесса социализации определяется заинтересованностью общества в том, чтобы его члены успешно овладевали социальными ролями (полоролевая, профессиональная, семейная, политическая и др.). Э. Дюркгейм подчеркивал, что любое общество стремится сформировать человека в соответствии с имеющимися у него идеалами (моральными, правовыми и др.).

Еще в Европейской социальной хартии (Турин, 1961; Страсбург, 1996) обращено внимание на необходимость принятия всех мер для обеспечения права каждого человека воспитываться в обстановке, способствующей полному развитию его личности: дети должны получать заботу, помощь, образование, профессиональную подготовку, а общество призвано оберегать детей от безнадзорности, насилия и эксплуатации [2]. Хартия закрепляет право на социализацию как неотъемлемое право каждого человека.

Правовую социализацию, ее сущность невозможно осмыслить без обращения к работам исследователей из разных областей знания. Так, Л.С. Выготский, психолог, считает, что источником развития ребенка является изменяющаяся социальная среда, для описания которой вводит термин «социальная ситуация развития», определяемая им как «своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной» [1]. Философ Дж. Г. Мид рассматривает социализацию как освоение социальных ролей в процессе социального взаимодействия [3]. З. Фрейд, основатель психоанализа, анализирует социализацию с учетом биологической природы человека и его первичных влечений, считая, что главным фактором социализации является семья [4]. Э. Эриксон, психоаналитик, автор теории стадий психосоциального развития, обосновывает, что социализация осуществляется в течение всей жизни, путем решения разного рода проблем, возникающих на разных этапах жизни человека [5].

Правовая социализация как целенаправленный процесс адаптации личности к правовой жизни в обществе, с точки зрения целей обеспечивает интеграцию человека в правовую среду, правовые отношения; адаптацию к существующим правовым состояниям, актуальным для человека; регуляцию поведения человека; развитие правовой активности человека.

Правовая социализация личности – это единство процесса освоения правовых норм поведения и механизма формирования правовых качеств личности. Результатом успешной правовой социализации является адекватное функционирование человека в правовом поле. Следует отметить, что постоянно меняющаяся правовая реальность как следствие влечет за собой тот факт, что правовая социализация личности происходит практически на протяжении всей жизни человека.

Правовая социализация – это процесс, а не одномоментное явление. На ранней стадии развития человека правовая социализация осуществляется в процессе воспитания, формирования личности. Затем правовая социализация осуществляется под воздействием социальных институтов, связана с формированием новых знаний, навыков, отношений. Наряду с правовой социализацией под влиянием неблагоприятных факторов может происходить и правовая десоциализация, вызванная утратой ценностей, полным или частичным отрицанием правовых норм.

Правовая социализация может осуществляться под воздействием разного рода факторов. В связи с этим следует говорить о стихийной правовой социализации, содержание, характер и результаты которой определяются социокультурными реалиями. Правовая социализация может быть относительно направляемая государством и относительно социально контролируемая, когда государством и обществом создаются условия для правового развития человека. Важно назвать правовую социализацию, в основе которой лежит желание человека самосовершенствоваться в

правовом смысле, исходя из его индивидуальных потребностей и объективных условий жизни.

Каждый человек имеет право на социализацию в целом и правовую в частности, то есть право на освоение системы социальных, правовых норм, ценностей, на выработку на этой основе социальных, правовых установок, ориентаций, потребностей.

Право на социализацию предполагает включение индивида в реальную жизнь, овладение им всеми необходимыми социальными (в том числе правовыми) знаниями, навыками, что обеспечивается имеющимися в государстве институтами социализации. Институты социализации – это целая система естественно сложившихся или специально созданных учреждений, организаций, функционирование которых направлено на развитие индивидов через образование и воспитание. К ним относятся: институты первоначального развития природных свойств человека (семья, ДОУ), институты обучения и воспитания (школа, спортивные клубы и др.), институты общественно-производственной социализации (трудовые коллективы, общественные организации и партии), армия, СМИ, конфессии и др.

Вхождение человека в правовое пространство обеспечивается всеми выше названными институтами социализации, а также различными институтами права, которые, реализуя право человека на правовую социализацию, участвуют в процессе его социализации путем правового воспитания, формирования правосознания и правовой культуры.

Литература

1. Выготский, Л. С. Психология развития человека. – М., 2005.
2. Европейская социальная хартия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kadrovik.ru/docs/har18.10.61.htm>. – Дата доступа: 12.04.2012.
3. Мид, Дж. Г. Избранное: Сб. переводов. – М., 2009.
4. Фрейд, З. Психоаналитические этюды / сост. Д.И. Донской, В.Ф. Круглянский. – Минск, 2010.
5. Эриксон, Э.Г. Детство и общество / пер. с англ. – СПб., 1996.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ПРАВОПОНИМАНИЯ: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О.Н. Томюк

Правопонимание – это сложившиеся в теории права концептуальные взгляды на сущность права, формы его выражения (источники), связь с государством, причины происхождения, назначение и др. В правовом поле оформилось несколько различных типов правопонимания, каждый из которых становится основой построения правовой теории, принципом познания правовых феноменов. Типы правопонимания есть результат целенаправленной мыслительной деятельности, включающей «...познание

права, его восприятие (оценку) и отношение к нему как к целостному явлению» [2, с. 222].

В рамках антропологии права – науки о человеке как социальном существе в его правовых проявлениях; науки, изучающей правовые формы общественной жизни людей от древности до наших дней, сложился антропологический тип правопонимания, развивающийся во взаимосвязи психологического, феноменологического, экзистенциального, герменевтического подходов [4].

Антропологический тип правопонимания предполагает обращение внимания на правовые тексты, правовые обычаи и традиции, правовые нормы, логику правового мышления, правовые ценности различных народов и культур, в целом правовое бытие человечества (в частности, этнические группы, народы, нации) на всех стадиях развития этого бытия. Данный тип правопонимания невозможен без анализа устных или письменных источников, памятников права, практики общественной жизни, процессов юридизации человеческого бытия, свойственных каждому историческому типу цивилизации.

В связи с этим следует обратить внимание на связь антропологического типа правопонимания с герменевтикой, поскольку понять право можно, имея в виду определенный образ и представление о человеке. Н. Рулан, исследователь проблем антропологии права, считает, что герменевтика (от греч. *Hermeneutikos* – разъясняющий, истолковывающий) в антропологии права занимает существенное место, так как юридические правила для лучшего своего применения требуют толкования [3]. Более того, для антропологии права герменевтика является одним из методологических подходов к праву, продуктивным методом познания права, так как при анализе правовых обычаев, традиций, норм используется метод проникновения во внутреннюю логику правового мышления иных людей, народов и культур. Благодаря интерпретации правовых текстов, традиций того или иного народа становятся понятны правовые ценности народа, смыслы действий, знаков, символов.

Интерес представляет работа Е. В. Васьковского, юриста начала XX в., «Руководство к толкованию и применению законов: Для начинающих юристов» (1913), где исследователь отмечает, что целью толкования законов, любой правовой нормы является раскрытие их истинного смысла [1]. Сущность процесса понимания, по мнению Е. В. Васьковского, состоит в том, что условные знаки, служащие средством духовного общения людей между собой (слова, письмена, образы и др.), должны вызывать те же представления, какие в них заложены изначально. Итак, понимать – значит сознавать и чувствовать то, что сознавал и чувствовал пишущий, создающий [1]. Если говорить о правовой норме, то толкование должно воспроизводить те же представления и понятия, которые связывал с данной нормой законодатель, которые составляют смысл нормы, выражают мысль и волю автора. Следовательно, толкование – это раскрытие содержания нормы, ее смысла, выяснение мысли и воли

законодателя. Сама же по себе правовая норма представляет собой совокупность слов, условных знаков, посредством которых законодатель передает свои мысли, представления о путях решения правовой проблемы.

Васьковский Е. В. считает, что выявление истинного смысла правовой нормы возможно путем логического (или реального) толкования, которое предполагает учет истории возникновения нормы, отношения нормы к действующему праву, связь нормы с действующей системой права, принципы построения закона, а также источники (общественные, экономические, политические и др.), которыми пользовался законодатель [1].

Следует отметить, что выяснение истинного смысла любого закона, созданного в любой культуре, невозможно без уяснения множества факторов, повлиявших на создание правовой нормы. Шпенглер О. в работе «Закат Европы», анализируя право в разных культурах, указывает на необходимость логического толкования правовых норм, ибо для каждой культуры, а культура у Шпенглера есть «организм», обладающий самым жестким сквозным единством и обособленный от других, подобных ему «организмов», характерно свое право, его смысл и значение [5].

Как было отмечено ранее, понимание смысла закона, выявление его истинного содержания невозможно без знания истории возникновения нормы, без учета отношения нормы к действующему праву и ее связи с действующей системой права, без понимания процесса творения права. Все это вместе взятое является тем необходимым, без чего выявить истинный смысл не только какой-то конкретной нормы, но и права в целом практически невозможно. Такой подход к пониманию права характерен и для О. Шпенглера. Философ считает, что в традиционную эпоху право существовало еще в зачаточном состоянии, оно воспринималось как элемент мирового порядка, а правовая норма как наиболее мудрые и справедливые правила из существующих традиционных правил общественной жизни.

Так, в античном праве, которое создавалась гражданами и для граждан в качестве обязательной формы государства определен полис, а каждая отдельная личность – это тело, входящее в состав полиса: «Только из этой основной формы общественного существования вытекает как само собой разумеющееся понятие личности как человека, который во всей своей совокупности идентичен с телом государства» – пишет философ [5, с. 745]. Именно из такого античного мироощущения, понимания человека, считает О. Шпенглер, и развилось все античное право.

Право полиса – это одновременно вещественное и божественное право, так как античная религия была государственной, то и процесс творения государственного и божественного права был одинаков: право вещественное и право божественное создавалось гражданами из непосредственного общественного опыта. Шпенглер О. в работе «Закат Европы» обращает внимание на тот факт, что «римский претор должен был быть землевладельцем, офицером, обладать опытом в управленческих

и финансовых вопросах и лишь вследствие этого был пригоден для судейской и одновременно правотворческой деятельности», выводя правовые нормы из экономических отношений, из конкретных случаев [5, с. 772]. В начале срока правления претор издавал эдикт, имеющий силу в течение одного года, а также в каждом отдельном случае излагал перед присяжными конкретный правовой принцип, в соответствии с которым и выносился приговор. В результате создавалось «единовременное» право, не имевшее продолжения в будущем [5, с. 748]. Шпенглер считает, что «античное право – это право одного дня, даже одного мгновения. В соответствии с этой идеей в каждом отдельном случае оно создавалось именно для этого случая и по его окончании переставало быть правом» [5, с. 748]. В результате исследования философ выявил характерную черту античного права – сиюминутность права в античной культуре. Как следует из вышесказанного, процесс творения античного права отличался своеобразием и без проведения процедуры логического толкования практически невозможно понять истинный смысл античных законов.

Сравнивая античное и арабское право, Шпенглер называет главное отличие: античное право создавалось гражданами на основе практического опыта, а арабское исходит от бога, основано на авторитете имени, поэтому «человек Востока не требует ни практической целесообразности закона, который к нему применяется, ни логического обоснования приговора» [5, с. 762].

Итак, антропологический тип правопонимания, сложившийся в рамках антропологии права, нуждается в герменевтике как своем методологическом основании. Именно герменевтика позволяет правильно разъяснить, понять смысл правовых теорий, доктрин, концептуальных взглядов на сущность права, существовавших в разных культурах и в разные эпохи.

Литература

1. Васьковский, Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов. – М., 1913.
2. Перевалов, В.Д. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М., 2001.
3. Рулан, Н. Юридическая антропология / пер. с франц. под общ. ред. А.И. Ковлера. – М., 1999.
4. Честнов, И.Л. Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права. – СПб., 2002.
5. Шпенглер, О. Закат Европы / пер. с нем. С.Э. Борич. – М.; Минск, 2000.

ПОНЯТИЕ ОПТИМУМА В ПОСТРОЕНИИ МОДЕЛИ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Н.Е. Захарова

Публичный дискурс политической сферы можно определить как меру взаимодействия государственной власти и гражданского общества. Гражданское общество – это социальная система, в которой функции целого (государства) осуществляются через автономных индивидов, т.е. граждан, причем любые подсистемы общества, любые его структуры и институты прямо связаны с индивидуальной, но совместной деятельностью людей.

В эпоху Просвещения Гоббс, Гегель, Маркс уже всерьез рассматривали возможности появления таких социальных форм, которые стали бы причиной и условием существования всех подсистем или сфер общества: экономической, производственной, правовой, культурной и т.д. Для Гегеля это было самостановление абсолютной идеи в форме права. Для Маркса – ликвидация частной собственности, отсутствие которой сделало бы производство и распределение справедливым и упразднило эксплуатацию и государство. Существует и другая точка зрения на гражданское общество: оно возникает на определенной стадии развития производственных отношений, производно от экономики, выражает отношения между людьми и сотрудничество, или борьбу с государством. В системе отношений общества и государства происходит решение проблемы их тождества. Т.е. это не лозунги о правах человека, не призывы к либерализации экономики, а понимание, насколько оптимизировано их функциональное взаимодействие для дальнейшего социального прогресса и отвечает ли сама идея прогресса принципам гуманизма.

Политическую публичность целесообразно понимать как открытость, прозрачность функционирования властных структур и институтов, прозрачность принятия политических решений и подотчетность властных институтов гражданам, функционирование и представительство института общественного мнения при достаточном уровне развития конструктивного социального критицизма. Участие граждан в политических процессах и государственных решениях осуществляется в частности посредством таких практик и процедур, как дебаты, референдумы, встречи с общественностью, обсуждения в СМИ [1, с. 56]. «Состояние публичной сферы – важнейший показатель, позволяющий судить о том, насколько государственная политика соответствует своему главному назначению: выразить мнение и волю общества. Ведь именно в пространстве свободного дискурса разнообразные частные интересы проходят сквозь сито общественной оценки, которая выявляет, какие из них настолько значимы, что должны стать предметом публичного внимания и обсуждения, а в будущем возможно, и предметом государственной политики», замечает Ю.А.Красин

[2, с. 23].

Опираясь на взгляды П. Бурдые и П. Штомпки, можно определить публичное пространство как среду проявления сопричастности и оптимального соединения частных интересов с публичными, интересами общества как целого.

Публичность власти, отмечал П. Рикёр, созвучна идее «явленности общественного пространства», открытости той упорядоченности социальной жизни, в которую вошли индивиды, желающие жить вместе [3, с. 105]. В поле политики каждый человек оказывается пересечением внимания и интересов различных групп и общностей, общественного внимания, гласности. Вместе с человеком сюда попадают и его представления о благе, и данные им обязательства, и его окружение, и его отношение к нормам, правилам, внешнему влиянию. Человек доверяет политической власти упорядочить и организовать исполнение своего естественного желания — желания жить в обществе. И политическая власть, дополняя собой власть морали и закона, придает организации человеческого общежития длительность и стабильность, «открывая горизонт общественного мира, понимаемого как спокойствие и порядок» [3, с. 106].

Поэтому остаются актуальными основные черты гегелевской парадигмы отношений индивида и власти — поддержание внутренней устойчивости общества путем регулирования стихийных процессов в экономической среде и социальные гарантии государства для малообеспеченных слоев населения. При этом охранительные функции производны от социального реформаторства и качества защиты населения. Ориентиром таких трансформаций, как представляется, всегда было обеспечение оптимума политического регулирования общественной жизни (меры порядка и стабильности в сочетании с мерой инноваций и развития). В этом раскрывается важнейшая и все еще недооцененная сущностная сторона демократии — быть оптимальным способом взаимодействия сферы политики и многообразной системы общественных отношений. Оптимизация предполагает установление — на теоретическом и практическом уровнях — равновесия между принципами государственного целенаправленного управления и планирования и частной инициативы.

Использование понятия «оптимум», «оптимальный» при характеристике социально-политического взаимодействия вполне правомерно, ибо речь идет не о максимуме, не о предельных характеристиках как социальной, так и политической качественности, а об их приемлемости друг для друга, для устойчивого саморазвития общественной системы. Фигурально выражаясь, мы стараемся разложить на ткани социального окружения свои политические объективации так, чтобы социальные, экономические, моральные издержки для общества были минимальны и стремились к нулю, а в идеале — способствовали его возрастанию возможностей самоуправления.

Следует подчеркнуть, что оптимизация в отличие от обычного сравнения вариантов предполагает рассмотрение всех решений, попадающих в область допустимых значений параметров. Те решения, в процессе поиска которых не проводился полный просмотр возможных вариантов, обычно называют «рациональными».

Поиски оптимизации во взаимоотношениях гражданского общества и государства необходимы и ввиду демократизации большинства мировых процессов, когда, по мнению И.Валлерстайна, фактически происходит узаконивание демократического давления как важнейшего элемента политической стабилизации. «Сейчас эта тенденция развилась настолько, что народные требования стали обходиться очень дорого. На удовлетворение современных социальных ожиданий большей части человечества, касающихся поддержания на адекватном уровне систем здравоохранения и образования, в настоящее время уходит значительная доля создаваемой в мировом масштабе прибавочной стоимости. Фактически такие расходы являются формой социальной заработной платы, возвращающей производящим классам значительную часть прибавочной стоимости. Как правило, это происходит при посредничестве государства, например, в рамках реализации программ социального обеспечения. Сегодня мы являемся свидетелями серьезной политической борьбы вокруг масштабов этих расходов» [4, с. 61].

Существует и проблема поляризации общества в условиях глобальных финансовых, экологических, военно-политических неопределенностей и рисков. Остается в процессе решения задача сохранения и улучшения социальных условий жизни большинства населения (доступности образования, здравоохранения, социального обеспечения). В повышении качества жизни, в улучшении социальных условий воспроизводства в Республике Беларусь должен быть заинтересован весь ее политический класс, поскольку от развития интеллектуального и культурно-экологического потенциала общества будет, в конечном счете, зависеть положение нашей страны в мировой геополитической системе в начале третьего тысячелетия.

Существенный момент исследования заключается в поисках оптимальности взаимодействия общественного и личного, экзистенциального в политике. Можно сказать, что антропологическая характеристика политики заключается в том, что, по словам О. Хеффе, «политическая природа человека не выражает его целостности, государством не исчерпывается человеческое измерение» [5, с. 184]. Сущность человека, в ее интегративном понимании, включает в себя отношения, непосредственно не связанные с политическим бытием и не оказывающие на него существенного влияния (отношение к жизни, к здоровью, к детям, к своей индивидуально-психологической природе). В социально-культурном бытии человека есть отношения, носящие неполитический характер и несводимые к политике (например, частная жизнь, эстетические, технологические отношения).

Все вышеизложенное служит основанием для включения в методологию исследования понимание политики как особого вида социальной коммуникации, в центре которой оказываются социально значимые интересы и цели, и главным образом те, реализация которых связана с самосохранением общества, понимаемого как сохранение основ цивилизации и преумножение всего совокупного общественного богатства. Сказанное не означает, что современность не может описываться в терминах онтологической определенности, равно как и наши суждения о ней. Такая характеристика подчеркивает лишь два момента: во-первых, относительность, релятивность всех социальных установлений современности, а также транзитивный характер социально-политических и экономических процессов в обществе, а во-вторых, проблемный, открытый для дискуссий характер самого процесса оптимизации, достижение надлежащей качественности которого окончательно не оформлено ни теоретически, ни практически [6, с. 216].

Закон доминирования глобальной цели в развитии общества социальной системы является основополагающим. Суть его заключается в том, что каждая социальная система состоит из ряда подсистем: экономической, политической, технической, организационной, социальной, духовно-культурной. В своем единстве они составляют целостный организм, но поддержание целостности возможно только при доминировании генеральной главной цели над целями каждой подсистемы. Это, в свою очередь, актуализирует такую закономерность социального управления, как ее доктринальность, разработка и реализация которой в процессе управления позволяет на деле осуществить системный характер политического (управленческого) воздействия.

Социальная доктрина выделяет приоритеты в реализации коренных национальных интересов, содержит механизмы их реализации (экономические, международные, культурно-духовные, экологические, военные) и является основополагающей для определения стратегических целей социальной политики, определения социальных ориентиров реформирования, выработки любого вида политики, выражающей интересы граждан. Процесс выработки социальной доктрины, исходящей из глобальных целей, предполагает объективный научный анализ сложившейся социально-экономической ситуации, трезвую оценку прошлого исторического опыта, изучение внешних факторов, ведущих тенденций мирового развития, характера геополитического пространства. Для решения задачи оптимального управления социальная доктрина, во-первых, выделяет главные национальные интересы, соответствующие перспективным целям данной страны и всего человечества; во-вторых, среди них определяет ряд интересов, от удовлетворения которых, в первую очередь, зависят национальная безопасность данной страны и возможность существования независимого национального государства; в-третьих, определяет те первоочередные ресурсы, которые могут быть использованы для достижения стратегических социальных целей, сохранения и развития

генофонда и здоровья нации, словом, для повышения качества жизни своих граждан.

Литература

1. Степаненко, В.В. Политическая публичность в трансформации: дискурсы, символизации и практики в Украине в 2000-х гг. Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. / Сборник научных трудов под редакцией В. Фурса.– Вильнюс, 2008.
2. Красин, Ю.А. Публичная политика в России: По итогам проекта «университет Калгари-Горбачев – Фонд» / Ю.А. Красин. – М., 2005.
3. Рикёр, П. Герменевтика. Этика, политика / П. Рикер. – М., 1995.
4. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И.Валлерстайн. – М., 2004.
5. Хеффе, О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / О. Хеффе.– М., 1994.
6. Стризое, А.Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия / А.Л. Стризое. – М., 1999.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Т.В. Окунева

Одной из важнейших задач в Республике Беларусь в настоящее время является формирование гражданского общества. Становление исторических форм гражданского общества и теоретическое осмысление данного феномена является ключевой проблемой философии на всех этапах ее исторического развития. Изучение названной проблемы актуализируется еще и тем обстоятельством, что современная Беларусь переживает переходный период, выражающийся в радикальной и кардинальной модернизации социальных институтов и политической системы общества в целом.

Постоянно возникает вопрос: что такое гражданское общество? На этот счет существует достаточно много точек зрения, так как сама дефиниция «гражданское общество» еще не полностью сформировалась в современной философской науке. По мнению целого ряда философов, гражданское общество – это совокупность всех неполитических отношений. Есть точка зрения, согласно которой гражданское общество – это своего рода социальное пространство, в котором люди связаны и взаимодействуют между собой в качестве независимых как друг от друга, так и от государства индивидов [2].

Подчеркивая сложность и полифункциональность понятия «гражданское общество», предлагаю следующее авторское определение: *гражданское общество* – это общество свободных и полноправных граждан, которое формируется на основе принципов плюрализма и

демократии, правового равенства граждан, их самоопределения и самоорганизации, в котором происходит переход некоторых властных функций от государства к независимым от власти общественным структурам, способным создать необходимые и достаточные условия для развития личности, реализации ее прав, удовлетворения законных интересов и важнейших потребностей, роста правосознания и правовой культуры.

Идея гражданского общества как сообщества, в котором люди постепенно избавляются от всемогущества государства, впервые встречается в классической философии Древней Греции и античного Рима. Древнегреческий мыслитель Платон создал модель идеального государства. В ней он разделил общество на три важнейших сословия – философов, которые управляли государством; воинов, призванных защищать страну от врагов, производителей, основной задачей которых было создание необходимых благ. Выделяя сословия и специализируя их, Платон тем самым подразделил общество по характеру происходящих в нем процессов и фактически впервые обозначил те сферы, которые затем стали называться гражданским обществом и политическим государством. Ученик Платона Аристотель в своих трудах подробно проанализировал негосударственные виды отношений – экономические, семейные, религиозные, духовные, где до определенного момента не требовалось вмешательства государства. Это первое в классической философии не полностью осознанное, но достаточно четкое отделение государственного от негосударственного, накопление теоретического материала для последующих выводов. В речах римского оратора Марка Тулия Цицерона впервые было сформулировано понятие общества как совокупности граждан.

Основатель политической философии Никколо Макиавелли первым перестал отождествлять государство с обществом. Общество имеет свои традиции, которые не всегда совпадают с законами государства и не всегда подвластны ему. Английский мыслитель Томас Гоббс в рамках учения о государстве, основывающегося на идее естественных прав, впервые использовал понятие «гражданское общество» в нынешнем понимании этой дефиниции. В работах «О гражданине» и «Левиафан» он предложил принципиально новую идею «гражданского общества», возникающего при переходе от естественного состояния к упорядоченному культурному обществу, граждане которого находятся под властью государства, формирующего в стране мир и порядок. Меняется и сам человек, превращающийся в гражданина не по признаку подданства, а в силу того, что становится развитой, целостной и активной личностью. Вместе с личностью изменяется и общество, являющееся «союзом индивидуальностей», в котором члены обретают высокие человеческие качества. Однако главную роль в гражданском обществе по-прежнему играет могущественное государство, подобное библейскому чудовищу – Левиафану. Развивая идеи Томаса Гоббса, но и выступая против

всемогущества государства, Джон Локк и Шарль Луи Монтескье в своих работах утверждали, что полномочия государством должны быть строго определены, а деятельность его ограничена определенными сдерживающими механизмами и противовесами. Одним из них стала идея Локка о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную. Еще одним механизмом является всеобщее признание неотъемлемых «естественных» прав личности – таких, как право на жизнь, свободу и собственность.

Французский просветитель Жан–Жак Руссо углубил понимание гражданского общества. Он ввел понятие народного суверенитета, который предполагает участие всех в управлении общественными делами. В фундаментальном исследовании «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» Ж.-Ж. Руссо связывал понятие гражданское общество с отношениями собственности. Его фраза: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: Это мое! и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества» [3, с. 72] – стала классической. У классика сложилось крайне отрицательное отношение к частной собственности. Ж.-Ж. Руссо отмечал: «От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибнете, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!» [3, с. 72]. В основании гражданского общества, по мнению Ж.-Ж. Руссо, – «хищничество богачей, разбой бедняков».

Американский публицист Томас Пейн главной темой своих произведений сделал идею противостояния гражданского общества и государства, власть которого необходимо ограничить в пользу гражданского общества. Государство должно существовать в строго конституционных рамках, установленных и закрепленных путем волеизъявления граждан через механизмы народного представительства, а государственные органы не вправе изменять данные им полномочия, ущемлять суверенитет граждан.

Первая по настоящему научная и в то же время достаточно спорная теория гражданского общества была создана известным немецким философом Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем. Его работа «Философии права» включает в себя классические и принципиально новые теоретические аспекты гражданского общества. Гегель разделил дефиниции «гражданское общество» и «государство». Всемирная история, по его мнению, – это развитие Абсолютного нравственного Духа, реализующегося на трех ступенях развития общества – *семьи, гражданского общества и государства*. Как утверждал Гегель, это развитие проходит три этапа: «А) непосредственный, или *природный*, нравственный дух – *семья*. Эта субстанциональность переходит в утрату своего единства... и есть, таким образом, *гражданское общество*,

объединение членов в качестве самостоятельных, единичных в формальной, таким образом, всеобщности на основе их потребностей и через правовое устройство в качестве средства обеспечения безопасности лиц и собственности и через внешний порядок для их особенных и общих интересов» [1, с. 286].

В теории Карла Маркса и Фридриха Энгельса гражданское общество являлось, прежде всего, ареной, полем действия множества различных частных, групповых, классовых интересов. Будучи по своей природе неполитичным образованием, гражданское общество в условиях деления общества на классы должно иметь политическую форму и вести политическую жизнь. Не государство обуславливает гражданское общество, а наоборот.

Лидер итальянских коммунистов Антонио Грамши не противопоставлял гражданское общество и государство, считая, что с течением времени гражданское общество, включающее в себя культурную жизнь людей, и политические отношения в обществе неизбежно сольются. В работах В.И. Ленина мы не найдем упоминания дефиниции «гражданское общество», но именно он достаточно точно выразил его глубинную сущность, заявив, что у нас каждая кухарка будет управлять государством. Именно о таком обществе мечтали с давних времен классики философии, к нему стремятся современные реформаторы, к нему придут многие страны.

Литература

1. Гегель, Г. Философия права. – М., 1990.
2. Котляров, И.В. Политическая социология: теория, история, методология, методика: В 2 т. – Минск, 2004.
3. Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Трактаты. – М., 1969. – С. 31–108.

ВЕХИ ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.Н. Гончаров

Понятие «гражданское общество» сегодня довольно часто используется в общественно-политической жизни, во многих гуманитарных дисциплинах. В период, начавшийся с «перестройки», в Беларуси, как и других странах СНГ, идут дискуссии о формировании и развитии гражданского общества. При этом в средствах массовой информации гражданское общество зачастую предстает как структура, постоянно находящаяся в оппозиции к существующей власти. Однако вопрос о происхождении и сути такого общества остается открытым. В этой связи актуальным представляется рассмотрение понятия гражданского общества в разные исторические эпохи. По-видимому, сделать это невозможно и без определения коррелирующего с ним понятия

«гражданин».

Современная правовая мысль определяет гражданское общество как человеческую общность, включающую добровольно сформировавшиеся негосударственные структуры в сферах жизнедеятельности общества; сферу самоуправления свободных индивидов и добровольно сформированных организаций граждан [1, с. 40]. Получается, что гражданское общество – это члены неких добровольных общественных организаций и структур. Но только ли в этом суть гражданского общества?

Само понятие «гражданское общество» первоначально восходит к аристотелевскому определению полиса. В древней Греции это понятие было тождественно понятию «государство». В современной науке существует точка зрения, что полис — это не стены, а прежде всего люди, гражданский коллектив. Римляне называли свое общество объединением граждан (*civitas*, от латинского слова *civis* – гражданин). Поэтому слово полис можно переводить как гражданская община. В своем труде «Политика» Аристотель определяет полис так: «...место, занимаемое одним государством, представляет собой определенное единство, а граждане являются общниками (*κοινονοι*) одного государства» [2, с. 403]. Аристотель указывает на то, что государство есть важнейшее общение, или общение политическое, которое стремится к благу [2, с. 376]. Первым видом общения является семья, несколько семей образуют селение — это следующий вид общения. «Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни» [2, с. 378].

Наиболее важным в понимании сути гражданского общества в античности представлялось существование системы связей между обществом и отдельными личностями, которая выражалась в их взаимных правах и обязанностях. Быть членом гражданского общества означало быть гражданином — членом государства и подчиняться его законам [3, с. 19].

В эпоху античности понятие «гражданин» происходило из понятия «горожанин». Полноправный гражданин владел земельным наделом, который обеспечивал его существование. Значительная земельная собственность в средневековых или античных городах-государствах находилась в руках политических или землевладельческих властей могущественных городов или отдельных знатных землевладельцев-горожан [4, с. 314–315].

Основной вопрос городского строя — вопрос о взаимоотношениях между гарнизоном, жителями укрепленного бурга, выполнявшими политические функции, и занимающимся экономической деятельностью населением. При рассмотрении этого вопроса важным является понятие «городская община», для существования которой необходимы поселения, обладающие следующими признаками: укреплениями, рынком, судом и правом, корпоративностью и некоторой автономией и автокефалией, а также управлением посредством учреждений, в создании которых так или

иначе участвовали горожане. Такие права принимали форму сословных привилегий. Поэтому для города характерно наличие обособленного сословия горожан в качестве обладателей этих привилегий [4, с. 321–323].

Такое понимание общества и роли гражданина в нем не противоречит современным представлениям: «Гражданин — человеческий индивид, обладающий необходимыми правами для свободного использования своих сил и способностей и несущий полную ответственность перед законом, обществом и другими гражданами за свои действия» [5, с. 212].

О жизнеспособности гражданского общества, характерного для античности, свидетельствует и тот факт, что оно сохранилось до XVIII в. У Дж. Локка начало общества выводится из союза мужа и жены, посредством добровольного соглашения между ними. Локк так характеризует понятие гражданского общества: «Те, кто объединены в одно целое и имеют общий установленный закон и судебное учреждение, куда можно обращаться и которое наделено властью разрешать споры между ними и наказывать преступников, находятся в гражданском обществе; но те, кто не имеют такого общего судилища... все еще находятся в естественном состоянии...» [6, с. 311]. Общество, по Локку, становится судьей, который устанавливает постоянные и одинаковые для всех правила; разногласия решаются с помощью людей, получивших от общества полномочия проводить в жизнь эти правила. Именно в этом проявляется начало законодательной и исполнительной властей гражданского общества, появляется структура, которой сами граждане передали властные полномочия.

Концепция индивидуализма, разработанная Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ж. Ж. Руссо, Монтескье, ставила вопрос о свободе личности как гражданина общества. Мыслители этого направления исходили из того, что общество в его естественном состоянии уже существовало до появления государства, которое призвано управлять обществом, но не может полностью его поглотить [3, с. 21].

С возникновением капиталистической экономики и признанием существования естественных прав интерпретация гражданского общества начинает меняться. Возникает необходимость обоснования притязаний молодой буржуазии на прерогативы монархической власти. В это время и возник миф о «независимости» гражданского общества от государства [7, с. 100].

В 80–90-е гг. XX в. снова актуализировались вопросы о гражданском обществе и его роли [3, с. 35]. И сейчас довольно широко пропагандируется мысль о важности независимого от государства гражданского общества как обязательного условия для существования правового демократического государства. К. Поппер отмечал: «Величайшая опасность интервенционизма — особенно прямого вмешательства в любой форме — состоит, несомненно, в том, что он ведет к усилению государственной власти и росту бюрократии» [8, с. 223].

Возникают вопросы: не приведет ли чрезмерное ослабление этой власти к хаосу внутри общества в период, когда это вмешательство будет необходимо? И возможно ли вообще невмешательство государства в социум?

Суть гражданского общества заключается, по-видимому, в том, что его члены — граждане — оказывают влияние на политическую систему. Осуществляется это в рамках существующих законов, ведь в первую очередь члены гражданского общества — это граждане государства со своими обязанностями и правами. Механизм этого влияния может быть различным: от передачи властных полномочий определенной части общества до прямого участия всех его членов в управлении государством.

Литература

1. Азаров, А. Права человека. Международные и российские механизмы защиты. / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер. — М., 2003.
2. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. — М., 1983.
3. Гаджиев, К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. — 1991. — № 7. — С. 19–35.
4. Вебер, М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. — М., 1994. — С. 309–446.
5. Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. — Лондон — Минск, 1998.
6. Локк, Дж. Сочинения: В 3 т. / Пер. с англ. и лат. Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. — М., 1988.
7. Мамут, Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения / Л. С. Мамут // Общественные науки и современность. — 2002. — № 5. С. 94–103.
8. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. — М., 1992.

ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ РЕЦЕССИЯ РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Р.Н. Артебякин

В толковом словаре С.И. Ожегова *трансформация* трактуется как преобразование, превращение одного в другое. Такое же определение мы находим и в словаре иностранных слов под редакцией В.В. Бурцева, трансформация (лат. *transformatio*) – преобразование, превращение. Там же дается определение слова рецессия (лат. *recessus* – отступление) – спад производства или замедление темпов его роста. Таким образом, можно сделать вывод, что трансформационная рецессия – это преобразование, приведшее к спаду производства. В нашем исследовании мы будем придерживаться определения, принятого в научных кругах, которые трактуют трансформационную рецессию как «откат, прыжок назад» (проф.

А.И. Молчанов и др.).

Сегодня требуется серьезное переосмысление и теоретического, и эмпирического материала, который использовался многими учеными для обоснования достижений в эпоху перестройки. Наука располагает неопровержимыми данными о том, что перестройка была обманом, сложным, утонченным, завуалированным и длительным насилием над советским народом и второй сверхжержавой планеты – СССР. Особую ценность здесь имеют признания посла США Дж. Мэтлока: «Сценарий перестройки был написан в Вашингтоне» [1, с. 567]. Это подтверждает начальник нелегальной советской разведки в 1979 – 1991 гг., кстати, уроженец Минска, генерал-майор Ю.И. Дроздов, придавая огласке слова бывших американских разведчиков, сказанные автору: «...Пройдет время, и вы ахнете, если это будет рассекречено, какую агентуру имели ЦРУ и Госдепартамент США у вас наверху» [2, с. 300].

Два взаимосвязанных процесса – трансформационная рецессия и расчленение Союза ССР – вызвали мощные дезинтеграционные тенденции. 28 октября 1991 г., на открывшемся Съезде народных депутатов РСФСР, Б.Н. Ельцин выступил с программой «глубоких реформ»: «Период движения мелкими шагами завершён. Поле для реформ разминировано. Есть уникальная возможность за несколько месяцев стабилизировать экономическое положение и начать процесс оздоровления. В условиях политической свободы надо дать экономическую, снять все преграды на пути свободы предприятий, предпринимательства, дать людям возможность работать и получать столько, сколько они зарабатывают, сбросив бюрократический пресс. Однако в условиях острейшего кризиса провести реформы безболезненно не удастся, если пойти по этому пути сегодня, реальные результаты получим к осени 1992 года» [3].

Объективно характеризуя сложившуюся уже к 1995 г. социально-экономическую ситуацию, нельзя было не признать: ни одна из перечисленных целей Программы углубления экономических реформ достигнута не была. Worse того, все эти преобразования, явившиеся шоковым ударом по экономике и обществу, открывшие путь к грабежу и преступности, представляют собой не реформу, а «предпринятую в интересах узкого меньшинства форму организованного насилия над экономикой с тягчайшими последствиями» [4]. И, кроме того, как отмечает известный российский историк А.И. Молчанов, ссылаясь на публикации советника президента Российской Федерации А. Ракитова, все эти реформы «были нацелены в сердцевину национального духа, «для переделки» русского цивилизационного ядра. *То есть под видом реформ уже тогда планировался погром России как цивилизации*» [5, с. 376].

Разрушение шло по ряду направлений. При разрушении экономики, повлекшей за собой разрушение других сфер, были использованы методы «шоковой терапии» – 3 июля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял закон «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в

Российской Федерации» (№1531-1). В этот же день был принят закон «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР» (№ 1529-1). Согласно закону РСФСР № 1529-1 от 3 июля 1991 г., каждый гражданин России имел право получить часть приватизируемой государственной собственности в виде именного приватизационного чека, подлежащего обмену на акции приватизируемых предприятий (т. е. каждый гражданин гарантированно становился собственником доли общенародного достояния). Однако, как утверждает член Конституционного Суда В.О. Лучин, «указом «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» от 14 августа 1992 года Президент заменил именные чеки ваучерами на предъявителя, предоставив возможность спекулянтам скупать у малоимущих граждан ваучеры и с их помощью получать контрольные пакеты акций приватизируемых предприятий. Тогда в силу полномочий, предоставленных Президенту V Съездом народных депутатов РСФСР, такой Указ, изменяющий закон, был легитимным. Но он должен был быть внесен на рассмотрение Верховного Совета, чего, к сожалению, не произошло» [6, с. 5].

Ещё одним грубым нарушением хода приватизации (ст. 17 закона) являлась символическая, смехотворная оценка приватизированного имущества. Директор Института труда министерства труда и социального развития Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор В.В. Куликов резюмирует: «Серьёзнейшие нарушения предусмотренных законодательством процедур делают приватизацию, как и новых собственников, нелегитимными...» [7, с. 11]. Такого же мнения придерживается руководитель Центра мониторинга благополучия регионов Академии труда и социальных отношений Российской Федерации И. Гундаров. Он считает: «Проведённая распродажа госсобственности является нелегитимной, потому что право продажи может дать только генеральная доверенность, роль которой на уровне страны выполняет всенародный референдум, когда не менее 95 процентов населения высказывается в поддержку предлагаемого радикального изменения отношений собственности. Но такого референдума никто не проводил» [8, с. 3].

В целом политика «шоковой терапии» обернулась «шоком без терапии, обусловила двукратный спад объемов производства, разрушение производственного аппарата и гиперинфляцию, привела к полной утрате позиций России на мировом рынке, к колоссальной дифференциации населения по доходам. Ни одна из официально декларированных целей проводимого с начала 1992 г. курса не была реализована. Достаточно вспомнить обещания Б.Н. Ельцина «лечь на рельсы», если будет допущен рост цен, заверения в достижимости быстрой стабилизации экономики, бездефицитности бюджета, конвертируемости национальной валюты при курсе 60–80 рублей за доллар и т.д. [9, с. 32].

Иными словами, политика «шоковой терапии» продемонстрировала свою полную несостоятельность, если, конечно, рассматривать ее с

позиций обеспечения национальных интересов России, а не интересов кучки частных лиц со скрытым двойным гражданством и «чистых» иностранцев, присвоивших огромную часть нашей государственной собственности [10, с. 45]. Таким образом, за годы реформирования Россия была отброшена в своем экономическом развитии на несколько десятилетий назад.

Целый ряд крупных отечественных ученых подчеркивает, что социальное государство начало свой старт именно в советском социалистическом обществе. Директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН Р.Г. Гринберг пишет: «Нельзя отрицать тот факт, что именно в Советском Союзе было построено более или менее целостное социальное государство... Этот факт заслуживает отдельного внимания, потому что в итоге именно социальные преобразования в СССР заставили многие страны Запада срочно усилить внимание к социальной сфере. Первыми здесь следует упомянуть США, которые к разработке системного социального законодательства приступили лишь в 30-е годы XX века» [11, с. 2].

Руководитель Центра методологии социального познания Института философии РАН, доктор философских наук, профессор В.Г. Федотова отмечает, что «в социальном государстве такого типа был заложен принцип солидарности, который сегодня всецело приписывается демократическому социальному государству, возникшему на Западе в период позднего индустриализма. Солидарность предполагала справедливое распределение, сходные для всех условия жизни, стремление к ее улучшению, социальные услуги государства и его значимость в поддержании таких общественных секторов, как образование, здравоохранение, жилищное строительство, развитие средств коммуникации и связи. Государство включало в свою политику заботу о нравственном и культурном развитии граждан, полагая справедливой унифицированную систему среднего школьного образования, единые стандарты квалификации, равное представительство различных социальных групп и слоев населения в общественных и властных органах... Наряду с принципом солидарности в СССР применялся и принцип субсидарности – защиты наиболее уязвимых слоев населения... Такая форма государства стала возможной на почве культуры, в которой идея справедливости и равенства имела первостепенное значение» [12, с. 79].

В результате трансформационной рецессии уровень жизни, если иметь в виду некое усредненное количественное его значение, сократился не менее чем вдвое. Член-корреспондент РАН С.Ю. Глазьев установил причинно-следственные связи между проводимой в России политикой и вырождением населения. Он подчеркивает, что интенсивность ежегодных людских потерь в последние 5–6 лет более чем вдвое превысила потери периода сталинских репрессий и массового голода первой половины 30-х годов [13, с. 19]. За первые три года «реформ» оказались в решающей мере

или полностью ликвидированными гарантии прав граждан на труд и жильё, бесплатное образование и медицинское обслуживание.

Во время «перестройки» и «реформы» главным объектом воздействия было культурное ядро советского общества. Удар оказался столь сильным, что культура России как система была повреждена в целом, во всех ее элементах и связях. В результате «реформ» произошло лавинообразное обрушение всех структур культуры. Культура не только лишилась самого могущественного мецената в лице государства, но и была разрушена управленческая вертикаль, уменьшились численность библиотек, филармонических оркестров, клубов, домов и Дворцов культуры [14, с. 379–493]. Этика любви, сострадания и взаимопомощи ушла в небытие, диктовать стало право сильного. Оттеснили на обочину культуру уживчивости, терпимости и уважения. Серьёзные деформации произошли в российском киноискусстве. Если в советское время на Мосфильме снималось порядка 50 художественных лент и несколько десятков документальных, то сегодня число лент значительно уменьшилось. А идейной доминантой «нового русского» кино стала апологетика насилия и аморализма. Аналогичная ситуация и в театре, где сегодня на театральных подмостках властвует культ обнаженного тела. Особо отметим осуществляемую массивную языковую экспансию, нацеленную на разрушение первооснов русской культуры, на формирование чувства ущербности, неполноценности у носителей русской и советской культурной традиции [14, с. 379–493]. Современный русский мыслитель С.Г. Кара-Мурза отмечает: «Мы переживаем реванш торжествующего хама в самых пошлых и вызывающих проявлениях. Это и архитектура элитарных кварталов и заборов, и набор символических вещей (вроде «джипов»), и уголовная эстетика на телевидении, и повсеместное оскорбление обычаев и приличий. Это и наглое открытое растление коррупцией символических фигур нашей общественной жизни – милиционера и чиновника, офицера и учителя...» [15, с. 158]. Удар нанесен по всей мировоззренческой матрице, на которой собран человек – носитель русской культуры XX века, человек советский. «Средства, которые применялись при подавлении «старой» культуры, зачастую преступны. Из духовного пространства России удалены целые пласты культуры – Блока и Брюсова, Горького и Маяковского, многие линии в творчестве Льва Толстого и Есенина, революционных и советских песен и романсов. Каков масштаб ампутации! То опустошение, которое произвели «хозяева» России за двадцать лет, – особый тип измены Родине» [15, с. 158].

Таким образом, трансформационная рецессия привела к тому, что к настоящему времени в России сложились «новый политический строй и новый экономический уклад, образующие в совокупности авторитарно-олигархическую систему государственного устройства» [17, с. 3]. Однако возникает вопрос: что явилось причиной становления этой качественно новой политической и социально-экономической реальности, закономерен

ли был ход событий? Резюмируя вышесказанное, мы можем с уверенностью сказать, что никаких объективных причин в данных процессах нет. Во всем происходившем «прослеживается преднамеренная разрушительная направленность» [18, с. 31].

Одна из острейших проблем наших дней – непонимание очень многими, откуда исходит реальная опасность для государства и нации. Культура безопасности предполагает глобальное понимание и системные действия, осознание и всем обществом, и каждой личностью смертельной угрозы, нависшей над Россией. Корень проблемы – в необходимости борьбы с невежеством, непросвещенностью, необразованностью, неразвитостью сознания, в том числе и обладателей вузовских дипломов. При этом необходимо подчеркнуть, что никакая личность не в состоянии обеспечить свою безопасность в одиночку, без функционирования отлаженной и устойчивой общественной системы безопасности. Здесь исключительно велика роль сознательного организационного начала. Без него решение русской нацией своих проблем невозможно.

Литература

1. Мэтлок, Дж. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. – М., 2003.
2. Дроздов, Ю.И. Записки начальника нелегальной разведки. – М., 2000.
3. Известия. – 1991. – 29 октября.
4. Правда. – 1996. – 1 июля.
5. Молчанов, А.И. Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до «Беловежской пуши». Т. 3. – Белгород, 2003.
6. Лучин, В.О. «Указное право» в России. – М., 1996.
7. Российский экономический журнал. – 1998. – № 1.
8. Литературная газета. – 2010. – 24–30 марта.
9. Российский экономический журнал. – 1995. – № 1.
10. Молчанов, А.И. Менеджмент: учебно-методическое пособие / А.И. Молчанов, Н.И. Воронежцева, Т.П. Путятин. – Белгород, 2005.
11. Российская Федерация сегодня. – 2009. – № 1.
12. Свободная мысль. – 2002. – № 7.
13. Глазьев, С.Ю. Геноцид. – М., 1998.
14. Шендрик, А.И. Культура в мире: драма бытия: избр. работы. – М., 2007.
15. Кара-Мурза, С.Г. Разрушение культуры // Наш современник. – 2010. – № 2.
16. Осипов, Г.В. Социология и общество. Социологический очерк российской смуты. – М., 2007.
17. Россия в поисках стратегии: общество и власть: Социальная и социально-политическая ситуация в России в 1999 году / под ред. Г.В. Осипова и др. – М., 2000.
18. Российская Федерация сегодня. – 1998. – № 20. – С. 26–31.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ, ИССЛЕДУЕМЫЕ В ЛИТВЕ

Р.М. Вабалайте

Цель доклада – проследить историю философского осмысления общества в Литве и охарактеризовать его нынешние особенности. Некоторые темы, которые в нынешнее время составили бы философское понимание общественной жизни, в Литве рассматриваются с начала XVI века. Под влиянием идей Возрождения и реформации еще в ту историческую эпоху начаты обсуждения вопросов отношений народа и отдельной личности, религиозной терпимости, происхождения гражданского общества. Представители так называемой «второй» схоластики создавали труды по философии морали, политики, права, читали лекции по вопросам социальной теории, основанной на идеях естественного права, нравственных экономических отношений, свободы личности [1, с. 78–86; 135–217; 461–534; 672–676]. Одной из центральных частей философских размышлений социальные и политические теории стали в эпоху Просвещения [2, с. 6–138]. Как и в других странах, социальная и политическая философия развивалась и оказала большое влияние в процессе становления национального самосознания, возрождения и развития независимого государства.

В литовской философии XX века выделились три главных направления обсуждения социальных проблем. Во-первых, это труды, созданные в Литве довоенного времени и в эмиграции, во-вторых, книги и статьи по историческому материализму и, в-третьих, публикации по вопросам философии общества, изданные в вновь суверенной Литве.

В первой половине XX века вопросы социальной жизни разрабатывались в сочинениях по философии культуры, созданных известными философами Стасисом Шалкаускисом и Антанасом Мацейной. Центральной темой обсуждения у них были специфика и назначение национальной культуры. Ни один из них не признавал статуса социальной философии как самостоятельной философской дисциплины. Отсутствие необходимости вводить социальную философию в систему философских наук С. Шалкаускис объяснил таким образом: «Исключив из философии истории предметы, которые входят в часть методологии истории, и из философии общества так же все предметы, которые по существу не являются философскими, мы должны соединить обе эти дисциплины в одну философию культуры» [3, с. 103–104]. В отличие от своего учителя А. Мацейна, он обратил внимание на трудности определения статуса социальной философии и утверждал, что философия общества является специальным исследованием одной из проблем жизни, которое и не составляет отдельной дисциплины, и не вмещается ни в одну из философских дисциплин. Как одна из составляющих частей исследования философии жизни, она связана с уже существующими

дисциплинами: философией культуры, философией религии, философией истории и с новыми темами философского размышления: вопросами народа и пола, которые, как и общество, являются формами человеческой жизни [4, с. 120–124]. Вопросы общественной жизни А. Мацейна обсуждал и в довоенное время, и в эмиграции. В книгах «Социальная справедливость», «Проблема прометеизма» [5] и в многочисленных статьях он исследовал взаимоотношения массы и индивида, народа и государства, политики и права, политики и мировоззрения, анализировал доктрины демократии, либерализма, большевизма и коммунизма. Упомянутые проблемы интересовали и известного литовского философа эмиграции Юозаса Гирнюса. Вопросы социальной философии он обсуждал в сочинениях, которые в наше время считаются трудами по политической философии. Главные из них – это книги «Народ и верность народу», «Идеал и время», статьи «Свобода и судьба», «По вопросу либерализма», «Либерализм и христианство» [6]. Автор разрабатывал идею всё нового и нового творчества настоящего и таким образом вводил историческое измерение существования общества в традиционное христианское понимание вечности. В контексте христианства он осмысливал теории свободы, созданные философами экзистенциализма. Автор критически относился к виталистической ориентации общества, выявил недостатки понятий ценностей в философии прагматизма и утилитаризма. Как и большинство философов эмиграции, Ю. Гирнюс размышлял и о недостатках философии общества, создаваемой в Советской Литве.

Второе из вначале упомянутых направлений – исторический материализм – в Литве не был особо популярным и ничем особенным среди его исследований в других республиках не выделялся. Более актуально заметить, что у некоторых современных авторов старшего поколения связь с идеями и методологией исторического материализма остается. С другой стороны, в их публикациях есть и мысли, совпадающие с теми, которые были сформулированы в довоенной традиции и развиты в эмиграции. Место «советского общества и человека» в новых публикациях заняли «национальное государство», «информационное общество», «общество потребителей», «человек нового качества», «проблема сохранения национальной идентичности в глобальном обществе», изменились цитируемые авторы, но особенности мышления, стремление к «совершенствованию» человека, вера в целесообразность подобных практик и их успех, преобладание декларативных фраз над исследованием проблем и т.п. остались.

Далее внимание необходимо обратить на выделение особенностей третьего, ещё не завершённого, направления. Для философии этого этапа характерна разнонаправленность тематических и методологических подходов к рассмотрению основ общественной жизни. Как уже отмечалось, сейчас продолжают традиции и первого, и второго направлений. Создаются труды, которые можно определить как творческую рецепцию западной философской мысли. Как и прежде,

специальное исследование социальной философии не является популярным. Среди создателей социальных концепций выделяются философ аналитической традиции Альбинас Плешнис [7] и философ политики Витаутас Раджвилас [8].

Положительная черта исследований А. Плешниса – осмысление проблемы статуса социальных ценностей. Обсуждая возможности ее интерпретаций, автор выделяет номиналистические и эссенциалистические теории. В первых – социальные ценности являются принципами, позволяющими эффективно осуществить цели отдельных индивидов, а цели общества в номиналистических теориях вообще не признаются. В эссенциалистических социальных теориях абсолютными ценностями являются качественные характеристики сущности личности и структур общественной жизни. Обсуждая преимущества номиналистических и эссенциалистических теорий, сравнивая проблемы, возникающие у их сторонников, автор разрабатывает критические аргументы против номинализма и пытается доказать отсутствие недостатков в эссенциалистическом христианском социальном учении. Вследствие того, социальная философия А. Плешниса сближается с теологией.

Для концепции В. Раджвиласа характерна критика всех, исследуемых им теорий. Важнейшее разногласие он видит между индивидуалистическими теориями и теориями консенсуса. Отчасти эта дихотомия близка к дихотомии, которую выделяет и А. Плешнис. Индивидуалистические теории, по мнению В. Раджвиласа, встречаются с трудностями объяснения источника норм, связывающих членов общества. Теории консенсуса рассматривают коллективизм как первичную черту индивидов и логически должны прийти к выводу о невозможности даже возникновения конфликта между индивидом и обществом. Недостатками и тех, и других теорий являются их неудачи в объяснении существования норм социальной жизни и их несовместимость с понятием морального субъекта. В первых теориях человек действует только лишь реагируя на все время изменяющееся влияние среды. В теориях консенсуса – он должен признавать благом все то, что таковым считает общество, поэтому цели коллектива не оставляют для отдельной личности возможности выдвинуть свою цель. Ответ на вопрос, в чем основа связи общества и индивида в концепции самого В. Раджвиласа, можно реконструировать, опираясь на его политическую философию. Возможно, что эта связь опирается на «традицию» в авторском понимании этого термина. Традиция, в его понимании, не является естественной, она не сумма общих ценностей и их воплощающих и сохраняющих социальных институций, она поддерживается только в процессе рефлексии и реконструкции. Определяющая черта «открытости» общества состоит в том, что общество является постоянно обновляемым «социальным проектом», оно охвачено никогда не завершаемым движением проектирования. Сущность и основу традиции философ определяет, как: «непрерывно повторяемое движение инерционного торможения, позволяющее рефлексивно конструируемому

проекту социума придать параметры человеческого смысла» [9, с. 168].

Важно отметить, что переход к обсуждению статьи по политической философии в докладе не случаен. В основном философскими исследованиями общественной жизни занимаются литовские ученые, себя определяющие как философов политики. О концепциях общества в Литве между собой дискутируют сторонники различных направлений консерватизма и либерализма. При этом они акцентируют близость современного либерализма и консерватизма и критически относятся к западным и литовским сторонникам интерпретаций «социальности», характерных для постструктурализма и постмодернизма.

Литература

1. Plečkaitis, R. Lietuvos filosofijos istorija. T. I. Viduramžiai-Renesansas-Naujieji amžiai. – Vilnius, 2004.
2. Tunaitis, S. Apšvietos epochos socialinės ir politinės filosofijos metmenys. – Vilnius, 2004.
3. Šalkauskis, S. Raštai. – T. 1. – Vilnius, 1990.
4. Maceina, A. Raštai. – T. 1. – Vilnius, 1991.
5. Maceina, A. Raštai. – T. 2. – Vilnius, 1992.
6. Girnius, J. Raštai. – T. 1–3. – Vilnius, 1991–1995.
7. Plėšnys, A. Socialinės filosofijos pagrindai. – Vilnius, 2011.
8. Radžvilas, V. Moderniosios socialinės teorijos apmatai. – Vilnius, 2001.
9. Radžvilas, V. Konservatizmas šiandien: ideologija ar imagologija? // Tradicijos likimas / Demokratinės politikos institutas; sud. V. Laučius. – Vilnius, 2001. – С. 141–169.

РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е.У. Байдаров

В современную эпоху, когда в мире происходят столь масштабные сдвиги, философско-теоретическое осмысление проблем человека, общества и социальной практики очень актуально и своевременно. Особое звучание приобретает религия как духовная основа человека и социума, так как во многом именно она определяет существование человека и социума, оказавшихся в плену «иллюзий» тех или иных социально ориентированных парадигм.

В условиях продолжающихся процессов глобализации, превращения современного человека в «кочевника», который в поисках лучшей жизни покидает родную страну и оказывается в новой этнокультурной среде, происходит глобальная трансформация цивилизации. Одну из главных «ролей» в этом грандиозном «спектакле» играет религия, воспринимающая глобализацию как в позитивном, так и в негативном аспектах.

По мнению французского политолога и экономиста Жака Аттали,

Колумбы XXI будут исследовать не пространство, а подсознание. Это будут совершенно другие направления экспансии «современной цивилизации», которые приведут к построению иного общества – *номадического*. Человек не будет обременен большим количеством вещей. Миниатюризация, развитие средств связи и техники, совершенствование сферы услуг и дальнейшее развитие общественных отношений сделают индивида более мобильным, способным передвигаться на большие расстояния и гибко приспосабливаться к изменению рабочих нужд. Ж. Аттали видит «современную цивилизацию» эпохи глобализации как демократию без границ в пространстве и во времени. Это предполагает, с одной стороны, что человек будущего отвечает перед поколениями предков и потомков, и это должно заставить человека вновь актуализировать проблему личной самоидентификации в глобальном мире, мире идей и идеологий, традиций и новаций, подталкивая индивида к мучительному поиску своей идентичности. С другой стороны, это будет содружество сообществ, между которыми будет происходить свободная циркуляция товаров, услуг, капиталов и людей.

Роль религии в дальнейшем, как нам представляется, будет только усиливаться. Если в Западной Европе религия теряет свои позиции, то на Востоке она никогда их не теряла. Однако массовая миграция в Европу выходцев с Востока может вернуть в «лоно» церкви и европейских христиан, видящих своими глазами, как новые граждане их стран остаются верны своим религиозным ценностям.

Неудачные попытки политики интеграции мигрантов в европейское сообщество показывают, что заставить вновь прибывших соблюдать права и нормы новой родины весьма проблематично. Все это вызывает неприятие со стороны местного населения. Как быть в этой обстановке? Выход может быть один: познание друг друга, диалог культур и толерантное сознание. Всего этого можно добиться только путем просвещения, в том числе и религиозного.

Проблема религиозного просвещения весьма актуальна и для казахстанского социума. Несмотря на обилие самой различной религиозной литературы на полках книжных магазинов и киосков, познаний в этой сфере общественной жизни у граждан страны не хватает. В чем же причины этой безграмотности?

Как нам кажется, причины этого коренятся в «советской античности» с ее атеистическим мировоззрением и научной картиной мира – картиной, где всему религиозному противопоставляется материалистическая концепция. По-прежнему на слуху лозунг К. Маркса «религия есть опиум для народа». Семена сомнения были столь обильно посеяны в душе и сознании *homo soveticus'a*, что даже по прошествии двадцати лет распада СССР он воспринимает религию «недостойной» своего внимания.

Тем не менее, научное видение мира демонстрирует сегодня плюрализм различных концепций, становится очевидной взаимосвязь материалистического и идеалистического воззрений, рассматриваемых

ранее в качестве антагонистических. Уже в первом приближении вероятное осмысление предполагает взаимодополняемость многообразных подходов при выборе дальнейшего пути развития, соблюдение принципа преемственности – селекцию значимых общественных регуляторов [1, с. 10].

Однако «под лежащий камень вода течет». Это, с одной стороны, связано с социально-экономическими проблемами и крахом экономических реформ, с другой – с изменениями в геополитической конфигурации современного мира, что снова возвращает нас к знаменитой концепции «столкновения цивилизаций» Самюэля Хантингтона.

В этой ситуации «войны всех против всех» потребность в формировании культуры мира, толерантности и диалога культур вновь актуализируется и возвращает нас к поиску некой гармонии во взаимоотношениях между людьми, к поиску компромисса между представителями различных культур и религий. Только глобальный полилог культур и просвещение могут спасти человечество от вселенского апокалипсиса.

Это имеет актуальное значение и для современного Казахстана, где проживают представители различных этносов и групп, а также религиозных конфессий. При этом религиозная идентичность – один из возможных способов духовного соотнесения себя с окружающими людьми (на индивидуальном уровне) и самоопределения целого общества в его соотношении с окружающими социумами (на макросоциальном уровне). Это своего рода способ осознания мира «своей» духовной ориентации в соотнесенности с «иным» контекстом духовности [2, с. 22].

Ведь вся история мировых религий демонстрирует возможность и даже плодотворность взаимопроникновения высоких образцов религиозной духовности. Религиозные деятели мировых и традиционных религий легко находят общий язык в различных уголках мира (как, например, Астанинские форумы лидеров мировых и традиционных религий – 2003, 2006 и 2009 гг.).

Однако, к сожалению, на уровне массового религиозного сознания история изобилует фактами непримиримости и фанатизма. При этом религиозные доктрины зачастую используются политическими элитами в качестве «политических технологий» воздействия на сознание и поведение широких слоев населения. Религия снова, как когда-то, становится действенным орудием социальной и культурной мобилизации в политической сфере. Не случайно, наверное, заявление С. Хантингтона, что «аллергическое детище западной цивилизации, происшедшее после Версальского мира – отделение религии от международной политики – доживает свои дни».

Растущее вмешательство религии в мировую политику показывает, что межцивилизационное столкновение культур и религий вытесняет рожденное Западом внутрицивилизационное столкновение политических идей (С. Хантингтон). Можно, конечно, не соглашаться с этой позицией,

но отрицать значение религиозно-культурного фактора самоидентификации вряд ли стоит. Особенно в условиях, когда основные линии «разломов» и современных конфликтов проходят на уровне межэтнических и межконфессиональных различий. И, думается, что эта тенденция будет нарастать совместно со все более углубляющимися процессами глобализации.

При этом стоит отметить, что речь идет о начальном этапе глобализации, который проходит под флагом массивированного «наступления» Запада, своеобразной новой вестернизации мира, усиленно формирующегося глобального информационно-коммуникационного пространства и импульсов национализма, оказывающего влияние в связи с разрушением биполярного и формированием многополярного мира.

Таким образом, если несколько десятилетий назад казалось, что религия полностью вытеснена на периферию общественной жизни, то в последние годы отношение к религиозным институтам и представлениям в обществе сильно изменилось. Оставаясь, по большей части, объединяющим началом и располагая сложной системой горизонтальных связей и институциональных отношений, религия может служить *эффективным инструментом регуляции глобальных тенденций*. Поэтому проблема мирового развития касается всех, в том числе и религии. «Знаменательно, что именно религиозные конфессии раньше всех провозгласившие интернациональные идеалы братства, теперь оказываются в арьергарде всеобщего устремления к всемирному. Возможно, в этом сказывается характерное для них сосредоточение внимания на внутреннем человеке, пренебрежение всем внешним, а к внешнему относят и проблему социального устройства человечества. Но если взглянуть глубже, если сказать во всеуслышание то, что говорят обычно лишь в узких кругах людей, живущих интенсивной религиозной жизнью, то обнаружится нечто, не всеми учитываемое. Это возникший еще во времена древнеримской империи мистический ужас перед грядущим объединением мира, это неутолимая тревога за человечество, ибо в едином общечеловеческом государстве предчувствуется западня, откуда единственный выход будет к абсолютному единовластию, к царству «князя мира сего», к последним катаклизмам истории и к ее катастрофическому перерыву» [3, с. 61].

Поэтому сегодня просвещение в образовательной сфере требует новых подходов. И религия не исключение. Незнание религиозных традиций представителей других этносов (а ими могут быть твои друзья, соседи, сослуживцы и т.д.) зачастую ставит нас в ситуацию цейтнота, выход из которого не всегда находим. Отсюда религиозный фанатизм, экстремизм, терроризм и другие «измы» нашего бытия.

Введение в средних школах Казахстана предмета «Основы религиоведения» можно только приветствовать. Вопрос только в учебниках. Как написать такой учебник, чтобы не задеть чувства других? Естественно, что данный предмет должен быть сугубо светским, и

преподавать его должны не служители религиозных культов, а специалисты-религиоведы, которых, к сожалению, не так-то и много. Религиоведение надо преподавать не только в школе, но и в вузах страны.

Однако все больше молодежи оказывается втянутой в различные религиозные организации: от псевдорелигиозных до откровенно религиозно-экстремистских. В чем же проблема? Нам все же думается, что она в том, что большая часть молодых граждан страны не чувствует за собой поддержки государства, у нее нет иллюзий в этом отношении. Все требует своего капитального ремонта: начиная со школьной системы и заканчивая системой политической.

Преподавание данного предмета должно стать «окном» в мир иной культуры, воспитать у юных граждан нашей многонациональной страны уважение к традициям, религиозным ценностям носителей другой культуры. Только так мы можем противостоять различным чуждым идеологиям, пытающимся не только расшатать устои казахстанского общества, но и противопоставить нас друг другу. Поэтому религиозное просвещение казахстанцев должно стать приоритетом не только сферы образования, но и государственных структур.

Литература

1. Жусупов, С.Е. Политическая аналитика. Исследования. – Алматы: Arna-b, 2008.
2. Амребаев, А.М. Религиозная идентичность в условиях глобализации // Analytic – Аналитическое обозрение. – 2002. – №2. – С. 23–25.
3. Андреев, Д. Роза Мира и ее ближайшие задачи // Вопросы философии. – 1989. – №12. – С. 58–72.

СОВРЕМЕННЫЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИСЛАМЕ

А.С. Мансурова

Новые исторические условия, в которых оказались различные народы в результате распада Советского Союза, привели нас к переосмыслению тех ценностей, которые навязывались нам на протяжении многих десятилетий. Стало ясно, что духовная и идейная составляющая обществ необходима. По этой причине наряду с ростом национального самосознания начал наблюдаться рост религиозности населения.

Прежде всего, следует уточнить понятие «исламское мировоззрение» - дело в том, что мировоззрение – это система взглядов, понятий и представлений об окружающем мире в целом. Оно включает в себя совокупность всех взглядов на окружающий мир. Если эти взгляды основаны на исламской составляющей, то это и является исламским мировоззрением. То есть взгляды человека на окружающий мир находятся в соответствии с исламской религией и его основополагающими

принципами.

Исламское мировоззрение является монотеистическим, а сам монотеизм выражен в исламе в самом чистом виде. С точки зрения ислама, нет ничего и никого, подобного Богу, и ничто нельзя уподобить Ему. Бог не нуждается абсолютно ни в чем, но все нуждается в нем. Бог всеведущ и всемогущ. Он вездесущ, и нет места, где бы Его не было. В какую бы сторону мы не встали лицом, все равно будем стоять перед Ним. «Он ближе к человеку, чем его сонная артерия» (Коран: сура «Каф», 6).

Характерные особенности исламского мировоззрения – это мир, мирное сосуществование. Согласно толкованию Ахлю Сунны религиозное сознание мусульман должны характеризовать следующие особенности:

- 1) «всеохватность», милосердие и благонравие;
- 2) «восприятие каждого таким, какой он есть» (т.е. неприятие насилия в делах, которые требуют выражения доброй воли, что в первую очередь относится к религии);
- 3) справедливость и признание фундаментальных прав и свобод каждого человека.

Корень слова «ислам» означает «мир, преданность, безопасность, надежность». Следовательно, не олицетворив и не воплотив в жизнь эти понятия, невозможно быть истинным мусульманином. Известный сирийский ученый Рамадан Аль-Бути пишет, что «Ислам не достигнет совершенства (в смысле претворения Ислама в жизнь) до тех пор, пока в человеческую сущность не войдет разум и пока сердцем не овладеют любовь и величие...». Подобному мировоззрению ислама несвойственен «дуалистический детерминизм», т.е. процесс самоидентификации посредством противопоставления себя «чужому», разделение мира на «чужих и своих».

Однако мусульманский мир в данный момент подвержен серьезным политическим, экономическим и социальным кризисам. Как и другие религии, ислам необходимо рассматривать только в свете его собственного контекста, в свете присущих ему форм мышления и понятий (формируемых общим духом Корана и Сунны), а не секулярного и позитивистского контекста, как это часто можно наблюдать. Ислам признает каждого таким, какой он есть и не приемлет насилия в вопросах веры, образов жизни и взглядов, ибо, согласно доктрине ислама, подобное насилие означает неприятие замысла Творца, даровавшего человеку разум и силу воли. В исламе первооснова, основа основ - благое намерение верующего.

Итак, анализ идеологии современного ислама представляется весьма актуальным с точки зрения определения содержания мировидения и миропонимания огромного количества населения нашей планеты, исповедующего ислам. Последние мировые события показывают, насколько важен учет социокультурных особенностей народов, социально-политических движений, идеологических концепций исламского мира. Здесь важны не только социально-политические, этические идеи, мотивы

поведения, но и мировоззренческие позиции верующих.

В этой связи мы с уверенностью можем утверждать, что ислам представляет собой удивительное явление современности. Мусульманство становится важной социальной силой в странах Европы и Азии. Развитие ислама в современных условиях можно объяснить тем, что ислам имеет диалектический характер, который утрачен во многих других религиозных системах. Ислам показывает способность к прогрессу и модернизации в условиях современного техногенного общества. Пример Саудовской Аравии, стран Юго-Восточной Азии ярко показывает, что мусульмане способны воспринять положительные стороны современного мира (научные технологии, система образования и др.), отбрасывая бездуховность на фоне поклонения материальным ценностям.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что исламская религия - одна из духовных основ сегодняшнего мира, которая сможет спасти человечество от надвигающихся глобальных проблем. Обвинения же ислама в экстремизме и терроризме не имеют оснований. Известный мусульманский мыслитель, ученый-социолог Али Булач попытался вывести профиль террористов. Основную массу людей, в той или иной степени замешанных в терроризме или как минимум в актах насилия, можно охарактеризовать следующим образом. «Во-первых, они в юности вели вовсе не праведную жизнь, т.е. их детство и юность не отличалось религиозностью и праведностью, а скорее наоборот, они были далеки от религиозной духовности и морали, дающей направление всей сознательной жизни. Во-вторых, значительная доля этих людей в прошлом придерживалась других мировоззрений, в особенности националистических и марксистских взглядов. В-третьих, многие из них выпускники инженерных факультетов и медики. Юристы, педагоги, журналисты, архитекторы идут вслед за ними. Но среди них вообще нет или встречаются крайне редко в качестве исключения выпускники высших богословских учебных заведений. В-четвертых, они не имели какого-либо серьезного религиозного образования. Следовательно, не стоит удивляться тому, что значительная часть этих людей могла утверждать о том, что «им достаточно их толкования Корана» и они ограничивались заучиванием суры «Тавба». Хотя, как известно любому более-менее сведущему в Исламе мусульманину, Коран, да и вообще Ислам без Сунны Пророка понять невозможно. А сура «Тавба» содержит именно те аяты Корана, которые как раз таки без понимания, прежде всего Сунны и жизнеописания Пророка (с.а.в.), а также истории Ислама, истории ниспослания аятов Корана и других исламских наук, можно растолковать ошибочно, в частности как легитимирующие насилие».

Из вышесказанного можно предположить, что экстремистов и террористов нельзя назвать правоверными. Они нарушают фундаментальные положения исламской религии о мире, терпении и любви. Доказательством того, что современный экстремизм – это принципиальное искажение мусульманства в интересах политических

амбиций некоторых социальных сил, являются и истоки их возникновения. Например, известная организация «Братьев-мусульман» возникла в 1920-е гг. именно в период борьбы за власть в период освободительной борьбы против английских колонизаторов. Учение ибн Ваххаба, основателя ваххабизма, связана с борьбой арабских племен против владычества турецких султанов. Эта борьба привела к тому, что ваххабизм стал влиятельным направлением в исламе и стал теоретической основой религиозного экстремизма и т.д. Итак, религиозный экстремизм – это преступное политическое движение, служащее конкретным социальным слоям и отдельным лидерам, неимеющими ничего общего с истинной религией ислам.

Таким образом, ислам все более укрепляет свои позиции во всем мире - через возвращение старых и возведение новых храмов, через увеличение числа молодежи, обучающихся религии, через интерес людей к исторической правде об этой религии, через повседневный быт, праздники и обряды, и, самое главное, через духовное становление человека, личности. Нравственные ценности религиозно-философского учения ислама в обществе, переживающем духовный кризис, способны благотворно влиять на сознание людей.

РЕСПУБЛИКА МОЛДОВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В.К. Морару

Миграция является в современном обществе одним из характернейших феноменов, глубоко затрагивающих, как повседневную жизнь, так и перспективы развития человечества. Статистические данные свидетельствуют о постоянно растущих пропорциях миграции. Считается, что к началу третьего тысячелетия каждый тридцать пятый житель планеты входил в категорию мигрантов, соответственно, если бы все они, одновременно, оказались на определенной территории, их количество могло бы составить шестую по населению страну в мире.

«Неостанавливающиеся потоки миграции» требуют внимательного осмысления, тем более, что «Третий Мир стучится в ворота Европы, и зайдет, даже если Европа не будет с этим согласна». Итальянский писатель Умберто Эко, которому принадлежит это высказывание, склонен воспринимать соответствующую ситуацию, как данность, констатируя: «Не существует никаких возможностей прервать эту великую миграцию. Просто необходимо готовиться к жизни в новой эпохе истории афро-европейской культуры». Заключение автора опирается на очевидность: европейский континент считается на сегодняшний день наиболее притягательным полюсом мировой миграции – здесь сосредоточено более трети мигрантов в мире за последние годы. На долю мигрантов приходится

более пяти процентов населения Европы. В отдельных странах количество мигрантов может быть достаточно существенным в процентном соотношении: один мигрант на десять жителей страны в Австрии, 8,9% в Германии, 8,4% в Бельгии, 6,4 % в Греции, 5,6 % во Франции, 7,5%, в Италии (а в некоторых ее регионах – до 10%).

Главным мотивом миграции, в подавляющем большинстве случаев, является поиск рабочего места. Впрочем, достаточно выразительное объяснение феномена миграции прозвучало в широко цитируемом высказывании директора Верховного Комиссариата ООН по делам беженцев Мишеля Муссалли: «Не следует забывать о том, что когда мужчины, женщины, дети решают расстаться со своими корнями, это является результатом драматического выбора – они убеждены, что миграция – их единственный шанс на выживание».

Существенные черты происходящих в мире процессов, унаследованные из прошлого века, продолжают и, вероятно, будут определять в предсказуемом будущем комплексную картину миграции, релевантные особенности которой характеризуются следующим:

- фактор глобализации, аннулирующий расстояния, способствуя мобильности населения;

- регионализация миграции: преимущественная мобильность выходцев из Латинской Америки в направлении США; восточноевропейских и североафриканских мигрантов – в страны Европейского Союза; интенсивные миграционные потоки на территории Азии и т. д.;

- количественное ускорение процесса – в мировом масштабе в 1965 г. было зарегистрировано 75 миллионов мигрантов, в 1990 г. - 120 миллионов, в 2000 г. - 200 миллионов, в первом десятилетии XXI века - более 214 миллионов;

- углубление политических, экономических и социальных последствий миграционных процессов;

- последовательная интернационализация экономической и финансовой деятельности;

- пролиферация трудовой миграции;

- усиление женской составляющей миграции;

- нелегальный характер значительной части миграционных процессов;

- проявление элементов циркулярной миграции;

- множественность причин миграции, в том числе вынужденный исход населения в результате бедности, войн, крупномасштабных конфликтов и пр.;

- диверсификация мотивировок миграции;

- «brain drain», утечка мозгов;

- усиливающийся поиск механизмов и решений для оптимизации миграционных процессов и др.

У каждой страны – собственная судьба, и это проявляется также и в

характере миграционных процессов. С этой точки зрения, эволюция Республики Молдова в последние десятилетия имеет свои особенности. Начиная с девяностых годов прошлого века становится очевидной интенсификация миграционной мобильности жителей Молдовы. Миграция становится константой политического, социально-экономического и культурного процесса в республике, серьезной предпосылкой преобразования общества. Именно поэтому осмысление происходящего в рамках миграционных процессов, самым значительным образом затронувших Молдову, представляется необходимым и закономерным.

Идентификация причин миграции, выявление тенденций и последствий, определение наиболее распространенных моделей и стратегий миграции, раскрытие характера трудовой миграции молдавского населения и других аспектов этого неоднозначного и многогранного социального процесса, предпринятые в настоящем исследовании, основанном на данных социологических опросов и широкого изучения социальной действительности, видятся авторам, как необходимая ступень в изучении миграции.

Республика Молдова – новое независимое государство, которое вступило на путь демократических преобразований во всех сферах общественной жизни. Она активно интегрируется в мировое цивилизованное сообщество, в том числе и в международные миграционные процессы. За 20 лет своего развития она столкнулась с многообразием форм современных миграционных процессов.

Распад Советского Союза, утверждение новых независимых государств происходили в острой борьбе, противостоянии различных политических сил, сопровождались обострением межнациональных отношений, нередко вели к этническим и военным конфликтам. Внутренние миграции в рамках СССР постепенно трансформировались в миграционные процессы между новыми независимыми постсоветскими государствами, странами «нового» («ближнего») зарубежья. Это вело, с одной стороны, к свёртыванию традиционных миграций – экономических, семейных, учебных, а также к прекращению службы в армии за пределами республики. С другой стороны, это давало импульс процессам этнической эмиграции, репатриации людей на их историческую родину, появлению массовых потоков беженцев и перемещённых лиц, бегущих от ужасов войны, боевых действий.

После провозглашения в 1991 г. независимости Республика Молдова взяла курс на построение открытого демократического общества. Либерализация процедур выезда, въезда и порядка пересечения границы способствовали более активному включению страны в мировые миграционные процессы. Это привело к раскрепощению миграционного потенциала молдавского населения. С одной стороны, растет эмиграция из Молдовы. С другой стороны, молдавское население начинает все активнее осваивать в процессе миграций (различных по целям) не только известное и достаточно хорошо освоенное по советским временам постсоветское

пространство («новое» зарубежье), но и другие страны, «старое» зарубежье. При этом происходит расширение миграционных мотивов, стратегий выезжающего населения. Помимо традиционной эмиграции на постоянное местожительство все большую роль играют коммерческие (в том числе и «челночные»), деловые, трудовые (во всем многообразии проявления), учебные и другие формы миграции.

Превращение Молдовы в открытое общество привело к новым явлениям в области миграции. Подобно другим постсоветским государствам, Республика Молдова столкнулась с такой формой международной миграции как легальная и нелегальная иммиграция, транзитная миграция. Это явление становится достаточно массовым, обостряющим ситуацию в стране, осуществляющей социально-экономические и политические трансформации.

Разрушение огромного государства с милитаризованной и централизованной экономикой, основанной на административно-командной системе, переход к рыночной экономике в малой стране породили структурную безработицу. Неэффективность экономических и социальных реформ, проведенных в первое десятилетие независимого развития, экономический кризис и спад производства, инфляция, растущая безработица, сокращение расходов на социальную сферу ухудшили материальное положение людей (небольшие зарплаты, выплачиваемые с опозданием, низкие доходы населения), оказали определяющее воздействие на развитие миграционной ситуации в Молдове. Усугубил положение населения региональный финансовый кризис 1998 года. Валовый национальный продукт Молдовы составил в 2000 году 33% от уровня 1990 г.; уровень жизни населения – 19% от уровня 1990 г. За период 1999–2005 гг. бедность населения сократилась с 73% до 28%. С 2004 г. сокращение бедности приостановилась, хотя экономический рост в стране продолжается и составляет ежегодно около 5,5%. Бедность, как отмечают эксперты, даже возросла, особенно в сельской местности.

Люди оказались в условиях выживания по типу «спасение утопающих дело рук самих утопающих». Общая ситуация в экономике содействовала массовому оттоку рабочей силы из Молдовы. Фактически трудовая (и коммерческая) миграция явилась не только средством выживания молдавского населения, но и социальной (а через трансферты от трудовых мигрантов и финансовой – денежным выражением) платой за осуществленные и осуществляемые социально-экономические реформы.

Процессы глобализации и экономической интеграции оказали непосредственное воздействие на стремление людей мигрировать в более развитые и богатые страны в поисках лучших условий для труда и жизни. Более того, процессы интернационализации рынка труда повысили капризность молдавской рабочей силы, которая научилась сравнивать и выбирать, зная, что за один и тот же труд в Молдове получишь меньше чем в России, и тем более в государствах Европейского Союза. Все это оказало и оказывает возрастающее влияние на мобильность молдавской

рабочей силы.

Демократизация страны, пограничного режима в стране укрепили у населения чувство европейской интеграции и идентичности. Сильные стремления стать частью общеевропейского процесса, помноженные на драматические изменения в социально-экономическом положении страны, стимулировали идею покинуть страну практически у каждого жителя Молдовы. Если идея эмиграции, выезда на постоянное местожительство в другую страну, не привлекает каждого молдавского индивида, то стремление временно трудоустроиться за рубежом, заработать денег «там, за бугром», является целью практически всего трудоспособного населения. Низкооплачиваемые работы за границей стоят все равно в десятки раз дороже, чем в Молдове. Люди сознательно идут на различного рода риски и лишения, платят огромные деньги, чтобы выехать на заработки, только чтобы получать не молдавскую заработную плату.

В то же время процессы экономической интернационализации и глобализации, значительный спрос на дешевую рабочую силу в строительстве, в сфере услуг в развитых странах, серьезная разница в оплате труда в стране и за рубежом, стимулируют людей мигрировать в поисках лучших условий для жизни. Демократизация и структурные преобразования в стране, либерализация режима въезда / выезда из Молдовы позитивно воздействуют на мобильность населения, его приобщение к мировому сообществу, укрепляют его способность к адаптации и интеграции в инокультурную социальную среду, раскрепощению менталитета, трудового и интеллектуального потенциала, формируют готовность к риску, предприимчивость, умение надеяться на себя, на свои способности, знания, талант.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

С.П. Чумак

В середине XX века теоретические разработки и эмпирические исследования ученых показали, что в основе экономического роста наряду с традиционными факторами производства – трудом, финансовым и природным капиталом лежат и факторы, которые в совокупности стали трактоваться как технический прогресс и человеческий капитал. Развитие теории человеческого капитала началось в западных странах в 50-е годы прошлого века одновременно с пересмотром фундаментальных положений концепций экономического роста. Это было связано с новыми условиями развития производительных сил, повышением роли невещных факторов развития общества, с особым значением субъективных аспектов экономического роста в условиях инновационного и

конкурентоспособного производства. Отражением изменяющихся объективных условий развития экономики стран явилась попытка более широкой, чем до сих пор принято, трактовки национального богатства и национального дохода, инвестиций и накопления, результатов и источников экономического роста. Впоследствии структурные изменения охватили экономику всех развитых стран, и проблема качества рабочей силы приобрела особую актуальность. Эти процессы потребовали фундаментальной теоретической разработки проблем формирования и воспроизводства способностей индивида с качественными параметрами, соответствующими новым требованиям. Особый вклад в аргументирование концепции человеческого капитала и способствование получения мирового признания внесли представители «чикагской школы» Т.Шульц и Г.Беккер. Идеи, заложенные в теории человеческого капитала, оказали серьезное воздействие на экономическую и социальную политику каждого отдельного государства. Благодаря данной теории вложения в человека стали рассматриваться как источник устойчивого экономического роста наравне с «обычными» капиталовложениями. Впоследствии Т.Шульц, Э. Денисон, Дж. Кендрик и др. произвели количественную оценку вклада образования в экономический рост. Было установлено, что на протяжении XX века накопление человеческого капитала опережало темпы накопления физического капитала. Так, по расчетам, прирост душевого дохода в США в течение послевоенного периода был на 15-30% обусловлен повышением образовательного уровня рабочей силы. Это открытие обеспечило теоретическое обоснование для ускорения развития системы образования и подготовки кадров во многих странах мира. Более того, повышение образованности стало рассматриваться как эффективное орудие борьбы с бедностью, считавшимся более предпочтительным, чем прямое перераспределение доходов.

В настоящее время эффективность экономической стратегии, делающей ставку на инвестиции в человека, подтверждает опыт таких стран как Гонконг, Сингапур, Южная Корея и др., где недостаток физического капитала компенсируется высоким качеством рабочей силы [1, с. 148]. По оценкам Всемирного Банка, в развитых странах именно человеческий капитал вносит сегодня наибольший вклад в создание ВВП - 64%, в то время как вклад физического капитала – 16%, природного капитала - 20%, при этом для развивающихся стран характерна обратная ситуация. Важно подчеркнуть, что к выводу о приоритетности вложений в человеческий капитал пришли ученые-экономисты стран, обеспеченных природными, трудовыми и финансовыми ресурсами. Так, американские экономисты О. Долл и Д. Грейсон отмечали: «Человеческий капитал – наиболее ценный ресурс, гораздо более важный, чем природные ресурсы или накопленное богатство. Именно человеческий капитал, а не заводы, оборудование, производственные запасы являются краеугольным камнем конкурентоспособности, экономического роста и эффективности» [2, с. 196]. Ставка на развитие человеческого фактора как основу

экономического роста особенно важна для стран со слабой обеспеченности природными ресурсами и финансовым капиталом. Человеческий потенциал является стратегическим ресурсом для них, при этом развитие, восстановление и воспроизводство человеческого капитала необходимо для обеспечения эффективного, устойчивого экономического роста.

Для некоторых стран бывшего социалистического лагеря, в том числе Республики Молдова невнимание властей к социальной сфере привело к колоссальному падению человеческого потенциала, как в количественном, так и качественном отношении. Отправным пунктом кризиса стало пассивное государственное регулирование рынка труда, отсутствие индексации доходов и сдерживание роста реальной заработной платы. Заниженная заработная плата стала причиной распространения бедности среди работающего населения, вызвала снижение его экономической активности и массовую миграцию трудоспособного населения. Снижение бюджетных ассигнований в социальную сферу и оттягивание реформ усугубили кризис. Таким образом, главными угрозами полноценному воспроизводству и накоплению человеческого капитала в Молдове являются недооценка стоимости труда, бедность, массовая миграция, недостаточные бюджетные ассигнования на образование и здравоохранение, неэффективность системы социальной поддержки населения. При этом нужно отметить, что экономический рост и сокращение уровня бедности напрямую связаны с использованием человеческого капитала республики, а именно с его экспортом посредством трудовой миграции. Однако в долгосрочной перспективе такое применение человеческого капитала не продуктивно с точки зрения интересов национальной экономики и способствует его растрате.

Решение данных проблем и восстановление человеческого потенциала возможно только путем проведения активной государственной политики инвестирования в человеческий капитал. Для продвижения этой цели целесообразен пересмотр приоритетов расходования бюджетных средств, а также создание условий для привлечения в экономику частных зарубежных инвестиций. Одновременно мерами государственного инвестирования в человеческий капитал могут быть: создание эффективного механизма заработной платы, реформирование систем социальной помощи и налогообложения доходов граждан. Принципом политики инвестирования в человеческий капитал должна стать паритетность прожиточного минимума, минимальной заработной платы, минимальных социальных гарантий и личного освобождения граждан при уплате подоходного налога.

Для выработки мероприятий по стимулированию инвестиций в человеческий капитал необходимо прежде выявить суть категории «человеческий капитал» и ее основные характеристики. *Человеческий капитал* обычно рассматривают как совокупность созидательных способностей, личных качеств и мотивации индивидов находящейся собственностью, накапливаемой за счет инвестиций, используемой в

национальном хозяйстве в течение определенного периода времени с целью получения ими дохода и содействия росту национального богатства. Являясь частью совокупного капитала, человеческий капитал представляет собой накопленные затраты общества и носителя человеческого капитала на общее образование, специальную подготовку, здравоохранение и перемещение рабочей силы.

Принято считать, что основными принципами концепции человеческого капитала, которые необходимо учитывать при разработке политики инвестирования в человеческий капитал, следующие:

- человеческий капитал является главной ценностью современного общества и основополагающим фактором экономического роста;

- формирование человеческого капитала требует значительных затрат как от самого индивидуума, так и от общества в целом;

- человеческий капитал может быть накоплен, а именно индивидуум может приобретать определённые навыки, способности, улучшать своё здоровье;

- инвестиции в человеческий капитал приносят более высокий доход его обладателю, а обществу дают продолжительный и интегральный социально-экономический эффект;

- инвестиции в человеческий капитал носят длительный характер: инвестиции в капитал образования имеют период 12-20 лет, а в капитал здоровья вложения производятся на протяжении всего периода жизни человека;

- человеческий капитал неотделим от его носителя - человеческой личности;

- функционирование человеческого капитала и степень отдачи от его применения зависят от индивидуальных интересов человека, его предпочтений, материальной и моральной заинтересованности, мировоззрений, от общего уровня его культуры.

Человеческий капитал в силу своей природы, экономического происхождения и особенностей воспроизводства находится в области естественного регулирования государства, бизнеса, отдельного индивида и общества в целом. Особенность воспроизводства человеческого капитала состоит в том, что в случае отсутствия соответствующей поддержки, он может быть утрачен в течение весьма короткого срока, поэтому одной из важнейших предпосылок успешного развития современного государства является существенный вклад в человеческий капитал.

Литература

1. Нуреев, Р.М. Экономика развития. Модели становления рыночной экономики / Р.М. Нуреев. – М., 2001.
2. Долл, О. Американский менеджмент на пороге XXI века / О. Долл, Д. Грейсон. – М., 1991.
3. Ильинский, И.В. Инвестиции в будущее: образование в инвестиционном воспроизводстве. – СПб, 1996.

EXTRACTION LEVEL AND ITS INFLUENCE ON PRICE TREND

M. Bulearca, C. Popescu

Introduction

Economic analysis of extractive industry is fundamentally different from the analysis of agriculture, manufacturing and services. The main reason is that the mineral resources are exhaustible resources. In other words, in mining industry an initial stock of reserves will exhaust in time. If we start from the premise that the owner of a resource, like any other owner, is seeking for maximum gain, then it must consider specific factors, unique in the mining industry.

One of the objectives of Hotelling's research was to examine the optimal level of extraction of non-renewable mineral resources in terms of government which wanted to maximize social welfare by exploiting these resources.

Political and economic principles of pricing in mining industry

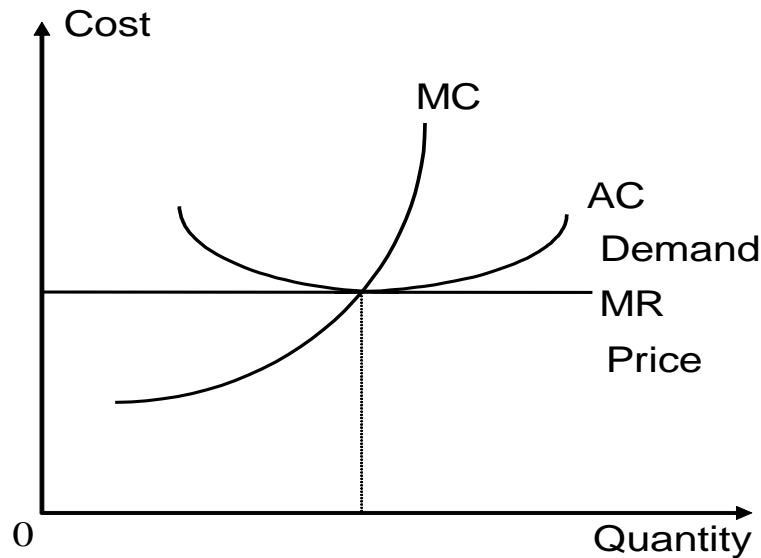
Given the premise that the owner of a resource, like any other owner, is seeking for maximum gain, in other sectors, the profit will be maximized by operating at a level where the marginal cost of supply equals marginal revenue (figure 1).

Scholars in mining economics states that this type of curve policy was the base ground for «maximum recovery efficiency» programs widespread in actions of regulating the extraction of oil in the U.S., where production is recommended to be set at minimum average cost in the long term. As will be demonstrated below, this statement is valid only in the special case where the profit rate is zero.

On February 3, 1977, two years before the outbreak of the second energy crisis of the '70s, the *Wall Street Journal* front page article said: «The waiting game: natural gas reserves are not operated as producer expects profitable prices». A few weeks thereafter, U.S. Secretary of Interior had warned the companies that lease federal oil and gas that they must explain the reasons for not producing, if not, being forced to cancel their lease arrangements.

Mining economics claims that revenues that could arise from current extraction should be large enough to cover the marginal cost of extraction and the marginal cost of the user. This leads us to the law known as the «economic fundamental principle» of the mining industry stated by Hotelling. For extraction to be justified, it means that net resource market price (net cost of extraction) should grow in line with market rate of return.

Figure 1. The profit that maximizes non-extractive sectors production under competitive market conditions (MC = marginal cost, AC = average cost, MR = marginal reserve)

This principle can easily be assimilated if we imagine two situations:

Suppose the market price minus the cost of resource extraction has a value which is lower than the market rate of return. What will be the most appropriate action for the resource owner? If it seeks to maximize profit, *ceteris paribus*, he will extract and sell its stock as soon as possible, investing profits elsewhere, e.g. in term deposits.

If we assume that the market price minus the cost of extraction has a value which is higher than the market rate of return, then the best decision of the owner of the resource is that it does not exploit the reserves it held, having better returns in other investment alternatives.

Therefore, a net price which amounts to market profit rate is the equilibrium condition.

Formally, the economic fundamental principle can be obtained from a number of simplifying assumptions:

- resource owner has a fixed stock of non-renewable resources, say oil, and wants to deplete its reserves at a rate that renders maximum profit, i.e. the owner wants to maximize the present value of its income resulting from the extraction in time of its reserves;

- resource quality (here, oil) is uniform at all points of extraction;

- extraction cost is constant.

In these circumstances, the profit function to be maximized is of the form:

$$\pi = P(o)Q(o) - C + P(1)Q(1) - C \bar{(1 + \gamma)}^{-1} + P(2)Q(2) - C \bar{(1 + \gamma)}^{-2} + \dots + P(T)Q(T) - C \bar{(1 + \gamma)}^{-T} \quad (1)$$

under a stock constraint:

$$Q(o) + Q(1) + \dots + Q(T) = \bar{Q} \quad (2)$$

or as a restricted form:

$$\max \sum_{t=0}^T \pi(1+\gamma)^{-t} = \sum_{t=0}^T \underbrace{P(t)Q(t) - CQ(t)}_{\text{profit}} \underbrace{(1+\gamma)^{-t}}_{\text{discount factor}} \quad (3)$$

under a stock constraint:

$$\sum_{t=0}^T Q(t) = \bar{Q} \quad (4)$$

where:

– = discounted profit function;

P (t) = resource price at time t;

C = cost of extraction, is constant;

Q (t) = amount extracted at time t;

t = time in years;

T = number of years of reserve service, for example, horizon provided or the depletion of the reserve period;

– = rate of return;

\bar{Q} – total stock (total reserve).

By using Lagrange multiplier method, the growth function becomes:

$$L = \sum_{t=0}^T P(t)Q(t) - CQ(t) (1+\gamma)^{-t} + \lambda \left[\bar{Q} - \sum_{t=0}^T Q(t) \right] \quad (5)$$

Differentiating compared with Q (t) being zero, we obtain:

$$\frac{\partial L}{\partial Q(t)} = P(t) - C (1+\gamma)^{-t} - \lambda = 0 \quad (6)$$

which means:

$$P(t) - C (1+\gamma)^{-t} = \lambda$$

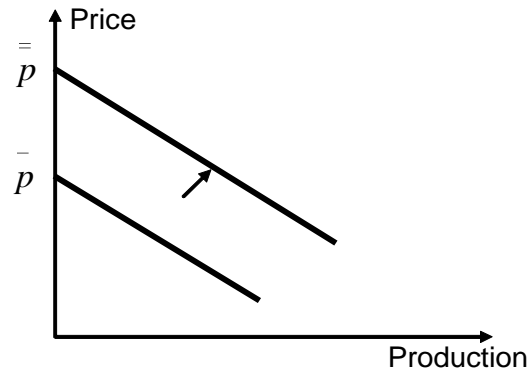
$$\text{or: } P(t) - C = \lambda(1+\gamma)^t \quad (7)$$

The left side represents the net price of the reserve (net cost of extraction), and the right side is the resource rent. Equation (7) shows that price minus extraction cost increases linearly with the market rate of return, a truth we were seeking to demonstrate for the mining industry case.

Relationship between the level of extraction and price trend resulted in time

Now, suppose that the entire mining industry faces a linear demand curve downward (see figure 2). Obviously, with higher production of that industry, the production will lower the price at any time. One must underline some aspects of it.

Figure 2. Demand for mining production and the cancellation price

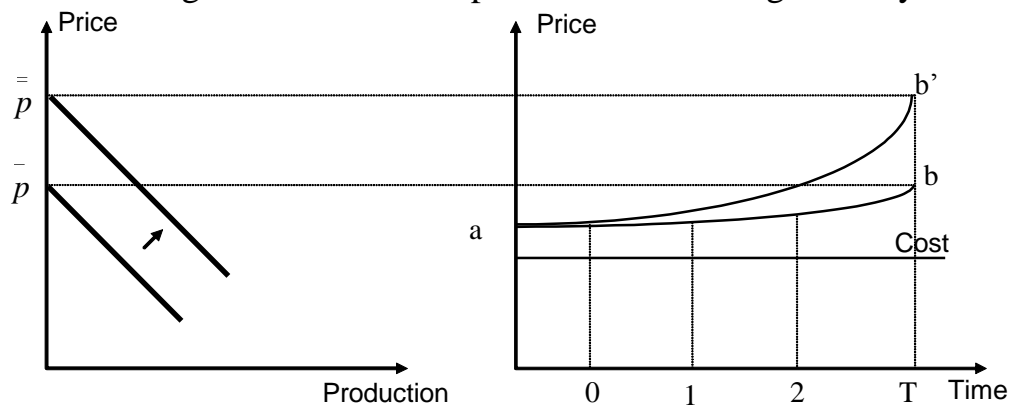
First, the industry must reduce the amount extracted in each moment of time to secure to obtain higher prices implied by equation (6), i.e. the net price should increase over time in linear relationship with rate of return. This happens only when the extraction level decreases. Therefore, extracting the following year must be less than the production of this year to ensure that the price will rise sufficiently to satisfy equation (6).

Secondly, with this curve type there is a price level at which nobody wants to buy production. Called the cancellation price, this means that demand for these products is zero while reaching its level.

Thirdly, if there are other reserves remaining in the ground when its price reaches its critical level, in terms of mining, they represent losses as it sells at that price or below it. Obviously, these reserves can be stored at a reduced price, where the industry will get losses.

In light of these facts, resource owners want to make sure that the reserves they own will have full-time depletion before the cancellation price is reached, for which they will adopt a plan to decrease production levels at each time point, which in time will ensure a certain tendency in price. For this, the forecasting and production level need to be established simultaneously, situation presented in figure 3.

Figure 3. Production-price trend in mining industry

Cancellation price on the left becomes ceiling for the right diagram, i.e. the price will reduce demand to zero. Therefore, the reserve will be exhausted

even before it reaches this point. Justification for this claim is that when the price becomes prohibited, buyers will turn to a resource-alternative, which is a substitute.

The cost of extraction, which is constantly, is illustrated by the horizontal line «c»; "ab" is the price trend obtained by reducing production at every time point. The difference between the price line (ab) and cost (c) is the resource rent that is growing at a rate equal to market profit in a perfectly competitive economy. If the demand curve slides left to right, then right ceiling is above, allowing resource owners to obtain a higher rent in time.

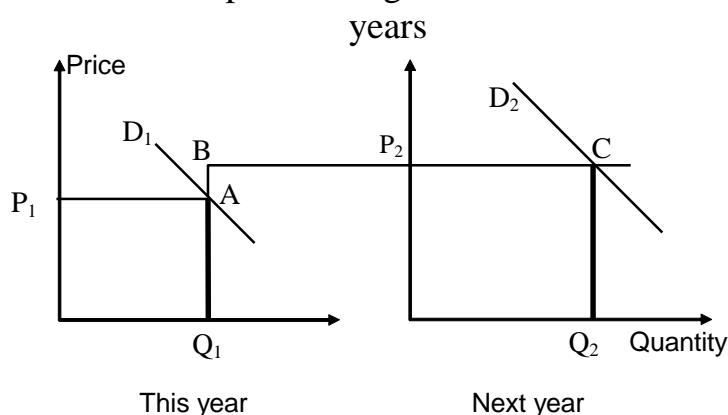
We emphasize that at a given value "ca", which is the original rent, it can be a similar pattern "ab" through a process with errors. If this trend reaches the cancellation price earlier than depleting reserves, then the objective is to have higher prices at each time point and the owners will get higher royalties. On the other hand, if some owners will still have grounded stocks while cancellation price is reached, then they will be forced to reduce royalties. In this way, a trend more or less consistent with "ab" is proving to be an iterative process.

Dynamic price fixing efficiency of non-renewable resources

How high can the price be set at a non-renewable resource to ensure that our future demands will be met? Although a difficult question, we can isolate some of the problems by considering the following example.

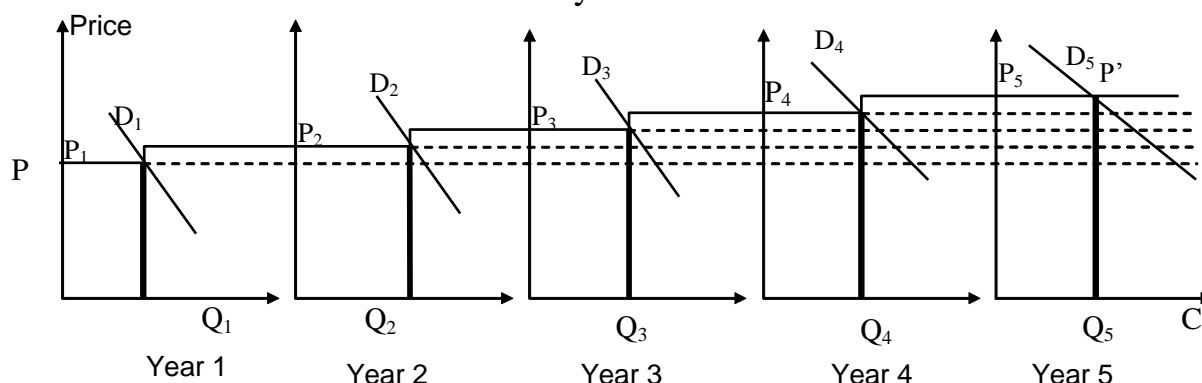
Suppose we have a limited amount of metal that will be completely replaced within two years by a cheaper substitute of plastic of the same quality. In this case, the objective is to fully use the metal in the next two years in the most efficient manner (as cheaper plastics will become available when it is no longer necessary to store any quantity of metal after that date). How should we set the price in the following year so as to accomplish the objective? The answer is shown in figure 4.

Figure 4. Rule of effective price-fixing of a non-renewable resource for two years

The rule of effective price fixing requires that interval AB between prices in the two years to equal the rate of profit. Efficiency also requires that the amount of resources used (Q_1+Q_2) is equal to the total available quantity. Worth noting that there is no reason for D_1 and D_2 to be the same; in fact, they are almost different in situation shown figure 5.

Figure 5. Rule of effective price-fixing of a non-renewable resource for five years

Situation shown in figure 5 extends the analysis presented in figure 4. Determination of rule of effective price-fixing and resource utilization in time can be viewed while fitting a "price level" PP' to demand curves with the restriction that $Q_1 + Q_2 + Q_3 + \dots$ to equal the amount (C) of the total available resource. As before, the scale height of each step is the rate of return.

Let choose prices P_1 and P_2 in the two years so that the following conditions are met:

1. The quantities used in the two years to accumulate exactly as $Q =$ total quantity available. That is:

$$Q_1 + Q_2 = Q$$

2. Price P_2 must be greater than P_1 , by an interval AB equal to the rate of return. So if the profit rate is 5%, P_2 should be 5% higher than P_1 .

Why this rule results in a price efficient allocation of the resources in time? Why, in particular, should the prices be lower this year and bigger next year? The answer is that there is an advantage to have assets or productive resources this year than next year. If we have productive resources this year, we can harness the capital and will allow us to produce more next year.

For example, we have the option (1) to use 100 tons of steel to produce cars, refrigerators and other consumer goods this year, or option (2) to use 100 tons of steel to produce machine tools and equipment that allow us to have 105 tons in the year. We can now choose between 100 tons and 105 tons next year. The profit rate is a measure of quantity (size) of additional assets that we have by waiting. In other words, is a measure of the advantage of having assets currently (now) than in the future.

The most effective rule of price fixing will reflect this advantage of the products now compared to future products. In the particular case shown in figure 4, where the demand curves are the same this year and next year, is more efficient to use more this year (Q_1) then the following year (Q_2). In the general case, where demand curves do not vary from one year to another, the price should increase with the size of the profit rate in order to have an efficient allocation of resources over time.

To fix the message shown in figure 4, a fixed quantity of this resource is efficiently allocated if we use Q_1 this year and Q_2 next year. This is the situation that occurs in competitive market economy where prices P_1 and P_2 are those of the two years. We will not pretend that this is the right price rule that should prevail; it might not be so.

For example, if the supply of this resource is controlled by a small number of producers, they can, like any other oligopolists, to use their market power to set prices above P_1 and P_2 . In fact, using higher prices, some of these resources will be exhausted by the end of year 2, when they will be replaced by substitutes. However, oligopolists can still have maximized profits due to increased prices of the quantity that they really sell now.

The analysis shown in figure 4 assumed that the resource will be completely substituted in two years, while the analysis shown in figure 1.6 extends as if the resource is replaced in a longer period.

The situation presented in figure 5 assumed that the resource is replaced by a substitute after four years. That does not mean that a substitution eliminates all demand in the coming years. In fact, there is still a demand for metal in year five, namely D_5 . However, this demand is under the price of P_5 as the cheap substitute stopped the demand for this metal.

Of course, another reason for the demand to be stopped may be that the public feels no taste for this resource; so the use of these resources could be stopped for this reason too. An example is coal. Domestic ovens were converted from coal, about 50 years ago, not only because was developing its replacement by gas and oil, but because people no longer wanted to burn coal.

Conclusions

In conclusion, we have here three serious but unpredictable influences that may affect the rule of effective price fixing:

1. If the existing reserves of a resource appears to be lower than originally estimated, will result a smaller quantity Q to be distributed (shared) in time, and the entire PP' prices "scale" will shift up (as the occurrence of the phenomenon, worth noting how the amount used in each year shall be reduced "in line" with the reducing of total quantity Q). On the other hand, if new deposits are discovered, will be a larger available amount Q and the prices "scale" will shift down.

2. If an unexpected change in demand occurs, PP' prices "scale" will shift again. For example, if future demand will be higher than expected, the price "scale" will shift up.

3. If substitutes are developed faster (or less quickly) than expected, prices "scale" will shift up (or will shift down, respectively). It is very difficult to correctly predict the exact moment for appearance of substitutes.

Therefore, in practice it is very difficult to capture the specific mode for the rule of effective price-fixing and allocating of any resource.

References

1. Barnett, H (1979), Scarcity and growth revisited, in Scarcity and Growth Reconsidered (editor V.K. Smith), Johns Hopkins University Press, Baltimore, MD.
2. Barnett, H. and Morse, C (1963), Scarcity and Growth: the Economics of Natural Resource Availability, Johns Hopkins University Press, Baltimore, MD.
3. Bator, M.F (1958), The anatomy of market failure, in Quarterly Journal of Economics, 72.
4. Beenstock, M (1983), Pull the plug on OPEC, in The Guardian, 30 november.
5. Bolin, B (1992), Economics, energy and environment, in FEEM Newsletter, vol.2 July, FEEM, Milano.
6. Douthwaite, R. (1992), The Growth Illusion, How Economic Growth has Enriched the Few, Impoverished the Many and Endangered the Planet, Lilliput Press, Dublin.
7. Friedman, M (1953), Essays in Positive Economics, University of Chicago Press.
8. Hartwick, J.M. and Olewiler, N.D (1986), The Economics of Natural Resource Use, Harper & Row, New York.
9. Home, C.N (1979), Natural Resources Economics, Issues, Analysis and Policy, Wiley, New York.
10. Hotelling, H (1931), The Economics of Exhaustible Resources, in Journal of Political Economy 39, London.
11. Jeffrey, J (1991), Business Forecasting Methods, B. Inc. Oxford.
12. Johansen, L (1982), Econometric Models and Economic Planning and Policy, University of Oslo.
13. Kula, E. (1989a), The modified discount method – comment on comments, in Project Appraisal nr.3.
14. Kula, E. (1994), Economics of Natural Resources, the Environment and Policies, Second Edition, Chapman and Hall, London.
15. Lombardini, S (1992), Transition to a market economy and environmental problems, FEEM Newsletter, vol.2, July, FEEM, Milano.
16. Mckelvey (1972), Mineral resource estimates and public policy, in American Scientist, 60.
17. Meade, J (1981), Economic Policy and the Threat of Doom, in A. Butlin (editor) – Economics and Resources Policy, Longman, London.
18. Meadows, D.H (1972), coordinator, The Limits of Growth, Universe Books, New York.
19. Olsen, M. and Zeckhauser, R (1970), The efficient production of external economies, in American Economic Review nr.60.
20. OPEC (1982), A Comparative Statistical Analysis, Carl Verberreter Ges, Vienna.
21. OPEC (1988), Facts and Figures, the Secretariat, Vienna.
22. Pearce, D.W (1981), The Dictionary of modern economics, MacMillan Press, London.
23. Pearce, D.W (1983), Cost-benefit Analysis, Second Edition, MacMillan, London.
24. Pearce, D.W. and TURNER, R.K (1990), Economics of Natural Resources and the Environment, Harvester Wheatsheaf, London.
25. Rajaraman, I (1976), Non-renewable resources: a review of long term projects, in Futures, 8.
26. Ricardo, D. (1817), Principles of Political Economy and Taxation, republished by Pelican Books, London, 1971.

27. Samuelson, P.A. and NORDHAUS, W.D (1992), Economics, 14-th Edition, McGraw Hill Book Co., New York.
28. Smith, L.G (1993), Impact Assessment and Sustainable Resource Management, Longman Scientific and Technical, Harlow, England.
29. Smith, V.K (1979), Scarcity and Growth Reconsidered, John Hopkins University Press, Baltimore, MD.
30. Tietenberg, T (1992), Environmental and Natural Resources Economics, Third Edition, Harper-Collins, New York.
31. Wannacott, P. and WANNACOTT, R (1986), Economics, Third Edition, McGraw Hill Co., New York.

REORIENTAREA OCUPAȚIONALĂ A FORȚEI DE MUNCĂ ROMÂNEȘTI ÎN CONTEXTUL INTEGRĂRII ÎN UNIUNEA EUROPEANĂ

C. Neagu, M. Bădileanu

Tratatul de Aderare la Uniunea Europeană (art. nr. 7) definește piața muncii din Uniunea Europeană ca pe un spațiu fără granițe interioare, unde este asigurată libera circulație a persoanelor, mărfurilor, serviciilor, capitalurilor. Orice nou venit într-un asemenea spațiu nu poate reuși dacă nu dispune de o anumită strategie de intrare. Un spațiu economic integrat presupune existența unui grad ridicat de complementaritate între componentele sale. Pe de altă parte, acolo unde nu funcționează principiul complementarității, avem de-a face cu principiul similarității, cel care duce la competiție și progres. Ambele principii sunt active pe piețele muncii din Uniunea Europeană.

Prin urmare integrarea economică efectivă a României în Uniunea Europeană, care va urma aderării din ianuarie 2007, impune realizarea și aplicarea unei strategii în planul ocupării forței de muncă, prin analiza atentă și valorificarea tuturor oportunităților ce apar în cadrul complementarității dar și similarității organizării piețelor muncii. Procesul de adaptare spontană care are loc în prezent pe piața românească a muncii, nu poate fi lăsat la discreția exclusiv a forțelor pieței. Schimbările ce se produc în domeniul ocupării din România ca urmare a restructurărilor impuse de reformă trebuie să fie controlate la nivel macroeconomic, prin aplicarea unei politici economice și sociale care să apropie realitatea economică românească, pe de o parte, și reglementările românești ale pieței muncii, pe de altă parte, de realitatea actuală din spațiul Uniunii Europene.

Deosebirile structurale substanțiale existente în prezent între profilul ocupațional al forței de muncă din România și cel existent în țările Uniunii Europene trebuie să constituie punctul de pornire în elaborarea unei strategii de reorientare a forței de muncă disponibilizate, prin proiectarea unor politici economice și sociale care să amelioreze, în timp, actualele disproporții. Acest lucru este necesar deoarece tendințele actuale de pe piața românească a muncii semnifică adâncirea acestor disproporții în viitor, fără ca acest lucru să ducă la

structurarea unui cadru de complementaritate a profilului ocupațional românesc în raport cu cel dominant în spațiul Uniunii Europene.

În ultimii ani, în România, a avut loc o accenturare a disproporțiilor existente, comparativ cu Uniunea Europeană, în ceea ce privește structurile ocupaționale ale forței de muncă. Cea mai îngrijorătoare evoluție constă în migrația populației active calificate, spre activități și angajamente ce necesită un grad mai scăzut de pregătire profesională, spre economia subterană sau spre agricultură.

Recuperarea decalajelor structurale existente între România și țările din Uniunea Europeană este un proces de durată, care impune costuri sociale ridicate. Această recuperare trebuie să se realizeze numai după elaborarea unei strategii clare de acțiune care să țină cont de realitățile românești în dinamica lor previzibilă și de modul în care aceste realități pot fi influențate în sensul dorit. În acest context trebuie avute în vedere, în egală măsură, și relațiile noi care se vor configura în timp, între ocuparea forței de muncă și dezvoltarea regională a României. În fiecare județ al țării criza utilizării forței de muncă are un profil specific, în funcție de caracteristicile și gradul de maturitate ale economiei locale.

În ceea ce privește utilizarea capitalului uman, atenuarea disparităților regionale va depinde, în mod hotărâtor, de tipul de politică economică adoptat în acest sens. Acesta va depinde, la rândul său, de forțele interne și externe ale presiunilor ce acționează în sensul aplicării sau frânării unor restructurări economice, și de implicarea bugetului public în susținerea acestor restructurări.

Din experiența țărilor ce compun Uniunea Europeană rezultă că procesele de integrare nu au putut reduce în mod substanțial nici dificultățile de dezvoltare regională din interiorul fiecărei țări și nici decalajele economice dintre țări. În cazul României este de așteptat ca în urma integrării în Uniunea Europeană, cel puțin într-o primă fază, să aibă loc atât o adâncire a disparităților economice regionale, în primul rând, prin accentuarea disparităților ocupaționale, cât și o creștere a decalajului economic față de țările concurente. Cele mai puternic afectate de acest fenomen ar putea fi județele Tulcea, Ialomița, Giurgiu unde există și în prezent unele premise mai slabe de dezvoltare. Cele mai avantajate vor fi Municipiul București și județele Cluj și Timiș, care dispun în prezent de un potențial economic și uman superior altor județe.

Începând cu anul 1990, România și Bulgaria au început să treacă la ajustări economice structurale rapide. Acest lucru a însemnat schimbări în structura ocupării și a cererii de forță de muncă determinând schimbări în ponderea ocupării pe sectoare și în cererea pentru grupuri ocupaționale și calificări (niveluri educaționale). În această perioadă cererea agregată de muncă a scăzut în multe țări determinând rate ale șomajului înalte și persistente sau rate crescute de inactivitate. Aceste scăderi în cererea de muncă a fost cauzată în principal de cerințele impuse de recuperarea nivelului productivității, precum și de schimbări în structura sectorială a economiei.

După anul 1995 cele mai multe economii au obținut performanțe relativ bune cu privire la creșterea PIB total (comparativ cu UE) dar această creștere nu

a fost suficientă pentru a compensa scăderea nivelului angajării generat de schimbările structurale și tehnice.

În cadrul prezentat al creșterii PIB, recuperarea productivității și schimbările structurale sunt principalele componente care sunt utilizate pentru prezentarea scenariilor viitoare. Ideea de bază poate fi rezumată astfel: toate țările au niveluri reduse ale productivității în comparație cu UE, iar proporția schimbărilor tehnice și recuperării este înaltă.

Dacă aceste țări tind la nivelurile de productivitate ale UE, nivelurile reale ale venitului sunt deasemenea modificate, ceea ce implică schimbări atât în cerere, cât și în structura producției.

Trebuie luate în calcul unele deviații potențiale de la modelele comune, generate de specificul țărilor (avantaje comparative, politici ale bunăstării). Schimbările în nivelurile productivității și reflectarea în structura producției implică modificări în nivelul și structura ocupării.

Principalele rezultate care se desprind din scenariile dezvoltării viitoare în noile țări membre pot fi rezumate astfel:

– În termenii ocupării agregate, cele mai avansate dintre aceste țări (Cehia, Slovenia, Slovacia, Ungaria) vor intra în următorii ani, în faza de creștere a ocupării prin rate reduse (astfel rata șomajului și/sau inactivității rămâne ridicată). Altele (Polonia și Țările Baltice) vor înregistra un declin modest cu ajustări structurale care vor avea loc din cauza ponderii mari a ocupării în agricultură. Bulgaria și România se vor confrunta cu un declin sever al ocupării și ponderii inițiale mari a agriculturii.

– Schimbările structurale prevăzute de modelele ocupării sunt foarte asemănătoare în cadrul țărilor analizate și anume ponderi reduse ale ocupării în agricultură și industrie și ponderi mari în servicii – tendințele recente este posibil să continue datorită creșterii diferite a productivității între cele trei sectoare ca și a ratei de creștere a valorii adăugate.

– În legătură cu categoriile ocupaționale, grupurile afectate cel mai mult de restructurare vor fi lucrătorii manuali calificați și necalificați. Pentru primul grup, reducerea cererii se prevede pentru toate țările, pentru cel de-al doilea declinul va avea loc în toate țările cu excepția Cehiei, Ungariei și Slovaciei. Cererea pentru alte grupuri ocupaționale este prevăzută, în cele mai multe cazuri, să nu scadă.

– În legătură cu scopurile educaționale există o imagine clară: vor fi vizați lucrătorii cu nivel scăzut de educație. Cererea pentru această categorie are un succes deosebit în Cehia, Ungaria, Slovacia și slabă în Slovenia și Estonia. Un pronunțat declin este preconizat în cererea pentru forță de muncă cu pregătire redusă în țările în care cererea pentru alte grupuri educaționale rămâne neschimbată sau crește puțin.

– Rata ocupării este de așteptat să se reducă mai puțin pentru grupurile cu nivel de pregătire ridicat, confirmând tendințele recente în participarea la educație peste de nivelul de bază al școlarizării, reflectând o scădere a ofertei comparativ cu cererea de forță de muncă, în ciuda reducerii celei din urmă în cele mai multe țări. Cu alte cuvinte, forța de muncă cu educație redusă va fi în

scădere deoarece persoanele mai în vârstă, din care un număr considerabil au numai educație primară, se pensionează, iar grupa de tineri cu educație mai ridicată îi înlocuiește pe aceștia. Dimpotrivă, cazul contrar apare în ceea ce-i privește pe cei cu nivel mai înalt de pregătire. Cu toate acestea, rata ocupării a celor cu nivel scăzut de educație este prevăzut să rămână redusă chiar dacă puțin mai mare decât în prezent.

Concluzii

– Din analiza întreprinsă rezultă că scopurile politicilor trebuie să fie facilitarea și sprijinirea schimbărilor structurale ce se vor produce, reducerea efectelor adverse asupra indivizilor care-și vor pierde locurile de muncă și care vor întâmpina dificultăți în găsirea altora noi, precum și de a contracara problemele apărute în regiunile puternic afectate de declinul activităților;

– Atingerea acestor scopuri presupune un pachet de măsuri orientate atât spre indivizi și spre creșterea potențialului acestora de angajare, cât și spre regiuni și întărirea perspectivelor acestora de dezvoltare economică. Aceste măsuri trebuie combinate cu politicile macroeconomice aplicate pentru susținerea creșterii, politicile de mediu pentru asigurarea creșterii durabile și politicile de securitate socială care să protejeze pe cei fără loc de muncă. Acestea presupun, de asemenea, necesitatea de a fi elaborate corespunzător specificului necesităților și circumstanțelor noilor state membre, care, de cele mai multe ori, diferă în multe domenii de țările UE;

– Pachetul de măsuri vizează: introducerea sistemelor de educație și pregătire concordante cu nevoile pieței muncii; ajutorarea șomerilor și a celor dezavantajați să-și găsească loc de muncă; asigurarea de sprijin pentru dezvoltarea de noi afaceri și crearea de IMM-uri; creșterea flexibilității programelor de muncă și oportunităților pentru munca în regim part-time; încurajarea ISD și creșterea atractivității regiunilor sărace pentru investitorii străini; înlăturarea inegalităților structurale dintre regiuni și a altor obstacole pentru a realiza un model mult mai echilibrat de dezvoltare regională și de ocupare;

– Introducerea sistemelor de educație și pregătire va avea ca efect creșterea numărului celor care vor trece de la nivelul secundar la cel superior de educație; introducerea programelor de pregătire elementară pentru aceia care sunt puțin orientați spre ocupații specifice; reducerea numărului mic, dar relevant al celor cu educație redusă și fără o calificare adecvată; creșterea numărului celor care participă la pregătirea continuă pentru a-și adapta aptitudinile și cunoștințele la nevoile pieței muncii.

– O importanță deosebită o prezintă perspectivele de ocupare a persoanelor în vârstă, mulți dintre acestea având niveluri reduse de educație, o mare parte dintre ei fiind șomeri (în noile state membre), iar majoritatea dintre aceștia depășesc 50 de ani. Există serioase obstacole în creșterea angajării acestora deoarece se consideră că au puține de oferit ca eficiență. Toate aceste măsuri determină o creștere semnificativă a cheltuielilor pe piața activă a muncii, programe care, în prezent, în multe țări, nu există.

– Măsurile pentru sprijinirea IMM-urilor includ asigurarea accesului la

finanțe, orientarea asupra tehnicilor de management, marketing, pregătire, inovare și stimularea strângerii legăturilor cu comunitatea cercetării pentru a valorifica noile idei și know-how. Dezvoltarea IMM în sectoarele strategice este dependentă de extinderea semnificativă a legăturilor cu companiile proprietate străină, atât pentru extinderea pieței deschise, cât și pentru a avea acces la noile tehnologii și know-how.

Bibliografie

1. Centrul de Economia Industrii și Serviciilor, INCSMPS, IEA, ISP. Elaborarea analizelor macroeconomice și a analizelor economico-sociale sectoriale pentru fundamentarea planului național de dezvoltare (PND) 2007-2013 - Program Prioritar CERES, 2005
2. Commission of the European Community. Enlargement Strategy Paper: Report on progress towards accession by each of the candidate countries, Office for Official Publications of the European Communities, Luxembourg, 2000, 2001, 2002
3. Croitoru, L., Russu, C., Târhoacă, C., van Zon, H. Industrial Policy of Romania from the Perspective of the EU Accession: Neutrality vs. Selectivity, Pre-Accession Impact Study No. 13, PHARE Project RO 9907-02-01, Institutul European din România, București, 2002
4. Russu, C. Politica industrială a României. Experiințe comunitare și imperative pentru industria românească, în: Politica industrială în perspectiva aderării la Uniunea Europeană, Academia Română, Grupul de reflecție Evaluarea Stării Economiei Naționale ESEN-2: Un proiect deschis, Probleme ale integrării României în Uniunea Europeană, Secția de Științe Economice, Juridice și Sociologie a Academiei Române, Institutul Național de Cercetări Economice, Centrul de Informare și Documentare Economică, București, 2001
5. Stanciu, M.- Probleme actuale ale ocupării forței de muncă din România, Calitatea vieții, anul 10, nr. 1-2/1999
6. Terry, W. and Michael Landesmann - Restructurarea economică și piețele muncii în țările nou integrate, www.ec.europa.eu

PROBLEMELE MEDIULUI NATURAL SI A RESURSELOR MINERALE ÎN CONTEMPORANEITATE

S. Cristian, G. Luminita

În cadrul conceptelor de creștere economică, dezvoltare durabilă, progres economic și ecologic problematica resurselor naturale și a protecției mediului își pune amprenta asupra redefinirii și determinării conținutului lor real, în condițiile evoluției sistemelor naturale. În literatura economică apar noi termeni ca: ecotehnică, ecodezvoltare, progres ecologic, creștere ecologică, etc., ce exprimă evoluția fenomenelor și proceselor economice ca urmare a impactului omului asupra mediului și a restricțiilor din domeniul resurselor naturale (Froger G. 1997).

Exploatarea intensă a resurselor naturale de materii prime și energie a întreținut o creștere economică nesustenabilă, ducând la mărirea decalajelor economice dintre economiile dezvoltate și cele în curs de dezvoltare. A crescut

impactul omului asupra naturii, principalul izvor de resurse naturale (minerale și biologice) și totodată principalul receptor al reziduurilor industriale și casnice. Capacitatea limitată de absorbție a acestor reziduuri și de autoregenerare a factorilor naturali a fost zdruncinată pentru lungi perioade de timp.

În relațiile dintre om și natură sistemul social-economic s-a dovedit foarte important. Astfel, dorința de profit și tendința de evitare a costurilor externe prin neluarea în considerare a efectului total al activității economice a dat impresia mișcării într-un spațiu infinit, cu bunuri naturale “gratuite și nelimitate”. Mecanismele de piață s-au dovedit în acest sens incapabile de a evita exploatarea și degradarea mediului natural, provocând grave dezechilibre ecologice. Tipul de creștere economică mai ales în economiile dezvoltate nu mai corespunde condițiilor actuale, impunându-se o nouă viziune asupra modelului creșterii care trebuie să țină seama de o serie de restricții privind resursele naturale și calitatea mediului.

Problemele mediului natural și ale resurselor naturale au devenit foarte complexe în epoca contemporană. De aceea, este necesar: (a) cunoașterea temeinică a mediului natural și a interacțiunilor dintre sistemul social-economic și sistemele naturale; (b) utilizarea rațională și cu economicitate maximă a resurselor naturale, evitarea risipei și dezordinii în gospodărirea lor; (c) prevenirea și combaterea severă atât a degradării mediului natural provocată de om cât și a celei produse din cauze naturale; (d) armonizarea intereselor imediate cu cele de lungă durată și permanente ale societății umane în utilizarea factorilor naturali de mediu: aer, apă, sol, subsol, floră, faună, rezervații, monumente ale naturii, peisaj. Dezbătând aceste probleme putem desprinde o serie de consecințe privind criteriile de eficiență ale creșterii economice moderne și ale dezvoltării durabile.

În primul rând, cunoașterea temeinică a mediului natural presupune abordarea sistemică a legilor naturii și înțelegerii lor. Intervenția omului în natură în exploatarea roadelor ei, trebuie să aibă loc nu împotriva sau în detrimentul acesteia, ci în strânsă “cooperare” cu EA, prevenind orice efect negativ printr-o viziune prospectivă. Considerăm că existența unui comportament negativ față de natură s-a datorat și unor concepții care au dominat în trecut societatea umană. Sloganuri ca: “omul stăpân al naturii” sau “lupta împotriva naturii” au devenit astăzi “metafore uzate” pe care trebuie fie să le înțelegem în sensul lor real, fie să le respingem în mod categoric. Omul nu este și nu va putea fi niciodată un stăpân al naturii, ci numai un partener înțelept al ei. De aceea nu putem concepe creșterea economică și dezvoltarea durabilă numai prin creșterea cantității de bunuri pe locuitori, ci prin corelarea acestor cantități cu o serie de cerințe reale, raționale, în așa fel încât consecințele unui impact negativ asupra resurselor naturale să fie evitate sau menținute în limite minime. După cum am văzut, dorința de profit sporește producția prin “inventarea” unor utilități ce depășesc nevoi reale și raționale și de aici presiunea crescândă asupra mediului natural. Este evident în aceasă situație gradul înalt de risipire al materiei și energiei. Creșterea economică ghidată pe obținerea profitului maxim a dus la o dezvoltare diformă a unor sectoare, ramuri și regiuni economice, la utilizarea abuzivă a resurselor naturale și umane și la apariția unor discrepante mari între veniturile diferitelor grupuri sociale. Mai grave sunt consecințele asupra țărilor în curs de dezvoltare și subdezvoltate care au adoptat structuri economice complementare

economiei țărilor dezvoltate, furnizând resursele naturale necesare societății de consum.

Concepțiile moderne, ce susțin o dezvoltare durabilă, pornesc tocmai de la reconsiderarea poziției omului nu numai în cadrul sistemului economic al economiei de piață, ci și în spațiul social, spiritual și al valorilor morale. În acest sens, se remarcă preocuparea instituțiilor internaționale dar și naționale pentru menținerea unui mediu natural capabil să valorifice eficient capacitatea fizică și intelectuală a omului. Pentru România, care trece prin transformări profunde, spre o economie de piață o problemă de importanță vitală este cea a protecției mediului natural, de însușire și promovare a noilor concepții despre relația om - natură, înțelegând prin aceasta că omul face parte din natură și nu poate trăii decât în armonie cu aceasta, spre binele lui și al comunității sale.

În al doilea rând, utilizarea rațională și cu economicitate maximă a resurselor naturale duce la obținerea din aceeași cantitate de materie primă și energie a unui volum mai mare de utilități sau de valoare adăugată ca urmare a potențării muncii de prelucrare a acestora. Procesul de raționalizare și economisire a resurselor este complex și cere cunoașterea tuturor factorilor care îl influențează. Aceasta înseamnă de fapt reducerea presiunii asupra mediului natural, conservarea și folosirea rațională a naturii. În acest sens se impune necesitatea reducerii energointensității unor produse, atragerea și valorificarea tuturor componentelor utile din zăcăminte, înlăturarea caracterului prea selectiv al tehnologiilor de prelucrare (prin crearea unor tehnologii integrative), recuperarea și re folosirea materialelor după scoateră lor din uz, reciclarea deșeurilor și unor reziduuri industriale.

În al treilea rând, este necesar să prevenim și să combatem degradarea mediului prin prevenirea și limitarea efectelor dăunătoare a fenomenelor naturale, adoptarea de tehnologii nepoluante și echiparea proceselor de producție generatoare de poluanți cu instalații împotriva poluării, valorificarea substanțelor utile existente în deșeurile provenite din activitatea de producție și de consum, și neutralizarea efectelor negative ale reziduurilor nerecuperabile, realizarea și folosirea unor mijloace de transport nepoluante, precum și a unor substanțe chimice cu nocivitate și remanentă cât mai reduse, instruirea și educarea cetățenilor în sensul înțelegerii mediului natural ca factor vital al activităților social-economice. Astăzi, nu mai putem concepe creșterea economică fără luarea în considerare a echilibrului ecologic. De aceea este necesar să ne îndreptăm atenția și asupra naturii în treapta a treia, care include (în natură) și obiectele create de om, mașinile, inclusiv peisajele urbane și industriale. Toate acestea devin un nou mediu înconjurător pentru om și societate care se suprapun și completează vechiul mediu. Acest punct de vedere începe să fie confirmat în epoca noastră când rolul industriei nu este numai acela de a oferi produse și servicii de a accelera creșterea economică ci și de a "livra" un mediu ambiant corespunzător, tehnicizat dar estetic cuplat cu mediul natural propriu-zis precum și de a-l proteja și genera mediul natural (BADILEANU M., 2002) Noua natură cuprinde o parte naturală, o parte amenajată și o parte artificială. Cerințele unei dezvoltări durabile trebuie să includă interacțiunea dintre aceste "naturi", omul situându-se în cea naturală.

În al patrulea rând, relația dintre mediul natural și om presupune armonizarea

tuturor intereselor, realizarea consensului și a parteneriatului în folosirea naturii și a resurselor ei. Fiecare om sau națiune trebuie să aibă un acces echitabil la folosirea resurselor naturale ale TERREI, fie că ne referim la condițiile interne ale fiecărei țări sau la condițiile din economia mondială. Armonizarea intereselor curente cu cele de lungă durată pun pe primul plan conservarea mediului natural, a resurselor acestuia, prezervarea pentru generațiile viitoare a calităților resurselor de mediu. De aceea, atragerea și valorificarea maximă a resurselor naturale trebuie să se facă și cu fața spre viitor, printr-o politică de conservare eficientă, fără a afecta interesele generațiilor prezente.

Astăzi se pune problema amânării pentru mai târziu a unor consumuri ce nu sunt de strictă necesitate în prezent. Problema aceasta devine deosebit de complexă, dar importantă pe plan mondial, unde se întâlnesc interesele țărilor cu sisteme social-economice diferite, interesele marilor companii transnaționale și interesele organismelor internaționale, ce se manifestă într-un sistem de contradicții de o amploare mai mare sau mai mică.

Problema creșterii economice în condițiile protecției mediului natural ridică cel puțin două aspecte. În primul rând, cel al incompatibilității creșterii economice cu dereglarea mediului natural și în al doilea rând, al criteriilor de eficiență a creșterii economice în condiții contemporane.

1. Creșterea venitului național și a produsului intern brut ca volum și pe locuitor determină atragerea în circuitul economic a resurselor naturale de materii prime și energetice cât și valorificarea lor superioară. Folosirea selectivă a acestora, cere multă energie și provoacă risipă de materii prime. Practic raportul dintre masa resursei naturale extrase și produsul finit se micșorează odată cu parcurgerea mai multor trepte de prelucrare. Contrar acestei tendințe recuperarea și reciclarea diminuează această risipă, dar în mod diferit de la o economie la alta, în funcție de structurile industriale existente, de gradul lor de tehnicitate și economicitate.

Creșterea economică de până acum s-a realizat ca o creștere “poluantă” bazată pe ideea obținerii profitului maxim și ignorarea costurilor externe ale dezvoltării. După opinia unor economiști, creșterea economică nu poate evita poluarea, înlăturarea ei presupunând încetarea creșterii economice, soluție în externis oglindită în “Limitele creșterii” cu renumita teorie a “creșterii zero”. Luare însă în considerare a tuturor efectelor producției sociale, și în principal finalizarea socială, îmbunătățirea calității vieții face incompatibilă creșterea economică, cu poluarea, de aici reconsiderarea factorilor creșterii economice, “abordarea sistemică” a acestora în condițiile contemporane. Creșterea economică și dezvoltarea durabilă nu trebuiesc opuse mediului, ci adaptate legilor naturii, ecosistemelor naturale. De aceea asigurarea echilibrului ecologic necesită o atenție deosebită din partea societății, acțiuni eficiente de protecție a mediului ambiant, de prevenire și combatere a degradărilor mediului, de utilizare rațională a resurselor naturale.

2. Creșterea economică în condițiile economiei moderne de piață este eficientă când se realizează optimul economico-social-ecologic. Aceasta presupune: maximizarea atragerii și utilizării eficiente a principalelor resurse ale societății; alocarea acestor resurse pe baza mecanismelor de piață; maximizarea bunăstării materiale și spirituale prin diversificarea și eficientizarea consumului, menținerea

echilibrului ecologic. Aceste criterii ale optimului economico-sociale-ecologic, trebuiesc completate cu noi criterii rezultate din necesitatea creșterii economice în condițiile protecției mediului natural. Astfel din criteriile menționate putem particulariza câteva: a) criteriul minimizării cantității de resurse naturale încorporate în produse sau pe unitatea de produs național și venit național; b) criteriul conservării corespunzătoare a resurselor naturale; c) criteriul valorificării integrale a substanței materiale și energiei prin proiectarea și introducerea unor tehnologii în trepte; d) criteriul energointensivității producției și produselor (energointensivitatea condiție esențială eficienței economice); e) criteriul reciclabilității și recuperabilității post consum al valorilor de întrebuințare; f) criteriul biodegradării și integrării în circuitul natural al bunurilor ajunse în mediul natural; g) criteriul minimizării cheltuielilor impuse de adoptarea tehnologiilor antipoluante; h) criteriul raționalității consumului de bunuri și servicii pe locuitor; i) criteriul responsabilității ecologice în toate sferele activității productive și neproductive.

a) *Criteriul minimizării cantității de resurse naturale pe produs* favorizează creșterea prin menținerea ritmului mediu anual de creștere, în condițiile restructurării, modernizării și re tehnologizării economiei, prin stimularea activităților purtătoare de progres tehnic și tehnologic. Dificultățile privind accesul la materiile prime și resursele energetice impun valorizarea acestui criteriu. Acestui criteriu i se pot adăuga restricțiile calitative și cantitative, de eficiență economică ale atragerii și utilizării resurselor naturale. În general, atragerea resurselor are loc în ordinea descrescândă a eficienței lor și ca urmare aceeași cantitate de utilități se obțin prin folosirea unui volum mai mare de factori de producție.

b) *Criteriul conservării corespunzătoare a resurselor naturale* pornește de la faptul că producția socială se desfășoară într-un mediu finit cu resurse regenerabile și neregenerabile, care trebuie să satisfacă nu numai cerințele imediate ale generației actuale, ci și nevoile generațiilor viitoare. Din acest punct de vedere, se impune necesitatea reducerii consumurilor materiale și realocării resurselor naturale folosite în scopuri militare în sensul orientării acestora pentru activitățile pașnice. Menținerea creșterii economice, fără deteriorarea condițiilor de muncă, presupune reechilibrarea raportului dintre cantitatea extrasă din natură și cantitatea inclusă în bunurile produse pe diferite trepte de prelucrare.

c) *Criteriul valorificării integrale a substanței materiale și energiei*, pornește de la principiul conservării materiei și energiei. Pe baza acestui criteriu se realizează trecerea de la procese de producție liniare, la procese de producție în sistem circular activ.

d) *Criteriul energointensivității producției naționale* exprimat prin indicatorul “consum de energie/produs social sau venit național” care măsoară câte unități de energie sunt folosite pentru obținerea unei unități de produs național sau venit național. Pentru produsele fizice este necesar specificarea energointensivității prin grade de intensivitate. În literatura economică în țara noastră, s-a exprimat necesitatea determinării consumului cumulat de energie, în unități valorice și unități fizice (t.c.c.).

e) *Criteriul reciclabilității și recuperabilității post consum*, urmărește anticiparea valorificării materiei utile din corpul fizic al bunurilor materiale după

scoaterea acestora din uz, atât ca mijloace de producție, cât și ca bunuri de consum. Aceasta presupune menținerea calității de bunuri economice cu valori mici și foarte mici - susceptibile a fi atrase într-un anumit orizont de timp - și după exprimarea duratei de utilizare și evidențiate ca “stocuri de materii prime în curs de revalorificare”.

f) Pentru păstrarea calității mediului natural, prin evitarea riscului poluării, *criteriul biodegradării* are în vedere descompunerea fără efecte nocive a oricărui bun material scos din uz sau aruncat în natură. “Biodegradarea este un proces de descompunere a unor elemente, substanțiale, obiecte sau corpuri organice din natură sub acțiunea organismelor vii și în special a “microorganismelor”. Prin acțiunea de biodegradare microorganismele descompunătoare contribuie la reintegrarea în circuitul material din natură a compușilor de natură organică. Astfel organizarea valorificării în trepte, a resurselor naturale cu asigurarea reîntoarcerii și reintegrării naturale a deșeurilor, reziduurilor și a produselor uzate, în circuitul natural, justifică promovarea ecotehnicii și ecocreșterii economice.

g) *Criteriul minimizării cheltuielilor antipoluante* se verifică prin curba economiilor totale rezultate din activitatea antipoluantă. Această curbă are o creștere rapidă până la o anumită regiune de unde creșterea se atenuază (Fig.1.).

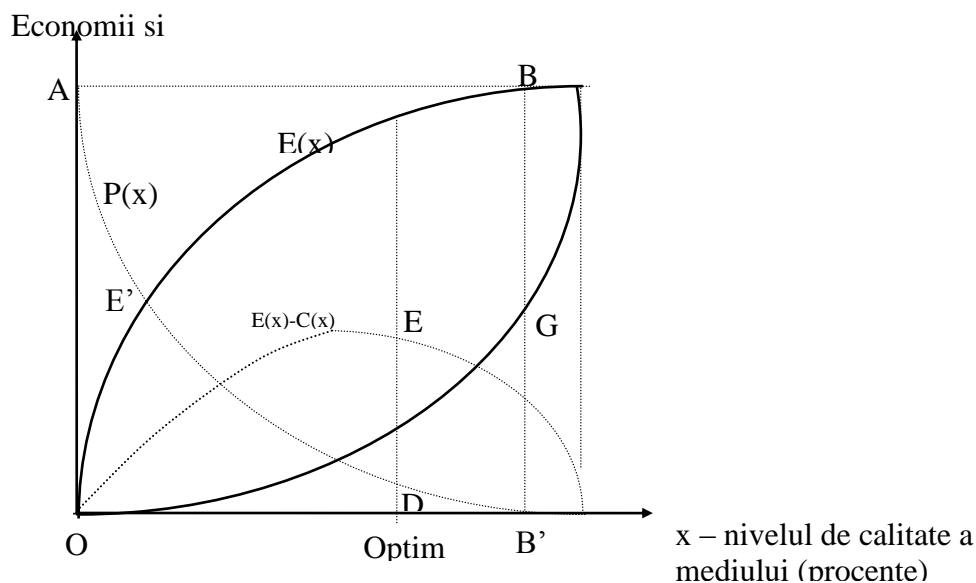

Fig. 1. Evoluția cheltuielilor pentru acțiunile antipoluante $C(x)$, a economiilor totale rezultate ca urmare a activității antipoluante $E(x)$ și a prejudiciilor provocate de poluare $P(x)$ în funcție de nivelul calității mediului (x)

Regiunea interioară limitată de curbele $C(x)$ și $E(x)$ reprezintă o zonă a nivelului de calitate a mediului în care economiile rezultate sunt mai mari decât cheltuielile antipoluante. În practică, înlăturarea poluanților și a reziduurilor trebuie să se facă cel mult până în punctul B, deoarece acesta marchează dispariția prejudiciilor economice și sociale cauzate de poluare. Nivelul optim și deci minim în care aceste cheltuieli au efecte maxime este atins în vârful funcției ce reprezintă graficul diferențelor dintre $E(x)-C(x)$. Cu alte cuvinte în punctul D

de pe axa Ox se atinge nivelul optim de calitate al mediului; în punctul E nivelul minim și deci optim al cheltuielilor antipoluante; și în punctul F nivelul maxim al economiilor și beneficiilor ca urmare a măsurilor antipoluante.

Problema optimizării cheltuielilor antipoluante se pune cu atât mai mult cu cât, acestea apar drept cheltuieli de producție incluse în costurile întreprinderii.

Pornind de la faptul că aceste cheltuieli sunt necesare, societatea trebuie să stabilească nivelul optim al lor în comparație cu economiile și beneficiile obținute de fiecare unitate poluantă care întreprind măsuri antipoluante, precum și la nivelul macroeconomic.

Din figură rezultă principalele funcții ce definesc acțiunile de combatere a deteriorării mediului și efectele obținute. Redăm semnificația acestor funcții:

$C(x)$ - cheltuielile pentru acțiunile antipoluante, în funcție de parametrul X care caracterizează nivelul calității mediului;

$E(x)$ - economiile totale rezultate ca urmare a acțiunilor antipoluante, în funcție de același parametru x ;

$P(x)$ - prejudiciile economice și sociale provocate de poluare, în funcție de același parametru x .

În aprecierea nivelului optim se pornește de la valorile crescânde ale lui x ce exprimă un nivel tot mai înalt de calitate a mediului. Curba cheltuielilor antipoluante crește la început lent. Aceste cheltuieli vor influența mărimea venitului brut (beneficiu) și implicit a venitului național, dar și nivelul prețurilor. Pe de altă parte determinarea lor optimă este necesară pentru că fără efectuarea acestor cheltuieli nu poate avea loc creșterea absolută a produsului național și a venitului național datorită înrăutățirii condițiilor de mediu.

h) *Criteriul creșterii bunăstării materiale și spirituale* în condițiile creșterii economiilor contemporane presupune creșterea venitului național pe locuitor, creșterea cantității de bunuri și servicii necesare satisfacerii trebuințelor. Totuși, în condițiile protecției mediului natural, necesitatea conservării și ameliorării factorilor de mediu pune problema determinării științifice a nevoilor de consum, armonizarea acestora cu cerințele biologice ale fiecărui individ. Important este ca bunăstarea materială să se realizeze în raport cu nivelul și eficiența folosirii resurselor naturale și umane. În cadrul criteriului raționalității consumului de bunuri și servicii pe locuitor eficiența creșterii economice se poate realiza prin trecerea de la producția monoenergetică la producția plurienergetică, la resursele fosile “murdare”, dar încă indispensabile, la cele curate. Cum exploatăm sau conservăm resursele disponibile, azi, cât de energetic dezvoltăm noi tehnologii, cu câtă grijă reducem capacitatea lor de a deteriora mediul înconjurător, toate acestea determină gama de șanse pe care le lăsăm generațiilor viitoare. Pentru a fi siguri că în viitor se vor atinge aspirațiile actuale, trebuie să limităm gama acțiunilor permise astăzi. renunțarea la tendința de a reduce a duratei de viață a produselor și la procurarea de bunuri personale, peste nevoile reale, constituie cerințe de bază pentru conservarea în perspectivă a resurselor naturale. Creșterea economică în condițiile protecției mediului natural este marcată de eforturile pe care le face societatea pentru evitarea

degradării naturii. Concomitent cu realizarea creșterii economice se manifestă și o tendință de creștere a costurilor externe pe care trebuie să le suporte în primul rând cel care a generat degradarea mediului natural. Este cert că trebuie efectuate cheltuieli pentru menținerea nealterată a mediului.

i) Implicațiile social-economice ale exploatării naturii nu sunt înțelese suficient de toți participanții la viața economică. Are loc absolutizarea unuia sau altuia din criteriile menționate sau orice schimbare este judecată prin prisma efectelor bănești, imediate. “ținând seama de această insuficientă cunoaștere, oricine întreprinde vreo acțiune care constituie o investiție în natură, oricât de minoră ar părea la prima vedere, este obligat să facă o analiză științifică a tuturor implicațiilor ce le-ar putea genera”.

Concluzii

Orice decizie trebuie luată pe baza eticii, responsabilității ecologice, ce presupune reaspectarea de către om a unor norme de conviețuire cu natura. Aceste norme au fost formulate de Odum în 1971 și definesc faptul că omul este parte a naturii și orice activitate economică poartă pecetea acestei relații sine-qua-non. “Homo tehnicus” sau “Homo oeconomicus” ar trebui să respecte și să pună în practică următoarele norme, un adevărat decalog al omului cu natura:

- să nu risipești energie potențială;
- să cunoști exact elementele de care depinde supraviețuirea sistemului propriu;
- să acționezi astfel încât toți să beneficieze cât mai eficient de circuitele energetice ale sistemului;
- să scoți în evidență în sistemele proprii de lucru acele părți care să te situeze de partea bună a evenimentelor;
- să prețuiești celelalte vieți din ambianță, ca pe a ta proprie, căci numai astfel vei putea supraviețui;
- să judeci orice valoare prin energia cheltuită pentru a obține și prin energia pe care este în stare să o acumuleze, iar curentul de energie ori de câte ori este posibil să nu-l prefaci în măsura neândestulătoare a banului;
- să nu te folosești de cantități mari de energie fiindcă greșeala, distrugerea, zgomotul și supravegherea excesivă conduc spre creșterea deșeurilor;
- să nu iei nimic de la om și de la natură fără a le oferi un serviciu de valoare egală;
- să-ți îmbogățești moștenirea informațiilor căci prin această acțiune unică și complexă, sistemul își va justifica noul în ceea ce este nepieritor în el;
- să te încrezi în avantajele stabilității asupra creșterii, ale organizării asupra concurenței, ale diversificării asupra uniformității, ale sistemului asupra părților și ale procesului de supraviețuire generală a omenirii asupra liniștii personale.

Considerăm că în condițiile unei dezvoltări durabile criteriile de apreciere a eficienței creșterii economice pot fi mai multe, însă în lucrare am făcut referire doar la cele mai importante.

Trebuie arătat că toate aceste criterii converg spre un scop comun: cel al

satisfacerii bunăstării umane. Aceasta dă sens uman creșterii economice care nu poate avea loc, indiferent de sistem, fără o folosire rațională a resurselor naturale și umane, fără menținerea unui mediu natural corespunzător vieții pe pământ.

Considerăm necesar să arătăm că, în condițiile dezvoltării economice, mediul natural devine mediu amenajat prin activitățile economice de protecție, apărare, conservare și ameliorare a lui. Mediul apare în dubla ipostază de premisă a dezvoltării, și efect materializat al eforturilor noastre de atragere și transformare a sa într-un mediu antropic. Din acest punct de vedere, considerăm completă și plină de conținut definiția dată mediului de academicianul N.N.Constantinescu, potrivit căreia “mediul însuși este definit prin prisma înțelegerii omului ca parte integrantă a naturii și sens al dezvoltării generale; el reprezintă totalitatea factorilor naturali și a celor creați la un moment dat și într-un anumit loc prin care prin strânsă interacțiune influențează echilibrul ecologic, determină condițiile de viață și de muncă pentru om și perspectivele de dezvoltare ale societății”. Rezultă o nouă concepție privind poziția omului față de natură, față de bogățiile ei. Este exclusă poziția demiurgică, atotstăpânitoare, triumfătoare în “lupta” cu forțele naturii. Mediul este un factor economic de cea mai mare importanță, considerat, în mod tradițional, de analiza economică, drept factor de producție, alături de capital și muncă. Este interesantă și definiția mediului înconjurător dată de profesorul Gonzague Pillet, de la universitatea din Freiburg, Elveția, care apreciază că: “prin mediu înconjurător sau resursă a mediului înconjurător, înțelegem orice funcție atribuită sau obținută dintr-un ecosistem sau produsă de el”. Remarcăm, în special, punctul de vedere prin care mediul înconjurător devine resursă economică a ecosistemului pe măsura realizării unor funcții benefice omului. Însă mediul nu poate fi limitat numai la funcția de furnizor de resurse și servicii recreative, el asigură în primul rând, cel mai mare serviciu pentru umanitate: menținerea vieții pe pământ, bază a întregii vieți și activități economice.

Această lucrare a beneficiat de suport financiar prin proiectul «Studii Postdoctorale in Economie: Program de formare continua a cercetătorilor de elita – SPODE» cofinanțat din Fondul Social European, prin Programul Operațional Sectorial Dezvoltarea Resurselor Umane 2007-2013, contract nr. POSDRU/89/1.5/S/61755.

Bibliografie

1. Amigues J.P.(1997), Enjeux et limites de l'évolution des actifs naturels, în Economies et Societe, Serie Developpment croissance et progres, F.nr.35,4/1997.
2. Badileanu M.(2002), Economia protecției mediului înconjurător, Editura SYLVI, București.
3. Bulearca M.(1995), Teoria piețelor și utilizarea eficientă a resurselor naturale, în Fluxuri și piețe internaționale de materii prime și energie, Studii și cercetări economice nr.10-11, ERNE-IEI, CIDE, București.
4. Constantinescu N.N.(1976), Economia protecției mediului înconjurător, Editura Politica, București.

5. Froger Géraldine(1997), Elements pour une theorie institutionnaliste des ressources naturelles revisites, în Economies et Societe, Serie Developpment croissance et progres, F.nr.35,4/1997
6. Mc Kelvy V.E.(1972), Mineral Resource Estimates and Public Policy, ‘n American Scientist, vol.60 (ian-feb).
7. Malenbaum W., World Resources for the Year 2000, ‘n The Anaals of America Academy of Political and Social Sciences, iulie 1975
8. Platon V. (1997), Protectia mediului si dezvoltarea economica. Institutii si mecanisme in perioada de tranzitie, Editura Didactica si Pedagogica, Bucuresti.
9. Postolache T. (coord.)(1987) Tratat de economie contemporana, vol. 2, cartea 1, Editura Politica, Bucuresti.
10. Raducanu Viorica,(2000), Economia resurselor naturale, Editura All Beck, Bucuresti.
11. Vincent A., Neline R.(1968), Etude methologigique du Capital natural, Ed.Dunod, Paris.

DEFINIREA ȘI ANALIZA PRINCIPALELOR SEGMENTE ALE COMPETITIVITĂȚII SISTEMELOR ENERGETICE

M. Bădileanu, C. Neagu

Cartea Verde “Către o strategie europeană de securitate a ofertei de energie” menționează trei ținte principale pentru politica energetică: sustenabilitate, competitivitate și securitate.

Literatura empirică de specialitate ce utilizează tehnicile econometrice în studierea competitivității sistemelor energetice poate fi împărțită în două mari categorii: (i) cea care se axează pe determinanții reformei și pe etapele parcurse în realizarea acesteia și (ii) cea care analizează efectele reformelor asupra indicatorilor de performanță. Se face distincția între factorii determinanți ai reformelor sectorului energetic în țările dezvoltate (axate pe îmbunătățirea performanțelor economice și financiare, fiabilitatea sistemelor) și cele în curs de dezvoltare (concentrate pe eliminarea subvențiilor, calitatea serviciilor, pierderile, accesibilitatea, condițiile macroeconomice).

În literatura economică există opinii diferite și un anumit grad de ambiguitate teoretică în ceea ce privește eficacitatea privatizării și stimulării concurenței în industriile de rețea. Probleme precum eficiența comparativă a monopolurilor naturale proprietate publică și a celor private, beneficiile sistemelor concurențiale în contrapartidă cu economiile unor sisteme integrate pe verticală coordonate suscită în prezent numeroase controverse. Joskow P.L. în lucrarea sa “Electricity Sector Restructuring and Competition: A transaction-cost Perspective” (2002) conchide că, în practică, beneficiile fiecărei reforme trebuie să compenseze cel puțin creșterea costurilor tranzacționale ale dezintegrării pe verticală a sistemelor.

În raportul Private Sector Development in Electric Power Sector: A Joint OED/OEG/OEU Review of the World Bank Group’s Assistance in the

1990s”(2003), specialiștii Băncii Mondiale ajung la concluzia că în multe țări reforma sistemelor energetice a întâmpinat dificultăți neprevăzute, că procesul este mult mai complex decât se anticipa. Aceasta se datorează, în parte, necesității de echilibrare în timp real a cererii cu oferta de electricitate pe o piață ce trebuie mult mai bine proiectată și reglementată decât altele. A devenit de asemenea evident că factorii de decizie au subestimat dificultățile politice întâmpinate în modificarea tarifelor în sensul recuperării costurilor, problemele de corupție, colectarea slabă a veniturilor etc. În pofida resurselor enorme cheltuite pentru reformă, nu există încă un set coerent de indicatori clar definiți și estimați cu regularitate care să evalueze, să monitorizeze și să compare performanțele reformelor (Newbery, Pollitt, 2005).

Marile companii din Uniunea Europeană s-au pregătit intens pentru a face față mediului concurențial, promovând ample acțiuni de restructurare care au urmărit:

- restructurarea internă (integrarea/dezintegrarea pe verticală și/sau orizontală, diversificarea activităților, reducerea numărului persoanelor angajate, etc.);

- externalizarea unor activități;
- formarea de noi parteneriate, de joint-venture;
- fuzionarea cu alte firme sau preluarea pachetelor majoritare de acțiuni ale competitorilor.

Beneficiile furnizorilor de utilități publice obținute prin măsurile de restructurare au fost:

- crearea de noi fluxuri de venituri;
- îmbunătățirea pregătirii personalului;
- extinderea în plan geografic;
- maximizarea profitului rezultat din activitățile existente;
- creșterea eficienței exploatarei;
- reducerea costurilor;
- reconsiderarea obiectivelor strategice în funcție de noul context geopolitic și legislativ.

În consecință:

- cea mai evidentă linie a peisajului european al furnizorilor de utilități este dată de fuziuni și achiziții, activități desfășurate cu frenezie de marile companii ale Uniunii. Extinderea acestor activități arată interesul firmelor în a pătrunde pe noi piețe fie prin achiziționarea de noi domenii de afaceri pe plan național, fie prin extinderea operațiunilor către noi teritorii;

- rezultatul febrei fuziunilor și preluărilor va fi o piață dominată de un număr mic de giganți ai utilităților publice;

- este de așteptat ca în următorii zece ani să asistăm la creșterea numărului companiilor ce își diversifică gama de utilități furnizate – de la electricitate, la gaze naturale, telecomunicații, apă, reciclarea deșeurilor;

- piața energetică a Franței este dominată de doi coloși industriali: Electricité de France (EdF) (în anul 2008, ponderea celui mai mare producător de energie electrică pe piață era de 87,3%) și Gaz de France (GdF); în Germania

aceeași imagine: E.ON și RWE; producția de electricitate a Spaniei este dominată de două mari companii Endesa și Iberdrola, iar sectorul gazelor naturale de Gas Natural (GN); în Italia, Enel controlează piața de energie electrică, iar ENI pe cea a gazului natural.

Din această perspectivă, indicatorii clasici de dezvoltare durabilă își pierd substanța și relevanța. Putem vorbi în continuare de intensitate energetică: în anul 1991, intensitatea energetică a României era de aproape șase ori mai mare decât cea a UE (15) (1269,12, față de 215,92 kgep/1000 eur). Acest decalaj a înregistrat o scădere continuă, ajungându-se ca în anul 2008 intensitatea energetică a României să fie de circa 4 ori mai mare față de media Uniunii Europene (614,57, față de 160,54 (UE15), respectiv 167,11 kgep/1000 eur).

Pe piața reglementată din România, 55% din energia electrică s-a tranzacționat de către producători pentru alimentarea consumatorilor captivi pe contracte de portofoliu, 16% pe contractul pe termen lung al producătorului nuclear, cca. 13% pe contracte la prețuri reglementate ale producătorilor independenți/autoproducătorilor, iar pentru acoperirea pierderilor în rețele - 12% aferent pierderilor în rețeaua de distribuție și 4% aferent pierderilor în rețeaua de transport. Pe piața concurențială, producătorii au tranzacționat cca. 10% din energia electrică pe contracte de furnizare cu consumatorii eligibili, 13% pentru export, 60% pe contracte negociate cu furnizori concurențiali sau cu alți producători, 15% pe piața spot/PZU și 2% pe contracte negociate cu distribuitorii-furnizori ai consumatorilor captivi. Prețul mediu de achiziționare a energiei electrice a fost de 134,88 lei/MWh.

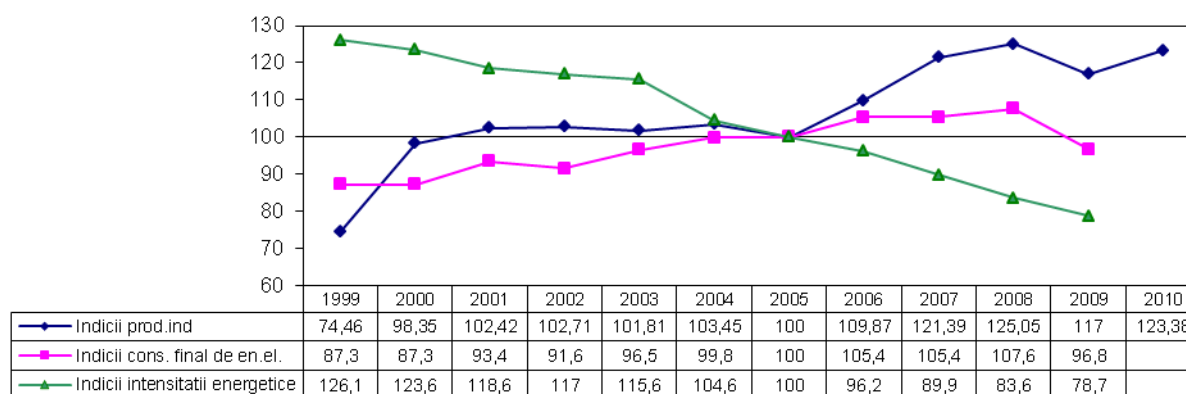
Consumatorul final cumpără energie electrică de la o companie de distribuție, ce acționează într-un teritoriu pe care deține monopolul, și nu are concurenți. Consumatorul poate alege cantitatea de electricitate dorită, o calitate mai bună sau mai slabă a serviciului exprimată în termeni de fiabilitate, poate stabili specificații tehnice mai stricte pentru puterea primită (de exemplu, fluctuații mai reduse ale tensiunii), dar nu-și poate alege furnizorul. Compania locală de distribuție poate achiziționa servicii de generare a electricității de la producători concurenți, iar prețul cu amănuntul va cuprinde atât costurile de producere, cât și pe cele livrare.

Principala caracteristică a cererii de energie electrică este lipsa de elasticitate a acesteia, fapt ce amplifică vulnerabilitatea consumatorilor la abuzurile de putere dominantă în stabilirea tarifelor. Majoritatea țărilor dezvoltate caută să protejeze consumatorii împotriva abuzului prin poziția de monopol deținută de companiile de electricitate, și în special pe micii consumatori, împotriva pericolului de a fi folosiți pentru a intermedia subvenționarea marilor consumatori care pot avea opțiunea asupra sursei de alimentare sau a combustibilului.

Inelasticitatea cererii este determinată, între altele, de: caracterul capital-intensiv al generării de electricitate care împiedică apariția producătorilor independenți; lipsa subsituenților pentru majoritatea utilizărilor energiei electrice; slaba preocupare pentru conservarea energiei; dificultățile întâmpinate la negocierile cu furnizorii.

Factorul determinant al cererii de energie electrică este activitatea industrială. Gradul de corelare poate fi ilustrat prin reprezentarea grafică a indicilor de creștere a *celor două variabile* (figura nr. 1).

Figura nr. 1. Evoluția indicilor producției industriale totale, consumului final de energie electrică și ai intensității energetice în România, în perioada 1999-2010 (2005=100%). Sursa: Eurostat

Conform celor prezentate realizarea unei piețe unice europene reprezintă cel mai important obiectiv strategic pentru următoarea perioadă. Începând cu 1 iulie 2007 toți consumatorii din toate țările UE (inclusiv consumatorii casnici) capătă statutul de consumator eligibil și au dreptul să-și alege liber furnizorul de electricitate. A fost întocmit un plan foarte ambițios de dezvoltare a infrastructurii de transport și distribuție astfel încât să fie eliminate congestiile în rețele. Se urmărește ca în mod practic să fie posibil ca un consumator din orice colț al UE să poată cumpăra electricitate de la orice producător indiferent de amplasamentul acestuia. Se spera că dezvoltarea concurenței va conduce la o scădere a prețurilor. Mulți specialiști consideră că acest lucru este discutabil. Este adevărat că în prima perioadă de la promovarea liberalizării pieței energiei (1994-1999) s-a înregistrat o astfel de tendință pe plan mondial. Ea a fost determinată însoțită atât de promovarea unor noi tehnologii cât și de introducerea unor noi filozofii privind lucrările de întreținere care, în opinia multor specialiști, au reprezentat o reducere a volumului unor astfel de lucrări cu efecte negative privind siguranța în funcționare. Black-out-urile din ultima perioadă din SUA, Italia, Germania, Franța, etc reprezintă, în unele opinii, o dovadă a acestui fapt.

Dezvoltarea concurenței va avea ca efect o plafonare a creșterii de prețuri dar nu va putea conduce la o scădere a prețurilor în valoare absolută. Documentele UE insistă asupra volumului imens de investiții care trebuie realizate în următorii ani în sectorul energetic, în cea mai mare parte de către investitorii privați. Aceste investiții nu vor putea fi realizate decât practicând prețuri care să acopere integral costurile și să permită un anumit profit.

Revenind însă la problema de fond, realizarea pieței unice europene

a electricitatii va conduce la o tendința de egalizare a preturilor între diferite tari/zona.

Această lucrare a fost realizată în cadrul proiectului "Cercetarea științifică economică, suport al bunăstării și dezvoltării umane în context european", cofinanțat de Uniunea Europeană și Guvernul României din Fondul Social European, prin Programul Operațional Sectorial Dezvoltarea Resurselor Umane 2007–2013, contractul de finanțare nr. POSDRU/89/1.5/S/62988

Bibliografie

1. HG nr.393 din 18 aprilie 2002 pentru aprobarea Normelor metodologice de aplicare a Legii nr. 199/2000 privind utilizarea eficientă a energiei, Monitorul Oficial al României nr. 292/30 apr. 2002
2. CTI (Climate Technology Initiative), Guide to Working with Energy Service Companies in Central Europe, CTI Secretariat, Tokyo, 2003
3. Hotărâre pentru aprobarea Strategiei de accelerare a atragerii de investiții și privatizării în sectorul de producere a energiei termoelectrice (nr.102) în Monitorul Oficial al României nr.139, 17 februarie 2004;
4. Hotărâre privind unele măsuri pentru restructurarea activității de producere a energiei electrice și termice pe bază de lignit (nr.103) în Monitorul Oficial al României nr. 146, 18 februarie 2004
5. Hotărâre nr. 1535 din 12/18/2003 aprobarea Strategiei de valorificare a surselor regenerabile de energie, Monitorul Oficial nr. 8 din 01/07/2004;
6. Hotărâre nr. 1240/2004 din 05/08/2004 privind aprobarea Programului de iarnă în domeniul energetic pentru perioada octombrie 2004-martie 2005.
7. Pitaru H., Studiu privind situația actuală a sectorul energetic românesc, 2004;
8. Hotărârea nr. 163/2004 privind aprobarea Strategiei naționale în domeniul eficienței energetice, Monitorul Oficial al României, Partea I, nr. 160 bis/24.02.2004
9. C.E.I.S. – "Ajustări structurale în domeniul extractiv, energetic și de prelucrare primară în perspectiva integrării României în structurile economice ale UE", Probleme economice nr.45-46/2000.
10. C.E.I.S. – "Eficiența utilizării resurselor naturale în industrie", Probleme Economice, vol.3-4-5/2002, Academia Română, INCE, CIDE, București, 2002.
11. C.E.I.S. – "Politica de protecție a mediului în condițiile integrării României în U.E. – Impactul asupra competitivității industriale", Studii și Cercetări Economice, vol.3-4-5/2002, Academia Română, INCE, CIDE, București. 2002.
12. C.E.I.S. – "Evaluarea gradului de aliniere a României la acquis-ul comunitar privitor la politica industrială", Probleme economice nr.11-12/2002, C.I.D.E., București.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОБЛЕМЫ АНТИДЕМПИНГОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭКСПОРТА

И.А. Червинская

Выявление возможных внешнеэкономических последствий образования таможенного союза Беларуси и России в ситуации вступления одной из сторон во Всемирную торговую организацию (ВТО) – серьезная научная проблема, решение которой является необходимым условием общей оптимизации экспортно-импортной динамики Республики Беларусь на мировых торговых площадках, и, одновременно, элементом эффективного разрешения ряда проблем, сложившихся в двусторонних белорусско-российских экономических отношениях в связи со спецификой формирования цен на сырье и энергоносители как на мировом, так и на внутрисоюзном уровне.

В концептуальном плане проблема связана с исследованием феномена внешнеэкономической однополярности, обусловленной особенностями сложившихся геополитических традиций Республики Беларусь, что представляет одну из наиболее актуальных и одновременно одну из наименее изученных проблем в теории внешнеэкономической деятельности. Среди проблем оптимизации внешнеэкономической деятельности наименее исследованы и одновременно наиболее значимы вопросы методологического обеспечения оценочной процедуры в определении демпинговой ситуации: разработка оценочных принципов, корреляция функциональной взаимозависимости комплексных критериев, обоснование иерархической структуры показателей демпинга и др.

В методологическом отношении принципиальным является то, что избранный подход имеет то преимущество, что он опирается на мощные традиции философского анализа динамических систем, содержащие в концентрированном виде аккумулированный опыт, достигнутый наукой на протяжении исторически длительного периода, и в этом плане выступает в роли средства, обеспечивающего эффективность социоэкономического поиска.

В условиях вступления России в ВТО для Республики Беларусь как члена Таможенного союза обозначается ряд проблем, связанных, во-первых, со статусом участника региональной экономической интеграции и торгово-производственными циклами внутри таможенного союза и, во-вторых, со спецификой сложившихся внешнеторговых отношений со странами-членами ВТО.

Прежде всего необходимо отметить, что в рамках Таможенного союза действует единое законодательство, синхронизированное для стран - участниц на основании белорусского как наиболее близкого к законодательству ВТО и определения и меры применения инструментов

торговой защиты, включающих антидемпинговые, специальные защитные и компенсационные меры, соответствующие нормам ВТО.

Наиболее опасным с точки зрения проведения разбирательств, предшествующих введению антидемпинговых, специальных защитных и компенсационных мер со стороны стран-членов ВТО является тот факт, что согласно законодательству ВТО Беларусь имеет статус страны с «нерыночной экономикой», что, в свою очередь, обуславливает серьезные ограничения возможностей национальных экспортеров в антидемпинговых, специальных защитных и компенсационных разбирательствах. Цена экспортной продукции, поставляемая из стран, не имеющих статуса «рыночных», не признается «нормальной», т.е. сложившейся в условиях честной торговли, позволяя таким образом использовать наиболее невыгодные для экспортеров методы определения сконструированной цены, которая является ключевым элементом для установления факта наличия демпинга, определения величины демпинговой пошлины или суммы ценовых обязательств.

Согласно антидемпинговому законодательству ВТО товар является предметом демпингового импорта в том случае, если его экспортная цена ниже цены на внутреннем рынке страны экспортера. В случае начала антидемпингового разбирательства подобная ситуация является прямым доказательством наличия факта демпинга. В соответствии с регламентом ВТО демпингом принято считать также продажи, осуществленные по цене ниже средневзвешенной себестоимости и средней нормы прибыли, которые определяются исходя из средневзвешенных производственных, торговых, административных затрат и общих издержек на внутреннем рынке страны, осуществляющей экспорт. В сложившейся ситуации экспорт товаров, основанный на ценовой конкуренции, а тем более продажа по ценам ниже, чем на внутреннем рынке, является прямой угрозой для белорусских экспортеров.

Сложившаяся ситуация имеет проблематичные перспективы. Несмотря на возможность совместного участия в расследованиях и, как следствие, приобретение большего политического веса в разбирательствах, проводимых против национальных товаропроизводителей, на практике подобное взаимодействие не приносит сколько-нибудь значительных результатов. Однако ограничения на импорт продукции, который напрямую не затрагивает интересов белорусских производителей, могут существенно ограничивать возможности национального потребителя, что настоятельно требует определенной адаптации отечественной практики ведения экспортной деятельности к реалиям современной внешнеэкономической деятельности.

Так, несмотря на экономическую природу антидемпинга, практически все государства, чьи товары попали под антидемпинговые санкции ЕС, используют для решения этой проблемы политическое давление. Особенно мощное политическое давление оказывается крупными державами – Россией, Китаем, Индией, а также Японией.

Республика Беларусь также применяла этот рычаг, но большая его эффективность проблематична из-за неконструктивного подхода со стороны руководства ЕС к оценке ситуации в Беларуси.

Возможность использования политического давления становится еще более проблематичной из-за введения Европейской комиссией (ЕК) нового внутреннего регламента прохождения соответствующих документов по отмене антидемпинговых санкций. Сейчас по каждому конкретному случаю смягчения действующей санкции требуется согласование со всеми членами ЕК. Формально члены ЕК являются международными чиновниками и защищают интересы всего Европейского союза, но на практике, используя такую удобную возможность, они лоббируют национальные интересы своих собственных стран, от которых выдвигались на столь высокие посты. В такой ситуации в целях противодействия антидемпинговым санкциям особую важность приобретает проведение согласованной политики Беларуси и России в отношении импорта товаров, происходящих из ЕС, включая вопрос о применении ответных мер. Совместные действия наших стран должны согласовываться между ними с учетом Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана.

Поскольку потенциальная угроза антидемпинга висит над многими белорусскими товарами, для сохранения и наращивания объемов экспорта Беларуси в ЕС особое значение приобретает профилактическая работа с целью предотвращения новых антидемпинговых санкций. В этом направлении в числе приоритетных мероприятий требуется создание системы раннего предупреждения, чем мог бы заняться МИД Беларуси через дипломатические представительства Республики Беларусь за рубежом.

В связи с тем, что механизм антидемпинга включается через процедуру подачи жалоб от компаний-конкурентов и их союзов и ассоциаций, следует установить с ними тесный контакт для ликвидации возможных конфликтных ситуаций еще на этапе их зарождения. В случае, если жалоба уже поступила в ЕК, необходимо провести незамедлительные консультации в целях отзыва жалобы из ЕК до начала процедуры официального расследования.

В системе превентивных мероприятий важное место должны занять семинары по вопросам антидемпинга. В этой связи целесообразно приступить к подготовке для последующего направления в ЕК заявки на проведение в Беларуси семинара (серии семинаров) по антидемпингу для белорусских производителей и экспортеров, издание информационно-справочной литературы по данному вопросу, а также обучения белорусских специалистов в этой области.

Проблема антидемпинга в очередной раз подчеркнула необходимость подготовки квалифицированных национальных кадров, владеющих современными знаниями по различным аспектам внешней торговли. Представляется целесообразным дополнить учебные программы

высших учебных заведений специальными курсами по такой проблеме, как минимизация вероятности введения антидемпинговых санкций по отношению к белорусским товаропроизводителям.

Определение этих направлений является актуальным в формировании стратегии развития внешнеэкономической деятельности в условиях белорусско-российской интеграции, позволяет выявить приоритетные аспекты в экономическом развитии Республики Беларусь с реальной перспективой перехода общества от уровня социально-потребительского отношения к обществу устойчивого развития.

5. СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ПРОШЕДШИХ ЭПОХ

СОКРАТ ПРОТИВ СОФИСТОВ, НИЦШЕ ПРОТИВ СОКРАТА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕЙНОГО СПОРА

В.П. Орзиш

Сократ (ок. 469–399 до н.э.) – судьбоносная фигура в мировой философии и культуре. Самое методологически значимое и исторически влиятельное в его учении – рационализм. Афинский философ исходил из того, что основой мира является недоступная чувствам, но постигаемая мыслью объективная связь отношений, всеобщий разумный порядок, который властвует над всем. В противном случае придется признать, рассуждал он, что «ум, которого нигде нет, по какому-то счастливому случаю» забрел в наши крошечные тела, «а этот мир громадный, беспредельный в своей множественности пребывает в таком стройном порядке благодаря какому-то безумию» [1, с. 28].

В результате, от Сократа (через Платона и Аристотеля) развилось интеллектуалистическое направление греческой философии, выдвинувшее на первый план онтологическую всеобщность разума как трансцендентного гаранта смысловой полноты бытия, его целостности и единства. Это направление проложило путь дискурсивному стилю мышления...

Сократ создавал свою философию, руководствуясь намерением дать отпор учению софистов, которые пришли к радикальному выводу о том, что религиозные представления греков спорны, что всеобъемлющий опыт бытия, его, говоря современным языком, содержательная экспликация невозможны.

В традиционной картине сущего боги греческой мифологии изображались небожителями, населением подлинного мира. Вместе с тем, массовое сознание видело в них настоящих (обитающих неподалеку на горе Олимп) метафизических гарантов земного порядка, его целостности, осмысленности, моральной определенности. Трактую бессмертных богов как представителей самодостаточной реальности и одновременно размещая их рядом с человеком, народное воображение как бы подсоединяло область человеческой жизни к истинному бытию. В контексте древнегреческого религиозного мироотношения боги были последней инстанцией и на земле, и в сфере божественного, их надэмпирически-эмпирический статус свидетельствовал о единстве, непрерывности, гомогенности обеих уровней существования.

Скептический пафос софистической философии был так или иначе

направлен как раз против этого традиционного религиозного мировосприятия, против богов народной религии, как олицетворения некой загадки абсолютного основания, скрывающей «окончательный смысл» сущего. Виднейший представитель софистики Протагор (ок. 490 – ок. 420 до н. э.) в книге «О богах» писал, что вообще не знает, существуют ли боги, «потому что слишком многое препятствует такому знанию».

Отвергнув религиозно-мифологическую картину сущего, усомнившись в реальности самих небожителей, которые в традиционных представлениях о мире играли роль включенных в область человеческого существования внешних референтов, гарантирующих смыслообразность эмпирической действительности, софисты попытались понять последнюю с позиций субъективности, как нечто бесосновное. Они стали учить, что мысли и цели людей выше законов и явлений природы, что личные побуждения человека имеют все права духовной свободы. Характерны в данном отношении высказывания все того же Протагора: «...Каким каждый человек ощущает нечто, таким, скорее всего, оно и будет для каждого» [2, с. 238].

Это означало, что никакой смысловой целостности и всеобщих критериев в мире не существует, а следовательно, не существует и безусловной достоверности знания. Зато существует плюрализм точек зрения, многообразие смысловых центров. По сути, апелляция Протагора и его единомышленников к индивидуальному перцептивному опыту означала попытку совершить антропологический поворот в античной философии, подчинить ее дискурс принципу гносеологической презумпции субъективности.

Подвергнув сомнению и релятивизировав все, что считалось неприкосновенным, софистика вольно или невольно нарушила привычный ход интеллектуальной и культурной жизни, нанесла удар по архаическим (дофилософским) формам религиозного миропонимания, возбудила интерес к негативному анализу религиозных зачатков метафизики, поставила под сомнение возможность истолкования мира с привычных позиций внешнего наблюдения.

Против софистов, подрывавших греческую традицию, основы народной религии, оспаривавших возможность аподиктического знания, против их волюнтаризма и релятивизма и выступил Сократ.

Фридрих Ницше (1844–1900), избличавший философа как разрушителя греческой культуры, называвший его «антигреком», «первым декадентом», философия которого явила симптом «упадка жизни», «вырождения инстинкта» и т. д. и т. п., был не вполне прав [7]. Сократ – первый рационалист и моралист. Его кредо – разумность любой ценой, даже ценой отказа от природы (инстинктов), это правда. Так или иначе, философ заслужил эпитет декадента. Но он был не единственный, кто совершил нечто, в корне повлиявшее на культурный процесс Древней Греции и Запада. Революцию начали софисты, когда отказались понимать мир в формате религиозной традиции, как монополотно, целостность

которого продиктована богами, в религиозной мифологии выполнявшими функцию онтологических гарантов мирового смысла. Именно софисты бросили решительный вызов блаженной уверенности соотечественников в том, что их мифологическое мышление адекватно бытию. Пожалуй, софисты не меньше Сократа были «орудием разложения» дорефлексивных (дофилософских) форм греческой жизни. А, может быть, даже больше его. Во всяком случае, в контексте идейного спора своего времени Сократ, рассуждая диалектически, был скорее антитезисом, поскольку пафос его философствования основан на стремлении разработать альтернативу атеистическому тезису софистов. Философ хотел помочь соотечественникам, его целью было дать им лекарство от скептицизма, разрушавшего народную религию. Греки верили, что Зевс поддерживает мировой порядок и законы, Аполлон сообщает жизни гармонию и красоту, Афина Паллада оберегает мировую мудрость и разум. Сократ взялся защитить эту веру от нападков софистики. В сущности, его труд состоял в том, чтобы смутную и робкую метафизику народной религии, уязвимую для спекулятивной критики софистов, перевести с декларативного языка мифа на язык экспликативного мышления. Строго говоря, философский рационализм Сократа появился в ходе решения этой задачи. Афиняне, осудившие его за «богохульство», не поняли апологетической миссии, за которую он взялся. Они приговорили к смерти своего союзника.

Другое дело, что, апологетическая деятельность философа имела колоссальный побочный результат. Изобретая лекарство от скептицизма, афинский мыслитель изобрел подчинившее все обезличивающей дисциплине «калькулятивное» (если пользоваться определением философов-постмодернистов) западное мышление. Логоцентризм последнего в конечном счете девальвировал натуралистический, антропоморфный миф, приучил сознание к мысли, что мифологические представления – предрассудок.

Однако, противопоставляя свой рационализм скептическому иррационализму софистов, Сократ вольно или невольно трактовал свой метод, как альтернативу эмпиризму, в сущности, отождествив последний с иррационализмом. Идеальное было противопоставлено материальному, чувственному. Такая постановка вопроса означала начало методологического поворота, который в философии узаконил метафизическое удвоение действительности, девальвацию ценности эмпирической жизни.

Фридрих Ницше, имея в виду, что Сократ был, так сказать, метафизическим первопроходцем, установил «тиранию разума» и основанной на нем морали, считал его философию источником ложного движения общества, западной философии и культуры.

Платон, как известно, довел до крайнего напряжения диалектику различий умопостигаемого и чувственного, общего и единичного, построив на этом свою объективно-идеалистическую систему. Ее появление знаменовало основательный разрыв греческого духа, в лице

Сократа увидевшего метафизическую «трещину в бытии», с эмпирически ориентированными жизненными ценностями греческой культуры досократического периода.

Литература

1. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. – М., 1993.
2. Платон. Федон; Пир; Федр; Теэтет; Софист; Парменид // Сочинения: в 3 т. – М, 1970. – Т. 2.
3. Ницше, Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом // Сочинения: в 2 т. – М., 1990. – Т. 2.

ВОПРОСЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ БЕЛАРУСИ ПОЗДНЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В.В. Старостенко

На рубеже XVI – XVII стст. в произведениях полемической литературы и других памятниках отечественной общественной мысли обсуждались актуальнейшие проблемы конфессиональной, национально-культурной, общественно-политической жизни общества. Особое звучание в контексте Брестской церковной унии приобрела проблема свободы совести, выражавшаяся в дискуссиях о свободе вероисповедания.

Предвестником этой дискуссии можно считать работу П. Скарги «О единстве церкви Божьей», в которой уния рассматривалась как средство достижения «згоды» религиозного и гражданского мира в Речи Посполитой [1, с. 223–526]. В сочинениях белорусского идеолога и практика унии И. Потей в этой связи обосновывается «тлетворное» влияние реформационно-гуманистических идей, «злой» и «проклятой» Варшавской конфедерации [2, с. 665, 841, 849, 853]. Считая унию главной общенациональной и общегосударственной задачей, Потей оправдывал использование любых методов для её реализации, не исключая прямого насилия. «Помогите мне своею властью, – обращался он к канцлеру Сапеге, – и увидите, что я их так усмирю, что и другие побоятся, так как милостью мы ничего не подделаем с этим скотом»; «...пусть же хотя бы в католических и королевских владениях у нас будет власть наказывать злых и проводить святое единение» [3, с. 74].

Напротив, многие антиуниатские мыслители-полемисты одной из важнейших ценностей отечественной общественной жизни считали религиозную терпимость. Автор «Апокрисиса» Х. Филалет убеждён, что «в вере никому не треба кгвалту чинити», «ничого не есть так доброволного, як набоженство и вера» [1, с. 1008, 1798]. Защищая идею толерантности и свободы религии, полемист допускал переход в другую веру, считая его личным делом, велением собственной совести. Великим благом, залогом общественного согласия и мира он считал религиозную

свободу, закрепленную в Речи Посполитой законодательством и достигнутую без «долгого кровопролития из-за религии» [4, с. 42]. Взгляды полемиста созвучны скорининской идее «згоды» и «незгоды». Полемизируя с Потеем, Филалет утверждал, что общественное благо создаёт лишь та «згода», которая основана на доброй воле [1, с. 1174], тогда как политика преследований за религиозные убеждения нарушает «старожитную згodu и милости» [1, с. 1802], что ведет «до крушения... корабль Речи Посполитой» [1, с. 1732] [4, с. 42].

В 1599 г. была заключена Виленская конфедерация шляхты «греческаго» и «евангелическаго» исповедания, в Акте которой выражалась глубокая тревога в связи с забвением в Речи Посполитой интересов «общего блага», нарушением принципа «одинаковой и равной свободы» с «людьми римскаго исповедания». Заявлялось о необходимости строгого соблюдения норм Варшавской конфедерации 1573 г. как залога сохранения в стране «внутренняго согласия, любви, доверенности и общаго покоя» [5, с. 20-21].

Яркая и колоритная картина подавления религиозной свободы в Речи Посполитой, «нелитостивой...бествячейся унитской схизмы» [6, с. 41] создана М. Смотрицким. Он доказывал, что никакими доводами в пользу унии нельзя оправдать «угнетения, насилия, гонений... и других жестокостей над ни в чём не повинными людьми» [2, с. 1182], провозглашал заботу о сохранении религиозной свободы одной из основных обязанностей государства [7, с. 438]. По его мнению, «всякое государственное благополучие зависит от внутреннего мира в нём» и «ничто не приводит королевство к быстрейшему упадку и уничтожению, чем наступление на веру» [8, с. 178, 185].

Схожие идеи содержатся в работах Л. Древинского, А. Мужилковского, З. Копыстенского и других антиуниатских писателей. Так, Копыстенский неоднократно напоминает о традиции веротерпимости у «Россов» [9, с. 931, 1029, 1033, 1075, 1076 и др.]. Защищая свободу религии, автор Баркулабовской летописи апеллирует к праву, ссылается на сеймовые депутатские заявления, Варшавскую конфедерацию. Ситуацию после 1596 г. он оценивает как «турбоване Речи Посполитой», попрание «прав волностей наших», предостерегает «абы далее до крве сполней братии нашей розляня не пришло» [10, с. 185–186]. Многие суждения и оценки характеризуют баркулабовского историографа как сторонника идеи общественного согласия и веротерпимости. Автор с уважением относится к культуре, менталитету других народов. Повествуя о Смутном времени в России, он неодобрительно отзывается о Лжедмитрии I и его окружении, которое пренебрегало религиозными чувствами москвичей, «з русских церковей великое насмеванье чинили» [10, с. 191].

Показательно, что идея гражданского мира и согласия находила поддержку у трезвомыслящих политиков римско-католического вероисповедания. Широкую известность в обществе имело высказывание польского канцлера Я. Замойского: «если бы возможно было то, чтобы все

сделались папистами, я бы отдал половину моей жизни... но если кто будет делать вам насилие, отдам для вас всю мою жизнь, чтоб только не быть свидетелем этого принуждения» [11, с. 71]. Солидаризируясь с высказыванием Замойского, шляхтич-католик Ян Гербурт Щенский в сеймовой речи 1610 (? 1613) г. заявлял от имени «честных шляхтичей», что римско-католическая вера «несомненно самая ... истинная..., но если хотят ... принудить к ней насилием, то мы жизни не пожалеем, чтобы этого не случилось». Щенский призывал остановить насильственную унификацию общества, мотивируя это тем, что она провоцирует межрелигиозные и межнациональные конфликты в Речи Посполитой, угрожает существованию государства. Сохранение и процветание родины он напрямую связывал с жизнью в соответствии с законом: «Всякий честный человек, всякий любящий свободу и спокойствие страны, должен стремиться к тому, чтобы права и обычаи сохранялись» [11, с. 70–75]. Являясь одним из инициаторов унии, канцлер ВКЛ Л. Сапега первоначально осуждал религиозное насилие: «сам Господь Бог... не принимает слуг, которых ему доставляют путём принуждения и насилия». В религиозном фанатизме он усматривал причину «внутренних распрей, домашних раздоров», представляющих опасность для общего блага Речи Посполитой [4, с. 76–80].

Либеральный дискурс в общественной мысли Речи Посполитой по вопросам государственно-конфессиональной жизни и свободы совести не был принят большинством правящей элиты страны. По существу, на рубеже XVI – XVII вв. в истории Беларуси и Украины произошел очередной «цивилизационный разлом». Государство отказалось от озвученной в ренессансно-гуманистической мысли концепции веротерпимости, религиозный выбор был сделан в пользу локальной унии, насильственной конфессиональной конверсии граждан, что предопределило драматизм последующего религиозного и национально-культурного развития Беларуси и Украины, заложило многие конфликты и противоречия, не разрешенные до настоящего времени.

В условиях современной поликонфессиональной Беларуси этот урок истории весьма поучителен, но, к сожалению, во многом не осознан. Современные поиски оптимальной модели «государственной идеологии» могут сводиться к выбору некоего «конфессионального партнера», тогда как научно ориентированная государственная политика в конфессиональной сфере, учитывая многообразие культурного наследия Беларуси, в том числе существующие религиозные традиции, должна основываться не на вероисповедных интересах тех или иных общественных групп, а на конституционном принципе свободы совести в интересах всего народа Беларуси, всех граждан независимо от их отношения к религии.

Литература

1. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб., 1882. – Кн. 2.

2. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб., 1903. – Кн. 3.
3. Переписка литовского канцлера Льва Ивановича Сапеги // Литовские епархиальные ведомости за 1893 год. – Вильна, 1895. – С. 72–75.
4. Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. – Минск, 1991.
5. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. – Вильна, 1866. – Вып. 2. – 281, VIII с.
6. Маслов, С.И. Казанье Мелетия Смотрицкого на честный погреб о. Леонтия Карповича. – Киев, 1908.
7. Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов. – Киев, 1887. – Ч. 1. Т. 7. – XVI, 802 с.
8. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. – Минск, 1962.
9. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – СПб., 1878. – Кн. 1.
10. Полное собрание русских летописей. – М., 1980. – Т. 35.
11. Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. – Вильна, 1865. – Вып. 1.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИГНАЦЫЯ (ИГНАТИЯ) ЯКУБА МАССАЛЬСКОГО: ОПЫТ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО ПЕРВОИСТОЧНИКАМ

И.Б. Михеева

В конце 18 века восточноевропейский регион сталкивается с нарастающими идеологическими и социально-политическими трансформациями революционного характера. После роспуска в 1773 году Папой Климентом XIV ордена иезуитов и последовавшим закрытием большого числа иезуитских школ и коллегиумов польский Сейм пришел к выводу о необходимости организации новой системы образования. В этих целях было решено создать специальное управление, а обширное имущество распущенного ордена направить на образовательные цели. В результате создается Комиссия народного просвещения (*Komisja Edukacji Narodowej - KEN*), ставшая первой в Европе государственной централизованной школьной властью, которая не подчинялась никакому министерству, но зависела исключительно от Сейма (парламента). Деятельность КЕН явилась самой прогрессивной в Европе того времени в плане реформирования образования и повсеместно получила высокую оценку своей работы. Членами КЕН были назначены видные государственные деятели Польши - епископы Массальский, Понятовский, вице-канцлер Хрептович и князья Чарторыйский, Потоцкий, Замойский, а также другие представители шляхты, посвятившие себя учебно-воспитательным проблемам государства.

Первым председателем Национальной Комиссии по образованию (1773-1778) был епископ Вильнюса Игнацы (Игнатий) Якуб Массальский

(1726-1794). Однако, обвинённый в злоупотреблениях, он оставил должность в 1777 г., хотя продолжал оставаться членом комиссии до своей трагической смерти: он публично осудил восстание Костюшко, в связи с чем был арестован и без суда казнён в Варшаве. Прах был перевезён в Вильну в 1795 году и захоронен в Кафедральном соборе Святого Станислава и Святого Владислава.

К безусловным заслугам Массальского следует отнести, прежде всего, его деятельность по либерализации религиозной жизни в Литве. Например, по его инициативе была реорганизована Виленская католическая семинария и обновлена её программа (1763); он также добивался того, чтобы сельское низшее духовенство в своей деятельности пользовалось языками, понятными для паствы. Во-вторых, следует отметить его активную просветительскую и образовательную деятельность через пропаганду идей физиократов, поощрение просвещения крестьянства, создание в Виленской католической епархии сети начальных школ при костёлах, написание школьной программы семинарии с введением в нее предметов по изучению истории Литвы, польской литературы, французского языка.

Литературное и пастырское наследие Массальского в белорусской науке мало изучено [1] [2], поэтому необходима комплексная работа историков, религиоведов, философов и других специалистов по введению в научный оборот еще неизученных и непереуведенных авторских текстов. Основной их корпус находится в различных европейских библиотеках и фондах, например, в Библиотеке Академии наук Литвы в Вильнюсе (ранее - Библиотека Врублевских/ *Wróblewskich*), Библиотеке Вильнюсского Университета, Государственном архиве в Вильнюсе, Отделе рукописей польской Национальной библиотеки (*Biblioteka Narodowa*), Библиотеке Варшавского Университета (*Biblioteka Uniwersytecka w Warszawie*), библиотеках Люблина, Кракова, Вроцлава, Познани.

Пастырское наследие Массальского охватывает многочисленные тексты духовного характера, посвященные, в том числе, просветительским и образовательным вопросам того времени. В этом контексте следует говорить, прежде всего, о его Пастырских посланиях (*Listach pasterskich*) и Поучениях (*Rozporządzeniach*). Всю совокупность указанных первоисточников можно сгруппировать в несколько проблемно-тематических блоков.

К первому блоку можно отнести Пастырские послания, ориентированные на регламентацию жизни епархии (*diecezji*), т.е. касающиеся вопросов епархиальной администрации, костельной дисциплины, литургии и проч. К ним относятся послания и поучения Массальского от 1775, 1781, 1784, 1781, 1792 гг., особенно послания, датированные 04.02.1764 г. (об анкетировании прихожан); 24.07.1766 г. (о повышении уровня религиозной жизни прихода); 30.08.1775 г. (о фальшивых проявлениях набожности).

Далее, следует выделять перечень Пастырских посланий,

направленных на разъяснение и популяризацию решений и документов Святого Престола (Ватикана). К ним относится, например, послание Массальского, датированное 13.03.1775 г. (об избрании папы Пия VI и о посвященных этому событию торжествах).

Особую группу составляют Пастырские послания социально-экономической тематики. Наконец, в-четвертых, отдельно нужно говорить о Пастырских посланиях патриотической тональности, причем нередко – с выраженным политическим подтекстом, свидетельствующим об активном участии Массальского в деятельности по возрождению Речи Посполитой.

Необходимо подчеркнуть определенную условность данной классификации и отметить ее целесообразность, в первую очередь, с методологической точки зрения, поскольку она дает возможность первичной систематизации и предметного изучения пастырского наследия Массальского. В целом же подавляющее большинство текстов его авторства структурно политематичны и содержательно полисемантны.

В научный оборот, как нам представляется, целесообразно ввести следующие тексты Массальского, соответственно из трех вышеобозначенных групп первоисточников. Прежде всего, это Послание, датированное октябрём 1792 г. В этом тексте автор выражает озабоченность фактом распространения в среде духовенства просветительских идей, их использования в проповедях. Он отмечает: «...излагающий Христову науку обязан быть очень внимателен, дабы... при разъяснении истин божьих не осмеливаться ссылаться на максимы современных писак, своевольно размышляющих о религии и, следовательно, признанных апостолами фальши и скандальности» (Здесь и далее – цитирование в переводе И.М. по книге [3, с. 626]). Автор подробно обосновывает опасность чтения книг, «подозрительных с точки зрения обычаев и религии», говорит о пагубных последствиях подобной литературы, особенно для молодых людей, «часто неспособных сорвать маску фальши в лицемерных писаниях...»

Не меньший интерес для исследований представляет Послание, датированное 30.01.1771 г. Вообще в текстах, посвященных социально-экономическим вопросам, Массальский выступает как заботливый попечитель и бережливый хозяин вверенной ему епархии. Одним из серьезных обстоятельств, которые склонили епископа к этой тематике, стала эпидемия чумы 1770–1771 гг. В своем Послании от января 1771 г. он, прежде всего, отметил, что обрушившееся несчастье следует рассматривать как божью кару за прегрешения, как знак и призыв к покаянию, молитве и преображению. Квинтэссенцией первой части данного Послания является следующее предостережение автора: «Не прекращается несправедность наша, потому не прекращаются мучения наши [...] усиливаем свой гнев гневом, и потому Бог усиливает наказание наказанием». В качестве «приложения» к своему посланию Массальский дал целый ряд практических и профессиональных (а в условиях сельской малообразованности – доступных и простых для реализации)

рекомендаций по избеганию заражения и обеспечению нераспространения болезни. Особенное внимание он уделил разъяснению профилактических мер для священнослужителей, которые практически ежедневно исполняли свое духовное служение среди больных прихожан.

Послания, датируемые 15.03.1792 г. и 11.05.1792 г., являются еще одним доказательством ответственного и заботливого отношения епископа к своим прихожанам. Так, первое из них он написал в связи с катастрофическими ливнями и угрозой голода. Автор не только призвал всех к совместной молитве, но и настоятельно предостерегал от досрочного сбора урожая (недозревшего зерна). В этом же обращении к прихожанам и священнослужителям Массальский поднял весьма болезненную тему ремонта дорог, мостов и переправ, которые на территории Виленской епархии (по причине отсутствия государственных и общественных средств на эти цели) находились в плачевном состоянии. Здесь же Массальский демонстрирует активную заинтересованность в реформировании больниц и всей системы тогдашнего здравоохранения для бедных. Для поддержания этой реформы епископ использовал весь свой авторитет и власть. Так, в продолжение отмеченного выше послания, в своем обращении к соседним епархиям от мая 1792 г. Массальский призывает оказать помощь брошенным новорожденным и малолетним детям, которые содержались в Общей Больнице Младенца Иисуса (*Generalny Szpital Dzieciątka Jezus*).

Большое внимание Массальский уделял проблеме больных и бедных, о чем, в частности, свидетельствует содержание его Послания от декабря 1786 г. В этом тексте основной целью ставилось обозначение категории людей, которым епископ позволял на прошение подаяния у костелов, и одновременно – осуждение тех, кто был физически здоров, но от лени и праздного образа жизни занимался попрошайничеством.

Наконец, в Посланиях Массальского, датируемых 30.06.1767 г. и 16.07.1788 г., очевидна его активная гражданско-патриотическая позиция. Особенным драматизмом отмечены те послания, которые были посвящены печальным датам польской истории - датам военных поражений и общегражданских катастроф. Поднимая в своих текстах общенациональные вопросы, епископ старался привлечь к ним внимание простых прихожан. Этой проблематике было посвящено одно из первых посланий Массальского – от июня 1767 г. В нем, накануне первого раздела Польши, осознавая свои пастырские обязанности и волнуясь за уязвимое положение страны, он писал: «Вознесенная для кары рука Божья требует от каждого из нас большего покаяния и искупления посредством добра и милосердных поступков». Далее, реализуя сформулированную мысль, Массальский назначил на территории всей епархии трехдневный пост, призвал к совместной молитве во время сорокачасовой службы. В своих последующих посланиях, уже после состоявшегося раздела Польши, епископ выражал свою глубокую печаль в связи с трагедией народа и страны, а в Послании от июня 1788 г., посвященному собирающемуся

Большому Сейму (*Sejmu Wielkiemu*), он писал: «Приближающийся сейм – повод для нас умолять Господа, вместе с вами, дорогие братья, чтобы наделил нас духом мудрости, согласия и осторожности на благо родины...»

Литература

1. Масальскі Ігнацій Якуб // Мысліцелі і асветнікі Беларусі. Энцыклапедычны даведнік / Гал. рэд. Б. І. Сачанка. — Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1995.
2. Шалькевіч, В. Масальскі Ігнацій Якуб / В. Шалькевіч // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 3 т. / рэд. Г. П. Пашкоў і інш.— Мінск, 2005
3. Ks. Tadeusz Kasabuła Ignacy Massalski biskup wileński, [wyd.] RW KUL, Lublin, 1998.

XXI ВЕК: МИССИЯ И ПРИНЦИПЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Б.А. Медведев

Исторически проблематика Просвещения, начиная с XVIII века, не перестаёт быть актуальной, определяя своим содержанием степень совершеннолетия человечества на каждом из последующих этапов его развития. Ключевым моментам анализа и критики Просвещения были посвящены известные работы Канта, Фуко, Хоркхаймера и Адорно. Символично, что, по мнению М. Фуко, «...современная философия есть попытка найти ответ на вопрос, так неосторожно брошенный два века назад: что такое Просвещение?» [1]. По оценке Просвещения, данной Хоркхаймером и Адорно, «то, что не желает соответствовать мерилу исчислимости и выгоды, считается Просвещением подозрительным» [2]. Соглашаясь с этим, можно констатировать: символ Просвещения превратился в товарную марку, бренд высокотехнологичной цивилизации. Человечество отступило еще дальше от своего совершеннолетия, даже по сравнению с XVIII веком. Глобальный духовный кризис настолько порастил современную цивилизацию, что, согласно словам Луи де Бройля: «проблема заключается в том, как нам пережить свои собственные открытия»?.. Но каким образом можно «переместить» Просвещение из плоскости социума без морали в пространство с осями не только власти и знания, но и этики? Нам представляется, что вопросы Просвещения в XXI веке должны ставиться, прежде всего, в контексте гамлетовского вопроса, обращенного к нашей цивилизации. С актуализацией нравственного характера Просвещения и проблемы гуманизации высшего образования [3], миссия Просвещения в XXI веке полагается в обращении к совести человека как нравственному инстинкту, к совести, толкуемой В. Далем как «невольная любовь к добру и истине».

Миссия Просвещения в XXI веке представляется в инициировании дискуссии под знаком смысла жизни – дискуссии по предельным вопросам человеческого бытия, восходящего в гносеологии к метафизике

нравственных понятий. «Кто мы?»... И «куда мы идем?»

В соответствии с этой миссией Просвещение, по мнению автора, должно следовать следующим принципам:

1. Принцип Просвещения языком искусства. Рациональность сужает наше представление о реальности, выраженной только в виде логических структур. Нередко логика не имеет никакого отношения к жизни. «Прекрасное выше всякой логической категории» [4, с. 683]. Есть «Некий бессмертный инстинкт, гнездящийся глубоко в человеческом духе, — это, попросту говоря, чувство прекрасного» [5, с. 725]. По этой причине, художественное познание ближе к постижению истины. Просвещение языком искусства – в средстве выражения мысли через образ, способный донести истину до нравственного чувства. «Красота спасет мир» (Ф. Достоевский).

2. Принцип неопределенности в познании. Будущее время притягательно для креативной личности в силу индетерминированности его событий. Индетерминизм физики микро- и мега мира и принципиальная неточность, присущая гуманитарным наукам [6, с. 93–119] сближают естественнонаучное и художественное познание. Природа ищет выхода из лабиринта своих собственных законов, и в этом – её непрерываемое творчество. Бытие не только противится завершенности, но и его образам в нашем мышлении. Чем ближе мы в поисках к истине, тем больше она маскируется. Быть может и потому «...что, близясь к чаемому страстно, / Наш ум к такой нисходит глубине, / Что память вслед за ним идти не властна» (Данте). Постулируем: Чем ближе к сущности, тем дальше она от дефиниций. Утверждение бытия – в его потаённости. Картина мира, таким образом, не может быть естественнонаучной или художественной. Она может быть только их единством – миром эмоционального интеллекта, для которого размышление есть лишь метаморфоза переживания.

3. Принцип культуры познания. Если креативность есть свобода давать бытие, то она есть риск. В условиях глобального духовного кризиса креативность есть риск стихии необузданных открытий. И здесь актуален вопрос о мере познания. В этом контексте великое «Познай самого себя» отбрасывает тень соблазна лишить жизнь её тайны. В безудержности познания – необузданность человеческих страстей. У Протагора «Человек есть мера всех вещей...», но не предполагает ли это применительно к познанию бытия требование некоторой сдержанности, умеренности человека в его исследованиях? Здесь вместе с сентенцией Сократа «ничего сверх меры» вспоминается и другое: «может ли мерить вещи тот, у кого нет мерки даже для себя?» (Плиний Старший). Но если метафизическое по своей природе нравственное сознание, или совесть есть моральное самоограничение, то разве это не должно касаться, как мышления, так и самого познания? Постулируем: Культура познания – в мере его самоограничения. И если принцип культуры познания в своих крайних проявлениях либо возвышает познание до искусства созерцания, либо

низводит его до уровня логических абстракций, то не включается ли тем самым ментальность Востока и Запада в процессы познания единой картины мира?

4. Принцип сохранения в Просвещении феномена культурной памяти. Суть Просвещения как искусства – в одухотворении, или в творческом изменении протяжённости человеческой души. Просвещение – в дополнении «Я» – концепции, отнесенной к психологии креативной личности, принятием тезиса [7, с. 592–594]: «Я» – расширяющаяся вселенная, как интериоризация космоса в соответствии с представлениями Плотина: «...если мир мог стать еще большим, чем он есть, то и тогда, у души хватило бы сил на все, потому что и тогда он весь содержался бы во всей душе» [8, с. 32]. Просвещение одухотворяет прошлое и будущее время. Возьмём же в кавычки слова Прошлое и Будущее: они не имеют к природе никакого отношения. Разбегающаяся вселенная притягивается к «Я». Но не является ли тогда заблуждением приписывать прошлому времени пассивность? Разве память не требовательна? Разве она не взывает? Мышление обязано припоминанию как память – сердцу. Мышление по Хайдеггеру [9, с. 26] есть благодарность и, следовательно, мышление есть ответственность перед былым и грядущим. Рассматривая феномен культурной памяти, в контексте интерпретации категории присутствия М. Хайдеггера можно говорить о присутствии отсутствующих, как о сопричастности прошлого и будущего к настоящему. Мы все в Афинской школе Рафаэля. Мы все в соавторстве с ушедшими и с теми, кто придёт. «Мы – воздухоплаватели ума» (Ф.Ницше).

И в заключение: Позитивный ответ на гамлетовский вопрос, обращенный к техногенной цивилизации на пороге антропологической катастрофы, заключается для каждого человека, для гражданина только в одном – «в мужестве быть» /по Паулю Тиллиху/, в мужестве, говоря словами М. Фуко [1], «работы с нашими собственными пределами – терпеливого труда, придающего форму нетерпению свободы». Обращаясь к представлениям в «Исповеди» Августина о настоящем прошлом и настоящем будущем времени, мы высказываем мнение: Просвещение – в мужестве переживания человеком настоящего прошлого как памяти и в мужестве преодоления настоящего будущего как апокалиптического ожидания. отождествляя смысл жизни с творчеством, можно сказать: Просвещение есть страсть утверждения нашего существования под знаком смысла жизни, доказательства нашего присутствия, как события, которое может быть только проявлением любви и творчества. «Где нет любви, там нет и истины» (Л. Фейербах).

Литература

1. Фуко, М. Что такое просвещение? / М. Фуко // Вестник Московского университета. – Сер. Филология. – 1999. – № 2. – С. 132.

2. Хоркхаймер, М., Адорно Т. Понятие просвещения / М. Хоркхаймер, Т. Адорно / Диалектика просвещения. Философские фрагменты. – М., СПб., 1997. – С.16-60.
3. Медведев, Б.А. Гуманизация образования в области естественных наук: Глобальный контекст / Б.А. Медведев // Информационно-образовательные и воспитательные стратегии в современном обществе: национальный и глобальный контекст: мат-лы междунар. науч. конф., г. Минск, 12-13 нояб.2009г. – Минск, 2010. – С.188-191
4. Лосев, А.Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм / А.Ф. Лосев – М.: Искусство, 1980.
5. По, Э.А. Стихотворения и Новеллы...Эссе / Э.А. По. – М., 2009.
6. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.- С. 93-119.
7. Медведев, Б.А. Философские проблемы образования ума и сердца / Б.А. Медведев //Национальная философия в контексте современных глобальных процессов: мат-лы междунар. науч. конф., г. Минск, 16-17 декабря 2010г. – Минск, 2011. –С.592-594.
8. Плотин /Избранные трактаты / Плотин. Под ред. проф. Г.В. Малиновского. В 2-х томах. Том.2. М., 1994.
9. Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер. – М.: Академический Проект, 2007.

ТАЛЕРАНТНАСЦЬ ЯК АРГУМЕНТ РЭЛІГІЙНАЙ ПАЛЕМІЦЫ Ў ДУХОЎНЫМ ЖЫЦЦІ ВКЛ 17 СТ.

Д.А. Смалякоў

У 17 стагоддзе ВКЛ уваходзіць як краіна з перадавым паглядам на рэлігійныя вольнасці. Шматэтнічная дзяржава, якая знаходзілася паміж буйнымі рэлігійнымі цэнтрамі (Каталіцкая Польшча, Праваслаўная Масковія, Пратэстанцкая Швецыя) павінна была лавіраваць ў моры рэлігійнай і палітычнай канфрантацыі. Кансерватыўным базісам, які павінен быў утрымліваць дзяржаўную сістэму ад распаду сталася заканадаўства, якое замацавала рэлігійныя вольнасці. Не глядзячы на тое, што менавіта ў 16 стагоддзі каталіцтва замацавалася ў якасці дзяржаўнай рэлігіі моцная апазіцыя з боку дэсідэнтаў і небясьпека знішчэння краіны вымусіла прыняць шэраг рэлігійных актаў, такіх як Прывілеі 1563 г., 1568 г., Варшаўская канфэдрацыя 1573 г., Статут ВКЛ 1588 г. (разд. 3, арт. 3). Дадзеныя юрыдычныя захавы сфармавалі культурную глебу, дзе вышэйшай каштоўнасцю з'яўлялася талеранцыя, як базіс на якім захоўваецца агульная прастора, дзяржава.

Перыяд рэлігійных войнаў, а таксама ўнутрыпалітычныя канфлікты 17 ст. не маглі не паўплываць на дадзеныя каштоўнасці. Дзякуючы таму, што як пратэстантызм уяўляў сабой разнастайныя плыні, праваслаўе было раздроблена на уніяцтва і адноўленую праваслаўную іерархію, якая залежыла ад мяшчанскіх спонсараў, буйная юдэйская прысутнасць, так і

энергічныя спробы каталіцтва стаць рэлігійным базісам аб'яднанай нацыі выліліся ў атмасферу варожасці і недаверу кожнай канфесіі да іншай. Рэлігійныя канфедэрацыі яшчэ больш распальвалі агонь варожасці, а палемічная літаратура, якая была надзвычай папулярнай з канца 16 ст., раздмывала гэтае полымя яшчэ больш.

Разнастайныя войны з Маскоўшчынай, казацкія паўстанні, войны са Швецыяй, а таксама юдэйскія пагромы сведчылі пра тое, што старое заканадаўства ўжо не выконваецца. У той жа час былыя каштоўнасці не страцілі сваю актуальнасць. Менавіта здрада заканадаўству, жаданне адраччыся ад прынцыпаў талерантнасці і спакойнага сужыцця паміж канфесіямі былі асноўнай формай абвінавачвання паміж рэлігійнымі групамі. Чым больш нарастаў рэлігійны канфлікт, чым ярчэй разгаралася рэлігійная палеміка, тым больш каштоўнай рабілася талерантнасць.

Менавіта абарона талерантнасці з'яўлялася аргументам для распачынення шматлікіх рэлігійных канфедэрацый, павелічэння гвалту супраць уласнага насельніцтва, уступленне ў хаўрус з ворагам. Спробамі абараніць старыя вольнасці аргументаваліся акты гвалту. Парушэнне старых прынцыпаў было асноўным абвінавачваннем супраць тых, хто гэты гвалт чыніў. У 17 ст. пры казацкіх паўстаннях зрабілася відавочнай уся трагічнасць канфесійнай сітуацыі ў ВКЛ. Вайна казакаў з афіцыйным кіраўніцтвам дзяржавы наменавалася як рэлігійная, але толькі ў той ступені, што яна вядзецца дзеля абароны праваслаўя ад каталіцкага прыгнёту і ад уніяцкага заахвочвання. У той жа час, цягам паўстанняў аніводная рэлігійная група не пацярпела так, як цярпелі юдэі. Менавіта юдэі, вынішчаліся цалкам, а іх майном казакі расплачваліся са сваімі татарскімі хаўруснікамі.

Увасабленнем сапраўднай барацьбы ў культурным полі зрабіліся шматлікія ўзоры палемічнай літаратуры, палітычныя петыцыі, дэкларацыі, а таксама узоры эпістальнага жанру. Палеміка паміж праваслаўем і уніяцтвам вылілася ў абвінавачванні паміж бакамі ў парушэнні адзінства канфесіі, у канфесійнай здрадзе. Каталіцка-праваслаўная палеміка базавалася на абвінавачваннях паміж бакамі ў здрадзе дзяржаўных інтарэсаў, у нівіяванні прынцыпаў талерантнасці, альбо ў жаданні дэнансаваць старыя рэлігійныя вольнасці. Тыя ж абвінавачванні панавалі ў пратэстанцкім вымярэнні палемікі.

Такім чынам, талеранцыя з'яўлялася асноўным аргументам палемікі, а таксама базавай каштоўнасцю духоўнага жыцця ВКЛ 17 ст. Не гледзячы на перыяд рэлігійнай канфрантацыі, буйную колькасць актаў гвалту на рэлігійнай глебе каштоўнасць талеранцыі не губляла сваю актуальнасць. Рэлігійная канфрантацыя аперыравала не паняткамі дэнансацыі рэлігійных вольнасцяў, але наадварот – іх абароне.

ДОБРО И ЗЛО КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ: РЕМИНИСЦЕНЦИИ КАНТА И АРИСТОТЕЛЯ В ЭТИКЕ АНЁЛА ДОВГИРДА

Н.И. Мушинский

Добро и зло как антропологические феномены традиционно считаются фундаментальными категориями *этики* (нравственной философии, теории морали), поскольку из них как отдельные разновидности выводятся остальные понятия, такие как *свобода* и *ответственность*, *долг*, *совесть*, *честь*, *достоинство*, *счастье*, *смысл жизни*, даже повседневное следование нормам *этикета*. В этом качестве их рассматривало большинство наиболее выдающихся философов, от Аристотеля до Канта, в том числе яркий белорусский мыслитель Анёл Довгирд (1776 - 1835). У последнего в отношении *добра* и *зла* можно обнаружить прямые реминисценции великих предшественников, всё вместе позволяет рассматривать философию Беларуси как важную часть мирового наследия, моделировать с её помощью современные социальные процессы, осмысливать перспективы человека и человечества в первой четверти XXI века.

Этика Довгирда рационалистическая, при рассмотрении *антропологического* содержания *добра* и *зла* она опирается на логические методы, разработанные ещё Аристотелем в качестве основы научного познания. Довгирд подчёркивает, что по определению *логика* «есть наука мышления, взятого в её наиболее общем применении, или наука мышления о всех без исключения предметах» [1, с. 3], в том числе о проблемах *морали*. Он чётко разграничивает *логику* как науку и *мышление* как её предмет изучения (в обыденном сознании эти термины часто смешиваются): «Известно, что люди гораздо раньше мыслили и находили истину... , чем появилась логика или наука общего мышления» [1, с. 5 - 6]. *Мышление* изначально есть свойство каждого человека, однако, чтобы, не делая ошибок, заниматься наукой, *логику* необходимо изучать специально.

Довгирд с позиций материализма подчёркивает, что мыслительные способности существуют не сами по себе, а только как функция мозгового органа. Об этом свидетельствуют данные медицинской патологии: «На основании всех этих наблюдений можно сделать вывод, что та субстанция, которая в нас чувствует и сравнивает ощущения, имеет своё местонахождение в мозге» [1, с. 26]. *Логическое* мышление опирается на чувственное познание, на данные опыта, «человек сначала обладает ощущениями, а они возбуждаются в его душе не иначе, как только путём действия предметов на органы чувств» [1, с. 104]. Нет каких-либо «врождённых идей», абстрактное понятийное мышление через ощущения укореняется в объективной реальности. Материя - это то, «из чего складывается наша мысль и что только может быть в ней различимо... Понятие по природе нашего ума тесно соединено с ощущениями и только

благодаря абстрагированию может быть отделено от них и рассмотрено в себе самом» [1, с. 58–59]. Отсюда следует возможность научного познания окружающей действительности, в том числе *антропологического* смысла понятий *добра и зла*. Аналогичных воззрений придерживался Аристотель: «Таким образом, из чувственного восприятия возникает... способность помнить. А из часто повторяющегося воспоминания об одном и том же возникает опыт... Из опыта же... берут свое начало искусство и наука: искусство – если дело касается создания чего-то, наука – если дело касается сущего» [2, с. 345–346]. Аристотелевская силлогистика (дедуктивный вывод) опирается на индуктивное обобщение данных опыта, только таким способом возможно построение *натуралистической* (основанной на природе) *этики*.

Пытаясь найти объективный (автономный, априорный) критерий *добра и зла*, не связанный с конкретными условиями (с апостериорным содержанием гипотетического императива), И. Кант указывает: «Таким образом, существует только один категорический императив, а именно: *поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом...* Основание этого принципа таково: *разумное естество существует как цель сама по себе...* Практическим императивом, таким образом, будет следующий: *поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице всякого другого также, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству*» [4, с. 260, 270]. Довгирд пытается конкретизировать столь абстрактную формулировку *добра и зла* с позиций традиционного *эвдемонизма*: «Делай то, что способствует всеобщему счастью всех людей» [5, с. 198]. Он почти дословно переключается с Аристотелем: «Счастье, ...- это высшее и самое прекрасное [благо], доставляющее величайшее удовольствие, причем все это нераздельно» [6, с. 67]. Средством достижения *счастья* античный философ считал *добродетель*, которую трактовал как *середину* между избытком добра и его недостатком. Одним из видов середины является чувство стыда: «Обладание серединой возможно и в проявлениях страстей... так стыд (*aidos*) – не добродетель, но стыдливый (*aidemon*) заслуживает похвалы и... держится середины» [6, с. 90]. Поэтому А. Довгирд в противовес кантианству формулирует свой *нравственный закон*: «Так поступай всегда, чтобы не стыдно было рассказать всему миру о своём поступке и о побудительных мотивах, которые тебя к нему направили» [5, с. 198]. Отличие *добра от зла* не следует понимать буквально как не всегда уместную полную откровенность; как и в случае с кантианским категорическим императивом, необходимо *мысленно* представить, соответствуют ли планируемые действия потенциальному критерию искренности (иными словами, служат ли они выражением *добра*): «Эта наипервейшая основа моральности... должна быть практическим утверждением столь общим, чтобы из неё могли быть выведены все истины морали, даже те, которые относятся к отдельным

событиям» [5, с. 197]. Подобная интерпретация выражает диалектическую взаимосвязь интеллектуального рассуждения с волевым усилием: «Насколько разум познанием, а воля... рассудительным выбором направляют на какое-либо деяние, настолько это деяние... морально» [5, с. 168]. Предпринятая белорусским мыслителем попытка раскрыть *антропологическую природу добра и зла* сочетает кантианские поиски универсального первопринципа с аристотелевским эвдемонизмом на основе научно-рационалистического логико-философского анализа проблем морали.

После Довгирда антропологический феномен *добра и зла* продолжает оставаться одной из фундаментальных этико-философских проблем. В XX веке обострение техногенного кризиса породило разочарование во всемогуществе научно-рационалистического дискурса, в духовной культуре наметились тенденции иррационализма (яркий пример – программа «деконструкции логоцентризма», выдвинутая постмодернистской этикой; эту же задачу, в той или иной степени, решает вся неклассическая философия). Наука вынуждена защищаться, в результате этика *эмотивизма*, пытаясь решить проблему «демаркации научного знания», дискредитирует религиозную концепцию морали. Религия выводит *добро и зло* из высших сверхъестественных сил, существование которых, тем не менее, экспериментально недоказуемо (тезис о неverifiedируемости этико-нормативных суждений). *Интуитивизм*, в свою очередь, обвиняет материалистическую этику в «натуралистической ошибке», неспособности логически строго определить *добро и зло* через родовый признак и видовые отличия (поскольку *добро* является предельно абстрагированным крайним термином любой дефиниции). Только через обращение к структурам языка (косвенно отражающим объективированное содержание указанных категорий), *этике*, а вслед за ней и остальной философии, удалось сохранить научный статус; типичный пример – «языковые игры» (лингвистический анализ) позднего Витгенштейна, или знаменитый афоризм Хайдеггера: «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища» [7, с. 192]. Таким образом, повсеместный интерес философии XX – начала XXI вв. к языковым структурам далеко не случаен, он непосредственно обусловлен переосмыслением объективных критериев *добра и зла* в современных условиях. Тем самым, *этика* и *философская антропология* остаются фундаментальными дисциплинами, на основе которых только и возможно какое-либо философствование, способное дать человечеству новые нравственные ориентиры и обеспечить его практическое самовыживание (в контексте техногенных проблем современности).

Литература

1. Dowgird, A. Wykład przyrodzonych myślenia prawideł, czyli logika teoretyczna i praktyczna / A.Dowgird. – Połock, 1828.

2. Аристотель. Вторая аналитика // Аристотель. Соч. в 4 т. Т.2. – М., 1978.
3. Dowgird, A. O logice, metafizice i filozofii moralnej. Rozprawa / A.Dowgird. – Wilno, 1821.
4. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И.Кант // Сочинения: В 6 т. Т.4. Ч. 1. – М., 1965.
5. Dowgird, A. Filozofia moralna / A.Dowgird.- Ц.Г.Библиотека НАН Украины, отдел рукописей, А 2, рукопись № 4616.
6. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Соч. в 4 т. Т.4. – М., 1983.
7. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер – М., 1993.

НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Л.И. Новиков

Период Великого княжества Литовского занимает особое место в историческом развитии народа Беларуси и, соответственно, его политической мысли. Именно в этот период набирает силу процесс формирования этнического самосознания белорусов. Он проявляется главным образом в развитии родного языка, письменности, философской, политической и правовой мысли, бытовой культуры, устного народного творчества, приверженности православному вероисповеданию.

В Великом княжестве Литовском, Русском и Жамойдском в XIV — первой половине XVI вв., как и в других раннефеодальных государствах, шли процессы становления и дальнейшего развития феодальных отношений, феодального способа производства, отделения ремесел и торговли от сельского хозяйства. Одновременно проходило становление городов и поселков городского типа.

Благодаря своему выгодному географическому положению ВКЛ уже в первое столетие существования стало крупным торговым партнёром Запада и Востока. Сюда приезжали купцы из Крыма, Турции, Ирана. На международные рынки отправлялись меха, кожа, щетина, скот, сало, воск, лес и лен, а импортировались сельдь, соль, вина, полотно, сукно, шелк, бархат, олово, медь, серебро, золото, драгоценные и полудрагоценные камни, галантерея, пергамент, бумага. Кроме того купцы привозили из Европы произведения литературы и искусства.

Благоприятное положение ВКЛ, широкие контакты с внешним миром способствовали сравнительно раннему проникновению новых идей в белорусскую культуру, политическую и правовую мысль. В Беларуси появились произведения переводной литературы как церковного, так и светского содержания. Новые идеи передавались через представителей аристократической белорусской молодёжи из университетов Праги, Падуи, Кракова. А значит, жизнь белорусского народа в период ВКЛ не была изолирована от происходивших в других странах событий и явлений.

Кроме политических, экономических и юридических факторов, этноконсолидирующую функцию играл также и конфессиональный фактор. До середины XVI века большинство населения Беларуси исповедовало православие. Перечисленные факторы содействовали развитию и выработке единства языка и культуры. Из общеславянского древнерусского языка трансформировался белорусский язык. Его быстрому распространению и закреплению на всей этнической территории Беларуси содействовало то, что он был признан официальным государственным языком в ВКЛ, куда входили белорусские земли. На национальном языке издан Статут ВКЛ.

В период ВКЛ значительным успехам способствовали не только творческие способности белорусского народа, но и социально-экономические особенности развития территорий, относящихся к современной Беларуси, и выгодное географическое положение, позволившее обогащаться достижениями соседних народов и активно включаться в общеевропейский культурно-исторический процесс.

На развитии политической и правовой мысли, да и всей отечественной культуры в рассматриваемый период благотворно сказывался общий духовный подъем, охвативший европейские страны в эпоху Возрождения. Это время дало нам *Франциска Скорину* (около 1490 - не позднее 1552) - белорусского и восточнославянского первопечатника и просветителя, чья деятельность в области книгопечатания и формулирования в своих произведениях передовых политико-правовых идей, сыграла большую роль в развитии культуры XVI века. Книги Библии, на перевод и издание которых на национальном языке ушла основная часть творческой энергии Ф. Скорины, стали заметным явлением не только восточнославянской, но и европейской культуры. Франциск Скорина свои социально-политические взгляды изложил в предисловиях, послесловиях и комментариях к напечатанным им религиозным книгам. Аналитики справедливо отмечают, что Скорина явился первым мыслителем Беларуси, который поставил и рассмотрел проблему соотношения права и закона. Объясняя возникновение Законов, он разделил их на «неписаные» и «писаные».

В этот период творил *Микола Гусовский* (около 1470-1533) - европейски известный поэт-гуманист. Его поэма «Песнь о зубре» - это замечательный памятник отечественной литературы, философской и политической мысли, своеобразная энциклопедия жизни белорусов того времени. Особое место в творчестве Гусовского занимает идея национального патриотизма. «Песнь о зубре» написана как гимн своему отечеству, его стойкому и мужественному народу. Гражданским долгом писателя поэт считает просвещение и пробуждение национального сознания своего народа. С возмущением пишет Гусовский о страданиях и несправедливости простых людей, о произволе и безнаказанности их угнетателей. Будучи страстным патриотом, автор с любовью описывает родную природу, охоту на зубра, ратные и трудовые дела белорусов, восславляет

их героическое прошлое. Созданный в поэме монументальный образ зубра - это символ Родины, любовь к которой была главным источником творческого вдохновения поэта.

Микола Гусовский и Франциск Скорина заложили гуманистическую и свободолобивую традицию в истории духовных исканий белорусского народа.

Видными представителями белорусской политической мысли этого периода были также *Андрей Волан* (1530–1610), *Сымон Будный* (ок. 1530–1593), *Василий Тяпинский* (ок. 1540–1604), *Михалон Литвин* (XVI в.), *Л.И. Сапега* (1557–1633), *Петр из Гонендза* (между 1526/30–1573) *Якуб из Калиновки*, *Павел из Визны* (XVI в.); *Мартин Чеховиц* (1532–1613) и др. В их произведениях анализируются актуальные для эпохи Возрождения проблемы: происхождение и сущность государственной власти, идеалы справедливого правления, соотношение права и закона, естественные права человека, соотношение прав и свобод подданных. Эти произведения не уступали лучшим образцам западноевропейской политической мысли того времени. В целом уровень развития отечественной политической мысли в этот период получил свое закрепление в таких уникальных политико-правовых документах, как Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг.

Социально-политические и правовые идеи отечественных мыслителей рассматриваемого периода носили гуманистический характер. Между тем в общем потоке обсуждаемых общественных проблем и предлагаемых решений развивались два направления: умеренно-гуманистическое и радикально-гуманистическое.

Представители первого, *умеренно-гуманистического*, направления (Ф. Скорина, М. Гусовский, А. Волан, С. Будный, В. Тяпинский, М. Литвин, Л. Сапега и др.) выражали интересы феодального сословия и горожан, сознавали необходимость определенных общественных перемен, являлись приверженцами активной социальной деятельности в рамках существующих общественных институтов. Представители второго, *радикально-гуманистического*, направления социально-политической мысли (*Якуб из Калиновки*, *Петр из Гонендза*, *Павел из Визны*, *Мартин Чеховиц* и др.) в специфической, религиозно-теологической форме отражали интересы и общественные идеалы народных низов, стремились к радикальным социально-политическим переменам, считали необходимым проявлять социальную активность за рамками сложившихся общественных институтов. Если в содержании социально-политических и правовых идей представителей первого направления ведущей была раннебуржуазная тенденция, то у выразителей второго - народно-утопическая.

Обширен круг политических и правовых проблем, находившихся в поле внимания *Андрея Волана*. По каждой из них он стремился сказать новое слово. Волану по праву принадлежит приоритетная роль среди белорусских мыслителей в разработке гражданско-правовой концепции политики. Как в основном его трактате «О политической и гражданской

свободе», так и в других произведениях центральное место занимает анализ естественных прав людей, свободы, равенства и справедливости. Важнейшим прирожденным свойством человека Волян считал стремление к свободе. Условиями же свободы, по Волану, являются: гарантированная законом защита личных прав человека; подчинение закону всех без исключения государственных чиновников, в том числе и самого монарха, учреждение справедливых и независимых судов; решение конфликтов между людьми судом; подготовка квалифицированных и добросовестных юристов. Через понимаемую таким образом свободу мыслитель рассматривал и оценивал различные стороны общественной жизни.

Белорусская политическая мысль все больше обращается к проблемам дальнейшего исторического пути своего народа, развития его самостоятельности, единения с братским русским народом. Объективной предпосылкой актуализации в общественном сознании идеи воссоединения белорусов, как и украинцев, с русскими, является усиление социального и национально-религиозного гнета со стороны господствующих классов Польши. По мере роста мощи и значения Московского государства как общерусского центра идея воссоединения с русскими с середины XVI в. овладевает сознанием все новых слоев православного населения, а с середины XVII в. она становится доминирующей в умонастроениях широких народных масс.

Выразителем идей общерусского, восточнославянского единства является, к примеру, известный педагог и политический деятель *Афанасий Филиппович* (1597-1648). В 1638 г. он посетил Москву - с тем, чтобы попытаться убедить русского царя встать на защиту национально-религиозных прав белорусского и украинского народов. Эта миссия описана автором в работе «История путешествия в Москву». Перед нами предстает картина бедственного и несправедливого положения белорусского и украинского народов в Речи Посполитой после включения в ее состав ВКЛ. Надо заметить, что миссия Филипповича в Москве не была безрезультатной. Его «История путешествия» была представлена царю. Самого Филипповича приветливо и гостеприимно приняли в Посольской избе, тогдашнем внешнеполитическом ведомстве Российского государства. В Польшу же вскоре был направлен со специальным заданием царский посланник.

Дальнейшее обоснование и развитие идеи единения русского, белорусского и украинского народов получает в произведениях педагога и общественного деятеля *Стефана Зизания* (2-ая пол. XVI в. - нач. XVII в.), выдающегося белорусско-русского поэта, церковного и общественного деятеля *Симеона Полоцкого* (1629-1680), видного писателя и общественного деятеля, епископа белорусского *Георгия Конисского* (1717-1795). Каждый из этих мыслителей стремился привести понятные и убедительные для своих современников доводы в пользу защищаемой ими идеи.

Стефан Зизаний, к примеру, разработал оригинальное религиозно-

этическое учение, которое носило в тех условиях актуальный общественно-политический характер. Современное ему общество мыслитель рассматривает как своеобразное поле противоборства сил добра и зла. Воплощением первых выступают принявшие унию светские и духовные феодалы, «слуги Антихриста», которые погрязли в роскоши и телесных удовольствиях. Воплощением вторых является простой люд, «слуги Христа», которые борются против католицизма и унии. Это учение имело своей целью активизировать национально-религиозную и антифеодальную борьбу белорусского и украинского народов.

Георгий Конисский всю свою жизнь посвятил идее воссоединения белорусского, украинского и русского народов в единое Российское государство. В своих исторических исследованиях он исходит из того, что русские, украинцы и белорусы испокон веков являются братскими народами и что их объединяет не только общая вера, но и общая историческая судьба, общая духовная культура и общность языка.

Идеи, разрабатывавшиеся отечественными политическими мыслителями в период Великого княжества литовского прочно вошли в сознание белорусов, способствовали пониманию ими реальной угрозы утраты своей самобытности и стали основой дальнейшей борьбы передовых мыслителей и политических деятелей за национальное возрождение, за реализацию своих экономических, политических, культурных и религиозных прав.

КОНЦЕПЦИЯ СВОБОДЫ АНДРЕЯ ВОЛАНА

О.И. Давыдик

Понимание свободы в правовой и политической мысли Беларуси возникало под воздействием формирования полоцкого веча, где проявлялось своеобразное двоевластие: власть князя была сбалансирована властью и решениями веча. В целом, общая интеллектуальная тенденция касалась политико-правовых, духовных, культурных, социальных аспектов свободы, политического суверенитета, гражданственности.

Этому мы находим подтверждение как в летописях, списках и хрониках Великого Княжества Литовского, которые фиксировали исторические, политические и гражданские процессы государства и отображали движение и развитие мышления *civitas* и национального самосознания и самоидентификации, Статуте Льва Сапеги, так и в трудах Волана, Тяпинского, Будного.

Летописи и хроники эпохи Средневековья и раннего модерна характеризуются созданием и развитием локальных исторических и политических мифов, которые призваны были усилить роль «национального» (выражаясь языком модерной эпохи) в имперских пределах, породить концепты «патриотического», «локального», «чужого»

и «другого». Тем более, что означенный временной период ознаменовался многими преобразованиями на международной политической сцене, культурным и политическим давлением со стороны Московского княжества и Польской Короны. Таким образом, летописи и хроники представляют (если уже описывать их содержание в «снятом» виде) новую концепцию создания национального единства внутри Княжества, описывают магнатскую элиту, не прибегая к религиозной концепции власти, что позволило выделить уникальное место нации в мировой истории.

В труде «О политической, или гражданской свободе» (1572 г.) Андрей Волан предлагает изложение концепции свободы в реформистском ключе с опорой на сочинения Платона и Аристотеля. Автор приводит рассуждения о свободе и ответственности, о политическом выборе и обязанностях, возлагаемых на политика, а также о моральном долге и смысле жизни. Волан выстраивает концепцию как индивидуальной свободы граждан ВКЛ, так и свободу внутри политического (гражданского) сообщества, описывает взаимодействие законов и свободы, свободы и происхождения, роль элит в политическом процессе и пр. Все эти элементы необходимы для ясного понимания тонкостей политического мышления того времени, а также уяснения тех фундаментальных структур, которые присутствовали в мировоззренческой картине общества XVI в.

Волан полагает свободу неотъемлемой частью человеческого бытия, свобода дается каждому при рождении, никто не рождается рабом. Однако мера свободы, которая реализуется в последствие, не является равнозначной для всех субъектов: степень свободы опосредуется биологическими особенностями развития субъекта, а также первородным грехом, который изначально превратил человеческую моральность в несовершенную.

Но так или иначе, А. Волан в первую очередь ведет речь о политико-правовом аспекте свободы. Каждый субъект имеет право на справедливое отношение к себе, на защиту от насилия над своей жизнью и личностью, на неприкосновенность своего имущества. Таким образом, полагается гарантия этих свобод для представителей любого сословья, вне зависимости от происхождения.

Одним из интересных аспектов концепции свободы Волана является своеобразный диалектический принцип свободы и несвободы. Для человеческого существования, в силу биологических особенностей и первородного греха (который явился причиной войн, раздора, зависти и пр.) справедливы оба эти принципа. И в зависимости от степени проявления деструктивных элементов и степени злоупотребления свободой они переходят один в другой: подобно тому, как любая крайность переходит в свою противоположность, так и злоупотребление свободой превращает ее в рабство [1].

Таким образом, концепция свободы А. Волана является теоретической предтечей формирования раннебуржуазного понимания политической и правовой жизни.

Літэратура

1. Волан, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / пер. з лацінскай Ул. Шатона. – Мінск, 2009.

ПРАБЛЕМА АСЭНСАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНАГА БУДАЎНІЦТВА Ў ТВОРЧАСЦІ БЕЛАРУСКІХ КАТАЛІЦКІХ СВЯТАРОЎ

Г.І. Клімовіч

Сацыяльная тэматыка, увасобленая ў пытаннях дзяржаўнага будаўніцтва, пошуку каштоўнасцяў падмурка ідэалогіі - адна з цэнтральных для рэфлексіі ХХст. Таму зусім натуральна, што прадстаўнікі беларускай рэлігійна-філасофскай думкі засяроджвалі сваю ўвагу на дадзенай праблематыцы. Шырока яна прадстаўленая ў творчасці такіх беларускіх аўтараў як а.Леў Гарошка, а.Пётр Татарыновіч, а.Чэслаў Сіповіч, ускосна праходзіць у творчасці а.Фабіяна Абрантовіча і а.Адама Станкевіча. Станаўленне поглядаў на соцыум і дзяржаву праходзіла ва ўмовах канфлікту ідэалістычнай, прадстаўленай у дадзеным выпадку каталіцкай плыняй, і матэрыялістычнай плыняў. Тэарэтычны ўзровень асэнсавання нацыянальнай ідэі у творчасці беларускіх аўтараў пакуль што не знайшоў адлюстравання ў даследаваннях гісторыкаў філасофска-грамадскай думкі Беларусі, таму дадзены артыкул прысвечаны менавіта гэтаму пытання.

Трэба адразу адзначыць, што пытанне дзяржаўнага будаўніцтва асэнсоўвалася як на тэарэтычным, так і непасрэдна практычным узроўні. Да практычнага можна аднесці шматлікія выданні згодна з тэматыкай нацыянальнага пытання, такія як, напрыклад, вядомыя працы а.Адама Станкевіча, Дамініка Анісько “Для чыго добра. (Да справы беларуская мовы ў касцёле)”, “Да беларускага народу”, а.Ідэльфонса Бобіча “На што беларусам газеты”, а.Яна Тарасевіча “Беларусы ў святле праўды” і інш. Дадзены аспект стаў аб’ектам даследавання І.І. Траццяка “Культурна-асветніцкая дзейнасць беларускіх каталіцкіх святароў (пачатак ХХст. – 1939гг.)”.

Рэфлексія беларускіх аўтараў др.пал.ХХст., засяроджаная на праблематыцы ідэалогіі, фундаментальных катэгорыях каштоўнасцяў дзяржавы і грамадства застаецца па-за ўвагай, у той час як яна была прадстаўленая шэрагам прац, прысвечаных дадзенай тэматыцы. Так у даляглядзе беларускіх аўтараў прысутнічае пытанне выкарыстання ідэалогіі. А.Леў Гарошка ў нарысе “Ідэі” адзначае:

“Ідэалогія ўпарадкоўвае ідэі ў адным кірунку. Дзеля гэтага ідэалёгія,

калі яна сапраўды добра ўпарадкоўвае нашыя ідэі і нашае думаньне, можа даць ясны сэнс жыцьцю чалавека, паказваючы на апошнюю мэту і на спосабы яе асягненьня; яна можна мабілізаваць усе людзкія сілы, да асягненьня гэтае жыцьцёвае мэты, а тым самым яна стаецца магутным штуршком для дзеяньня” [1, с. 2].

Трэба адзначыць, што тэарэтычныя выкладкі а.Льва Гарошкі плаўна падводзяць да практычных высноў, якія скончваюцца рыгарыстычным заклікам захаваньня хрысціянскіх каштоўнасьцяў у якасьці асноватворнага падмурку дзяржаўнай ідэалогіі:

“Толькі тая ідэалёгія можа быць вечнай і павінна стацца мэтай жыцьця чалавека, якая можа быць асягнута кожным чалавекам на кожнай ступені культуры і ўва ўсякім веку. Такою адзінай ідэалёгіяю ёсьць хрысціянская, дзе кожны можа лёгка пазнаць і выконваць Божыя прыказаньні і праўды веры” [1, с. 2].

Працэс асэнсаваньня ўплыву хрысціянскай ідэалогіі ў якасьці форматворнай на тэарэтычным узроўні ажыццяўляецца ў тэматызацыі рэфлексіі над праблематыкай карэляцыі катэгорый палітыкі і рэлігіі ў грамадскім жыцьці. Адзначаецца агульнасьць ўзаемадзеяньня дадзеных аспектаў у суб’екце ўздзеяньня – чалавеку:

“Палітыка і рэлігія маюць супольны прадмет зацікаўленьня – чалавека, але абсяг іхняга дзеяньня вельмі розны. Рэлігія займаецца душою чалавека, як апошнюю мэту і адносінамі да Бога; палітыка-ж займаецца толькі дачасным жыцьцём чалавека ў яго грамадзкіх формах і ўзаемадачыненьнях. Але гэта толькі тэарэтычнае разьмежаваньне, бо практычна як не падзеліш жывога чалавека, так нельга разьмежаваць палітыку ад рэлігіі” [2, с. 1].

На думку а.Льва Гарошкі ў аснове ажыццяўленьня любога роду палітыкі і рэлігіі ляжыць тамісцкае паняцце “агульнага дабра”, яко прымусіае ўзаемадзеінічаць сферы рэлігіі і палітыкі:

“Для добрых суадносінаў паміж рэлігіяю і палітыкаю можа шмат прычыніцца агульнае ўсьведамленьне датычна сутнасьці гэтых суадносінаў. У шмат якіх дачыненьнях магчыма адзядзяліць Царкву ад дзяржавы з карысьцю для абедзьвех гэтых установаў, але нельга зусім разьмежаваць палітыкі і рэлігіі, як нельга падзяліць жывога чалавека, бо і палітыка, і рэлігія, маючы розныя апошнія мэты, маюць тую самую дачасную мэту, якою ёсьць агульнае грамадзкае дабро, або інакш кажучы, дабро чалавека. А гэтае дабро можна асягнуць дзеючы толькі згодна з агульным сусветным парадкам. Бо і сусветам і паасобным чалавекам кіруе тая самая Рука” [2, с. 2].

Тэматызацыя праблематыкі грамадства і дзяржаўнасьці адбываецца таксама ў аспекце рэфлексіі над спецыфікай узаемаадносін грамадскага і індывідуальнага, дзе перавага аддаецца індывідуальнаму пачатку. Так а.Ян Тарасевіч у сваіх працах адзначае першачнасьць ўдасканаліваньня асобы ў адносінах да грамадства:

“Асягненьне асабістае сьвятасці – гэта ёсьць найважнейшае заданьне

чалавека на гэтым сьвеце! Неразлучна з ёю зьвязаная сьвятасьць грамадства – гэта заданьне чалавека як грамадзкае адзінкі, асабліва тых, якія стаяць на чале грамадства. Бяз імкненьня да сьвятасьці чалавек і паасобна і як цэлае грамадства грашыць супраць людзкае натуры і супраць Божых прыказаньняў”[3, с. 2].

Адзначаецца сувязь паміж ідэалогіяй і рэлігіяй і на гістарычных прыкладах. Так, наракаючы на адмоўныя вынікі ўздзеяння рацыяналізму, увасобленьня ў атэізацыі грамадства а Леў Гарошка адзначае:

“Руіны доўга не астаюцца на паверхні зямлі. Або іх прыбірае дбайлівая рука гаспадара і нанова пачынае будову зруйнаванае рэчы, або яны зарастаюць пустазельлем, ці заносзяцца пяском. Таксама і руіны рэлігійных перакананьняў ня могуць астаўляць людзкага сэрца незапоўненым; або чалавек заўважаўшы сваю страшэнную страту, стараецца выправіць сваю памылку, або ўспрымае на мейсца рэлігіі розныя фальшывыя ідэалёгіі, якія вядуць да вечнай загубы” [4, с. 2].

Такога ж пункту гледжаньня прытрымліваецца Казімір Рог у нарысы “Загад часу”, аналізуючы працэс развіцця заходнееўрапейскай думкі ад часоў Рэнэсансу да эпохі мадэрнізму. Аўтар адзначае ўплыў светапогляду грамадства, прынятай сістэмы каштоўнасцяў на развіццё культуры, у тым ліку і архітэктуры. Працэс развіцця гісторыі ад часоў Рэнэсансу рэпрэзэнтаваны ў негатыўным азначэнні, абумоўленым антрапацэнтрычнай арыентацыяй, падобнай да антрапацэнтрычнага гуманізму Жака Марітэна:

“У XV веку прыходзіць час т.зв. рэнэсансу – адраджэньня. Гэта час, калі пасля ўпадку Візантыі ў Эўропе сталіся ведамымі творы старое грэцкае культуры і ажыло зацікаўленьне ёю, яе вяршком мастацкае красы... Чалавек пачынае ўзмоцненыя пошукі красы на зямлі, але і далей, як калісь мае цьвёрдую волю, гэтаю красою славіць Бога. Сьвятыні далей астаюцца, якія мала розняцца ад сьвятыняў. У мастацтве зьяўляецца вольная камапазіцыя; постаці сьвятых ажываюць і моцна падчыркваюцца іхныя людзкія рысы. Распачынаюцца пошукі земскіх вартасцяў” [5, с. 1].

Такім чынам, рэфлексія беларускіх аўтараў ў дзяржаўным будаўніцтве вылучае на першы план праблематыку ўзаемаадносін індывідуальнага і сацыяльнага, дыялектыку ўзаемасувязі светапогляду і ідэалёгіі, якая павінна ўвасобіцца ў выкарыстанні хрысціянскіх каштоўнасцяў, як адзінага магчымага шляху развіцця грамадства, дзяржаўнага і паміждзяржаўнага будаўніцтва, галоўнай задачай якога павінна быць ажыццэўленне катэгорыі “агульнага добра” і навяртанне да тэацэнтрычнага шляху развіцця.

Літаратура

1. Гарошка, Л. Ідэі // Божым шляхам. – 1950. – № 6–7. С. 1–3.
2. Гарошка, Л. Палітыка і рэлігія // Божым шляхам. – 1951. – № 58. – С. 1–2.
3. Тарасевіч, Я. Хрыстос – наш заўсёдны прыклад // Божым шляхам. – 1954. – № 58. – С. 2–3.

4. Гарошка, Л. Дух часу // Божым шляхам. – 1954. – № 60. – С. 1–2.
5. Рог, К. Загад часу // Божым шляхам. – 1951. – № 1. – С. 1–3.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КАНТОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СПОСОБНОСТИ ВООБРАЖЕНИЯ

П.С. Петровский

Концепция способности воображения является одной из самых несистематизированных и противоречивых в философии Иммануила Канта. Мыслитель сомневался в ней больше всех, что побуждало его периодически корректировать соответствующие разделы своих рукописей. Сегодня существуют два варианта издания «Критики чистого разума», где основная часть внесенных изменений приходится именно на воображение. Желая преодолеть дихотомию «рациональное – эмпирическое», «чувственность – рассудок», Кант испробовал различные варианты решения данной проблемы, в том числе путем определения нового места для воображения с его позитивным, творческим характером. Главный вопрос мыслителя – как возможны синтетические суждения априори – заставил его искать механизм соединения чувства и рассудка. Таким механизмом, по мнению немецкого классика, является трансцендентальная (продуктивная) способность воображения. Данное открытие роли воображения в теории познания должно было существенно изменить послекантовскую философию. Но, увы, обоснованная Кантом роль воображения, не сформировала новых направлений в исследовании гносеологической проблематики и не привела к переосмыслению старых. На наш взгляд, это негативно сказалось на дальнейшем развитии философии: ведь как последователи Канта, так и его критики не обращали должного внимания на воображение и по-прежнему придерживались оппозиции «чувственность – рассудок».

Кант определяет воображение как способность, имеющую свойство репродукции посредством закона ассоциации и творчества (продуктивности), посредством схемы, которая доставляет образ (продукт эмпирической способности продуктивного воображения) и означает правило синтеза воображения в отношении чистых фигур в пространстве [2, с. 142, 159]. Тем самым кантовская концепция предполагает рассматривать способность воображения как самостоятельную. Способность воображения формирует рассудок, а посредством соединения восприятий в самом чувстве она схватывает многообразное явление (функция синтеза впечатлений) [2, с. 648–649].

М. Хайдеггер через фундаменталь-онтологическую интерпретацию «Критики чистого разума» определяет трансцендентальную способность воображения как исток, начало, корень онтологического познания [3, с. 78]. Воображение у Хайдеггера получает заверченный вид того «нечто», которое отличает бытие от сущего, является его корнем. По Хайдеггеру,

воображение в своей основе имеет время, как чистую самоаффектацию [3, с. 114]. Благодаря своему творческому характеру, воображение свободно, способно формировать моральное самосознание.

На наш взгляд, как онтологический, так и гносеологический статусы воображения дают право определить его социально-философское место. Для этого нами вводится термин «социальное воображение», имеющий два направления интерпретации: гносеологическое и онтологическое. Социальное воображение в онтологическом понимании представляет основу социального бытия, т. е. формирует общественную деятельность посредством идей, концепций, форм мировоззрения. Гносеологическое осмысление предполагает рассматривать социальное воображение как инструмент схватывания общественных процессов и явлений для дальнейшего их познания. В данном случае исследователь имеет дело с образом социального процесса или социальной теории.

Социально-философское переосмысление воображения имеет отличительные особенности. Во-первых, носителями социального воображения являются группы людей, либо общество в целом. Во-вторых, социальное воображение возможно только при взаимодействии воображающих в определенной группе через деятельность. В-третьих, социальное воображение, в отличие от рассудка, связано с реальностью через образ, а в отличие от чувственности, формирует наличие самосознания Я воображающих. В-четвертых, социальное воображение на основе связи с действительностью может посредством памяти воспроизводить опыт, а через самосознание воображающих посредством свободного творчества проектировать различные возможности. В-пятых, социальное воображение на основании проектирования возможности в опыт, производит деятельность. Труд является деятельностью воображения, направленной на предмет.

Рассмотрение социального воображения как истока социальной онтологии предусматривает трансформации социальной действительности. Социальное воображение способно оказывать влияние на развитие цивилизации в направлении ее многоукладности. Не однополярность и биполярность, но многополярность. Многоукладность предусматривает плюрализм цивилизационных форм. Мы знаем, что социальное воображение, и воображаемое в частности, напрямую зависит от предмета и опыта. Хайдеггеровский термин *Dasein* (Вот-бытие) предусматривает привязку бытия к определенному пространству. Данный вид мышления бытия в его конкретной привязке к опыту основан на социальном воображении. Смыслообраз имеет отношение напрямую к явлению. Он отображает схваченное мышлением явление и подводит его под понятие [2, с. 159]. При этом доминирование рассудка стирает конкретность явления во всеобщности, а доминирование чувственности – растворяет самосознание в явлении. Только социальное воображение предусматривает сохранение связи с явлением (ибо отображает его) и осмысление смыслообраза явления самосознанием (т. к. воображение является истоком

самосознания). Общественная форма, основанная на социальном воображении, как область траекта (т. е. отношения между субъектом и объектом, траектории их соединяющей) [4], формирует новые формы взаимодействия между членами общества. Субъект-объектные отношения преодолеваются траектом социального воображения, что происходит на основе холистического принципа, объединяющего общество. Субъект-объектная схема является не полной потому, что общество представляет больше чем сумму всех своих частей. Этим «больше» выступает социальное воображение, которое создает общность, целостность общества, заставляет его творить и помнить.

Социальное воображение играет регулирующую роль между обществом и самосознанием, соединяя собой их в одно целое, но сохраняя самосознание в контексте общественной парадигмы. Человек чувствует себя частью общего не как кирпичик в стене, а как личность, творец этого общего. Социальное воображение регулирует его индивидуальное бытие посредством своих фундаментально-имагинативных предикатов.

Политическое является прямым следствием социального воображения. Господство социального воображения отказывает в инструментальном, техницистском подходе к политике, который является следствием доминирования рассудка. С другой стороны, доминирование социального воображения преодолевает изъян чувственности, ведущий к аффектированности средой.

Политическое, сформированное на социальном воображении, формируется по принципу траективности. Плюрализм, основанный на свободе, базируется на творчестве и имеет ответственность. Ответственность политического предшествует траекту общества. Сохранение общественной целостности является прерогативой траекта политического. Поэтому политическое, у которого в основе лежит социальное воображение, органично и целостно с одной стороны, многоукладно и плюралистично, с другой. Уничтожение этого качества приводит к фрагментации политического и общественного. Политическая ответственность формирует долг, который является формой ответственности. Долг направляет действие самосознания, во-первых, на почитание опыта политического, а во-вторых, на труд, т. е. поступок, в области политического. Почитание через долг несет сохранность политического посредством памяти смерти, а также его развитие посредством творчества дает надежду на будущее. Почитание памяти, закона, правила – это определенный путь выявления закона как основы определения поступка – сам по себе есть выявление самосознания как практически действующей самости.

Социальное воображение изменяет экономическое пространство. Экономика, основанная на господстве воображения, базируется на сверхиндивидуальных и внеэгоистических факторах, которые детерминируют субъект. Такая экономика отказывается от редукционизма (сведение всех критериев анализа общества к экономическим абстракциям)

и от универсализма (от аксиоматического положения, что все основные экономические законы действуют на всех исторических этапах и в любых обществах и, следовательно, одинаково применимы везде и ко всем). Воображение строится на диалектике продуктивности и репродуктивности, опыта и творчества. Поэтому воображение несет память и трансформирует посредством творения будущего ее в настоящем. Dasein Хайдеггера со своей онтологической конкретностью ярко характеризует это качество воображения [3, с. 132]. Экономика же, основанная на способности воображения, требует включения не только и не столько экономических абстракций, но и исторических, географических, психологических и иных факторов. Во-первых, воображение создает плюрализм экономических форм, зависимых от множества факторов. Ни одна экономическая модель не может претендовать на универсальность. Многие внеэкономические факторы влияют на экономический уклад. Во-вторых, воображение как основание и условие творчества, ответственности и свободы отказывается от приоритета прибыли как основного фактора экономики и предлагает фактор справедливости. Справедливость является творческой, ответственной и несет свободу. Следует обратить внимание на отличие справедливости от экономического равенства. Последнее предполагает распределение прибыли в равных пропорциях, которое не всегда является справедливым. Справедливость включает в себя не только распределение прибыли, но и отношение к тому, к кому эта прибыль распределяется. Именно это отношение и формирует само количество прибыли. Отношение зависит от творчества и ответственности получателя прибыли. Его свобода, основанная на творчестве и ответственности, является определяющим фактором прибыли. В этом отношении притязание самосознания на свободу определяется притязанием его на работу.

Таким образом, концепция социального воображения предполагает переосмысление имеющихся философских концепций. На наш взгляд, человечество прошло большой исторический путь, когда чаша весов склонялась то в сторону чувственности, иррационального, то в сторону разума, рационального. Сегодня пришел момент остановиться на истоке разума и чувственности и посмотреть на мир сквозь срединный, гармоничный путь способности воображения.

Литература

1. Бородай, Ю.М. Воображение и теория познания. – М., 1966.
2. Кант, И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского; сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; прим. Ц.Г. Арзаканяна. – М., 2009.
3. Хайдеггер, М. Кант и проблема метафизики / пер. с нем. О.В. Никифорова – М., 1997.
4. Durand, G. Les Structures anthropologiques de l'imaginaire. – Paris, 1960.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СВОБОДНОГО ВЫБОРА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Ж.-П. САРТРА

В.В. Ковальчук

В ходе развития философствования XX века, экзистенциальная философия Сартра возникает как особый вид антропологии и философии свободного субъекта. Вместе с главной темой своей философии – свободой, Сартр обосновывает проблему свободного выбора человека. Передавая во владение человеку его собственное существование, экзистенциализм утверждает, что выбор является качеством сознания, и что каждый существует для того, чтобы выбирать. Таким образом, выбор осуществляется внутри нас, в нашем сознании, где «... сознание есть целокупный синтез, оно целиком внутри самого себя» [1, с. 84]. Сознание – это и наша человеческая реальность, которая не обоснована и не оправдана, но все же стремится зачеркнуть эту неоправданность и стать обоснованной.

Выбор выступает сущностью человека, своеобразным способом отбрасывания и отрицания, это путь существования от того, кем мы были, к тому, кто мы еще не есть. Сам выбор осуществляется без каких либо основ, он может диктовать собственные причины, что является в свою очередь абсолютно абсурдным актом; выбор раскрывает сущность мира, будучи интенциональным. Экзистенция человека благодаря сознанию является свободной в своем внутреннем мире, она, будучи ничем не детерминированной, делает выбор, и посредством этого выбора создает сама себя. Осуществляемый человеком выбор – «...это выбор, формирующий не только неповторимое конечное единство, но также и посредством того же самого акта, сферу бытия, которая становится подлинным владением» [2, с. 101].

Одной из главных задач, которую стремится решить Сартр, не является ни сам свободный выбор, ни то, что человек его осуществляет. Главным является то, что в условиях, которые даны человеку для его существования, человек не может избежать этого выбора, ибо каждый человек обречен делать свой собственный выбор своего мира. «Мы всегда понимаем себя в качестве выбора своего собственного становления, созидания. Итак, свобода есть просто тот факт, что этот выбор всегда необусловлен» [3, с. 488]. Выбор человека, который является абсолютно свободным, в свою очередь, абсолютно неизбежен. Своим выбором человек создает самого себя, и необратимость этого выбора является фундаментальной в сартровской философии.

Каждый выбор возникает без всякого влияния ценностных предубеждений или условий. Следует заметить, что человек всегда исходит из целостности своего «Я», совершая выбор и реализуя его в поступке. Но все же, выбор каждого является сугубо индивидуальным, даже когда за всех выбирает только один. Эта индивидуальность выбора является

проявлением бытия «для-себя».

Свободный человек всегда на своем пути встречает определенные препятствия, и сопротивление обстоятельств инициирует его возникает в виде его свободного выбора, который возникает всегда, желанен он или нет. Когда человек переживает действительно критические ситуации в своей жизни, и выбора как такового у него нет, единственным остается то, что человек «обречен на свободу». Как утверждает Сартр, «свобода не может быть чем-то, до чего человеку нет никакого дела, что существует помимо человека само по себе» [4, с. 25], поскольку, свободное бытие человека осуществляется в ситуациях, которые возникают в результате человеческого выбора и посредством свободы.

Свобода и свободный выбор в философии Сартра выступают со своеобразным требованием тотальной личностной ответственности человека. «Сартр выбирает такой угол зрения, что вся его философия имеет как бы своим смысловым ядром утверждение личной ответственности человека за мир и свое бытие в мире» [5, с. 6]. Выбор мы делаем ежедневно, и каждый из нас несет за него ответственность. «... Человек, который на что-то решается и сознает, что выбирает не только свое собственное бытие, но что он еще и законодатель, выбирающий одновременно с собой и все человечество, не может избежать чувства полной и глубокой ответственности [6, с. 325].

Экзистенциализм Сартра, отдавая каждому человеку во владение его бытие, гласит, что человек не замыкаем в себе, он присутствует в человеческом мире, что и служит свидетельством экзистенциалистского гуманизма.

Литература

1. Сартр, Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология восприятия. – СПб., 2001.
2. Аббаньяно, Н. Структура экзистенциализма. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм / пер. с итал. А. Л. Зорина. – СПб., 1998.
3. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М., 2004.
4. Вольнов, В. Феномен свободы. – СПб., 2002.
5. Тузова, Т.М. Ответственность личности за свое бытие в мире: критика концепций французского экзистенциализма / Под. ред. А.А. Михайлова. – Минск, 1987.
6. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. – М., 1990.

ПРОБЛЕМА АУТЕНТИЧНОСТИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ Ч. ТЕЙЛОРА

М.Б. Завадский

С большой долей уверенности можно утверждать, что с конца XIX столетия аутентичность в качестве регулятивного и конститутивного принципа бытия самости становится центральной проблемой философской мысли. В явном или чаще скрытом виде идея аутентичности вдохновляет ряд наиболее значимых философских движений. Среди них нужно выделить, прежде всего, экзистенциализм, где аутентичность заявляется как приоритетная проблематика, а также марксизм и психоанализ, в которых аутентичность имплицитно присутствует в виде нередуцируемого горизонта социальных трансформаций и психики индивидуального субъекта. Однако и в начале XXI века проблема аутентичности не только не утратила своего значения, но, скорее, наоборот, её актуальность становится всё более очевидной. Это требует особого внимания к данной проблеме со стороны, прежде всего, философской рефлексии, поскольку именно она, как представляется, может показать истоки формирования данного идеала, осуществить критический пересмотр существующих форм его реализации и предложить проекты по гармонизации индивидуального и общественного модусов бытия современного человека.

В ряду современных исследователей проблемы аутентичности, среди которых нужно упомянуть, прежде всего, Л. Триллинга, А. Феррара, Ч. Гиньона, особое место принадлежит канадскому философу Чарльзу Тейлору. Его исследование современных истоков формирования современных понятий самости и аутентичности может быть признано в качестве парадигматического образца изучения проблемы аутентичности.

Тейлор исходит из положения о том, что аутентичность, понятая как моральный идеал индивидуального бытия, обладает амбивалентностью. Эту мысль высказывал уже Триллинг, когда отмечал, что аутентичность состоит, с одной стороны, в требовании подозрительности к социальной организации жизни и, соответственно, нравственности, а с другой, в соотнесённости самости с контекстами, трансцендирующими её пределы [3]. Основываясь на идеях Триллинга, Тейлор, исследуя вопрос об источниках самости, приходит к мысли, что идея аутентичности включает следующие компоненты: «этот идеал (А) охватывает (1) создание, конструирование и открытие, (2) самобытность (*originality*) и, часто, (3) оппозицию к правилам общества, а потенциально по отношению нравственности. Он также (В) требует (1) открытость горизонтам значений... и (2) самоопределение в диалоге» [2, p. 66].

Как видно из определения Тейлора, аутентичность является внутренне противоречивым понятием. Так, между указанными выше пунктами (А) и (В) существует очевидное напряжение. Одна сторона аутентичности связана с «самостными» механизмами самоформирования,

а вторая – с бытием в мире людей и культуры. Однако это не означает, что следует отдавать предпочтение какой-либо из сторон аутентичности. Если происходит артикуляция только одного или нескольких компонентов аутентичности при игнорировании остальных, то такой подход к пониманию аутентичности является искажённым, поскольку предполагает редукцию и сужение современного понятия самости. Это искажение способствовало распространению представлений о легитимности крайних форм индивидуализма. Индивидуализм, понятый как центрированность на самости, является, по мысли философа, не просто одним в ряду прочих вопросов развития современной цивилизации, но представляет собой главную тревогу современности.

Для преодоления индивидуализирующей трактовки аутентичности важную роль выполняет понятие горизонта значений. Согласно Тейлору, самость обретает целостность и самоидентичность только в рамках некоего морального пространства (*moral space*) или горизонта, которое задаётся определённого рода вопрошанием и ответом на этот вопрос. Ответ на вопрос о том, кто я есть, предполагает выяснение того, что является наиболее важным для меня, в какой точке морального мышления я нахожусь, куда движусь и как стал тем, кем я стал. Все эти вопросы разворачиваются вокруг представления о благе как ядре морального горизонта, которое определяет для самости её саму и то, что наиболее важно для реализации в жизни.

Представление о моральном идеале может быть поддержано в современных условиях только в форме так называемых сильных оценок (*strong evaluation*). «Думать, чувствовать, судить с точки зрения горизонта (*framework*), – утверждает Тейлор, – значит, действовать с мыслью, что некоторый способ действия и чувствования, образ жизни несравненно более значим для нас, чем другие...» [1, р. 19]. Мышление в рамках морального горизонта предполагает способность действовать с оглядкой на то, насколько индивидуальная жизнь реализует разделяемые с другими ценности, насколько близко или далеко она находится по отношению к благу.

Таким образом, идеал аутентичности не должен рассматриваться в качестве реализации модели самозамкнутой и центрированной на себе самости, поскольку аутентичность предполагает преодоление изолированности отдельного субъекта посредством приобщения к миру ценностей и признания диалогического характера формирования самости.

Предложенная Тейлором схема, на наш взгляд, позволяет распознавать патологии в реализации идеала аутентичности в концепциях самости и в конкретных социальных практиках и жизненных стилях современности. Так, в свете данного идеала постмодернистские трактовки самости (Ж. Деррида, М. Фуко, Р. Рорти и др.) можно обозначить, по меньшей мере, как непоследовательные. Как известно, философия постмодернизма в своём стремлении осуществить радикальную деконструкцию классического философского наследия и социальную

критику общественного порядка провозгласила «смерть субъекта», подразумевая под этим девальвацию представлений о человеке как рефлексивном, свободном, самосознающем существе. Самость часто опознаётся данными мыслителями в качестве эпифеномена социальных сил, языка, властных дискурсов, медиа-среды. Действительно, постмодернистские авторы подчёркивают (А.1.) конструктивную и креативную природу языков и используемых словарей для самоописания, однако они забывают об объективности существования ценностей (В.1.); они выхватывают экстремальные формы (А.3.) эстетики аморализма, забывая об интересубъективном и диалогичном характере существования (В.2.). Подобная ситуация наблюдается и в сфере массовой культуры, санкционирующей гедонистические и нарциссические формы существования. Нередко это приводит к тому, что современный человек замыкается в своём приватном мире, испытывая индифферентность по отношению к проблемам, которые формулируются из требований, выходящих за пределы самости. Таковыми являются экологические проблемы, политическое участие, ценности национальной культуры и т.д.

Можно рассмотреть и другой пример. Имплицитная концепция самости, лежащая в основании философии фашизма и большевизма предполагают открытость ценностям (В.1) и сильную идентификацию с сообществом (В.2), но при этом полностью нивелируют креативность (А.1.) и уникальность самости (А.2). Во всех этих случаях присутствует непоследовательность, поскольку все эти учения так или иначе апеллируют модерным понятием аутентичной самости, но при этом игнорируют принципиальные стороны этой идеи.

В этом аспекте важная социально-критическая и теоретическая задача в реабилитации современности может состоять в том, чтобы показать, каким образом практики и теории самости соотносятся с нормативными требованиями аутентичности.

Литература

1. Taylor, Ch. Sources of the Self. The Making of Modern Identity / Ch. Taylor. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1989.
2. Taylor, Ch. The Ethics of Authenticity / Ch. Taylor. – Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press, 1991.
3. Trilling, L. Sincerity and Authenticity / L. Trilling. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аваднёв Сергей Евгеньевич, слушатель командно-инженерного факультета Командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь.

Адуло Тадеуш Иванович, заведующий Центром социально-философских и антропологических исследований Института философии НАН Беларуси; доктор философских наук, профессор.

Азардович Сергей Александрович, аспирант кафедры философии Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка.

Алексеева Екатерина Александровна, доцент кафедры философии Института подготовки научных кадров НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент.

Анципович Николай Васильевич, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета; кандидат философских наук, доцент.

Бабосов Евгений Михайлович, заведующий отделом политической социологии и информационных технологий Института социологии НАН Беларуси; доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси.

Бабосова Екатерина Сергеевна, старший научный сотрудник сектора культурных инноваций Института социологии НАН Беларуси; кандидат социологических наук.

Бадилеану Марина, ведущий научный сотрудник Центра индустриальной экономики и сервиса Национального института экономических исследований Румынской Академии; доктор наук.

Байдаров Еркин Уланович, ведущий научный сотрудник Отдела религиоведения Института философии и политологии Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан; кандидат философских наук, доцент.

Балбуцкая Марина Александровна, младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси.

Балич Наталья Леонидовна, старший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси, кандидат социологических наук.

Баранцев Рэм Геннадьевич, профессор кафедры теории упругости Санкт-Петербургского государственного университета; доктор физико-математических наук, профессор.

Бардушко Андрей Николаевич, аспирант кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета.

Беляева Елена Валериевна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент.

Бобко Аркадий Иванович, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета культуры и искусств; кандидат философских наук, доцент.

Бобр Александр Михайлович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки БГУ.

Богатова Лариса Михайловна, профессор кафедры философской антропологии Казанского (Приволжского) федерального университета; доктор философских наук, профессор.

Богданович Алексей Борисович, заведующий кафедрой гуманитарных наук Командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь; кандидат исторических наук, доцент.

Бочарникова Наталья Анатольевна, старший преподаватель кафедры социальной политики, психологии и педагогики профессионального образования Забайкальского государственного университета.

Браницкая Ирина Николаевна, аспирант Института философии НАН Беларуси.

Булеарка Мариус, заместитель директора Центра индустриальной экономики и сервиса Национального института экономических исследований Румынской Академии; доктор философии.

Бурсевич Виктория Владимировна, преподаватель кафедры философии и политологии Белорусского государственного медицинского университета.

Вабалайте Рута-Мария Раймондовна, профессор кафедры философии Университета Миколо Ремерио (г. Вильнюс); доктор философских наук, доцент.

Веprinцев Николай Викторович, доцент кафедры «Техническая эксплуатация автомобилей» Белорусско-Российского университета; кандидат технических наук, доцент.

Вечер Лидия Степановна, доцент кафедры теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь; кандидат исторических наук, доцент.

Волнистый Андрей Григорьевич, преподаватель кафедры философских учений Белорусского национального технического университета.

Вольвачёв Раймонд Трофимович, доцент кафедры общей математики и информатики Белорусского государственного университета; кандидат физико-математических наук.

Габрусь Иван Федорович, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники; кандидат философских наук, доцент.

Габрусь Тамара Викторовна, ведущий научный сотрудник Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси; доктор искусствоведения, доцент.

Голубев Сергей Викторович, профессор кафедры философии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова; доктор философских наук, доцент.

Гончаров Денис Николаевич, аспирант кафедры философии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова.

Дабижа Кристина Вячеславовна, студентка Забайкальского государственного университета.

Давыдик Ольга Игоревна, аспирант, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси.

Дедюлина Марина Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Технологического института Южного федерального университета в г. Таганроге, Россия.

Демидов Александр Борисович, доцент кафедры философии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова; кандидат философских наук, доцент.

Дергаус Ирина Николаевна, преподаватель кафедры философских учений Белорусского национального технического университета.

Джеорджеску Луминита, научный сотрудник Центра индустриальной экономики и сервиса Национального института экономических исследований Румынской Академии.

Доброродний Данила Григорьевич, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук, доцент.

Дождикова Раиса Нуриевна, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета; кандидат философских наук, доцент.

Дольская Ольга Алексеевна, профессор кафедры философии Национального технического университета «Харьковский политехнический институт»; доктор философских наук, доцент.

Дромашко Сергей Евгеньевич, доктор биологических наук, доцент, руководитель Национального координационного центра биобезопасности при ГНУ «Институт генетики и цитологии НАН Беларуси».

Дубенецкий Эдуард Станиславович, ведущий научный сотрудник Отдела теории и истории белорусской культуры Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка; кандидат исторических наук.

Дубравина Александра Михайловна, аспирант кафедры философии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, преподаватель Гуманитарного колледжа Гродненского государственного университета.

Дьячкова Маргарита Анатольевна, доцент кафедры общей педагогики и истории образования Уральского государственного педагогического университета; кандидат педагогических наук, доцент.

Ермолович Дмитрий Валентинович, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники; кандидат философских наук, доцент.

Еровенко Валерий Александрович, заведующий кафедрой общей математики и информатики Белорусского государственного университета; доктор физико-математических наук, профессор.

Жмодикова Елена Анатольевна, преподаватель кафедры философии Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка.

Жоголь Надежда Николаевна, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета; кандидат философских наук, доцент.

Завадский Михаил Борисович, аспирант Института философии НАН Беларуси.

Зайковская Татьяна Владимировна, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси.

Захарова Наталья Евгеньевна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук.

Зеленевский Валерий Александрович, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук.

Ильюшенко Надежда Сергеевна, аспирант, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси

Ищенко Александр Анатольевич, соискатель кафедры философии Национального технического университета Украины «КПИ».

Ищенко Александр Анатольевич, соискатель кафедры философии Национального технического университета Украины «КПИ».

Казакова Валентина Александровна, старший преподаватель кафедры философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета.

Калмыков Владимир Николаевич, профессор кафедры философии Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины; доктор философских наук, профессор.

Кальянов Анатолий Владимирович, заместитель директора по научной работе Донецкого института Межрегиональной Академии управления персоналом; доктор медицинских наук, профессор.

Капитонова Татьяна Александровна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук.

Капустина Зинаида Яковлевна, заведующая научно-исследовательской лабораторией социокультурных проблем детства Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого; доктор культурологи.

Каримов Артур Равилевич, доцент кафедры философской антропологии Казанского (Приволжского) федерального университета; кандидат философских наук, доцент.

Каркин Юрий Владимирович, преподаватель кафедры гуманитарных наук командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь.

Карпинский Виктор Войцехович, доцент кафедры философии, руководитель Объединения кафедр социогуманитарных наук Гродненского государственного университета им. Я. Купалы; кандидат философских наук, доцент.

Кедрик Татьяна Васильевна, старший преподаватель кафедры «История, мировая и отечественная культура» Белорусского национального технического университета.

Кильчевский Александр Владимирович, директор Института генетики и цитологии НАН Беларуси; доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси.

Кириллова Ольга Николаевна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Донецкого института Межрегиональной Академии управления персоналом; кандидат филологических наук, доцент.

Киселёва Людмила Алексеевна, старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Климович Анна Игоревна, аспирант кафедры философии культуры Белорусского государственного университета.

Ковальчук Виталина Витальевна, аспирант кафедры истории и теории культуры философского факультета Львовского национального университета им. Ивана Франко.

Койпиш Анастасия Сергеевна, студентка факультета культурологии и социокультурной деятельности Белорусского государственного университета.

Колин Константин Константинович, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук; доктор технических наук, профессор.

Кононова-Григолец Анна Владимировна, магистрант Белорусской государственной академии искусств.

Короткая Татьяна Петровна, профессор кафедры философии Белорусского государственного экономического университета; доктор философских наук, профессор.

Котляров Игорь Васильевич, директор Института социологии НАН Беларуси; доктор социологических наук, профессор.

Кулаженко Лидия Евгеньевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории и истории культуры Белорусского государственного педагогического университета им. М.Танка.

Курбачёва Ольга Владиславовна, старший преподаватель кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; кандидат философских наук.

Курбыко Зинаида Семёновна, заместитель начальника Центра развития педагогического образования Белорусского государственного

педагогического университета им. М. Танка; кандидат педагогических наук, доцент.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич, директор Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент.

Лазаревич Наталья Александровна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент.

Легчилин Анатолий Александрович, заведующий кафедрой философии культуры ФФСН БГУ; кандидат философских наук, доцент.

Лойко Александр Иванович, заведующий кафедрой философских учений Белорусского национального технического университета; доктор философских наук, профессор.

Лойко Лариса Егоровна, заместитель начальника кафедры философии и идеологической работы Академии МВД Республики Беларусь; кандидат философских наук, доцент.

Лукашевич Владимир Константинович, заведующий кафедрой философии Белорусского государственного экономического университета; доктор философских наук, профессор.

Лукашов Алексей Ильич, юрист ООО «Юридическая группа "Вердикт Бай"»; кандидат юридических наук.

Лукашова Оксана Геннадьевна, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси.

Лученкова Елена Степановна, заведующая кафедрой философии Витебского государственного технологического университета; кандидат исторических наук, доцент.

Мазур Светлана Олеговна, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Барановичского государственного университета, аспирант кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета.

Макеева Елена Николаевна, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Национального координационного центра биобезопасности при ГНУ «Институт генетики и цитологии НАН Беларуси».

Максимович Валерий Александрович, и.о. заместителя директора Института философии НАН Беларуси по научной работе; доктор филологических наук, доцент.

Мамыкин Игорь Петрович, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета; кандидат философских наук, доцент.

Мансурова Асель Садритеновна, ведущий научный сотрудник Отдела религиоведения Института философии и политологии Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан; кандидат философских наук.

Медведев Борис Абрамович, доцент кафедры общей физики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; кандидат физико-математических наук.

Медведев Виталий Федосович, заведующий сектором мировой экономики Института экономики НАН Беларуси, доктор экономических наук, член-корреспондент НАН Беларуси.

Мельник Наталья Николаевна, аспирант кафедры социологии Белорусского государственного университета.

Миськевич Владимир Иосифович, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники; кандидат философских наук, доцент.

Михайлов Андрей Евгеньевич, заведующий кафедрой гуманитарных наук Кировской государственной медицинской академии Минздравсоцразвития Российской Федерации; кандидат философских наук, доцент.

Михеева Ирина Борисовна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент.

Молчанов Павел Юрьевич, аспирант кафедры философии Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка.

Морару Виктор Степанович, директор Института европейской интеграции и политических наук АН Молдовы; доктор политических наук, профессор.

Мушинский Николай Иосифович, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета; кандидат философских наук, доцент.

Мядель Александр Павлович, доцент кафедры философии Витебского государственного технологического университета; кандидат философских наук, доцент.

Наумова Елена Георгиевна, методист Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Наумович Ольга Анатольевна, младший научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси.

Неагу Корнелия, ведущий научный сотрудник Центра индустриальной экономики и сервиса Национального института экономических исследований Румынской Академии; доктор наук.

Никитенко Пётр Георгиевич, советник Председателя Президиума НАН Беларуси; доктор экономических наук, профессор, академик НАН Беларуси.

Николаев Михаил Сергеевич, аспирант кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета.

Николаева Евгения Михайловна, профессор кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета; доктор философских наук, доцент.

Никонович Наталия Анатольевна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси.

Новиков Владимир Тимофеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки БГУ.

Новиков Леонид Иванович, доцент кафедры гуманитарных наук командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь; кандидат философских наук, доцент.

Новикова Ольга Владимировна, кандидат философских наук, старший референт посольства РБ в Российской Федерации.

Новицкая Татьяна Евгеньевна, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси.

Оргии Вячеслав Петрович, профессор кафедры философии и политологии ЧУО «БИП-Института правоведения»; доктор философских наук, профессор.

Павицкая Светлана Юрьевна, старший преподаватель кафедры философии и истории Украины Одесской национальной академии связи им. А.С. Попова.

Павловская Ольга Александровна, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент.

Павлюкевич Вадим Иосифович, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси.

Паршута Ирина Николаевна, аспирант кафедры философии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова.

Петровский Пётр Сергеевич, аспирант Института философии НАН Беларуси.

Позняк Александра Валентиновна, заместитель главного редактора журнала «Адукацыя і выхаванне»; кандидат педагогических наук.

Попеску Каталин, научный сотрудник Центра индустриальной экономики и сервиса Национального института экономических исследований Румынской Академии.

Приходько Федор Степанович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и политологии Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, г.Горки, Могилевская обл.

Пунченко Олег Петрович, заведующий кафедрой философии и истории Украины Одесской национальной академии связи им. А.С. Попова; доктор философских наук, профессор.

Пушкин Александр Леонидович, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси.

Резанова Екатерина Владимировна, научный сотрудник НИИ теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь; кандидат социологических наук.

Ремишевский Константин Игоревич, доцент кафедры менеджмента социокультурной деятельности Белорусского государственного университета культуры и искусств; кандидат искусствоведения.

Романов Олег Александрович, доцент кафедры философии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы; кандидат философских наук, доцент.

Рудко Елена Антоновна, доцент кафедры философии Витебского государственного технологического университета; кандидат философских наук, доцент.

Русанду Иван Константинович, ведущий научный сотрудник Института европейской интеграции и политических наук АН Молдовы; доктор философии.

Рыбка Дина Петровна, главный специалист Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований; кандидат философских наук.

Рыбчак Светлана Владимировна, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси.

Савченко Владимир Кириллович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси.

Свобода Наталья Фёдоровна, доцент кафедры философии и истории науки Самарского государственного университета путей сообщения; кандидат философских наук, доцент.

Севостьянова Надежда Григорьевна, доцент кафедры философии и логики Минского государственного лингвистического университета; кандидат философских наук, доцент.

Семерник Снежана Здиславовна, доцент кафедры философии Гродненского государственного университета им. Я. Купалы; кандидат философских наук, доцент.

Сергеев Всеволод Николаевич, старший преподаватель гуманитарных наук Командно-инженерного института МЧС Республики Беларусь; кандидат исторических наук.

Серета Юлия Петровна, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси.

Сима Кристиан, научный сотрудник Центра индустриальной экономики и сервиса Национального института экономических исследований Румынской Академии.

Смоляков Дмитрий Анатольевич, аспирант кафедры философии культуры Белорусского государственного университета.

Смыкова Евгения Юрьевна, младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси.

Соколова Анастасия Андреевна, студентка 5 курса, факультета истории и юриспруденции Смоленского государственного университета.

Соколова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных наук, философии и права, проректор по

учебно-воспитательной работе Полесского государственного университета.

Соловьёв Андрей Александрович, доцент кафедры философии Волгоградского государственного технического университета; кандидат философских наук.

Солодкая Елена Антоновна, преподаватель кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

Сороко Эдуард Максимович, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; доктор философских наук, доцент.

Сосновская Наталья Александровна, младший научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси.

Сосновский Леонид Адамович, директор ООО «НПО "Трибофатика"», научный руководитель Межведомственной лаборатории «Трибофатика», профессор кафедры «Строительная механика» Белорусского государственного университета транспорта; доктор технических наук, профессор.

Спасков Александр Николаевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук, доцент.

Спектор Анна Артуровна, редактор редакционно-издательского отдела ООО «Харвест».

Старжинский Валерий Павлович, профессор кафедры философских учений Белорусского национального технического университета; доктор философских наук, профессор.

Старостенко Виктор Владимирович, заведующий кафедрой философии Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова; кандидат философских наук, доцент.

Сташкевич Ольга Леонидовна, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси.

Сумченко Ирина Вячеславовна, доцент кафедры культурологии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова; кандидат философских наук, доцент.

Тайсина Эмилия Анваровна, заведующая кафедрой теоретических основ коммуникации Казанского государственного энергетического университета; доктор философских наук, профессор.

Тамбиянц Юлиан Григорьевич, профессор кафедры социологии и культурологии Краснодарского государственного аграрного университета; доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент.

Таранова Елена Сергеевна, научный сотрудник НИЛ кафедры «Строительная механика» Белорусского государственного университета транспорта.

Тесля Андрей Александрович, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета; кандидат философских наук.

Тиковенко Анатолий Герасимович, судья Конституционного Суда Республики Беларусь; доктор юридических наук, профессор.

Титаренко Лариса Григорьевна, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета; доктор социологических наук, профессор.

Томюк Ольга Николаевна, старший преподаватель, заместитель заведующего кафедрой онтологии и теории познания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Тузова Тамара Михайловна, заведующая кафедрой философии и политологии ЧУО «БИП – Институт правоведения»; доктор философских наук, профессор.

Урсул Аркадий Дмитриевич, директор Центра глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета; доктор философских наук, профессор, академик АН Молдовы.

Фадеева Ольга Валерьевна, аспирант кафедры философии и истории науки Самарского государственного университета путей сообщения.

Хамутовская Светлана Викторовна, старший научный сотрудник отдела политической социологии и информационных технологий Института социологии НАН Беларуси; кандидат социологических наук.

Цепкало Валерий Вильямович, директор Администрации Парка высоких технологий (г. Минск); кандидат юридических наук.

Цымбалюк Елена Анатольевна, доцент кафедры философии и истории Белорусского государственного университета физической культуры; кандидат педагогических наук, доцент.

Цыра Александра Васильевна, аспирант кафедры философии, преподаватель кафедры сетей связи Одесской национальной академии связи им. А.С. Попова.

Червинская Ирина Александровна, аспирант Института экономики НАН Беларуси.

Червинский Александр Сергеевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; кандидат философских наук

Чумак Светлана Петровна, ученый секретарь Института европейской интеграции и политических наук АН Молдовы; доктор экономики.

Шершнёва Ольга Александровна, аспирант кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета.

Шилина Екатерина Алексеевна, аспирант Института социологии НАН Беларуси.

Шилина Наталия Евгеньевна, доцент кафедры философии и истории Украины Одесской национальной академии связи им. А.С. Попова; кандидат педагогических наук, доцент.

Широканов Дмитрий Александрович, научный сотрудник НИЧ Белорусского государственного университета.

Широканов Дмитрий Иванович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси; доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси.

Шконда Владимир Валентинович, директор Донецкого института Межрегиональной Академии управления персоналом; кандидат технических наук, профессор.

Шкор Лидия Александровна, доцент кафедры белорусской и мировой художественной культуры Белорусского государственного университета культуры и искусств; кандидат искусствоведения.

Эйнгорн Нонна Константиновна, профессор кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; кандидат философских наук, профессор.

Научное издание

**Довгирдовские чтения III:
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ**
**Материалы международной научной конференции
г. Минск, 26–27 апреля 2012 г.**

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 16.12.2012 Формат 60x84_{1/16} Бумага офсетная

Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 39,5 Уч.изд.л. 39,7

Тираж 100 экз. Заказ № 1556

ИООО «Право и экономика» Лицензия ЛИ № 02330/0494335 от 16.03.2009

220072 Минск Сурганова 1, корп. 2 Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66

E-mail: pravo-v@tut.by Отпечатано на издательской системе KONICA MINOLTA
в ИООО «Право и экономика»